

**УРАЛ—АЛТАЙ: БЫУАТТАР АША
КИЛЭСЭККЭ**

**УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В
БУДУЩЕЕ**

УДК 8:389:7 (063)
ББК 81:83:82:85

Урал—Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. — 414 с.

ISBN 9-785916-080421

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников IV Всероссийской научной конференции “Урал—Алтай: через века в будущее”, посвященной III Всемирному курултаю башкир. В статьях нашли отражение проблемы развития языков, культур и истории народов Урало-Алтайского региона.

Редакционная коллегия:

**Ф. Г. Хисамитдинова, М. Х. Надергулов, Р. Н. Сулейманова,
Н. Ф. Суфьянова, Г. Р. Хусаинова, Р. М. Юсупов, А. Ф. Илимбетова,
Н. В. Ахмадиева**

Составитель: Р. Н. Каримова

ISBN 9-785916-080421

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010

РФА Өфө филми үзәге
РФА ӨФҮ Тарих, тел һәм әзәбиәт институты
Башкортостан Республикаһының дәүләт телдәре советы
Башкортостан Республикаһының Йәмғәт палатаһы
Башкортостан халыктары ассамблеяһы
Башкорт катын-кыздары йәмғиәте

*Филология фәндәре докторы,
профессор Ф.Ф. Хисамитдинованың
юбилейына*

УРАЛ—АЛТАЙ: БЫУАТТАР АША КИЛӘСӘККӘ

III Бөгә донъя башкорттары королтайына арналған
IV Бөгә Рәсәй фәнни конференция материалдары
(25-27 март, 2010 й.)

І ТОМ

ФИЛОЛОГИЯ

Өфө - 2010

Уфимский научный центр РАН
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
Совет по государственным языкам Республики Башкортостан
Общественная палата Республики Башкортостан
Ассамблея народов Башкортостана
Общество башкирских женщин

*К юбилею
доктора филологических наук, профессора
Фирдаус Гильмитдиновны Хисамитдиновой*

УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В БУДУЩЕЕ

Материалы IV Всероссийской научной конференции,
посвященной III Всемирному курултаю башкир
(25-27 марта 2010 г.)

I ТОМ

ФИЛОЛОГИЯ

Уфа - 2010

**Уважаемые участники Всероссийской конференции!
Дорогие гости!**

Сердечно приветствую вас в столице Республики Башкортостан – городе Уфе!

Заявленная для обсуждения тема “Урал-Алтай: через века в будущее” чрезвычайно актуальна в сегодняшних условиях. Об этом свидетельствует и состав участников, представляющий собой цвет академического и вузовского сообщества многих регионов страны.

Отрадно, что насыщенная программа конференции направлена на поиск новых путей и принципов сохранения этнического своеобразия народов в условиях глобализирующегося мира, укрепление патриотизма и гордости за нашу великую родину – многонациональную Россию.

В Башкортостане созданы все условия для реализации конституционных прав граждан на сохранение и свободное развитие языков, национальных культур, удовлетворения потребностей в области культуры, образования и информации. Принят целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты национальных отношений, выполняются долгосрочные целевые программы.

Считаю, что на нынешнем этапе государственного строительства особенно важно сохранить все, что связывает братские народы России столетиями общей истории и сотрудничества. Основой межнациональных отношений должны и впредь оставаться доверие, открытость, взаимоуважение, диалог и созидание.

Уверен, что нынешний форум также внесет достойный вклад в осмысление современного состояния истории и языков народов Урало-Алтайского региона, его решения будут способствовать гармонизации межнациональных отношений, укреплению духовных основ Российской Федерации.

Желаю вам здоровья, благополучия и счастья, плодотворной работы, успехов во всех ваших добрых делах!

Президент
Республики Башкортостан

М. Рахимов

СТАРЕЙШИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В УРАЛО-АЛТАЙСКОМ РЕГИОНЕ

В Урало-Алтайском регионе функционирует 8 гуманитарных институтов Российской академии наук. Из них старейшим и крупнейшим является Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Созданный в 1932 г. как Институт национальной культуры, Институт истории, языка и литературы прошел нелегкий, но славный путь научного поиска и созидания.

В истории Института условно можно выделить два периода: советский и постсоветский. Советский период Института связан с советской эпохой в жизни страны. Поэтому все плюсы и минусы эпохи не могли не отразиться в судьбе Института. Культурная революция, политические репрессии, Великая Отечественная война, «оттепель» 60-х годов — ничто не прошло без следа как в судьбе Института, так и судьбе его сотрудников. В первые годы Институт в основном выполнял прикладные задачи, т.к. насущные задачи языкового строительства, связанные с разработкой письменности, норм литературного языка, правил орфографии, сбором диалектологического и фольклорного материалов, составлением словарей, первых учебников по башкирскому языку и литературе, в то время мог решать только этот Институт. Именно в те годы сотрудниками Института была разработана, внедрена башкирская письменность сначала на латинской, позднее на славянской графической основах. Были разработаны, позднее усовершенствованы правила орфографии и орфоэпии башкирского языка. Решались проблемы нормирования литературного языка, составления и издания двуязычных терминологических словарей, учебников и учебных пособий по башкирскому языку и литературе. Практическая направленность в работе Института подчеркивалась решением бюро обкома, в котором говорилось, что «вся работа Института должна быть тесно увязана с практикой и направлена целиком и полностью на службу социалистической культуры».

С первых дней своего создания Институт активно включается в разработку фундаментальных научных проектов. Так, еще в 1932-1936 гг. коллективом историков Института был подготовлен первый том «Истории башкирских восстаний». Академиком М.К. Любавским были подготовлены монографии «Землевладение и землепользование в Башкирии в XVIII — XIX вв.», «Вотчинники-башкиры и их припущенники в XVII — XVIII вв.», «История Башкирии» в 4 томах. Что же касается филологического и искусствоведческого направлений, то по ним в первые годы существования Института большое внимание уделялось собирательской работе. Собранные материалы позднее дали возможность не только ввести их в научный оборот, но на их базе создать ряд монографических работ по диалектологии, фольклористике и археографии.

Однако многие теоретические работы Института, написанные в 30-е годы XX в., не были опубликованы в силу известных причин 30-х годов. Ряд сотрудников Института были изгнаны, репрессированы, шесть человек были расстреляны. К концу тридцатых годов Институт был

обескровлен. Не успел Институт до конца оправиться, как началась Великая Отечественная война. Уже в первые годы войны Институт был на грани закрытия. У него отобрали здание, имущество, библиотеку, которые были переданы эвакуированной Академии наук Украинской ССР. В Институте в разные военные годы числилось от двух до семи человек, но, несмотря на это, Институт продолжал работу по составлению большого русско-башкирского словаря, сборников по фольклору, написанию монографий по истории Башкортостана, войне и творчеству отдельных писателей.

В 1951 г. в связи с организацией в республике Башкирского филиала АН СССР Институт истории, языка и литературы становится академическим учреждением. Академический статус способствовал бурному развитию Института, оживлению интеллектуальной жизни в республике. В Институте появились новые подразделения, направления; активизировалась экспедиционная, архивная и археографическая деятельность, повысилась остротенность кадров, расширились контакты с научными учреждениями Советского Союза, появились контакты с зарубежными коллегами, увидели свет фундаментальные исследования по истории Башкортостана, археологии региона, этнографии, этнологии, фольклору, литературе и языку башкирского народа. В эти и последующие годы советского периода увидели свет многие крупные монографии, публикации документов, своды, академические словари. Хочу лишь напомнить о своде «Башкирское народное творчество» в 18 томах, обобщающей коллективной монографии «История башкирской литературы» в 6 томах, серии «Археология и этнография Башкирии» в 5 томах, диалектологическом словаре в 3 томах, толковом словаре в 2 томах и других бесценных трудах наших предшественников, не потерявших актуальности и сегодня.

Значительным событием в жизни археологии Южного Урала явились раскопки Филипповских курганов под руководством А.Х. Пшеничнюка. Материалы курганов получили мировую известность и выставлялись позднее во многих известных музеях мира.

К концу 80-х годов Институт не только встал на ноги, но и превратился в один из крупных и авторитетных гуманитарных научных центров Урало-Алтайского региона.

Пришли 90-е годы, которые знаменуются переходом к рыночной экономике и демократизацией общества. У Института появились новые возможности в реализации творческих идей, введении в научный оборот ранее запрещенных источников. Однако демократизация общества сопровождалась обвалом в экономике, резким снижением материального благосостояния населения страны. Безусловно, все это не могло не отразиться и в судьбе науки. Как и многие академические институты, Институт истории, языка и литературы пережил ряд реорганизаций и сокращений. Сократилось финансирование. Из бюджета Института исчезли статьи, связанные с экспедициями, научными командировками, конференциями. Перестали выходить монографии и сборники. Сократились защиты как докторских, так и кандидатских диссертаций. В сложившейся ситуации как научные сотрудники, так и руководство Института не могли не испытать шока

от таких потрясений, что привело к стагнации многих направлений в Институте.

Активизация научной жизни начинается с конца 90-х годов. Благодаря участию в научно-технических программах Академии наук Республики Башкортостан Институт начинает разрабатывать новые перспективные темы. После принятия закона «О языках народов Республики Башкортостан» Институт получил возможность не только разрабатывать, но и издать ряд своих монографий, терминологических и двуязычных словарей. Благодаря поддержке Президента и Правительства республики стало возможным проведение крупных международных и всероссийских научных форумов с участием от 300 до 1000 человек. Годы перестройки и последующий постсоветский период потребовали от ученых и руководства Института определенного пересмотра методологии, тематики исследований. Общественно-политические и идеологические перемены в стране вызвали к жизни необходимость более полного изучения историко-культурного наследия башкирского народа независимо от прежних классовых, идеологических пристрастий, пересмотра и осмысления проделанного в предыдущие годы. Все это способствовало дальнейшей активизации научной жизни Института, особенно в последнее десятилетие. Впервые, у Института появился опыт работы в новых условиях, что выразилось в участии сотрудников в конкурсах на получение исследовательских и издательских грантов РГНФ и РФФИ, а также ФФИ АН РБ. Только в 2009 г. Институт получил 11 грантов РФФИ, РГНФ и 1 международный грант. Кроме грантовой деятельности, Институт научился работать с программами фундаментальных исследований Президиума и Отделения историко-филологических наук РАН, а также республиканскими и федеральными целевыми программами. Так, например, только в 2009 г. Институт принимал участие в выполнении 8 программ, причем 5 из них являются федеральными.

Участие в выполнении различных программ и грантовых проектов помогает Институту решать проблемы организации научных командировок и экспедиций, проведения научных конференций и издания их материалов, приобретения компьютеров и другой техники, а также позволяет иметь определенную прибавку к зарплате сотрудников-участников федеральных и республиканских программ и проектов. Следует отметить, что участие в целевых программах, получение грантов – это не только дополнительные деньги. Это и поднятие авторитета ученого, работа на престиж, имидж Института, республики в целом. Если сотрудники Института выигрывают конкурсы на участие в федеральных целевых или академических программах фундаментальных исследований, а также грантовых проектах, это значит, что их исследования перспективны, представляют научный интерес, какой бы фундаментальной или прикладной темой Институт не занимался. Так, например, Институт в 2009 г. практически все федеральные программы и гранты выиграл казалось бы за чисто республиканскую тематику – за проекты по башкирскому языку, литературе и фольклору. Появление опыта работы в новых условиях позволило Институту выиграть и конкурс на выполнение

научно-исследовательской работы по подготовке к изданию много-томной «Истории башкирского народа» (в семи томах с приложениями). Первый том «Истории башкирского народа» увидел свет в начале нынешнего года в издательстве «Наука» тиражом в 10 тыс. экземпляров, объемом в 46,5 п.л. Следует отметить, что «История башкирского народа» является первым в истории академической науки многотомным трудом, в котором с новых теоретико-методологических позиций осмысливается многовековая история одного из крупных этносов России – башкир с глубокой древности до современности. О проекте в целом и первом томе «Истории башкирского народа» будет отдельный доклад, поэтому подробно останавливаться на этом я не буду.

Но не только опыт работы в новых условиях, но и высокий авторитет его сотрудников позволили Институту выиграть конкурсы на разработку двух Государственных программ сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2000-2005 и 2006-2010 гг. Как разработчик, безусловно, Институт занимал не последнее место в их реализации, что позволило Институту создать Лабораторию лингвистики и компьютерных технологий, занимающейся внедрением информационных технологий в башкирский язык, созданием его машинного фонда. В результате башкирский язык стал вторым после русского, имеющим собственный машинный фонд. Лексикографическая база машинного фонда состоит из 33 словарей башкирского языка, поэтому любой пользователь Интернета может работать с ними в режиме он-лайн. О машинном фонде Института будет отдельный доклад, поэтому останавливаться на нем я подробно не буду.

Изменившаяся система финансирования, сложные экономические условия научили Институт работать и со спонсорами. В результате для издания ряда монографий, словарей, в частности «Диалектологического атласа башкирского языка (объемного издания в 47 п.л.), были привлечены спонсорские деньги. Спонсорские средства играют немаловажную роль в проведении крупных научных конференций и симпозиумов. Все это является показателем реального авторитета Института не только в республике, но и стране в целом. Изложенное выше свидетельствует о том, что Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН сегодня состоявшееся, самодостаточное учреждение Российской академии наук. Им сделано много в гуманитарном развитии не только республики, но и России в целом!

Из достижений последних десяти лет, кроме вышеназванных, следует назвать подготовку и издание персональной энциклопедии «Салават Юлаев», коллективных монографий «История Башкортостана в конце XIX – начале XX вв. в 2 т. и «История Башкортостана 1917-1990 гг.» в 2 томах, монографии «Урал-батыр» Котова В.Г., коллективных монографий, посвященных курганским и пермским башкирам, «Диалектологический атлас башкирского языка», «Русско-башкирский словарь» в 2 томах, вышедшие тринадцать томов 36-томного свода башкирского фольклора на башкирском языке, трехязычную серию фольклора, двуязычный проект «Башкирские шежере», изданный в Турции, подготовленные два тома «Истории башкирской литературы» на русском языке и т.д.

Подводя итоги, можно сказать, что и постсоветский период в развитии Института был продуктивным. Действительно, за счет использования различных источников финансирования Институту удалось не только сохранить, но и развить и умножить достижения предыдущей эпохи. Достижения, как показал обзор, значительны, но в то же время Институту предстоит сделать еще больше. Каковы же наиболее актуальные и приоритетные задачи, стоящие перед учеными Института?

В области филологических наук.

— В ближайшие пять лет необходимо подготовить и издать много-томный (запланировано 10 томов) академический двуязычный толковый словарь башкирского языка. Сегодня полностью подготовлен I том, частично 2, 3, 4, 5, 6 тома.

— Подготовить и издать коллективную монографию «Историческая грамматика башкирского языка». В этой области уже есть существенные заделы. Во-первых, опубликован ряд монографий по исторической лексикологии, фонетике и морфологии, во-вторых, изданы «Диалектологический атлас башкирского языка», диалектологические словари, монографии по всем диалектам и говорам, создан машинный фонд, включающий не только лексическую, но и грамматическую и экспериментально-фонетическую базы.

— В области компьютерной лингвистики в ближайшие годы необходимо создать национальный корпус башкирского языка.

— Необходимо завершить и издать трехтомную «Историю башкирской литературы» на русском языке. Задел есть, уже подготовлены 2 тома.

— Продолжить описание и текстологическую обработку материалов Фонда рукописей и старопечатных книг. Планируется завершение паспортизации, составления алфавитного систематического и электронного каталогов в общем объеме 6, 5 тысяч единиц хранения.

— Продолжить работу по подготовке и изданию 36-томного свода «Башкирское народное творчество». На сегодняшний день издано 13 томов.

— Продолжить сбор и публикацию фольклорных материалов.

— Приступить к обобщающей коллективной монографии по башкирскому фольклору.

В области исторических наук.

— Продолжить и завершить к 2012 г. многотомную «Историю башкирского народа».

— Продолжить описание накопленного археологического, этнографического и антропологического материалов.

— Продолжить изучение башкир сопредельных регионов.

— Приступить к работе над коллективными монографиями по теме «Инновации и традиции сообществ и культур Южного Урала» и «Власть и народ в РБ».

Выполнить поставленные задачи Институт в силах. Сегодня у коллектива есть, что сказать, чем поделиться и чему порадоваться.

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна, доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, специалист в области тюркской филологии, ономастики, этнолингвистики.

Родилась 1 января 1950 г. в д. Рахметово Абзелиловского района Башкирской АССР. В 1970 г., успешно окончив Белорецкое педагогическое училище, она поступила на филологический факультет Башкирского педагогического института. После окончания института Ф.Г. Хисамитдинова работала учителем русского языка и литературы в Белорецком и Аургазинском районах республики. В 1976 г., выдержав вступительные экзамены, она поступила в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР (Москва). С 1978 по 1985 годы работала младшим, старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

С первых дней работы в Институте она активно включается в научную работу. Участвует в подготовке к печати «Словаря топонимов Башкирской АССР» и двух сборников по топонимике и диалектологии.

В институте Ф.Г. Хисамитдиновой параллельно разрабатывались две темы, по одной из них «Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный + глухой смычный» в историческом освещении» в 1980 году была защищена кандидатская диссертация, а в 1989 году вышла отдельной книгой под названием «История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике» (Уфа, 1989). Вторая тема, посвященная истории формирования ойконимической системы башкирского языка, в 1993 году была защищена как докторская диссертация в Институте языкознания РАН. В эти же годы издаются ее монография «Башкирская ойконимия XVI-XIX вв.» (Уфа, 1991) и словарь «Географические названия Башкортостана» (Уфа, 1993).

С 1985 по 1995 годы Фирдаус Гильмитдиновна работала старшим преподавателем, доцентом, заведующей кафедрой, профессором, деканом в Башгоспединституте. В эти годы она проделала работу по созданию факультета башкирской филологии, кафедр башкирской филологии, башкирского языка, башкирской литературы и культуры, башкирско-английского, башкирско-турецкого, башкирско-немецкого отделений, специальности «Башкирский язык, история и культура Башкортостана», принимала непосредственное участие в кадровом, учебно-методическом и материально-техническом обеспечении и развитии новых кафедр и факультета в Башгоспединституте.

Деятельность в качестве декана и заведующей кафедрой она успешно сочетала с исследовательской, научно-организационной и научно-педагогической работой. Ею разработаны, в последующем изданы учебно-методические комплексы по «Введению в языкознание» (Сибай, 1999), «Истории и культуре Башкортостана» (Уфа, 1992; Москва, 1997; Уфа, 2000), «Введению в тюркологию» (Уфа, 1992, 2001), «Истории башкирского языка» (Уфа, 1989, 1992), башкирскому языку для иноязычной аудитории (под разными названиями) (Уфа, 1997, 2000, 2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009).

С 1995 по 1998 годы Ф.Г. Хисамитдинова работала министром народного образования Республики Башкортостан.

Будучи министром, тщательно проанализировала финансово-экономическую, материально-техническую, учебно-методическую, нормативно-правовую, организационно-управленческую, кадровую, содержательную стороны образования республики. Анализ состояния образования республики, изучение опыта российских регионов и зарубежных стран позволили Ф.Г. Хисамитдиновой разработать проект Концепции и Программы развития образования Республики Башкортостан на 1999—2003 гг., который был изложен в многочисленных публикациях второй половины 90-х годов XX в. Среди них особо выделяются ее обобщающая книга «О выполнении «Программы развития образования Республики Башкортостан на 1993—1998 гг.» и задачах образования на 1999—2003 гг. («Проект Концепции» (Уфа, 1998) и Президентская Программа «Дети Республики Башкортостан», разработанная в 1997—1998 гг. и принятая в 1999 г.).

Из практических дел Ф.Г. Хисамитдиновой на посту министра народного образования следует отметить открытие иностранных отделений в Сибайском, Белорецком, Месягутовском и Уфимском № 1 педколледжах, содействие открытию инфака в Сибайском институте БГУ, заочного отделения на инфаке БПУ. Следует отметить, что именно в эти годы Министерством народного образования были открыты следующие республиканские башкирские лицеи и гимназии интернатного типа:

Республиканский экономический лицей-интернат, его женский филиал (Уфа), Республиканский политехнический лицей-интернат (Кумертау), Республиканский кадетский лицей-интернат (Ишимбай), Башкирская гимназия-интернат (Красноусольск), Восточный лицей (Сибай), Республиканский лицей-интернат (Месягутово). Открытие гимназий и лицеев интернатного типа позволило одаренным детям из сельских районов получить качественное образование и поступить в вузы не только республики, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и других городов России. Результаты работы Ф.Г. Хисамитдиновой в этом направлении будут видны через 10—15 лет, когда выпускники республиканских лицеев и гимназий будут представлены в различных отраслях народного хозяйства РБ. Кроме республиканских лицеев и гимназий, в 1995—1998 гг. были открыты муниципальные башкирские гимназии № 140, 144 (Уфа), гимназии городов Стерлитамак, Салават, Мелеуз, Белорецк, Белебей, Учалы; сельских населенных пунктов Мраково, Раевский и Малояз. Открытие башкирских гимназий в городах и районных центрах способствовало развитию национального образования в РБ, расширению контингента детей, владеющих родным языком.

В 1998 г. профессор Ф.Г. Хисамитдинова вернулась в родной Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Работая заместителем директора, она активно включилась в научно-исследовательскую, научно-организационную и научно-педагогическую деятельность Института. Только за последние 5 лет ею подготовлено и издано более 60 работ, в том числе около 20 книг. Она является автором около 200 научных и научно-методических трудов, увидевших свет не только

в России, но и во многих странах мира. Наиболее значимыми среди них являются совместная с венгерским ученым Й. Тормой монография «Говорю огню», изданная в Будапеште на венгерском языке; перевод «Евангелия от Луки» на башкирский язык, изданный в Стокгольме.

Фирдаус Гильмитдиновна является руководителем и исполнителем ряда международных научных проектов. Среди них следует отметить 2 проекта ИНТАС (Бельгия) по разработке учебника башкирского языка для иностранцев и изучению ислама в России, а также проекта Международного института по переводу Библии (Стокгольм).

Ее Международные научные контакты не ограничиваются публикацией работ, участием в грантовых проектах, она является участником более 30 международных форумов, в частности алтаистической конференции ПИАК, Международного конгресса тюркологов и т.д.

Фирдаус Гильмитдиновна выступила с докладами на II Всесоюзной конференции «Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов (Новосибирск, 1983), V Всесоюзной тюркологической конференции (Кыргызстан — Фрунзе, 1988), 34, 35, 37, 40, 44, 47 Международных конференциях ПИАК (Венгрия — Будапешт, 1990; Германия — Берлин, 1991; Казахстан — Алма-Ата, 1993; Франция — Шантилли, 1994; Германия — Бонн, 2001; Турция — Анкара, 2004), Международной конференции по шаманизму (Япония — Нара, 1996), III Международном конгрессе тюркологов (Турция — Анкара, 1996), Международном конгрессе по коркутоведению (Азербайджан — Баку, 2000), Международном съезде философов Востока (Турция — Стамбул, 2005), Международном симпозиуме по проблемам тюркских языков и литературы (Турция — Анкара, 2006) и др.

Сегодня научная деятельность Ф.Г. Хисамитдиновой связана с исследованием истории башкирского языка, его диалектов, ономастики и лексического наследия в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. В последние годы наряду с традиционными тюркологическими исследованиями она ведет работу по социолингвистике. Практическая ценность ее исследований заключается в разработке новых типов словарей, целевых программ, вузовских курсов, учебников и учебных пособий. Ею подготовлены и изданы монографии по исторической фонетике, истории формирования ойконимической системы, терминологии магической медицины, мифологии башкир; составлены и изданы словари по топонимии, антропонимии, мифологии; разработаны и изданы учебники и учебные пособия по введению в языкознание, тюркологии, башкирскому языку, истории и культуре Башкортостана.

Большое внимание Фирдаус Гильмитдиновна уделяет подготовке научных кадров, под ее руководством защищено 7 кандидатских диссертаций, подготовлены 2 докторские и 3 кандидатские диссертации.

Она является членом диссертационного совета по специальности 10.02.02 — языки народов Российской Федерации. Возглавляет Совет по государственным языкам РБ, является членом Комиссии при Правительстве РБ по реализации Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан».

В 1994—1999 гг. Ф.Г. Хисамитдинова являлась депутатом первого созыва Государственного Собрания—Курултая—Республики Башкортостан

и принимала участие в разработке и принятии законов РБ об образовании, культуре, средствах массовой информации, молодежной и семейной политике.

В общественной деятельности Ф.Г. Хисамитдиновой необходимо отметить ее работу на посту председателя Союза женщин Республики Башкортостан (1996—1998), Общества башкирских женщин Республики Башкортостан (2000—2003), женской комиссии Исполкома Всемирного курултая башкир (с 2000 г.). Именно в эти годы были заложены основы семейной политики республики. Проводимые во второй половине 90-х годов XX в. совместно с Министерством народного образования РБ научно-практические конференции «Роль матери в воспитании, образовании и социализации детей» (Уфа, 1996), «Семья и духовное возрождение общества» (Уфа, 1997), «Семья, школа в воспитании гражданина нового Башкортостана» (Уфа, 1998) обратили внимание общественности, самой семьи, руководства республики, районов и городов к проблемам семьи, детства, материнства и отцовства.

В результате в республике появилась четкая семейная политика. В 1996 г. была разработана «Концепция по перспективному улучшению положения женщин в РБ», 1998 г. был объявлен Годом семьи, 1999 — Годом ребенка, 2000 — Годом молодежи, 2001 — Годом матери, 2002 — Годом здоровья. В 1999 г., кроме этого, были приняты разработанные еще в 1997—1998 гг. целевые программы «Женщины Республики Башкортостан» и «Дети Республики Башкортостан». Как активная участница женского движения России, Ф.Г. Хисамитдинова в составе делегаций российских женщин принимала участие в работе Международного форума женщин мира (Куба — Гавана, 1998), I и II Курултая женщин Тюркского мира (Турция — Анкара, 2001, 2003), Международной конференции женщин Азербайджана (Азербайджан — Баку, 2002).

Она является делегатом I и II Всемирного курултая башкир (1995, 2002). Являясь членом Исполкома Всемирного Курултая башкир, она принимает активное участие в курултайском движении башкир, принимала непосредственное участие в разработке документов и подготовке в печать стенографического отчета и материалов II Всемирного курултая башкир.

С 1999 года она, как и все языковеды Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, принимает активное участие в разработке и реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан», государственных программ «Государственная программа сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан» на 2000—2005 годы и 2006—2010 годы, «Народы Башкортостана» и др.

В 2003 г. ей присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан”.

2009 г. присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки Российской Федерации”.

С 2005 г. профессор Ф.Г. Хисамитдинова работает директором и заведующей отделом языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук.

ЙӘШӘУӨЛГӨНӨ

Исеме республикабызга, Рәсәйҙә һәм төрки донъяһында кин билдәле ғалимә, Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө филми үзәге Тарих, тел һәм эзәбиәт институты директоры, филология фәндәре докторы, профессор, РФ Гуманитар фәндәр академияһы академигы Фирзәүес Хисамитдинова 200-ләгән фәнни хезмәт, монографиялар, филми китаптар авторы, төрки филологияһы, ономастикаһы, этнолингвистикаһының зур белгесе, башкорт тел ғилемен үстөрөгә тос өлөш индереү менән бергә, туған телдәргә игтибар уянған осорҙа башкорт телен мөмкин булған урын да уқыткан, ғалимдар араһынан беренсе булып башкорт теленен барлығын донъя кимәленә сығарған, хатта башкорттон һәр һүҙендә тәрән мөгәнә, оло тарих, батырлық, ғорурлық хисе ятыуын еткереп, сит ил фалиждарында һокланыу уяткан тәүге шәхес. Фән өлкәһендә йөзөп эшләүе менән бергә, филми хезмәткәр, декан, министр, БР Дәүләт Йыйылышы—Королтай депутаты, директор тигән вазифаларҙа үзен финанс-иктисади, матди-техник, укыу-укытыу-методик, кадрҙар, норматив-хокуки, ойштороу-идаралыҡ эштәрен дә берзәй зур яуаплылык тойоп башкарған бынамын тигән етәксә итеп күрһәттә. Республика, төбәк, Рәсәй, халыҡ-ара фәнни сараларҙы юғары кимәлдә ойштороуын, уларҙа етәкселек итеүен, БР Президенты эргәһендәге Тел комиссияһы, Бөтә донъя башкорттары королтайы башкарма комитеты, Бөтә донъя төрки донъяһы катын-кыздары ассоциацияһы, БР Башкорт катын-кыздары йәмғиәтендәге бөтмәс-төкәнмәс мәшкәттәр аткарыуын да күз уңында тотһаҡ, шәхси тормошо өсөн уның ваҡыты каламы тигән һорау тығуыуы бик тәбиғи. Сөнки уның ғүмәр һуҡмағының һәр боролошо ғорурланып телгә алырлық бәслә, һағынып хәтерләрлек иҫтәлеклә. Был уныштарҙың барыһы ла республикаһы, милләтә, халқы, мәғарифы, мәзәниәте, фәнә өсөн бихисап хезмәт итеүгә арналған. Етмәһә, ике улға әсәй ҙә бит әле үзе. Кайһы арала һәм нисек уларға өрлөктәй буй-һын, зиһендәренә белем, булмыштарына юғары зыялылык, күнелдәренә милли ғорурлық, руһи ныҡлыҡ орлоктары һала алды икән тигән уйҙар менән килдем ғалимә янына.

— Һәр бер әсә кеүек, ваҡытым ни тиклем тығыз булыуға карамаһтан, балаларым барлығын бер ваҡытта ла онотманым, сөнки улар өсөн атай урынына арка ла булырға кәрәк ине, — тип хәтерләй Фирзәүес Ғилмитдин кызы.

Тура һүзләлек, ғәзәл һолокло, зиһенлә булыу үзе үк балалар өсөн бынамын тигән өлгө, тик тәрбиә өсөн улар ғына етмәй. Баһсала йөрөгән саҡтарында ук бөләкәстәрен йоклатыр алдынан ғына ваҡыт табып, зур диванда икәһен ике яғына һалып ҡосаҡлап, үзе бала сағында ишеткән әкиәттәргә һөйләй. Һүз араһында атаһы яғынан да, әсәһе яғынан да туған йәнлә Асия, Тәһлимә, Хәһбиә, Васһия инәләре, Мөһипһямал, Зөбөйлә, Зөләйһа өләсәләре, Кобора әбей һөйлөгән ете быуынғаһа шәжәрәләргә, һәр һазың, таузың, йылға-койоноң атамаларының килеп сығыуын, күбәләк ырыуы тарихын бөйөн итә, башкорт батырҙары яҙмышын да ҡушып ебәрә. Атаһы Ғилмитдиндән моңһоу йырҙары, туғандарының кайһы яҡлап нәһәл икәнән төбө-тамыры менән аһлатқан әсәһә Ғәһиәһенә һабактары ла бик ярап кала.

Мәктәп йөшенә еткәс, кала балалары бит, дәрестән бушаған арала яһылыш юлга басып куйырҙар тип, малайҙарҙы скрипкаға, хорға йөрөргә мәжбүр итә Фирзәүес. Йөзөргә лә өйрөнөп ала балалар. Улдары 54-се мәктәптә бик матур укып йөрөгәндә, класта наркоман бала барлығы асыклана. Әсәнен йөрөгөн куркыу ала. Балалары һык каршы булыуға карамастан, яман сиргә юлыға күрмәһендәр тип, уларҙы илатып булһа ла, Р. Фарипов исемендәге 1-се башкорт гимназияһына күсерә. Урбанизация шаукымы был укыу йортона ла килеп еткән икән. Кала мәктәбендә рус телендә укыған балалар менән ауылда башкортса укыған балалар бер-береһенә яқынай алмай, сәнки айырма һык һизелә. Тигез мөһиттә кала балалары менән укыһындар тип, Фирзәүес Ғилмитдин кызы Тимур менән Нурзы 20-се мәктәпкә, каланан йыйылған башкорт балалары араһына урынлаштыра. Тормош әсә тырышлыктарының барыһының да бик дөрөс һәм ваҡытлы булыуын расланы. Балаларҙың кескәй сактарынан скрипкаға йөрөүе уларҙың музыкаль һәләтен аса. (Хәҙер улар теләгән бер моң-көйзә төрлө музыка коралдарында уйнай ала). Балаларын кала шарттарында укыткан Фирзәүес ханым, туған телдә өйрәнүзәгә кыйынлыктарҙы күрөп, кала балаларына башкорт телен һәм әҙәбиәтен махсус дәрәсләктәр, методик кулланмалар менән укытыу зарурлығын аңлай. Үз балама кәрәк икән, тимәк, милләтемә, республикама ла кәрәк тип, «Үчим башкирский язык», «Башкирский язык для начинающих», «Башкирский язык – Пожалуйста!» тигән һ. б. әсбаптар әҙерләй. Улар урыс мәктәптәрендә башкорт теле укытыу методикаһында иң тәүге, иң зур хезмәт булды.

Фирзәүес Ғилмитдин кызының һәр кылығынан, һәр башкарған эшенән бөтмәс фәһем, аҡыл, тәҗрибә алырға була. Тағы бер миҫал. Башкорт дәүләт педагогия институтында ғалимәнен тырышлығы менән башкорт филологияһы факультеты асыла, үзә декан итеп тәғәйенләнә. Эш бөткөһөз күп. Шуға эштән һуң кайткан әсә, 8 класта укыған улдары юлдан язмаһын тип, уларға эш уйлап таба. Малайҙарына: «Әйзәгез, мин һеззә ярты ставкаға эшкә алам, эш һақы түләргән», ти. Егеттәр ихлаһ ризалаша. укыған һуң дүрт сәғәт буйы улар факультеттың бик күп мәшәкәттәрен башкара. Кулдарынан сүкеш төшмәй, кағалар, һуғалар, һүрәт төшөрәләр, дәрестәр тәзмәһе төзөйзәр, хатта машинкала басырза өйрөнөп алалар. Ә әсә, ведомоска кул куйырған булып, «эш һақын» кеҫәһенән «түләй». Шулай итеп, урам проблемаһы юкка сыға.

Балаларҙың 1-се республика һәм 20-се кала гимназияларында укыуҙары кала башкорттарының тел, мәҙәниәт, һаулыҡ өлкәләрендә хәл ителмәгән бик күп проблемалар барлығын төшөндөрә. Ошо проблема өстөндә уйланыуҙар «Кала башкорттары» тигән даими конференциялар үткәрәүгә килтерә ғалимәне. Башкортостандың төрлө калаларында ике йылға бер үткән конференция ошо проблемаларҙы хәл итеу юлдарын эзләй, төрлө ойшмаларға тәкдимдәр индерә. Өфөлә башланған форум шулай итеп республиканы һуң регионалгә әйләнә. Кала башкорттары өсөн дәрәсләктәр, китаптар сығарыу, психологик тикшеренүзәр, конкурстар башланды, юғары укыу йорттарында кала башкорттары өсөн махсус төркөмдәр асылды. Ә индә Фирзәүес

Гилмитдин кызының улы Тимур кала башкорт йәштәренә социализацияһы темаһына диссертация язып яклай.

Фирзәүес ханымдың малайзарына сабий ғына сактан миллә-тенен әйтеп бәтәргәһөз киммәтле-һиммәтле ижтиһатын һөйләүе-көйләүе лә эзһеҙ үтмәгәндәр. Улдарының икеһе лә күнелдәренә яқын юрист һөнәре алып, тормошка ныклы аяқ бақты. Фаиләләрендә туған тел моңо өзәлмәй. Киләндәре Әлиә һәм Айгәл өләсәйгә ике ейән бүләк итте. Биш йәшлек Наил һәм өс йәшлек Таймас таснагып башкортса һөйләй. Тимур Фаяз улының һәм Нур Фаяз улының фатирзарында быуындар сылбырының ныклығына нәзәр булып, атай яклап та, әсәй яклап та икешәр шөжәрә ин күркәм урында эленеп тора. Берендә Верхнеурал калаһын төзәтмәс өсән утыз бер йыл көрәш алып барған ирек һөйүсә күбәләк ырыуы вәкилдәре булһа, икенсендә тамырзары Сыңғыз хандын замандашы Тамъян бейгә тиклемгә Шәғәлә Шакман токомдары теҙмәһе һүрәтләнгән.

Заманыбыздың арзақлы ғалимы Фирзәүес Хисамитдинованың барлык булмышы, фәндәгә һәм шәхси тормошондағы қазаныштары қатын-қызларыбыз өсән генә түгел, байтақ ир-ат өсән дә йөшәү өлгөһө булып тора.

Суфьянова Н.Ф., Өфө к.

Ф.Ф. ХИСАМИТДИНОВАНЫҢ ЛЕКСИКОГРАФИК ХЕЗМӘТТӘРРЕ

Башкорт тел ғилеменә күренекле ғалимәһе, филология фәндәре докторы, дәүләт һәм йәмәғәт эшмәкәре Фирзәүес Гилмитдин кызы Хисамитдинова бәтә төрки донъяһында, төрки тел ғилемендә киң билдәлә фән әһелә. Башкорт теленә тарихын тикшереүгә, үстәреүгә, камиллаштырыуға донъя кимәленә сығарыуға зур өләш индергән ғалимә ул. Ф.Ф. Хисамитдинованың фән өлкәһендәгә хезмәтә бик емешлә һәм улардың тел ғилемендәгә фәнни әһәмиәте баһалап бәткөһөз. Ул башкорт теленә фонетикаһына, топонимикаға, гөмүмән ономастикаға зур игтибар бүлә. Төрлө қалардың архивтарында эзләнеп, ауылдар тарихын, атамаларының этимологияһын өйрәндә, улардың боронғолоғон иҫбатланы. Башкорт теле үзенсәлектәрен, ауыл, йылға, тау һ.б. атамалары өйрәнеп ауылдан ауылға йөрөгәндә ул төрлө мифологик күренештәр менән дә қызыкһына, ололарҙан язып ала. Шулай итеп, хезмәт юлының күп өләшөн башкорт халқының мифологияһын өйрәнәүгә бағышланы, башкорт тел ғилемендә яңы этнолингвистика, этник мәзәниәт, тел мәзәниәтә ғилеменә юл ярзы. Бөгөнгә көндә унын аспирантары ошо өлкәлә кандидатлық диссертациялары яклай, башкорт тел ғилеменә яңы үсеш этабын билдәләй.

Ф.Ф. Хисамитдинова, филми тикшеренүзәре буйынса монографиялар языу менән бер рәтгән, һүзлектәр, белешмә-һүзлектәр төзәй. Ә.И. Тенишев мөхәррирлегендә сыққан “Географические названия Башкортостана” (1994) тигән хезмәтендә Башкортостандағы географик атамалардың документтарға нигезләнгән қысқаса тарихи-этимологик һүзлек бирелә. Һүзлектә географик объекттың Башкортостандағы районы, ниндәй тарихи документта, қасан телгә алыныуы һәм был атаманың қайзан қилеп сығыуы тураһында мәғлүмәт бирелгән. Был, әлбиттә, озақ йылдар архив материалдарын өйрәнәүзә талап иткән хезмәт емешә. Ф.Ф. Хисамитдинованың “Башкорт мифологияһы”

тигән белешмә-һүзлегә (2002) лә бик кызыклы. Башкорт лексикографияһында беренсе тапкыр донъя күргән был һүзлектә популяр формала мифик заттар, мифология менән бәйлә урындар, әйберзәр тасуирлана, уларға бәйлә ышаныулар, тыйыулар, арбаулар бирелә. Үзенең юбилейына автор аңлатмалы, ике телле зур “Башкорт мифологияһы һүзлегә”н әзерләне. Баш һүз итеп алынған мифик заттар, ырымдар, арбаулар урыс теленә тәржемә ителә. Телдең мифология өлкәһендәгә бөтә байлығын тулы сағылдырыу максатында диалекттары күрһәтеләп, төп әзәби тел форманына тосқалған. Мәсәлән, **Абзар әйәсе** (*төньяк-көнбайыш*). Дух хлева. *См. Абзар әйәһе*. Һүзлектә бирелгән миһсалдар за урыс теленә тәржемә ителгән. Миһсалдар һүззән телдәгә кулланлышың сағылдыра. Башкорт телендәгә мифологик күренештәрзә урыс теленә тәржемә итеу уны башка телдәр менән сағыштырып өйрәнәүгә зур мөмкинлектәр аса, телебеззә донъя телдәрә кимәленә күтәрә.

1999 йылда Башкортостан халыктары телдәрә тураһындағы Башкортостан Республикаһы Законы кабул ителәү һәм башкорт теленә урыс теле менән бер рәттән дәүләт теле тип иғлан ителәүә һөзөмгәһендә телселәр алдына яңы бурыстар куйылды, һүзлектәргә ихтыяж артты. Ф. Ф. Хисамитдинова был мохтажлыҡты тойоп үзә генә эшкә тотонманы, ә башка телселәрзә лә йәләп итте. Улар менән авторзалшыҡта көндәлек кәрәк һүзлектәр төзөүзә максат итеп куйзы.

“Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан” (Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А. – Уфа, 2001) һүзлегендә ауыл, калаларзың атамаларын барлап, дәрәс язылышы билдәләндә. Мәсәлән, **Һарыгул** ауылын Сарагул тип түгел, ә Сарыгул тип, **Кабыккыуыш** ауылын Каба-куш тип түгел, ә Кабыккуш тип, **Ямаш** ауылын Емаш тип түгел, ә урыһса ла Ямаш тип язырға һәм башка бик күп шундай тәкдимдәр индерелдә, һәр ауыл атаманының кыһскаса этимологияһы күрһәтелдә. Был һүзлек ауыл атамаларында ошоға тиклем йөрөгән хаталарзы төзәтергә ярзам итте. Ошо ук максатта, ошо ук сериялағы тағы бер һүзлек донъя күрзә ул “Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан” (Ф. Г. Хисамитдинова, Р. З. Шакуров, З. А. Сиразитдинов, Ю. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 2005). Был һүзлектә Башкортостан республикаһындағы йылға, күл, шиһмә, һыу һаклағыстар атамаларының дәрәс язылышы ике телдә бирелә. Уларзың кайһы районда булыуы, атамаларының кыһскаса этимологияһы күрһәтелә.

Кала һәм район үзәктәрәндәгә урам исемдәрәнен язылышындағы хаталарға ла битараф кала алмай ғалимә. Республикалағы 21 каланың раһланған урам, бульвар, тығрык атамаларын йыйып һүзлек төзәлә: “Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан” (Ф. Г. Хисамитдинова, З. А. Сиразитдинов, Н. Ф. Суфьянова. – Уфа, 2009). Һәр кала тарафынан раһланған урам исемдәрәндә төрлөлә күзгә ташлана. Мәсәлән, **Маршал Жуков** урамы (Өфө), **К. Жуков** урамы (Бәләбәй), **Жуков** урамы (Бөрә); урыс теленән **Мирная** төрлө калала төрлөсә тәржемә ителгән: **Татыу урам** (Нефтекама), **Тыһныс урам** (Октябрьский, Стәрлетамак), **Тыһныслык урамы** (Сибай). Авторзәр тарафынан һүзлектә ошондай атамаларзың тәржемәләрә бер төрлө итеп тәкдим ителдә. Был һүзлек калаларза, район үзәктәрәндә урам исемдәрәнен дәрәс тәржемә итеп, хатаһыз язырға ярзам итер.

Тормош алға киткән һайын һәр тармак зур үзгәреш кисерә. Был үзгәрештәр телдә лә сағылыш таба: яңы атамалар барлыкка килә, милли терминология үсә. Башкорт теленең ижтимағи функцияһын үстөрөү максатында һуңғы вақытта терминологик һүзлектәр төзөүгә зур игтибар бүленә. Ф. Ф. Хисамитдинова катнашлығында төзөлгән “Русско-башкирский словарь для работников библиотек, издательств и информационных служб” (Ф. Г. Хисамитдинова, А. М. Ишегулова. – Уфа, 2006) һүзлеге китапхана, мәғлүмәт, нәшриәт өлкәһендә эшләүселәр өсөн тәғәйенләнгән. “Русско-башкирский, башкирско-русский словарь для изучающих башкирский язык как государственный” (Ф. Г. Хисамитдинова, Р. Т. Муратова. – Уфа, 2007) һүзлектәрә укыусылар, студенттар араһында зур һорау менән файзалана. Улар укыусыларға кәрәк булған йыш кулланылған һүззәрзә һәм һүзбәйләнештәрзә үз эсенә ала, тәржемәһе ауыр булған фразеологик берәмектәрзәң дә тәржемәһе бирелә. Башкорт телен дөүләт теле буларак өйрәнәүселәр өсөн тағы ла бер һүзлек – “Башкортса-русса кушма һүззәр һәм һүзбәйләнештәр һүзлеге” (Ф. Ф. Хисамитдинова, А. М. Ишегулова. – Өфө, 2007) әзерләһә. Был һүзлек һүзбәйләнештәрзә һүзмә-һүз тәржемә итеүзән азат итер. Мәсәләһ: **баш коҫоу** – колоситься, **күз һабыһы** – мыло душистое (туалетное), **кара бөрләгән** – ежевика и һ.б. Юғиһә, матбуғатта, башкорт һүзә була тороп, урыҫ теленән тура тәржемәләр күрәнә башланы, мәсәләһ **сығанак бармак** урыһына урыҫса безымянный палецтың тәржемәһен исемһез бармак һүзбәйләнешен куланыу орағы бар.

Башкорт теленең куланыу даирәһен киңәйтеү максатында, телдә көндәлек аралашыу кимәләндә белергә теләүселәр өсөн һөйләшмәлектәр төзөү эшен дә Фирзәүес Филмитдин кызы күз уһынан ыскындырмань. “Русско-башкирский разговорник” (Ф. Г. Хисамитдинова, З. Г. Ураксин. – Уфа, 2000, Уфа, 2004), “Русско-башкирский разговорник с этикетными выражениями” (Ф. Г. Хисамитдинова, Н. Ф. Суфьянова. – Уфа, 2008) һөйләшмәлектәрә донья күрзә.

Шулай итеп, филология фәндәрә докторы, профессор Фирзәүес Филмитдин кызы Хисамитдинова Башкорт тел гилеменә лексикография өлкәһенә баһалап бөтөргөһөз өләш индерзә. Ул тәҫрибәлә етәксә генә түгел, ә үзә төпкә егеләп эшләгән, укыусыларына, хезмәткәрзәрәнә егрәлеләк өлгөһә булған галимә. Ул бөгөн дә телем, илем, халкым тип яһып-көйөп йәшәй.

**ТЕМА ОБЩНОСТИ СУДЕБ БАШКИР И РУССКИХ В ПЬЕСЕ
Ф.ТУЙКИНА «ГЕРОИ ОТЧИЗНЫ»**

Среди произведений художественной литературы особый интерес представляет пьеса Ф.Туйкина «Герои Отчизны», посвящённая столетию Отечественной войны 1812 года и написанная соответственно в 1912 году. Произведение начинается с описания жизни трёх деревенских парней, трёх друзей — Султанкай, Нугмана и Тухби. Они живут в селе своей обычной жизнью. Султанкай собирается жениться на сестре своего друга Нугмана — Бибикамал. Молодые любят вечерами собираться у кураиста Султагая и слушать дивные мелодии курая. И, казалось бы, в родной деревне, в кругу друзей и соседей ничто не может омрачить их счастливую, безмятежную жизнь.

Но однажды в разгар веселья в дом кураиста Султагая приходит их знакомый Минлекай и сообщает страшное известие, пришедшее из города: французы захватили Москву и Наполеон собирается завоевать царский трон. Ситуация критическая: русская армия отступила, сам царь еле спасся. А потерь много и не хватает воинов. Вот такую неожиданно печальную весть сообщил их сородич.

Реакция юношей поражает своей решительностью: ни один мускул не дрогнул на их молодых лицах и только ненавистью к врагам засветились очи, пламенем любви к Родине загорелись отважные сердца. Не успел Минлекай закончить, как молодые люди, перебивая друг друга стали говорить, что очень стыдно сдаваться французам и они не позволят взять их Отчизну без боя: либо защитят Россию, либо погибнут за неё. И молодые люди отправляются на войну при первой же возможности.

Самоотверженность башкирских юношей, их альтруизм, преданность Родине вызывают восхищение. И не только будущие воины, но и вся деревня, весь народ понимает, что освобождение России — их общий долг. Это выше отдельных личностных интересов. Все односельчане-башкиры: и старушки Хайри, Минлебика, и старики Кармыш, Валикай, Шамсетдин, и такие представители молодёжи, как Бибикамал и Вали, относятся к судьбе страны с большой ответственностью. И в тылу народ тревожится за судьбу матери-России, чувствует большую любовь и уважение к сражающимся на войне сородичам, гордится ими, разделяя все их радости и печали. Так, например, все искренне сочувствуют Йыхан, сын которой Минлекай героически погиб на войне. Односельчане страдают вместе с ней, поддерживают женщину в трудную минуту.

К счастью, неразлучные друзья — Тухби, Султанкай и Нугман — возвращаются с войны живыми и здоровыми и что самое главное — с победой. Своих героев восторженно встречает вся деревня и устраивает большой праздник. Возмужавшие батыры с гордостью рассказывают сородичам о том, как они вместе с русскими разгромили армию Наполеона и прогнали ненавистных французов из Москвы.

В разгар торжества Нугман и Султанкай поют замечательную песню «Любезники Любизар». Это прекрасное музыкальное произведение имеет свою славную историю. Согласно преданию, после Бородинского сражения генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов вызвал к себе

командира одного из башкирских полков Кахым-туру, похвалил за проявленную смелость в бою и с умилением воскликнул: «Любезные вы мои башкирцы, молодцы!». Обрадованный Кахым-тура рассказал об этом своим конникам и башкирские воины, вдохновлённые похвалой, сочинили песню, припевом которой и явились знаменитые теперь слова: «Любезники, любизар, молодец, молодец». Данное произведение пропитано патриотическими чувствами. В нём воспеваются героические подвиги башкир, которые прошли в боях пол-Европы и одними из первых вступили в Париж:

Наполеона знали мы,
Да и Париж видали мы,
Когда французов побеждали,
Землю потрясали мы.
Любезники, любизар,
Молодчина, молодец! [Мавлетов 2003. 82]

Вместе с тем, это одна из лучших песен о дружбе и общей борьбе башкир и русских за свою единую Родину – Россию.

Таким образом, Ф. Туйкин в своей знаменитой пьесе «Герои Отчизны» показал нам, какую огромную роль сыграли башкиры в русско-французской войне 1812 года и как храбро и самоотверженно они боролись за спасение Отечества.

Литература:

- Башкирская литература. Начало XX века. Книга вторая. Проза. Драматургия. — Уфа, 1984.
Башкирские народные песни и легенды об Отечественной войне 1812 года. Сост., вступ.. ст., коммент. С. А. Галина. — Уфа, 1991.
Мавлетов В.С. История и культура Башкортостана. Хрестоматия. — Уфа, 2003.

Абдыраманова А.Ш., г. Бишкек, Киргизия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Ж. БАЛАСАГЫНА «КУТТУБИЛИМ» («БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ») И М. КАШГАРИ «ДИВАНУ ЛУГАТ ИТ-ТУРК» КАК ОБЩЕЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

"Благодатное знание" ("Кутту билим") Жусупа Баласагына (1018-1070) составлено в 1069 году в Кашгаре. Судя по некоторым источникам, это было для своего времени единственное произведение тюркоязычной мусульманской литературы. В произведении отражены местные тюркские традиции, связанные с кругом представлений, преданий, характерных для Семиречья и Восточного Туркестана - Чуйской и Таласской долин, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля.

Своеобразно оно и по своей композиции, довольно крупное по объёму (произведение состоит из 6645 двустихий основной части и 77 двустихий стихотворного и небольшого прозаического предисловия), оно включает 85 глав, первые одиннадцать из которых - вступление.

Все свои суждения по определенному кругу вопросов о смысле и значении человеческой жизни Жусуп излагает при помощи иноскаательных повествований, в форме беседы, спора, полемики четырех героев - персонажей, каждый из которых является олицетворением определенной добродетели и достоинства: Кунтолду (Солнце взошло) - царь - Справедливость; Айтолду (Полнолуние) - визирь - Счастье; Огдильмыш (Достохвальный) - сын визиря - Разум, Одгурмыш (Пробуждающий) - родич визиря - Умеренность.

Идейное содержание поэмы своеобразно, и круг затрагиваемых в ней вопросов чрезвычайно широк. Они касаются почти всех основных сторон человеческой деятельности - от деталей повседневной жизни до проблем мироздания и сущности природных тел и светил. Поэма - свод поучений, наставлений, умозаключений, художественная энциклопедия реальной жизни, кодекс обучения правилам разумного поведения. В основе его миропонимания ясно проглядывает учение монотеизма. Бог в его понимании не коранический, существующий вне зависимости от реальности и сверхъестественно, а проявляющийся везде и всюду, всегда и во всем. Миропонимание Жусупа призывает к признанию существования бога и служению ему, он одновременно проповедует трезвость в мирских делах и повседневной жизни, не советует безропотно покоряться религиозным догмам, призывает пользоваться всеми благами жизни:

Обращаешь ли бога ты службой такой?

Нет, путь поклоненья путь непростой! [Баласагуни 1990, 305].

Вопреки религиозной догме о непознаваемости мира, Жусуп пропагандирует познание, призывает людей неустанно стремиться к просвещению. По замечанию Жусупа, нет в мире ничего, чья сущность не была бы познаваемой, человек способен познать все, что в мире существует:

И стал человек разуменьем велик,

И знаньем он многие тайны постиг [Баласагуни 1990, 41].

В "Благодатном знании" ясно выражена борьба двух настроений: аскетизма, отречения от мира, пессимизма, с одной стороны, и надежды, веры в лучшее будущее, с другой; при этом обычно побеждает оптимистическое настроение.

В своем произведении Жусуп бичует высокомерие, безделье, распутство, пьянство, невежество и другие пороки. Он предостерегает читателя:

Ведь жизнь это благо; чтоб блага свершать,

Напрасно, о славный, ее не потратить! [Баласагуни 1990, 274].

Всех членов общества автор делит на группы по двум признакам: 1) по принципу распределения материальных благ (богатые, обеспеченные, бедные); 2) по принципу разделения общественного труда (правители, сановники различного ранга, придворные, простолюдины, ученые, лекари, зачинатели, толкователи снов, астрологи, астрономы, писатели и поэты, земледельцы, купцы, скотоводы, ремесленники).

В поэме детально описываются характер, убеждения, нравы и мировоззрения каждой социальной группы. Еще род людей есть, кто знаньем богат, -

Их знания звездой путеводной горят.

И если на свете не было бы их,

Не зреть бы плодам благодатей земных! [Баласагуни 1990, 330].

В понимании Жусупа, если поддерживать бедняков, они станут людьми среднего достатка, а если оказать поддержку среднеобеспеченным, они станут богачами. Залог процветания государства, благополучие общества Жусуп видел во взаимосогласии всех без исключения его членов и упорно стремился к сглаживанию противоречий, примирению конфликтов.

Жусуп был высокообразованным человеком. Он неустанно пропагандировал науку, знания, просвещение, стремился с позиции современных ему научных взглядов осветить жизненные проблемы.

Высоко ценя достоинства науки и знаний, Жусуп горько сетует на ограниченность просвещения, жалуется на засилье невежества и мракобесия:

Разумных немного, а много бездумных,
Неумных без счета, да сыщешь ли умных! [Баласагуни 1990, 45].

Знания и наука – такое богатство, которое отобрать не в состоянии никакая сила. Они как преданные друзья для тех, кто ими обладает, тогда как невежество враг человека. Жусуп призывает не ограничиваться приобретением знаний, а применять их на практике, поставить на службу людям, для добрых дел и благополучия.

Особо подчеркивается значение нравственного воспитания, истоки которого восходят к семейному очагу, тесно связаны со средой и условиями семейной жизни. Большое внимание Жусуп уделяет вопросам вступления в брак, поведению в совместной жизни супругов, воспитанию детей в духе высокой нравственности. Прогрессивные высказывания, критические оценки пороков, защита человеческого достоинства, его гуманизм и универсальность знаний дают основание считать Жусупа Баласагуина прогрессивным мыслителем своего времени.

Глубокое содержание, яркий поэтический язык снижали ей популярность в народе. На этой поэме воспитывались, изречениями из нее украшали предметы быта, посуду.

До нас дошли три рукописи поэмы: каирская, наманганская и гератская. Древнейшим считается каирский вариант.

О жизни и деятельности другого ученого-тюрколога, лингвиста и лексикографа, этнографа и фольклориста, историка и географа Махмуда ибн Хусейна Кашгари - известно мало. Судя по содержанию его "Словаря", он был из рода правителей-Караханидов. Отец Махмуда Кашгари - уроженец Г.Барсхана (южное побережье озера Иссык-Куль). Первоначальное образование получил в Кашгаре, продолжил его в Багдаде. Он отлично владел арабским языком, хорошо знал жизнь тюркских народов и писал о них не по книжным источникам, а на основании личного знакомства. Из двух книг Махмуда Кашгари до нас дошла "Диван лугат ит ат-тюрк" ("Словарь тюркских наречий"). Эта книга Кашгари (род. 1029/1038 - ?) вышла в трех томах в 464-469/1072-1077 гг.

Эпиграфом можно считать строки, написанные 10 веков назад М. Кашгари: "Пусть эта книга обуздает бесконечный срок, а значение никогда не утра-тится!", актуальны и сейчас.

Труд М. Кашгари — это бесценный источник сведений по истории, этнографии, литературе, языкознанию, философии, религии тюркских народов Средней Азии. "Диван лугат ит ат-тюрк" состоит из трех томов и включает такие сведения: 1) подробно раскрывается основное значение изучения тюркских языков; 2) дается алфавит из 18 букв, которыми пользуются тюрские народы; 3) делается попытка научной классификации тюркских языков; 4) дается целый ряд грамматических правил тюркского языкознания; 5) поясняются слова, которые существуют лишь в тюркских диалектах; 6) определяются топонимы и места нахождения тюркских народов; 7) описывает свое путешествие по всем тюркским каганатам; 8) даются названия основных тюркских народов и племен и место их проживания; 9) дано правило написания книг; 10) поясняется, кому предназначен его труд [Коновалов 1972, 12, 9].

Основной раздел "Дивана+" построен в виде словаря и состоит из 8 глав ("китаб"). В нем собрано до семи тысяч пятьсот (7500) терминов. Тюркские слова написаны в порядке алфавита с переводом на арабский язык. В основном автор не ограничивается одним переводом, он дает полное толкование значения того или иного слова. Кроме того, в толковании терминов используются пословицы и поговорки, которых насчитывается 290 единиц, 4 песенных плача (марсийя), целый ряд народных героических дастанных эпосов, лирических песен о весне, о любви.

В "Диване+" выделяются тюркские этносы - кыргыз, кыпчак, карлук, огуз, уйгур, чигил - терминами "уруу", "урук", в понимании М. Кашгарского арабы, персы, китайцы, урумы (видимо, греки), франки, сахлабы (славяне) считались многоплеменным тюркским народом.

М. Кашгарский разделяет восточных тюрков - кыпчаков, огузов - от караханидов и использует термин "хаканские тюрки". В "Диване+" М. Кашгари дает географическую карту мира. До нас дошло много карт, начертанных мусульманскими географами (например, карта древнего Ирака Суси Ахмада). Об этом говорится в трудах М. Конрада, А. Германа, С. Омурзакова, Х. Хасанова и др.

В "Диване+" на карте центром земли отмечается святая мечеть, но не Мекка, а Центральный Тенир-Тоо, с центром Барскоон (сам родился в Барскооне). Так как в центре внимания М. Кашгарского была область Туркестана, то эта карта воспринимается как политическая карта Караханидов. По мнению ученых, карта не завершена, т.к. на ней отсутствуют некоторые древние названия местностей Исык-Кульской котловины. Но в ней присутствует Япония, Ганьчджоу (китайские уйгуры), Кочнар-Башы (Кочкор-Башы). Т.о., М. Кашгари достиг пика картографической науки Средневековья.

Литература:

- Кыргыз адабиятынын тарыхы. В 7 томах. — Бишкек, 2002
Кыргыз адабияты. Энциклопедия. — Бишкек, 1993
История Кыргызстана. Учебник для вузов. — Бишкек, 1995
Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его "Девони лугат ат-Тюрк" // Сов. тюркология, 1972. — №12.
Баласагуни Ю. Благодатное знание. — Л., 1990.
Бартольд В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. — Бишкек, 1996.
Национальная электронная библиотека - nel.nns.ru

Абуталипова Р.А., г. Стерлитамак

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной аспектологии категория 'длительность действия' рассматривается в рамках поля аспектуальности как частное функционально-семантическое поле (ФСП) длительности, которое взаимодействует с другими компонентами поля аспектуальности. А.В. Бондарко же отмечает тесное взаимодействие длительности как в рамках «частных» ФСП аспектуальности (например, с кратностью, количественностью), так и на уровне ФСП темпоральности, таксиса, временной локализованности [Бондарко 2003, 98].

Значение длительности действия реализуется в виде двух противопоставленных семантических категорий — долговременная длительность: кратковременная длительность (краткость, мгновенность, недлительность).

В рамках данного понятия разграничиваются *внутренняя* и *внешняя* типы детерминации длительности. Длительность считается внутренней в том случае, когда она обусловлена лексической, словообразовательной и грамматической семантикой глагола. При внешней длительности значение протяженности во времени модифицируется контекстуальными средствами.

Значение краткости действий можно представить в виде точки на продолженной линии времени:

Анализ лингвистической литературы показывает, что в башкирском языкознании по сей день отсутствуют специальные исследования, посвященные всестороннему изучению категории длительности. В то же время еще в 1944 г. данное значение выделено А.И. Харисовым как форма «длительного вида» (в башкирском языке он выделяет три вида: начинательный, длительный, законченный) и дает ему следующее определение: «Этот вид выражает действие или состояние в отношении к его продолжению, т.е. показывает ход развития действия по восходящей линии между двумя полярными точками *начала* и *конца*. <> Длительный вид, не раздробляя действие во времени, сохраняет полноту непрерывности в его развитии» [Харисов 1944, 29]. А.И. Харисов указывает, что в башкирском языке данный вид выражается посредством глаголов *бир-*, *бар-*, *йөрө-*, *кил-*, *тор-*, *ят-*, *ультыр-*, *төш-* в роли модификатора, каждый из которых может придать значению основного глагола своеобразный оттенок «продолжения действия». Тем самым под термином «длительный вид» объединены два самостоятельных аспектуальных значения, выделяемых в современной аспектологии как компоненты ФСП аспектуальности — продолжительность и длительность (первое является компонентом ФСП фазовости).

По мнению известного тюрколога Н.К. Дмитриева, в башкирском языке значение длительности привносят основному глаголу «модальные» глаголы *бар-*, *тор-*, глагол *бир-* придает действию значение продолжительности, а *йөрө-* — постоянности и многократности [Дмитриев 1950, 211-213].

А.А. Юлдашев «глаголы длительного действия, образованные преимущественно путем сочетания основного глагола в форме деепричастия на *-n* с определенным спрягаемым глаголом, сообщающим действию первого глагола оттенок непрерывной длительности», исследует в рамках словообразования глагола как одно из «лексических значений видовых форм» [Юлдашев 1958, 78].

В Академической грамматике башкирского языка в главе «Словообразование глагола» подробно излагается значение аналитических глагольных форм, выражающих наряду с другими значениями и значение длительности действия. Здесь приводятся следующие аналитические модели с данным значением: «деепричастие на *-n* + вспомогательные глаголы *йөрө-*, *тор-*, *ят-*, *ультыр-*, *бир-*» [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981, 219-220].

М.Г. Усманова модели а) *бир-*, *тор-* с деепричастиями на *-а*, *-ә*, *-й*; б) *ультыр-*, *бар-* с деепричастиями на *-n* со значением «продолжительности действия» считает одним из компонентов фазовых значений и относит

их к производным словам, образованным способом словосложения [Усманова 2007, 184].

В данном контексте уместно выделить учебник для вузов «Хэзерге башкорт теле: Морфология» (М.В. Зайнуллин), где значения продолжения и длительности действия разграничиваются. Конструкции с глаголами *бар-*, *бир-*, *тор-*, *кил-* автор относит к формам категории объема (вида) глагола, выражающим совершение, течение действия длительного времени, а АГК с глаголами *ултыр-*, *ят-*, *йөрө-*, *тор-* — к формам, которые выражают совершение действия продолжительное время [Зайнуллин 2002, 254-255].

Фактический материал языка показывает, что, действительно, в башкирском языке в сфере выражения значения длительности действия аналитизм представлен в виде множества моделей аналитических глагольных конструкций (АГК): «деепричастие + глагол *йөрө-* 'ходить, двигаться', *тор-* 'стоять', *ят-* 'лежать', *ултыр-* 'сидеть', *бар-* 'идти, пойти', *кил-* 'приходить, прибыть»»: *Минзалә артымдан калмай эйәрәп йөрөй.* 'Минзалия ходит за мной, не отставая' (Н. Мусин). *Уның (һарайзын) башы ялтыран тора* (М. Кәрим) — 'Крыша сарая блестит'.

Основную смысловую нагрузку в данных АГК несет первый компонент — глагольная основа в форме деепричастия на *-а/-ә*, *-й*, *-н* и представляет собой «семантическое ядро общего глагольного содержания данного словосочетания» [Юлдашев 1958, 74]. Поэтому в каждом случае следует учесть, что все аналитические модели, задействованные в репрезентации значения длительности действия, в зависимости от лексического значения основного глагола в деепричастной форме могут передать и другие аспектуальные значения.

В башкирском языке значение длительности действия может выражаться и другими способами деривации — лексическими, лексико-грамматическими, контекстуальными.

О лексическом способе деривации речь следует вести в тех случаях, когда значение длительности действия заложена в лексическом значении глагола-сказуемого и не модифицируется другими средствами: *Шәмси шул тасма буйынса барзы* (Ф. Хәйри) — 'Шамси шел по той доске'. *Мүкләнгән, яртылаш серек, кәкрә-бөкрә ағастар ята* (Я. Хамматов) — 'Лежат деревья, покрытые мхом, наполовину сгнившие, корявые'.

Для передачи значения длительности действия используется и *редупликация*: — *Юк, әле генә... — тип буталып һөйләнде ул (Карам), күзәрән ыуалай-ыуалай*' (Н. Мусин). — Нет, только что...— сбиваясь, пробубнил он, потирая глаза'. *Һал аға — мин йүгерәм, һал аға — мин йүгерәм* (М. Кәрим) — 'Плот плывет — я бегу, плот плывет — я бегу'.

К *контекстуальным* средствам относятся обстоятельства образа действия, времени, которые привносят синтаксической конструкции значение длительности действия, процесса, состояния: *Дошмандың пехотаһы һәм танкылары безең позицияларҙы туктауһыз атакалай...* (Н. Мусин) — 'Пехота и танки врага беспреданно атакуют наши позиции'. *Халыҡ таң һарыһынан қараңғыға тиклем эшләй* (Н. Мусин) — 'Народ работает с раннего утра до поздней ночи'.

Таким образом, фактический материал языка показывает, что в башкирском языке средства репрезентации значения длительности действия намного разнообразнее, чем те, которые приведены в имеющихся исследованиях. Данные вербальные средства относятся к разным

уровням языковой иерархии, но объединены общностью семантической функции — передачи одного и того же *инвариантного* значения — длительности действия. Наличие разноуровневых средств выражения значения длительности действия и в башкирском языке позволяет делать вывод о том, что они образуют особое функционально-семантическое поле — поле длительности в рамках ФСП аспектуальности.

Литература:

- Бондарко А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — М., 2003. — С. 98-124.
Харисов А.И. Категория глагольного вида в башкирском языке. — Уфа, 1944.
Дмитриев Н.К. Башкорт теленен грамматикаһы. — Өфө, 1950.
Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. — М., 1958.
Грамматика современного башкирского литературного языка. — М., 1981.
Усманова М.Г. Роль вспомогательных глаголов в передаче фазовых значений действия // Башкирская духовная культура древности и средневековья: проблемы изучения: Материалы Всероссийской научной конференции. — Уфа, 2007. — С. 179-185.
Зайнуллин М.В. Хәзерге башкорт теле: Морфология. — Өфө: БДУ, 2002.

Аккубеков Р.Ю., г. Уфа

О СЮЖЕТЕ ОДНОЙ БАШКИРСКОЙ СКАЗКИ

В мифологических сюжетах и этиологических сказках башкир, бурят, алтайцев и других тюркских народов немало сходных сюжетов и совпадений в объяснении происхождения тех или иных зверей и птиц или некоторых их особенностей. Например, башкирская сказка “Почему у ласточки хвост с двумя концами?” ТМ А 2236.1. [БНТ, 2009. С. 30] идентична с хакасско-бурятскими мифологическими и сказочными сюжетами о ласточке — спасительнице человека. Комару, в некоторых вариантах оводу, мухе, велят узнать, чья кровь слаще. Комар, облетев всю землю и перепробовав кровь у всех, выясняет, что самая вкусная кровь человеческая. По пути встречает ласточку, которая, узнав все, вырывает язык у комара и тем самым спасает человека. Ласточка же говорит змее, что самая вкусная кровь у лягушки. Змея в злобе откусывает ей хвост. В бурятской сказке ласточке хвост откусывает овод [Бурятские народные сказки, 2000. С. 93]. Башкирская сказка заканчивается этиологической концовкой, объясняющей, что с тех пор комар питается, змея питается лягушками, а у ласточки раздвоен хвост. А бурятская сказка заканчивается тем, что Эрлэн Номон-хан, разозлившись, ударяет вдребезги огромного овода. С тех пор оводы стали маленькими и разлетелись, говорят, по всему свету. [Бурятские народные сказки, 2000. С. 94]. Сюжет включает несколько устойчивых мотивов. Прежде всего, это этиологическая концовка (чаще — о раздвоенном хвосте ласточки и жужжании мухи). В сказке сильнее варьируется начало истории. В давние времена некий повелитель отправляет узнавать, чья кровь слаще. (Аина — хак., 12-головый змей или Эрлэн Номон-хан — бур.). Все же начало большинство сюжетов связывают с легендой о Ноевом ковчеге, в котороммышь прогрызла дыру, закрытую змеей. В награду за это змее позволено питаться самым вкусным мясом. Е. Турсунов, проследившая многочисленные варианты этой сказки, указывает на связь сюжета у тюрко-монгольских народов с комплексом поверий, примет и обычаев, склоняется к тюрко-монгольскому его происхождению [Смирнова, с.212]. Широкое бытование этого сюжета мы встречаем и в религиозных письменных

хикаятах. Приведем один из ранних рукописных хикаятов, которая, на наш взгляд, представляет собой наиболее полный архаичный сюжет.

[л. 59 об.] Көнлөрдө бер көн Нух пәйгәмбәр гәм качан кимэкэ менеб бара торур иркөн, шәйтан гәләйһи әл-ләғнәт тунызнын аркасын сыйбады ирсә, борынундин сычкан төште, тәки кимәне тишә башлады. Йылан әйде: «Әй Нух, ул тишүкне мән бикләсәм, мәнә нә бирүрсән?» Нух әйде: «Син нә теләсән, аны сәңә доға кылайын», – тиде. Йылан әйде: «Әй Нух, итлөрдә кайу итнең мәззәсе яхшы булсә, тәңре тәғә[лә] аны мәнә рузи кылсә», – тиде. Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Андаг булсун», – тиде. Вәли йыланнның мәксуды адәм ите ирде, аның өчөн кем || [л. 60] Адәм гәләйһи әс-сәлам сәбәб[ен]дин ождамдин чыккыб ирде. Анда кизин йылан хәлкә булуб кимәнәң тишүкенкә керде, тәки ятды. Анда кизин Нух пәйгәмбәр гәм арсланнның аркасыны сыйбады ирсә, гәтсә кылды, арсланнның борынундин мешек төште, тәки сычканларны тота башлады. Качан кирү кимәдин коруғ еркә чыкдылар ирсә, йылан килде, Нух пәйгәмбәр гәмгә әйде: «Я нәбийаллаһ, мәнә вәғдә кылдың ирде кем, доға кылғаймын кем, итлөрдә кайу ит мәзәле булсә, аны мән доға кылайын, тәңре тәғәлә аны мәнә рузи кылсун, тиб иттифак итдүн». Нитәк тиде ирсә, иттифак берлә соры чебенне илчелеккә изә бирделәр. Тәки соры чебен барыб барчә итләрне татыб килә торғандә, карлуғач каршу юлукды. Тәки карлуғач әйде: «Әй соры чебен, кайда бара торурсән?» Соры чебен әйде: «Бәне Нух пәйгәмбәр илчелеккә изде», – тиб, бу хикайәтләрне әйде. Карлу[ға]ч әйде: «Итлөрдә кайу ит мәзәле торур?» – әйде ирсә, соры чебен әйде: «Адәм ите татлы торур», – тиде. Карлуғач әйде: «Теленне чыкарғыл, күрәйен», – тиде. Соры чебен телене чыкарды ирсә, карлуғач ағыз берлә соры чебеннен телен өзде. Тәки соры чебен зенләйү-зенләйү Нух пәйгәмбәр гәм[гә] килде. Карлуғач бергә килде. Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Әй соры чебен, сүзүнне айткыл || [л. 60 об.] итлөрдә кайу ит татлу торур», – тиб әйде ирсә, соры чебен зен-зен кылур, һич кем ирсә аның телене белмәс. Карлуғач әйде: «Аның телен мән белүрмән», – тиде. «Соры чебен әйтүр: итлөрдә бакә ите татлы торур», – тиб әйтүр. Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Мунун теленә нә булды?» – тиде. Карлуғач әйде: «Адәм ите ағу торур», – тиб. «Качан адәм итене татыды ирсә, телсез булды», – тиде. Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Йылан, мән доға кылайын, тәңре тәғәлә сәңә бакә итене рузи кылсун», – тиде. Йылан әйде: «Мәнем мәксудым адәм ите ирде, аның өчөн кем адәм мәнем дошманым торур. Әй Нух, доға кылғыл, мәнә адәм итене рузи кылсун», – тиде. Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Шартымыз андаг ирде: соры чебен нә тисә, аны кылғай ирдүк. Телен мән белмәсмән, карлуғач белүр, нә әйтде: бакә ите татлы торур, тиб». Анда кизин Нух пәйгәмбәр гәләйһи әс-сәлам хәкк тәғә[лә] хәзрәтыгә доға кылды: «Бакә итене йыланғә рузи кылғыл», – тиб. Ул доғаның бәракатендә йыланғә бакә итен хәкк тәғә[лә] нәсиб кылды. Тәки йылан киткәндин сун карлуғач Нух пәйгәмбәр гәм[ға] соры чебен хикайәт[е]дин әйде: «Соры чебен телене мән өздүйем», – тиб әйде. «Аның өчөн кем ул әйтүр ирде: адәм ите татлы, – тиб әйде. – Әгәр син андаг доға кылсән ирде, жыһандә || [л. 61] бер адәмне терек куймағай ирде. Адәмларғә шәфәғәт кылыб соры чебеннең телене мән өздүм», – тиб әйде ирсә, Нух пәйгәмбәр гәм әйде: «Адәм итене син йыланғә рәуа

күрмәден ирсә, сәнен тәки итенне кыйамәткә тикрү адәмиләр емәккә рәуа булмасун», — тиб доға кылды. Вә тәки кем бу кош адәмиләргә шәфәғәт кылмак берлә аның буғазынғә пычак хәрәм булсун, ана изкүлүк кылсә, вәкәр тәғә[лә] ул кешенә итене ете тәмуғ, хәрәм кылсә, һич гәж[и]б хәғриб булғайму. Тәммәт, тәмам шөдәст. Хикаят отличается некоторыми персонажами, подробностями. В хикайте дополнительными персонажами являются шайтан и мышь, вредящие Нуху. Шайтан поглаживает спину свиньи, и из рыла свиньи выходит на свет мышь. Нух в ответ поглаживает спину льва, и лев изрыгает кошку, которая начинает уничтожать мышей.

В конце хикаята ласточка возводится в ранг священной птицы, чье мясо нельзя употреблять в пищу человеку. Надо полагать, бытующий в народной среде трикстерский сюжет о ласточке, сохраняя основную фабулу и мотивы, довольно легко впитал в себя исламские традиции. При этом в хикайте прослеживается и имя главы тюркского пантеона богов — Тенгри и тотемистические верования тюрков, связанные с ласточкой.

Сравнительное сопоставление с рукописным памятником показывает, что бытующая в устной народной среде башкирская сказка “Почему у ласточки хвост с двумя концами?” сохранила древнюю структуру сюжета с незначительными изменениями.

С другой стороны, существование сходного сюжета в фольклоре современных народов и письменных источниках свидетельствует о далеком генетическом родстве или же об их миграции в первобытную и древнюю эпоху еще в глубокой древности.

Литература:

- Алтайские народные сказки / Сост. Т. М. Садалова. — Новосибирск, 2002. — С. 455.
Башкорт халык ижады. II том. Риүәйәттәр, легендалар / Төзүсене Ф. Нәзәршина. Өфө, 1997. — 440 б.
Башкорт халык ижады. XIII том. Хайуандар тураһында әкиәттәр / Төзүсене Г. Хөсәйенова. Өфө, 2009. — 200 б.
Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / Сост. Е. В. Бараникова и др. Новосибирск, 2000. — С. 304.
Смирнова Н. С. Образы животных в казахском фольклоре // Казахские сказки о животных. Легенды и предания, бытовые рассказы, сказки и басни. — Алма-Ата, 1979. С. 24-34.
Рукописный фонд ИИЯЛ УНЦ РАН. Хикаят о пророке Нухе, эмее и ласточке. Рукопись 12 а181. Л. 59 об. — 61

Алеева Г. У., г. Казань

СРАВНИТЕЛЬНО–ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА *ИЛ*

Каждый язык имеет свою историю и развитие. В историческом процессе каждого языка имеются свои этапы. Так и общественно-политическая лексика татарского языка находится в процессе изменения и в своем развитии прошла несколько этапов. Этот путь, как известно, называется историческим. В татарском языке прослеживается развитие от общепалатского через общетюркский к татарскому языку.

Исследование общественно-политической лексики татарского языка в сравнительном аспекте дает нам интересную картину: в нем существуют как исконные слова, так и заимствования. Однако этимологических изысканий по данным словам не так много.

Рассмотрим слово *ил* 'страна'. Оно в татарском языке имеет следующие значения: 1) местность, территория, выделяемая по географическому положению и природным условиям; 2) государство, страна, имеющая определенное управление. *Илдә урнаштырылган*

бүгенге «суверен демократия» шартларында нәтижеләр башкача була да алмый [МЖ, 2007, 7 декабрь] 'В условиях установленной в стране «суверенной демократии» результаты не могут и быть другими'. *Рәсми даираләр купмиллатле һәм купконфессияле илдә җәмәгатьчелекне толерантлыкка да чакыра* [МЖ, 2008, 6 июнь] 'Официальные круги в многонациональной и многоконфессиональной стране призывают обществу к толерантности'.

В современном башкирском языке слово *ил* используется в таком же значении, что и в татарском языке, а в казахском и каракалпакском языках слово *ил* 'страна, государство' имеет форму *ел*, ногайском *эл*, узбекском *эл*, уйгурском *ал*.

По нашим материалам, слово *ил* из изученных нами 18 тюркских языков встречается в 7, имея одинаковую основу с небольшими фонетическими изменениями.

Общетюркское от слово *ал*, *ил* 'страна; народ; мир' встречается в текстах орхоно-енисейских памятников: *Бәнгү ил тута алур тачы сән* 'Ты вечно можешь править страной' [Большая надпись ... 2004, 18].

В древнетюркских памятниках, как можно судить по «Древнетюркскому словарю», данное слово имеет значение 'племенного союза, народа, государства' [ДТС 1969, 168–169]. Современное значение этого слова в татарском языке совпадает с древнетюркским, однако в фонетическом отношении произошел сдвиг в шкале гласных татарского языка.

В татарском и башкирском языках слово *ил* является довольно продуктивной основой, но некоторые дериваты образованы нерегулярным путем. Если структура слова *илче* (башкирское *илсе*) < общетюркское *элчи* 'посланник, посол' совершенно ясно, однако этого нельзя сказать относительно татарского, башкирского *иләү*, *илү* 'община', *иләмән* 'руководитель страны, общины' (см. посл. *ағай илдә иләмән, юлда юламан, кырда Сөләйман* 'крестьянин в общине — руководитель, на дороге — проводник, на поле — пророк Соломон), эти слова в других тюркских языках встречаются не часто [Ахметьянов 2005, 67].

Общекыпчакскими образованиями (композициями) являются татарское, башкирское *илгизәр* < *элгезәр* 'путешественник', *илбашы* ~ *элбашы* 'вождь, руководитель страны', *илбасар* ~ *элбасар* 'захватчик' и пр.

В ранних старотюркских памятниках это слово нередко представлено в значении 'государство, народ, страна' [МК I, 83]. Государство Караханидов, Тимуридов опиралось на систему удельного управления. Удел, округ или область, как и страна, государство, назывались *эл/ил* [Кб 48, 16]. Часто данное слово употребляется в значении 'народ всего государства' [Поппе 1985, 119]. Изредка оно обозначает 'власть' [МК II, 32], что зафиксировано в «Тэфсире» [9, I: 98]. Значение 'мир, согласие', имеющееся в слове *эл/ил*, отмечается у Ю.Баласагунского. Встречается и в поэмах Мухамедьяра (XVI в.) *ил* 'страна, государство, местность' [Кадирова 2001, 155].

В тюркских языках *ил* имеет значение 'страна', оно также встречается в памятнике XIII века в начертании *ил* (ايل, ىل) в значениях: 1) мир (*против войны*); 2) страна, область, территория, край, населенное место. В этих же значениях: в словаре Махмуда Кашгари *эл*, *элг*; Codex Sumanicus (1303) *ел*, *ил* < *el* [al] 'народ, страна' [Махмутова 1982, 94]; в приложении к грамматике Л.М.Лазарева [Лазарев 1864, 65] *эл*, *эйел* 'страна'; татарское, башкирское *ил*, кумыкское *эл*, *эллик*; казахское *ел*; *елдік* [Курьшжанов 1970, 116].

В словарях И. Гиганова (1801) и Н. П. Остроумова (1876) слово *иль* обозначает 'селение, населенный пункт'. В татарском литературном языке оно обозначает 'государство, отечество, родина'. Это слово в значении 'деревня, селение' употреблялось и в татарских письменных памятниках и сохранилось в топонимии: *Муллиле, Казиле, Кариле, Чуриле*. Отсюда можно сделать вывод, что лексема *ил* в значении 'селение', 'село' существовала в языке волжских булгар и народов Казанского ханства. Исходя из этого, данное слово не только диалектное, но и относится к разряду устаревших слов [Саттаров 1989, 160].

Данное слово встречается в диалектах и фольклоре в значениях 'деревня, село' [ДС III, 59-60], 'мир, мирно, дружно' в словарях [Будагов I, 203-204; Радлов I, 803, 805; ЭСТЯ I, 339-343], также в трудах ученых [Мухаммедова 1973, 94; Гумилев 1964, 100-102; Ахметьянов 1989, 107].

Слово *ил* (в собственно татарском звучании) известен в языке живших до нашей эры среднеазиатских гуннов. Еще в те времена означало 'государство, мирный путь'. Встречающееся в татарских говорах слово *ил* в значении 'мир, благополучие, безопасность' когда спрашивают о событиях в мире "илме — яумы?" (мир или война?) зафиксировано еще в Орхонских письменах: *ил такы (тагы) ил болды* 'В стране вновь установился мир'. В татарском языке сохранились возникшие еще в древнетюркском языке и относящиеся к государственности следующие выражения: *ил-көн* 'население', *ил-күз* 'рабочая сила страны (налогоплательщики)', *ил-су* 'цивилизованное население государства и его армия' и т.д.

При помощи персидского суффикса *-дар* в татарском языке образовано имя собственное *Илдар* 'человек, который имеет свою страну, гражданин страны'.

В "Татарско-русском словаре" к лексеме *ил* дано 6 значений: 1) страна; 2) родина; 3) край; 4) *диал.* деревня, село; 5) народ, мир, общество; 6) *прил.* мирской [ТРС, 2002, 109].

Литература:

- Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. — М., 1989.
- Эхметьянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге. — Бирск, 2005. — 233 с.
- Большая надпись в честь Куль-тегина. — Симферополь, 2004. — 63 с.
- Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: в 2-х т. — Т. I. — СПб., 1869. — 810 с.; — Т. 2. — СПб., 1871.
- Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению обучающихся татарскому языку. — СПб., 1801.
- Гумилев Л. М. Древние турки. — М., 1964.
- Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
- Калирова Э. Х. Поэмы Мухаммадыра «Тухва-и Мардан» и «Нур-и Содур»: Лексика. — Казань, 2001.
- Кошгари М. Девону лугот-ит турк: 3 томда. — Ташкент, 1960—1963.
- Курьшжанов А. К. Исследование по лексике "Тюрко-арабского словаря" — Алма-Ата, 1970.
- Лазарев Л. М. Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики. — М., 1864.
- Махмутова Л. Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка: сб. ст. / Отв. ред. Д. Б. Рамазанова. — Казань, 1982. — С. 68—153.
- Мухаммедова З. Б. Исследование по истории туркменского языка XI—XIV веков. — Ашхабад, 1973.
- Остроумов Н. П. Татарско-русский словарь. — Казань, 1892.
- Поппе Н. Н. Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. — Ч. I—II. — М.—Л., 1985.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: Т. I—IV. — СПб., 1893—1911.
- Саттаров Г. Ф. Исеме матур, кемнәр куйган? — Казан, 1989.
- Татарско-русский словарь / Под. ред. Ф. А. Ганиева. — Казань, 2002.
- Этимологический словарь тюркских языков. — Т. 2. — М., 1974.

ОБЩЕЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ ТЮРКСКИХ И НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ: ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

В сравнительно-историческом дагестановедении особую проблему представляет реконструкция формы именительного падежа личных местоимений О. А. Гулыга [1979: 11] восстанавливает следующим образом: *н 'я', *ви 'ты', **ил:лаб* 'мы (инкл.)', *иджаб 'мы (экскл.)', *игьлаб 'вы (нейтр.)', *иджваб 'вы (огр.)'. Эта реконструкция, на наш взгляд, вступает в противоречие с показаниями многих современных дагестанских языков, где форма номинатива маркируется носовым суффиксом, ср.: авар. *ду-н* 'я', *му-н* 'ты', анд. *де-н* 'я', *ме-н* 'ты', ботлик. *де-н(и)* 'я', *ме-н(и)* 'ты', годобер. *де-н* 'я', *ми-н* 'ты', карат. *де-н* 'я', *ме-н* 'ты', ахвах. *де-не* 'я', *ме-не* 'ты', багвал. эрг. *де-н* 'я', *ме-н* 'ты' (в форме номинатива *-н* утратился, в эргативе *-н < -р < -д* при назализации корня), чамал. *дй* 'я', *мй* 'ты', лезг. *зу-н* 'я', *ву-н* 'ты', *чу-н* 'мы', *куь-н* 'вы', агул. *зу-н* 'я', *ву-н* 'ты', *хьи-н* 'мы (инкл.)', *чи-н* 'мы (экскл.)', *куь-н* 'вы', арч. *зо-н* 'я', *у-н* 'ты', *не-н* 'мы (инкл.)', *жве-н* 'вы', крыз. *зы-н* 'я', *вы-н* 'ты', *йи-н* 'мы (инкл.)', *жи-н* 'мы (экскл.)', *ви-н* 'вы', будух. *зы-н* 'я', *вы-н* 'ты', *йи-н*, *жи-н* 'мы', *ви-н* 'вы', хинал. *ки-н* 'мы (инкл.)', уд. *у-н* 'ты', *йа-н* 'мы', *ваI-н/ ефаI-н* 'вы'. Как видим, по крайней мере в двух подгруппах дагестанских языков форма номинатива личных местоимений включает ауслаутный *-н*, что, кстати, отражено в соответствующих реконструкциях О. А. Гулыги для общелезгинского и общеандийского, а также для протоаварского состояний [там же: 19].

По нашему мнению, ауслаутный *-н* представлен в метатезированном виде и в лак. *на* 'я', *ина* 'ты', дарг. *ну* 'я', *ну-ша* 'мы', а также в авар. *ни-лI* 'мы (инкл.)', *ни-жс* 'мы (экскл.)', *н-ужс* 'вы'. В приведенных формах единственного числа личных местоимений лакского и даргинского языков можно предполагать утрату ауслаутного корневого согласного, а в формах множественного — метатезу.

В связи с реконструкцией **-н* в составе местоимений возникает вопрос о функциях этого элемента в форме номинатива. С одной стороны, учитывая противопоставление прямой и косвенной основы с помощью аблаута, этот элемент не имеет никакой функциональной нагрузки, с другой стороны, маркировка этим элементом всех личных местоимений делает его похожим отчасти на словообразовательный (образует личные местоимения?), отчасти на формообразовательный (маркирует форму номинатива) аффикс.

Любопытную параллель рассматриваемой ситуации представляют личные местоимения абхазо-адыгских языков, где самостоятельные формы этих местоимений имеет аффикс *-ра/-гьуа*, ср. абх., абаз. *са-ра*, убых. *сы-гьуа* 'я', абх., абаз. *уа-ра*, убых. *уы-гьуа* 'ты', о которых М. А. Кумахов [1989: 85] пишет следующее: "В пользу того, что личные местоимения имели первоначальное строение CV, говорит форма субъектно-объектных и посессивных префиксов, этимологически восходящих к личным и классным местоимениям в абхазско-адыгских языках". Разбираемые в связи с этим формы дагестанских личных местоимений М. А. Кумахов трактует как первоначально не имевшие конечного сонантического элемента.

Реконструкция ауслатного —н в личных местоимениях остается дискуссионным вопросом и в тюркологии. Так, с одной стороны, А. М. Шербак [1981] предлагал реконструкцию с —н, ср.:

Ед.ч.	Мн.ч.	
1 л.	<i>пән</i>	<i>ни:с</i>
2 л.	<i>сән</i>	<i>си:с</i>
1 л.	<i>ан, ын</i>	<i>анлар</i>

С другой стороны, Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева [1979: 138] приводили аргументы в пользу вторичного характера —н. Так, говоря о местоимении 1л. ед. ч., они писали, что «чувакская форма местоимения *ебэ* «я» ясно показывает, что первоначально конечного *н* не было. Вопрос о его происхождении остается открытым». Реконструируемая ими система имеет следующий вид:

Ед.ч.	Мн.ч.	
1 л.	<i>пә, позднее пән > бән</i>	<i>пиз > биз</i>
2 л.	<i>сә, позднее сән</i>	<i>пиз</i>
1 л.	<i>олн</i>	<i>ол (олар)</i>

Предполагается вторичность —н и в личных местоимениях финно-угорских языков. По утверждению К.Е.Майтинской, «так называемый местоименный суфф. —н, столь характерный для финно-угорских языков (ср. фин. *minä* ‘я’, *sinä* ‘ты’, *hän* ‘он’; морд. *mon* ‘я’, *ton* ‘ты’, *son* ‘он’, *min* ‘мы’, *tin* ‘вы’, *sin* ‘они’; удм. *mon* ‘я’, *ton* ‘ты’ и т. д.), восходит к указательному местоименному корню *н-*. К такому же выводу можно прийти по поводу структуры некоторых индоевропейских личных местоимений» [Майтинская 1969: 208].

Вторичность —н предполагает его изначальную морфологическую нагрузку. Один из вариантов его интерпретации мы видим в приведенном выше высказывании К. Е. Майтинской, что, впрочем, не означает поиска других возможных решений. Так, на ностратическом уровне предлагается реконструировать показатель косвенности *nV [Бабаев 2008: 221 и сл.]

В связи с рассматриваемым кавказским материалом можно указать на функционирующую в ряде языков союзную частицу —н(а) ср., например, лезг. —ни (*буба-ни диде* ‘отец и мать’), табасар. —на (*узу-на ву* ‘я и ты’), агул. —на (*руш-на гедә* ‘девочка и мальчик’), рут. —на (*зу-на вы* ‘я и ты’), цахур. —ни, —на, крыз. —наб [Алексеев 1985: 102]. В составе местоименной основы эта частица могла первоначально выполнять эмфатическую роль.

Литература:

- Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. — М., 1985.
- Бабаев К. В. Происхождение индоевропейских показателей лица. Исторический анализ и данные внешнего сравнения. — М., 2008.
- Гулыга О. А. Инклюдив и эксклюзив в дагестанских языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. — М., 1979.
- Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. — М., 1989.
- Майтинская К. Е. Местоимения в языках различных типов. — М., 1969.
- Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку, 1979.
- Шербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). — Л., 1981.

А.ТАҢИРОВТЫҢ “ЯНҒУРА” ТАРИХИ ДРАМАҢЫ ҺӘМ “СУРА БАТЫР” ФОЛЬКЛОР ӘСЭРЕ АРАҢЫНДА ӘЗӘБИ ПАРАЛЛЕЛДӘР

Афзал Таһиров башкорт драматургияһы үсешенә билдәле кимәлдә үз өлшөн индерзе. 1911—1913 йылдарза, Киевта хәрби хеҙмәттә сағында, украин халык тормошон сағылдырған «Кума Марта» тигән спектаклде карау тәҫсирендә «Янғура» исемле әсәр ижад итә. Батша цензураһы пьесаны баҫтырып сығарыузы һәм сәхнәләштеревеүзе кәтғи рөүештә тыя [Башкорт әзәбиәте тарихы. II том. 1991; 389]. И. Бүләков «Янғура» пьесаһына ыңғай баһа бирә. Ул: «Милли азатлыҡ көрәше идеяһын күтәрәүе менән тарихи драма жанрының сиктәрән шактай асыҡ төсмөрләттә», — тип әсәрҙән әһәмиәтле яғын билдәләй [Башкорт әзәбиәтендә жанрҙар системаһы 1980; 84].

«Янғура» драмаһы үзенә идея-тематик йөкмәткеһе менән башкорт фольклорында киң таралған «Сура батыр» әсәре менән ауаздаш. Тарихтан билдәле булығынса, XIV—XVI быуаттарза көнбайыштан Дунай йылғаһы буйзарынан көнсығышқа Обь, Тобол йылғалары буйзарынаса һузылған зур территорияла Нуғай урзалығы барлыҡка килә [Башкорт халык ижады: Язма кисса һәм дастандар. 2004; 507]. «Янғура» драмаһында ла, «Сура батыр» эпосында ла ошо Нуғай урзаһының таркалығы осоро һүрәтләнә лә инде. Ф. Хөсәйенов билдәләүенсә, Нуғай урзалығы составында йәшәгән нуғай, башкорт, татар, казак, карағалпак халыктарында XV—XVI быуаттарза ауыз-тел һәм язма әзәбиәттәрәндә байтаҡ уртаҡ әсәрҙәр ижад ителә [Хөсәйенов 2000, 134]. Нуғай батырҙарының тарихи каһарманлыҡтарың данлаған әсәрҙән берәһе — «Сура батыр» сюжетында үткән быуатта башкорттар хәтерҙән кобайыр шиғыры менән йәки ярым сәсмә, ярым тәзмә рөүештә хикәйәт итеп һөйләп йөрөгән. Был хакта Ә. Вәлиди, М. Өмөтбаев, Р. Фәхретдинов язмаларында телгә алына [БХИ 2004, 508].

Тәү сиратта эпостың йөкмәткеһенә күз һалып үтәйек. Борон заманда Нарыкбай исемле бей Ҡырым ханың үлтәрәп, иленән сығып касқан һәм Яйык буйына киләп ултырған. Бында уның Сура исемле улы тыуа. Сура бик йәшләй кылыс тағып яуға сығыр батыр булып китә. Бер көн ул төшөндә Ҡазан калаһың күрә. Ҡазанға урыс батшаһы һөжүм иткән яулы вақыттар икән. Сура батыр Ҡазанды һаклашырға яуға китергә була. Ҡазанға еткәс, Күңелге күле буйына төшөп сатыр кора һәм хан менән хәбәрләшә. Башкорт иленән килгән нөгәрҙәрзе туллап, хан ғәскәре менән бер булып каланың қапка төбөнә киләп еткән дошмандарға каршы каты яузарза катнаша, ал-ял белмәй һуғыша. Яуза күрһәткән ғәйрәтлеге өсөн Ҡазан ханы Сураны батыр тип иелән итә. «Батыр» һүзен бында «хәрби дәрәжә» мәғәнәһендә аңларға кәрәк. Уның даны бөтә Ҡазан, Нуғай илдәрәнә тарала. Бер заман каты һуғыштарзың берәһендә иң яқын ярандары менән Сура батыр қапыл ғәйәп була. Яузағылар, ул Изел һыуына батып, һәләк булды, тизәр. Якташтары, хан ярандары Сураны ят тип ситләткәнә, тыуған иленә кайтып китте, тизәр. Үз илендә, Сура батыр иҫән-һау әйләнәп кайтқан тигән риүәйәттәр әле һаман йөрөй, мактау йырҙары бар.

«Янғура» драмаһындағы төп проблематика — илдең азатлығың һаклап калыу. Янғура, уның фәкерҙәштәре Күбәй, Шәбәк, Колғәли

кеүек халык батырзары тыуған илдәренән ирке өсөн көрәшәләр, ватандаштарын берзәмлеккә сақыралар. Әсәрзә Исмәғил мырзаның образы бик якшы асылған. Ул үзәнә тун алыу өсөн бөтә илен һатырға әзер. Бер туктауһыз төрлө рус кенәздәренә түбәнсәлекле хаттар язып, үзәнә һәм бикәһенә тун һорау менән мәшғүл. Яхшы — Казан мырзаһы. Рус кенәздәренә шымсылык итеп тотолғас, ул қала халкының нәфрәтенән қасып, Нуғай иленә килеп сыққан. Бында ла Нуғай мырзаларын кенәз яғына аузарырға димләп йөрөй. Күбәй һүзәрә менән әйткәндә: «Нуғай илен туззыррға килгән» [Таһиров А. Янғура. //Мирас. — 2003. — № 8; 33]. Исмәғил менән Яхшы икәүләп Қырым, Нуғай, Казан ханлыктарын қыйратырға төрлөсә интрига қоралар. Йәнгәрәйзең ғәскәр башлығы Янғураның исән қалыуы Исмәғил менән Яхшыла бик зур борсолоу тызуыра. Ю вакытында «Нуғай нәселенән булған, Нуғай ғәскәрә араһында борон-борондан мактаулы егет»тең ғәйрәтле һуғышы булығын күргәндәр. Уны нисек тә булһа тоторға, юк итергә қарар қылалар. Янғура был вакытта урман-далала Исмәғил мырзаға қаршы ғәскәр йыйып йөрөгән була. Батырзың тере икәнлеген белгәс, Күбәй менән Қолғәли уның янына китәләр. Қолғәли мулла әсәрзә шулай ук «ил қайғыртыусы» тип бирелә. Ул бар булмышы менән укымышлы, зыялы зат. Бер ни тиклем башқорттарзың 1755 йылдағы ихтилалы етәкәһе Батыршаға ла окшап китә.

Янғура батыр менән Сулпандың мөхәббәте әсәргә үзенсәлекле фон бирә. Батырзың үлемесле яузан исән қалыуы һәм үзәнә ярзамға ашығыуы Сулпанға Исмәғил мырзаның қысымына қаршы торорға көс бирә. Автор Сулпандың телмәрен шигри юлдарға һалып, образдағы лирик һәм романтик башланғысты көсәйтеүгә өлгәшә. Ил батыры Янғураның: «Мин ил халкын ни қәзәр һөйһәм, шул тиклем һине лә яратам, Тәнрем миңә һинен хакың өсөн көс биргән», — тип әйткән һүзәрә, уның ил мәнфәәтән шәһси бәхәте менән тиң қуйыуын сағылдыра. «Ил һатып, ирекле халықты кол итергә йөрәүселәрзән үс алыу — безән бұрысыбыз», — тип исәпләй ул һәм хыянаты асылған Исмәғилдә үлем язаһына хөкөм итә. Исмәғилгә лә, Қадышка ла үз фекерен қурқмай әйтеп бирә. «Телдә халык аскысы бар, қулда халык қамсыһы», — тигән һүзәрзә оран итеп алып Янғура, Шәбәк, Күбәй һәм Қолғәли Казан қалаһын дошман қулынан һақларға юл тоталар. Языусы бында характерзәрзың психологик һызаттарын һүрәтләүзәрзә зур уныштарға өлгәшкән. Тыштан ялтырап торған, зиннәтле һарайзар менән бизәлгән, хан, мырзалар кеүек юғары дәрәжәләр булдырған урзаларзың булмышы серек булығын, әстән тарқалыу процесы барыуын автор сағыу образдар аша асып бирә. Иң зур дошман — ситән килгәндәр түгел, ә үз түрәләре икәнлегенә басым яһала.

Әсәрзә тағы ла бер иғтибарзы йәлеп иткән образ бар. Ул — Қызыл Сук. Диуана. Ләкин, образға һалынған йөкмәтке буйынса, тәрән ақыллы, тура һүзлә кешә: «Һез бит қол. Доньяға аяк басқас та үзегеззе қол итеп һатқан кешәләр», — тигән һүзәрә уны М. Кәримдән «Ай тотолған төндә» трагедияһындағы Диуана образына яқынайта төшә. Шекспирзың «Король Лир», Пушкиндың «Борис Годунов» трагедияларындағы йүләр қәмитселәр кеүек вақиғаларзы гел дәрәс баһалай, кешәләрзән рухи қоллоғон фашлай. Ул үзән бәхәтле һанай,

сөнки: «Булырмын мин кол, мин, туған, ирекле кеше. Мин был көндә бында торһам да, иртәгә ана тегендә, ер сигенә китә алам» [Таһиров А. Янғура. //Мирас. — 2003. — № 9; 19].

Исмәғил мырзаның тоткондарын һаклаусы Матвей менән Кузьма — үззәре лә тоткондар. Әсирлеккә алынған көндәренән бирле, 30 йыл буйы мырзанан мырзаға һатылып йөрөйзәр. Тыуған яктарына қайтыу тураһындағы һыялды күнел төбөнә йәшереп қуйғандар. Ул һыял вақыты-вақыты менән уянып, азатлык хистәрен күзғытып куя. Әсәрзең һуңғы шаршауында тоткон хәлендәге Шәбәк һәм Янғура менән осрашабыз. Уларзың аяк-кулдары бығаулы, ләкин рухтары һынмаған. Баяр килеп: «Әгәр зә һез қылған гонаһтарығызған тәүбә қылып, зур кенәзгә бағынһағыз, ул һеззе бағышлап азат итәсәк», — тип баш әйергә, буйһонорға сақыра. Сакмай килеп, Сулпан да беззең якка күсте, ул һине көтә, тип юхалап, алдап карай. Янғура был һүззәргә ышанмай. Озақламай Сулпандың тукмалып үлеуен белә. Буйһонмас батырзың үзен дә үлем көтә.

Шулай итеп, «Янғура» драмаһындағы төп геройзың эш-хәрәкәте ниндәйзәр кимәлдә «Сура батыр» эпосы батырына окшап китә. Данлыклы Нуғай батырының Казан ханлығын қотқарырға ашығыуы, ләкин ханлыктағы эске интригалар тозағына эләгеуе, азатлык һақына қорбан булығы «Янғура» драмаһында қуйы буяузар, қискен контраст алымдар менән һүрәтләнә. Әсәрзең буйынан буйына һалықты туллаусы, азатлык көрәшенә күтәрәүсе батырға дан йыры қызыл һызык булып үтә. Пьеса тарихи вакигаларзы тасуирлаһа ла, XX быуат башында илдең революция алдындағы торшон, сәйәси хәлдәрзең ин юғары көсәргәнәшле сиккә етеуен сағылдыра алған.

Алсынбаева Р.Г., г. Стерлитамак

МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема модальности в тюркологии приобрела особую популярность и актуальность в последние десятилетия и заняла прочное место в современных исследованиях. Стремление тюркологов осветить основные вопросы, связанные с изучением этой категории, наталкивалось на массу неисследованных проблем, так или иначе связанных с категорией модальности. Сложность решения этой проблемы состоит еще в том, что в разных тюркских языках она решается по-своему: в каждом языке существует определенная система средств выражения модальности, классификация основных модальных отношений и значений и т.д. так что проблема модальности в тюркологии все еще остается дискуссионной и открытой.

Категории модальности присуще постоянное совершенствование и пополнение все возрастающим числом единиц, выражающих отношение носителя языка, отправителя речи к форме и содержанию реализации знаками языка своей или трансформируемой мысли в процессе общения. В сферу модальности включаются слова-глаголы, краткие прилагательные и предикативы — своими лексическими значениями, выражающие возможность, желание, должествование, необходимость или вынужденность и т.д.; это такие слова, как можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, может, желает, надлежит. Предложе-

ния, содержащие такие модально значимые слова, находятся в системных, формальных и семантических соотношениях с теми формами предложений, которые синтаксически выражают объективно-модальные значения, близкие к лексической семантике перечисленных слов.

В современных тюркских языках, в том числе и в башкирском, для выражения модального выражения возможности и невозможности существует целая система лексико-грамматических средств. Для этой модальности характерно отсутствие доминантного способа выражения. В целях реализации в речи модальных значений возможности и невозможности используется различные средства: аналитические глагольные формы, аналитические конструкции, а также аффиксы. Аффиксы возможности и невозможности в современном башкирском языке весьма многочисленны и своеобразны. Они передают различные оттенки модальных отношений возможности и невозможности. Например, модальное значение субъективной возможности и невозможности в современном башкирском языке выражается аналитической конструкцией, состоящей из деепричастной формы на -а/-ә,-й и десемантированного вспомогательного глагола ал-: бара ала, килә алам, укый алаһын. Форма на -а(-й) ал- представлена во всех тюркских языках, за исключением турецкого, азербайджанского, гагаузского, якутского, чувашского, хакасского, алтайского, и совершенно правильно охарактеризована как один из специфических различительных признаков глагола. Данная модальная конструкция выражает способность конкретного лица совершить данное действие. А.А. Юлдашев пишет: «Форма на -а(-й) ал- обозначает собственно не действие, а состояние, что ясно видно при сопоставлении этой формы с другими глагольными формами (например, бар (иди); барамын ((я) иду) и бара аламын ((я) могу идти, (я) в состоянии идти) [Юлдашев 1966, 90]. Форма на -а ал- характеризует состояние действующего лица с точки зрения отношения к данному действию, взятому вне времени и пространства, — и только. Содержание этой формы, прежде всего, связано с действующим лицом, состояние которого выражается в отношении к действию, обозначенному основой глагола, поэтому форма немислима вне категории лица; она немислима также вне категории отрицания или утверждения [Юлдашев 1966, 90]. Надо отметить, что эта форма модальности изменяется по лицам и временам.

Из всех наклонений форма на -а ал- принимает аффиксы изъявительного наклонения, хотя она допустима также в условном и сослагательном наклонениях, причем чаще всего эта форма встречается в пределах настоящего времени изъявительного наклонения. Конструкция на -а/-ә,-й алыу в форме настоящего времени означает, что действующее лицо в данный момент имеет возможность для осуществления действий, в состоянии выполнить то или иное действие или не имеет такой возможности [Зайнуллин 2000, 179]: Кейем һайлай за, һеззән менән һөйләшә лә алам (М.Буракаева). Без Калманай башына бармайбыз, түбәнгә, Ағизел яғына юл тотһағыз ғына һезгә юлдаш була алабыз (Р.Сабитов).

В будущем времени форма на -а ал-, хотя и редко, но также употребляется. Она выражает уверенность говорящего о том, что действующее лицо либо способно, либо не способно совершить то или

иное действие: Төрлө мөкәлә йә очерктарзы ул былай за *яза алып*, ә төп вакытын әзәбиәткә бирер (Ә.Хәкимов). Хәзер үзегезгә көсөгөз менән шул йомоштарзы кире кыуалай алырыгызга иманым камил (Ф.Ибраһимов).

Рассматриваемая форма может употребляться и в пределах прошедшего времени. Конструкция на -а/-ә,-й ал- в форме прошедшего времени показывает, что тот или иной субъект не смог совершить данное действие: Ул флангалағы өс эскадрон самаһы казактар төркөмө генә кырсынлы йылғаны аша *сыға алды* (Я.Хамматов).

Модальность возможности и невозможности может иметь формы давнопрошедшего времени, а также условного и сослагательного наклонений [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981, 266]: эшлэй ала торғайны, эшлэй алһа, эшлэй алһа ине: Әзерәк акса *тулай алһам*, эзенә төшәм инде (З.Ураксин). Бына шуға кәзәр өзөлөп-ялғанып *йәшэй алһалар*, аръяғында бирешмәстәр (Р.Өмөтбаев). Условная форма данной конструкции в сочетании с вспомогательным глаголом и не выражает желание говорящего иметь возможность совершить какое-либо действие.

Модальные значения конструкции на -а/-ә,-й ал- передаются также в различных видах придаточных предложений, в составе сложно-подчиненного предложения, где показываются конкретные условия, ситуации для реализации: Артиллеристар тураға төзөп *ата алмасаҡ* — пулеметты күрмәйзәр (Р.Солтангәрәев)— обстоятельство условия. Техник менән механик көс һалмаһа, ул *оса алмай* (А.Мағазов).— придаточное условия. Председатель нисек кенә етди қарарға тырышмаһын, көлмәйенсә *булдыра алманы* (А.Мағазов) — обстоятельство причины. Уларзың әсәһе Хәбибә еңгә балаларын бик ярата, шуға күрә ул, уларзың һүзәрәнән сығып, бер кайза ла *китә алмай* (Д.Юлтый) — придаточное причины.

Таким образом, основное грамматическое значение данной формы модальности -а/-ә,-й ал- — выражение возможности совершения действующим лицом того или иного действия. Форма субъективной возможности употребляется тогда, когда необходимо выяснить способность и умение данного лица стать субъектом данного действия.

Литература:

- Грамматика современного башкирского литературного языка. — М., 1981.
Зайнуллин М.В. О сущности и границах языковой модальности. — Уфа, 2000.
Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. — М., 1966.

Альчикова О.М., г. Горно-Алтайск

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО 'ГЛУБОКИЙ' В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном алтайском языке есть группа имен прилагательных, обозначающих различные физические свойства предметов и явлений: пространственные (*длина, ширина, площадь, объем, протяженность, консистенция*), кинетические (*скорость*), энергетические (*давление, сила, температура, напряжение*) и другие характеристики. Такие прилагательные принято называть *параметрическими*. Принадлежность лексического значения прилагательного к параметрическим проявляется в том, что в его словесное определение включается сема, указыва-

ющая на меру признака ('большой', 'значительный' – 'малый', 'небольшой', 'незначительный' и т.п.). Наличие этой семы сигнализирует о необходимости обращения к «точке отсчета».

«Точка отсчета» – это представление эталонного признака, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органом чувств, признак предмета [Шрамм 1976: 27–45]. Для того, чтобы определить величину какого-то предмета, мыслящий, познающий субъект должен соотнести этот признак с имеющейся в его сознании «точкой отсчета» и на основе этого соотнесения, на основе отношения признака к «точке отсчета», обозначить, назвать его соответствующим словом.

Настоящая статья посвящена алтайскому прилагательному *терен* 'глубокий'. Многозначная лексема *терен* по своей семантике принадлежит ЛСГ параметрических прилагательных (ПП) зрительного восприятия (ЗВ).

Задача этой статьи – по возможности полно выявить, наряду с основным номинативным значением, которое, с точки зрения действительности, определяется как прямое, а по связанности с контекстом – как свободное, также и производно-номинативные значения, характеризующиеся как образованные от основного по принципу сужения или расширения семантики; переносные значения, которые образуются от основного или от производно-номинативных на основе ассоциативных связей (метафорические), значения алтайского прилагательного *терен* 'глубокий'.

Рассмотрение структуры исследуемого прилагательного показало, что, вступая в лексическую связь с различными семантическими объектами, данное прилагательное реализует различные значения. Интегрирующим родовым значением (*архисема*), которое «отражает признаки, свойственные целым классам объектов» [Гак 1977: 14] всех ЛСВ многозначного прилагательного *терен*, является 'имеющий большую глубину', противопоставленность ЛСВ основана на противопоставленности семантических объектов, тогда ЛСВ противопоставляются своими дифференцирующими видовыми семами. Дифференциальная сема – это сема, которая «в своей совокупности составляет ядро значения слова и отличает его от других противопоставленных ему значений» [Гак 1977: 16]. Прямые значения реализуются в сочетании прилагательного с существительным, обозначающим конкретный предмет, переносные значения – с абстрактными понятиями. В данном случае сочетаемость прилагательного с лексемами широкая. Узкая сфера сочетаемости приводит к появлению устойчивых сочетаний.

Источниками материала послужила алтайская художественная литература, Ойротско-русский словарь [1947], информанты и собственная языковая компетенция.

В Ойротско-русском словаре данное прилагательное описано как имеющее одно значение: 'глубокий'. Наш материал показывает, что лексема *терен* в современном алтайском языке является многозначной, она представлена сложной семантической структурой, включающей 8 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) с оттенками:

ЛСВ₁ 'глубокий, имеющий большую глубину' реализуется при сочетании с существительными: *суу* 'река', *оро* 'яма', *тенгис* 'океан', *уйа* 'нора', *кобы* 'ущелье' и т.д.: *Оро ѳскѳн кангыл мѳйтѳр кѳк-чанкыр, терен сууга караган тургулайт* (ЭА 93, 24) – Вверх растущие кедры стоят,

всматриваясь в сине-голубую глубокую реку; *Удабас бастыра јердин үсти терен карга бүркелип калар* (БУ ӨЈЭУ 670) — Скоро вся поверхность земли покроеется глубоким снегом.

ЛСВ₂ ‘проникающий на большую глубину’ реализуется при сочетании с существительными, обозначающими части тела человека, а также рану, морщины и т.д.: *Јалбак мандайын кечире эки-үч терен чырыш кезип салган* (ТШ ЫЭИ 231) — Его широкий лоб вдоль прорезали две-три глубокие морщины; *Түйште слесарный цехке он јаны терен кызыл сорбулу кизжи келди* (АД КФЈ 9) — Днем в слесарный цех пришел человек с глубокой красной царапиной на правой щеке.

ЛСВ₃ *перен.* ‘глубокий, происходящий, исходящий из глубины (о дыхании)’: *Болуп та айабас — Саналов Сана терен көксинег улу тынып ийди* (БУ ӨЈЭУ 31) — Может быть — Саналов Сана тяжело выдохнул из глубокой груди; *Кезик аразында мында јиир де неме јок болзо, је јараш јыт-талынанг да көксине терен тыныш алызанг, тойо бергендий деп бодолот* (ЭА 98 45) — Иногда, когда даже есть нечего, но глубоко в грудь вздохнув его красивый запах, кажется, что насытился.

ЛСВ₄ *перен.* ‘отличающийся глубиной, содержательный, серьезный, значительный, веский’: *Торкошко там ла ийде, бүдүмји ле онон јана болор аргазы јок терен шылтактар кожуп турды* (БУ ӨЈЭУ 63) — Торкош добавляло все больше силы, веры, серьезные причины, из-за которых она не имела права отступать; *Үредүгер де, билгирер де јеткил, бийик, терен* (ТШ ЫЭИ 223) — И образование, и знания достаточные высокие, глубокие.

В пределах четвертого значения мы выделяем его оттенок ЛСВ_{4(а)} *перен.* ‘глубокий, проникающий во внутреннюю сущность, чего-л., затрагивающий самые существенные свойства, особенности, стороны чего-л.’, который реализуется при сочетании с существительными *шүүлте* ‘идея, мысль’, *санаа* ‘мысль’, *шинжү* ‘исследование’, *көрүш* ‘взгляд’, *өзөк* ‘сущность’ и т.д.: *Эмдиги бистерге бу улу темдектү јылдык шак мыныг учун терен шүүлтелү санаалар экелет* (ЭА 98 56) — Для нас, современных людей, эта годовщина с великим знаком (негативн.), вот поэтому она приносит идеи с глубокими смыслом; *Бүгүниг кижининг эки кулагы да ыраак угуп турганыла коштој, сананган санаазы да терен болуп калган* (БУ ӨЈЭУ 29) — У современного человека вместе с тем, что его уши далеко слышат, и мысли, которые он думает, стали глубокими; *Монулдайдын, бойынын терен өзөгинде өткөн јангырту ине* (БУ ӨЈЭУ 33) — Это же перестройка, которая произошла глубоко внутри Монулдая.

ЛСВ₅ *перен.* ‘внимательный, серьезный, выразительный (о взгляде, взоре)’: *Ол уулына јобош, је терен, санаалу көстөриле көрөт* (БУ ӨЈЭУ 56) — Она смотрит на сына покрными, но серьезными, умными глазами; *Ого коштој, эки кара көстин курчы, терени коркышту* (ЭА 93 32) — Кроме того, два черных глаза очень острые и глубокие.

ЛСВ₆ *перен.* ‘глубокий, древний’ реализуется в контекстах о древних родах, имеющих глубокие корни: *Је угы-төзи јаан, тазыл-тамыры терен болзо, өлгөн кижининг ады бачым ундылбас, оны эбирек эрмек-куучын да, тоомји да јаан болор...* (БУ ӨЈЭУ 48) — Имя мертвого долго не забудется, вокруг него будут и разговоры, и большой почет будет, если у него родословная большая, корни глубокие.

ЛСВ₇ *перен.* ‘достигший полноты, предела в развитии, течения’ реализуется при сочетании с существительными времен года, суток: *Терен кыштын ойинде кезик кушкаштар өлүп те калат* (ИС ТУКА 71) —

Во время глубокой зимы некоторые птицы даже умирают; *Кардын алдына конорго кирген куштар тош карды ойю чокып болбой, олун те калар. Је терен кыштын ойинде андый учуралдар болбой јат* (ИСТУКА 74) – Птицы, забравшиеся под талый снег даже умирают, не имея возможности выдолбить ледяной снег. Но во время глубокой зимы таких случаев не бывает; *Нөкөрлөри терен уйкуда болгон. Лазарь таскадучызынын үйине өткөңизип, «Подъём» деген команда берген* (ИСТУКА 45) – Друзья были в глубоком сне. Лазарь, копируя голос воспитателя, дал команду «Подъём!».

Таким образом, в современном алтайском языке прилагательное *терен* представлено 8 ЛСВ с оттенками. Смысловая структура данного прилагательного по способу связей ЛСВ друг с другом относится к радиально-цепочечному типу полисемии. Производно-номинативное значение (ЛСВ₂) и переносные (ЛСВ₃, ЛСВ₄, ЛСВ₅, ЛСВ₆, ЛСВ₇) мотивируются основным номинативным значением, на основе ЛСВ₄ соответственно развивается его оттенок ЛСВ_{4(а)}.

Литература:

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М., 1974.
Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). – М., 1989.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. – М., 1977.

Иванова Л. И. Русское *низкий* и английское *low* (сходства и различия лексической сочетаемости) // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. – Воронеж, 1980. – С. 54–58.

Шрамм А. Н. Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке // Вопросы семантики. Вып. 1. – Л., 1974. – С. 3–18.

Шрамм А. Н. Семантическая классификация качественных прилагательных // Вопросы семантики. Вып. 2. – Л., 1976. – С. 27–45.

Аманбаева З. С., г. Уфа

ТЕМА ЖИЗНИ, СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В ЭПОСЕ «УРАЛ-БАТЫР»

Ф. Надршина дает следующую трактовку смерти:

- 1) нечто постоянное, данное свыше, неведомое и невидимое;
- 2) состояние, вызванное болезнями, старением (эпизод, в котором рассказывается о черных делах, в царстве Катилы, где убивают людей еще не испытавших болезней, приводящих к смерти. Представление о смерти как о естественном процессе, наступающем в результате старения, лежат в подтексте слов старика, осуждающего своего брата за злодеяния: «*Одрахлел, и Смерть* потому раньше других подкралась к нему»);
- 3) результат физического действия враждебных сил (прерванная жизнь) – в эпосе фигурирует как «видимая смерть» (Урал : «Когда прибрали к рукам своим пленников дэвы одного за другим, смерть пред глазами моими предстала») [Надршина 2003, 8].

В сказании Смерть несут в себе не только угасание жизни в физическом плане. Он символизирует народные бедствия и страдания. Герой сказания хочет разыскать и уничтожить Смерть. Родителей Урала и Шульгена Янбирде и Янбикэ именно страх перед Смертью загнал в необитаемые края. Они надеялись, что Смерть не найдет к ним дорогу. Родители Урала соблюдают целый комплекс обрядов, чтобы защититься от гибели. Родители пробуждают в Урал-батыре идею борьбы против Смерти. Причем не ценой личного спасения, а ценой личной гибели.

Поиск героем Живой воды, дающей бессмертие – основной лейтмотив сюжета эпоса «Урал-батыр». Этот мотив часто встречается в

мировом фольклоре. Путь, пройденный Урал-батыром в поисках Живой воды, стал дорогой его вечной славы. Проявление заботы о судьбе всего человечества — в этом бессмертии Урал-батыра. Урал-батыр — культурный герой-первопредок, чьи деяния носят общечеловеческий социально-значимый характер. Наличие культурного героя отличает эпос «Урал-батыр» от других мифов, связанных с проблемой бессмертия. Мотив Живой воды здесь приобретает глубоко символический смысл. Герой, оросив землю Живой водой, устанавливает вечный порядок в природе.

Урал-батыр борется за бессмертие человека, природы. Но он был вынужден изменить свое мнение по поводу вечной жизни человека. Этому способствует, во-первых, противостояние животного мира, во-вторых, встреча с мучающимся старцем, испившим Живую воду. Старик, рассказав о своих мучениях, советует Уралу отказаться от бессмертия. Только после этого герой решает обесмертить природу, окружающую среду.

Урал-батыр стремится соблюдать интересы коллектива. Это особенно ярко выражено в эпизоде отказа героя выпить Живую воду и тем самым обрести личное бессмертие. Здесь проявляются такие его моральные качества, как героизм, справедливость, уважение к старшим, покровительство молодым и т.п. Живая вода выступает своеобразным определителем его моральной нравственности, когда Урал-батыр, поставленный перед проблемой нравственности, не изменяет себе и достойно принимает свою смерть [Торокова 2003, 52].

Таким образом, борьба Добра и Зла, Жизни и Смерти, Бессмертия составляет основу содержания эпоса «Урал-батыр». Бессмертие человека состоит в его благоденствии — это главная идея эпоса.. Эта идея заложена в словах старика о том, что Добро и в небе не затеряется, и в воде не утонет, и в огне не сгорит, что Добро — всему голова, и в нем бессмертие людей. С.С. Парсамов про Бессмертие в эпосе говорит следующее: «Бессмертие признается, но не физическое бессмертие одной личности, а ее слава, благодарность потомков за добрые деяния. В прямом смысле, утверждает поэма, бессмертна не личность, а народ в целом — в форме смены и преемственности поколений» [Парсамов 2003, 90].

Литература:

Надршина Ф. Башкирский народный эпос // Эпос «Урал батыр» и мифология. — Уфа, 2003.

Торокова Е.С. Роль и значение мотива «Живой воды» в эпосе «Урал батыр» // Эпос «Урал батыр» и мифология. — Уфа, 2003.

Парсамов С.С. К вопросу об отражении мифологических воззрений в башкирском народном эпосе «Урал батыр» // Башкирский фольклор. Вып. IV. 85 лет записи башкирского народного эпоса «Урал-батыр» — Уфа:, 2000.

Аминев З.Г., г. Уфа

ОБРАЗ ХУМАЙ В ЭПОСЕ «УРАЛ-БАТЫР»

В мифологии практически всех ирано- и тюркоязычных народов мира встречается божество Хумай. Этот персонаж зафиксирован и в традиционной культуре башкир. Например, в архаическом башкирском эпосе «Урал-батыр», основным содержанием которого являются космогонические мотивы и сюжеты, одним из активных персонажей является Хумай, жена Урала, главного героя эпоса. Как персонаж башкирской традиционной культуры Хумай довольно подробно описан известным башкирским фольклористом С.А. Галиным в работе

«Божество Хумай», что освобождает нас от необходимости останавливаться на описании этого образа [Галин 2000, 19-27]. Однако необходимо отметить, что в своей работе С.А. Галин не охватил вопросы семантики башкирского персонажа Хумай. Поэтому целью нашей работы является желание восполнить указанный пробел и показать семантику образа данного персонажа, зафиксированного в эпосе «Урал-батыр».

Сразу надо сказать, что наш анализ семантики образа Хумай показывает, что данный персонаж башкирской мифологии связан с солнцем, является солнечными лучами и тем самым близок к образу индоарийского Ушас — «богини утренней зари», а также Авроре древних римлян или же Эос древних греков.

В первом же эпизоде, когда в эпосе появляется Хумай, она заявляет:

Самрау тигән батшаның
Һомай тигән кызымын;
Алтын сәсем таркаһам,
Нурға илде күмәмен:
Көндөз ергә нур һибәм,
Кисен айға нур бирәм [БХИ 1972, 45],

то есть она - солнечный луч и днем заливает своими лучами всю землю, а ночью дает свои лучи Луне.

В другом эпизоде эпоса про Хумай говорится:

Коштар торған зур илдә,
Самрау тигән батша бар.
Шул батшаның Кояштан
Тыуып төшкән кызы бар [БХИ 1972, 62-63]

Здесь строки «Кояштан тыуып төшкән кызы бар» мы должны понимать, что Хумай — это дочь Солнца, спустившаяся с небес на землю в виде солнечных лучей. Отцом ее является царь небес Самрау, т.е. солнечный луч является одной из ипостасей божества Хумай. В то же время анализ эпоса «Урал-батыр» показывает, что башкирское божество Хумай имеет отношение и к воде. В анализируемом эпосе есть строки, которые прямо указывают на то, что Хумай может принять облик лебедя:

Кош тунын кейеп,
Шундук осоп килгән, ти,
Аккош булып түл йәйеп,
Аккош тыуын үрсеткән.
Һомай токомо коштар, тип,
Аккош үрсеп киткән, ти [БХИ 1972, 130]

Из этих строк эпоса видно, что у башкир Хумай — персонаж, способный превратиться в водоплавающую птицу, и дающий начало лебединой породе птиц, то есть имеет отношение и к водной стихии. Все эти свойства башкирского Хумай сближают ее с гуннским божеством Хумай, которое у христианских авторов названо «Афродитой» [4.с.162]. Известно, что у греков божество Афродита имело отношение к солнечным лучам и деторождению. Это же божество связано было и с водой. Поэтому, исходя из функциональных сходжений, христианские источники ассоциировали божество Хумай с хорошо известным им божеством Афродитой.

В башкирском мифе о чудесном зачатии от солнечных лучей есть моменты, сближающие этот миф с образом Афродиты. В этом мифе говорится, что в «очень давние времена в некоем городе Макине у белого моря жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялик-Курклык. Отец спрятал ее от посторонних глаз в темнице, где она забеременела от солнечных лучей. Тогда рассерженный хан посадил ее в серебряную лодку и отдал ее воле волн» [5.С.27; 6. С.122].

У башкир имеется также мотив зарождения первого человека в пещере из воды, которая ожила от упавших в нее солнечных лучей. Здесь нет упоминания имени Хумай, говорится лишь о солнечных лучах, упавших в воду. Нам кажется, что под солнечными лучами предки башкир понимали божество Хумай, так как именно Хумай в башкирских материалах связана с солнцем, т.е. именно она является солнечными лучами. Мотив наступления беременности у некой красавицы от упавших на нее солнечных лучей зафиксирован в фольклоре многих тюркских народов. В то же время у тюрков зафиксированы предания о том, что душу «кот» ребенку дает Хумай [7]. И в случае, когда беременеют от солнечного луча, и в случае, когда Хумай дает ребенку душу «кот», речь идет об одном и том же – о солнечных лучах, которые тюрки называли Хумай. У тюркоязычных телеутов и шорцев Саяно-Алтайского нагорья Умай принадлежала к небесным духам и связана с верховным небесным духом Ульгеном. На призыв людей Умай спускается от белого Ульгена по радуге, подобной солнцу [2. С.230-237].

По мнению Т.Д.Скрынниковой, тюрко-монгольский Умай восходит своими корнями к индоиранской традиции и на самом раннем этапе этот теоним обозначал божество-Солнце женского рода. На солнечную природу Умай указывает генетическая связь с древнеиранскими представлениями о птице Хумай, солнечная природа которой выявляется имплицитно, и с индоарийским *umā* – «свет, сияние, блеск, величие» и с именем богини Ума (*umā*) – «сверкающая» (Ума Хаймавати), она же выступает под именем Аи [8.с.83; 9].

Необходимо отметить, что кроме Умая, связанного с солнцем, у Л.П.Потапова зафиксировано представление у тюркоязычных народов Сибири о злом духе Кара Умай, губящего младенцев, лишаящего их жизни. Такое же двойное значение: «добрый дух – хранитель младенцев и ангел смерти» зафиксировано и в словаре В.Вербицкого. Здесь под вторым значением подразумевалась, видимо, Кара Умай. По словам сагайцев, Кара Умай, проникнув в жилище, поселялась в колыбели младенца (7. С.287). Для изгнания этого злого духа и приходилось звать шамана, который просил сделать из тряпок куклу, имитирующую ребенка, и положить ее в колыбель вместо него. Во время камлания он ставил колыбель с куклой, в которой, как предполагалось, находилась и Кара Умай, на плотик и отправлял его по реке вниз по течению, в «землю умерших» (7.С.288).

Представление о двух Умай существовало и у шорцев, которые верили в доброго и злого духов под названием Умай, или Май, от которых зависит жизнь и здоровье младенцев: доброго и благожелательного именовали Май-иче, злого – Кара-Май, с которой они связывали болезнь и смерть детей и относили ее к категории злых духов. Шаманы шорцев, камлая Умай-ээзи, просили ее защитить младенца, а Кара-Умай уговаривали не трогать ребенка (с.289) [7. С.289].

Башкирские материалы не содержат информации о существовании у башкир представлений о двух Хумай. Однако некоторые косвенные данные о возможном существовании у башкир в прошлом представлений о Кара-Хумай имеются. У башкир две ночные птицы из семейства совиных называют «Байгош» и «Хомай» [3. С.21, 22, 132]. Как известно, ночное время у башкир, также как и у других народов, было связано со смертью, потусторонним миром и было временем отрицательным. По мнению Д.В.Черемисина, связь птицы Хумай, приносящей счастье, также и с хтоническим миром является отражением древнейших воззрений, когда смерть неразрывно была включена в жизнь и наряду с рождением определяла ее вечное движение, исчезновение, являясь свидетельством нераздельности полюсов «рождение-смерть» [11. С.34]. Видимо, именно ночной и хищный образ жизни этих птиц и дало основание башкирам ассоциировать их с Кара Умай и дать им названия «Хомай» и «Байгош», т.е. «Умай кош». Названия этих птиц, таким образом, одновременно указывают, как нам кажется, и на существование в прошлом у башкир представлений о Кара Умай.

Литература:

- Галин С.А. Божество Хумай // Ядкяр №2/2000. С.19-27.
Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» // Тюркологический сборник. 1974. — М., 1978.
Ишбердин Э.Ф. Башкортостан коштары. Уфа. 1986.
Кляшторный С.Г., Султанов Т.М. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. — С.-Петербург. 2000.
Корогло Х. К тюрко-венгерским фольклорным связям // СТ.№3/1988. С.27. 6.Племя тунгавров // Башкирское народное творчество. Т.2. Предания и легенды. — Уфа.1987.
Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л., 1991.
Скрынникова Т.Д. Проявление культа солнца у народов алтайской языковой семьи // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. — Барнаул. 2008. С.82-86;
Скрынникова Т.Д. Ранний архетип божества Умай // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Выпуск 5, Часть 2. — СПб., 2004.
Урал батыр // Башкорт халык ижады. Эпос. Беренсе китап. — Офе, 1972.
Черемисин Д.В. К ирано-тюркским связям в области мифологии: Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура. — Новосибирск. 1997.

Амирлан С.Е., г. Нукус, Узбекистан

К ВОПРОСУ СВЯЗИ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И УРАЛО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

(роль и значение обряда взывания дождя в детском быту)

Территория между Алтаем и Уралом, а также Средней Азией расположена на перекрестке этнопроцессов цивилизации человечества. Тюркоязычные народы, обитающие на этой территории, со времен существования переживали разные исторические смещения. Эти явления повлияли на жизненный быт и культуру тюркоязычных народов, являющихся едиными по этническому происхождению, но сохранивших общетюркские признаки. Особенно это проявляется в этнографической характеристике тюркоязычных народов, распространенной на территории между Средней Азии и Южного Урала [Кузеев 1971, 26].

Несомненно, мы обратим внимание на такие сходства в фольклоре, в том числе в детском поэтическом творчестве. Фольклор — народная память и мудрость, свидетельствующие о прошлом народа. Естественно, историческое сознание существует вместе с народом. Поэтому сохранение исторического сознания неразрывно связано с фольклором [Самиев, 1988, 3].

Одним из народных обычаев является вызывание дождя в детском фольклоре бухарских каракалпаков:

*Жау, жау жаңбыр, жау жаңбыр,
Жауын-шашын мол болсын,
Жал толқында кемелер,
Жарысарлық көл болсын!
Лей дождь, лей дождь,
Не жалея, лей,
Пусть лодки на гребнях волн,
Соревнуются меж собой!*[Қанаатов Т., 2008, 83].

В основном в сознании каракалпаков Бухарского региона до сих пор сохранились понятия, как «жал толқын» («гребенная волна»), «кеме» («корабль»), напоминающие о том, что когда-то они заселяли морские берега.

Особенность заклинания дождя в детском фольклоре состоит в том, что каждый произносит свои собственные пожелания:

*Жауын-шашын кәс, кәс,
Жасық шашым өс, өс!**
*Лейся дождь, лейся,
Пусть отрастут мои волосы!*

Такие детские благопожелания встречаются и в алтайском фольклоре, который называется «том сөс»:

*Лаш, јааш,
Јаап бер!
Менин бажым,
Суулап бер!
Дождик, дождик,
Поливай!
Мою голову
Сделай влажной!*[Чочкина М., 2003]

Нечто подобное можно обнаружить и в казахском детском фольклоре:

*Жау, жаңбыр, жау, жау,
Көк биенді сау, сау...
Лей дождь, лей, лей,
Кобылицу дой, дой...*[Сламжанұлы К., 1995, 68]

Под словом «бие» («кобылица») мы можем понять, что речь идёт о жизненном быте казахов. И в фольклоре башкир можно увидеть сходства, связанные с обрядами взывания дождя, которые, как и в вышеприведенных примерах, начинаются со словами «яу, яу» («лей, лей»):

*Јәмгър ју, ју, ју,
Майлы бутка бирермен,
Тәтәй кашык бирермен,
Тәтәй кашык базарза,
Майлы бутка қазанда...
Дождик, лей, лей, лей,
Кашу с маслом дам,
Красну ложку дам,
Красна ложка на базаре,
Каша с маслом в казане...* [Атанова Л., 1980, 118]

В этих прошениях «майлы бутка» («каша с маслом») означает пожелания богатства и изобилия. В фольклорах многих народов встречается волшебная сила, вызывающая дождь. Так, например, в узбекском фольклоре называется «Суст хотин», «Сус хотин» (*а в таджикском «Сусхотун» - С.А.*) и т.п. Иногда они встречаются «Сур хотин». При заклинании дети узбеков не забывают о том, в чем они нуждаются:

*Ёмъир ёъсин,
Уралар тўлсин,
Сур хотин,
Сур хотинга сув керак,
Қозон-қозон ун керак.
Пусть летяся дождь,
Заполняя амбары,
Сур хотин,
Ей нужна вода,
И много муки с казанами.* [Жахонгиров Ф., 1975, 68]

В детском фольклоре башкир и узбеков вместе с прошением воды говорится и о казане (котле). Подобное явление, связанное с казаном, мы можем обнаружить и в каракалпакском фольклоре:

*Мен апамның туңғышыман,
Жаўма куним, жаўма,
Қазан қыраар қырғышыман,
Жаўма куним, жаўма!
Я маменькин первенец,
Не лей дождь, не лей,
Я скребок казана,
Не лей дождь, не лей!* [Курбанбаев И., 1974, 22]

Обычно, казан и скребок («қазанқырышы») изготавливаются из металла, символизирующего холод. Не случайно металлические изделия уподобляется туче. «Суст хотин» («Сус хотин», «Сур хотин», «Сув хотин» и т.п.) в узбекском фольклоре женщина холодная и мрачная. Видный узбекский фольклорист Б.Сарымсаков считает, что компонент «Суст» в названии «Суст хотин» — фонетически изменённая форма космонима «Тиштрия» (*Тиштр → Тустр → Сустр → Суст*). А компонент — ийа, обозначающий категорию рода, заменен словом «хотин» («қатын») в тюркском языке [Саримсоков Б., 1986, 82-86]. О Тиштре — владыке всех вод упомянуто и в «Авесте» [Авесто. Яшт., 2001, 72-73].

У туркмен властелин дождя называется «Сюйт хатын», «Сюйт-газан» [Басилов В., 1973, 198-199]. В последнем встречается «газан» («казан»). Казан обладает свойством, вызывающим и прекращающим дождь. Причиной служит то, что казан чернее, темнее тучи, а также он стоит на огне. Огонь — символ солнца. Поэтому он употребляется и в противоположном значении. Если еда варится в казане, то чай, вода варится на огне. Предвидев это, дети при вызывании дождя готовы на все условия, в процессе которого они совершают разные ритуалы.

Сверхъестественная сила, носящая название «катын» («хотин», «хотун»), преобладает во многих народах Средней Азии, а у каракалпаков заменена словом «мама». Хозяйка грома «Гүлди́р мама»,

посылающая дождь «Эйем мама» («Эйем кемпир») и т.д. Весной дети сначала обращаются к «Эйем мама» с просьбой о дожде:

*Эйем мама қамшылат,
Жауыныңды тамшылат!**
*Эйем мама хлестни нагайкой,
Посылай нам свои дожди.*

По верованию детей, если Эйем мама хлестнёт своей нагайкой тучи, то после этого грянет гром и пойдут дожди. Если не идёт дождь, тогда дети ищут черепах. Достав большую черепаху, они опрокидывают его и, стоя на одной ноге на груди черепахи, они хором закликают:

*Аўырлығым саған,
Жеңиллигиң маған.**
*Теперь моя тяжесть твоя,
А твоя легкость моя.*

Если черепаха небольшая, её вешают на дерево в перевёрнутом виде. Тогда властелин, увидев это, посылает много воды на землю, сказав нижеследующее слова: «Я хотел, чтобы люди дорожили водой. Мне кажется, что я не вижу поверхность земли, а вижу подземелье. Значит, здесь нужна влага». Как мы знаем, по легенде, землю держит гигантская черепаха. Поэтому, если встать на черепаху, то она берет весь груз на себя, если не выдержит груз, она движется и вся вода бурлит и, испаряясь, поднимается в воздух, и идут дожди. Почти во всех народов мира черепаха является загадочным животным. Подобные верования о черепахе широко распространены в Азиатском континенте.

Обобщая вышеприведенное, мы можем сказать, что этнофольклорные обряды, связанные с вызыванием дождя, имеют сходства в тюркских народах.

* Полевые записи автора (1998-2003 гг). Эти материалы сохраняются под инвентарными номерами 180080, 180081, 180082, 180253, 180401 в Фонде рукописей научной библиотеки Каракалпакского отделения академии наук Республики Узбекистан.

Афанасьева Е.Р., г. Чебоксары

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Сегодня в эпоху расцвета масс- и поп-культуры, шоу-бизнеса особенно остро встает проблема сохранения и преемственности этнокультурных традиций. Ломка сложившихся систем культурных ценностей сопровождается поиском новых ориентиров существования человека. Проблема поиска точки опоры в историческом прошлом в литературе возникла не случайно, человек не может существовать без веры, без идеи. Духовный вакуум, в котором наше общество существовало в течение прошедших десятилетий, породил насущную потребность выразить свою индивидуальность. Перед многими этносами встала проблема определения идентичности, позиционирования себя как нечто отличающегося от всех, но в то же время и причастного к чему-то большому, ценному, идеальному. Не случайно на рубеже веков в мире отчетливо проявился интерес к возрождению этнической истории, традициям, языку, особенностям культуры и быта.

В то время как для западного общества абсолютной ценностью стала проблема *выживания* (а именно так сформулировал британец А.Радклиф-Браун европейские ценности), а некоторые предлагали вовсе

отказаться от предпочтительности той или иной ценностной позиции (постмодернизм), для российского общества за все время его существования *духовность* никогда не теряла своей актуальности. Не случайно английский культуролог и философ А.Тойнби еще в начале прошлого века с надеждой смотрел на Россию как на модель духовного обновления Запада и мира в целом (сходные идеи мы встречаем у Н.Бердяева и П.Сорокина) [Тойнби, 2005].

Как отмечает профессор Г.П.Выжлецов, «культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей в людских делах и отношениях» [Выжлецов, 1996]. Поскольку художественная литература и фольклор являются проявлением нормативной функции культуры в обществе, мы, филологи, можем говорить о проявлениях ценностных ощущений на их примере. Факты, явления, события, произошедшие в обществе, осознаются через призму отношения человека к миру, его гуманистических представлений, нравственных и этических норм. Исследователи подразумевают под ценностью то, без чего человек не смыслит полноценной жизни, что свято для конкретного человека. В последнее время в литературе особенно остро проявился мотив отчего дома или концепт древа жизни в значении связи поколений. Такую же связь олицетворяет в современной литературе образ *сверчка*, представленный во многих национальных литературах Урало-Поволжья.

В рассказе современного чувашского писателя Арсения Тарасова «Сверчок» главный герой Мидюк, прислушиваясь к пению сверчка, думает о том, что эту песню слушали и его отец и, возможно, его дед, и прадед, о преемственности поколений. И как же он, пожилой человек, раздавив сверчка, прервал его песню; получается — прервал преемственность поколений. Мидюк, ужасаясь своего поступка, пытается исправить, стремглав бросается искать по деревенским дворам сверчка. «А как же я без сверчка, - отвечает ему соседка-старушка, - у него же душа есть, как я без живой души, приходи после моей смерти». Другие сдали сверчка в красный уголок как музейный экспонат. Мидюк вглядывается в грустные глаза экспоната-сверчка: «О чем он думал, когда его нанизывали на нитку?» В глазах мертвого сверчка Мидюк видит всю трагическую грусть исчезающей национальной культуры. Молодые люди только посмеиваются над Мидюк. Им же невдомек, что кроме сверчка, у Мидюк никакой живой души в доме не было. Как не было её у старухи Клавдии Петровны из рассказа «Сверчок» татарской писательницы Рифы Рахман. В ожидании возвращения единственного сына из Афганистана она тешит себя беседами с мышонком, сверчком. Но вот напасть, мышонок однажды скончался. Повествователь подробно описывает похороны Пети-мышонка, устроенные Клавдией Петровной. Но тут же к ней на плечо прыгнул сверчок с глазами... ну точь в точь Петиными. Приручила старушка сверчка. Тот стал постепенно, ну прям, красавцем. Радость за радостью у Клавдии Петровны — сын возвращается из армии. А им, молодым, причуды стариков непонятны. Мешающего ночью спать сверчка Костя с удовольствием раздавил, еще обрадовался, что матери спокойно будет по ночам. Темные круги поплыли в этот момент в глазах у Клавдии Петровны, превращаясь то в мышонка, то в сверчка.

Затем ноги попятились куда-то, и старушка тихо скатилась на пол. В один момент Клавдия Петровна потеряла все: и родную понимающую душу (сверчка), и сын заявил о своем намерении продолжить службу.

В таком виде предстает перед нами уходящее прошлое, прерывается связь поколений, обрубаются наши корни с природой, землей. Выдающийся нейрофизиолог Р.Сперри однажды сказал, что «борьба за спасение планеты становится, в конечном итоге, борьбой за ценности более высокого порядка» [cordially.narod...]. И ностальгия сегодняшних писателей по так стремительно исчезающим из нашей реальности сверчкам, по грустно-протяжному их потрескиванию есть не что иное, как стремление приостановить убыстряющийся темп девальвации ценностей в пространстве «внутренней» культуры современного общества.

Литература:

Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
Тойнби А. Постигание истории. М., 2005.
<http://cordially.narod.ru/reading/ps-prior-awareness.html>

Багаутдинова М.И. г. Уфа

ИСТОРИКО–ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Этнографическая лексика башкирского языка представляет собой один из богатых лексических пластов, корни которого уходят в необозримую древность доисторических времен. Национально-маркированная лексика, закодировавшая всю историю, философию, психологию народа, отражает ход развития культуры, изменения в общественной и духовной жизни башкир. В этом отношении особый интерес представляет изучение историко-генетических пластов этнографической лексики башкирского языка.

С точки зрения происхождения этнографическую лексику башкирского языка можно разделить на исконно тюркскую и заимствованную.

Основу этнографической лексики башкирского языка составляют общетюркские слова. Общетюркскими мы называем слова, которые унаследованы башкирским языком из древнетюркского и пратюркского языков, и значительное количество их зафиксировано в древних и средневековых письменных памятниках тюркских языков.

Слова **Зап- QAP** (ДТС, 420) “мешок”, **кунәк - KÖNAK** (МК1 392) - сосуд, ведро, **сүрәк - SÖRAK** (ДТС, 155) - чурек, лепешка, **аяк- AIAQ** (ДТС, 27) - чаша, чашка и т.д. наиболее устойчиво сохранили свои древние формы и первоначальные значения. Анализ этнографической лексики башкирского языка показывает на наличие в нем значительного количества общих с древнетюркским языком слов. Многие из этих слов функционируют в ряде тюркских языков.

Названия продуктов питания, одежды, обуви, различных приспособлений, национальных традиций, обрядов и обычаев и т.д. башкирского языка имеют параллели в большинстве тюркских языков.

Например, у башкир, как и у большинства тюркоязычных народов, есть обычай наречения детей.

Этот обычай в башкирском языке и его говорах представлен этнографизмами **карын коза** “ утробный сват” (когда два друга договариваются в период беременности жен породниться), **бишек коза** “ колыбельный сват” (когда два друга договариваются породниться

после рождения мальчика и девочки). Кроме того, существует обычай наречения детей “колак тешләтеү” (давать мальчику укусить ухо девочки). По обычаю, мальчик должен укусить ухо девочки, которая с этого дня становится его невестой. Этот обычай по регионам называют **һырга һабакы** (һырга - серги или “мочка уха”, һабак - нитка, веревочка) или **һырга туйы** (“свадьба мочки уха”).

Сравните:

Обычай наречения детей в каракалпакском языке обозначается этнографизмами **карын куда** ‘утробный сват’, **бесик куда** ‘колыбельный сват’, **кулак тислетю** ‘заставить мальчика укусить ухо девочки’. Из сравнения видно, что этнографизмы каракалпакского языка с небольшими отклонениями в фонетическом облике обозначают то же самое, что и в башкирском языке.

Выбор невесты, сватовство, сговор, обряд бракосочетания представлены этнографизмами: **кыз күзләү** ‘высмотреть девушку’, **выбор невесты**, **яусы**, **димсе** ‘сват, сваха, посредник в переговорах с родителями невесты’; **кыз әйттереү**, **кыз йәрәшеү** ‘помолвка, договор о свадьбе’; **һөлгә алырга барыу** ‘церемония окончательного сговора, где отцу жениха и посреднику дарят по полотенцу’; **мал алырга барыу** ‘визит родни невесты к родне жениха для получения скота’; **Залын** ‘свадьба на стороне жениха’; **бата**, **ижап** – **кабул**, **бирзем-алдым**, **никах** ‘религиозный обряд бракосочетания’.

В выборе невесты самое близкое участие принимали родственники и знакомые, каждый из которых предлагал подходящую, на его взгляд, кандидатуру. В разговорном языке башкир имеется очень активное слово для обозначения этого действия – **димләү** ‘сватать, предлагать (кого-то)’, ‘внушать, агитировать (за кого-то), уговорить, увещевать’.

Человек, который вел переговоры с родней невесты, назывался **димсе**; в башкирском языке встречается еще в следующих формах и значениях: **яусы** ‘сват’, **Зәләлау**, **яусылау** ‘сватать’, **Зәйттереү**, **яусылау** ‘сосватать’. Это слово активно употребляется в большинстве тюркских языков, отличаясь лишь своими фонетическими особенностями: в узбекском языке человек, который ведет переговоры с родней невесты, называется **совч**, **севч**, **жевч**, **зевч** (Мирзаев, 1971, 8-10); в северных говорах туркменского языка – в форме **савчы**, [Васильев 1969, 295], в говорах Чуйской долины киргизского языка – **жуучу** [Джумагулов 1960, 40].

Церемония окончательного сговора называется **кыз әйттереү**. Слову **әйттереү**, или точнее **кыз әйттереү** (общекрыпч. **кыз айттырув**), ‘спрашивать девушку’, т.е. добиться ее согласия, соответствуют чув. **хер каластару** и мар. **удыр йодаш** в том же значении (мар. **йод** -, **яд** -” **вопросать**’, чув. **йот**-, **йат**-, и т.д., вероятно, происходят от общетюркского **айыт**. **кыз әйттереү** заканчивались окончательным сговором сторон, чем обусловлена смысловая структура термина баш., тат., удм., диал. **йәрәшеү**, **йарашу**, **жарашу**, чув. **сорасу**, **сурасу**, мар. **сарасымаш**, примирение; **помолвка**; **договор о свадьбе**, (**йараш**-, **жараш**, **сорас**-, **сурас**->**сорас**-, ‘примириться, соглашаться’).

Как уже отмечено, основу башкирской этнографической лексики составляют общетюркские слова, оформленные согласно фономорфологическому строю башкирского языка. Но в то же время исконный

пласт словарного состава башкирского языка имеет некоторые отличия от исконных слов других тюркских языков. К ним, например, можно отнести такие этнографизмы типа:

алмизеу 'женское нагрудное украшение, округлое снизу, с монетами и позументом';

сэскап 'накосник' (делается из узкой и длинной цветастой материи, на которую нашиваются монеты, а внизу- сулпы);

һарауыс - 'вышитое женское налобное украшение, надеваемое под кашмау и преподносимое гостям на свадьбе в качестве подарка невесты';

эмәйлек — 'неширокий женский нагрудник, украшенный серебряными монетами, драгоценными камнями, кораллом, надеваемый наискосок через плечо';

кирәм 'кирям' (плоская плетеная веревка или ремень, при помощи которых бортники лазают на дерево);

сулпы 'накосник' (женское украшение в виде узорчатой серебряной подвески из монет и вставками из цветных камней); кыз йәрәшереу , прятать невесту (чтобы жених выкупал).

Довольно много слов словарного состава башкирского языка, совпадая по форме со словами из других тюркских языков, т.е. являясь словами общего происхождения, имеют свои семантические особенности: Например, баш. **ашлау** 'большая деревянная чаша из цельного куска дерева', - тат. **ашлау** 'большая деревянная ложка', башк. **сарык** 'обувь с кожаной головкой и суконным голенищем, украшенным узорной вышивкой', к.кал. **чарык** 'кожаная обувь с плетеными подошвами' и т.д.

Определяющим фактором языковой природы все же является их этнолингвистическая привязанность к материальной и духовной культуре данного народа. Так, слово **айран** 'одна из разновидностей молочной пищи' встречается во многих тюркских языках. Но в каждом из них получает свою трактовку: 'кислое молоко, разбавленное водой' (турк., кир., ног., тат., баш.); 'кислое молоко, от которого отделено масло, пахтанье' (аз., кар., баш., кум.); 'кислое молоко' (каз., чув.); 'сыворотка' (кар.). Между тем **айран** этимологически восходит к синкретическому корню *айыр 'отделять'. [Севортян, 1974, 111]. Следовательно, его первичное значение связано с процессом "отделять". Все другие оттенки **айран** считаются привнесенными.

Башкиры Самарской и Саратовской областей в течение длительного времени общались с казахами, проживающими в данном регионе, что, естественно, способствовало взаимовлиянию этих языков. Особенно сильным оно оказалось в лексике. Слова, общие для казахского и других тюркских языков, были освоены населением в основном устным путем и претерпели некоторые фонетические изменения под влиянием башкирского языка. Например, корк 'одеяло, сшитое из лоскутков'; каз. курак, 'сборный'; кап- каз. , ног., кир. кап 'мешок'; горнай - каз. сурнай 'музыкальный инструмент', чув. сарнай, ккал, сырнай, зурна, дудка; әжегәй изекәй, эзекәй - каз. изекей 'пицца, приготовленная из сыворотки'; куйыртмак - каз. куйыртпак 'кислое молоко, разбавленное свежим молоком'; һырлама - каз., ног. шырлама 'блинчики' [Надергулов 1983, 46 – 48].

Таким образом, башкирская этнографическая лексика, имея много общего с лексикой других тюркских языков, обладает своими специфическими особенностями. Прежде всего, вследствие своеобразного развития фонетического и морфологического строя башкирского языка, лексические единицы его словарного состава по сравнению со словами других тюркских языков имеют иную фонеморфологическую структуру. Многие лексемы, являющиеся общими для тюркских языков, в башкирском языке получили иное семантическое развитие. Поэтому в части исконной лексики башкирского языка, общей для большинства тюркских языков, выделяются слова с разными или измененными, по сравнению со словами других тюркских языков, значениями. Кроме того, в башкирском языке имеются слова, присущие только ему, возникновение которых происходило внутри самого языка безотносительно к другим языкам. Башкирская лексика отличается от лексики других тюркских языков также составом и источниками заимствованных слов.

Байбулатова Г.И., Сибай к.

МӨХӘММӘТ ӘМИН ҒҮМӘР УЛЫ СӘЙӘХӘТНАМӘҢЕН ХУДОЖЕСТВО ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРЕ

“Мөхәммәт Әмин Ғүмәр улы сәйәхәтнамә”һе тәүбашлап 1862 йылда Казанда “Ике хажиньн рихләтнамәләре” тигән китапта донья күргән.

Әсәрҙең йөкмәткәһенән күренеүенсә, Мөхәммәт Әмин Ғүмәр улы 1783 йылда Казан өйәҙенән Арса округы Алат юлы Яңы Кишет ауылынан сәйәхәткә сығып китә. Сәйәхәтнамәлә автор сәйәхәтенең максатын да күрһәтергә оңотмай: *мулла Ғүмәр улы Мөхәммәт Әмин төрөк утын айзеп, Һәрәптәргә ихтыяр кылып сәфәргә сықты* [Ике хажиньн рихләтнамәләре, 27]. Шулай ук әсәрҙә дини мотивтарҙың күп булығы, сәфәрҙең хажға барыу максаты менән ойшошторолоуына ла дәлил булып тора.

Әсәрҙең структураһы ла үзенсәлекле. Бында ниндәйҙер бер билдәле урынға барыуы ғына түгел, ә тотош сәйәхәттен ағышын күрергә була. Сәйәхәттең маршрутын Казандан Дағстанға барыу юлы билдәләй. Автор-сәйәхәтсе ошо юлда ораған Анапа кәлғәһе, Дарданелл, Рудус, Шам, Әстерхан, Рудус калалары тураһында әйтеп кенә үтһә, ә бына Мәккә, Мәзинә калаларында хаж кылуҙары тураһында ентекле мәғлүмәттәр килтереүҙе кәрәк тип таба.

Әйтергә кәрәк, әсәрҙә художестволы алым буларак сағыштырыуҙар за килтерелә. Бынан тыш, арттырыу, аштырыу менән язылған, йөғни гипербола элементтары байтак. Мәсәлән: *Иәнә бер нисә көн кил-гәс, ике бейек ташка раст кылдык. Бар аз түбә, шул ерҙә барзыр кызыл камса таштыр. Ошо таштың бейеклеге шул кәзәр: тау башындағы аҙам кош кеүек күренер...* [Ике хажиньн рихләтнамәләре, 28]

... *Иәнә Истанбул кәлғәһенең мәшһүрлеге мәълүм кылайык. Һәр капкаһының аралары һигезәр сакрымдыр. Иәнә шәһәр эсендә урамдарының һаны һикһән мең урамдыр. Һәр бер урамында икешәр кеше карауыл, Һәр кис йөз алтмыш мең карауыл булалыр. Иәнә шәһәрҙең эсендә ете тау барзыр. Иәнә ете дарьяһы барзыр. Иәнә утыз мең ит һата торған кибете бар. Аш бешереп һата торған кибете барзыр. Иәнә өс йөз алтмыш күмер таш һата торған кибете барзыр* [Ике хажиньн рихләтнамәләре, 43].

Юлда, төрлө калаларга оспаған мәсеттәрзе, изге урындарзы һүрәт-ләү шул осорға диндән торшон күзалларға булышылык итә. Әйтәйек, Мысыр калаһында урынлашкан мәсет түбәндәгесә тасуирлана:

Унан Мысырзың эсендә бер оло мәсет барзыр, Дүрт мәзрәсәне барзыр. Һәр бер мәзрәсәнең кырк бишәр хәзрәте барзыр. Вә һәр кеешә һәр айға икешәр һүм бурыс (түләү мәһәнһендә) барзыр. Ул мәсеттең исемен Жәмиғ Алзаһир тизәр. Без унда бер йыл мөжәүирлек кылдык...

...Унан һуң Кадуска ун көн барзык. Ул Кадус шәһәрәндә ун биш көн торзоқ. Ул шәһәрзә пәйғәмбәрәбез сәхәр тигән таш өстөнә басып мәғрибкә ашқандыр. Ул таш асылынып торған ерзә, өстөнә бер оло мәсет яһағандар. Ул ташты мәсет эсенә хөрмәт өсөн куйғандар. Ул мәсеттә бөтәһе егерме бер баскыс барзыр. Мәсеттең өстөн күрғаштан яһағандар. Төрлө-төрлө зиннәттәр кылғандар [Ике хажиның рихләтнамәләре, 29].

Ә бына изгеләр, пәйғәмбәрзәр кәберенә зыярат кылыу, шулар яһында тәзәлгән астаналарзы тасуирлауға автор бер-нисә урында тукталып үткән.

Инде Мәккәнән Шәмға илле көндә килдек. Шәм-шәрифтә бер йыл торзоқ. Анда Хафиз пәйғәмбәргә зыярат кылдык. Уның ауызында астанаһы барзыр һәм шул мәсеттең эсендә пәйғәмбәрзәң мәкамы барзыр һәм ул мәсеттең ике манараһы барзыр. Берәһе ак манаралыр, Йәнә Шәм-шәрифтең кәберлегенә барзык. Һәм Билал кәберенә зыярат кылдык. Кәбере өстөндә бер өй яһағандарзыр һәм пәйғәмбәрзәң ике катыны, икеһе бер астана эсендәлер. Берәһе – Мөғдифә, берәһе – Мөслимәлер. Һәм күп әүлиғаләр барзыр. Зыярат кылдык. Йәнә бер ерзә өс кәбер барзыр. Уларзың ауызына астана яһағандар һәм уларға зыярат кылдык. [Ике хажиның рихләтнамәләре, 31]

Бигерәк тә изгеләр кәберзәре яһында булған төрлө мөғжизәлә хәлдәргә урын биреләүе әсәрзе укымлы һәм мауықтырғыс итә:

Хәжизарзың доғаһы кабул булған ғәләмәт – үзе бер ғәләмәт. Йәнә икенче ғәләмәте – һис болот юк ерзән бер болот пәйзә булып рәхмәт ямғыры яуһа кәрәктер. Йәнә ошоғаса баштарының осона ак коштар килһә кәрәктер. Безгә бер хәжсимездә (хәж кылған вақытта мәһәнһендә) ак коштар килде [Ике хажиның рихләтнамәләре, 33].

Шулай ук, сәйәхәтнамәлә фантастик элементтар менән бер рәттән, ысынбарлыҡка тап килгән факттар за урын алған. Был йәһәттән, тәбиғәт күренештәрән, иртәлекле урындарзы тасуирлау игтибарзы йәлеп итә.

Ун биш азам менән Мәккәнән йырақлығы дүрт мил кәзәре зур тауға киттек. Бер оло таузың башында бер оло куш таштыр. Айыу кеүек, эсенә өс азам һыйырлыҡ ерзәр. Мөхәммәт Пәйғәмбәр өсөн ябып куйғандыр. Унда ике рәкәғәт намазы кылдык. Эсенә керергә азамдар куркалар. Бер карыш кына тишеге барзыр. Без һәм хәйер тапшырып, бисмилла әл рахман әл рахим тип, тән шифаһын теләнек пәйғәмбәрзән [Ике хажиның рихләтнамәләре, 37].

Сәйәхәтнамәлә реаллек башлыса тарихи хәл-вақиғалар аша сағылдырылған. Әйтәйек, Кодус Шәриф калаһында инкилаб кубуы, уның сәбәптәрә һәм һөзөмтәләре тураһында тасуирлағанда автор үзен кызыкһыныусан күзәтеүсә генә түгел, ә ниндәйзәр кимәлдә сәйәсмән итеп тә күрһәтә алған.

Унан һуң, Кодус Шәрифкә юландык. Өс көн барьандан һуң, бер карауан һарайға тап булдык. Бер кис кундык, унда ғәжәп зилзилә купты. Ул карауан һарайға күп әзәмдәр кергәндәр. Ерзә һарай инкзилаб йөмләһе өсөн һаләк булдылар. Шул ук көндә Шамда зилзилә купкан. Көллә әзәмдәр өйзәр-ташпан яланға сыккандар. Өйзәрә йығылған, ошо зилзилә һәр көн өсәр-дүртәр әзәм һаләк булды, унан зилзилә тамам булды [Ике хажиньң рихләтнамәләре, 39].

Килтерелгән миһалдарзан күренеүенсә, сәйәхәтсенен һәр туктаған урыны теге йәки был кала, ауыл тураһында кызыклы итеп тасуир ителә. Был йәһәттән, хәл-вакифалар тезеп һанап кына сығылмай, ә автор тарафынан бары кызыклы һәм әһәмиәтле һаналғандары мауықтырғыс итеп тасуирлана, уларға баһа бирелә.

Дөйөмләштереп әйткәндә, тарихи-әзәби комарткы булып һаналған Мөхәммәт Әмин Гүмәр улы сәйәхәтнамәһенен художество үзенсә-лектәрен өйрәнәү Урта быуаттар әзәбиәте үсешенә тос өлөш индерә.

Әзәбиәт:

- Башкорт әзәбиәте тарихы, 6 томда. —Өфө, 1990. Т.1.
Ике хажиньң рихләтнамәләре, Казан: Казан университеты табағханасында, 1862. — 43 б. ТТЭИ РФА Кулъязмалар фондында һаклана.
Әхмәтиәнов К.Ә. Әзәбиәт вилеме һүзлеге. —Өфө, 1965.

Байшукурова Г.Ж., Шоканова Г., г. Актөбе

ПРОБЛЕМА ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРЕССЕ

В некоторых средствах массовой информации в последнее время объектом правонарушения является слово. В юридической литературе многие словесные действия приравниваются к волевым актам, имеющим юридическое значение. В связи с этим в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве нередко возникает необходимость применить лингвистический анализ. *Лингвистическая экспертиза* — это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки о языке.

Проблема обценной (иначе — ненормативной, нецензурной, непечатной, несалонной, матерной и т.п.) лексики — одна из наиболее актуальных для юрислингвистики, в практике которой выделяется так называемая *инвективная лексика* (от лат. *invectiva* (*oratio*) — бранная речь) — определенные разряды слов литературного и разговорного языка, использование которых в отношении определенного лица, как правило, является оскорбительным, если данные выражения используются в контексте в предикативной функции, т.е. в функции сказуемого, представляющего характеристику лица.

Оскорбление предполагает выражение резко негативной оценки лица в неприличной (непристойной, циничной) форме, которая не сводится только лишь к использованию бранной или матерной лексики. Так, в практике судебной лингвистической экспертизы были случаи, когда для оскорбления могла быть использована не только матерная, но и нормативная лексика. Например, суждение «ты (вы) — предатель». По мнению проф. Ю. Бельчикова, слово предатель «совершенно литературное, относится к книжной речи и даже считается словом повышенной экспрессии. Но если человека так называют где-нибудь в приличном месте и в официальной ситуации, он вправе подать

в суд за оскорбление и клевету» [Бельчиков 2002, 73]. В какой-то ситуации слово может быть признано оскорбительным, бранным, а в другой – небранным.

Проблема оскорбительности (инвективности) языковых выражений неразрывно связана, с одной стороны, с законом о защите чести и достоинства личности, а с другой, с тем фактом, что инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая к тому же неразрывно связана с возможностью творческого использования языка.

Именно последнее обстоятельство представляет главную трудность для юридической регламентации инвективного функционирования языка.

Категория инвективности – сложнейшая лингвистическая проблема. Самое сложное в проблеме инвективности текста – объективная оценка, с одной стороны, намерений его автора и, с другой стороны, оценка интерпретации данного текста посчитавшим себя оскорбленным субъектом. Известно, какую большую роль в квалификации поступков играет оценка их мотивов.

Русская Гильдия экспертов-лингвистов дает классификацию инвективной лексики и фразеологии, относящихся к литературному языку. В ней 8 разрядов слов и выражений [Теория и практика 2003, 128].

1-й разряд составляют книжные слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник, проститутка, вор, фашист, шпион, педераст*.

2-й разряд составляют слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления, сопровождаемого экспрессивной окраской публицистического характера: *антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, русофоб*.

3-й разряд составляют названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник, коновал*.

В 4-й разряд входят зоосемантические метафоры: *быдло, кобель, сука, сукин сын, свинья, корова, выдра, крыса, шакал, скотина*.

5-й разряд образуют глаголы констатирующей семантики (украсть, убить, мучить, издеваться, насиловать, хулиганить, врать, воровать...) или с осуждающей негативной оценкой: *хапнуть, двурушничать, лицемерить, прикарманить*.

6-й разряд составляют слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности, однозначно связанную с оскорблением: *гадина, мерзавец, сволочь, стерва, подлец, подонок, шлюха* и т.п.

В 7-й разряд входят слова-эвфемизмы для слов 1-го разряда: *дама легкого поведения, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*.

8-й разряд составляют окказиональные образования, специально создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему: *иудоккоммунисты, дембанда, дерьмократы, демпроститутки пера, дристуны свободы, депутаты-пиарасты*.

К инвективной относится и обценная лексика, т.е. мат.

Таким образом, считаем, что инвективность возможна и правомерна только в тех случаях, когда: а) оскорбление прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц; б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление; в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т.е. дает обобщенную оценку его личности.

Литература:

Бельчиков Ю. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в русской речевой коммуникации // Филол. науки. – 2002. – № 4. – С. 66-74.

Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения. – М. 1988.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 2/Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2003.

Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы 1999. – С. 11-58.

Балтаева Л.Х., г. Уфа

ЯЗЫК ЛАТЫШЕЙ ДЕРЕВНИ МАКСИМ ГОРЬКИЙ АРХАНГЕЛЬСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Латыши Башкортостана проживают на территории сельских поселений Арх-Латышский и Бакалдинский сельские советы и в селе Архангельское Архангельского района, в селах Ауструм и Балтика Иглинского района, а также имеется несколько семей в деревне Банковка Стерлибашевского района.

В июле 1985 году в Архангельском районе Башкортостана работала комплексная научная экспедиция Института языка и литературы им. Андрея Упита Академии наук Латвийской ССР, которая в тесном сотрудничестве с Башкирским филиалом АН СССР, университетом и педагогическим институтом обследовала языковую ситуацию в селах, где проживают латыши, предки которых переехали в Башкортостан более 100 лет назад.

Было установлено, что латышский язык в Башкортостане по его реальным функциям следует квалифицировать как семейно-бытовой, хотя культурные мероприятия (художественная самодеятельность, концерты и другое) у латышей проводятся на родном языке или сопровождаются латышской речью.

Что касается устной формы латышского языка, то почти все латыши говорят на том диалекте (говоре), который они унаследовали у своих предков. Большинство из них пользуется говорами ливского диалекта, поскольку многие из них переехали в Башкортостан из северо-западной части Курземе и северо-запада Видземе, где говорят на ливском диалекте. У латышей Башкортостана не сформировался литературный вариант языка, общий для всех жителей одного села или всего района.

Большинство латышей Башкортостана двуязычны, некоторые многоязычны. Старое поколение лучше владеет латышским языком; среднее хорошо владеет и латышским, и русским; молодое поколение отдает предпочтение русскому языку.

Результаты исследования латышского языка в Архангельском районе комплексной научной экспедицией 1985 году явились основой для изучения современного состояния языка латышей деревни Максим Горький (Арх-Латыши).

В процессе данной исследовательской работы появились новые интересные факты, касающиеся существования, развития и сохранения латышского языка в Башкортостане.

В языке местных латышей наблюдается множество лексических заимствований:

Язык местных латышей	Русский язык	Современный латышский язык
<i>burāns</i>	буран	<i>putenis, sniegpuenis</i>
<i>gardīni</i>	гардины, оконные занавески	<i>aizkari</i>
<i>kovjors</i>	ковер	<i>paklājs</i>
<i>peceņīje</i>	печенье	<i>cepumi</i>
<i>tabūni</i>	табун	<i>bars, ganāmpulks</i>
<i>rukovodītējs</i>	руководитель	<i>vadītājs</i>

Язык латышей деревни Максим Горький отличается от современного латышского литературного языка. Это может быть следствием того, что латыши в Архангельский район приехали в основном из двух регионов Латвии – Видземе, Курземе, поэтому в языке местных латышей есть сходство с диалектными особенностями этих регионов:

1) глаголы не изменяются по лицам во всех временных форматах:

(*dziedāt* – петь) настоящее время

	<i>mēs dzied</i>		
<i>es dzied</i>			
<i>tu dzied jūs dzied</i>			
<i>viņš</i>	}	<i>d z i e d</i>	<i>viņi</i>
<i>viņa</i>			
		прошедшее время	
<i>es dziedāj mēs dziedāj</i>			
<i>tu dziedāj jūs dziedāj</i>			
<i>viņš</i>	}	<i>d z i e d ā j</i>	<i>viņi</i>
<i>viņa</i>			
		будущее время	
<i>es dziedās mēs dziedās</i>			
<i>tu dziedās jūs dziedās</i>			
<i>viņš</i>	}	<i>d z i e d ā s</i>	<i>viņi</i>
<i>viņa</i>			

В литературном латышском языке глаголы изменяются как по времени, так и по лицам:

<i>es dziedu mēs dziedam</i>	}	<i>d z i e d</i>	<i>viņi</i>	}	<i>d z i e d</i>
<i>tu dziedī jūs dziedat</i>					
		настоящее время			
<i>es dziedāju mēs dziedājam</i>	}	<i>d z i e d ā j a</i>	<i>viņi</i>	}	<i>d z i e d ā j a</i>
<i>tu dziedāji jūs dziedājat</i>					
		будущее время			
<i>es dziedāšu mēs dziedāsim</i>	}	<i>d z i e d ā s</i>	<i>viņi</i>	}	<i>d z i e d ā s</i>
<i>tu dziedāsi jūs dziedāsīt</i>					

2) слова теряют свои окончания (особенно характерно для существительных):

upenes – *upens* (черная смородина)

deķis – *deķs* (одеяло)

gapele – *gapel* (вилка)

širtce – *širtc* (фартук)

kronis – *krons* (венок)

istabaugša – *istabaugš* (чердак)

telēķis – *telēķs* (тарелка)

В местном латышском языке необходимо отметить употребление архаизмов, которые уже не характерны для современного литературного латышского языка:

<i>Язык местных латышей</i>	<i>Русский язык</i>	<i>Современный латышский язык</i>
pletizers	улюг	Gludeklis
zapte	варенье	ievārījums
brunči	юбка	svārki
istabaugš (a)	чердак	bēniņi
gapel (e)	вилка	dakša
telēķ (i) s	тарелка	šķivis
saime	семья	ģimene
širtc (e)	фартук	priekšauts
kron (i) s	венок	vainags
bode	магазин	veikals
kompete	конфета	konfekte
laisties	летать	lidot
deķ (i) s	одеяло	sega
dikti	очень	ļoti
nāburgs	сосед	kaimiņš
ķisens	подушка	spilvens
kortelis	квартира	dzīvoklis
uzdot	сказать, назвать	pateikt, nosaukt
nolauzt (māju)	убрать (дом)	nojaukt (māju)
aizvilkt	украсть	nozagt
valgs	сырой, влажный	mitrs

Литература:

Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Блинкена А.Я., Аюпова Л.Л., Гарипов Т.М. О смешанном характере латышских говоров Башкирии // Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: к 140-летию со дня рождения И.А. Бодуэна де Куртене. Сборник статей. 1989.

Латышско-русский словарь. Рига, 2002.

Батыршина Г.Р., г. Уфа

О СЛОВЕ “ТЫУЫУ” РОЖДЕНИЕ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рождение ребенка во все времена составляло великую тайну человечества.

С момента родовых схваток и в течение 40 дней после родов в башкирском языке женщина именовалась “бала табыусы катын”. В современном литературном башкирском языке и в диалектах в основном употребляется этот термин. Обрядовое значение термина *бала*

табыусы катын роженица, мы считаем, следует искать в глаголе *табыу*, что обозначает *рожать*, букв. “*найти*”; основное действие в родинном обряде: *кыз табыу* “родить девочку” досл. найти девочку, *ул табыу* “родить сына” досл. найти сына. В южном диалекте в сакмарском говоре встречается термин *тыу катын*, который происходит от слова *тыу/тыузырыу бала тыузырган катын* роженица. (Записано от Габзалиловой З. (1923 г.р.) в дер. Кутуш Оренбургской области) [Полевые материалы автора]. В восточном диалекте в основном употребляется термин *бәпәй тыузырыусы, бала тыузырыусы, бәпәйзәгән бисә* “роженица”. В северо-западном диалекте также употребляется термин *бала табыусы катын* “роженица”. Термины *бала табыусы катын, бала тыузырыусы* состоят из тюркских по происхождению слов.

В других тюркских языках встречаются следующие термины, обозначающие роженицу: в киргизском языке *жаңыдан төрөгөн*, в каракалпакском — *жаңа тууған хаял, жас босанған хаял* и т.д. [Русско-киргизский словарь 1957: 740; Русско-каракалпакский словарь, 1967: 880].

С роженицей непосредственно связано ключевое действие — роды. Сам по себе родовой процесс по понятным причинам нельзя определить как обрядовое действие. Как отмечает Н.А. Поповичева, ритуальность, сакральность этому процессу придают моменты, не поддающиеся рациональному объяснению с позиций мировоззрения современного человека, но не являющиеся таковыми с точки зрения мифопоэтических представлений. Согласно последним, новорожденный — это перевоплотившийся предок, пришедший в этот мир из мира иного; роженица — персонаж, призванный осуществить этот переход. В момент родов положение роженицы оценивается как маргинальное — между “этим” миром и “тем” миром, между “своими” и “чужими” [Мифы народов мира. Энциклопедия, 1997: 385].

Появление младенца башкиры соотносили с водной стихией: *баланы йылғанан тотоп алған* “выловили ребенка в реке”. В северо-западном диалекте встречаются фразеологизмы *баланы елгәдан, коедан тотып алдылар* “выловили ребенка в реке, в колодезе”. Сама беременная, когда подходил срок, также говорила “*һыу буйына барырга кәрәк, бәтес алырга, елгага бармага кәрәк, бала алмага*” (пора к реке пойти за ребенком”). В этих словосочетаниях раскрывается связь новорожденного с потусторонним, “иным” миром, границей которого, по представлениям башкир, и выступала река. Символика реки — границы иного мира — присутствует и в других обрядах семейного цикла.

Роды осмысливались в народной традиции как “поход роженицы за ребенком” *бәпәй алырга китеу, бәпәйгә барыу, бәпәйзәу*. К этому кругу представлений относятся примеры, в которых роды описываются как уход роженицы “за ребенком” *баласа узыу, ауырга калыу, балалау*. Единицы акционального кода с лексемой “ход”, “поймать” (уходить рожать — придти с ребенком) обозначают начало и результат родового процесса. Такое “путешествие” роженицы указывает на мифологическую природу этого персонажа [Поповичева, 1999: 14].

Терминологию родов можно классифицировать по нескольким группам:

1. Лексемы со значением *родить, рожать: тыузырыу — бала тыузырыу* “рожать ребенка”, *бала тыузырыусы* “роженица”

[Башкирско-русский словарь, 1996: 658]. Термин *тыуыу* означает “доньяға килеү, донъялыкта йәшәй башлау, бала тыуыу” “рождаться”, *тыуым* (сакм., айск.), *тыуыу* (ток-сор.) *тыузырыу* “родить”, *тумак* (гайн.), *тыумыш* “рождение” [Башкорт теленен диалекттары һүзлеге, 2002: 346, 355]. В значении *тыуыу* “рождаться” в восточном диалекте также употребляются термины *күренеу* (арг., миасс.): “Балам яз күренгән.”; *күреу*: *бала күреу* (среднеур., айск.) *бала табыу* “рожать”: “Ике бала күрзем ун йылда (айск.)” [Башкорт теленен диалекттары һүзлеге, 2002: 346, 355]; *улан яьалау* от слов *улан* “ребенок” и *яьалау* бала табыу “рожать ребенка”, *кыз табыу* от слов *кыз* “девочка” и *табыу* “рожать родить девочку”, *ул табыу* от слов *ул* “сын” и *табыу* “рожать, родить сына” [Башкорт теленен һүзлеге, 1993: 575, 774].

В северо-западном диалекте встречается термин *бала асырау*, что означает “бала табыу” (рожать ребенка), и в гайнинском говоре – лексема *улан табыу* “рожать ребенка” и т.д.: “Улан тапкан, кый!..” (Родила ребенка!), *бала килтереу* “рожать ребенка” (Записано от Азнагуловой Р. (1924 г.р.) в дер. Танып Пермской области) [Полевые материалы автора].

В других тюркских языках встречаются следующие лексемы, со значением *родить*: в каракалпакском – *туууу*, в уйгурском – *туьмак*, в киргизском – *торөө*, *тууш*, в казахском – *босану*, *бала табу* и т.д. [Русско-каракалпакский словарь, 1967: 888; Русско-уйгурский словарь, 1956: 1126; Русско-казахский словарь, 1954: 702]

В “Этимологическом словаре тюркских языков” Э.В. Севортыня употребляется термин *доь*, что означает *рождатся*. Таким образом, в основе слова *тыуыу* лежит общее тюркское *доь* (*тыу*), который в различных фонетических вариантах встречается в большинстве тюркских языков: *доь* – турк., аз., кирг., *доьман* – тур, тат., *тоь* – ДТС 570, *дуь* – аз., д., *туь* – узб., уйг., *тув* – ног., ккал., тат., д., *тив* – баш., *ду* – гагауз., *ту* – кирг., алт., *ту* – каз., тат.

В значении “рождаться и рожать” в туркменском, турецком, гагаузском, киргизском, ногайском, татарском, башкирском, уйгурском азербайджанском, кумыкском, киргизском, казахском языках и других языках зафиксировано слово *доь* (*тоь*) и т.д. (о людях и животных). Приведенные материалы показывают, что все основные значения глагола *доь* – *тоь*, известные в текстах, памятниках древнетюркской письменности, сохранились в современных тюркских языках.

Из значительного числа производных от *доь* для характеристики динамики его значений важные следующие: 1) каузативная форма на – (*ы*) *p* - *доьур*, *доь* – *ур* - аз, *доьурман* (тур.), *доур* – тур, *туыр* тат. д., со значениями: - рожать, производить на свет, кроме азербайджанского “помогать при родах”; 2) имя действия с афф. - (*ым*) – *доь* – *ум* аз., *доум* – тур., *тохум* – гаг., со значениями 1) рождение тур, гаг. [Севортыня, 1978: 247]

2. Лексемы, со значением “родить ребенка” *бәһәйләу*, *бәһәсләу* [БРҖ 1996: 125]. В говорах башкирского языка существуют ряд синонимов этого термина: *тәһәйләу* образован от слова *тәһәй* “ребенок” и окончания *-ләу* (кизил., средн., ик-сакм.) *бала табыу* “рожать ребенка” *бәһәйзәу* от слова *бәһәй* “ребенок” и аффиксов *-зә* и *-ү* (кизил., миасс., сакм.), *нәһәйләу* от слова *нәһәй* “ребенок” и аффиксов *-зә* и *-ү*

(среднеур.). “Килен өйзә генә бәпәйзәр инде (среднеур.)” (Сноха, наверное, родит дома) [Башкорт теленен диалекттары һүзлеге, 2002: 349, 71, 445], *бәпәсләү* от слова *бәпес* “ребенок” и аффиксов *-лә* и *-ү* (средн.) бала табыу “рожать” [БГҖ 1993, 203]. Эти слова образованы от корней *бәпес*, *бәпәй*, которые в свою очередь являются тюркскими. Лексемы, образованные от слова “бәпес”, встречаются и в произведениях башкирского фольклора.

3. Лексемы со значением “опустеть” *бушаныу* (вост., южн.) соответствуют выражению “ауырзағы баланан котолоу”.

“Килендәре бушанып кайткан икән икән балнистан” (Сноха, оказывается, родила в больнице и вернулась) (аргайшск.), [Башкорт теленен диалекттары һүзлеге, 2002: 62] В восточном и южном диалектах встречается термин *котолоу* в значении “рожать”. Эти словосочетания являются по происхождению тюркскими. В “Древнетюркском словаре” встречается термин *BOSLUN*, что означает “рожать, разрешиться от бремени”.

Таким образом, в южном диалекте употребляются термины *бушаныу*, *бәпәсләү* “родить ребенка”, в восточном диалекте — *табыу*, *бәпәйзәү*, *бала күреү*, *балалау* “родить”, а в северо-западном — *улан табыу*, *нәнәйләү*, *тәнәйләү*, *улан килтереү* “родить”.

Итак, роды — это не только начало, но и продолжение жизни, причем сразу по нескольким линиям, продолжение жизни коллектива, продолжение ритуальных сценариев жизни родителей и других участников ритуала.

Литература:

- Башкорт теленен һүзлеге. 1 том. — М., 1993.
Башкорт теленен һүзлеге. 2 том. — М., 1993.
Башкирско-русский словарь / Под ред. З.Г. Ураксина. — Москва, 1996.
Башкорт теленен диалекттары һүзлеге. — Өфө, 2002.
Башкорт халык ижады: Риүәйәттәр, легендалар. Икенсе том. — Өфө, 1997.
Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / Гл. ред. С.А. Токарев. — М., 1997.
Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. — Москва, 1967.
Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. — М., 1957.
Русско-казахский словарь / Под ред. Н.Т. Сауранбаева. — М., 1954.
Русско-уйгурский словарь / Под ред. Т.Р. Рахимова. — М., 1956.
Поповичева И.В. Структура и семантика родильно-крестильного обрядового текста (на материале тамбовских говоров). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 1999.

Бикәнәсева Р.И., Өфө к.

ЖӘЛИЛ ФИНИӘТ УЛЫ КЕЙЕКБАЕВ – УРАЛ-АЛТАЙ ТЕЛДӘРЕНЕҢ КӘРЗӘШЛЕГЕН ИСБАТЛАҒАН ҒАЛИМ

Башкорт тел җилемәнә нигез Һалған Ғалим Жәлил Финиәт улы Кейекбаевтың (1911-1968) абруйы төрки тел җилеме донъяһында тос булған. Уның урал-алтай телдәренә тыумыштан кәрзәшлеген тикшеренеүзәрә тел җилемәндә донъяла билдәлә хезмәттәр рәтендә тора.

Ғүмеренә һуңғы тиһтә йылында Жәлил Финиәт улы ике зур монография — “Төрки телдәренә сағыштырма грамматикаһы” һәм “Урал-Алтай телдәренә тарихи-грамматик нигеззәрә” өһтөндә эһләгән. Быларзың беренһенә языу өһөн Ғалим бөтөн төрки телдәрҙен лексикаһы менән морфологик төзөлөшөн өнтәкләп тикһергән, был кәрзәш телдәргә һас булған уртақ, дөйөм законлылыҡтарзы аһып бирә, шул ук вақытта һәр бер төрки теленә үзәнһөлеген бай фактик материал нигезендә күрһөтә алған.

“Урал-алтай телдөрөнөң тарихи грамматик нигеззәре” китабы Ж.Кейекбаев вафатынан һуң утыз ике йыл үткәс кенә (1996) басылып сыға. Телселәрзәң кайһы берәүзәре урал-алтай телдөрөнөң окшашлыгың кире қаға. Профессор Ж.Ф.Кейекбаев был телдәрзә өйрәнәү, тикшерәү нигезендә уларзың грамматик төзөлөшөндөгә уртак яктарзы иҗбат иткән. Ғалимгә үзенәң фекерзәрен дәлилләү өсөн урал һәм алтай телдөрөнөң тарихи үсешә тенденцияларын күзәтергә, уларзы динамикала тикшерергә тура килә. Автор тел күренештәрен, грамматик категорияларзы структур күзлектән сығып тикшерә, һәр бер телде бер бөтөн төзөк система итеп карай, ғалимдың фекеренсә, телдә бер ниндәй зә ораклы күренештәр, законһызлыктар юк, улар бер-беренә тарихи яктан тығыз бәйләнгән һәм үзгәрәп тора. Жәлил Финиәт улы, билдәләлек һәм билдәһезлек, килеш һәм заман категорияларына таянып, урал-алтай телдөрөнөң кәрзәшлеген асық күрһәтә.

Ғалимдың архивында уның урал-алтай телдәрә кәрзәшлеген өйрәнгән осорзағы ижади эшмәкәрлегенә бәйлә доньяның төрлө илдөрөнән килгән хаттар һаклана. Үзә язған кайһы бер хаттарзың карамалары һакланған. Ж. Кейекбаевтың әзербайжан ғалиме, күренеклә тюрколог, “Советская тюркология” журналы мөхәррире М.Ш. Ширалиевка язған хатында тап ошо хезмәтә һақында һүз бара.

Архивта Жәлил Финиәт улының хатына профессор Мамед Ширалиев тың яуап хаты ла һаклана.

Ж.Кейекбаевтың шәкерте, филология фәндәрә докторы, профессор М.В. Зәйнуллин әйтәүенсә, Ж.Ф.Кейекбаев алтмышынсы йылдар башында урал-алтай телдөрөнөң генетик һәм типологик кәрзәшлеген ныклап тикшерә башлаған. Ул был йылдарзә үзенәң яңы теорияһы һақында төрлө басмаларзә мәкәләләр бастыра, үзенәң фекерзәре менән күренеклә алтаистар һәм тюркологтар менән уртаклаша. Илебеззәң фән үзәктәрәндә ойошторолған симпозиумдарзә һәм конференцияларзә докладтар менән сығыш яһаған, шулай ук күп университеттарзә лекциялар һәм махсус курстар укыған.

Жәлил Финиәт улы Эстонияның Тарту университетына фәнни командировкаһы тураһында былай тип язып қалдырған: “Тарту университетына барыузың максаты: уның фәнни китапханаһында эшләү һәм Эстонияла тел белемен менән танышыу ине, сөнки унда алтай һәм уғыр-фин телдәрә буйынса бик күп фәнни китаптар тупланған. Ул телдәр тураһында бигерәк тә үткән быуатта сыққан әзәбиәт күп. Тел өлкәһәндә эшләүсә белгес өсөн ул китаптарзы белеү, әлбиттә, бик әһәмиәтлә. Ләкин уларзың күбәһә традиция буйынса немец телендә язылған”.

Немец телен камил белгән ғалимгә Тарту университетының фәнни китапханаһында эшләү бай мәлүмәт туларға ярзам итә. Артабан Жәлил Финиәт улы үзән филология факультеты телселәрәнен бик һәйбәт каршылаузары, университет, уғро-фин телдәрә буйынса алып барылған фәнни эштәр менән таныштырыузары һақында язған: “...был эш менән уғыр-фин телдәрә кафедраһы мөдире, филология фәндәрә докторы, профессор Пауль Аристә етәкселек итә. Ул ысын-ысындан Европалағы күп телдәрзә белеүсә (полиглот) ғалим. Профессор Аристә утыз ике тел белә, шуларзан егерме телдә иркен һөйләшә һәм ун алты телдә фәнни эштәр яза ала. Фәнни максат менән эстон теленәң

төзөлөшөн теоретик яктан мин бынан бер-ике йыл элек өйрөнгәйнем, сөнки эстон теленен төзөлөшө һәм калыбы беззен телдәр менән асылда бер төрлө. Ул телде бер аз белеү аркаһында мин университеттың студенттары һәм аспиранттары менән уларзың үз телендә һөйләшә һәм якындан таныша алдым. Улар за беззен студенттар һымак ук дан совет йәштәре. Шулай за минә гөмүмән университетта өстөнлөк иткән фән атмосфераһы менән уларзың нығырак солғанған булыуы һәм фән орбитаһында күберәк әйләнәүе һизелде,”- тип тамамлай ғалим үзенен Тарту университетынан алған тәҫсираттарын.

Әзәбиәт:

Хөсәйенов Ф.Б. Кейекбаев мәктәбе. “Башкортостан” гәзите, 2001 йыл, 1 ноябрь.

Вестник Академии Наук СССР. № 3, март 1965. с. 83.

ЦГИА РБ. ф. Р – 5085. оп.1. д. 232. с.102.

ЦГИА РБ. ф. Р – 5085. оп.1. д. 232. с. 104.

ЦГИА РБ. ф. Р – 5085. оп.1. д. 234. с. 32.

Булгаков Р. М., г. Уфа

О ТЮРКСКОЙ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Генеалогическая лексика башкирских арабоалфавитных родословных, записанных XIX—начале XX в. (в своей кровнородственной части), имеет различное языковое происхождение и этим своим различием пытается скрыть от слишком доверчивого читателя свою историю. Самые употребительные ее слова и словосочетания *шәжәрәтү-н-нәсәб* или коротко *шәжәрә* ‘родословное дерево, родословие, генеалогия’, *нәсәб* ‘происхождение, кровное родство’, *нәсел* ‘потомки, потомство’, *аслу-н-нәсәб* или *аслу-л-инсан* ‘происхождение, родословная’, асыл ‘родовитый’ и другие воспринятые их арабских генеалогий слова, чередующиеся со словами *тна* самом деле моеяюшее, или *током* – ‘1) племя род; 2) порода племя; 3) порода’ (БРҫ, 618), то есть *tukhm* со значениями ‘семья; род, порода, начало, сперма, яйцо’ [Гаффаров, 152], воспринятыми из генеалогий персидских, создают впечатление послеисламского происхождения лексики башкирских родословных.

Однако некоторые словари сохранили нам и собственно тюркскую и доисламскую генеалогическую лексику, которая удерживает нас от соблазна поддаться только что указанному впечатлению. Перелистаем эти словари и задумаемся о том, что они сообщат нам.

І. Аймак

Аймак *чагатайск, уйгурск.* – 1) ‘род, племя’; 2) ‘поселянин, обладающий большим стадом овец’ [Будагов, 208].

Аймак – ‘крестьянин [! – Р. Б.], разводящий много овец; племя, род, колено; раса; род, племя; порода, поколение; порода’ [Courteille, 135].

Аймак – ‘группа *айилов* или [родовых] подразделений Кочевников. *Аймак* не имел определенного размера, и этот термин мог примиряться к таким родовым группам, как китайская *танма*’. *Айил* – ‘поселение кочевников’ [Vuell, 115].

Аймак Макар [БР, 70] – (родовое подразделение рода Мишар-юрматы [БРҫ, 851]), *аймак* Кара Тальтим [БР, 79] – (родовое подразделение рода Тальтим) [Там же].

ІІ. Арка

Арка – ‘спина; поколение, потомство; происхождение, возникновение’ [Courteille, 14 с примером из «Родословной тюрков» Абу-л-Гази].

Арка – ‘поколение’ [Кононов, 39, 41, 64, 65 и др. вост. паг.].

III. Ага

Ага – ‘1) отец... 2) *чагатайск., кирг.* колено родства; ветвь рода, племя...’ [Будагов, 8].

Ага – I 1. 2) *перен.* ... атадан кошул ‘приходиться родственником в... колене’ [Юдахин, 77].

Ага – Андин өч атаға тигру виран булды ‘Потом до третьего колена [все] было разрушено’ [БШ, 50, 246; РБ, 265].

IV. Йылдыз

Jıldız – ‘корень, основание’... [ДТС, 266].

Yıldız – yıldızlıg ot yıldız (yıldız) ‘имеющий (длинную) родословную’... Говорят ег yıldızlandı ‘мужчина обосновался на месте’ или ‘имел длинную родословную’ [Clauson, 924].

V. Күк

Kök – II 1. ‘корень... 2. основание, опора... 3. *перен.* происхождение, родословная’ [ДТС, с. 312].

Kök – 1. ‘корень, происхождение *буквально и метафорически*... родословная, происхождение, корень... (как *термины родства*), *происхождение...*’ отсюда говорят köküң kim ‘кто твой предок, от кого ты приходишь и к какому племени ты возводишь свое происхождение?’ [Clauson, 708].

VI. Ором

Урум – II ‘потомство’; тим эле урум болуп кетти (*о людях, о роде, племени, о народе*) ‘очень расплодилось, размножилось’... [Юдахин, 807].

Ором-орпак *собир.* потомки, потомство (одного отца) [БРҺ, 473].

VII. Төб

Tüp – I 2. ‘род, происхождение, предки...’ Түбү күчтүү ‘родовитый...’ [Юдахин, 782].

Tür – I 1. ‘низ, дно, основание; подножие... 2. корень... 3. основа, сущность... 4. род, происхождение, предки’. Tür asıl – *парн.* ‘родословная, происхождение...’ Tür töz – *парн.* ‘происхождение, род, предки...’ [ДТС, 598].

Tüb (d-) – ‘*первоначально* корень дерева или растения; отсюда *метаф.* основание (строения); дно (напр., моря); родословная, происхождение (напр., человека)... Говорят также түб о родословной человека; отсюда говорят түблүг еген ‘родовитые мужи...’ Dib dede ‘предок’ [Clauson, 434–435].

Безгә төп баба Әйледер ‘Родоначальник нам – Айли’ [БР, 172].

VIII. Түбә

Tübä – 1) (*чагатайск., тур., азербайджанск.*) ‘верх, верхушка, вершина; холм... 2) (*башк., кирг.*) участок, дача’ [Будагов, 384].

Түбә – II 1) ‘тюбя (подразделение рода). 2) территория, занимаемая подразделением рода’ [БРҺ, 648].

Тюбя – [БР, 57, 58, 344, 352, 379, 381 без объяснения значения этого слова].

IX. Түз

Töz – ‘корень, основа, сущность’ [ДТС, 582–583]. Tüp töz – *парн.* ‘происхождение, род, предки’ [ДТС, 598].

Töz – ‘корень, основа, происхождение и подобное’. [Слово] существует только (?) в большинстве северо-восточных диалектах в форме

tös... 1. ‘Корень, основание...’ 2. Töz – ‘происхождение, родословная’; говорят *anıñ tübi tözi kim* ‘кто его предки и от кого он ведет свое происхождение?’ [Clauson, 571].

Х. Уғуш

Оғуш – 1. ‘род, племя’. Оғуш *bodun* – *парн.* ‘родовые подразделения и народы’; оғуш *qonum* – *парн.* ‘род, племя’ [ДТС, 365].

Уғуш – ‘в ранний период – единица населения [кровных родственников] меньше племени или рода, но больше отдельной семьи, *расширенная семья*, или, просто *семья*; отсюда слово получает значение *поколение* или *степень родства*... и далее – *младший член семьи, внук*...’ Yettinç *uğuška tegi* ‘до седьмого поколения (или степени родства)’ [Clauson, 96].

ХІ. Уруғ, руғ, ырыу

Уруғ, руғ – *чагатайск., тат. (вообще)* ‘род, родство, клан, поколение; фамилия, порода; семья’ [Будагов, 128].

Urum *butaq* – [*парн.*] ‘родство восходящее и нисходящее’ [Будагов, 128 к слову *uruғ*]; в слове незамеченная опечатка: *urum* занимает место слова *uruғ* или *uruғ*].

Урук – II 3. ‘порода (семья); 4. род, племя...’ урук-журук [*парн.*] ‘родственники и свойственники’... [Юдахин, 807].

Уруғ – I 1. ‘зерно, семя, косточка... 2. род, потомство...’ *Визниң uruғıbiz seniң jıғaşıңnuң uruғı bolmuş bolur turur* ‘Наш род является родом твоего [родословного] древа.’ *Уруғ özlüg* – *парн.* ‘родственники’. *Уруғ qadaş* – *парн.* ‘родственники’. *Уруғ tağı* – *парн.* 1. ‘родня, родственники... 2. ‘посевы’ [ДТС, 615].

Ырыу – I 1) род, потомство [БРҖ, 786].

Уруғ – ‘*первоначально* семья, зернышко, ядро [ореха, плода и проч.]’, но в *метафорическом* употреблении приобретает такие дополнительные значения, как ‘потомство, потомки и даже род, то есть потомки общего предка...’ [Clauson, 214].

Выводы:

1. Древнетюркский словарь, словари Клозона и Бьюэлла содержат доисламскую тюркскую лексику.

2. Генеалогическое значение в прямом употреблении имеют заглавные слова только четырех групп примеров (V, VI, X и XI), во всех остальных случаях это значение является переносным.

3. В V, VII и XI примерах Клозон квалифицирует переносные значения слов как метафору, – на самом деле они суть метонимия.

4. В большинстве примеров отнесение лексики к сферам восходящего или нисходящего родословия зависит от контекста ее употребления. Случаев лексики нисходящих родословий (VI Ором, X Уғуш у Клозона, XI *Urum butaq* у Будагова – красивое выражение: ‘родство восходящее и нисходящее’ – и *Уруғ* у Клозона) гораздо меньше.

5. Заглавные слова словарных статей в парных словосочетаниях приобретают переносное либо собирательное значение или сообщают основному значению оттенки, дополнения или уточнения.

Литература:

Башкирские родословные / Составление, предисловие, пояснения к переводу, перевод на русский язык, послесловие и указатели Р. М. Булгакова, М. Х. Налергулова. – Уфа, 2002.

Башкортса-русса һүзлек. 32000 һүз / Яуаплы ред. З. Ф. Ураксин. – М., 1996.

Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий... Фотомеханическое воспроизведение изд. 1869–1871 гг. – М., 1960.

- Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. — Уфа, 1960.
- Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь. — М.: Наука, 1974.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева и др. — Л., 1969.
- Кононов А. Н. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского — М.; Л., 1958.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. Около 40000 слов. — М., 1965.
- Buell P. D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. — Lanham, Maryland; Oxford, 2003.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford, 1972.
- Courteille A. P., de. Dictionnaire Turc-Oriental. — P., 1870.

Бускунбаева Л. А., г. Уфа

ЯВЛЕНИЕ СУБСТИТУЦИИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Субституция представляет собой замещение определенного слова иным как в пределах предложения, так и в тексте. Слова, часто повторяющиеся в определенном контексте, ситуации, заменяются своими субститутами без ущерба для правильного восприятия.

Функцией замещения в башкирском языке чаще всего наделяются местоимения. В речи они способны заменять практически любую самостоятельную часть речи, за исключением глагола [Грамматика современного башкирского литературного языка 1981, 153; Хәзәрге башкорт теле 1986, 194].

Они отличаются от остальных частей речи тем, что в них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельством. Они обладают "...такой субъективной растяженностью своего содержания, которое делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы беспредметным..." [Виноградов 1972, 260]. Однако благодаря контексту они приобретают конкретность, теряя при этом "всеобщность".

Из функции замещения местоимений вытекает их другая функция — служить средством компрессии речи [Литвин 2003, 80]. В силу того, что они по форме представляют собой краткие слова, чаще всего одно- либо двусложные, являются легко- и удобнопроизносимыми, т.е. замещают антецедент в сжатой и компактной форме.

В башкирском языке функцией замещения обладают личные и указательные местоимения.

Из личных местоимений функцию замещения имеют местоимения 3 лица ед. и мн. числа *ул* 'он, она, оно', *улар* 'они', которые способны заменять тот или иной член предложения (Как известно, личные местоимения 1 и 2 л. указывают на участников коммуникации). Например: *Вахиттың бөтә планы емерелгәине, шунылгыктан ул артык күп һөйләшмәне* (М. Фафури) 'Все планы Вахита рухналы, поэтому он ничего не говорил лишнего'; *Кеүәтов башка һүз айтмәгәс, Флюра тағы уға өндәште* (Ә. Вәли) 'Поскольку Куватов больше ничего не сказал, Флюра снова обратилась к нему'; *Имәндәрәм ғәмһез тимәгез һез, улар тоя, барын аңлайзар, гәрәсә имәндәр бит уй-хистәрән капыл ғына әйтпәр бармайзар* (А. Игебаев) 'Не говорите, что дубы беспечны, и они чувствуют и понимают все, хотя не могут это выразить'.

Если личные местоимения способны заменить тот или иной член предложения, то у указательных местоимений сфера замещения намного шире, т.к. они способны заменить не только то или иное слово, но и словосочетание, предложение, иногда даже целые абзацы:

Карасяс әбейзәр таңгалендә Һатыбал, Хәснөлхак, Әхмәтшиа карак, Собхан старииналар Тимербайзы тукмайзар... Тимербай, тегеләр һуыи йыгккан һайын ...торорға тырыша (З. Бишишева) ‘Сатыбал, Хуснулхак, конокрад Ахметшиа и старшина Субхан избивают Тимербая напротив дома старушки Карасяс. Тимербай каждый раз, когда те ударом сваливают его, старается подняться’; *Һеззәң ауылдың кешеләре беззәң походный штабты туззырған. Шулар үззәре баш һалһын* (Ә. Вахитов) ‘Люди вашей деревни разгромили наш походный штаб. Пусть они сами сдадутся’; *Беззәң эштар бик мәшкәл бит әле — шуны үзәң беләһеңме икән?..* (фольк.) ‘Наши дела неважны — ты хоть сам знаешь об этом’.

Личные и указательные местоимения, которые наделены функцией замещения, в предложении могут заменить все, что угодно, начиная от конкретных предметов до абстрактных понятий и целых ситуаций. В одних случаях они используются для избежания повторения, в других — для сокращения речи.

В качестве заместителя могут служить также и модальные слова *эйе* ‘да’, *юк* ‘нет’. Данные слова способны заменить целые предложения. В разговорной речи обычно на верификативные вопросы дается не развернутый ответ, а используется в зависимости от ситуации либо отрицательное *юк* ‘нет’, либо утвердительное *эйе* ‘да’: *Уны уратыи алған шәуләләр йәнә кыймылданы, хатта кемдер уға өндаша кеуек: — Мәзинә! Мине таныйһыңмы, Мәзинә?! — Юк... (Т. Фарипова)* ‘Окружавшие ее тени вновь зашевелились, даже показалось, что ей кто-то говорит: — Мадина! Узнаешь меня, Мадина?! — Нет...’; *Урын табыламы һуң? — тии һораны ул. — Юк* (С. Агиш) ‘Работу ты себе нашел? — спросил он. — Нет’.

В качестве отрицания или утверждения чаще всего используются модальные слова *эйе* ‘да’, *юк* ‘нет’. Однако в башкирском языке часто используются и следующие слова: *албиттә* ‘конечно’, *һис шикһез* ‘несомненно’, *һис һүзһез* ‘безусловно’, *якши* ‘ладно, хорошо’, *ярар, ярай* ‘ладно, хорошо’ и т.д.: *Анау килгән Каримме? — Түгел* (Ф. Исәнғолов) ‘Не Карим ли тот, который идет сюда? — Нет’; *Куна атырлык һиндәй эштарә бар икән һуң? — Әлләсе* (Н. Мусин) ‘Какие же дела у них, чтоб остаться с ночевкой? — Не знаю’.

Такие предложения находятся в тесной связи с предыдущими предложениями, зависимы от них. Главной особенностью таких предложений является то, что они употребляются именно в диалогах, опираясь на предыдущее предложение.

Литература:

- Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. — М., 1968.
Виноградов В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М., 1972.
Грамматика современного башкирского литературного языка. — М., 1981.
Литвин С. И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации. Дисс... канд. фил. наук. — М., 2003.
Хәзерге башкорт теле. — Өфө, 1986.

Вахитова А.Г., г. Бирск

БАШКИРСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Анализ общих лексических единиц в башкирском и монгольском языках позволяет выделить несколько моментов, способствующих выявлению заимствований. Относительно поздних монголизмов в башкирском языке были использованы следующие критерии:

Основной критерий — совпадение звуковой оболочки и семантики соответствующего башкирского слова с монгольским при условии отсутствия этого слова в древнетюркском, при ограниченном его распространении в современных тюркских языках, системе башкирских говоров и широком бытовании в монгольских языках. Необходимо учитывать, что при адаптации заимствований произошла некоторая субституция звуков, определяемая особенностями фонологической системы заимствующего языка, так как заимствование проникало в древности устным путем. Таковыми явными монголизмами являются: *монар* «мгла, марев», *мөрөн* «поток дождевой воды», *бусаа* «подножье горы», *капсал*, *капсабай* «теснина, дебри», *тубай* «урема, пойменный луг», *уба* «холм, курган», *бурбай* «икры ног», *күмэй* «глотка, язычок», *кабырға* «ребро», *маңлай* «лоб», *танау* «нос», *таңлай* «нёбо», *бутәгә* «зоб», *кауырһын* «перо», *мунда* «холка», *мөсә* «часть тела, член», *койка* «опаленная кожа». Такие слова, как *мунда*, *һебә*, *мөсә*, *күмэй*, *мөрөн*, *бурбай*, *капсал*, *капсабай*, не получили повсеместного распространения в диалекте башкирского языка, и их собственно тюркские параллели отсутствуют.

Фонетический критерий — несколько иной звуковой облик слов, характерный для монгольских языков по сравнению с фонетическим оформлением сходных исконно тюркских слов. Сравнение общих с монгольскими языками слов башкирского языка обнаруживает некоторые фонетические соответствия:

з-р (ротацизм): во многих монгольских словах, относимых обычно к числу тюрко-монгольских параллелей, на месте тюркского *з* представлен *р*. Например, алт. *боро*, тув. *бора*, хак. *пора* «серый» (в сибирских тюркских языках в своих исконно тюркских словах отсутствуют ламбдаизм и ротацизм) относятся к монголизмам, так как в тюркских языках обычно представлен *з*. Соответствие тюркского *з* монгольскому *р* в таких словах, как башк. *йөз* «лицо» (др-тюрк., тур. *йүз*, каз. кирг. *жүз* и т.д.) — монг. *нүүр* «лицо», *мөгөз* «рога» (др-тюрк. *мүңүз*/*мүйүз*, турк., аз. *буйунуз*, ккалп. кирг. *мүйүз* и т.д.) — п.- монг. *мөгэрсун* «хрящ», *боғаз* «горло» (др.-тюрк. *боғаз*, тур. *боаз*, ног. *боғаз*, кирг. *боғос* и т.д.) — монг. *боёорла*- «перерезать горло» говорит об обратном характере заимствования;

й-д: башк. *ял* «грива» (др-тюрк. *йал*, тур., аз. *йал*, каз., ккалп., кирг. *жал* и т.д.) — монг. *дэл* «грива», *елен* «вымя» (др-тюрк. *йелин*, турк., аз. *йелин*, каз., кирг. *желин*, алт. *дьелин*, хак. *челин*) — монг. *дэлэн(г)*, *кая* «скала» (др-тюрк. *кайа*, тур. *кайа*, каз., кирг. *кыша*, як. *хайа* и т.д.) — монг. хад(ан) «скала»;

й-з: башк. *йөрәк* «сердце» (др-тюрк. *йүрәк*, тур., турк. *йүрек*, каз. *жүрәк*, як. *сурәк* и т.д.) — монг. *зүрхэн* «сердце», *яурын* «плечо» (др-тюрк. *йағыр*, тур. *йагрин*, каз. *жаурын*, хак. *чарын*, як. *сарын* и т.д.) — монг. *зуур* «плечо»;

й-ж: башк. *йыл* «год» (др-тюрк. *йыл*, тур., аз. *йыл*, ккалп., каз. *жыл*, хак. *чыл*) — монг. *жил* «год», *емеш* «ягода, плод» (др-тюрк. *йемши*, тур., аз. *йемши*, каз. *жемис*, кирг. *джемши* и т.д.) — монг. *жимс* «плод, фрукт», *йылға* «река» (турк. *жүлге*, аз. *чылға*, каз., ккалп. *жылға*, чув. *сырма* и т.д.) — монг. *жалга* «овраг, сухое русло»;

й-н: башк. *йозрок* «кулак» (др-тюрк. *йузрук*, тур. *йумрук*, ккалп. *жудырык*, каз. *жуумырык*, алт. *дюдрук*, як. *сутурук*) — монг. нударга(н) «кулак».

Как следует из примеров, в монгольских языках анлаутному *й* соответствуют: *ж*, *д*, *н*. В тюркских языках анлаутный *й* по языкам имеет строго дифференцированное системное соответствие. Возможно, это свидетельствует о том, что монгольский язык заимствовал слова из разных источников.

h-ш: башк. *һырһак* «буран, пронизывающий ветер» (турк. *сыркын*, ккалп. *сыран*, алт., тув. *шурган* — монг. *шигурган* «метель, пурга», ср.: башк. *һалһа* — монг. *шалз(ан)* «клещ» и т.д.;

h-с: башк. *һебә* «мясо на ложных рёбрах» (каз. *сүбе*, кирг. *сүбөө*) — монг. *сүвээ(н)* «боковая часть грудной клетки», *һакал* «борода» (др-тюрк. *сакал*, тур. *сакал*, каз., кирг. *сакал*, алт., хак. *саһал*) — монг. *сахал* «борода, усы»;

с-ц: башк. *капсал* «ущелье, теснина» (алт. *капчал*) — монг. *хабцал* «ущелье, теснина», *сак* «время, пора» (др-тюрк. *чак*, тур., аз. *чаь*, каз. *шак*, кирг., алт. *чак*) — монг. *цаг* «время, период»;

ш-л (лямбдаизм): башк. *тәш* «полуденное время» (др-тюрк. *туш*, ккалп., каз. *түс*, кирг., алт. *туш*) — монг. *дүл* «середина (дня, ночи)», ср.: башк. *курһаш*, кирг. *коргошун*, алт. *корголийын* «свинец» — монг. хорголжин «свинец»;

к-х: башк. *койка* «опаленная кожа» (др-тюрк. *куйка*, як. *куйаха*) — монг. *хуйх* «опаленная кожа, кожа головы», *кабырһа* «ребро» (тур. *кабурга*, аз. *габырга*, каз., кирг. *кабырһа*, хак. *хабырһа*) — монг. *хабирга* «ребро, бок»

к-х: башк. *күмәй* «глотка; язычок» (кирг. *көмөгөй*, як. *күмэй*) — монг. *хөөмий* «горло; зев», *күкрәк* «грудь» (др-тюрк. *көкүз*, турк. *күкрек*, каз. *көкрек*, кирг. *көкүрөк*) — монг. *хөхөн* «женская грудь»;

к-г: башк. *кары* «предплечье» (др-тюрк. *кары*, турк. *гары*, каз., ккалп. *кар*, як. *хары*) — монг. *гар* «рука», *алакан* (уст.) «ладонь» (тур. *алакан*, каз., ккалп., кирг., алт. *алакан*) — монг. *алага* «ладонь»;

г-х: башк. *боһак* «зоб (у птиц)» (др-тюрк. *бокук//боһук*, турк. *букак*, кирг., алт. *боһок*, хак. *поһо*) — монг. *бахуу* «зоб», *туһай* «урема» (каз., ног. *тоһай*, кирг. *токой*, алт. *токой*, як. *тоһой*) — монг. *тохой* «излучина, изгиб, лука (реки)»;

т-ц: башк. *тулкын* «волна» (тур. *далга*, ног. *долкын*, алт. *тулкун*, узб. *тулкин*) — монг. *цалгиа* «волна, плеск», ср.: башк. *түңәрәк* «круглый» — монг. *цагариг* «обруч, кольцо» и т.д.

Однако, исходя только из звукового состава, невозможно отличить собственно тюркские слова от монгольских. Подобные чередования и переходы звуков характерны для башкирского языка и по сравнению с некоторыми тюркскими языками.

Морфологический критерий срабатывает тогда, когда слово не этимологизируется на тюркской почве и морфологическая структура его неясна, в то время как в монгольских языках представлена производящая основа и иные морфологические элементы. Например, башк. *ейәнсәр* «внучка» < монг. *зээнцэр* «правнук, правнучка» < *зээ* «внук, внучка» + монг. *-нцар*.

Здесь могут быть сделаны возражения, что основа слова и аффикс также существовали в тюркском языке, но были там утрачены. Однако чётко выявленный в монгольском языке характер оформления второбразных основ (оформления корня аффиксами) способствует выделе-

нию монголизмов. В то же время известно, что морфемы отдельно от слов обычно не заимствуются. Ср.: монгольские словообразовательные аффиксы: **-сун**, **-л**, **-жин**, **-т(ай)**, **-гана**, **-нцар// -цар**, **-тан**, **-лт** и т.д.

Также морфологический анализ помогает выявить грамматические показатели монгольских языков, имеющих общее происхождение с тюркскими. Например:

1. Башк. **-лык**, монг. **-лага// -лог// -лөг** и т.д.: башк. *ялгаулык* «наставка, вставка; кусок материи для вставки»; монг. *будлага* «покраска» (от *буда*- «красить»). Модель с основой глагола и афф. **-лага** в монгольском языке производит термины разных отраслей производственной деятельности человека.

2. Башк. **-лык**, монг. **лаг//лог** и т.д.: башк. *ашлык* «зерно, хлеб» (от *аш* «пища, еда»), *тышлык* «оболочка» (от *тыш* «внешняя, наружная сторона»); монг. *төмөрлөг* «металл» (от *төмөр* «железо»), *тослог* «жирность, маслянистость» (от *тос(он)* «масло»).

3. Башк. **-уыс**, монг. **-вч**: башк. калкауыс «поплавок» (от *калк*- «подниматься, вздыматься»), *бизәүес* «украшения» (от *бизә*- «украшать»); монг. *талхивч* «кожемялка» (от *талхи(н)* уст. «орудие пытки»). В монгольском языке модель происходит от основы имени и глагола. На ее основе образуются термины, являющиеся наименованиями различного рода небольших устройств, приборов, мелких предметов, изделий и принадлежности хозяйственно-бытового назначения.

4. Башк. **-сы**, монг. **-ч(ин)**: башк. *тимерсе* «кузнец» (от *тимер* «железо»), *аусы* «охотник» (от *ау* «охота»); монг. *төмөрчи(ин)* «кузнец», *авчин* «участник облавной охоты» и т.д.

По данной модели образуются наименования лиц по какому-либо роду занятий, профессиям и специальностям.

Семантический критерий свидетельствует о монгольском происхождении слова тогда, когда в тюркские языки слово вошло в каком-либо одном, зачастую переносном значении, в то время как в монгольских языках это слово имеет все свои основные прямые и переносные значения. Например, башк. *туьай* «урема, пойменный луг» < монг. *тохой* «локоть, часть руки от локтя до кисти; перен. излучина, изгиб, лука (реки)»; башк. *уба* «холм, курган» < монг. *обо//ово* «одинокая горка, холм, отдельная вершина в хребте, куча камней; пограничный знак»; башк. *бурбай* «икры (ног)» < монг. *борви* «ахиллесово сухожилие, пяточное сухожилие» < п.-монг. «голень; сухожилие в коленной части ног; сухая жила выше пятки»; башк. *манлай* «лоб» < монг. *магнай//манлай* «лоб, чело; перенос. авангард, передовая часть; передовой, лучший; глава, вождь; головной, главенствующий» и т.д.

Этимологический критерий и внутренняя реконструкция имеют важнейшее значение для определения заимствований из монгольского языка. Если слово не этимологизируется на тюркской почве, то есть вероятность, что оно является монголизмом.

В башкирском языке слово *саскау* «изморозь, иней» является заимствованием из монгольского языка. Башк. *саскау* < монг. *цас* «снег», корневая морфема которого вычленяется в следующих монгольских словах: *ца-л* «седой», *ца-га-ан* «бельмо», *ца-й-ра-* «белеть, светлеть», *ца-га-с* «бумага», *ца-й-вар* «беловатый, светлый», *ца-н(г)*

«изморозь». Здесь все эти слова имеют общую семантическую основу – значения слов исходят от основного значения «бельй».

Отношения между тюркскими и монгольскими языками очень сложные: за тысячелетия вследствие самостоятельного развития в каждом из языков произошли колоссальные изменения как в структурном, так и в семантическом плане.

Иногда в каком-либо из языков по ряду причин могут быть утрачены звенья в цепи развития слов. Например, в башкирском языке в слове *кукрак* «грудь» корневая основа *кук-* отсутствует, в то время как в монгольских языках она имеется: п.-монг. *көкө-//көкү-*, монг. *хөхө-*, бур. *хүхэ-* «сосать грудь».

Тем более, в тюркских языках наименование женской груди представляет другой глагольный корень *эм-* с аналогичным значением.

Важнейшее звено может быть утраченным и в цепи развития значения. Так, монг. *тохой* «излучина, изгиб, лука (реки)» развивалось на основе анатомического термина «локоть; часть руки от локтя до кисти». Т.е. для возникновения значения «изгиб (реки)» послужила изогнутость. В этом случае важнейшее звено в цепи развития значения, которое указывает на мотивированность переноса, в тюркских языках не обнаружено.

Подведя итог, можно сказать, что имеются определенные признаки, по которым из всей массы общих для тюркских и монгольских языков заимствований можно выделить поздние. Кроме перечисленных заимствований, имеются общие с монгольскими языками слова, которые не отвечают этим признакам. Одним словом, они распространены во всех монгольских и тюркских языках, по их структурным и семантическим особенностям невозможно судить об их принадлежности тому или иному из двух языков, этимологизируются они по языковым данным как тюркских, так и монгольских языков.

Баханова Р.Р., Өфө к.

БАШКОРТ ЙОЛА ФОЛЬКЛОРЫНДА ТҮНЭРӘК СИМВОЛЫ

Ер шарында йәшәгән халыктарзың уртақ символдары бик күп. Шулар рәтенә, мәсәлән, күк есемдәрен, хайуандарзы аңлатқан символдарзы индерергә була. Һәм, ғәзәттә, ошо уртақ символдарға төрлө милләт вәкилдәре төрлө мәгәнә һала.

Түнәрәк тә шундай уртақ символдар рәтенә карай. Күп милләт традициялары өсөн был символ – донъя образы буларак камиллыкты көүзәләндерә. Мәсәлән, карелдар уйлауынса, һәр бер кешене тышкы яктан түнәрәк формаһындағы арауык уратып алған һәм ошо арауык уны насар көстәрҙән һаклай [Лавонен 1977, 73]. Был боронго караш хәзерге вақытта фәнни яктан раһланған. Хәзерге яны тикшеренеүҙәр һөзөмтәһендә, ғалимдар кешенең биополе, аураһы барлығында шикләнемәй. Шул йәһәттән, сирзе дауалаусы башкорт им-томдарҙарында бағымсы ауырыу яһында бер нисә рәт әйләнәп үтә, төрлө хәрәкәттәр эшләп, күп оракта урап йөрөй. Башкорттарза ауырыу тирәләй әйләнәп-әйләнәп йөрөү, им-том итеү, зәхмәт кыуыу, кот сақырыу, биртек имләү кеүек тылсымлы дауа йолаларында кулланылған. Был йолаларзың күбәһендә ауырыу тирәләй өс тапқыр әйләнәүгә айырыуса зур игтибар ителгән [Нагаева 1981, 71].

И.И. Лепехин ауырлы катын сирлэгәндә күрәзәсенә дауалауы тураһында язып қалдыра: «Хозяин, у которого была больная жена, должен был сделать башкирскую пирушку. Тут собралось множество молодых людей обоего пола, и поднялась их пляска вокруг большой женщины с великим криком и шумом» [Нагаева 1981, 69]. Был, хәзерге филми қазаныштар юсығында, ауырыузын аураһын нормаға килтерәү, сирзән арындырыу функцияһын башқара.

Им-том итеү йолаларындағы һымак, йола бейеүзәрәндә шулай ук түнәрәк буйлап йөрөү киң таралған. С.И. Руденко кыз уйындарын тасуирлағанда быны билдәләй: «кругом при этом водили хоровод» [Руденко 2006, 326]. «Қарға бутқаһы», «Кәкүк сәйе» йолаларындағы бейеүзәр ойотоп йөрөүгә қоролған. «Қарға бутқаһы» — башқорттарзың Яны йыл қаршылау байрамы ул. Был байрамда катын-қыззар, балалар қатнаша. Мәрийән, тәңкә, төрлө төслө туқымалар менән бизәлгән ағас тирәләй әйләнгәндә, қатнашыусылар изге теләктәр теләгәндәр. Байрамда «Түнәрәк уйыны» үткәрелә. Қатнашыусылар қулаға-қул тотоноп урталә тороусы тирәләй әйләнәп йөрөйзәр, изге теләктәр теләйзәр. Урталағы кыз сиратлап башқаларзы бейергә сакыра [Нагаева 1981, 72]. Әйләнәп йөрөүгә қоролған йола бейеүзәрә күп төрки халықтарында бар. Үзбәктәр, қырғыззар әйләнәп йөрөү насар көстәрзән һаклай, тип исәпләй. Г.П. Снесарев күзәтеүенсә, ауырыу тирәләй әйләнәп йөрөү шаманизмда дауалау ысулы буларак қулланылған [Снесарев 1969, 207]. Боронғо төрки халықтарының ышаныуы буйынса, ауырыу тирәләй әйләнәп йөрөү һөзөмтәһендә сир йәнһез әйбергә күсә [Нагаева 1981, 61]. Башқорт йола байрамдарында әйләнәп йөрөү — қатнашыусыларға именлек, сәләмәтлек теләү, тип әйтергә була. Хәзерге көндә йола байрамдарында бейеүзәрзә, уйындарзә балалар ғына қатнаша. Балаларзың уйындарында киң таралған әйләнәп йөрөү элементы — боронғо ышаныуларзың һакланып қалыуын күрһәтә.

Туй йолаларында әйләнәп йөрөү киң таралған. «Йыуаға сығыу» йолаһында, мәсәлән, йәштәр таука менеп, «Қаршы бейеүе»н башқарған. Қатнашыусылар егет менән кыз тирәләй әйләнәп йөрөгән. Урталағы парзәр алмашынып торған [Нагаева 1981, 75]. Қыззы кейәү йортонә озатқанда сәңләү йолаһы үткәрелә. Қыз тирәләй әхирәттәрә әйләнәп йөрөгәндә, хушлашыу йырзары башқарғандар. Шул рәүешлә уға алдағы тормошонда изгеләктәр теләгәндәр [Нагаева 1981, 78].

Кейәү йортонда кәйнә бейегәндә изге теләктәр теләй-теләй, кыз тирәләй әйләнәп йөрөй. «Йөзән қояштай янып торһон,

Битән айзай балқып торһон

Теләндән бал тамып торһон,

Қулындан май ағып торһон» - тип теләй ул уға [БХИ 1995, 365].

Текстан күрәнеүенсә, киләнгә һәр сак келәс, яқты йөзлө, булырға теләйзәр.

Бил быуғанда, кашмау кейзәргәндә килән тирәләй әйләнәп йөрөү мохтаж һынала.

Түнәрәк символы, мифологик караштар буйынса, қояшқа табыныуы аңлата. Башқорттарзың қояшқа табыныуы һақындағы қызыклы мәлүмәттә И.Георги қалдырған: «Башкиры во время какого ни есть праздника убьют животное, ставят на приборе (каштак) уваренное мясо против солнца, творя при этом много поклонений и

прочее, во всем подобно шаманским язычникам» [Георги 1799, 107]. С.И.Руденко билдәләүенсә, башкорттар тирмәләрен дә көнсығышка табан урынлаштырғандар [Руденко 2006, 217]. Көн менән төн тигезләшкәс, башкорттар ак атты корбан итер булғандар [Султангареева 2006, 173].

Башкорт халык ижадында қояш образы тормош, яқтылык, йылылык биреүсә буларак сығыш яһай. Мәшһүр «Урал батыр» эпосында Қояш – қоштар батшаһы Самраузың катыны.

Башкорт халык йола фольклорында қояшка табыныу мотивы айырыуса зур урын алған. Ямғырзар озақка һузылһа, элек башкорттар «Қояш сақырыу» йолаһын үткәргәндәр. Был йола үзәндә шулай ук тимер көсөнә ышаныузы сағылдыра: тимерзән эшләнгән һауыт-һаба, урақ, салғылар тышка сығарылған. Артабан қояшка өндөшкөндәр:

Қояш апай, калк, калк!

Һалкын езнәй, кит, кит!

Һимез тәкә һуйырман,

Майын һиңә бирермен![БХИ 1995,с.56]

Өндөшеүзә Қояш – түллек символы буларак сығыш яғай. Бөйө күк есеменен йылыһы булға ғына, якшы унышбуласак . «Түнгәүерзәр кәбиләһе» легендаһында хан қызы қояш нурзарынан ауырға қала. Азербайжан халқының окшаш йола өндөшеүендә Қояш шулай ук катын-қыз буларак күз алдына баһа[Абдуллаев 1993, 12]. урыстарзың йола поэзияһында қояш әсә образында киң кулланыла, тип билдәләй С.Г. Лазутин [Лазутин 1981, 154].

«Һабангуй» байрамының әлегә тиклем қайһы бер райондарза һакланып қалған «Ер һызыу» тигән йолаһы бар. Қар иреп бөтөп, түгә үлән күренә башлағас та, ауыл қарттары байрам үткәреләсәк урынды һайлар булғандар. Урын шулай түнәрәк менән билдәләһәп, уртаға таяқ қуйылғас, урынды ат менгән кеше урап сығккан. Урын шулай билдәләһәп, магик көскә эйә була. Ошо рәүешле қояш хәрәкәтен хәтерләһәп йыйындарза ат сабыу, ярыштырыу нигезәндә мул уныш булығына ышаныу ята.

Қояш хәрәкәтенен тылсымына ышаныу күп йолаларза күренә. Баланы беренсә тапқыр мунсала һыу индереү көн үзәгенә тура килергә тейеш булған. Қояш ошо мәлдә балаға һаулык, тазалык, йәшәү көсә бирә, тип ышанғандар. Шулай ук никахты ла йәштәргә көн үзәгендә укыу хупланған.

Шулай итеп, түнәрәк символы күп халықтар мәзәниәтендә камиллык, тормош бәрәкәтенә һәм донья, тәбиғәт торошонона ылығыузы, йәнә һаулык булдырыуға бәйлә сакраль идея. Башкорт йола байрамындағы бейеүзәрзә әйләнәп йөрөү – сәләмәтлек, игелек теләүзә аңлата. Қояшка табыныу һәм тәбиғәткә ылығыу идеялары түнәрәк символы аша йолаларза сағыла.

Әзәбиәт:

Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. — Өфө, 1995.

Георги И. Описание всех в российском государстве обитающих, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопримечательностей. — СПб, 1799.

Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора. — М, 1981.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970.

Лавонен Н.А. О древних магических обрядах // Фольклор и этнография. — Л.:1977, с.

85-96.

Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. — М, 1981.

Руденко С.И. Башкиры. — Уфа, 2006.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков. Хорезма. — М., 1969.

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. — Уфа, 2006.

Галаятдинов И.Г., г.Уфа

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

История башкирского языка включает в себя целый ряд разделов языкознания, имеет свой предмет, объект и методы исследования. Историческая грамматика языка входит в этот комплекс, но она рассматривается в двух аспектах: как историческая грамматика народно-разговорного языка и историческая грамматика литературного языка. Они отличаются друг от друга по своим источникам, предметам, объектам и методам исследования.

Историческая грамматика народно-разговорного языка создается с помощью данных диалектов языка и родственных языков, она не зависит от наличия письменных памятников. Если последние имеются, то из них выявляются только диалектные материалы. Основная цель лингвиста, изучающего историческую грамматику народно-разговорного языка, «заключается в прослеживании истории звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций. Историк языка должен прежде всего установить наиболее древнее состояние какой-либо группы родственных языков. Иными словами, он должен четко представлять основные характеристики праязыка, лежащего в основе групп родственных языков, его вокализм, консонантизм, важнейшие морфологические и синтаксические особенности» (Б.А. Серебренни-ков). Историческая грамматика народно-разговорного языка, в целом, разрабатывается на основе применения сравнительно-исторического метода.

Историческая грамматика литературного языка целиком основывается на памятниках письменности, но не занимается проблемами происхождения звуков, грамматических форм и синтаксических конструкций, а лишь фиксирует их наличие, изменения (т.е. развитие) и объясняет причину таких изменений. В данном случае главенствует сравнительно-типологический метод исследования.

Таким образом, под исторической грамматикой башкирского языка мы подразумеваем историческую грамматику народно-разговорного или, по определению Э.Р. Тенишева, национального языка. Если это так, то предметом исследований является «само движение грамматического строя языка» (Э.Р. Тенишев), а объектом — языковые единицы (фонемы, морфемы, слова и предложения), употребляемые в текстах.

Основным источником для составления исторической грамматики башкирского языка является башкирский народно-разговорный язык с его диалектами и говорами, т.е. диалектные и фольклорные тексты, родственные тюркские языки, дальне-родственные монгольские и тунгусо-манчжурские языки урало-алтайской семьи и материал пратюркских реконструкций. К источникам можно отнести ещё данные исторической диалектологии и ареальных исследований, если они имеются, грамматики и словари, заимствования в нетюркских языках.

При исследовании исторической грамматики языка лингвисты широко применяют сравнительно-исторический метод, который

включает в себя целый комплекс разнообразных приёмов: внешняя и внутренняя реконструкция, типологический и этимологический анализы, сравнение парадигм и относительная хронология, фузионное развитие тюркских языков, предложенное А.Н. Кононовым, теория вероятностных обоснований, применённая Б.А. Серебренниковым, категория определённости-неопределённости в тюркских языках, выдвинутая Дж.Г. Киекбаевым. При изучении исторической грамматики башкирского языка основным принципом должен быть, на наш взгляд, структурно-функционально-семантический подход к изучению грамматических процессов в развитии языка.

Гарипов А.С., г. Учалы

ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ И ИХ РОЛЬ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обратившись к сравнительно-историческому языкознанию и используя научно-исследовательские методы, можно наиболее точно реконструировать исторический путь развития той или иной грамматической формы, употребление которой зафиксировано в диалектах и говорах. В качестве примера можно рассмотреть такие глаголы изъявительного наклонения, как *көлөрөк* и *көтөрөк*, которые в Аргаяшском говоре башкирского языка употребляются в значении настоящего времени, т.е. *көлөрөк* — смеемся и *көтөрөк* — ждем [Максютова 1996, 56]. В литературном языке, как известно, формы образованные посредством аффиксов -ыр/-ер, -ор/-өр, выражают значение будущего неопределенного времени, то есть *көлөрөк* передает значение — будем смеяться, *көтөрөк* — будем ждать. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: почему в данном говоре эти формы выражают именно значение настоящего времени? По нашему мнению, это обстоятельство можно объяснить следующим образом: дело в том, что формы на - ыр /-ер и -ор/-өр уже ко времени древнетюркских письменных памятников выражали не только значение будущего, но и значение настоящего времени, например: Мен амты ӧлүтмен (сов. башк. үлөрмен) 'теперь я умираю' [Кондратьев 1981, 120], тург (сов. башк. торор) 'стоит', тиләгін булур (сов. башк. булыр) 'достигнет своего желанья' [Наджип 1989, 153], бирурмен (сов. башк. бирермен) 'отдаю' [Айдаров 1971, 154]. Следует сказать, что функционирование форм на -р в значении настоящего времени зафиксировано и в языке башкирских шежере, например: торыр'стоит', йатур 'лежит', йорор 'ходит', 'пойдет' [Фаттахудинова 1985, 33]. Из вышеприведенных примеров ясно видно, что все эти глаголы ранее были полисемичны. Позднее для избавления от такой многозначности в башкирском языке появилась собственно форма настоящего времени, образованная посредством аффиксов -а/-ә/-й: ала 'берет', килә 'идет', укый 'читает'. А вот, к примеру, в азербайджанском языке формы на -р -ыр/-ер, ввиду отсутствия глаголов настоящего времени на -а/-ә/-й, продолжают функционировать в значении настоящего времени.

На основе всего вышесказанного можно с уверенностью говорить о том, что аффикс -өр в составе форм *көлөрөк* и *көтөрөк* сохранил свое древнее значение. Многозначность же этих форм напрямую связана с тем, что аффиксы - ыр/ - ер, -ор/-өр, а также -ар/ -әр образованы

посредством древнего показателя множественности-неопределенности -р. Этот аффикс и по сей день сохраняется в тунгусо-маньчжурских языках, в частности в эвенкийском языке: орон 'олень' и ороор 'олени', мурин 'лошадь' и мурир 'лошади' [Киекбаев 1996, 169]. Связь аффикса множественного числа с неопределенностью можно объяснить, основываясь на теорию определенности и неопределенности, автором которого является профессор Дж.Г. Киекбаев. Из этой теории следует, что в основу аффиксов множественного числа изначально были заложены два значения, первым из которых, естественно, является значение множественности, второе — значение неопределенности [Киекбаев 1996, 345]. Так, к примеру, форма мурир 'лошади' говорит не только о большой численности лошадей, но она также указывает на их количественную неопределенность. Именно поэтому древний аффикс множественного числа -р, в тоже время являющийся показателем неопределенности, присоединяясь к глаголу, образует формы, значение которых тесно связано с неопределенностью.

Следует сказать, что для говора характерна ещё одна специфическая форма настоящего времени, например: ала-т -ым 'беру', ала-т-ын 'берёшь', ала-т-ы' берет' [Максютова 1996, 55]. В этом говоре употребляются формы с — т, в отличие от других тюркских языков, где функционируют формы с — д. Например, в чулымо-тюркском языке формы с -du чаще всего выражают обычное действие, которое составляет постоянное свойство предмета или является результатом привычки действующего лица, его способности. В определенном контексте это время может выражать также действие в будущем или многократности действия: Man al-ady-m' я беру'; San al-ady-n' ты берёшь'; Ol al —ady' он берёт' [Языки народов СССР 1966, 452]. В то же время в некоторых тюркских языках - ды характерен только для 3-го лица. К таким можно отнести узбекский язык, например: Ишлай-ман 'я работаю'; Ишлай-сан 'ты работаешь'; Ишлай-ди 'он работает' [Языки народов СССР 1966, 349]. Функционирующая в казахском языке форма обычно выражает действие, происходившее в прошлом, совершаемое в настоящем и могущее произойти в будущем, что определяется контекстом речи, например: Ол Алматадыла турады 'он живет в Алма-Ате' (значение настоящего времени). Ол ертең ерте турады 'он завтра рано встанет' (значение будущего времени)' [Языки народов СССР 1966, 331]. В ногайском языке формы с -ды, по мнению Н.А. Баскакова, в большинстве случаев выражают действие, совершающееся обычно или же действие, которое совершается в ближайшем будущем времени, например: бара-ман 'я пойду', бара-сынъ 'ты пойдешь', бара-ды 'он пойдет' [Языки народов СССР 1966, 34].

Мы бы хотели остановиться ещё на одной форме, которая характерна для гайнинского говора. Её особенностью является то, что к основному глаголу, выражающему значение настоящего времени, присоединяется элемент -т, например: белёкне кураг 'запастые печет, болит'; Бер эдем кычкырат 'один человек кричит' [Миржанова 1991, 249]. Для того, чтобы выяснить природу элемента -т и объяснить причину его присоединения к форме настоящего времени, в первую очередь, необходимо обратиться к языковым данным других тюркских языков и их диалектов, так как и в некоторых из них встречается такая

форма настоящего времени. Например, в ойротском языке барат 'он обычно ездит' [Баскаков 1947, 282], галицком диалекте караимского языка мьмин уланым сорат мьнден 'мой сын спрашивает у меня', баслайт килми 'начинает смеяться' [Мусаев 1966, 278], киргизском языке: ыйлалт 'рыдает', килет 'приходит' [Батманов 1953, 30], алтайском языке: дьоткон келет 'наступает буря' [Языки народов СССР 1966, 516]. Следует сказать, что данная форма настоящего времени встречается и в языках огузской группы. К примеру, в кубинском диалекте азербайджанского языка: alad 'берет', qalad 'остаётся'. По мнению Ш.Ширалиева, данные формы по своей природе являются кыпчакскими [Ширалиев 1983, 112], то есть в какой-то период развития языков они были заимствованы из языков кыпчакской группы. Такого же мнения придерживается и Н.З. Гаджиева, рассматривающая формы настоящего времени на -а-т (чыхад, alad) как результат исторических миграционных потоков [Гаджиева 1986, 43]. Таким образом, Гайнинская форма не является какой-то аномалией, наоборот, она издревле была характерной особенностью языков кыпчакской группы, в том числе и башкирского языка.

В тюркологии к истории элемента -т обращались многие видные ученые. К их числу относится Н.А. Баскаков, который предположил, что такие формы, как барат, алат, образовались в результате стяжения аналитических форм бара турур и ала турур [Баскаков 1956, 277]. Предполагаемое стяжение можно представить следующим образом: бара турур > баратур > барадыр > барады > барат; ала турур > алатур > аладыр > алады > алат. Действительно, такое стяжение могло иметь место в истории развития тюркских языков. Но в этом случае, как точно подмечают Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева, трудно объяснить изменение гласного у в ы - тур > дыр, ведь в тюркских языках нет закона, который бы допускал такие изменения [Серебренников, Гаджиева 1979, 161]. Впоследствии Б.А. Серебренников совместно с Р.М. Бирюковичем выдвинул гипотезу о том, что элемент -т, возможно, восходит к аффиксу многократного действия [Серебренников, Бирюкович 1984, 6]. В одной из работ Серебренников предположил, что показатели собирательной множественности могли превратиться в аффикс многократного действия [Серебренников 1974, 351]. По нашему мнению, элемент -т является ничем иным, как древним аффиксом множественности — неопределенности, который и сегодня употребляется в якутском языке, например: хотун 'почтенная женщина, хозяйка' и хотун 'госпожи', тойон 'господин, начальник' и тойот 'господа' [Языки народов СССР 1966, 408]. В монгольском языке (в виде -d), например: појон 'князь' и појод 'князья', қаан 'хан' и қаад 'ханы' [Малов 1951, 452]. А множественность, как мы уже ранее и говорили, тесно связана с неопределенностью. Именно поэтому формы алат, килэт так же, как и ала, килэ, могут выражать значение "общего" времени.

Литература:

- Айдаров Г. Язык Орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. — Алма-Ата, 1971.
 Баскаков Н.А. Ногайский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
 Баскаков Н.А. Система спряжения или изменение слов по лицам // ИСГТЯ. ч. II. Морфология. — М., 1956.
 Баскаков Н.А., Тошчакова Т.М. Ойротско-русский словарь. — М., 1947.

- Батманов И.А. Современный киргизский язык. — М., 1953.
- Гаджиева Н.З. О некоторых трудных вопросах методики изучения истории тюркских языков // *Turcologia*. — Л., 1986.
- Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
- Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
- Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. — Уфа, 1996.
- Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI вв. — Л., 1981.
- Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. — Уфа, 1996.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951.
- Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). — Уфа, 1991.
- Мусаев К.М. Караимский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
- Наджип Э.И. Исследования по истории тюркских языков XI - XIV вв. — М., 1989.
- Решетов В.В. Узбекский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
- Серебренников Б.А. О происхождении настояще - будущего времени на -г, -аг, -ег в турецком языке. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.
- Серебренников Б.А., Бирюкович Р.М. Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка // Советская тюркология. 1984. — № 6. — С. 5-7.
- Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку, 1979.
- Убрятова Е.И. Якутский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. 2 том. — М., 1966.
- Фаттахутдинова А.Ш. Источниковедческое изучение башкирских шежере // Вопросы истории башкирского литературного языка. — Уфа, 1985.
- Ширалиев М.Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка. — Баку, 1983.

Гарипов Т.М., г. Уфа

АРАБСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ – 80 ЛЕТ СПУСТЯ

В 1930 году солидный ленинградский гуманитарный журнал «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР» в своем V томе опубликовал на 17 страницах большого формата обстоятельную статью 32-летнего, но уже тогда одного из ведущих ориенталистов страны, Н.К. Дмитриева «Арабские элементы в башкирском языке». Николай Константинович к этому периоду заведовал одновременно тремя (!) тюркологическими кафедрами в МГУ, ЛГУ и Восточном институте, а до того совершил две полевые поездки 1928-1929 годов в составе Комплексной экспедиции АН СССР как руководитель ее фольклорно-лингвистического подотряда, исследовавшего региолекты Аргаяшского, Месягутовского и Тамьян-Катайского кантонов Башкирской республики. В распоряжении первоисследователя оказались весьма репрезентативные старопечатные источники на арабице (имеются в виду сочинения А. Гисматуллина, С. Мирясова, Г. Фахретдинова, Ш. Чураева, З. Шакирова, Д. Юлтыя и других), а также обширные диалектологические материалы, собранные в тридцати с лишним населённых пунктах (сохраняем транскрипцию автора статьи – *Т.Г.*): Азангулово, Аисово, Арыево, Асы, Ахуново, Бишевзер, Бутаево-Шырышкы, Дуван-Меситти (?), Зюяково, Ибраево, Ильтей, Исаково, Ихсаново, Лемез-тамак, Махмудово, Мерьянгулово-Кутуш, Месит, Мидетово, Мусят, Мухамметово, Нижнее-Утяшево, Новая и Старая Маскара, Ново-Юлдашево, Новый Картаул (то есть дословно ‘ново-старая деревня’),

Старо-Мишерово, Таишево, Ураково, Усман-Гали, Худайбердино, Хуирово, Юнусово, Яушево и иные.

В результате детальному историко-этимологическому анализу было подвергнуто до полутысячи арабизмов, употреблявшихся в живой башкирской речи. При этом все классические арабские графо-комплексы принципиально остались непереведёнными и даже не-транслитерированными на русский (либо другой европейский) язык, в чем нельзя не усмотреть свидетельства уверенности автора статьи в высокой востоковедной эрудированности читателей ЗКВ.

Что же касается собственно башкирских диалектизмов контактного происхождения, то для них была предложена специально разработанная латинизированная транскрипция, несколько отличавшаяся от принятого в 1928 году «Яналифа». В частности, её разработчик находился, очевидно, под влиянием турецкой орфологической традиции, часто заменявшей исконное арабское *a* на общетюркское *ə* (вместо ныне узаконенного западно-кыпчакского *ə*); таковы написания *qelem* вместо ожидаемого и современного *Калам* ‘карандаш; перо’, *mezine* вместо *мэзине* ‘Мадина’ (имя собственное от арабского *madina* ‘город’) и прочие.

Любопытны наблюдения Н.К. Дмитриева над реальным освоением арабизмов на Урале; последние подразделялись им на активный и пассивный лексиконы так называемых «варваризмов». При этом подчёркивалось слабое знание самого арабского языка в целом со стороны широких слоёв башкирского населения, в силу чего многие оригинальные звуки и знаки адаптировались к специфическим местным условиям. В то же время старательное отнение арабских долгот служило признаком «образованной» речи. Чаще всего заимствовались арабские имена, причастия и глагольные масдары (нередко вытеснявшиеся русскими инфинитивами).

Большая часть предпринятого изыскания (примерно 60% всего текста статьи) была посвящена арабско-башкирским фонографическим соответствиям. Далее следовали история и теория вопроса (приблизительно 25%), морфологический же анализ занял чуть более 5%, а семасиологические ремарки составили около 10%, хотя по признанию самого автора, «эти факты, быть может, относятся к числу самых интересных во всей проблеме» [Дмитриев 1930, 200].

Конкретно речь шла о таких иллюстративных артефактах, как *вафат* ‘смерть’, которая иногда приобретала смысл имени качества или отглагольного прилагательного: *ул вафат* ‘он умер’ (собственно ‘он – умерший’).

Религиозным *инжил* ‘евангелие’ в Мырзаларской волости обозначал ‘Ильин день’ (30 июля старого стиля), одинаково праздновавшийся и русскими, и башкирами, причем в это празднество устраивалась традиционная ярмарка.

Термин *йәмғәт* ‘общество’ зарегистрирован и со значением ‘жена, супруга’.

Лексема *киммәт* (диалектально *kejbat*), восходящая к арабскому *Киммат* ‘ценность, стоимость, цена’, у башкир означает ‘дорого(й)’.

Арабское *rahmat*, которое в Башкирии и Татарстане (? – Т.Г.) произносится как *рәхмәт* (реже в диалектах *эрәхмәт*) и всюду имеет смысл ‘спасибо’; в турецком же оно сохраняет первоначальный смысл ‘милосердие; милость, сострадание’.

Понятие *сабаб* ‘причина’ по-башкирски иногда означает ‘возможность’ (например, в известной песне о Буран-бае: *нис бер сәбәп булмай кайтыуға* ‘нет никакой возможности вернуться’).

Слово *һаК*, произносимое как *хак*, вместо многочисленных арабских значений чаще всего ассоциируется с концептом ‘цена’ (*ни хак* ‘сколько?, почему?’ – точнее: ‘почем?’ – Т.Г.).

В обороте *хикмәт унда түгел* ‘суть (дело) не в этом’ использован иной смысл в отличие от арабского *һикмат* ‘мудрость; тайна; чудо’.

Выражение *һәйбәт* (*һәйвәт*) из арабского *һайбат* ‘величие, грозный вид’ получило в башкирском и поволжско-татарском значении ‘хороший, -о; великолепный, -о’, которое настолько распространилось, что в некоторых волостях бывшего Месягутовского кантона вытеснило общетюркское *якшы* тжз.

Наконец, архаизм *истиллак* ‘потребительская кооперация’ мог быть воспринят и как ‘искание гибели’ – масдар X породы от глагола *һалака* ‘погиб (он)’, почему и встретил выражение некоторых интеллигентных башкир. Возможно, что это переводный термин с русского, причем для переводчика не вполне ясна была разница между русскими *истребитель* и *потребитель*.

Статья завершается своеобразным заветом Н.К. Дмитриева, обращенным к новым генерациям башкортостанских ориенталистов: «Итак, в новой для теоретического анализа области башкирских арабизмов нам удалось наметить и установить лишь самые общие категории; мы постарались типизировать все те явления, которые поддаются синтезу при современном состоянии материала и могут быть связаны с тем или иным грамматическим процессом. Случаи, которые остаются пока вне этих рамок, подлежат дальнейшей разработке; их объяснение – в будущем, так как и сама проблема, затронутая нами в настоящей статье, найдет полное решение только в будущем».

Литература:

- Гарипов Т.М. Относительно «арабо-персидских» онимов в языках Урало-Поволжья // Исследования по истории и теории языка. – Самара: СГПУ, 2007. – С. 31-33.
Дмитриев Н.К. Арабские элементы в башкирском языке // ЗКВ. – Л., 1930. – Том V. – С. 119-135.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., г. Уфа

РЕГИОЛЕКТ БАКАЛИНСКИХ КРЯШЕНОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Кряшены (от татарского *керәшен* ‘крещёный’) – этноконфессиональная общность в составе приволжско-уральской подгруппы кыпчакской группы тюркской языковой филы. Численность кряшенов в Российской Федерации, согласно переписи населения 2002 года, составляла 24 668 человек, из которых 4 510 (или 18,3 %) проживало в Республике Башкортостан [Галеев 2007, 557].

Кряшены – это один из малоизученных народов России, который говорит на одном из тюркских языков. Верующие кряшены исповедуют православие. Ряд ученых полагает, что кряшенами стали татары Поволжья, которых крестил Иван Грозный. Другие исследователи не согласны с этим, поскольку в этногенезе кряшенов приняли участие помимо казанских татар и мишарей-мешеряков также многие тюркские и финно-угорские племена Волго-Камья. По своей духовной

культуре кряшены, принявшие православие в XV-XVI веках новой эры, в дальнейшем обрусели и стали выступать как часть великорусского этнического пространства России. Разговорная же речь кряшенов близка к татарскому языку, представленному в регионе Приволжья и Урала. В силу этого часть кряшенов может рассматриваться и как субнациональность в составе казанских татар.

Подавляющее большинство башкортостанских кряшенов – 4 355 человек (96,6 %) являются сельскими жителями и только 155 человек (3,4 %) проживают в городах. В свою очередь, кряшены-сельчане компактно сосредоточены лишь в одном из 54 районов республики – Бакалинском (4 332 человека или 96,1 % от всех представителей данной общности и 99,5 % от соответствующих селян). Еще в 8 районах Республики Башкортостан живут всего 23 кряшена (10 в Иглинском, 4 в Буздякском, 3 в Уфимском, 2 в Куюргазинском и по одному в Баймакском, Бирском, Благоварском и Илишевском).

Достаточно скромно представлены кряшены в 12 городах Башкортостана (из общего числа 21): Уфа (67 человек), Октябрьский (51), Нефтекамск (12), Туймазы (10), Баймак, Белорецк и Дюртюли (по 3), Стерлитамак (2), Агидель, Белебей, Межгорье и Сибай (по 1).

Отдельного исследования заслуживает судьба кряшенов, известных под именем нагайбаков. Последние насчитывают в России 9 600 человек (преимущественно в Нагайбакском же и Чебаркульском районах Челябинской области).

В Башкортостане перепись 2002 года зафиксировала всего 40 нагайбаков, которые показали стопроцентное владение русским языком.

Антропологическим *нагайбэк* 'нагайбак, нагайский князь' восходит к урало-алтайскому зоониму *нокаи* 'северная лиса' [Räsänen 1969, 354] и означал в прошлом идентификацию крещеных татар, а также афганцев, каракалпаков, персов и турок, получивших статус оренбургских казаков. Кстати, только в пределах исторической Башкирии часть кряшенов была известна под именем нагайбаков [Якупов 2002, 127].

Об активных акциях нагайбаков в XVI-XIX веках свидетельствуют сохранившиеся в документах фамилии кантонных начальников из башкир-дворян К., Ш. и С. Нагайбаковых, русское село Нагайбаково в Бакалинском районе Республики Башкортостан с 384 жителями, а также архаические топонимы Нагайбакская крепость, Нагайбакская станица и Нагайбакский «пригород» (поселок) [Нагайбаки 2008, 325-326].

В перечне из 28 учтенных Всероссийской переписью 2002 года компактных этносов Башкортостана кряшены занимают срединную, 14 позицию, уступая численно русским, башкирам, татарам, чувашам, марийцам (но превосходя количество отдельно взятых горных и луговых мари), украинцам, мордве (за исключением автономных мокши и эрзи), удмуртам, белорусам, армянам, немцам, узбекам и азербайджанцам. Преобладают же они по количественным показателям над такими российскими национальностями, как чеченцы и цыгане, а также диаспорами казахов, таджиков, евреев, латышей, грузин, вьетнамцев, молдаван, греков, корейцев, туркмен, поляков и езидов (курдов) [Галин и Кабирова 2008, 375-376].

Несомненно, что кряшены выделяются этнокультурным своеобразием среди других народов. До сих пор вызывает споры язык, на

котором они говорят. Многие исследователи считают, что их родной язык совпадает с татарским. Другие отмечают, что это самостоятельный говор либо даже диалект того же татарского языка. На данном этапе изучения вопроса оптимальнее использовать термин **региолект** в составе пяти кряшенских говоров: закамского, молькеевского, нагайбакского, ниже-прикамского и чистопольского. Их носители входят в следующие этнографические группы: Бакалинскую, Елабужскую, Западно-Предкамскую, Мензелинскую, Молькеевскую, Нагайбакскую и Чистопольскую.

Несомненно, что в речи кряшенов и татар имеются различия. Прежде всего это проявляется на фонетическом уровне. Сами татары при общении с кряшенами указывают на своеобразный акцент последних. Например, слова 'хлеб, мать, отец' у кряшенов транслитерируются как *ишй, эний, этий*, а у татар — *ити, эни, ата(й)*. Особый интерес представляет сопоставительная лексика данных народов. Для сравнения были отобраны наиболее употребительные слова татарского языка как по данным двуязычных словарей, так и в сопоставлении их с разговорной речью кряшенов. В результате оказалось, что такие слова, как *алма* 'яблоко', *борыч* 'перец', *вакыт* 'время', *гәүдә* 'туловище, тело', *дус* 'друг', *елан* 'змея', *зират* 'кладбище', *ис* 'запах', *йөрәк* 'сердце', *капка* 'ворота', *ләүкә* 'полок (в бане)', *махәббәт* 'любовь', *нарат* 'сосна', *пычак* 'нож', *рахәт* 'наслаждение, блаженство', *суган* 'лук', *тишек* 'дыра', *урман* 'лес', *файда* 'польза, выгода', *хыял* 'мечта', *шайтан* 'черт', *ызгыш* 'ссора, скандал', *эт* 'собака', *юл* 'дорога', *ялган* 'ложь', *әзерләуче* 'изготовитель', *өй* 'дом, изба', *үлән* 'трава', *жир* 'земля', *һуш* 'чувство, память' имеют совпадающие значения. Отличие состоит лишь в произношении, а именно: буква *ч* везде озвучивается как *щ* (сравните: *чабата* 'лапти' и *щабата*). Следует отметить при этом, что в условиях компактного проживания различных национальностей и влияния контактирующих языков сами татары выговаривают *ч* несколько мягче и без смычной эксплозии.

Помимо сходных единиц в речи кряшенов встречается ряд слов с разным значением, в частности: кряшенское *жчилен* 'одежда' и татарское *кием*, *лещтәк* 'сплетни' и *гайбәт*, *щитен* 'забор' и *койма*, *щитлеук* 'орешник' и *чикләвеклек*, *щатан* 'кривоногий' и *кәкре аяклы*, *жемилә* 'азноба' и *жанкай*, *олбасты* 'лохматый' и *йонлы*, *перий* 'черт' и *шайтан* и другие. Подобные явления можно объяснить тем, что некоторые слова представлены диалектно, для литературного же языка они не характерны. Причиной этого также может быть закрепление архаичных форм преимущественно на разговорно-просторечном уровне.

Собранные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что своеобразная речь кряшенов достойна углубленного внимания и изучения как со стороны кыпчаковедов, так и с позиций общей тюркологии. Приведем несколько основных черт, присущих речевому общению кряшенов: словоупотребление преимущественно в устной форме в отличие от письменно-литературного языка, ограниченность территории распространения и устойчивого бытования, различия на фонетическом и семантическом уровнях, бóльшая гибкость норм.

Литература:

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. — М., 1986. — С. 12–48.
Галеев А.Ф. Кряшены // Башкирская энциклопедия. — Уфа, 2007. — Том 3. — С. 557.

- Галин Р.А. и Кабирова Г.Н. Национальный состав населения // Башкирская энциклопедия. – Уфа, 2008. – Том 4. – С. 375-376.
Нагайбаки // Башкирская энциклопедия. – Уфа, 2008. – Том 4. – С. 325-326.
Якутов Р. Татары // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002. – С. 113-172.
Янгузин Р.З. Этнический состав населения Башкортостана. – Уфа, 2007. – 124 с.
Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türkisprachen. – Helsinki, 1969.

Гусейнов Г.-Р.А.-К., г. Махачкала

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА БАШКИР/БАШКУРТ В ИСТОРИЧЕСКОМ И АРЕАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ДРЕВНИМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА

Как известно, этнонимы булгар, балкар и башкир, башкурт относятся к числу возможных ламбдаических и сигматических вариантов одного архетипа, в последнем из которых содержится архаический (пратюркский) аффикс множественного числа -т [Добродомов 1974, 7], который носит праалтайский характер [СИГЯ 2002, 703], известный в составе других, главным образом восточных, тюркских этнонимов [Еремеев 1970, 138]. Другой комплекс аффиксов множественного числа, к числу которых относится и древний первичный (алтайский) -р, представленный в соответствующих основах и чередующийся не только с собственно тюркским -з (ср.: «блүар» (Ибн-Фадлан — 922г.) / «ал-блкарыйа» - народ булгар на Волге в широком смысле и «блкар» - племя булгар в узком смысле у Ибн-Русте (между 903-912г.), получившие отражение у ал-Марвази (ок.1120 г.) из источника конца X или начала XI в., но «бруз» - волжские и приазовские булгары и «брдж(ү)ан» (вариант «ал-барүар») — дунайские(!) булгары в первой половине Хв. у ал-Масуди [Ковалевский 1954, 34-35, 58-59 прим. 89, 90]), но и -д, возможно, сохранился в другом однокорневом этнониме, отразившемся в этногенетическом предании о происхождении балкарцев (малкар) Чегемского ущелья. Согласно ему, их предками «были потомки смешавшихся между собой *булга-д-ар* (выделение наше — Г.Г.-Р.) и греков, к которым позже прибавились кумыки» [Паллас 1997, 190] в условиях, когда субэтноним малкър ввиду перехода б->м-, характерного для кыпчакских языков [Дыбо 2007, 40], следует отнести к числу позднейших.

Что касается области первоначального расселения (прото) булгар, то она распространялась на дохазарское, известное со II в. до н.э. тюркское государственное образование V-VI вв. н.э. Берсилия / Барсилия / Баршалия. Оно простиралось к северу от Дербента и занимало долины Терека и Сулака либо территорию до равнины при Тереке и Сулаке, либо Прикаспийского Дагестана и степей при Тереке и Сулаке. Причем подобная возможность подтверждается распространенностью этнопонима брагун // боргун, восходящего к кумыкскому субэтнониму борагъан, исходная форма которого -*баргю(н)- отложилась в названии золотоордынского мавзолея Боргъа (-Каш), расположенного на территории нынешней Ингушетии, на широком пространстве от Кисловодска на севере и горного Дагестана на юге [Гусейнов 2000, 14, 17].

Об этой стране говорится в «Хронике» сирийского автора второй половины VI в. Псевдо-Захарии Митиленского, составленной в 570-571 гг. с использованием ряда источников, преимущественно греческих

сочинений, главным образом «Церковной истории» Захарии Ритора, епископа Митиленского (ок. 480 – ок. 560 гт.). В ней под 561 г. речь идет о том, что территория, расположенная к северу от Закавказья, является «областью языческих народов», и в «пределах гуннских» обитали тринадцать схожих по образу жизни племен: «... Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За (Каспийскими [Гадло 1979:101]) воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть го-ода и аланы у них пять городов; народы из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости; авнагур (вар.аунгур) – народ, живущий в палатках. Авгар (вар.аугар), сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [Хроника Захарии Ритора 1941, 165-167].

Причем, по мнению болгарских ученых, «Захария Ритор указывает, что протобулгары, имевшие города, населяли земли, находившиеся сразу же за Каспийскими воротами, а другая их часть – степи к северу от Кавказа» [http://odnapll.yazyk.narod.ru/protobulg_02.html], т.е. существовало две группы населения – оседлая («земля Базгун») и кочевая. В свою очередь, аналогичная «бургар» форма употребляется в русских летописях в связи с волжскими болгарами: под 987г. в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (начала XV в., протограф конца XIII в.) упоминаются Боргары, но по более раннему Лаврентьевскому 1305г. (копия, сделанная в 1377г.) – Болгары [Срезневский 1958, 164, 165]. Что же касается вышеупомянутой «земли Базгун», чье название обычно не подвергается рассмотрению, то оно может интерпретироваться в качестве общетюркского «зетацистского» варианта вышеупомянутого наименования страны Берсилия/ Барсилия /Баршалия, а также названию ущелья и перевала Башил в Балкарии, неправомерно отождествляемым с именем св. Василия [Лавров 1980, 130], если принять во внимание соответствие общетюрк. -z-, чув. -s- < пратюрк. *iř- [СИГТЯ 2006, 35-38], что позволяет восстановить пратюрк. *Bařgun/*Bařgun ввиду неясности качества инлаутного (сирийского) -g-/-γ- [см. Гранде 1972, 361]. Кроме того, в вышеупомянутых арабских источниках наблюдается наряду с древним чередованием -з/-д// -р переход инлаутного -к(ь)->-γ-, присущий в интервале и в положении после сонанта перед гласным не только для среднечувашского (волжско-булгарского, с IX в.) [см. Ср.-ист. грамм. тюрк. яз. 2002, 703], но и дунайско-булгарского языка. В свою очередь, на то, что Северный Кавказ и Дагестан населяли в древнейшие времена булгароязычные предки не только современных кумыков, карачаевцев и балкарцев, но и тюркских народов Поволжья, указывает близость к хорониму Болгър-тав (гора) кумыкских героических песен с характерным рефреном «Болгърлар ессиз, Болгъртав...» — досл. «Болгуров владельцев без, Болгур-гора» и вышеупомянутым развитием -q->-γ- древнечувашско-булгарской *+bāřuγaг и пратюркской форм этнонима *pařqur, общетюркским репрезентатом которого следует, видимо, считать в этом случае *pařqur [СИГТЯ 2002, 703] – праформу эндоэтнонима башкир bařqur-t.

Сюда же в качестве ламбдоидного варианта последней следует присовокупить в данном случае наименование народа балгур или балгыр, которое встречается в «Огуз-наме» [см. Рашид-ад-Дин 1987, 16], но с вышеупомянутым развитием -q->-γ-. При этом Vulgarum у Иордана (середина УІ в.) и Βούλγαρ-οι у византийских авторов VIII-XIV вв. носят более поздний характер ввиду редукции второго узкого гласного, утраченного ко времени появления болгаро-суварских племен в Поволжье до IX в., когда началось сужение более широких гласных [СИГТЯ 2002, 255,680], что самым непосредственным образом указывает на более раннюю исходную форму, отложившуюся в вышеупомянутом кумыкском хорониме Болгъур-тав. Последний связывается с Булгарскими (Гиппийскими, отождествляемыми некоторыми историками со Ставропольской возвышенностью [Гадло 1979, 111]) горами, откуда, согласно сведениям армянского историка Моисея Хоренаци (УІ в.н.э.), хан Аспарух, сын Хубрата, ушел под давлением хазар на Дунай [Оразаев 1990], что, возможно, указывает на первичную северокавказско-булгарскую область распространения перехода инлаутного — к(ь)->-γ-, присущего (см. выше) и дунайско-булгарскому языку.

При этом аналогичный вышеприведенным компонент -гъур встречается в таких гуннских этнонимах У-УІ вв., как битур-гур, кутригур, о-гур, оно-гур, сара-гур, тун-гур, ути-гур [Джафаров 1985, 31], и его необходимо интерпретировать не как аффикс причастия (Омельян Прицак) [СИГТЯ 1988, 18], но сложный этноформант, включающий в себя озвонченный лабиализованный вариант аффикса принадлежности -гъы [Щербак 1977, 96], встречающийся, что показательно, в кумыкском названии Кабарды — Къабарт-гъы, и другой этноформант -р, который тоже относится к числу ранних и встречается главным образом у древних тюркских народов Восточной Европы (авар, сувар, болгар, хазар, кангар и др.) [Еремеев 1970, 133, 135].

К вышеупомянутой форме Vulgar-/Βούλγαρ- у Иордана и византийских авторов VIII-XIV вв. следует присовокупить в отношении вокализма первого слога упоминание этнонима булк(ъ)ан-лы(лар) «булканцы» в древнем кумыкском героическом эпосе «Анжи-наме», посвященном осаде арабами в 714г. кумыкского г. Анжи (район нынешней Махачкалы в Дагестане), но уже без озвонченного инлаута. Он обычно отождествляется с булгарами или балкарцами, не только соотносится с тюрк. (тур., чагат.) Balqañ «горная цепь, хребет», но и обнаруживает в рассматриваемом контексте непосредственную связь с Балканами, куда мигрировали в конечном счете с Северо-Восточного Кавказа «булгары» Аспаруха. В составе данных этнонима и хоронима -ап, возможно, является в обоих случаях показателем множественности при том, что он может звучать и как булказ (ср. выше «бруз»), если иметь в виду графическую близость арабских букв, передающих при соединении с двух сторон звуки [н] и [з], что было отмечено в свое время исследователями в отношении ойконима Сувар (ср. др.-булг. sabir [СИГТЯ 2002, 255]) в Волжской Булгарии. Кроме того, в связи с упоминаемым в «Анжи-наме» призывом о помощи «горским молодцам из Къази» (видимо, нынешнего лакского Каз(и)-Кумуха — одной из областей исторического, упоминаемого с УІІ вв. проживания кумыкского этноса, первая часть которого передает этноним хазар,

вторая — в позднейшей форме эндоэтноним кумыков), обращает на себя внимание лакский ойконим *Balqaq*, который представлен в сравнительно давнем звуковом облике по сравнению с некоторыми иными вышеупомянутыми вариантами рассматриваемого этнонима в более близком к Анжи регионе — области распространения бартхинского лакского диалекта, где прочие ойконимы (*Хьюл [Qol]* «Хули», *Уручул «Уллучара»*) не поддаются этимологизации на материале лакского языка и могут быть интерпретированы на материале не только булгарских, но и собственно тюркских языков [Гусейнов 2009, 32-33].

Во всех этих этнонимах, к каковым следует присовокупить и вышеупомянутые балк- и башк-, выделяется исходное корневое **baŋk-* (ср. выше древнечув.-булгар. **+bāŋxuyaŋ* и пратюрк. *raŋqıq, где *-qu* - исходный лабиализованный вариант аффикса принадлежности [Шербак 1977, 96]) с латеральным спирантом *ɫ* и имеющее значение «вершина, верхушка, макушка» [Гусейнов 2004, 88]. Последнее, т.е. **baŋk+-qu*, с учетом соответствующей семантики второй части *-ar/-ir* [Еремеев 1970, 133] указывает на их обобщающее значение «имеющий отношение к вершинам» > «(высоко)горный человек», «горец» (ср.: в анонимных визант-ийских «Заметках о народах» (VIII-IX вв.), в которых данный этноним считается образованным от личного имени племенного вождя Булгара [Литаврин 1976, 213-214] - «горца»). О возможности образования подобных «отландшафтных» этнонимов, связанных с рельефом области (первоначального) проживания, свидетельствует, вероятно, вариант вышеупомянутого — *гьур* - такой же сложный аффикс множественного числа *-qur/-gür*, вычленяемый в этнонимах *jazıŋ* и *ügür* у М.Кашгари [см. Ср.-ист грам. тюрк. яз. 1988, 18], корневой частью первого из которых могло быть пратюрк. *jazu* «степь, равнина; пустыня; поле, обрабатываемая жилая территория» [СИГТЯ 2001, 89].

Кроме того, в «Новом списке Армянской географии» Аниания Ширакаци (не ранее конца VII в.) в вышеупомянутом регионе, к северу от Кубани, среди народов «тюрк и болгар, которые именуются по названиям рек», упоминаются, наряду Купи-Булгар (локализируются исследователями на Кубани), Дучи - Булкар и Чдар - Болкар, Огхондор-Блкар-пришельцы, которые считаются историками переместившимися сюда оногурами (гуннугундурами). Первая (ог-) часть возводящегося таким образом к оногурам (гуннугундурам) этнонима Огхондор-Блкар-пришельцы, корень которого восходит к *нонам* Дагестана и Центрального Кавказа армянских источников V в., может быть отождествлена не только с тюрк. *aq* «белый», «благородный», имеющего значение «южный» в тюркской географической номенклатуре (ср. вышеупомянутых Огхондор-Блкар-пришельцев), но и с обще-, межтюрк. *āŋ-* «подниматься (вверх)», т.е. «поднявшиеся вверх — в горы». Это может свидетельствовать о миграции горцев-хонов как с юга Кавказа — Огхондор-Блкар-пришельцы, так и на запад — к северу от Кубани (если принять во внимание другое значение *aq* — «запад» [Кононов 1978, 178]). Все это говорит о том, что упоминаемые еще в первой половине VI в. на территории Черноморско-Каспийского междуморья к северу от Кавказа булгары-ноногу (унду)ры, древнейшей формой корня которого является

исходный праторкский (*qon, этноним hon имеет болгарское происхождение) вариант болгарского по происхождению эндонима кумыков *qonıq (<*qonıq/*qonoq[undur]), начали вытесняться в конце V в. из восточного Предкавказья. Отсюда они и переместились к другим болгарским племенам северу от Кубани, где и получили наименование Огхондор-Блкар-пришельцы [Гусейнов 2009, 32].

Таким образом, областью первоначального проживания болгар, а следовательно, и других тюркских народов Поволжья, имеющих в своем составе болгарский компонент, возможно, являлись Северный Кавказ и Дагестан. Здесь они могли быть одним из этнических образований, родственных местным тюркским (болгарским) народам, в частности, протокумыкам, каковые непосредственно упоминаются в нынешнем Дагестане, по крайней мере, с VII в. [Гусейнов 2008], т.е. до известного (см. выше) времени прихода исторических болгар в Поволжье. Причем к числу дополнительных аргументов древнейшей Кавказской области расселения болгарских племен следует также отнести отмеченные в предшествующем изложении случаи ротацизма /зетацизма и ламбдаизма /сигматизма, нашедшие отражение в структуре различных вариантов рассмотренного этнонима.

Литература:

- Галло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. — Л., 1979.
- Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. — М., 1972.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К. Брагунцы и барсилы // Вести Кумыкского научно-культурного общества. — Махачкала, 2000.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К. Протоболгарские тюркизмы русского языка и Северо-Восточный Кавказ. Еще раз о языке Испериховых болгар и ареале их первичного распространения по лингвистическим данным // Кавказ-Балканы-Передняя Азия. — Махачкала, 2004.
- Гусейнов Г.-Р. А.-К. Гумиқ-Гумуқ-Кумуқ средневековых источников: опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации // Дагестанский востоковедческий сборник. — Махачкала: 2008. Вып.1
- Гусейнов Г.-Р. А.-К. Об области первоначального расселения протоболгар по историко-лингвистическим данным. К вопросу о древних взаимоотношениях славянских и тюркских языков Северо-Восточного Кавказа // Материалы Восьмых Дзагуровских чтений «От античности к Возрождению». — Махачкала, 2009.
- Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. — Баку, 1985.
- Добродомов И.Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. дисс... докт. филол.наук. — М., 1974.
- Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. — М., 2007.
- Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. — М., 1970.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. — Харьков, 1954.
- Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. — М., 1978.
- Лавров Л.И. Критические заметки по топонимике Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. — Орджоникидзе, 1980.
- Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. — М., 1976.
- Оразев Г.М.-Р. Бырынгы йырлардан алтысы // Ленин ёлу, 1990, 9 октября.
- Паллас П.С. Описание народов, населяющих Кавказ, преимущественно черкесов // Аталиков В.М. Страницы истории. — Нальчик, 1997.
- Рашид-ад-Дин Ф. Огуз-наме. — Баку, 1987.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М., 1988, 2002, 2006.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. — М., 1958. Т.3.
- Хроника Захарии Ритора (Главы, относящиеся к гражданской истории) // Пигулевская Н.И. Сирийские источники по истории народов СССР. — М.; Л., 1941. Т. XLI.
- Шербак А.М. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). — Л.: Наука, 1977.

ХӘЗЕРГЕ БАШКОРТ ПРОЗАҒЫНДА ЗАМАН ГЕРОЙЫ КОНЦЕПЦИЯҒЫ

Торғонлок осороноң тынсыу атмосфераһында иленә тоғро хезмәт итергә, йәмғиәткә хәленән килгәнсә файзалы кеше булырға ынтылған, социаль ғәзеллек идеалдары тантана итеүенә эскерһез ышанған, үзенең профессиональ һәм гражданлык бурыстарын тайпылышһыз үтәүҙе тормошоноң максаты итеп алған, әммә ижтимағи факторҙар, йәмғиәттә хөкөм һөргән социаль шарттар, тынсыу рухи-әхлаки атмосфераһа өмөттәре ақланмаған, максаттарын тормошҡа ашыра алмаған, үзен рухи ирекле итеп хис итә алмаған, тынғыһыз эзләнгән, йәнде изгес ситуацияларҙан сығыу юлдарын табырға тырышқан, ысынбарлыҡ күренештәрен фәлсәфәүи анализлай барған шәхестәрҙең катмарлаштырылған характер тибы (усложненный тип характера) хәзерге прозала яқтыртылыш таба һәм укыусыһа реаль йәшәйештең шымарғыуҙарһыз сағылышы буларак зур кызыкһыныу уята. Бындай тип геройҙарҙың - юғары белемле йәш белгестәрҙең, ақыл көсө, рухи байлығы, әхлаки сафлығы менән һокландырған интеллигенттарҙың сағыу образдары Р. Байымовтың “Алданыу”, Р. Камалдың “Ят бауыр”, “Кәрһез ир”, “Түнгәк”, “Касыу”, “Мөхәббәт дошмандары”, Р.Тойғондон “Актриса” һ. б. повестарында үзәккә куйылған. Актив гражданлык позицияларында тороусы был геройҙарҙың йәмғиәттә хөкөм һөргән ике йөзлө сәйәсәт, буш, ялтырауыҡ һүзәр артына йәшеренгән мәрхәмәтһезлек, битарафлыҡ, законһызлыҡ һ.б. негатив күренештәр менән осрашыуҙан, бәрелешүҙән кыйралыш кисереүҙәре, тормоштан төнөлүҙәре, йән ғазаптары әсендә яныуҙары, йәшәйештә үз урындарын табырға тырышып эзләнүҙәре—бәргеләнүҙәре психологик тәрән яқтыртыла.

Р. Байымовтың «Алданыу» повесының төп геройы Хәсән образы, уның драматик язьмышы халыҡ—ара, милләт—ара мөнәсәбәттәр системаһында, гуманизм принциптарына бәйләнешле һүрәтләнә. Бер—береһенә үлеп ғашик булған, әле генә вуз тамамлаған, патриотик эштәргә ашкынып торған Хәсән менән Айһылыуҙың яқты уй—хыялдары, максаттары бөйөк державаның алдакка королған сәйәсәтенә бәрелеп юкка сыға. Афған еренә “гуманитар ярҙам күрһәтәргә” тип ебәрелгән офицер Хәсән ысынбарлыҡтағы фажиғәләргә күрәүҙән оло тетрәнү кисерә, йәшәүенән мәғәнәһен тапмай, тормоштан төнөлә. Уның күнел ғазаптары, имгәнгән рухы әске монологтарҙағы яуапһыз калған һорауҙарҙа, тормошоноң шундай һәләкәтле боролош алыуының сәбәптәрен эзләүҙә, үзә сикһез ышанған идеологияның буш, физикәр хезмәт иткән йәмғиәт корошоноң алдак икәнлеген төшөнөүҙә, үкенүҙәрҙә сағылыш таба.

Р. Камалдың «Ят бауыр» повесында кисә генә вуз тамамлаған, хезмәт юлын башлап ебәргән йәш белгестең, үзенә радиожурналист буларак гражданлык бурысын ябай хезмәт әйәләренә ихтыяждарын, халықтың ижтимағи мәнфәәттәрен яқтыртыуы, көн қазағына һуғыуы, ғәзеллекте юллауы тапшырыуҙар әзәрләүҙә күргән герой образы күзәләндрелә. Ныкышмал эшмәкәр, өстөн төшөрөлгән күрһәтмәләргә буйһонорға теләмәүсә, принципиаль рәүештә һаҡлыҡ эзләүсә, һәкикәттә өстөн сығарыу өсөн физикәр рәүештә бәрелештәргә инеүсә кеше һөзөмтәлә енелә. Торғонлок заманына бик унай яйлашып, рәхәт көн күрәүсә, үз һүзән генә үткәрәүсә, карьерист, бюрократ

Фәррәхов, Нафиковтар етәксе пост биләгәндә, торфонлок осорондағы тынды кура, рухты быуа торған тар, тынсыу мөхиттә йәшәргә лә, ижад итергә лә, профессиональ бурысын намыслы аткарырға ла, хыялдарын ысынбарлыкка ашырырға ла Инйәрзән мөмкинселеге калмай, ул барыһы өсөн дә — ят бауыр. «Түнгәк» повесындағы йәш радиожурналист Нәжиә образы ла нәк үзенә принципиллегә, эшкә ижади, яуаплы карауы, ғәзеллек өсөн көрәшеуә һәм финалда еңеләуә менән Инйәр образына яқын. «Кәрһез ир» повесында яратқан һөнәрә буйынса ғилми институтта эшләүсә, фән менән бик унышлы шөгәлләнәуәсә, һөйөшөп қауышқан катыны Ниса, улы Сәғит менән кинәнеп ғүмер кисерәуәсә химия фәндәрә кандидаты, талантлы, бик өмөтлә йәш ғалим Уйыл Тимерғәзинға көтмәгәндә бәлә килә. Водород бомбаһы шартлатылған ерзә пробалар алған, полигонда оҙайлы командировкаларзә булған ир кәрһез кала. Үтә сетереклә бәләгә тарыған Уйылға табиб та, катыны ла, коллегалары ла, эш урынындағы етәкселәр зә, дуҫ-иштәрә, туғандары ла — берелә лә ярҙамға килмәй, кәнәш бирмәй, терәк- таяныс булмай. Тотош йәмғиәт кеше язмышына битараф, ғәмһез кала. Менәрләгән кеше йәшәгән зур калала, эшендә һәм өйөндә Уйыл — япа-яңғыз. Кешеләргә ышанысын юғалтқан, мәрхәмәтһезлектән рухы һынған, күнелә катқан герой тормош йәмен дә юғалта, артабан йәшәүенә мәғәнәһән дә тапмай. «Ике ғүмер» зәгә Баныбикә ише, көслә, дәртлә, қулынан эш килгән сакта институтта ла, ғаиләһендә лә кәрәклә, кәзерлә, хөрмәткә лайық ир, бәләгә тарығас, бер кемгә лә кәрәкмәгән байғошқа әйләнә. «Касыу» повесының төп геройы талантлы йәш рәссам Рәфкәт Йыһангиров ижадта ни тиклем генә үз аллы булып калырға тырышмаһын, коммунистик идеологияға буйһондоролған әсәрзәр ижад итеүзән баш тартып, ысын сәнғәт гәүһәрзәрә тыузырырға, күнелә теләгән картиналарзы ғына язырға, бер ниндәй сәйәсәткә лә карамаған ысын илһам утында янып йәшәргә ынтылмаһын, был система алдында ул көсһөз булып сыға. Үз иленән қасып китергә мәжбүр булған герой, сит илдә ижад ирке алһа ла, қиң танылыу таһа ла, дан яулаһа ла, тулығынса бәхетлә була алмай. Тыуған илен һағыныу, ерһеу тойғоһо уны йән ғазаптарына тарыта, күнел тыныслығынан мәрхүм итә.

Р.Тойғондон «Актриса» исемлә повесының төп героиняһы — элек сәхнәләрзә батқыған, хезмәт көсә һәм тәбиғәтгән бирелгән талантты менән тамашасы һөйөүән, хөрмәтен һаклы яулаған, йылдар саны тоноқлатмаҫ сағыу сәхнә образдары тыузырған, хәзер оҙайлы бер нисә йыл дауамында ролдәрһез интеккән, мағди һәм руһи мохтажлықта йәшәгән Сәйзә. Языусы героиняның үз хәлен, кешеләр язмышын байқауын кинәйтәлгән сағыштырыулар, уларға һалынған фәлсәфә аша үтемлә итеп һүрәтләй. Миннеәхмәт Йәдкәровичтың үлемен Сәйзә қара ер өстөндә езнәһә, машина менән бастырып, аяуһыз тапатып үлтергән ақ қуян язмышы менән сағыштыра. Үзән уратып алған кешеләрзән күнелдәрә ярлылана, яуызлана барыуын, тирә-яқ доньяның һаман кирегә китеүән күреп, Сәйзә, мохтажлықта үткәргән тормошон күзәлләп, “Осрашқайнық, буғай...” спектаклендә башқарған бахыр Әсә ролен йыш иҫкә төшөрә. Үзән ошо эскесә, хәйерсә, йәшәр урыны булмаған, теләнсә берәзәк әсә менән сағыштыра. Теләнселектән қайҙан киләуә һакында әсенеп уйланған героиня: “Без қайҙа барһақ та,

нимә эшләһәк тә, иң элек — теләнселәр, талап итеүҙе оноттоқ. Онотоу ғына түгел, уны без бөтөнләй белмәйбез. Хатта мөхәббәтте лә теләнселәп алабыз”, - тигән һығымта яһай. Был — бер театрҙа эшләүселәргә генә қағылмай, бөгөнгә йәмғиәттә йәшәүсе баһыр рухлы бик күптәрҙең булмышын сағылдыра ул. Қысқаһы, Р. Тойғондоң “Актриса” повесында башкала театрындағы тар рухи мөхит, йән тарықтырғыс тынсыу, әхлаки бозоқ атмосфера, артистар һәм баш режиссер араһындағы қаршылыҡлы мөнәсәбәттәр, ғәзелһезлек, битарафлыҡ хөкөм һөрөүе кеүек күренештәр эсендә эшләүсе, үзенә тормош позицияларын яқларға, рухи—әхлаки ихтыяждарына, намысы қушыуына ярашлы эш—хәрәкәт итергә, рух азатлығына эйә булырға, ғәзеллек принциптары тантана иткән тормошта кайнап йәшәргә ынтылған герой образы һынландырыла. Максаттары кешеләргә рухи азыҡ, матурлыҡ өләшәу, халықта эстетик зауыҡ тәрбиәләү булырға тейешле театр артистары образдары төрлө ясылықта, төрлө кешелек сифаттары менән һүрәтләнеш таба.

Шулай итеп, әлеге повестарҙың геройҙары Сәйзә, Хәсән, Инейәр, Нәжиә, Уйыл, Рәфкәттәр — юғары белемле интеллигенттар ялтырауыҡ алдакка, икейәзлөлөккә, ғәзелһезлеккә, битарафлыҡка қоролған йәмғиәттә, эреле-ваклы түрәләрҙең үз мәнфәғәттәрен генә өскә сығарыуҙары, шәхес ихтыяждарына төкөрөп қарауҙары, үзҙәрен сикләnmәгән власка эйә хужа, һақим итеп тоғоуҙары шарттарында профессиональ һәләттәре, оғталықтары, ақыл һәм талант көстәре менән илгә, халықка ни тиклем генә физикәр хәзмәт итергә тырышмаһындар, граждандық позицияларын яқлап сығыш яһамаһындар, социаль ғәзеллекте юлламаһындар, тоталитар ситема қанундары алдында көсһөз қалалар, күнәл төшөнкөлөгө, рухи қыйралыш кисерәләр. Кешене қатмарлаштырылған характер тибы рәүешендә һүрәтләүгә қиләү хәзәрге ысынбарлықтың үзенә айырыуға қатмарлылығын сағылдырыуҙан қиләп сыға. Тотош йәмғиәттә солғап алған негатив хәл-вақифалар фаһшаныуы фонында сағылыш тапқан бындай герой концепцияһы қиң социаль—ижтимағи яңғыраш ала.

Ғайсина Ф.Ф. Өфө к.

БАШКОРТТАРҢЫҢ ЮЛҒА БӘЙЛЕ ЫРЫМ-ЫШАНЫУАРЫ, ТҢЫЫУАРЫ

Юл борон замандан кешелек тормошонда мөһим роль уйнай. Айырым кеше, милләт, дәүләттәргә юл — аралашыу, алыш-биреш итеү, йәғни сәйәси, мәҙәни, иқтисади яқтан үсәү өсөн ярҙамсы ла.

Борон юл сәһифәләренә бәйле сәйәхәтселәр тарафынан ижад ителгән сәйәхәтнамә, сәфәрнамә, һажнамә кеүек әсәрҙәр әле һақлана һәм хәзәр зә язылыуын дауам итә. Барлыҡ халықтарға ла элек-әлектән юлға бәйле үзенсәлекле мәкәл-әйтәмдәр, йомақтар, ырым-ышаныу, һынамыштар, алғыш-қарғыштар, тыйыуар йәшәп қилә.

Башқорттарҙың юлға бәйле ырым-ышаныуары, тыйыуары — фольклорҙың төрлө жанрҙарында: эпостарға, әкиәттәргә, легендариуәйтәргә, йырҙарға ла сағылыш тапқан. “Башқорт халық ижады”ның “Йола фольклоры”нады сәфәр сығыусыға бәйле алғыштар айырым билдәләнелә [1995].

Сәфәргә сыға торған кеше әзерләнеп бөткәс, берәй нәмә онотолоп

калманы микән, тип әйберзәрен барлап, бер ни тиклем ултырып ала, юл доғаһы укығандан һуң, туғандары менән хушлашып өйөнөн сыға. Юлсы артынан: “Хуш! Һау бул! Ете һаның теуәл булып, имен-аман ғына йөрөп кайт. Аллаһы Тәғәлә һине үзе курсалап йөрөтһөн”, “Юлдарың енел булһын! Һаулыкта күрешергә язһын!”, “Аллаһы Тәғәлә һине бөлә-казаларзан һаклаһын, яуыз юлдаштарға, кош-кортка тарыма! Юлдарың уң булһын! Изге юлдаштар насип булһын!”, “Исән-Һау ғына барып ет. Барыр юлдарыңда фәрештәләр канат қағып торһон! Хызыр-Ильяс юлдаш булһын!” –тип изге теләктәр теләп қалалар.

Юлдан кайтқан кешене: “Әссәләмү-ғәләйкүм. Һаумы! Исән-Һау ғына йөрөп кайтһынмы? Әйзүк! Әйзә түрзән уз!” – тип әйзүкләп йылы қаршы алалар. Башқорттарза сәйәхәтсе сәфәргә китер алдынан озатырға һәм кайтқас күрешергә тип, күршеләрзе, ауылдаштарзы сақырып қунақ итеу кеүек матур йола бар.

Кеше тыуған илендә, туғандары араһында, йәшәгән йортонда ғына үзен тыныс, курсаулы, терәкле һәм кәрәкле тоя. Өйөнән сит-яттар араһына сығып киткәндәрзең был йәһәттән һаулығы, ғүмере хәуеф астында қала һәм юлсы психологик дисконфорт тоя. Сит ер, алыс ара һәр вакыт һағыш, моң-зар менән күзаллана, шуға ла, “Сит ерзә солтан булғансы, үз ерендә олтан бул”, ти халық мәкәле.

Борон юлга сыққан кешегә истәлек-бүләк биреу гөрөф-ғәзәте булған, тыуған өйзә, ерзе хәтерләтеп күнелдәренә йылылық биреп торһон өсөн әрмегә, һуғышқа киткән егеттәргә истәлеккә кульялық, янсық бүләк иткәндәр.

Юлга бәйле башқа мәкәл-әйтемдәргә килгәндә: “Юл ғазабы – гүр ғазабы”, “Юл ғазабы – тамук ызаһының береһе ул”, тигән боронғолар. Өйөнән сығып киткән әзәм – мосафир һанала, уның доғаһы қабул була, тигән ышаныу йәшәй. Шуның өсөн дә, қунақсыл башқорттарза юлсыға һәр вакыт ярзам күрһәтеу, уның доғаһын алып қалыу гөрөф-ғәзәте бар. Барлық юлга бәйле мәкәл-әйтемдәр зә халықтың ақылынан, тәжрибәһенән сығып әйтелгән: “Аяғың тартмаған ергә барма”, “Яманға юлдаш булма”, “Иртә сыққандың юлы уңыр”, “Йөрөгән таш шымарыр, тик ятқан таш мүкләнер”, “Урау булһа ла юл якшы”, “Күп йәшәгән түгел, күп йөрөгән белер” тизәр. “Мәкәлдәр һәм әйтемдәр” томдарында юл-сәфәргә бәйле айырым бүлектәр зә бар [1980, 2006].

Халық юлга бәйле йомақтар за ижад иткән: “Арка арқыры аркан һузылған”, “Озон дилбегәнә йыйып булмай”, “Тау аша таяқ ташланым”, “Тауым арқыры тасма һузылған”, “Бер тауға менеп китә, бер түбән төшөп китә, донъяны қисеп үтә”, “Озон тасма ята, күтәрәп булмай”, тигән кеүектәрзе миғал өсөн билдәләп китергә мөмкин [2007].

Тормош-көнкүрешәбеззә юлга бәйле тыйыузар за бихисап. Сәйәхәткә сығыр алдынан юлсы һәр яклап алдан әзерләнә, уңайлы көн һайлана, юлының енел үтеуен хәстәрләп, кайһы бер қағизәләрзе үгәй: “Шишәмбе көндә юлга сығырға ярамай – коро көн”, “Юлга сығыр алдынан тегенергә ярамай, юлың уңмай”, “Юлга сығыр алдынан тәймә текмәйзәр, энә тотмайзар”, тигәндә иҫендә тотә. Сөнки, бында еп – юлдың озонлоғо, ә тәйөн-тәймә – юлда осраясақ ауырлықтар менән ауаздаш (символлаштырыла).

Шулай ук, “Юлга сыққас, артқа боролоп қарарға ярамай”, “Юлга

сыккас, өйгә кире инергә ярамай, керһән, көзгөгә карап сығыр кәрәк” тигәндә, юл — көзгә һымак ялтырап ятһын, тигез булһын, тип бырымланып, юл унһын өсөн әйтелә.

Кайһы бер тыйыузарза ислам дине йоғонтоһо ла тойола: “Тәһәрәтһез, вафәт хәләндә юлға, урамға сығырға ярамай, бысрак килеш капыл жәһәт булыуын ихтимал”, тизәр. Сөнки, мосолман һәр вақыт тәһәрәтле булырға тейеш, тигәндән әйтелә, тәһәрәтһез йөрөһән аяк-астындағы үләндәр корой, тигән ышаныу бар.

“Йома вақытында юлға сыкмайзар”, тигән тыйыузың мөгәнөһенән күренеүенсә, дин буйынса йома көн — изге көн, йоманың өйлә намазы осоро ла изге вақыт иҫәпләнәп, фәкәт өйләлә намаззы укымай сәфәр башларға ярамағанлығы хақында иҫкәртелә. Хәуәфле вақыт буларак, буранда, кис, енер мәле, төнгә карай за юл башламау хәйерле һанала. Сәфәр айында, ай өзөгәндә, ай һуңында ла эш, юл башларға ярамай.

Сәйәхәтсенен юлы уң булһын өсөн шулай ук, озатыусы ла бер-нисә қағизәне иҫәндә тота: “Юлға сыккан кеше артынан изән йыуып, һепереп, сүп түгеп калмайзар, юлы уңмай”, “Юлға сыккан кешенә артынан буш кермәйзәр. Өйгә һыу, утын булһа ла тотоп керергә”, “Юлға сыккан кешенә юлына буш бизрә менән сыкмайзар, юлын кыймайзар”, тизәр. Бында буш кул, буш бизрә — юлдың да бушка-юкка булыуына, уңмауына ишара. Халыкта “Кеше юлын кыйырға ярамай”, - тигән тыйыу киң таралған, шуға ла урамда осраған оло бабай, әбей, бигерәк тә ир кешенә юлын кыйыу эзәпһезлек һанала, ололарға ихтирам менән карау, уларзың дәрәжәһе, хокуғы иҫәпкә алына.

Халыкта юл саты, сүплек-сокорзар, иҫке буш өйзәр — ен-зәхмәттен йөрөгән ере, тыныс булмаған, сакраль мөгәнәлә бысрак ер иҫәпләнә. Им-томда кеше йөрәмөгән ерзәргә, юл саттарына, сүплеккә осок ташлау гәзәте бар. (Бер һауытқа ете төрлө әйбер һалып, шунның менән сирлене биленән уратып алып, юл саттарына, йәки сокорға алып барып ташлайзар. Ен, йәки сир теге һауыттың әсендә нәмә бар икән, тип карап, шул юл сатында ултырып кала, имеш. Осок ташлап кайтқанда артқа боролоп карарға ярамай. Сир арттан әйәрмөһен, уға кәртә булһын өсөн, юл буйына бер нисә арқыры сыбык һалып китәләр: ен юлын улар бүлә йәнәһе. Кайтып етмәҫ борон, ендәр юлды тапмаһын, ике ятқа айырылып китһен өсөн буй итеп айыры, саталы сыбык һалына.) Шуға ла: “Юл сатына ултырырға ярамай, сир табырһың”, “Ике, ете юл сатына ятып йокларға ярамай”, тизәр.

Барлык ауылдарза, тирә-яғында, юлдарза “азаштыра торған ер”, “ен юлы”, “насар урын”, йәки киреһенсә, “тыныс ер”, “яткшы урын”, тигән төшөнәләр бар. Шул насар ерзәргә, йәғни һукмак, тыкрык, юл өстөнә йорт та һалыу кәтғи тыйыла килгән: “Өйзә һукмак өстөнә, тыкрыкка һалырға ярамай, тыныс булмай”, “Өйзә яңынан һалғанда элекке қапка урынына, тапалған ергә, юл өстөнә һалырға ярамай, сирле булаһың”, “Йөрөгән қапка урынына өй һалырға ярамай. Қапка шығырлаған һайын шығырлап йәшәйһен”, — тизәр.

Төрлө йолаларзы атқарырға сыкқанда ла, мәсәлән, туй озатыу, мәрхүм ерләргә алып китеүзә махсус тыйыузар бар. Туй йолаһында: “Килгән туйзың, килендә юлын кыйырға ярамай”, “Килен төшөргәндә кыззы егет өйөнә тура алып барырға ярамай, кыз гүмере

озон булһын өсөн урау юлдан алып баралар”, тизәр. Туйзы озатканда, кыз артына боролоп карарға тейеш түгел. Гөмүмән, фольклорза артка боролоп карарға ярамау мотивын өйрәнөп, Р.Г. Назиров “Запрет оглядываться”, тигән филми мөкәлә менән сығыш яһаған ине [1987].

Ерләү йолаһында ла: “Мәйеттең юлын кыйырга ярамай”, “Мәйетте күмергә алып барганда, катын-кыз алдан барырга тейеш түгел”, “Катын-кызға мәйет артынан эйәрөп барырга ярамай” - тигән тыйыулар бар. Былар катындардың йошмак, нескә күнелен иҫәпкә алып, уларзы кур-кыузан, артык кайғырыузан һаулығына зарар килеүе ихтималлығынан курсалап әйтелгәндәр күрәһең. “Зыяраттан кайтканда тура өйгә инергә ярамай, урау юлдан кайтып, унда-бында ингәндән һуң ғына мөмкин” — тигәндә, кайтканда сир эйәрөп килеүенән һаҡланыр өсөн әйтәләр.

Рус һәм башка милләт ғалимдары, фольклорсылары, этнографтары (Т.Б. Щепанская, Т.Г. Владыкина, Е. Алексеева һ.б.) тарафынан филми хезмәттәрҙән күренеүенсә, юлға бәйлә ырым-ышаныулар филми яктан тикшерелгән. Башкорттар ғалимдары араһында иһә, был тема менән тизыҡһыныусылар ғына бар, ә айырым алып ентәклә өйрәнелмәгән. Шулай за, киләсәктә юл мотивы кеше тормошонда, фольклор жанрҙарында, топонимикала сағылышы филми мәсьәләләрҙән берәһә булып кала.

Әҙәбиәт:

Автордың 1998-2009 йылдарҙа Башкортостандың төрлө райондарында экспедицияларҙа язып алған материалдары.

Башкорт халыҡ ижады: Йола фольклоры. 1 том. — Өфө. 1995.

Башкорт халыҡ ижады. 9 том. Йомактар. - 2007.

Башкорт халыҡ ижады. 10-сы том. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. — Өфө, 2006.

Назирова Р.Г. Запрет оглядываться (К происхождению фольклорного мотива) //

Фольклор народов РСФСР. Межэтнические фолькл.связи. — Уфа, 1987.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.// Обычаи, обряды, традиции. - М., 2008.

Филманов И.И., Өфө к.

ЙОЛА ФОЛЬКЛОРЫНДА ТӘБИҒӘТ ҺӘМ КЕШЕ БӘЙЛӘНЕШЕ

Кеше борон-борондан ук тәбиғәт кәстәрән зурлаған, табынып махсус йола үтәгән. Ваҡыт үтеү менән кешенәң дә тәбиғәткә карашы үзгәрә, уны ололау юғала, һүнә...

Бөгә халықтарға хас булған тәбиғәт менән кеше бәйләнеше башкорт халқының йолаһында киң сағылыш таба. Башкорт халқы тәбиғәтте Әсә итеп күргән, ул тере йән эйәһе, барлық донъяның йәшәү башланғысы ла. Тәбиғәтте олоклау, уның менән ризалыкта йәшәргә тырышыу — башкорт йолаларының төп мәғәнәһе.

Борондан билдәлә булығынса башкорт, халқы төрлө тәбиғәт кәстәрәнә йән ышанған. Ғәрәп сәйәхәтсәһә Әхмәт Ибн-Фазлан X быуаттың тәүге сирегендә башкорт ерҙәрәндә сәйәхәт иткәндә башкорттардың 12 раббыһы бар тип билдәләп китә: «кыш раббыһы, йәй раббыһы, ел раббыһы, Ер раббыһы бар, ә «күктәгә раббы» — иң өлкән раббы»[1, 11]. Башкорт халқының тәбиғәт эйәләре менән бәйләнеше төрлө ышаныуларҙа, ғәрәф-ғәзәттәрҙә, йолаларҙа киң сағылыш тапқан. Мәсәлән, ерҙә королок, йә киреһенсә бер туктауһыз ямғырҙар яуып торғанда махсус ямғыр сақырыу йолаһы атқарылған. Ямғыр апайға корбан салып, уның күнелен күрер өсөн махсус һүзәр әйтәлгән:

Ямғыр, яу, яу, яу! Иген үҫһен тау, тау![6, 66]

Ә инде ямғырлы йыл булһа, киреһенсә кояшты саҡырғандар:

*Кояш апай, сык, сык! Һимез тәкә һуйырмын,
Майын һиңә бирермен, Итен үзем ашармын,
Һөйәген эткә ташлармын! Кояш апай, сык, сык!* [4, 95]

Балалар фольклорына күскән был һамактар қасандыр бақсылар Қояшқа қорбан салып, теләктәр теләгәндә қулланылған булған. Был орақта Қояш тәбиғәтте йәшәтеүсе, яратыуы йән әйһе.

Башқорт халқының иң ололаған изге қөсә, Илаһи сфераһы – Ер инәһе һанала. Ер инәһе башқорт өсән бар тәбиғәттән, бар тереклектән әсәһе булған, шуға ла халық Ер әсәһе үзен яратыуы тип қараған: «*Тупрақтан яралғанбыз – тупраққа һалынабыз*», «*Ерзән сыққан ергә қайта*» тигән булғандар.

Иң боронғо башқорт йолаларының береһе – һабантуй йолаһында Ер культы асық сағылған. Был йола Ер әсәһе олоқлауға бәйле. Яз етеп, тәбиғәт уяна башлау менән башқорт халқы тәбиғәткә сығып һабан туйы үткәрер булған. Боронғо йола буйынса халық һабантуй йолаһында Ер әсәгә теләктәр әйтеп, ерзән мул уңыш биреуән теләгән, төрлә ярыштар үткәрер, Ер әсәгә қорбандар бирер, уның ризалығын яуларға тырышқан:

«Ер әсә! Безең қорбандарзы қабул ит, ергә уңышлығк бир...

*Бына ата-бабаларыбызған қалған һабан,
Ләкин уның менән Ер әсәһең күкрәгенә теймәсбез,
Ер безең өсән изге йән әйәһе...»* [2, 210]

Туй йолаһында ла, қилән кеше яңы йортқа аяқ бақыр алдынан Ер әсәгә қорбан итеп тәңкә ыргыта, ер өләшән һорап уның ризалығын күрергә тейеш була: «*Ер әсә, минең қорбанымды қабул ит, Яңы ергә аяқ бақырға рәхсәт ит. Ошо ергә қалып, Миңә тормош күрергә һасип ит...*» [4, 75]

Туй йолаһында һыу инәһе лә сағылыш тапқан. *Һыу башлап барғас*, қилән кеше һыу инәһенә лә қорбан итеп тәңкә ташлай һәм үзенә ярзам һорай: «*Мине тотма, тәңкәһе тот! Сир-сырхауымды йот!*» Шулай итеп қилән кеше һыу инәһенә күнелән яулай. һыузы изгеләштерер кеше аңында төрлә тыйыузар барлығкә қилтергән. Қояш байығас һыу алырға һәм һыу инергә тыйылған, әгәр һиндәйзер сәбәп менән барырға тура қилһә һыу инәһенән рәхсәт алырға қәрәк булған: «*Ақбуз атлы, ақ һақаллы қунақ қилгән. Тәһәрәткә һыу бирегез!*» [1, 57]

Кеше йәшәйешенә мөһим сығанағы булған һыу халық ижадында, йолаларында һәм бөрөф-ғәзәттәрәндә лә әһәмиәтле урын алып тора. Башқорт халқы борондан һыузы зурлаған, уға қорбан биргән һәм ул сирхәт қөскә әйә тип ышанған. Халықтың ошондай қараштары халық йолаларында үзенсәлекле сағылыш тапқан да инде. Бала доньяға тыуғас та уны (шулай ук уның әсәһен) йыуындырғандар. Был йола буйынса боронғолар һыузың қөс бирер функцияһына ышанғандар. һуңғы юлға озатыу йолаһында үлгән кешенә әхирәткә йыуып, тазартып озаталар. Был орақта инде һыу тазарындырыу функцияһын үтәй, әзәм балаһының теге доньяға таза қитеуәнә ишара. Бынан тыш халықта һыузың дауалау қөсөнә әйә булығы ла билдәле. Мәсәләһ, кеше сирләһә уны өшкөртөлгән таң һыуы әсерер, йәки қойондороп аяққа бақырырға тырышқандар.

Ер һәм һыу инәһерәнә Тау инәһе культы ла йәнәшә. Башқорт борондан йыйын һәм майзандарзы тау битләүендә үткәрер булған. Был

йолалар за, таузың изге йән эйәһе булығына бәйле. Башкорт халкы тау изге урын тип ышанған, шуға ла изге кешеләрҙе тау баштарында күмер булған һәм ул урындарҙы Әүлиә ере (тимәк, изге ер) тип атаған. Тау эйәһе кешене теге донъя һәм Күк менән тоташтырыусы йән эйәһе, кешене бәлә-казанан искәртеүсә, коткарыусы булып һаналған: «*Тәһре һиңә дарман бирһен, Тау эйәһе фарман бирһен*» [1, 15]. Шуға ла инде халыҡ борондан тау битләүендә ултырып әкиәт һөйләргә, йә булмаһа йыр көйләргә – таузың йәнән тынысландырырға, уның изгелеген күрергә тырышкан.

Тәбиғәттә ололау «Карға буткаһы» йолаһында ла асыҡ сығылған. Яз башланып, коштар кайта башлағас халыҡ мәжлескә әҙерләп башлай. Карға буткаһы йолаһында бер яктан яны уянған тәбиғәт менән бәйләнеш булдырыла, икенсе яктан тәбиғәттең иң изге йәндәренә махсус мөрәжәғәт итеп, мул уңыш, именлек булығына теләк әйтәләр: *Әй, карғалар, карғалар, Қаңғылдашып килегез, Киләһе йыл уңышы өсөн Доға кылып калығыз!* [6, 48]

Кәкүк – башкорт мифологияһында изге кош, шулай уҡ шомло, бәләле булып һаналған, уны ризалаштырыу өсөн махсус йола – Кәкүк сәйе» йолаһы үткәрелгән. «Кәкүк сәйе» йолаһы ла кешеләрҙән тәбиғәт менән яраклашыуға теләген сағылдыра. Был осрақта кеше тәбиғәт именлеген теләп, тәбиғәттең үзен зурлап, уның менән бер яклы булырға тырышкан. Коштар халыҡ аңында Ер менән Күктә тоташтырыусы заттар, изге теләктә Хозайға еткереүселәр булып һаналған, мәсәлән, кәкүктә һыйлаған сакта кәкүк аша тәбиғәткә былай тип өндәшер булған: *Йылдар имен булһын! Һуғыштар басылһын! Асылык булмаһын!* [6, 63]

Коштар, шулай уҡ хайуандар һәм ағастар башкорттарҙың көндөлөк тормошонда ла өстөнлөк иткән. Тарихтан билдәле булығынса башкорттар ырыуларға бүленеп йәшәгәндәр. Һәр ырыуҙың үз тамғаһы, қошо һәм ағасы булған, улар барыһы ла кеше өсөн изге йән эйәләре булып калған, бәлә казанан, төрлө янауларҙан һаҡлаусы изге көстәр булып халыҡ аңына, күнеленә һалынған һәм халыҡ ижадында, халыҡ йолаларында һаҡланған.

Башкорт халкы тәбиғәттә яраткан, ул тәбиғәттә еңергә тырышмаған, ә уның менән мөнәсәбәт төзөгән һәм уны бәлә-казанан күрсәлгән, һаҡлаусы, туйзырыусы ифрат көс тип белгән. Тәбиғәт кеше өсөн уратып алған мөхит кенә түгел, ә үзен уның балаһы, данаһы тип һанаған. Шуға тәбиғәт менән кеше бәйләнеше төрлө халыҡ йолаларында аныҡ белем, тәжрибә, мәҙәниәт буларак формалашкан.

Үкенескә каршы бөгөнгө көндә кеше менән тәбиғәт бәйләнеше боронғо кәҙерен, көсөн юғалтты. Һуңғы ваҡыттарҙа без тәбиғәт менән бәйләнештәрҙе булдыра торған йолаларыбыҙҙы, гөрөф-ғәҙәттәребезҙе онота башланьыҡ. Тәбиғәт Әсәне рәһнетәбез, һыуын бысратабыҙ, урманын кырқабыҙ, тауҙарын ватабыҙ, төрлө заводтар төзөп һауанын ағыулайбыҙ. Ә бит тәбиғәт тере йән эйәһе, уны без үзегеҙгә буйһондорорға түгел, уның менән татыулыҡта йәшәргә тейешбез. Тәбиғәт күмере кыскарыла безҙән дә күмеребез һүнәсәк. Бында, әлбиттә уйланырлыҡ урын бар...

Тәбиғәт ананы һаҡлау, яклау һәм өзлөкһөҙ ризалығын күрергә тырышыу бөгөнгө көндә башкорттоң милли идеологияһы булырлыҡ асыл.

Әзәбиәт:

- Башкорт халык ижады // Йола фольклоры. I т. / Төз., инеш мәкәлә, аңлат. автор. Р.Ә. Солтангәрәева һәм Ә.М. Сөләймәнов. — Өфө, 1995.
- Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры этническая история и традиционная культура. — Уфа: 2002
- Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л. 1991.
- Ишмуратова Л.Н. и др. Занятия, образ жизни, традиции башкир. — Уфа, 2003
- Ковалевский А.П. Книга Ахмед Ибн-Фаллана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. — Харьков, 1956.
- Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. — Уфа, 1957. Ч.1. 183с.
- Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. — Уфа, 1999.
- Нефёдов Ф.Ш. Ушкуль // Башкирия в русской литературе. Т.2. — Уфа, 1964. .
- Петрухин В.Я. Человек и животное в мире и ритуале: мир природы в символах мира культуры // Мифы, культуры, обряды народов зарубежной Азии. — М., 1986.
- Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. — М. — Л., 1955.
- Хөсәйенова Г.Р. Башкорт әкиәттәрәндә һыу символикаһы // Башкорт фольклоры. V сығарылыш — Өфө, 2004.
- Янгузин Р.З., Хисамитдинова Ф.Г. Коренные народы России. Башкиры. — Уфа, 2007.

Ғәбизуллина-Батырханова В.Й., Өфө к.

ЙӨШ САТИРИК ИЖАДЫНА БЕР КАРАШ

Һунғы йылдарзағы башкорт әзәбиәтендә сатира һәм юмор өлкәһендә зур йәнләнеш күзәтелә. Күптән инде әүзем язышкан Марсель Сәлимов, Рәдиф Тимершин, Марат Кәримов, Риф Мифтахов кеүек әзиттәрәбезҙен сафы яңы исемдәр менән байый һәм тулылана. Яңы быуат башында милли матбуғат биттәрәндә Марат Әминев авторлығындағы әсәрҙәр йыш күренә.

Мәсәлән “Ағизел” журналының 2008 йылғы 4-се һанында уның “Хоккей репортажы”, “Туң йөрәк”, “Лайыҡлы кандидат”, “Йомак”, “Телевизор тураһында йыр”, “Дөрөслөк көнө” тигән юмористик хикәйәләре донъя күргән. Журналдың 2009 йылдағы 4-се һанында иһә “Тузан”, “Ултырыш”, “Еңгә һөтө”, “Ураза”, “Ир һүзе” исемле әсәрҙәре баһылған.

Уларға байкау яһау М. Әминевтың кәләмгә юкка тотонмағанылығын, сатира һәм юмор тигән кеүәтле корал менән ярайһы уҡ оҫта эш итә белгәнлеген таныта. Миҫал өсөн уның “Лайыҡлы кандидат” исемле әсәрәндә күз һалайыҡ. Ундағы төп герой Ташбай Бүкәнов йөзөндә автор һунғы йылдарза үтә күбәйеп киткән ялған депутаттарҙың типик вәкилен һүрәтләй. Ташбай бәләкәйҙән бик сос була һәм үсә килә байлыҡ, юғары вазифа тигән төшөнсәләреҙен ни икәнән ныҡлап аңлай башлай. Уның төп максаты — төрлө бойомға ашмаҫ вәғәзәләр, ышандырыуҙар менән депутат булып һайлану. Унан инде бар нәмөгә, карьераға юлдар асыҡ. Үзенә кәләште лә ул йөрәк, күнел кушыуы буйынса түгел, ә буласаҡ кайныһының вазифаһына карап һайлаған.

“Ураза” юморескаһында ла автор икейөзлөлөктө фаһшлай. Ундағы Халик үзе инанғанлыҡтан түгел, ә кешеләр алдында саф күнелле һаҡ мосолман булып күренә өсөн ураза тотта. Хәзмәттәштәрәнен уны йәләп ташыған ризыҡтарын корһағы күпкәнсә кинәһеп йыпыра, һатта уразанын аҙағына туптай һимереп, һешенеп бөтә.

“Ир һүзе” әсәрәнен жанры һкетч тип билдәләнгән.

Инглиз һүзәнән алынған “һкетч” һүзе — ике-өс башкарыуыһа иҫәп тотоп язылған һаян йөкмәткеле кыҫка эһтрада пьесаһы мәғәнәһен аңлата.

“Ир һүзе”ндә автор байлыкка кызығып йәшәүсә, нәфсел, үз мәнфәгәтен кайғыртыусы, ерәнәс әзәмдәрзән әсә кәлә. Ошоларзы автор машинала китеп барған ир менән катындың үз-ара кысқа диалогы аша бирә. Был ике геройзың магазиндан алынаһы киммәтлә тунға бәйлә уй-фәкерзәре диалогта ғына түгел, һәр берененән үз алдына уйлап барған әскә монологы аркылы ла бик йәтеш итеп асып бирелгән.

Ошо бер нисә әсәргә генә лә күз йөрөтөү дәрәсләктә кыйһу һүрәтләү, етеһезлектәрзе, ялғанды күрә алмау, тормошто раслаусы көскә ышаныу М. Әминевтың сатирик һәм юмористик хикәйәләренән мөһим принциптары булып тороуын асық күрһәтә.

Дыбо А. В., г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

0.1. Сравнительно-историческое изучение «младо-» и «средне-» письменных языков имеет свои методологические особенности. В частности, совершенно необходимым становится привлечение диалектных данных. Но для такого привлечения необходимо наличие недифференциальных описаний отдельных диалектных систем как самостоятельных идиомов для включения их в сравнительно-историческую процедуру. Такие описания для диалектных подсистем башкирского языка практически существуют, хотя и нуждаются в определенных уточнениях.

0.2. Стандартный способ действий при создании исторической грамматики языка состоит в описании языков письменных памятников. Однако атрибуция письменных памятников имеет свои сложности. Отсюда следует приоритет результатов сравнительно-исторической процедуры, проведенной над реально засвидетельствованными языками и диалектами, по отношению к данным письменных памятников, постулированный когда-то Н.К.Дмитриевым [Дмитриев 1928]

0.3. Реальную сложность представляет "диалектная непрерывность", которая характерна для современных тюркских языков и диалектов и, возможно, была характерна и для средневековых. При наличии взаимопонимания между диалектами соседствующих этнических общностей возможно переформирование генетического древа, в результате чего отдельные идиомы по ряду признаков относятся как будто к одной генетической группе, по другим — к другой. Здесь лингвист-компаративист, занимающийся региональной реконструкцией, имеет дело с ситуацией "слоеного пирога"; она разрешима в случае выявления упорядоченной последовательности действия языковых изменений, когда можно определить, какие изменения должны были произойти раньше, какие — позже, и их действие накладывалось на результат предыдущих. Выявление и анализ таких ситуаций — одна из основных задач сравнительно-исторической грамматики конкретного языка.

1.0. Как соотносятся части современной диалектной системы башкирского языка с башкирскими племенами и племенными группами? Уже по картам, приведенным в монографиях [Миржанова 1979] и [Максютова 1976], видно, что это соотношение совершенно не прямое. Одни и те же племенные названия попадают на территорию

разных диалектных групп и, наоборот, один говор может быть связан с несколькими племенными названиями.

1.1. Теоретически мыслимо, что первоначальные племенные говоры башкир, возможно, относившиеся к различным кыпчакским группам, но взаимопонижаемые, затем подвергались конвергентным развитиям, подпадая под действие общих языковых процессов, зарождавшихся в инновационных центрах и впоследствии распространявшихся на всю связанную общением башкирскую область расселения, создавая, таким образом, башкирскую языковую общность. Таким образом создавались более новые диалектные группировки, отразившиеся на современной башкирской диалектной карте. В задачи сравнительно-исторического изучения башкирского языка входит вскрыть все эти отношения на основе изучения зафиксированных состояний башкирских говоров; стратифицировать территориально и хронологически языковые процессы, эффекты которых наблюдаются в этих состояниях; попытаться восстановить картину первоначального распределения лингвистических характеристик различных групп, впоследствии ставших известными как башкирские, и их классификационной принадлежности. Ниже демонстрируются два явления, одно из которых определенно отражает древнее этноязыковое членение, а другое явно возникло уже на конфигурации расселения башкир, непосредственно предшествовавшей современной.

2.1. Для ряда башкирских говоров отмечена такая диалектная особенность, как глухая ступень чередований $l/t/d/\delta$, $n/t/d/\delta$ и $q/k/\gamma/g$, выступающая после сонантов: *jamqyr* 'дождь', *tamqa* 'тамга', *sanqa* 'лыжи', *je kã* 'сноха', *anta* 'там', *mynta* 'здесь', *kiltem* 'я пришел, приехал', *u tyq* 'нам повезло', *qulta* 'в руке', *kõntõd* 'днём', *uramqa* 'на улицу', *boronqo* 'древний', *irtã ke* 'утренний', *kemkã* 'кому', *bartym* 'я ходил'. Распределение ее по башкирской территории было исследовано Ф.Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 1989]. Показано, что оно не коррелирует с современными диалектными и говорными границами, но связывается с территорией расселения башкирских племен катай, табын и балыксы. По-видимому, это явление очерчивает границы старого племенного объединения, впоследствии стертые инновационными процессами. Из описания Ф.Г. Хисамитдиновой хорошо видно, что при движении с запада на восток глухость все в меньшей мере сохраняется, и в самой восточной части расселения этих племен встречается только в некоторых застывших формах. Таким образом, это явление, архаическое для племенного диалекта катай, табын и балыксы, хорошо сохранилось на западной периферии их расселения (впоследствии – в XVI в. – разбитой на две отдельные диалектные области), а с востока было частично устранено инновационными правилами сандхи, требующими звонкости на стыках морфем (см. [Хисамитдинова 1989, с. 14-32, 66-75]). Данное направление диалектологических исследований, вычленяющее архаические явления под новыми нагластованиями, кажется весьма многообещающим для уточнения статуса других диалектных явлений башкирского языка и для тюркской диалектологии в целом.

2.2. Пратюркское *s в литературном башкирском дает *h*- в начале слова и аффикса (*hiid* ‘слово’, *kiid-heb* ‘безглазый’, *bara-hi* ‘ты идешь’) - и после согласного (*aqha-* ‘хромать’); *-θ*- в интервокале не после границы аффикса (*baθ-im* ‘ударение’); *-θ* в конце слова и перед глухим согласным (*boθ* ‘пар’, *aθt-ina* ‘под’). Исключение по словарю, кроме изобразительных слов, одно: *jaha-* ‘делать, устраивать; заряжать’ (пратюрк. **jasa-*) и его производные; историческое диалектное заимствование.

В северо-западном диалекте *s* сохраняется во всех этих позициях; то же — в северных подговорах Среднего Урала (южные подговоры дают распределение, близкое к айскому и аргаяшскому).

В айском и аргаяшском говорах восточного диалекта, с одной стороны, и в дёмском говоре южного диалекта, с другой стороны, во всех этих позициях мы видим *θ*: айск. *θiged* ‘восемь’, *aqθaq* ‘хромой’, *tupθa* ‘порог’, *awaθ* ‘охотно’; аргаяш. *θuw* ‘вода’, *θoθ-* ‘черпать’; дем. *θuw* ‘вода’, *aqθyl* ‘беловатый’, ‘белесый’, *jaθa-* ‘делать’, *öθ (me)* ‘три (тысячи)’. Случай отклонения (в айском — в начале слова и аффикса: *himed/θimed* ‘жирный’, *-hi/-θi* афф. 2 л.) — по-видимому, следствие литературного влияния. В аргаяшском говоре в интервокальной позиции и в начале аффикса *θ* озвончается в *δ* (*baδiw* ‘давить’, *-θi/-δi* Poss. 3 л.; по-видимому, в соответствующей фразовой позиции — и на конце слова: *baδ* ‘наступай’), перед глухим согласным сохраняется как *θ*: *baθii* ‘наступал’. Кроме того, в аргаяшском говоре отмечены специфические развития сочетаний: *ks >*xx/x* (*axxaw* ‘хромать’) и *ps >*fff* (*tuffa* ‘порог’). Таким образом, периферия традиционного Расселения башкир показывает архаическое сохранение *θ* < *s в любой позиции, перебиваемое вторичными процессами и литературным влиянием.

Срединная башкирская территория показывает системы рефлексов, в разной степени сдвинутые по отношению к этой архаичной:

а) идентичную литературной — южный диалект, средний говор, в особенности инзерский подговор (прочие подговоры часто сохраняют *θ* в начале аффикса: *kürθät-* ‘показать’), ик-юшатырский подговор ик-сакмарского говора (но спорадически в начале аффикса *θ*: *kürθät-/kürhät-* ‘показать’); б) восточный диалект, миасский говор: в начале, в том числе в начале аффикса, и в интервокале *h*, в конце слова и перед глухим согласным *θ* (*hal-* ‘класть’, *kürhät-* ‘показать’, *bihir* ‘яловая’; *baθ* ‘дави!’, *jaθtan* ‘постель’); в) южный диалект, сакмарский подговор ик-сакмарского говора: в начале, конце и интервокале *h*: *höjlä-* ‘говорить’, *bah* ‘наступи’, *üksähenä baha* ‘ей на пятку наступив’, но в сочетании с глухим согласным *aθii* ‘низ’; г) еще более продвинутую систему, при которой *θ* не только в начале слова и аффикса, но и во всех позициях переходит в *h* — восточный диалект, салзигутский и кизильский говоры: *hüh* ‘слово’, *baharya* ‘пришить’, *bah* ‘наступи!’, *bahii* ‘наступал’, киз. *hywhar* ‘куница’, *qyhqa*, *qyhqaq* ‘короткий’, *tahma* ‘лента’, *töh* ‘цвет’, *alyh* ‘далекий’, куб. *harymhaq* ‘чеснок’, *iherek* ‘пьяный’, *nähe1* ‘род’, *jahu* ‘плоский’, *byher* ‘грыжа’, бурз. *ohta* ‘умелец’, *ühew* ‘расти’, *ahyl* ‘драгоценный’, *yhta-* ‘коптить’, *uryh* ‘русский’, *tormah* ‘не встанет’ (*h* в заднерядных словах в сочетаниях согласных становится увулярным и приобретает характер *χ*: киз., бурз. *qylyqχud* ‘капризный’, *aχqaq* ‘хромой’),

тухыл ‘насмешка’, ‘издевательство’, *тахтамал* ‘полотенце’, *хоху* ‘совок’, *тухтаг* ‘деревянная миска’, *ахтыртун* ‘скрытый’ при *тиһе* ‘четки’, *ülähkä* ‘падаль’, *bühkä* ‘зоб’, *hidär* ‘пуговица’, *töh* ‘цвет’; сальзигут. *ks > *χ*, *aksak ‘хромой’ > *ахаг*; миасс. *sk > *χk*, *bas-kan ‘наступивший’ > *бахкан*, *ss > *χh*, *bas-sa ‘если наступит’ > *бахһа*).

Описанные распределения допускают значительные колебания. В частности, во многих говорах, например, в кубалыкском, отчасти в кизильском, отмечены большие колебания в употреблении *θ* и *h* в инлауте и ауслауте. При этом отмечено позиционное чередование типа *kiθ* ‘режь’, *kihäk* ‘кусок’, *baθ* ‘дави’, ‘наступай’ ~ *bahuw-* ‘наступать’. Понятно, что парадигматические выравнивания в случае таких (совершенно закономерных фонетически) чередований могут сбивать в отдельных случаях фонетическое распределение.

Переход пратюркского *s > *h* — часто пытаются объяснять как субстратную, связанную с иранскими контактами. Конечно, иранские контакты здесь совершенно не при чем. Переход начального и интервокального *s > *h* в иранских языках произошел на этапе от праиндоиранского состояния к праиранскому, т.е. около середины 2-го тысячелетия до н.э. В это время пратюркский еще не пережил своего первого разделения, а не то что выделения кыпчакской группы и выделения из нее башкирского. Более того, в иранских языках на всех этапах их существования после распада праиранского звук *s* в начальной и интервокальной позиции присутствовал, это — рефлекс ПИЕ *k, ПИИ *z. Следовательно, контакт башкирских диалектов с иранскими в исторически реальное время уже не мог привести к такому развитию. К тому же, этот переход встречается далеко не во всех диалектах и явно имеет инновационный характер. Значительно более реалистичным выглядело бы предположение субстратного влияния обско-угорских языков на раннебашкирский. В пра-обско-угорском происходил переход *s > *θ* в любой позиции; распад пра-обско-угорского датируется серединой первого тысячелетия н.э. Для башкирского ранней и общей для всех говоров (кроме северо-западного диалекта) стадией является именно развитие *s > *θ* в любой позиции, а старая обско-угорская территория находится на юге Западной Сибири, что достаточно хорошо согласуется с такой гипотезой.

3. Итак, на диалектной карте современного башкирского языка мы можем наблюдать два разных типа явлений. Примером одного типа является подковообразный ареал, затухающий к востоку, отражающий частично устраненное архаическое явление, связанное со старыми племенными границами. Пример другого типа - общешкирское явление, возможно, вызванное воздействием угорского субстрата, переход *s > *θ. Такое состояние сохраняется на старой периферии общешкирского расселения, но в какой-то момент в центральной части этой территории начал действовать процесс перехода *θ > *h*, постепенно захватывая все новые позиции. Этот процесс действует явно уже независимо от старых племенных членений, перекрывая их границы. Взаимодействие изоглосс первого и второго типа создает своеобразие современного облика диалектных границ башкирского языка. Учет обоих типов явлений позволяет выявить подробности

исторического изменения башкирского языка практически без обращения к письменным памятникам.

Литература:

Дмитриев Н.К. Материалы по османской диалектологии. Фонетика "карамалицкого" языка. I-II. - Записки коллегии востоковедов, 1928, III, № 2, с. 417-458.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. — М., 1976.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. — М., 1979.

Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. — Уфа, 1989.

Еримбетова А.Х., г. Алматы

ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕГІ ДАУЫССЫЗ ДЫБЫС СӘЙКЕСТІКТЕРІ

Қай халықтың болса да тілі сол халықтың тарихымен тығыз байланысты екендігі белгілі. Дегенмен тілдің ішкі даму заңдылықтарын құрайтын фонетикалық заңдылықтарды тек тарихпен ғана байланыстырып шеше алмаймыз. Бүгінде ұлт болып қалыптасқан кез келген халықтың тарихы өзіндік құбылыстар мен кезеңдерден тұрса, тілдерінің де даму тарихында өзіндік заңдылықтары бар. Өзге халық тілдері сияқты түркі халықтары тілдері де ұзақ әрі күрделі тарихи даму жолынан өтті. Түркі халқының әр түрлі этностарға ыдырауы сияқты тарихи фактор олардың ғасырлар бойы үздіксіз дамып келе жатқан негізгі тілдеріне де әсер етіп, нәтижесінде түрлі фонетикалық, морфологиялық, семантикалық өзгерістерге ұшырап, жекелеген этностар тілдеріне ыдырады. Жекелеп ыдыраған әрбір түркі тілі өзіндік ерекшеліктерімен, ішкі заңдылықтарымен, өзіне ғана тән сипат-болмыспен қалыптаса бастады. Сондықтан да бұл тілдер қаншалықты өзгерістерге ұшыраса да, көне тілдің элементтерін, қалыптасуына негіз болған тілдің қасиетін бойында сақтайды.

Негіз тілдің жекелеген түркі тілдеріне жіктелуі дыбыстар жүйесінде де өзгерістерді туғызады. Көне тілдің мұрагерлік қасиетінің бір белгісі дыбыстар сәйкестігі арқылы көрінеді. Кез келген түркі тілінде кездесетін дыбыстар сәйкестігі сәйкес варианттардың қайсысы бұрын, қайсысы кейін пайда болуын анықтауға көмектеседі. Дыбыстар сәйкестігінің тілдің құрамын өзгертуге себепкер болатынын, жеке сөздерді тек тұлғалық жағынан ғана өзгертіп қоймай, бір түбірден тараған гомогенді параллельдердің семантикалық астарының жіктелуіне де ықпал ететінін академик Ә.Қайдаров салыстырмалы-тарихи фонетиканың әлі күнге дейін шешімін таппай келе жатқан мәселелерінің бірі болып табылатын ерекше атап көрсетеді [1.84-85].

Қазіргі түркі тілдерінің лексикалық құрамында, грамматикалық құрылысында өздеріне тән түркілік тектестік, ұқсастық болғанымен, фонетикалық жағынан салыстырғанда, елеулі ұқсастықтарымен қатар айырмашылықтар бары сөзсіз. Сондықтан белгілі бір тілдік ерекшеліктері арқылы олар бір-бірінен ажыратылады. Сан ғасырлық тарихы бар бұл тілдердің әрқайсысының бойында әр түрлі сипат болуы заңды. Себебі олардың арғы тегі бір болғанмен, әрқайсысының өзіндік мекені, қалыптасуы, даму жолы, тұрмыс-тіршілік, ғылым-білім, мәдениеті салт-дәстүрі бар. Яғни олардың әрқайсысы — жеке ұлт ретінде өзіндік тіл иелері болып табылады. Сондықтан бұлардың тілінің өзіндік ерекшелігі болмауы мүмкін емес. Қазақ тіліндегі сондай ерекшеліктердің бірі — дыбыс сәйкестіктері.

Қазіргі тілдік жүйеміздің негізі болып табылатын дыбыс талай кезеңдерді басынан өткізіп, дами отырып бізге жеткен. Дыбысқа қатысты жүзеге асатын әрбір өзгерістер, құбылыстар заңдылыққа айнала отырып, қазіргі түркі тілдерін дамытты. Тіліміздің фонологиялық жүйесі ұзақ уақыт бойында дами отырып қалыптасқандықтан дыбыстарға байланысты өзгерістер де сан алуан дамуды басынан кешірді. Сондықтан олардың негізгі себебін анықтау қиынға соғады. Дыбыстар сәйкестігінің бір буынды сөздерден бастап көп буынды сөздерде де, аффикстер құрамында да кездесуі оның көнеден келе жатқан заңдылық екендігін дәлелдейді.

Дыбыс сәйкестіктерін қазіргі түркі тілдерінде жүйелі түрде кездестіремегенімізбен, жекелеген белгілі бір тіл ішінде немесе туыс тілдер арасында да жиі кездесетін құбылыс екеніне көз жеткізуге болады. Бүгінгі күнге дейінгі еңбектерде дыбыс сәйкестіктерінің семантикалық сипаты жақсы қарастырылғанымен, оның тілдік табиғаты теориялық тұрғыдан толық шешімін тапқан жоқ. Дыбыс сәйкестіктерінің барлығы тарихи даму барысында жаңа сөз жасау қабілетіне ие бола алмайды, түркі тілдерінде жүйелі түрде кездеседі деген дыбыс сәйкестіктерінің ішінен жана мағына тудыруға қабілетті сәйкестіктердің өзі сөзжасамдық қызмет атқара бермейді. Бұл олардың семантикалық табиғатының күрделілігін дәлелдейді. Сондықтан зерттеушілер арасында дыбыс сәйкестіктерінің табиғаты туралы айтылған пікірлер де сан алуан.

Түркі тілдерінде кездесетін дыбыс сәйкестіктері туралы көрнекті ғалым А.М.Щербак сөз құрамындағы дыбыстардың өзгеруі арқылы мағынаның дифференциялануы диалектілердің тығыз қарым-қатынасынан және туыс тілдердің өзара ықпалынан пайда болған, жүйелі түрде қолданылмайтын кездейсоқ құбылыс [2, 26] екенін айтады. Ал белгілі түркітанушы ғалым Н.А.Баскаков ұйғыр тіліндегі дауысты дыбыстардың сәйкесуін «жалған флексия» деп атап, оны тілдің қалыпты дыбыстық жүйесінде кездесетін фонетикалық заңдылық деп таниды [3, 119]. Дыбыстардың сәйкесуіне қатысты пікірлер мен тілдік фактілердің уақыт өткен сайын молаюына байланысты ғалым 1979 жылғы үлкен еңбегінде «Түбір сөз соңындағы дыбыстардың вариациялануы бір кездері өнімді түрде қолданылған сөзжасам тәсілі болуы мүмкін» деген қорытындыға келеді [4, 144].

Тілші С.Омарбеков дыбыс сәйкестіктерін әрі грамматикалық аспектіде, әрі фонетикалық аспектіде қарау керектігін айта келе, басқабасқа ұғымның көрсеткіші ретінде қалыптасқандары да және ешқандай мән жүктемей, таза фонологиялық қызмет атқаратындары да бар екендігін ауызекі тілімізде кездесетінін нақты фактілермен дәлелдейді [5, 179].

Түркі тілдері фонологиялық жүйесінің даму эволюциясына байланысты қазіргі жалаң фонемалардың африкаттардан пайда болуына негізделген жаңа тұжырымды Б.Сағындықұлының еңбегінен табамыз. Белгілі ғалым тарихи дыбыс өзгерістері жайлы айтылған пікірлерді жинақтап, қорытып, дауыссыз дыбыстар сәйкестіктерінің қалыптасуын аффрикаттардың, дыбыс тіркестерінің екіге бөлінуімен түсіндіреді. Ғалым дыбыс тіркестерінің құрамындағы фонемалардың генезисіне, артикуляциялық-акустикалық сипатына мән бере отырып «... аффрикат құрамындағы фонемаларға назар аударсақ, олардың тектес

және әр тектес екендігін аңғарар едік. ... тектес, әр тектес дыбыстар қалай болса солай ауыса салмайды: бірде тікелей келергісіз ауысса, бірде жанама жолмен ауысады. Осы себепті ... сәйкестіктерді екі шағын топқа бөліп қарастырған жөн: 1) аффрикат құрамындағы тектес дыбыстардың ауысуы; 2) аффрикат құрамындағы әр тектес дыбыстардың сатылы ауысуы» деп жазады [6, 31-32]. Дыбыс сәйкестіктерінің тілдегі табиғаты сан алуан. Тілдің белгілі бір өзіне тән заңдылығымен дамуы оның жүйесін құрайтын барлық элементтердегі өзгерісті тудырады. Осының нәтижесінде белгілі бір сөздердің ешқандай да семантикалық жүк арқаламаса да тұлғалық варианттарының пайда болуы, сонымен қатар ол варианттардың тілдік дамудың әсерінен жаңаша семантикалық мәнді жүзеге асыруы дыбыс сәйкестіктерінің алуан түрлі қырлары бар екендігін көрсетеді.

Резюме

Разветвленный каждый тюркский язык формируется своими специфическими особенностями, внутренними закономерностями, присущими ей свойствами. Поэтому, какие бы изменения не происходили в этих языках, они сохраняют в себе элементы древнего языка, языковые свойства, являющиеся основой формирования.

Дифференциация основы языка на отдельные тюркские языки порождает изменения в звуковой системе. Звуковые соответствия, встречающиеся в разных тюркских языках, помогают определить соответствующие варианты, которые возникли до и после. Одной из таких особенностей в тюркских языках являются звуковые соответствия.

Звуковых соответствий в языковой природе множество. Развитие языка по определенным характерным закономерностям порождает изменения во всех элементах звуковой системы. В результате возникновения личностных вариантов в определенных словах, а также влияние языкового развития, осуществляющего новую семантическую значимость данных вариантов, показывают множество разных сторон звуковых соответствий.

Әдебиеттер:

- Қайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — А., 1986.
Щербак А.М. Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. — №1.
Баскаков Н.А. Уйгурский вокализм // Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. — М., 1955.
Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. — М., 1979.
Омарбеков С., Жүнісов Н. Ауызекі тіліміздің дыбыс жүйесі. — Алматы, 1985.
Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. — А., 1994.

Ермакова Г.А., г. Чебоксары

Г.Н. АЙГИ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА

Айги является продолжателем художественной традиции, в основе которой постижение внутреннего мира человека, духовных ценностей своего народа.

Концептуальным в этом отношении является стихотворение «Вспоминанье — поле»:

золотом ты продолжаешь блистать
надпольная к л е т е д у х о в н а ! — да только о том
что я был растворённым

в веяньи этом
понял я — в тьме оказавшись
бессилия слова..... — в моём бессознании блаженном
чутья не хватило такого
чтоб длиться — себя сохраняя
молитвой — чуть-чуть от страданья холодной
при однородности к л е т е г д е я д а д у х о в н а
без доли уменья! — но помня но помня в забвеньи
вроде — быть может — страдающих отблесков-знаков
полднего света над полем
всюду горящих среди голосов — пребывая со смыслом
дальним — от тех голосов

(Айги. Воспоминанье-поле. Теперь всегда снега. 1985. С. 295.)

Поле, блестя «золотом» спелой ржи (может, овса, пшеницы), вызывает в сознании поэта поток ассоциаций; оно напоминает давнее поле, его веянье, где он был растворённым в «клете духовна». И понял это поэт только тогда, когда во «тьме оказался», поэтому виденье поля всполыхнуло его душу, напомнило голоса, они напомнили другие голоса (мы видим волну ассоциаций) — «дальние», являющиеся хранителями отблесков-знаков.

Можем сказать, что лирика Айги интровертна, ибо погружённость во внутренние переживания лирического героя (он же является голосом поэта, о чём говорит местоимение «Я») составляет ведущий принцип его сборников. Внешний мир, представленный во множестве образов, субъективирован, пережит. Внутренние переживания лирического героя представлены через знаки восклицательные, умолчания, тире, которые говорят о взволнованности поэта; эпитеты («холодная» молитва, «блаженное» бессознание, «полднего» света, «дальний» смысл) украшают текст, придают ему выразительность, делают эстетичным; лексический повтор («но помня но помня») усиливая акцент на прошлом, высвечивает его знаковость, способствует созданию ретроспективной картины «поля», «золотом блиставшего».

Художественные средства придают тексту особую выразительность, нам видится это поле, мы испытываем почти те же чувства, что и Айги: грустные и светлые одновременно. Поэт, воскрешая прошлое, вновь переживает ту давнюю чистоту — чистоту, подобную молитве, и это ему удаётся сделать через представление внешне ничем не примечательного поля, в этом (внешне как бы непримечательном) поле вдруг заговорила живая душа народа — творец слышит её голоса:

*всюду горящих среди голосов — пребывая со смыслом
дальним — от тех голосов*

И голос души поэта сливается с голосом души народа; всё стихотворение в целом можно считать развёрнутой метафорой, ритм которой держится на перекличке звуков (ло, по, то, во, по, мо, со), среди которых (ло — ол) являются стержневыми, говорящими о любви поэта к своей земле, звук (л) выражает, согласно психолингвистике, любовь.

В основе эстетической концепции данного произведения и всего творчества Айги (где многократно повторяется слово «свет») лежит чувство любви к родной земле, что и вылилось в концепцию поиска света (даже во тьме).

Видим, как субъективный момент в данном произведении разрастается до бесконечности, сознание лирического героя вбирает в себя весь мир: голоса, подобные молитве, («голоса поля» — «голоса дальние» — «те голоса»), «клеть духовную» (то есть духовные ценности своего народа), память как связующую нить прошлого с настоящим и будущим, на фоне которой и происходит понятие себя:

понял я

чтобы длиться — себя сохраняя.

Через глагол неопределённой формы «длиться» представлены все три времени, время нескончаемо, оно длится вечно, в нём поле, «золотом» продолжающее блистать, тема вечности представлена и через сказуемое «продолжаешь блистать», которое говорит о длительности процесса блистания, его нескончаемости.

Через отдельные импрессионистские тенденции (разрастание субъективного момента, вбирание сознанием лирического героя в себя всего мира, эстетизация жизни), благодаря чему происходит как обогащение художественного видения Айги (реалии мира поэт пропускает через свою душу и чувства), так и сужение пространства, представляющего реальную деятельность человека, поэт переносится в пространство личных ощущений, восприятий, воспоминаний, самонаблюдений:

понял я — во тьме оказавшись...

Вспоминая «дальнее» поле, поэт наблюдает себя, свой внутренний мир, он начинает понимать смыслоносность дальнего поля, в нём рождается «чутьё» того, как сохраниться в вечности.

Поэтизация и идеализация прошлого представлена через образ поля, предмет материального мира — поле выполняет функцию коррелята из пространства памяти — поле приводит поэта к осознанию сущности и сложности бытия (оно состоит из света и тени — единства и борьбы двух противоборствующих начал бытия, при этом у поэта торжествует трезвый «в тьме оказавшись» — «в цветах зла» оказавшись) взгляд на мир. Мы можем сказать, что как образ поля, так и многие образы несут на себе отпечаток эстетической концепции Айги (светиться и при тьме). Эстетическое сознание поэта представляет народную философию — несмотря ни на что, нести в душе свет.

Из эстетической концепции Айги вытекают и внешние — стилистические (своя форма), и внутренние особенности (светить, сохранять терпение, молчание, научиться слышать тишину). Внешние — это типичная для Айги манера представления, описание — размышление (через вопросы, суждения — пустоты — вывод), импрессионистская манера подачи материала (изменяющийся предмет представлен через субъективное восприятие и эмоциональное переживание поэта, что так сблизает его с манерой изложения Бодлера; интровертность (погружение во внутренние переживания); культ живой природы; у Геннадия Николаевича он восходит своими корнями к мифологическому сознанию чувашского народа; обилие пустот как знака космического пространства; субъективизм, который позволил представить внутреннее «я»; обилие метафор, символов, аллегорий.

Для Айги — действительность, то есть объективная реальность, — первооснова его художественного переосмысления, субъективации,

в результате чего возникает вторичный мир – художественный мир поэта, реализованный в его произведениях при помощи творческого метода, в основе которого лежит принцип эстетизации действительности через синтез разных литературных направлений (реализм, романтизм, символизм, импрессионизм, модернизм), вылившийся в особую, только Айги присущую форму.

У поэта своё видение мира (всемирность, основанная на национально-особенном восприятии мира чувашским народом, мира как средоточия света, поэтому такие понятия, как «белизна», «свет», «чистота», занимают в творчестве Айги стержневые позиции, выводящие на мировидение чувашского народа), оно просматривается и в анализируемом нами произведении «Вспоминание – поле». В свете эстетики чувашского народа поэт обращается к памяти, к «доньям». Исповедальность, молитвенность речи, характерная для чувашской прозы и поэзии, просматривается в этом произведении. Лирический герой обращается к небу, поклоняется полю как всей земле (поле-мир), Богу – месту присутствия чистоты.

К внутренним особенностям его творчества относятся утверждение ценности каждой человеческой личности, первенство духовных начал, поиск чистоты, умения во тьме рассмотреть свет, представить тайны своей души и души другого человека (В. Митты, Ш. Бодлера, М. Сеспеля, А. Миттова, Б. Пастернака и многих других).

Нам кажется, что творческий метод Айги способствовал созданию своей формы в области лирики XX века – её мы можем назвать формой «струящейся мысли»; несмотря на присущий ему субъективизм, форма эта, нам кажется, имеет большую эстетическую ценность, так как представляет потоки мысли феномена Айги, струящиеся из архетипов сознания предков. Струящаяся мысль, начавшись в первом произведении любого его сборника, не прерывается, как у Бодлера, а разрастается как лучи солнца, даруя «донность» предков, свет души поэта. Она, пульсируя в струях-словах текста, соединяется в единый поток света, мощный в своей основе, впитавший дар земли и неба.

Концепция В. Брюсова, заметившего, что «новое искусство» возникло тогда, когда в сознание проникла мысль, что «весь мир во Мне», когда взор был обращён не столько на внешний мир, сколько на внутренний, когда человек смог сказать «есть только Я», близка поэту, представляющему мировидение чувашского этноса.

Творчество, по мнению поэта из Чувашии, – это «созидающая сила», способная сообщить бытию цельность (см.ст.: Как бы это громко ни звучало), и эта концепция лежит в основе всего творчества Айги, образуя стержень его стиля.

Литература:

Айги Г.Н. Разговор на расстоянии: (ответы на вопросы друга) // Лик Чувашии. – 1994. – № 4. – С. 27-37.

Айги Г.Н. Разговор на расстоянии / Г.Н.Айги. – СПб., 2001.

Брюсов В.Я. Сочинения: В 2 т. Т.2. Статьи и рецензии, 1893-1924. Из книги «Далекое и близкое». Miscellanea. – М., 1987.

Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Историческая поэтика. Литературная эпоха и типы художественного сознания: сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; отв. ред. П.А. Гринцер. – М., 1994.

Еремеев Л.А. Все в сознании // Французский литературный модернизм. Традиции и современность. – Киев, 1991 – С. 6-26.

ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ ЭТНОНИМИИ ДАУРИИ

В статье, посвященной проблемам лингвистического анализа тунгусских генонимов Нерчинского уезда (другое название данной территории по данным XVII в. – Даурия) XVII–XIX вв., представлены языковые примеры, иллюстрирующие гипотезу о наличии тюркского генезиса в тунгусском и инородческом населении Нерчинского уезда. Генонимы тюркской страты представлены родовыми названиями Дулигарский/Дулигатский, Дуларский, Дуройский и Дурулгуйский, имеющими корневой основой *ду-*. Генонимы имеют аффиксом множественности тунгусоязычный аффикс *-гар*: Дули-гарский, Княже Дули-гарский, Перводули-гарский, Дули-гарский домаева, Втородули-гарский, 1 Дули-гарский Епова, где последние названия являются патронимами основного родового названия Дулигарский [ГАЗК].

Полагаем, что тунгусоязычный аффикс *-гир/-гар* сопоставим с аффиксным аффиксом *-γar* || *-gar* ~ *-γir* || *-gir*, последний из которых зафиксирован в словарях монгольского и в памятниках письменного монгольского языков. Л.В. Дмитриева замечает, что «отмечаемый в тюркологической литературе как очень редкий отыменно-отлагольный аффикс имен разного значения на *-гар* в азербайджанском языке, предположительно соотносимый исследователями с непродуктивным аффиксом *-гыр* в кыпчакских и некоторых других тюркских языках, а также ряд этнонимов с неясной пока этимологией, может быть генетически связан с указанным выше монгольским аффиксом» [Дмитриева 1979, 170]. Поэтому не исключено, что аффикс *-гир/-гар*, будучи словоформой древнего алтайского языкового сообщества, имел ареальную распространенность, «оформляя» этнонимы и генонимы, функционировавшие в определенный исторический период на определенной территории, «оставшись» последующее время в качестве тунгусоязычного аффикса.

Известно, что «слово в алтайских языках с точки зрения его морфологической структуры представляет собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем со строго закрепленными за этими морфемами лексическими и грамматическими значениями» [Баскаков 1981, 48]. «Тюркоязычность» она распознается посредством аффиксации, поэтому к тунгусским генонимам тюркского языкового происхождения относится лишь одно название – Дуларский.

А.П. Дульзон при описании тюркоязычных томских татар отмечает, что суффиксальное *-лар* (*-ляр*), как и *-тар* (*-тяр*), *-нар* (*-няр*), употребляется для образования множественного числа в яуштинском диалекте томских татар [Дульзон 1956, 297]. Кроме диалектов томских татар, А.П. Дульзон отметил наличие этих аффиксов в языках и диалектах народов соседних регионов: шорском, чулымско-тюркском, карагасском, камасинском, койбальском, кызыльском, сагайском, бельтирском, качинском, кюэриком, черневом [Дульзон 1956, 346].

Он также заметил, что аффикс *-лар* (*-ляр*) употребляется после основ на гласный и на ряд согласных, которое обосновано, по-видимому, теорией В.Л. Котвича о первичной двузвуковой структуре тюркского корня, который якобы первоначально состоял для многих слов из двух фонем типа СГ (CV), т.е. из согласного и гласного»

[Баскаков 1981, 48–49]. Справедливо указывая на то, что это суждение В.Л. Котвича основано на материалах письменных древних памятников орхоно-енисейской и уйгурской письменности, которые не отражают полного звучания слов вследствие их несовершенства передачи на основе старых несовершенных систем алфавита, тем не менее, Н.А. Баскаков склоняется к мысли об объективности этой теории.

Он пишет, что перечисленные древние тюркские корни «имеют в своем исходе более полную фонетическую форму, обычно со слабым согласным на конце, который в процессе фонетического развития либо слился с предшествующим гласным, образуя вместе с ним долгий гласный, либо полностью исчез». В итоге Н.А. Баскаков заключает, что «этот процесс превращения сочетаний краткого гласного со слабым согласным (γ, w, j, l, ł, r, ŋ) в долгий гласный и последующего превращения долгого гласного в краткий наблюдается часто и в современных тюркских языках» [Баскаков 1981, 49].

Мнение тюркологов о двузвучной структуре тюркского корня находит свое отражение в зафиксированных нами в таких генонимах нерчинских тунгусов, как Дуройский и Дурулгуйский. В связи с этим выводом гипотетического характера полагаем, что корневая основа *ду-* «сохранилась» в тунгусских генонимах, будучи «оформленной» разноразными аффиксами, что отражает хронологический период развития самих тюркских языков.

Возможно, что генонимы с корневым *ду-* обнаруживают при лексической гипотетической реконструкции прежние вариации древнего родового названия Ду-л-ар и Ду-р-ой. Аффиксальное *-ар* генонима Дулар связано с тюркским периодом бытования генонима, тогда как окончание *-ой* ~ *-ай* Дурай /Дурой «обнаруживает» функционирование генонима в монгольский период, на что указывает наличие древнего монгольского аффикса множественности *-ай* [Семенова 2000, 33–35].

Наличие аффиксального *-улг*(уйский) названия Дурулгуйский отражает факт функционирования генонима в монгольский период истории Даурии, т.к. аффикс *-уулга* /*-үүлгэ* является одним из двусоставных аффиксов образования имен существительных в монгольских языках, причем первый элемент аффиксального *-уулга* — *уул* /*-үүл* имеет общемонгольский характер [Рассадин 2008, 186]. Таким образом, лексико-морфологический анализ генонимных названий Дуройский и Дурулгуйский позволяет предположить, что наличие древнемонгольского и собственно общемонгольского аффиксов в структуре названий «определяют» их как «монгольские» названия, т.е. бытовавшие в монгольскую эпоху истории Северной Азии.

Объективность выделения корневого *ду-* в ряде тунгусских генонимов Нерчинска обусловлена относительно древним возрастом генонимных названий, что предполагает обращение и поиски адекватного объяснения в ряде тюркологических теорий по поводу этапов развития тюркских языков. Вышеприведенные теории и выводы тюркологов дают основание полагать об объективности наших рассуждений на предмет наличия корневой основы *ду-* в тунгусских генонимах Нерчинска. Корневое *ду-*, будучи в разные эпохи «оформленным» разными аффиксами, в составе которых явно выделяются вышеуказанные слабые согласные *l, ł, r* в них Ду-л-

ар/–Ду-л(и)-гат, Ду-р-ой - действительно может иллюстрировать тезис о наличии древних двузвуковых сочетаний тюркских языков.

В связи с этими соображениями уместно напомнить о том, что этнонимы и генонимы, будучи одними из наиболее древних разрядов онимической лексики, наиболее архаичны, а потому и консервативны. В этом, естественно, основная роль фиксации лексико-семантического значения онима отведена корневой основе. Тогда как аффиксы, например, множественного числа менее устойчивы к изменениям по своей природе, находясь на грани между формантами, выражающими словоизменительные и словообразовательные категории. Лексические варианты генонимов с корневым *ду-* в совокупности с фактом письменной фиксации посредством архивных документов ГАЗК одного из этих названий – с последующим согласным *–л-* (Дуларский, Дулигарский / Дулигатский и проч.) позволяет предположить о том, что генонимы с основой *ду-* сформировались или, что объективнее, отразили разные периоды развития условных *р* и *л* -языков в тюркологии.

Согласно Н.А. Аристову, «могущественный союз дулу» существовал еще во времена хунну в западной части их владений, имея в своем составе и Чуйские роды. Потомки древних хунну «в Тюркском каганате племя дулу играло большую роль; в VII веке сложилось объединение племен дулу, которые кочевали на территории Семиречья. Род дулу был также в составе древних болгар и являлся княжеским родом, откуда происходили князья дунайских болгар» [Бичурин 2002, 273; Каховский 2003, 150]. Н.Я. Бичурин выделял отдельный Дом Дулга как другую ветвь потомков хунну, которая «по-монгольски называется Дулга [Тукюе]». Дом Дулга выделился и возвысился в начале VI в. н. э. с 552 по 745 года и правил всеми народами Северной Азии. «Предки Дулгаского рода представляли побочную линию Дома Хунну и прозывались Ашина» [там же]. Дулигаты (дулга) и дулары (дулу) – это «осколки» кочевых конфедераций некогда могущественных империй хунну, тюрков и монголов [Каховский 2003; Николаев 2005].

Обращают на себя внимание слова Н.Я. Бичурина о том, что название одной из ветвей Дома Хунну – Дулга – это монгольское название, что подтверждает нашу гипотезу об опосредованном влиянии контактирующих языков ареального союза на образование лексической формы «тунгусских» родовых названий с основой *ду(л)-/ду(р)-*.

Литература:

- Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. - М., 1981.
Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи: в 2-х ч. – М., 2002.
Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – С. 135-191.
Дульзон А.П. Диалекты татар – аборигенов Томи / Ученые записки. Том XV. – Томск, 1956. – С. 297 - 379.
Семенова В.И. Бурятская генеалогическая терминология // Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории: тез. докл. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2000. – С. 33-35.
Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары, 2003.
Николаев В.В. История предков чувашей. XXX в. до н. э. – XV в. н. э. Хроника событий. – Чебоксары: 2005.
Рассадин В.И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008.
Государственный Архив Забайкальского края [ГАЗК]: фф. 55, 1о, 19, 284, 300.

ПРИЧИНЫ ЗАПРЕТА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭПОСА ОБ ИДЕГЕЕ

Эпос об Идегее является общим достоянием всех тюркских народов, предки которых оказались в составе Джучиева Улуса, названного позже Золотой Ордой.

Первые публикации эпоса об Идегее появляются еще в XIX в. В XX столетии до Отечественной войны научными учреждениями, специалистами, даже партийными органами он оценивается весьма положительно, отмечается его огромная роль в воссоздании истории тюркских народов и изучении их.

Наступил 1944 год. Стал очевидным тот факт, что Советский Союз выйдет победителем в Отечественной войне. Эти обстоятельства открывали Сталину возможность возобновления политики создания единого советского народа. Об этом говорит постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», которое было подписано 9 августа 1944 года. В постановлении, в частности, было предписано устранить «допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идегее). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов-героев Отечественной войны» (п. 7).

Из приведенной цитаты из постановления ВКП(б) становится ясно, что одна из причин запрета популяризации ханско-феодалного эпоса об Идегее и приукрашивания Золотой Орды – это борьба против удревнения истории татарского народа, направление внимания историков и литераторов Татарстана на изучение истории более позднего периода, а именно периода жизни татар в составе Русского государства и СССР.

Основной причиной запрета (популяризации) изучения эпоса об Идегее была просьба Татарского обкома партии включить этот запрет в постановление ЦК ВКП(б), ибо по настоянию ведущих ученых Татарский обком вел пропагандистскую работу против необоснованной идентификации татарского народа с монголо-татарскими завоевателями и правящей татарской верхушкой Золотой Орды. Тогда многие фольклористы давали ошибочное объяснение, что герой эпоса Идегей якобы вел борьбу за укрепление и сохранение Золотой Орды.

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Начнем с запрета на приукрашивание Золотой Орды. Как известно, и в досоветское, и в советское, и в постсоветское время во всех учебниках и учебных пособиях по истории Русского государства и истории других народов, не различая разные содержания этнонима *татары*, идентифицировали монголо-татар с предками современного татарского народа, иначе говоря, монголо-татарских завоевателей представляли читателям предками современного татарского народа. При этом авторы учебников по

истории соседей татар (чувашей, удмуртов, мордва, марийцев, иногда и башкир) добавляли, что предки современных татар — монголо-татары жестоко эксплуатировали их отцов и дедов. Таким образом воспитывалось и сейчас воспитывается антиатарское настроение у населения. В результате татарская молодежь, изучая эти учебники, вместо того чтобы гордиться своим народом и своей историей, стесняется назвать себя татарин или татаркой, что отрицательно сказывается на количественном и качественном развитии татарского народа. Прогрессивные татарские историки неопровержимо доказывали, что современные татары не являются потомками монголо-татарских завоевателей, а формировались в результате консолидации местных тюркоязычных племен, которые в составе Булгарского государства назывались *булгарами*. Между прочим, этих ученых поддерживал и Татарский обком КПСС, руководители которого были заинтересованы во всестороннем развитии татарского народа, в сохранении чести и достоинства их.

При подготовке Постановления ЦК ВКП(б) 9 августа 1944 года (кстати, все постановления готовились с участием адресата, в данном случае с участием Татарского обкома) формулировки, запрещающие приукрашивание Золотой Орды и популяризацию ханско-феодального эпоса, были включены в данное постановление по просьбе Татарского обкома ВКП(б), ибо многие историки других республик монголо-татарских завоевателей представляли своим читателям как непосредственных предков современных татар.

Признание эпоса об Идеее ханско-феодальным также соответствовало представлению Татарского обкома об этом эпосе. Ибо некоторые татарские ученые представляли героя эпоса — Идеея как борца за укрепление и развитие ханско-феодальной Золотой Орды. Этого было достаточно для партийной организации Татарстана, чтобы просить ЦК ВКП(б) включить в постановление 1944 года запрет на популяризацию ханско-феодального эпоса об Идеее.

Вот это вышеописанное обстоятельство, по нашему мнению, стало второй основной причиной запрета (популяризации) изучения эпоса об Идеее.

В 1945 году было издано Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», где, продолжая идеи аналогичного постановления по Татарской партийной организации, было, в частности, отмечено увлечение ученых пропагандой ханско-феодального эпоса «Идукай и Мурадым» [Зарипов 1994, 10-11].

Несмотря на наличие постановлений ЦК ВКП(б) по Татарстану и Башкортостану, в которых ограничивались популяризация ханско-феодального эпоса об Идеее и приукрашивание Золотой Орды, в общесоюзном масштабе ученые проводили научно-исследовательские работы по всем вышеуказанным эпосам тюркских народов. Например, академик В.М. Жирмунский считал эпос об Идеее героическим эпосом тюркских народов [Жирмунский 1958, 7-8].

Необходимо иметь в виду, что историческая личность Идеей и герой эпоса Идеей не идентичны. Идеей как герой эпоса возвышен народом как борец за разрушение ненавистного для народа

правительства завоевателей — правительства Золотой Орды. Таким же образом поставлен этот вопрос и в башкирской фольклористике [Зарипов 1994, 40-41]. В татарской фольклористике герой эпоса «Идегей» оценивается также положительно. Но одни думают, что он возвышен народом и сказителями как борец против междоусобицы в Золотой Орде [Урманче 1999, 151-157], другие ученые предполагают, что народ и сказитель эпоса возвысили героя «Идегея» как разрушителя Золотой Орды, т.е. государства завоевателей. Так, самый главный исследователь эпоса «Идегей» и создатель сводного варианта эпоса Наки Исанбет при участии Хамита Ярми и Шайхия Маннура решил завершить эпос «Идегей» строфами, характеризующими героя эпоса как предсказателя и организатора развала Золотой Орды.

Башкирский вариант эпоса об Идегее был полностью издан в 1994 году Нуром Зариповым под названием «Идукей и Мурадым» с его анализом содержания и истории распространения эпоса. Текст эпоса первоначально был подготовлен известным сказителем и фольклористом М.А.Бурангуловым [Нур Зарипов, 1994, 8].

Литература:

Жирмунский В.М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. — Москва: Наука, 1958. — С. 7-8, 50-51, 379-380.

Идегэй. Татар халык дастаны. — Казан: ТКН, 1988. — 254 б. (Вариант Н.Исанбета).

Идукэй менән Мурадым. Тарихи кобайыр. — Уфа: БКН, 1994. — 352 б.

Нур Зарипов. Милли азатлык, үз аллы дәүләтселек хыялдарын сағылдырган кобайыр // Идукэй менән Мурадым. Тарихи кобайыр. — Уфа: БКН, 1994. — 5-46 б.

Фатых Урманче. Народный эпос «Идегей». — Казань: Фэн, 1999. — 200 с.

Зайнуллин М.В., г.Уфа

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Тюркское языкознание последних десятилетий, безусловно, характеризуется углублением его теоретической базы, повышением внимания к новым методам и новой методологии, созданием фундаментальных трудов по актуальным проблемам современной тюркологии.

В последние годы башкирское языкознание также достигло определенных успехов в исследовании актуальных проблем родного языка. Написаны фундаментальные работы по грамматическому строю языка, его лексической и фразеологической системы, по диалектологии и лексикографии.

Однако развитие современной теоретической лингвистики ставит перед отечественным тюркским языкознанием новые задачи, определяющие перспективы нашей науки.

В современном теоретическом языкознании исследование сущности языковых явлений основано на нескольких основных концепциях: лингвоцентристской и антропоцентристской когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Лингвоцентристское направление изучает языки само по себе, это — формально-грамматическое описание языковой системы, структуралистский и формально-грамматический подход к анализу языковых фактов. Как известно, формально-грамматический подход явился одним из главных методов дооктябрьского и послеоктябрьского тюркского языкознания. Благодаря этому подходу

были исследованы основные грамматические категории тюркских языков, созданы академические грамматики в синхронном и диахронном аспектах.

Мы полагаем, что в настоящее время в основном завершено изучение грамматического строя тюркских языков в формально-логическом аспекте. Не следует противопоставлять эти два подхода к описанию языков, а наоборот, антропоцентристский принцип необходимо считать естественным продолжением и развитием формально-грамматического, логико-грамматического и системно-структурного описания языкового организма.

Антропоцентристское направление изучает язык человека как личности, как представителя народа и общества, т.е. в интересах создателя и носителя языка. Иначе говоря, антропоцентристская точка зрения на язык заключается в том, что человек - это центральная фигура языка, как лицо говорящее, как главное действующее лицо мира, которого познает [Золотова 1982, 5]. Не случайно в последнее время учет человеческого фактора в исследовании языковых явлений, субъективность рассматривается как фундаментальное свойство современного языкознания.

Основной задачей антропоцентристского направления в языкознании является выявление и описание антропоцентристских категорий, которое возможно при использовании принципов функциональности и когнитивности. В настоящее время в мировом и русском языкознании широко обсуждаются принципы функциональной лингвистики и в т.ч. функциональной грамматики. Функциональное направление является одним из важнейших принципов описания в современной лингвистике. Коммуникативно-функциональный подход предусматривает новую интерпретацию языковых единиц всех уровней и подсистем — лексики, грамматики, стилистики. Этот подход дает возможность по-новому исследовать такие существенные характеристики языка, как соотношение понятий и грамматических категорий, интегративное взаимодействие лексики и грамматики и др. Особенностью функционального подхода является описание грамматического строя и в динамическом аспекте. В качестве основной единицы функциональной грамматики выделяются функционально-семантические категории или функционально-семантические поля. Функционально-семантическое поле представляет совокупность средств выражения относящихся к разным языковым уровням и служащих для передачи одного и того же инвариантного значения. Как правило, функционально-семантическая категория опирается на грамматическую категорию, которая выполняет в ней функцию центра или основы, так как в грамматической категории "содержание функционально-семантической категории находит наиболее специализированное и концентрированное выражение". Ведущими принципами функционально-семантического описания языка являются:

- 1) группировка языкового материала по содержательным категориям и по функциям;
- 2) учет обусловленности функциональных вариантов внеязыковыми факторами.

Исследование таких категорий в тюркских языках, как определенность и неопределенность, количественность и качественность, perso-

нальность и аспектуальность, модальность и темперальность и многих других, может дать объективные результаты только при функциональном подходе, иначе говоря, функциональное направление способно более адекватному описанию языковой системы. Необходимо подчеркнуть, что функционально-семантический подход имеет прямой выход в практику преподавания родного языка, преподавания языков в иностранной аудитории, так как в традиционной грамматике языковые средства разбросаны по разным разделам, и функциональная и содержательная связи между ними, как правило, плохо осознаются учащимися.

Когнитивная функция связана с познавательной деятельностью человека. Когнитивность отражает процесс осмысления действительности и лежит в основе концептуальной картины мира. Наряду с логической картиной мира параллельно существует и лингвистическая картина мира, и все это отражается в языке в виде особых категорий или концептов. Тюркская языковая картина мира - это отражение в языке особенностей тюркской национальной культуры и национальной психологии, национального поведения и видения мира. В этом аспекте весьма актуальной является проблема "Родной язык и национальная культура". Чрезвычайно было бы интересным исследование языковой картины мира в тюркской фразеологии, в частности в тюркских пословицах и поговорках, в сопоставлении с индоевропейскими и другими языками.

Лингвокультурология изучает язык в тесной связи с национальной культурой. В языке отражаются не только логические категории, результаты познания, но и эмоции, особенности быта, культуры народа, а также каждого конкретного человека. Основным понятием лингвокультурологии является концепт, выражающий основные признаки ментальности. В этой связи весьма актуальными проблемами в современной башкирской филологии являются "культурные концепты конкретного тюркского этноса ("Душа, сердце, разум", "радость", "грусть", "желание")", такие ведущие концепты, как "время и пространство", "человек, жизнь". Ждут своего исследования такие вопросы, как "национальная языковая картина мира", "национальное языковое сознание" и "национальная языковая личность", необходимо и создание культурологических словарей.

С начала XX столетия в связи с научно-техническим прогрессом и другими социальными факторами значительные изменения произошли в синтаксическом строе тюркских языков. Исследование новых тенденций и новых явлений в синтаксисе тюркских языков в грамматической теории является весьма актуальной.

Как известно, основными синтаксическими единицами являются предложения и тексты. Однако эти синтаксические явления исследуются на основе традиционной методики и методологии.

Функциональное развитие любого языка непосредственно связано с его применением в разных сферах общественной деятельности и культурной жизни, в сфере производства и науки, а также в сферах печати, радио и телевидения, театра, в административных органах и судопроизводстве, в сфере высшего образования и художественного творчества. Однако некоторые сферы, в частности художественное творчество, народное просвещение, т.е. все то, что относится к

национальной духовной культуре, наиболее адекватно обслуживается национальным языком.

В философской науке различаются "логическая картина мира" и "лингвистическая картина мира". Лингвистическая картина мира - это то, что содержание конкретных языков не исчерпывается их логическим содержанием.

Функциональное изучение языков является эффективным и при сопоставительном изучении языковых систем. Задача сопоставления языков - интерпретация языковой сущности функционально-семантических категории как в содержательном, так и в формально-грамматическом аспектах.

Сравнение изучаемых фактов идет параллельно на двух уровнях - глубинном и поверхностном. Многие семантические функции являются универсальными, однако их вывод на формально-грамматический уровень в разных языках может быть различным.

В функционально-семантических категориях наблюдается постоянное взаимодействие и переплетение универсального содержания, которое ориентировано на зеркальное отражение внеязыковой действительности, и идиоэтнического, которое связано с интерпретационной функцией языка. Универсальное содержание характерно для ядра, центра категории; здесь в языках больше единообразия и в содержательном плане, и в формально-грамматическом. В периферийных же областях в значительно большей степени проявляется идиоэтническое, в языках соответственно увеличиваются расхождения.

Контрастивный анализ осложняется при описании комплексных, блочных категории, имеющих антропоцентрическую направленность и обнаруживающих позицию говорящего лица. Таковы, например, категории темпоральности, модальности, которые выражаются сложным взаимодействием многочисленных грамматических форм с лексическими средствами. В функциональном плане в названных категориях интерпретационное начало преобладает над универсальным, что сказывается в несоответствии временных форм, типов модальности в разных языках.

Наряду с категориальными, которые в своей ядерной части имеют универсальные содержательные компоненты, в языках наблюдаются категории, которые не имеют соответствия в иноязычных структурах ни в содержательном, ни в формальном плане. В подобных случаях можно говорить о скрытых категориях. Цель сопоставительного анализа заключается в характеристике категории одного языка через призму другого. В настоящее время нужно создавать контрастивные грамматики тюркских и других языков на функциональной основе. Словообразование в тюркских языках имеет свою специфику, которая в основных своих чертах определяется агглютинативным строем этих языков.

В исследованиях, посвященных словообразованию тюркских языков, явно преобладает морфемный подход. Как правило, в этих работах обычно описывается аффиксальный инвентарь, который функционирует в сфере различных частей речи, а словообразовательные отношения однокоренных слов обычно не рассматриваются, между тем для словообразования, в первую очередь, представляется интерес именно изучение формально-семантических

отношений однокоренных слов, исследование их словообразовательных связей.

В тюркологии до сих пор не используются важнейшие словообразовательные понятия: производящая основа, производная основа, словообразовательная пара, словообразовательный тип, словообразовательное гнездо и многие другие. Все эти единицы словообразования реально существуют в тюркских языках и участвуют в их системной организации. Тезис о том, что в тюркологии еще слабо разработаны теоретические основы словообразования, подтверждается очевидными фактами. Так, например, в словарях различных типов до сих пор должного отражения не нашли явления конверсии, сложные имена и глаголы. Таким образом, в наших словарях как самостоятельные лексические единицы не зафиксированы несколько тысяч слов. Совершенно прав проф. Ф.А.Ганиев, когда утверждает, что любой словарь, если он составлен на подлинно научной основе, претендует на правильное и полное отражение лексической системы соответствующего языка.

В башкирском языкознании еще совершенно не разработанными являются проблемы эмоциональности и экспрессивности, оценочности как категории собственно лингвистики и лингвостилистики.

Литература:

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.— М., 1982.

Зәйнуллина З.Т., Стәрлетамак к.

БАШКОРТ ВОКАЛИЗМЫН ӨЙРӘНЕУ ТАРИХЫНА КАРАТА

Башкорт теле һузынкыларының тәүге фәнни классификацияһын М.М. Билялов менән Н.К. Дмитриевтың XX быуаттың 20-се йылдар аҙағында баһылған хезмәттәрендә күрәбез.

Н.К. Дмитриев 1927 йылда Парижда «Journal Asiatique» журналында «Этюды по фонетике башкирского языка» тигән мәкәләһен баһтырып сығара. Был мәкәләһендә автор башкорт өндәре системаһының тәүге тулы кылькһырламаһын бирә һәм уның башка төрки телдәренән фонетик системаһынан айырмалы булыуын күрһәтә.

1928 йылда донъя күргән М.М. Биляловтың «Таблицы по фонетике башкирского языка», М. Кулаевтың «О звуках башкирского языка» тигән хезмәттәре башкорт теленән фонетикаһын өйрәнеүзә зур бер азым булып тора.

«Утызынсы йылдарҙа Ә. Мансуровтың урта мәктәптәргә тәғәйенләнгән «Грамматика» дәреслегә донъя күрә. Автор башкорт теленән фонетикаһы хакында тулы һәм аныҡ итеп мәлүмәт бирә. Һузынкы һәм тартынкы өндәргә аңлатма биргәндән һуң, уларҙы түбәндәгесә бүлөп тикшерә: алғы аңкау һузынкылары; арткы аңкау һузынкылары; урта аңкау һузынкылары; ирен өндәре; тел һәм теш тартынкылары; шартлаулы өндәр; һузылмалы өндәр һ.б.» [Зәйнуллина 2008, 23].

1948 йылда Н.К. Дмитриевтың «Грамматика башкирского языка» тигән зур күләмле фундаменталь хезмәтә баһыла. 1950 йылда был хезмәт Өфөлә башкорт телендә донъя күрә. «Башкорт теленән грамматикаһы»нда Н.К. Дмитриев башкорт теленән һузынкылар һәм тартынкылар системаһы, фонетик процестар тураһында мәлүмәттәр биреп үтә. Автор башкорт вокализмының тарихына туктала, һузынкыларҙы телдән горизонталь, вертикаль торошона һәм

ирендэрзән катнашлығына карап классификациялай. Айырым өндэрзән артикуляциян, акустик билдэләрен асыглай. Сингармонизм законның һәм башкорт баһымының үзенсәлектәрен характерлап китә.

1955 йылда Т.Ф. Байышевтың «Башкирские диалекты в их отношении к башкирскому литературному языку» китабы баһылып сыға. Автор башкорт теленә вокализмына қағылыпшы бик кызыклы мәғлүмәттәр бирә. «Башкорт әзәби телендә язууза туғыз билдә менән белдерелгән ун ике һузынкы өн қулланыла. Артикуляция буйынса уларзың бишәуһен – арткы рәт һузынкылары, йәғни калын һузынкылар, атап әйткәндә: [a], [o], [y], [ы], [и], бишәуһен алғы рәт һузынкылар, йәғни нәзек һузынкылар, атап әйткәндә: [e], [o], [y], [e], ([э]), [и] тәшкил итә», – тигән фекерзә яқлай ғалим. [Баишев 1955, 67]. Искәрмә рәуешендә Т.Ф. Байышев 1942 йылға тиклем (латин графикаһында) калын [и] өнөнәң *ий* (*vi*) формаһында язылууын телгә алып үтә. Яны графикаға күскәс, был хәрәф орфографиянан төшәп кала, шуңлыктан калын һәм нәзек [и] өнә язууза бер генә графема менән күрһәтеләп йөрәй башлай.

Автор рус теленән ингән һүзәрзәгә [o], [e] фонемаларын айырым өн тип қарай.

Профессор Ж.Ф. Кейекбаев «Башкорт теленә фонетикаһы (Тасури һәм сағыштырма-тарихи тикшеренү тәҗрибәһе)» [1958, 2002] хезмәтендә хәзергә башкорт телендә 12 һузынкы өн барлығын билдәләй. «Шуларзың туғызы – [a], [o], [y], [ы], [e], [e], [и], [o], [y] – төп башкорт һүзәрәндәгә һузынкылар; қалған өсәһә – [o], [ы], [э] – рус теленән ингән һүзәрзәгә һузынкылар (мәсәлән, *полк*, *посылка*, *эра* һүзәрәндәгә [o], [ы], [э] һузынкылары)». [Кейекбаев 2002, 15]. Ғалим үзәнен был хезмәтендә өндәргә физик һәм физиологик яқтан ентәклә характеристика бирә. һузынкы өндәрзән позицион үзгәрештәрен тикшерә.

Күренәуенсә, Н.К. Дмитриев, Т.Ф. Байышев, Ж.Ф. Кейекбаев һ.б. башкорт һузынкыларын әйрәнәүгә тос өләш индәргәндәр. Башкорт теленә вокализм системаһы буйынса фәнни эзләнеүзәр бөгөнгә көндә лә дауам итә. Был өлкәлә тикшереләһә мәсәләләр, әйтәләһә фекерзәр бар әлә.

Әзәбиәт:

- Баишев Т.Ф. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. – М., 1955.
Дмитриев Н.К. Башкорт теленә грамматикаһы. – Өфө, 1950.
Зәйнүллина Г.Д. Башкорт теле дәрәсләктәре тарихынан // Башкортостан укыптусыһы. – 2008. – №9. – 21-23-сә биттәр.
Кейекбаев Ж.Ф. Башкорт теленә фонетикаһы (Тасури һәм сағыштырма-тарихи тикшеренү тәҗрибәһе). – Өфө, 2002.

Зинурова Р.Р., г. Уфа

СЮЖЕТЫ В БАШКИРСКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗКАХ

О ВЫМОЛЕННЫХ ДЕТЕХ

Чудесные дети – один из самых популярных персонажей в башкирских сказках богатырского цикла. Они представлены в следующих сюжетах: 650А “Иван медвежье ушко” и 707 “Чудесные дети”.

В.Е. Добровольская отмечает, что “под термином “чудесное рождение” традиционно понимаются два различных процесса. С одной стороны, это собственное зачатие, то есть рождение ребенка после

совершения родителями определенных магических действий, с другой, под термином “чудесное зачатие” понимается и возникновение ребенка из различных реалий или создание его вылепливанием или вырубанием” [Добровольская 1995, 47].

Мотив о чудесном зачатии и чудесном рождении детей очень древний, характерен для мифологии многих народов [Пропп 2007, 72]. Этот мотив имеет место и в башкирских богатырских сказках. Его истоки возникли в период матриархата, когда появились мифологические представления о чудесном зачатии от тотема-первопредка [Мингажетдинов 1969].

По мнению А.К. Салмина, “мотив чудесного зачатия в эпосе — и в героическом, и в сказочном является компонентом завязки” [Салмин 1983, 55]. Исследователь говорит и о необычных явлениях, которые предшествуют появлению чудесных детей, и приводит свою классификацию этих героев: “К неестественным относятся такие явления, как : а) чудесное зачатие, б) превращение предметов в сына; в) сын — божий дар. Данная классификация приемлема и для башкирской богатырской сказке.

Наиболее распространенным в башкирских богатырских сказках наличествуют следующие мотивы рождения: а) зачатие чудесным образом от тотема (животное, растение, съеденный плод): “... *однажды зимой старик захворал и не смог идти в лес за дровами; в лес пошла старуха, там ей встретился медведь, повел ее в берлогу и заставил остаться там; у старухи родился сын, у которого уши были медвежьими. После рождения сына старуха убежала от медведя и вернулась к своему старику, и тот очень обрадовался, что его старуха возвратилась с сыном, которого назвали Аюголак*” [БНТ 1998, 171]; б) вымоленные дети; г) сотворенные дети (из теста, глины): “... *Старуха дома тесто замесила. “Дай-ка, — думает, — подшучу над старым: слеплю-ка к его приходу мальчонку из теста”. Вылепила мальца, поставила в посудину для кумыса и в чулан. Вернулся старик из лесу с дровами, старуха отравила старика в чулан, посмотреть кумысницу, а там и впрямь мальчик лежал. Дали ему имя Икмекбай*” [БНТ 1998, 335]. Не менее распространен в башкирской богатырской сказке мотив “вымоленные дети”. Этот мотив наиболее часто встречается в сказках, в которых отражены религиозные воззрения мусульман. Примеров достаточно много. Вот некоторые из них: “*В старину жил один старик. Была у него старуха. Он был очень богат, а детей у него никогда не бывало. Со слезами на глазах просили они у Аллаха детей. Аллах дал им сына*” [БНТ 1998, 72].

Известны и иные формы вымаливания ребенка: перед ямой, у подножий скал бездетная женщина оставляла молоко, масло, при этом приговаривая:

Эй, Хозайым, бала бир,
Май халам, бала бир!
Ул бир — уллы булайым,
Кыз бир — кызлы булайым!
О, Худай, дай ребенка,
Масло тебе приподношу,
Дай сына — пусть будет у меня он,
Дай девочку — пусть будет она у меня.

Известны факты вымаливания ребенка у могилы святых. Так, женщины откалывали кусочек из надмогильного камня, разбавляли с водой и пили.

Существовали моления, связанные с явлениями природы, движением космических тел, их формой. Так, бездетные женщины с новолуния до полнолуния ранним утром ходили за водой, молились, обращаясь к Худаяу:

Хозайым, бала бир!
Кызыл балсыкка һыу кәрәк,
Һыу алырға килдем!
О, Худай, дитя дай!
Красной глине вода нужна,
За водой пришла!

У башкир отсутствие или наличие детей во многом определяли отношение к женщине как в семье, так и в обществе. Бесплодие женщины расценивалось как ее неполноценность, считалось большим недостатком, с которым связывалось много разных суеверий. Женщина в этом случае представлялась воплощением зла, верили в силу ее гнева (слова ругани могут сбыться), ее обычно остерегались.

Чудесные дети, в частности вымоленные дети, быстро росли: “*Он рос не по дням, а по часам, оказался очень крепким и здоровым*” [БНТ 1998, 183]. Детские их шалости стоили жизни многим сверстникам. Именно из-за своей чрезмерной силы он изгонялся из дома.

В богатырских сказках башкирского народа имеют место виды чудесного рождения, некоторые из которых мы рассмотрели. Как видно из этих материалов, сказка строится не на вольной фантастике, а отражает действительно имевшиеся представления или обычаи.

Литература:

- Башкирское народное творчество. Т.3. Богатырские сказки. — Уфа, 1988.
Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказке: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
Мингажетдинов М.Х. Мотив чудесного рождения в богатырских сказках. // Эпические жанры устного народного творчества... — Уфа, 1969. С.58 - 66.
Протт В.Я. Сказка. Эпос. Песня. — М., 2007.
Салмин А.К. Чудесное происхождение героя в чувашских сказках // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. — Уфа, 1983.
Семья и брак у бурят (вторая половина XIX – начало XX вв.). — Новосибирск, 1980.
Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. — Уфа, 1998.
Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. — Л., 1974.
Хусаинова Г.Р. Память народная // Рауф Насыров. Шейх Зайнулла Расулев. — Уфа, 2008. С.167-174.

Ибрагимов Г.Д., г.Уфа

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(на материале башкирского языка)

Язык человека и весь его мир тесно связан с числами, с категорией числа. Невозможно даже представить себе какую-либо область, где бы числа (и соответственно числительные) не употреблялись. Человек имеет дело с числами ежедневно. И в каждом языке довольно много слов, которые образованы от числительных. Достаточно обратиться к

соответствующим толковым словарям. Например, в «Толковом словаре башкирского языка» мы видим множество слов, образованных от числительных «один», «два»: *берлек* (единство), *берләшеу* (объединяться), *берләшмә* (объединение), *берҙәм* (единственный), *берҙәмлек* (единственный); абстрактное существительное от *берҙәм*, *бергәләп* (вместе); *икеләнеу* (двоиться; колебаться, сомневаться), *икенсел* (*вторичный*) и т.д. Как видим, пополнение частей речи происходит в том числе и за счет числительных.

Отличительной, наиболее примечательной особенностью числительных является то, что они предельно абстрактны, не имеют предметно-вещественного содержания. Особенно хорошо это видно на примере употребления числительных в речи, где они приобретают конкретизированное значение лишь во взаимодействии с другими компонентами высказывания. Достаточно сравнить такие ряды словосочетаний, как *семь, тридцать два* и *семь родов, тридцать два зуба* и т.п. Эта абстрактность значения числа и числительных приводит к тому, что собственное категориальное значение этого разряда слов является размытым и вследствие этого может принимать значения иных лексико-семантических групп: прилагательных, наречий. Как отмечал Н.К. Дмитриев, числительное обычно выступает в функции количественного определителя имени: *биш ағас* (пять деревьев), *бишәрләп алыу* (брать по пять штук) и т.д. При этом числительное выступает и в роли показателя определенности /неопределенности. Так, числительное *бер* (один), кроме своей функции указания на количество, выступает и в функции неопределенного артикля в таких сочетаниях, как *бер көн* (один день, какой-то день), *бер кеше* (один человек, некий, какой-то человек). Это говорит о том, что слово *бер* выступает и в функции неопределенного артикля, в отличие от остальных слов со значением числа, которые, в силу своего лексического значения, выступают уже в функции определенного артикля.

В башкирском языке, как и в большинстве других языков, по строению выделяются две основные группы числительных: простые и составные.

Синтаксическая функция числительных зависит от их синтаксической позиции: в зависимости от положения в составе высказывания числительное выполняет различные функции — подлежащего, сказуемого или же приименного определения. Например:

— Алыҫта, урмандың арғы башында, *икенсеге* күнелдәй башланы (Х. Давлетшина) — подлежащее;

— Баҫыу тын. Күрмәгәс күптән,

Был тынлык сәйер икән.

Серләшәбез далам менән

Калып *икәүҙән-икәү* (Р. Бикбаев) — сказуемое;

Бөгөн дә улар көнө буйы *икәү* кайнаштылар (Х. Давлетшина) — обстоятельство;

При этом чаще всего числительные употребляются в функции определения:

Уның каршыһында мулланың *өс* тәзерәһе урамға караған, шырышы бүрәнәләргән эшләнгән йорто (Ф. Хәйри).

Как показали исследования тюркологов, числительные тюркских языков не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений на протяжении последних полутора – двух тысяч лет. Так, по данным памятников древнетюркской письменности VI–VIII вв. н.э., можно видеть, что в древности в ходу были другие сложные числительные. По своему строению они отличались от тех, что можно наблюдать в современных тюркских языках. Например, *йете йегерме* (ун ете – семнадцать), *секиз отуз* (*егерме һигез* – двадцать восемь) и т.д. Принимая во внимание консерватизм письменного языка в сравнении с устным, можно считать, что в живом языке того времени эти изменения уже происходили или произошли. Учитывая то обстоятельство, что современные тюркские языки по своему структурно-типологическому строю относятся к агглютинативным языкам, можно предполагать, что в начале нашей эры произошли какие-то серьезные изменения как в строе языка в целом, в составе его морфологических категорий, так и, надо полагать, в менталитете тюркских народов, в их понимании числа, в их системе счета. Так, по предположению Н.А. Баскакова, тюркские языки изначально имели изолирующий строй, впоследствии сменившийся агглютинативным. Вполне вероятно, что изменение порядка следования компонентов сложных числительных представляет собой отражение этих языковых процессов. Однако данный вопрос требует более детальных изысканий в области категории числа и ее отражения в системе морфологических категорий тюркских языков. В частности, само деление числительных на различные группы, проводимое по нескольким основаниям, заставляет предполагать, что и категория числа, и ее морфологическое выражение в языке продолжают эволюционировать. В частности, сопоставление с числительными тюркских языков Сибири показывает, что они, как, например, якутский язык, во многом сохранили черты древних тюркских языков, в отличие от западных тюркских языков, где порядок следования компонентов изменился. Так, в башкирском языке для обозначения 80 и 90 соответственно используются слова *һикһән*, *тукһән*, а в якутском – *абыс уон*, *тоғус уон*. И если в башкирском *һән / һан* еще можно увидеть следы *уон / ун* (десять), то такие числительные, как башк. *кырк* (сорок) – якут. *түөрт уон*; *илле* (пятьдесят) – *биэс уон*; *алтмыш* (шестьдесят) – *алта уон*, были образованы уже по совершенно разным словообразовательным моделям, с использованием различных языковых средств.

Если Н.К. Дмитриев выделял, исследуя числительные башкирского языка, 6 групп: количественные, порядковые, дробные, разделительные, собирательные, степени, то Г.Г. Сайтбатталов выделяет уже 7 групп числительных, добавляя к уже названным, числительные меры. Сам принцип выделения именно этих групп числительных представляется недостаточно адекватным тому, что мы имеем в языке. Так, в качестве примеров числительных меры и степени (сама *һан*, *улсәм һан*) приводятся такие слова, как *өсләп*, *алтылан*; *өслө*, *алтылы* и т.п. Однако здесь мы видим не столько числительные как таковые, сколько перекрещивание с разрядом прилагательных и наречий. Таким образом, мы с тем же успехом можем рассматривать эти и подобные им слова в составе прилагательных и наречий, тем более что и функционируют

они в составе высказываний именно как прилагательные и наречия. При этом собственно числительными могут быть названы, пожалуй, только количественные числительные (төп һан), в то время как аффиксация придает дополнительные оттенки значений, выводя слово на периферию поля числительных. Сходную картину можно наблюдать не только в тюркских языках. Например, авторы «Русской грамматики» при рассмотрении лексико-грамматического разряда числительных в русском языке воспользовались такими определениями, как числительное-существительное (количественные) и числительное-прилагательное (порядковое), т.е. включили их в состав существительных и прилагательных в качестве особого подраздела. Другие же слова, имеющие в своем составе корень со значением числа, в составе числительных вообще не рассматриваются: *сперва, во-первых, во-вторых, вторник, четверг, пятница* и т.д. Таким образом, если классификация башкирских числительных по составу компонентов не вызывает никаких нареканий, то семантическая классификация требует, по всей видимости, пересмотра теоретико-методологических оснований выделения частей речи, в частности числительных.

Игнатьева Е.А., г. Чебоксары

КАТЕГОРИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ЖАНРА

Область определения границ фольклорного жанра в чувашской фольклористике является малоизученной. Назовем лишь работу В.Г. Родионова «Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора» [Родионов 1982].

Отечественные исследователи в определении фольклорного жанра в основном согласны с тем, что жанр — это «исторически сложившийся тип художественной формы» [Колпакова 1962, 25].

Каждый фольклорист дает свое определение жанра. К примеру, Н.И. Кравцов говорит, что следует принять определенное понимание жанра как исторически сложившейся относительно устойчивой содержательной художественной формы, и в целом, и в ее частях выполняющей сложные функции — познавательные, идейно-воспитательные и эстетические, причем в различных жанрах может преобладать одна из этих функций при их единстве и взаимозависимости [Кравцов 1973, 82]. Немного иное определение жанра дает В.Я. Пропп. Он говорит, что жанр определяется поэтикой, бытовым применением, формой исполнения и отношением к музыке [Пропп 1976, 39].

Фольклорист Г. Тимофеев отмечает, что во время молодежного праздника *уяв* исполнялись песни трех типов: старинные хороводные песни; песни, недавно услышанные в других деревнях и песни-насмешки [Тимофеев 2002, 161]. В некоторых местностях подобные песни назывались *пейтом* (*пейёт*). Они не имеют тесной связи с обрядом *уяв*. Их исполнение вызвано необходимостью состязания молодежи различных деревень, что, в свою очередь, привело к различному охаиванию тех или других непристойных парней и девушек. Так появились любовные песни с определенным сюжетом — *пейты*.

Затихание традиции сложения исторических песен у взрослого населения чувашского общества способствовало, как мы считали раньше, возникновению *пейтов*. Уже к концу XIX в. из традиций

сложения исторических песен возникли сюжетные песни любовного характера, вместе с тем изменилось и значение термина *пейёт* [Родионов, 1982, 72-73]. Так называемые любовные пейиты в фольклоре некоторых тюркских народов называются по-разному (*баит* у татар, *дастан* у туркмен и т.д.), и все они входят в состав романического эпоса.

Казахский фольклорист Ш. Ибраев отмечал главные различия романического и героического эпосов тюркских народов [Ибраев 1980, 208-227].

Автор утверждает, что внешняя структура эпоса бывает двух типов: а) произведения, состоящие из нескольких отдельных сказаний и объединенные именем главных героев или одним эпическим центром; б) эпос, который представляет собой цельный сюжет. При этом цикличность описываемых событий в таком памятнике, как огузский эпос, приводит к многочисленному повторению его языковых, изобразительно-выразительных средств. Таковы начало и конец почти всех сказаний, изображение мира, боя, перечисление в каждом сказании существенных качеств героев и т.п. Известная автономность отдельного сюжета вызывает повторения [Ибраев 1980, 209-210].

Следует помнить и о различиях последовательных рядов эпических произведений. Первый стадийный ряд, как верно отметил В.М. Гацак, — это героико-архаический эпос, разновидности которого — якутские олонхо, алтайские и хакасские сказания и др. Их объединяет и отличает от последующих памятников связь с идеалами родового, догосударственного периода, тема борьбы с враждебными силами природы. Второй стадийный ряд объединяет русские былины, киргизский «Манас», казахский «Алпамыш», калмыцкий «Джангар» и т.д. Это уже «историзованные» поэмы о богатырях — историко-героический эпос — несущие идеи самоутверждения народности, борьбы за независимость, против угнетения [Типология народного эпоса 1975, 4].

В третий стадийный ряд входит широкий круг явлений: от украинских дум до историко-героических песен народов Кавказа, от ранних русских исторических песен до песен разинского, пугачевского циклов и др. В эстетическом плане, как заключает В.М. Гацак, исторический эпос не только замыкает историю жанра, но и приносит новые принципы художественного познания истории, новые жанровые формы [Типология народного эпоса 1975, 4].

Подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что любовные пейиты из чувашского фольклора сегодня нельзя считать жанром, образованным в результате трансформации исторических песен. Они относятся к романическому эпосу, истоки которого восходят к эпохе создания поэмы Низами «Лейли и Меджнун» (XII в.). Фабула данного произведения была известна персидско-таджикским поэтам IX-X вв. У этого сюжета были фольклорные источники [Гулизаде 1984, 332].

У большинства народов эпос является поющимся жанром повествовательного характера. Из чувашского фольклора к нему следует отнести песни о падении Казани, монгольском иге, Степане Разине и Емельяне Пугачеве, а также песни с сюжетом на разные темы (в основном любовные). Но основной эпический материал у чувашей имеет прозаическую форму: предания об Улыпе, чувашских богатырях

Сари, Няга, Ахплате, Тугае, Чемее и др. Мы считаем, что такая внутренняя разобщенность эпического фольклора образовалась «в результате влияния на развитие эпических традиций каких-то внешних разрушающих факторов» [Родионов 1982, 101].

Следует помнить, что эпическую прозу составляют мифологические предания, сказания об Ульпе и других культовых героях, исторические предания (о борьбе богатырей с иноземными или социальными врагами) и топонимические предания (о возникновении того или иного топонима, гидронима).

Итак, эпическое творчество в форме песен у чувашей развито сравнительно меньше, чем, например, у среднеазиатских тюркских народов. Мифологические и героические мотивы в основном встречаются в прозаических текстах-легендах и преданиях. Исторические предания примерно охватывают XIII-XVI вв., т.е. периоды Золотой Орды и Казанского ханства. В основной массе исторических песен изображены события, происходившие в XVI-XVIII вв. В XIX в. эпическая поэзия резко сдвинулась в сторону лирики. Первоначально возникли песни о войнах 1812 и 1878 гг. В дальнейшем появились песни о похождениях солдат и солдаток и т.п. Мы называем эпическую и лиро-эпическую поэзию общим термином пейт, подразделяя ее на следующие жанры: исторические пейты, пейты о войнах, пейты о несчастных судьбах и любовных похождениях. Все эти жанры генетически связаны между собой и являются продуктом народного эпического творчества в разные исторические периоды [Родионов 1982, 103].

Литература:

Гулизаде М.Ю. Литература Азербайджана // История всемирной литературы. — М., 1984.

Ибраев Ш. Художественно-определяющая система героического и романического эпоса тюркоязычных народов // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. — М., 1980. — С. 208-227.

Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. — М., 1973. — С. 82.

Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня. — М.-Л., 1962.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. — М., 1976.

Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // Фольклор. Поэтическая система. — М., 1977.

Родионов В. Г. Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров: Сб. статей. — Чебоксары, 1982.

Тимофеев Г. Девять деревень. — Чебоксары, 2002.

Типология народного эпоса: сб. статей / ИМЛИ АН СССР. — М., 1975.

Илишева Р.Х., Стәрлетмак к.

БАШКОРТ ӘЗӘБИӘТЕНДӘ ГЕРОИК-ЭПИК ТРАДИЦИЯЛАР

Тыныслык һәм һуғыш теманы башкорт әзәбиәтендә иң зур, катмарлы философик йүнәлештәрҙең беренән тәшкит итә. Тыныслык һуғыш менән, һуғыш коралы ярзамында яулана — был, моғайын, быуат һузымында иң киң таралған, массаларҙы яулап алған фекергә әйләнде. М. Кәримдән түрҙә кынында «тыныс торған» дәйшәтлә кылтыс образы XX быуат башкорт әзәбиәтендә ошо теманы дөйөмләштереүсе символ образға тин. СССР һәм фашистик Германияның бәрелешенән башланған, артабан «һалкын һуғыш» иләгендә иләнеп, үткерләнгән, окоптың ике яғындағы ябай кеше фажигәләренән алып донъяға ике

төрлө караш кеүек планетар масштабтагы конфликтка тиклем үстөрөлгөн тэрэн каршылыктар хәрби прозанын ярты быуаттан ашыу тарихын барлыкка килтерәләр. Был тарих эсендә документаль, реаль фактларга нигезләнгән художестволы дөрөслөк тә бар, психологик тасуирлаулар за мул, Енеү яулаган совет кешенә ода-мәзхиә менән бер рәттән, тэрэн күнел яраларынан, фажиғәләрзән ныктау за, фронт хәлдәрән халыксан геройзың ярым юмористик планда һүрәтләүә лә урын ала. һуғыш башланғас та язылған тәүге шиғырларзың (М. Кәрим «Мин фронтка китәм, иптәштәр!»), тәүге поэманың (Р. Нигмәти «Үлтер, улым, фашисты!») фольклор образдарына, кобайыр стилинә таяныуы юкка ғына түгел. Ватан, ер өсөн, азатлык өсөн кан койошто художестволы һынландырыузың бүтән нығынған өлгөләрә юк та ине, ахыры. Эзәбиәттән яңы тарихи-героик биттәрә һыналған поэтик формаларға таянып үсеп китте.

Яңы һуғышты биреүзә жанр, стиль поэтикаһында, образды һүрәтләү өлкәһендә бик тиз һәм зур үзгәрештәр булуы күзгә ташлана. Дошман менән алыш, енеү, яу героикаһын һүрәтләүзә эпик традициялар һакланмай калмай, әлбиттә. Беззәнсә, героик тарихыбыззы үз эсенә алған төп эпик мотив – «Һис бирмәгән башкорт Уралын» тигән юлдарға һыйып бөтә ала. Был – илбасар дошман менән килешә алмаусанлык, компромисһыз яуға әзер булуы, милли тойғо, ил тойғоһон алдын куйыу. Ошо идея башорт яу героикаһының бөйөклөгөн тәмин итә, эзәбиәттән эпик һызаттарын формалаштыра. Ул Бөйөк Ватан һуғышын һүрәтләүсә эзәби әсәрзәрзә үз урын алды. Без һуғыш прозаһында кыска күләмлә жанр, документаль стиль күренештәрә һакында һөйләргә күнеккәнбәз. Уларзың барыһында ла (мәсәлә, К. Мәргән, Б. Бикбай очерктары) яугир һалдат образы бар. Был инде «Тыуасақ таң, тыуасақ яз өсөн» кылыс тотоп, ук-һазак алып акбузза елгән йәки аһкалдар нөктәһенән тороп «Уралдағы ағас һанынсә «фашисты юк итергә наказ биргән герой түгел. Был – башкаса архитектоника закондары нигезендә тыуған герой. Берзән, ул ябай һалдат, бәләкәй кеше. Уның шәһси, йөшәү менән үлем араһындағы уй-һистәрән түкмәй-сәсмәй еткерәү, окоп дөрөслөгө, яу уйында йөрөгән кешенән үзә күзлегенән һуғыш фажиғәләрән байкау – һүрәтләүзә яңылык ине, әлбиттә.

Һуғыштан һуңғы эзәбиәттә байтак проза әсәрзәрә был яңы тенденцияларзың дауамы булып, уларзы ишәйтәп килдә. Д. Исламов, Ә. Бикчәнтәев, М. Кәрим, И. Абдуллин, Я. Хамматов, Ә. Хәкимов һ.б. проза әсәрзәрә батырлыкка һәйкәл, тереләрзән рәһмәт һүзә булуы менән бер рәттән, һуғыш темаһын заманса ерлектә үстәрәү максатына хезмәт иттә.

Башкорт прозаһында Бөйөк Ватан һуғышы темаһына арналған әсәрзәрзә икә төп төркөмгә бүләргә була: кырыс реаллек, документаль дөрөслөккә дәғүә итеүселәр (Д. Исламов «Мәскәү юлы», Я. Хамматов «Тыуған көн», Т. Финиәтуллин һ.б.); философик дөйөмлөштәрәүгә ынтылған, ривәйәткә (притча) тартым әсәрзәр (М. Кәрим «Ярлыкәу»).

Ошо һәм бүтән үзәнсәлектәрзә барлыкка килтерәүсә ерлектә карап китәйек.

Д. Исламовтың романдары (язылып бөтмәгән «Көнъяк қояшы» романын да иҗәпләгәндә) масштаблы һуғыш күренештәрән бирергә

ынтылыш менән айырылып тора. Уның һымак тәжрибә хатта башка күзәтләнә лә шикелле. Өстәүенә, язуысы тәрән һәм күп яклы язмьштарзы һүрәтләй: Шамун карт, Миләүшә, Шатморат, Ильяс, Богданов. Нуғыштын түгә көндәре, сәйәси мәсәләләргә бәйлә сәбәптәр аркаһында күпләп кырылыу, сигенәү – һәммәһә лә бәзгк буяузар менән бирелгән. Героик йөкмәткә бәләкәй кешенә сабыр-талымһыз рәүештә яу юлдарын үтеүендә асыла. Бында һүрәтләүзәрзә эре пландар өстөнлөк итә. Деталдәрзән идеологик мотивтарға төрөләүе – айырым мәсәлә. Ошоно ук Я. Хамматов, Ә. Хәкимов прозаһына карата әйтәргә була.

М. Кәримдәң «Ярлыкау» повесы метафораларзан гибәрәт, реалы йөкмәткәһә менән хәтерзә кала. Дөйөмләштәрәүгә ынтылыш көслә. Башкорт эпик традицияларын, бигерәк тә нуғыш темаһына бәйлә, тәрән үзенслеклә әсәр буларак баһаланырға хаклы. Геройзың әлә батырлык күрһәтеп өлгөрмәүе, яу яланы бөтөнләй тиерлек темаһынын булмауы менән генә лә уны традицион героик образдарзан айыра. Бында нуғыш һәм кешелек язмьшы хакында уйланыр өсөн кин арауык тыузырыла. Традицион кабул ителгән дошманды, үлемдә Енеү, фажигәләр аша булла ла тантана пафосы урынына – был тантананың Ерзә мәнге булмаясағы хакында әсенәүлә һүз, кешелек донъяһындағы дисгармонияның котолғоһозлоғон таныу ул был повесть. М. Кәрим нуғыш темаһын барлаусы әсәрзәр горизонтын байтакка кинәйтте, уның идеологик кысаларзан азат итеп, дөйөм кешелек кимәленә сығарзы.

Героик эпик традициялар герой, жанр, стиль өлкәләрендә заман йоғонтоһон кисерәүе Т. Гиниәтуллин прозаһында бигерәк тә асык күзгә ташлана. Бер һүз менән әйткәндә, язуысының шөхәс сиктәрән кинәйтәүе, нуғыштын айырым кешенә рухи донъяһына йоғонтоһон ентөклә өйрәнәүен күрәргә була.

Исабекова У. К., Алматы к.

ОРТА ҒАСЫР ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІН КЕШЕНДІ ЗЕРТТЕУДІҢ ҒЫЛЫМИ-ТЕОРИЯЛЫҚ НЕГІЗІ

Уақыттың ұлы көшіндегі түркі халықтары осындай тарихи кезендерден бүгінгі ұрпаққа мол мәлімет берерліктей жазба ескерткіштер қалдырды. Түркі халықтары тілінің энциклопедиясы атанған Махмұд Қашқаридың «Диван лұғат ат-түрк» сөздігінен бастап, И. Баласағұнидың «Құдатғу білігі»; А. Үгінекидің «Ақиқат сыйы»; А. Йассауидің «Диуани хикметі»; С. Бақырғанидің «Бақырғани кітабы» ескерткіштері орта ғасырдың алғашқы кезендеріндегі жәдігерлер болса, С. Сараидың «Гүлстан бит-турки»; Хорезмидің «Мұхаббат наме»; Рабғузидің «Қисса сул-әнбия»; Құтыбтың «Хұсрау – Шырын»; Дүрбектің «Жүсіп-Зылиха»; Оғыз нама» жазба ескерткіштері Алтын орда дәуірінің шарықтаған мәдениетінің бір белгісіндей болып бүгінге жетіп отыр. Мұнымен XV ғасырда жазылған «Бабырнама», «Жамиғ-ат тауарих», «Шейбенинама», «Шежіре түрік», «Шежіре түркімен» деп аталатын өмірбаяндық шежірелер мен аударма сөздіктер, грамматикалық еңбектер де баршылық.

Орта ғасыр жазба ескерткіштері – қазір өмір сүріп отырған түркі халықтарына ортақ мұра. Мұны барлық түркітанушы ғалымдар

мойындайды. Дегенмен әр шығарманың жазылған аймағына байланысты белгілі бір тайпа одақтарының қатысу дәрежесі әр түрлі болғаны шындық. Осы тарихи шындықты ашуда В.В. Радлов, В.А. Богородицкий, Г.И. Рамстедт, Э.Н. Наджип, А.Н. Кононов, А.Н. Баскаков, Э.В. Севортян, А.М. Шербак және т.б. ғалымдар барлық саналы ғұмырын арнады. Бұл ғылыми ізденістер бүгінгі түркітанушылар тарапынан жалғасын тауып келеді.

Ескерткіштердің тілі туралы жазылған зерттеулер, негізінен, тарихи грамматикалық категорияларды анықтауға, олардың формаларын, мән-мағыналарын сипаттауға, даму ерекшелігін анықтау бағытында жүргізілген. Түркологияның жаңа кезеңі түркітанушы ғалымдарға жаңа міндеттер қойып отыр. Ескерткіштер тіліне кешенді түрде іргелі зерттеу жүргізу арқылы ғана орта ғасырлық шындықты анықтай аламыз.

Ескерткіштер тіліне кешенді зерттеу төмендегідей сатыларды қамтиды:

- Ескерткіштің әр ғасырда, әр территорияда жазылған нұсқаларын алдырып, олардың бір-бірінен тарихи байланысын және айырмашылығын анықтау; ескерткіш мәтініне текстологиялық талдау жасау.

- Ескерткіш мәтініне статистикалық талдау жасау. Әрбір тарихи мұраны жеке-жеке қарастырып, ескерткішке қатысты барлық түркі тілдерін, оның диалекті, говорларымен тілдің барлық салалары бойынша толық салыстырылып, ұқсастықтары мен айырмашылықтары ашылуы қажет. Зерттеудің бұл кезеңі өте жауапты болғандықтан, көрнекті түрколог Э.Н. Наджип айтқандай, әр ұлттың өкілдерінің түркітанушы зерттеушілермен қоянқолтық араласа отырып зерттеу жұмысын жүргізу керек. Бірлесе жүргізілген жұмыс барысында қазіргі барлық түркі тілдері, олардың диалектілері мен говорларын белгілі бір ескерткіштің тілімен белгілі бір параметрлер бойынша салыстырылады.

- Ескерткіштер тілі мен қазіргі түркі тілдерін салыстыра зерттеудің тарихи-лингвистикалық әдістерін анықтау. Ескерткіштер тілін лингвистикалық тұрғыдан жүйелеу; түркі тілдерінің өзгеру, даму қалыптасу барысында елеулі рөл атқарған заңдылықтарды айқындау.

- Ескерткіштер тілін жүйесі бөлек тілдермен типологиялық жағынан салыстыру.

- Түркітану тарихындағы ескерткіштерге қатысты тұжырымдардың шынайылығына көз жеткізу; ірі түркологтардың концепцияларын осы кезге дейін қол жеткізген нәтижелерді пайдалана отырып одан әрі дамыту.

Ескерткіштер тілін кешенді зерттеуде дәстүрлі тәсілдермен бірге жаңаша жетілдірілген әдістерді қолдану керек, мүмкіндігінше тың әдістер мен тәсілдерді пайдаланып көру керек. Текстологиялық талдаудың негізінде автор сөзі мен көшірмешінің сөзінің ажыратылуына ерекше мән беріп, көшірмешілер енгізген түзетулердің көлемін, сипатын анық-тау керек. Бұл ескерткіштің диалектілік негізін ашуға көмек-теседі. Ал ескерткіштер тіліне лингвистикалық тұрғыдан зерттеу кезінде байырғы түбірлерге, олардың фонологиялық, семантикалық, морфологиялық даму ерекшеліктеріне жіті көңіл бөлінеді. Түркі тілдерінің негізгі дінгегі түбірлер бол-ғандықтан, ескерткіштер тіліндегі түбірлерден өрбіген түбір-лес сөздерге, сонымен қатар көп мағыналы сөздерді, омо-нимдерді жинақтау керек. Осының негізінде жекелеген ежелгі түбірлердің формасы және мазмұны

жағынан қалай дамығандығын айқындау; бір түбірден тараған сөздердің дамуына тілдің қандай-қандай заңдылықтары қатысқан-дығын анықталып, қазіргі түркі тілдеріндегі тілдік бірліктерге этимологиялық болжамдар ұсынылады.

Зерттеуден күтілетін нәтиже:

— Орта ғасыр ескерткіштер тіліндегі тілдік фактілер толық есепке алынып, олардың барлығы ғылыми айналымға қосылады.

— Белгілі бір ескерткішті зерттеудің теориялық негіздері мен принциптері айқындалады; түркология мәселесімен шұғылданып жүрген жақын, алыс шетелдердегі, сондай-ақ еліміздегі ірі ғалымдардың еңбектеріндегі ғылыми теориялық концепциялар одан әрі дамытылады.

— Белгілі бір ескерткіштің тарихи сөздігін түзудің ғылыми теориялық негіздері анықталады.

— Ескерткіш тілі мен қазіргі түркі тілдерін салыстыра зерттеудің тарихи-лингвистикалық әдістері нақтыланады.

— Ғылыми теориялық зерттеу жұмыстарын одан әрі жалғастыру үшін аталған ескерткіштің түсіндірмелі сөздігі, алфавитті, кері алфавитті сөздіктері түзіледі.

— Ескерткіштің транскрипциясы, сөзбе-сөз аудармасы, мағыналық (лингвистикалық) аудармасы жасалады; бұлардың семантикалық дамуды анықтау үшін ғылыми маңызы зор.

— Ескерткіш тілі лингвистикалық тұрғыдан жүйеленеді; түбірлердің тарихи даму эволюциясы көрсетіледі; көне заманға және жаңа заманға ортақ лексемалардың фонетикалық айырмашылықтары ашылады. Ескерткіш тілі мен қазіргі қыпшақ тілдерінің түбірлер жүйесіндегі дыбыс сәйкестіктерінің толық құрамы ажыратылады; олардың фонологиялық дамуы синхрониялық және диахрониялық тұрғыдан сипатталады.

— Ескерткіш мәтініне статистикалық талдау жасаудың негізінде белгілі бір ескерткішке қай диалектіліктің басым екені дәл анықталады, бүкіл түркі тіліне ортақ сөздердің оғыз-қыпшақ немесе қарлұқ-ұйғыр және т.б. тілдермен арақатысы айқындалады.

— Ескерткіш мәтініне текстологиялық талдау жасаудың негізінде автор сөзі мен көшірмешілер сөзі ажыратылады, көшірмешілер енгізген сөздердің көлемі, сипаты анықталады, соның негізінде ескерткіштің диалектілік негізі айқындалады. Ескерткіш тіліндегі тілдік бірліктер қазіргі тілдік бірліктермен салыстырудың нәтижесінде олардың фонетикалық, морфологиялық, семантикалық айырмашылықтары ашылады.

Орта ғасыр жазба ескерткіштерін кешенді зерттеудің нәтижесінде орта түркі тілінің барлық құпиялары ашылып, осы кезге дейін назардан тыс қалып келген тілдік ерекшеліктер толық ашылады. Орта ғасырлық жазба ескерткіштер шын мәнінде ғылыми айналымға қосылуын қамтамасыз ету. Ескерткіштер шын мәнінде халық қажетіне асады. Бұл кешенді зерттеу басқа да тарихи жазба ескерткіштерді зерттеулерде ғылыми-методологиялық негіз болып қаланады. Басқаша айтқанда, ғылыми-теориялық, методологиялық үлгі ретінде ұсынылады.

Резюме

В статье рассматривается актуальность комплексного исследования средневековых письменных памятников. Автор выявляет, что этот вид исследования включает несколько этапов. Главной целью работы являются

разносторонний анализ средневековых письменных памятников и последующее включение их в научный оборот. Полученные выводы можно использовать в качестве научно-теоретической, методологической модели для изучения других исторических письменных памятников.

Искакова Л.Н., Өфө к.

КОРКОТ ИСЕМЕНЕН ЭТИМОЛОГИЯҢЫ

Коркот ата исеме менән бәйле легендалар һәм ул сығарған тип һаналған әсәрҙәр телдән VII-IX быуаттарға тарала башлай. Был эпик текстар, В.м.Жирмунский фаразы буйынса, XIV быуаттың икенсе яртыһында Өзәрбайжан ерендә язмаға төркөлә. Өммә әсәрҙән язмаға алданыраҡ төшөрөлгән булыуы ла ихтимал, мәслән “Рәсүл Таги әл әс-Сәләм “Коркот”то күсереп языусыларҙың уның менән кәнәшләшеүе тураһында әйтә – был VII быуатта була” [Зиннәтуллин 2000, 37]. «Коркот ата китабы» – уғыз халкының легендар үткәне тураһында поэтик формала һөйләүсе эпос. Был хикәйәттәрҙән бөтөнөн бәйләүсе образ – Коркот ата. Ул – киләсәктә әйтеүсе, йырҙар йырлаусы ак һаҡаллы карт. “Коркот ата китабы” әсәрҙәндә қатнашыусы ла, шул ук вақытта уларҙы сығарыусы буларак та сығыш яһай. Ул һәр сюжет аҙағында батырҙарға дан йырлай, ханды мактай: “Коркот ата килде, йыр сығарҙы, һүз әйтте (Пришел дед мой Коркут, сложил песнь, сказал слово...)” кеүек рефрен 12 бүлек аҙағында ла қабатлана. Текстарҙы қағызға төшөрөүсә кеше уларҙы сығарыусы Коркот икәнлеген һыҙыҡ өстөнә ала. “Коркот ата китабы”ның инешендә әсәрҙәрҙе бер циклға берләштерөсә был легендар шәхес тураһында үзенә билдәле мәғлүмәттәрҙе индәргән: “Пәйғәмбәр тыуған осорҙа Баят ырыуында Коркот-Ата исемле кеше була. Уғыздар араһынан ул беренсе кеше була, ул бөтә нәмәнә белә, ул нимә генә әйтмәһен, тормошқа аша. Коркот-Ата уғыздарға ауыр мәлдәрендә кәнәштәр бирә. Ниндәй генә эш қилеп сығмаһын, Коркот-Ата менән кәнәшләшмәһенсә, эшләмәһендәр”. Күрөсөбөзсә, автор Коркоттоң тыууын Мөхәмәт пәйғәмбәр заманына қайтарып қалдыра һәм уны бер нисә йөз йыл ғүмер иткән, ти. Был мәғлүмәт XVIII быуатта Адам Олеарий язып алған легенда менән тап қилә: “Коркот тураһында ул Мөхәмәт пәйғәмбәрҙән дуһы булған, уның эргәһендә йөрөгән, унан күп нәмәгә өйрәнгән һәм пәйғәмбәрҙән үлеменән һуң 300 йыл йәшәгән тип һөйләйҙәр” [Книга 1962, 170]. Коркот исеме төрки халықтарының ауыз-тел ижадында киң таралған. Уның тураһында бик күп легендалар билдәле. Қазактарға, қарағалпақтарға, төркмәндәрҙә ул думбыра, қумыз уйлап сығарыусы, йырҙар йырлаусы ақһаҡал булып һаналһа, башқорт халқында Коркот яқлаусы, қурсалаусы башлыҡ буларак сығыш яһай.

Коркот исемеһендә этимологияһын күп ғалимдар “қурк” қылымынан алынған тип баралар (И. Аничков, Г. Потанин, И. Джембысбаев, И. Чеканинский). Йәғни Коркот үзенә әжәлдә, сирҙәрҙе қурқытуу, қурқытып қыуыу мәғәнәһен һалған булып сыға. Академик А. Жубанов Коркот исемеһен аңлатқанда қазак легендаһына таяна: “Коркот тыуғанда кешеләр бала түгел, ә ниндәйҙәр бер қурқыныс әйбер күрәләр. Әсә кеше бала ятқан төргәктә тағата һәм имезә башлай, шул сак бала илап ебәрә һәм әсә анына қурқып қасқан кешеләр инәләр һәм балаға Коркот исемеһен қушырға тәқдим итәләр. Был исем

куркыныс, котто осороусы тигән мәғәнәлә бирелә” [Книга 1962, 164]. А.Боровков был исемдең яны аңлатмаһын бирә. Көрһән тәфсирзәрән өйрәнәп, ул унда “курк” һүзәнән барлыкка килгән исемдәрзән күсмә мәғәнәлә булыуын асықлай: курк, куркыт – курккандар – “динселдәр” (алланан куркыусылар). Куркыткан, куркытыусы һүзән гәрәпсәгә *nazir* тип тәржемә итәләр, йәғни вәғәзсә, алла илсәһе. Был осрақта индә Коркот исемәнәң дә шул мәғәнәгә эйә булыу мөмкинлегә асықлана [Книга 1962, 164]. А. Коныратбаев Коркот (казакса Коркыт) исемән “бәхәтлә кешә, бәхәт килтерәүсә кешә” тип аңлатһа, С. Каскабаев “ғүмәр бөтәп, кешә үлгән” тигән аңлатма бирә [Габджелилов 2005]. Коркот исемәнәң тамыры ырыс, бәхәт мәғәнәнәнәңдә кот һүзәнән киләүсә лә ихтимал, йәғни исемдән мәғәнәнән былай тип аңлатырға була: курсалау, яклау мәғәнәнәнәңдә кор – кур + кот (бәхәт, ырыс). Коркот исемәнәң кот койғанда әйтәлә торған им-том һүзәрәңдә телгә алынуы быға дәлил булып тора.

Әй, һин, котом, кил, котом,
Сақырғанда кил, котом.
Қақта төштә башыма,
Әйәһән табып бир, котом.
Котом әмерә буйынса,
Коркот әмерә буйынса.
Коркот атай, котоң бир,
Түлкә атай, котон бир.
Котом кайза – мин шунда,
Котом кайза – мин шунда.

[Башкорт халык ижады 1995, 62]

Тағы ла бер аңлатма бирергә була. Башкорттарза *кор* һүзә кулланыла, ул *халык* тигән мәғәнәнә бирә: корбашы – путеводитель тигән һүз яһала. Ошонан сығып, Коркот – ул кор, йәғни *халык кото* тигәнәңдә аңлата тиергә мөмкин.

Көнбайыш башкорттарының йылан ырыуы шәжәрәһәнәңдә ырыу башы итеп Коркот ата күрһәтелгән [Хәсәйәнов 1978, 63]. Тағы ла башкорттарзың әлекә Бөгәлмә өйзәнәңдә йәшәгән кыргыз ырыулары шулай ук үз шәжәрәләһәнәңдә ырыу башлыктары итеп Коркот атаны атайзар [Кузеев 1974, 254]. Ошонан сығып, Коркот – кор кото, тигән этимологияның да йәшәүгә хаклы булыуына инанабыз.

Әлбиттә, Коркот исемәнәң киләп сығышы, уның ниндәй мәғәнә аңлатыуы бәхәслә мәсьәлә, әммә уның кот, уныш, бәхәт һүзә менән бәйлә булыуы бер кем дә лә шик тыузырмай.

Әзәбиәт:

Башкорт халык ижады: Йола фольклоры / Тәзәүсәләрә Ә.Сәләймәнов, Р.Солтангәрәева. – Өфө, 1995.

Башкорт халык ижады. Ригүйәттәр, легендалар / Тәзәүсә, инеш мәкәлә языуы, аңлатмалар бирәүсә Ф.А.Нәзәршина. – Өфө, 1980.

Габджелилов Х. Коркыт-ата – человек, приносящий счастье. [электрон ресурс] <http://old.express.kz/2005/06/03/1...&img=no&area=1>

Зиннәтуллин З. Дәлә Коркут – реаль шәхәс, тәһрәсәләк идеологы һәм мәғрифәтсә // Шоңқар. – 2000. – № 8.

Книга моего деда Коркута: огузский героический эпос // Перевод акад. В.В.Бартольда. – М.-Л., 1962.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М., 1974.

Хәсәйәнов Ф.Б. Заман. Әзәбиәт. Әзип. Башкорт әзәбиәтә тарихә, теорияһы һәм тәһкит мәсьәләләрә. – Өфө, 1978.

СТРОФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ АРУЗА В ТЮРКСКО-БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Как известно, тюркско-башкирская поэзия к началу XX века продолжала использовать преимущественно арабо-персидские формы стихосложения аруза. Строфические произведения обычно назывались «мусаммат». Персидский поэт и теоретик просодии Рашид ад-Дин Ватват (XII в.) дает следующее определение этого термина: «Мусаммат – этот прием заключается в том, что поэт делит бейт на части и на концах трех ставит садж', а в четвертой приводит рифму. Этот [прием] именуют также ши'р-и мусаджджа. [Ватват 1985, 146-147]. В тюркских произведениях прием мусаммат (введение внутренней рифмы) был использован еще XI веке Ю. Баласагунским в произведении «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», 1069-1070).

В башкирской поэзии конца XIX — начала XX веков прием мусаммат часто использовал М. Уметбаев:

Безе йомран иле дирләр

Безүм дә бар гүзал ерләр

О нас говорят, что мы юмранцы,

И у нас есть красивые земли,

Ак иделнең буйы дирләр

колак тот дыңда безләрден...

Что мы живем вдоль реки Агидель,

Прислушайся, послушай нас...

(М. Уметбаев. Слово юмранцев. 1897).

В строфе мусаммат бейт, разделенный на четыре части, напоминает тюркское четверостишие, с характерным для тюркского фольклора ритмом, рифмообразованием и традиционно нерифмуемой четвертой строкой.

В классической поэтике аруза иногда одни и те же термины понимались по-разному. К одному из таких относится поэтический прием «мурабба». В трактате Рашид ад-Дин Ватвада читаем: «По-персидски мурабба означает квадратный. Этот прием заключается в том, что четыре бейта или четыре полустишия сочиняют так, чтобы их можно было читать и справа налево, и сверху вниз [Ватват 1985, 146].

В другом значении термин мурабба (или мусаммати мурабба) употребляется для обозначения определенной строфической формы стиха, состоящей из четырехстрочных строф, в которой первые три строки каждой строки рифмуются между собой, рифма четвертой строки повторяется сквозь все строфы: а-а-а-б, в-в-в-б, д-д-д-б и т-д. такая форма мурабба называется «муздавидж» (спаренный, двоянный). Если четвертая строка повторяется как рефрен, «мурабба» называется «мутакарир» (повторенный).

К примеру:

Бер фәкирнең бер кишәк икмәккә мохтаж калъанын, а

Къши көнөндә калтырап, йәй көнләрендә янъанын, а

Кеүәтен сарыф кылып, үлмәс өсөн тырманъанын а

Курдисам мин кызынаң да, шунда күздән йәш тугам. б

Бедняка, нуждающегося в куске хлеба,

Зимой дрожащего, летом сгорающего,

Все силы отдающего, чтобы не умереть.

Увидев, я жалею, и из глаз моих текут слезы...

(М. Гафури. Текут слезы...1910).

Мухаммас – производный от газели жанр, т.е. строфа, состоящая из пяти полустиший. В строфе мухаммас первая строфа рифмуется сквозной рифмой, в остальных строфах первые четыре полустишия рифмуются между собой, в пятом полустишии рифма первой строфы повторяется как припев типа: а-а-а-а-а, б-б-б-б-а ... Строфа мухаммас может рифмоваться и по типу а-а-а-б-б... Мухаммасы могут создаваться двумя способами. В первом случае строфа мухаммас является самостоятельным произведением, строфы которого состоят из пяти строф. Второй способ называется **тахмис** – в этом случае пятистрочная строфа создается путем дополнения каждого бейта газели другого автора или же газелей, принадлежащих самому автору. К примеру, в журнале “Шура” встречаются тахмисы на произведение Дердменда “Прошедшие дни” (“Үткән көндәр”), которое было опубликовано в романе Р. Фахретдинова “Асма” (“Әсмә”, 1903):

<i>Белмәдек кәдерне ул дәүләткә бездә вар иде</i>	<i>а</i>
<i>Үтте, китте, сөймәдек дә сиңә бер тейәр иде</i>	<i>а</i>
<i>Инде сагынамыз да ул көнләрне моңлап әйтәмез:</i>	<i>б</i>
<i>Әй кая ул көн ки бездә шәп тороулар бар иде</i>	<i>а</i>
<i>Әммә дошманларда ғәмләр эч пошоулар бар иде...</i>	<i>а</i>

Не знали мы цену тому государству, которое было.

Прошло, ушло, и не любили - говорили тебе.

А сейчас скучаем по тем дням, и с тоской говорим:

Эх, где те дни, когда мы жили счастливо,

Однако у врагов были хлопоты и печали...

(М. Садик. Тахмис. 1916).

Способ построения строфы, именуемый **таштир** состоял в том, что между полустишиями бейта газели другого автора поэт вставлял два новых полустишия (рифма типа а-а-а-а, б-б-а-а, в-в-а-а):

<i>Әй кая ул көн ки бездә шәп тороулар бар иде</i>
<i>Бер вакытта ниндәй безнең куңелле чаклар бар иде</i>
<i>Шат идек без шундай шад ки хайран калырлык бар иде</i>
<i>Әммә дошманларда ғәмләр эч пошоулар бар иде...</i>

Эх, где те дни, когда мы жили счастливо,

В одно время какие радостные моменты были,

Счастливы мы были, до такой степени счастливы, что диву даешься,

Однако у врагов были хлопоты и печали...

(Таштир к стихотворениям из книги “Асма”).

Мусаддас – строфа, состоящая из шести полустиший. В журнале “Шура” встречаются мусаддасы, написанные в форме **тарджибанд**. В классическом определении строфой тарджибанд называют особую стихотворную форму, где после произвольного числа стихов газели с одной рифмой, повторяется припев, состоящий из двух рифмующих между собой полустиший. Тип рифмы: аа, ба, са...ff; gg, hg. ig...ff... [Бертельс 1926, 125-126]. Однако, тарджибанды создавались не только таким способом. Так произведение “Тарджибанд мусаддас” (1916) Дарданака, опубликованное в журнале “Шура” имеет построение строфы типа: а-а-а-а-б-б в-в-в-в-б-б г-г-г-г-б-б...

Строфа, состоящая из восьми полустиший, имеет название **мусамман**. К примеру, в журнале “Шура” встречается мусамман “Благодарность и просьба” (“Тәшәккәр вә рижә”, 1913) Сиддики.

Таковы были наиболее употребительные строфические формы аруза в тюркско-башкирской поэзии начала XX века.

Литература:

Ватват Р. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Пер. с перс., исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. М.: Наука, 1985.

Бертельс Е. Э. Грамматика персидского языка. – Л., 1926.

Истякова Р.А., г. Сибай

**ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
БАШКИРСКОЙ ДРАМЫ**

Анализируя исторические драмы 60–70-х годов прошлого века, литературовед М.Г. Хамидуллина разделяет их на 2 группы: в первой группе драм "борьба народа отражается в типичных событиях и типичных образах" [Хамидуллина 1990, 58]; в пьесах, относящихся ко второй группе, восстанавливаются реальные исторические события, воссоздается деятельность исторических личностей. Эта классификация и сегодня актуальна. К первой группе можно отнести пьесы, где поднимается тема Великой Отечественной войны и раскрываются типичные характеры этого времени (Н. Асанбаев. "Израненная судьба", "Миляш-Миляуша"; К. Акбашев. "Тополя моей молодости"; Ф. Буляков. "Шаймуратов-генерал" и др.). В них через драматические судьбы героев раскрываются социально-политические проблемы эпохи. В основе историзма этих драм лежит типизация картин реальной действительности периода Второй мировой войны с глубоким художественным осмыслением событий и характеров. Драматурги достигают определённого историко-философского обобщения. Например, идейное содержание пьесы с историко-психологическим содержанием "Шаймуратов-генерал" созвучно с мыслью Л.Н. Толстого о бессмысленности всякой войны, уничтожающей все прекрасное. Устами своего героя автор призывает башкир мерить свои исторические достижения не количеством жертв, павших в войнах, а духовным величием своих талантов и ученых людей.

Вторую группу составляют драмы с историческим содержанием, где центральное место занимают художественные образы реальных исторических лиц разных эпох: поэта-просветителя XIX века М. Акмуллы (Н. Гаитбаев. "Белые ночи Акмуллы"); народного поэта Башкортостана М. Гафури (К. Акбашев. "Первый гром"); первой башкирской писательницы-романистки Х. Давлетшиной (Г. Шафиков. "Хадия"); звезды мирового балета Р. Нуреева (А. Абдуллин. "Нездешний сад"); видного политического деятеля, ученого А. Валиди (Н. Асанбаев. "Валиди") и др. Образы знаменитых личностей представлены авторами в качестве нравственных идеалов: это люди с твердым характером, благородством и величием духа. Историческая тематика в вышеуказанных драмах тесно переплетается с темой свободы личности, на основе которой можно сформулировать историко-философскую концепцию: герои-борцы, стремящиеся к личной или демократической свободе, одиноки и обречены на гибель.

Наиболее выраженной чертой характеров в современных драмах является подверженность пессимизму, экзистенциалистское настроение. Это явление особенно свойственно пьесам, тематика которых

посвящена раскрытию нравственно-этических, социальных проблем современного бытия. Нереализованность человека в современном обществе, проблема одиночества героев, отсутствие веры в будущее, нравственные пороки современников и другие негативные стороны жизни находят свое отражение в пьесах Ф. Булякова "Отчего девочки плачут", "Таштугай"; Т. Гариповой "Песнь во сне"; Г. Ахметкужиной "Абыстай" и др. Глубокое идейное содержание основывается на острых социальных и нравственных конфликтах, противоречивых внутренних переживаниях образов. В этом можно увидеть осуществление наставлений К.С. Станиславского: "Для того, чтобы показать злодея, надо показать моменты, когда он добр. Когда хотят показать сильного, надо найти минуты, когда он слаб. Чем острее покажете эти оттеняющие моменты, тем ярче и вернее построится характер"[Блок 1969, 246]. Тематическая широта современных башкирских драм способствует типизации в них представителей всех социальных слоев современного общества. Уже в перестроечные годы острые общественные и нравственные проблемы начали раскрываться в реалистических картинах, где правдиво отражались коллизии между властью и народом (Ф. Богданов. "Неволя на свободе"; Ф. Буляков. "Взлети, мой Тулпар!"), между властью и индивидом (Н. Асанбаев. "Влюбленная девушка"), проблемы верности духовным традициям народа (Ф. Богданов. "Измена предкам").

Актуализируются темы, которые раскрывают социальные проблемы, расшатывающие моральные устои современного общества. Объектом художественного осмысления становится современная семья с ее наболевшими проблемами: безработицей, конфликтом между отцами и детьми, алкоголизмом, наркоманией и др. (Н. Асанбаев. "Прерванная надежда"; Ф. Буляков. "Таштугай"; Т. Гарипова. "Не улетайте, журавли!", "Песнь во сне" и др.). Выход из тупика драматургии видят в укреплении нравственных устоев, возвращении в веру, оздоровлении морально-этического климата общества. Идейное направление содержания сводится к одному – перестройка в общественной жизни должна начаться с каждого личного "я".

Особое место занимают драмы с психологически-утверждающим реализмом, где раскрываются нравственно-психологические основы человеческого общества (Н. Асанбаев. "Приговор чести"; Ф. Буляков. "Шаймуратов-генерал"; Г. Ахметкужина. "Абыстай"; Н. Гаитбаев. "Не плачь, красавица!", "Пути прерываются у обрыва" и др.). Реалистические картины любви, семейных отношений находят свое философское осмысление в драмах Ф. Булякова "Заноза", "Цветок герани". Также глубоко реалистичны пьесы с исторической тематикой: пьеса-роман "Валиди", драма "Израженная судьба" Н. Асанбаева и др.

Перестроечная и постперестроечная действительность дала некоторую свободу для творческих идей. Башкирская драма, реагируя на социально-политические изменения в стране, продолжает традиции критического реализма. В них подвергаются критике тормозящие прогресс общественные явления: произвол власти, духовные пороки соотечественников. Выраженный обличительный характер имеет драма А. Абдуллина "Тринадцатый председатель", критический настрой которой был подхвачен Ф. Богдановым в пьесах "Неволя на свободе",

"Измена предкам", Г. Шафиковым в драматической повести "Хадия", Ф. Буляковым в драме "Взлети, мой Тулпар!", Н. Асанбаевым в пьесе "Миляш-Миляуша", К. Акбашевым в драме "Жизнь – колесо" и др. В этих пьесах нашли художественное отражение глубоко драматичные картины из жизни советских людей, преданных своей стране, народу, любимому делу, но ставших жертвами деспотизма, непродуманных советских законов, тщеславия власти.

Идейно-тематические особенности драм и действующие характеры в пьесах являются важными стилиобразующими факторами, позволяющими определить актуальность произведений.

Литература:

Блок В.Б. Система Станиславского и проблемы теории драмы. – М., 1969.

Хамидуллина М.Г. Художественные поиски и тенденции развития в современной башкирской драматургии // Веление времени. Ответ писателя (Художественные поиски в современной башкирской литературе). – Уфа, 1990.

Исхакова Г.Г., Офюк.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЗАГОВОР В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Слово "заговор" на башкирский язык переводится как *арбау*, *им-том*, *әйтмләу*, *әпсенләу*, *һамаклау* (заговор, заклинание).

В толковом словаре башкирского языка заговор (*арбау*) означает "подчинить себе с помощью воздействия магической силы или магического слова" (Хәзерге башкорт әзәби теленәң анлатмалы һүзлеге 2004, 29) Башкирский фольклорист С. А. Галин пишет, что заговор – это стихотворное произведение, рожденное на основе древних верований, или исцеление, которое должно быть основано на магической силе [Галин 1999, 11].

В отличие от других исследователей, Р. А. Султангареева рассматривает понятие заговора (*арбау*) в широком и узком смысле. Она отмечает, что в широком смысле заговор – это прием подчинения себе объекта при помощи психологического влияния на него; в узком же смысле – обращение, сопровождающееся единством специального слова, действия, мелодии, убеждения (веры) и относящееся к любой живой вещи, произнесенное с целью оказать сильное влияние на нее [Султангареева 1999, 48].

В двуязычных словарях, например, в «Русско-башкирском словаре», вышедшем в 1964 г. под редакцией К. З. Ахмерова, заговор передается словами *әшкәрәү*, *им-том*, *ырым* [Русско-башкирский словарь 1964]. Отсюда и термины, обозначающие «заговаривающего» человека, – «*им-томсо*, *имсе әбей*». А под термином *им-том* скрывается разновидность заговора, связанного с народной медициной или название лечебных средств, сформированных народом на протяжении столетий [Галин 1999, 55].

В «Башкирско-русском словаре», вышедшем в 1996 г. под редакцией З. Г. Ураксина, *им-том* переводится как заговор, заклинание, *арбау* – заколдовывать, заговаривать; заклинать (заговор, заклинание); *әйтмләу* – говорить прибаутки; произносить наговоры; *әпсенләу* – колдовать, говорить волшебные слова; *һамаклау* – говорить прибаутками [БРС 1996].

Исходя из перевода, видим, что основное значение заговора передают такие народные термины, как *им-том* и *арбау*.

В обрядовом фольклоре “Башкирского народного творчества” (1995) под заголовком “Им-томдар” рассматриваются такие виды заговоров, как *арна имләү* “заговор ячменя”, *бүсер имләү* “заговор грыжи” и др., т.е. лечение различных болезней, а под “Арбаузар” – *йылан арбау* “заговор, заклинание змей”, *теш кортон арбау* “заговор зубного червя”. Приведем в пример также “Книгу башкирских заговоров” («Башкорттарзын им-том китабы») Ф. Г. Хисамитдиновой, которая содержит различные группы лечебных заговоров. Автор рассматривает башкирские заговоры, разделив их на две большие группы: 1) заговоры, связанные с болезнями детей; 2) заговоры, связанные с болезнями взрослых.

Ф. Г. Хисамитдинова также отмечает, что способом *арбау* “заклинание” лечат “болезни, причиной которых, по представлениям башкир, было попадание демона Жала (*Ук* – досл. “стрела, жало”) в человека или животного”. [Хисамитдинова 2005, 272–273]. В частности, сглаз (*күз тейеү*), порчу словом (*тел-теш*, т.е. каргыш – проклятие или *ғәйбәт* - сплетня), укусе пчелы (*корт сағыу*) башкиры также лечат магическим способом *арбау* (заклинание), считая, что при сглазе человека или животного поражает *күз уғы* (жало глаза или взгляда), при порче словом – жало языка и зубов, укусе пчелы – жало пчелы и т.д. Из примеров следует, что *арбау* может переводиться на русский язык как заклинание при излечении от болезней, вызванных попаданием демона Жала в человека или животного.

Итак, под народным термином *им-том* скрывается общее наименование, в первую очередь, лечебных заговоров. С.А. Галин отмечает, что *арбау* является образцом фольклора, рожденным на основе лечения (*им-том*) [Галин 2004]. Мы не можем согласиться с его точкой зрения, поскольку, как мы уже отметили, *арбау* не относится только к лечению (об этом мы говорили выше).

Определимся в понятиях *им-том* и *арбау*. Термин *им-том* включает в себя более широкое собирательное значение, указывающее на процесс заговаривания, который характеризуется как вербальным, так и невербальным воздействием на объект с целью излечения или защиты от неприятностей. А понятие *арбау* является составной частью общего наименования *им-том*; *арбау* вбирает в себя только вербальное воздействие – текст.

Башкирское слово *арбау* происходит от древнетюркского *arva-* «произносить заклинания». Однако в башкирском языке это понятие расширилось и начало включать в себя также невербальное воздействие на объект. Слово *арбау* приобрело переносное значение в таких фразеологизмах и выражениях, как *караш менән арбау* – заколдовывать взглядом, *күңелде арбау* – приворожить, расположить к себе. В этом случае понятие *арбау* не включает языковое воздействие, а выражает психологическое влияние субъекта на объект или субъекта на субъект.

В башкирском языке со словом *арбау* функционируют фразеологизмы, пословицы, поговорки, присказки и приметы. Например, *тәмле тел йылан арбаған* (досл. сладкая речь змею заморозит); *арбауын белһән, кара йылан да карышмай* (досл. если знаешь заговор, то и гадюка покладаста); *эт арбау доһаны* (досл. заговор для заклинания собаки); *тузбаш йылан тешиһә, арбап була, әбилденәп тешиһә, яман була* (досл.

если уж ужалит — можно заговорить, если укусит кобра — нет); *йылан арбау* (досл. заклинание змеи); *эт арбау* (досл. заклинание собаки); *теш кортон арбау* (досл. заклинание зубного червя) и др.

Литература:

- Башкирско-русский словарь: 32000 слов / под ред. З.Г. Ураксина. — М., 1996.
Галин С.А. Башкорт халкының ауыз-тел ижады. — Өфө, 2004.
Галин С.А. Тел аскысы халыкта. Башкорт фольклорының аңлатмалы һүзлеге. Төзәтелгән һәм тулыландырылган 2-се басмаһы. — Өфө, 1999.
Русско-башкирский словарь / Под ред. К.З. Ахмерова и др. — М., 1964.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М., 1974.
Солтангәрәева Р.Ә. Арбаузар // Ватандаш. — 1999. — №8. — 48-63б.
Хисамитдинова Ф.Г. Змея в народной этиологии и лечебной магии башкир // Тюркология накануне XXI века: (достижения, состояние, перспективы): Труды Международного конгресса: В 2-х томах. Том 1. — Уфа, 2005. — С.271-275.
Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорттарзың им-том китабы: Дауалау һәм һаклау магияһы. — Өфө, 2006. — 180б.
Хәзерге башкорт әзәби теленең аңлатмалы һүзлеге / З.Ф. Ураксин һ.б. — Өфө, 2004.

Исәнғолова С.С., Өфө к.

БАШКОРТ ӘЗӘБИ ТӘНКИТЕНДӘ ИЖАДИ ПОРТРЕТ

Күп бәхәстәр уяткан тәнkit жанрзарының бүленеше башкорт әзәбиәт җилемәндә өйрәнелмәгән өлкәләрҙән берһе. Күрһәтеп үткән хәзмәттәргә, анализлау принцибына, үтәгән функцияһына таянып башкорт әзәби тәнkitендә ижади портреттың шундай төрҙәре бар тип расларға мөмкин: монография, тәнkit-биографик очерк, ижади портрет, юбилей мәкәләһе, некролог. Был жанрзары автор ижадын заман, әзәби процесс менән берлектә анализлау, уларға лайыклы баһа биреү кеүек уртаҡ сифаттар берләштерә.

Ижади портреттың иң күләмлә жанрзары — ул монография һәм тәнkit-биографик очерк. Был хәзмәттәрҙә ике төркөмгә бүлеп карарға мөмкин:

1. Куренеклә языусыларзың тулыһынса тормош юлын һәм ижадын яқтыртыуға королған монографиялар, тәнkit-биографик очерктар [Хәсәйенов 1963; Сафуанов 1960 һ.б.]. Авторзәр әзиптәрҙән тормош юлы һәм ижадын эволюцион үсештә, тарихи осор менән тығыз бәйләнештә тикшереп, әзипкә генә хас ижади үзенсәлектәрҙә, әзәбиәттең эстетик проблемаларын сағылдырырға ынтыла.

2. Билдәлә языусының ниндәйҙер бер өлкәләгә казаныштарын өйрәнгән монографиялар [Псәнчин 1977; Килмөхәмәтов 1979; Әхмәт-йәнов 1974 һ.б.]. Был юсыктағы тикшеренеүҙәр етмешенсә йылдарҙа донъя күрә. Башкортостандың халыҡ шағирзары М. Кәримдән теге йәки был өлкәләгә ижади казаныштарын, Н. Нәжми шифриәтен тикшергән хәзмәттәр яҙыла.

Әзиптәрҙән тормош һәм ижад юлы ижади портреттарҙа ла карала. Башкорт әзәби тәнkitендә кыркынсы йылдар аҙағында — илләнсе йылдар башында был жанр йыш кулланыла башлай. Ижади портреттар тәнkitселәр һәм языусылар тарафынан яҙыла. Әзиптәрҙән сығышы, ғәзәттә, хәтирәләргә, истәлектәргә нигезләнә. Языусылар кәләмдәш-төрөнөн ижадына филми анализ биреүҙә максат итеп куймай, ә уларзың образын, әзәби портретын һүрәтлөгә күп урын бирә [Кулибай 1963, 4].

Тәнkitселәр тарафынан язылған ижади портреттарҙа языусының әзәбиәттә тотқан урынын билдәләүгә, индивидуаль стилиән асыҡлауға

зур игтибар бүленә, ижады ентекле анализлана. Эзиптең шәхесенә, тормош юлындағы вакифаларға бәйләп уның ижадына ғына хас үзенсәлектәрзе асыклау һәм уларзы укыусыларға еткерәү максат итеп куйыла. Иң мөһиме: языусының ижади йөзә катмарлы ысынбарлыкта, өзлөкһөз үрештә бирелә. Бигерәк тә, языусының тормошто анлау кимәленә, ижадына йогонто яһаусы, уны формалаштырыузағы заман үзенсәлектәре билдәләнә. Башкорт әзәби тәнкитендә ижади портреттың матур өлгөләрен Ә. Вахитовтың “Таланттың асылы” (1972), “Ижади портреттар” (1976), Р. Байымовтың “Ижади бизәктәр” (1977), Ф. Хөсәйеновтың “Шағирзәр” (1981) китаптарында осратырга мөмкин.

Юбилей мәкәләләре – эзиптең ниндәйзәр бер датаны билдәләү унайы менән йә кәләмдәше, йә тәнкитсе тарафынан языла [Агиш 1964, 61]. Ижади портреттың был формаһында языусы ижадына карата укыусыларза ынғай фекер уятыу максат итеп куйыла. Шуға күрә йыш кына авторзың әзәби казаныштары кабартыбырак һүрәтләнә. Ф. Хөсәйенов был күренештә тәнкитләп, һәр юбиляр зур талант булла, башкорт әзәбиәте донья күләмендә танылған бөйөк әзәбиәт, языусылары тере классик булыр ине, тип билдәләй [Хөсәйенов 1982, 273].

Некролог әзәбиәт ғиләмендә ижади портреттың бер жанры буларак карала. Билдәле бер уныштарға өлгәшкән, партия сафында торған, биографияһында “кара” таптар булмаған языусының үлеме сәбәплә языла. Шуға күрә 1950–1985 йылдарзағы майбуғат басмаларында Башкортостандың халык шағиры Р. Ниғмәтигә арналған некрологтар күп басыла, ә үз заманында ижадына карата лайыклы баһа ала алмай, төрлө көмһетәүзәргә дусар ителгән Б. Бикбай, Ш. Насыров, Д. Исламов, Р. Ғарипов хақында мәкәләләр булмай тиерлек.

Некролог мәкәлә [Әмири 1959], шиғыр [Бикбов 1959], очерк [Алюк 1959] формаһында язылыуы мөмкин. Улар төрлө композицияға корола. Эзиптең үлеме сәбәплә язылған был сығыштарза уның тормош һәм ижад юлына байкау яһау, уға лайыклы баһа бирәү максат итеп куйыла, кәләмдәштәре, якташтары, укыусылар күнелендә тыуған уй-тойғолар образдар, сағыштырыузар ярзамында һүрәтләнә: “һүндә йондоз”, “һынды шиғри кәләм”, “өзөлдө саф кылы лираның” һ.б. Некролог языусының ижадын раслау менән тамамлана: “исеме мәңге һакланыр”, “уның ижады үлемһез”.

Шулай итеп, совет осоронда идеология канундарына буйһоноп йәшәгән һәм ижад иткән эзипте үзенең укыусыларына өлгө булырзай шәхес итеп һүрәтләү төп максаттарзың берһе була һәм бының өсөн тәнкитселәр ижади портретка мөрәжәғәт итә. XX быуаттың икенсе яртыһында ул форма йәһәтәнән төрлөләнә, языусыларзың ижадын дөйөмләштәреүзә, уны укыусылар араһында пропагандалауза әзәби тәнкитгә төп урынды биләй.

Әзәбиәт:

- Агиш С. Тынғыһыз языусы // Ағизел. 1964. № 10.
Алюк Т. Оло хезмәтән онотолмас, һөйөклө шағир // Совет Башкортостаны. 1959. 15 октябрь.
Бикбов Ф. Хуш бул, Рәшит! // Совет Башкортостаны. 1959. 15 октябрь.
Бочаров А.Г. Жанрлы литературно-художественной критики. Лекции. — М., 1982.
Колмаков Б.И. Жанр литературного портрета в газете «Волжский вестник» // Сборник, посвященный памяти профессора Валерия Николаевича Коновалова (1938–1998). Казань, 2003.
Килмөхәмәтов Т. М. Кәрим драматургияһы. — Өфө, 1979.
Кулибай С. Төрлө һуқмактар. Әзәби портрет, иҫтәлектәр, юл язмалары. — Өфө, 1963.

Перхин В.В. «Открывать красоты и недостатки...» Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. — СПб., 2001.

Псәнчин В. Мостай Кәрим — тел оҫтаһы. — Өфө, 1977.

Сафуанов С. Али Карнай. Тормош һәм ижад юлы. — Өфө, 1960.

Хөсәйенов Ф. Дауыт Юлтый. Тормошо һәм ижады. — Өфө, 1963.

Хөсәйенов Ф. Хәзерге башкорт әҙәбиәт ғилеме һәм әҙәби тәнкит // Заман һәм әҙәбиәт.

Әҙәби тәнкит мәҡәләләре. — Өфө, 1982.

Хөсәйенов Ф.Б. Әҙәбиәт ғилеме һүҙлеге. — Өфө, 2006.

Әмири Ф. Партия йырсыһы // Совет Башкортостаны. 1959. 15 октябрь.

Әхмәтйәнов К. Назар Нәжми — шиғыр оҫтаһы. — Өфө, 1974.

Исәнғолова Ә.Ф., Өфө к.

ЙОМАК ЛЕКСИКАҒЫНЫҢ ТЕМАТИК ТӨРКӨМДӘР

Күк-ер атамалары сағылған, үсемлектәр донъяһын сағылдырған йомактарҙың лексик үзенсәлектәрен тикшереп үзе тәбиғәт, йыһан ер-күк атамаларынан башлау кәрәктер. Бындай йомактар, асылда, сағыштырмаса боронғорак булып та торалар. Сөнки үзенең бөтә булмышы, йәшәйеше менән тәбиғәт балаһы булған кеше барынан элек, ай, йондоҙҙар, йәшен, көн, төн кеүек заманы сихри предмет һәм күренештәрҙең серенә, айышына төшөнөргә тырышкан булһа кәрәк. Боронғо кешеләрҙең бөтә тәбиғәтте йәнләндереп күз алдына килтереүҙәрен иҫәпкә алғанда, улар күнелендә тәү башлап ошондай, йәғни йәнләндерелгән, йомактарҙың тыуыуын фараз итергә кала. Кояшты, мәсәлән;

*Менгән һайын асылы бара,
Төшкән һайын йомола бара
Килә, килә, көлө килә,
Бар йылығын бирә килә.*

тип кеше кеүек йәнләндереп һүрәтләйҙәр. Йәнләндереп сыға, килә, менә, төшә, көлө кылымдары аша бирелә.

Өй башында һары май, тигән йомак иһә малсылыҡ менән шөгөлләнгән халыҡтарға хас тип иҫәпләргә була, ә индә

Өйөм башында оло икмәк тибындағы йомак игенселек менән булышкан кәбиләләргә барлыкка килгән.

Ике кош кыуыша, Беренә-бере етә алмай; Аһаһы энеһенә кунатка килә, ә энеһе ҡаса килә кеүек йомактарҙа иһә ай менән кояш йә кош итеп ҡабул ителәләр, йә кеше образдарында һүрәтләнәләр.

Алтын хужа яланға сықты, Көмөш хужа яландан ҡайтты тигән юлдар көмөш, алтын кеүек киммәтле таштар куллана башлағас барлыкка килгәндәрҙер тип фараз итергә була.

Ай, йондоҙҙар хаҡында ла иҫ китерлек поэтик йөкмәткеле йомактар күп, улар за кеше кеүек хистәргә бай: йылмаялар, күзҙәрен йылтыраталар. Мәсәлән: *Вак кыналар үззәре, йылтырайҙар күззәре; Төндә йылмая, көндөз юғала.*

Халықтың аң-белем кимәле кинәйә, кул эсендә көнкүреш, хужалыҡ, йыһаз әйберҙәр арта барған һайын йыһан күренештәренә образлы һүрәтләнеше лә бермә-бер байый. Шулар рәүешле йомактарҙа гәүһәр, ынйы, алтын, ураҡ, кейез, иләк кеүек сағыштырыу-метафоралар күпһөл оспрай башлай:

Гәүһәр һиптем - ергә төшмәй, Алам тинәм - буйым етмәй.

Тәбиғәт күренештәренән бигерек тә ҡар, ысыҡ, ҡырау, ел-дауыл, йәшен, йәйғор, болот хаҡында йомактар күп. Былар оспракта ла кеше

тәбиғәттә йәнлә итеп күз алдына килтерә: *Осон килә, йөзөп килә* (кар). *Ай бирзе, кояш алды* (ысык).

Үсемлектәр донъяһы хақында йомактарға килгәндә бер төркөм йомактар урман, ағасты, уның хәрәкәтен һүрәтләй, тулы бер күренештә күз алдына баҫтыра:

Көз етһә, йөнөн коя, Яз етһә, һыуза батмай.

Ағас төрҙөрөнән йомактарза кайын, карағай, ұсақ, ерек, имән, йүкә, саған, өйәңке тураһында йомактар күберәк таралған. Йомак теге йәки был ағастың иң характерлы сифатын, билдәһен асығлай алған. Кайындың ақлығы, карағайдың йәй зә, кыш та йәшеллеге күзгә ташлана, йүкә башка ағастарҙан үзенә кабығы, ә кабак һәр орақта ла кейем менән сағыштырыла, ерек кәрәк-яраҡка яраҡһыз булығы менән айырылып тора. Мәсәлә, *Тәртәғәлә ярамай, кәртәғәлә ярамай, Кыркып алып бирәләр, «ярамай» ға карамай* (ерек).

Үсемлектәр донъяһынан камыш, комалак, күрән, һарына, курай, йыуа, томбойок, кылған, хатта кесерткән, билсән, дегәнәк тураһындағы йомактарҙы килтерергә була:

Эсә-эсә һыузан туймай, үзе бер зә һыузан сығмай (камыш).

Һаз төбөндә һары алтын (һарына).

Кырза ұсқан бер бала өйгә килеп моң һала (курай).

Аяҡ аҫты кылыбылан (кылған).

Күмер түгел, ут түгел, тотһаң — күлды бешерә (кесерткән).

Янына барһаң — йәбешә (дегәнәк).

Үсемлектәр һәр береһенә генә хас сифаттар аша һүрәтләнәләр: камыштың, томбойоктың һыуза үсәүе, йыуаның йәшеллеге. кесерткәндән ут кеүек яндырып сығыуы, билсәндән сәнскелә булығы, дегәнәктән һырыуы кеүек сифаттары йәнләндереп һүрәтләнәләр.

Бынан тыш бойзай, холо, борсақ, тары, көнбағыш, киндер кеүек культуралы үсемлектәр, уларҙы үстөрөгә, эшкәртеүгә бәйлә күренештәр хақында йомактар күпләп таралған. Был йомактарза бойзай сыпсығ менән йәки күз менән сағыштырыла, шулай уҡ кеше өсөн уның мөһимлеге хақында ла әйтәләп кителә. Холо иһә бай катын кеүек, ә борсақ тауығ төслә һүрәтләнә. Тарыны балсығ менән, көнбағышты кара өй эсендәге халығ менән сағыштыралар.

Бер сыбыкта йөз сыпсығ (бойзай).

Уклау, суклау, тәңкәлә бай катыны (холо).

Кескәй генә капсығ, эсендә һары балсығ (тары).

Емеш—еләк, йәшелсәләр тураһында йомактарза муйылдың каралығы, курай еләгенәң кызыллығы, кәбестәнәң катлы —катлы булығы билдәләнә:

Әйелә, бөгәлә, аҡ мамығы түгелә, кара күзе күрәнә (муйыл).

Ултыра бер аҡ сүлмәк, өстөнә кейгән мең күлдәк (кәбестә).

Тимәк, күк-ер атамаларын һәм үсемлектәр донъяһын сағылдырған йомактарза уйланылған нәмә йәки күренеш бер кәһән да үзә аталмай, ә уға окшаш сифаттары булған икенсе бер нәмә һүрәтләнәп, шул билдәләр буйынса йәшерелгән әйбер, күренештән исеме табыла.

Әҙбиәт:

Башкорт халығ ижады. Йомактар. — Өфө, 1968

Пәнчин В. Башкорт нәфис һүзе. — Өфө, 2008

Буранғолов М.. Сәсэн аманаты. — Өфө, 1995

СЛОВАРИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Двуязычный толковый словарь башкирского языка» № 09-04-84404 а/У

В последнее время антропоцентрический подход становится общим научным принципом решения наиболее актуальных проблем в различных областях исследовательской деятельности. С позиций антропоцентризма в лингвистике основное внимание уделяется не собственно языковой системе, а языковой личности, человеку, который становится центром языковой действительности. Антропоцентризм современному языкознанию открывает возможность приблизиться к такому описанию языка, которое восстанавливает единство языка с его носителем.

Введение в лексикографию категории «языковая личность» позволяет решить проблему приближения словарных материалов к нуждам и потребностям личности. В лексикографии под языковой личностью понимается пользователь словаря. Структура языковой личности включает в себя 3 уровня: *вербально-семантический, когнитивный и прагматический*. Каждый из уровней характеризуется определенным набором единиц и отношений, которые соотносятся с единицами и отношениями, традиционно используемыми при изучении языка как системы. [Караулов, Гинзбург, 2003].

Вербально-семантический уровень представлен такими единицами и отношениями, которые используются при описании лексического и грамматического строя языка: слово, словоформа, словосочетание, морфема и т.д. Единицами *когнитивного* уровня являются термин, фрейм, генерализованное высказывание, сравнение, метафора и др. В состав *прагматического* уровня входят разного рода оценки и предпочтения, прецедентные тексты, способы аргументации. Перечисленные единицы и отношения характеризуют структуру языковой личности, представляют собой исходный набор параметров для словаря.

Основные сущностные характеристики языковой личности — это *языковая способность, языковое сознание, коммуникативная потребность*. Как известно, языковая способность вместе с коммуникативной потребностью являются необходимыми предпосылками для овладения языком и осуществления общения, а коммуникативная компетенция выступает как проявление языкового сознания в выборе средств общения в конкретной коммуникативной ситуации. Языковое сознание можно определить как высшую форму нервной деятельности языковой личности, как совокупность психических и ментальных систем, а также когнитивных способностей человека. Для развития языковой личности лексикографическими средствами необходимо выявить принципы формирования ее уровней, создать такую модель словарной статьи, которая оказывала бы действенную помощь в формировании языковой личности.

Антропоцентрический подход заставляет лексикографов соотносить свою научную деятельность не только с ответами на вопросы типа для чего создаются словари и как их создают, но и с новой проблемой — как воспринимаются материалы словаря пользователем. В лексикографии наряду с традиционным созданием системно ориентированных словарей формируется новая задача создания словарей.

У антропоцентрического лексикографирования во главе угла стоят человек и его языковое сознание, и главная задача словарей, во-первых, фиксировать, описывать, оценивать имеющиеся языковые факты, во-вторых, помочь человеку в формировании языка как принадлежности сознания, в эффективном использовании этого языка. [Караулов, 1988].

Характерным для современной лексикографии является появление новых типов словарей, издание больших двуязычных терминологических словарей с толкованиями их значений. За последние годы башкирское языкознание обогатилось новыми типами словарей. Увидели свет двуязычные словари по общественно-политической и юридической терминологии, словарь архитектурно-строительных терминов, по экологии, торговле, военному делу и др. В настоящее время Институтом истории, языка и литературы также разрабатывается Проект РГНФ «Двуязычный толковый словарь башкирского языка» № 09-04-84404 а/У.

Настоящий «Двуязычный толковый словарь башкирского языка» должен по возможности полно отражать лексическое богатство современного башкирского языка. В словарь в качестве заглавных слов включаются общеупотребительная лексика, новые слова, фразеологизмы, сложные слова и словосочетания в значениях терминов, устаревшие слова, встречающиеся только в художественных и других текстах, некоторые узкоспециальные новые слова, относящиеся к важнейшим терминологическим подсистемам.

Таким образом, словарь — достояние духовного богатства народа, и целью словарей является формирование высококравственной интеллектуально развитой языковой личности. «Двуязычный толковый словарь башкирского языка» — словарь, соединяющий признаки различных типов словарей: энциклопедического, толкового, лексического, этимологического, и он может служить инструментом в повышении уровня общей лингвистической образованности и культуры речи личности.

Литература:

- Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Русская авторская лексикография XIX-XX веков. — М., 2003.
Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. — М., 1988.

Ишкильдина Л.К., г. Уфа

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОНЕМЫ [w] В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ И ИСТОРИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В данной статье будет рассмотрена одна из губно-губных фонем башкирского языка губно-губная круглощелевая звонкая согласная фонема [w]. Данная согласная привлекла наше внимание тем, что она недостаточно описана в научной литературе. Фактический языковой материал дан по источникам, указанным в списке литературы (см. ниже). Для этой собственно башкирской фонемы в алфавите не принято графическое обозначение. Она примечательна и тем, что фонема [w] очень активно употребляется в речи, а в некоторых говорах может заменять плоскощелевой звук «в» (в орфографии передается графемой “в”).

В башкирском литературном языке она выступает в начальной и срединной позициях. Однако в живой речи фонема [w] употребляется только в инляуте.

В современной орфографии для анлаутной фонемы [w] взята графема *в*. Той же графемой обозначается русский губно-зубной согласный звук *в*: *вагон, ваучер, врач* и т.д. Это вызывает затруднения в восприятии исконно башкирского «w» в начале слова; и многие, изучающие литературный башкирский язык, произносят (буквально) по орфографии губно-зубной *в*.

Губно-губной круглощелевой звонкий согласный звук «w» (и его мягкая пара, обозначим его как «w'») в **анлауте** произносится в небольшом количестве собственно башкирских слов: [wak] “мелкий”, [walsyk] “крошка”, [watyk] “битый, разбитый” и др.; и арабо-персидских заимствованиях: [wakyt] “время”, [w'akyl] “представитель”, [W'asyl] “женское имя” и др.

В эпоху латинизации, когда считалось, что губно-зубного *в* в башкирском языке нет, знак V обозначал именно губно-губное у (*авт.* или же [w]) [Дмитриев 1948, 19].

В **середине слова** и в **интервокальном** положении в действующей орфографии фонема [w] передается графемами гласных звуков у и ү: *һауа* “воздух”, *тауык* “курица”, *кеуек* “как будто”, *әуәл* “сперва” и т.д.

w, возможно, употреблялся в пракрыпчакском в **анлауте** — как “протетический” сонант, ср. современное казахское произношение: wol “он, won “десять”, wöl “умирай” (пишутся *ол, он, әл* и т.д.), звуки *о, ө* в начале имеют согласный элемент w, так же как *е* в начале имеет согласный элемент *j*: *jel* “страна, народ” [СИГТЯ, 264]. Применительно к башкирскому языку в анлауте этот звук не является протетической согласной, так как собственно башкирские слова *вак, валсык, ватыу* и слова, производные от них, восходят к древнетюркской основе *uv-* “измелчать, крошить”. В разговорной речи они произносятся как *вуак, вуалсык, вуатыу* и др.

Губно-губную фонему [w] не восстанавливают для древнетюркского состояния. Он развивается в тюркских языках большей частью в инлауте в результате спирализации *n/β > β/v > w*, а в ауслауте представляет собой переход пратюркских **-γ, *-k|-g*.

b > β > w. В башкирском языке звук «w» в интервокальной позиции является результатом общетюркского процесса спирализации (ощеливания) *p / b > β > w*: древ. тюрк. *йабыз / jabiz* “ничтожный, плохой, слабый” - др. уйг. *йабус*, тур. диал. *йабыз*, тур., уйг. *йавуз*, уз. *йа⁰в⁰* уз, каз., ккал. *жауыз* - баш. [йавыз] “злой, зловерный”; древ. тюрк. *йабаш / йаваш / javas* “мягкий, кроткий” — тур., гаг., аз., ктат., кар.к., кум., уйг. диал. *йаваш*, др. уйг. *йабаш*, шор. *чабаш*, хак. *чабас*, тув. *ча:ш*, турк., ктат., кар.т. к., кум. *йууаш*, каз., ккал. *жүв⁰ас*, чув. *йаваш* - баш. [йываш] “кроткий, смиренный, безропотный”.

Явление перехода *b > β > w* можно наблюдать и в диалектах башкирского языка: *тувык* “колени” (орфогр. *тубык*) — ик-сакм. [тывык], лит. *бавай* “старик” (орфогр. *бабай*) — арг. [bawai]. Рассмотренные примеры восходят к древнетюркским словам с губно-губным звонким «б» в интервокале: *тобык / tobiq* “лодыжка”, *баба / baba* “отец”.

Процесс перехода *v > w* охватил и заимствования: в разговорной речи вместо губно-зубного «в» выступает сонант [w]: *паравоз > [баравуз], самовар > [самавыр], совет > [сәв'ит], лавка > [эләвкә]* и т.д.

Все фонетические процессы, связанные с изменением $p|b > w > \psi$ в интервокальной позиции, характерны и для целого ряда других алтайских языков. Ср. монг., ср.-монг. *Taulaj* - ~ *opd. tawljaj* < *tabgaj, орд. *tabgaj “Насе” (*авт.* “заяц”) [Porpe 1960, 44]; эвен., эвенк. *tewu-* “ставить, класть, нагружать”, орок. *tewe-*, ульч., нан. *teuci-*, нан. *matebu* [Щиниус 1949, 168] [СИГТЯ, 1 том; С. 184].

Таким образом, процесс перехода $p|b > \beta > w$ является не только общетюркским, но даже общеалтайским, так как он находит свое выражение в монгольских и тунгусо-манчжурских языках.

$\gamma \sim \beta \sim w$. Губно-губная фонема [w] в середине слова восходит к согласному «F»: древ. тюрк. *аьыз* | *аьйз* “рот” - турк., аз., ктат. *аьыз* | *аьйз*, тур. диал. *авыз* | *авйз*, каз., ног., тат. ккал. *ав^оыз* | *ави^оз*, уз. *а^оьыз* | *а^оьйз*, кар., кум., кбал. *ав^оыз* | *ави^оз* - баш. *ауыз* | *авид* “рот”; древ. тюрк. *аьыр* | *аьйр* “тяжелый, весомый” - турк., аз., ктат., кар.к. *аьыр* | *аьйр*, уз. *а^оьыр* | *а^оьйр*, уйг. *еьыр* | *еьйр*, каз., ног., ккал., тат., баш. *ав^оыр* | *ави^ор*; древн. тюрк. *баьыр* | *баьйр* “печень, живот, сердце и т.д.” - турк., аз., ктат., кар.к., уйг. *баьыр* | *баьйр*, тат. *баьыр* | *баьыр*, уз. *баьыр* | *баьйр*, алт. *паьыр* | *паьйр* - баш. [баьыр] “печень” и др. Интересно заметить, что в башкирском языке существует параллельное употребление древней формы *баьер*, который используется в значении “дорогой, любимый” и новая форма *бауыр* в значении “печень”.

Переход в звуки, относящиеся по месту образования к другим группам - редкое явление: $\gamma > w > 0$ [СИГТЯ, 283].

Аналогичное явление в башкирском языке мы наблюдаем в **конце слова и слога**: древ. тюрк. *таь* / *тау* - турк. *даъ*, тур. диал., аз., ктат., кар.к., караг. тув., тоф. *даъ*, тур. диал. *дау*, уйг. диал. , алт. диал. *таь*, уз. *та^оъ*, тур. диал., ктат., кар., алт. диал. *дав*, чув. *тав*, як. *тыа*, баш., тат. *тау*; древ. тюрк. *тоь* / *тоу* - “рождаться” - турк., аз., кар.к. *доь*-, тур. *до*-, аз. диал. *дуь*, уз., уй., уйг. диал., алт. *туь*, кум., ног., ккал., тат. диал. *туу*, баш. *тыу*-; древ. тюрк. *йаь* / *яу* “идти, падать (об атмосферных осадках) - турк., аз., уйг. *йаъ*, уз. *йа^оъ* (уз. диал. *жа^ов^о*, хак., тув., тоф. *чаъ* - баш. (тат, ног., кар., кум.) [йау] и др.

В данном случае конечный -у в башкирском языке образует ложный дифтонг -ау, который распадается при присоединении аффикса с начальной гласной (типа -VC) и переходит в фонему [w]: *тау* - [та-wym] “моя гора”, *тыу* - [ты-wym] “роды, рождение, рождаемость”, [йау] - [йа-wym] “осадки”.

В башкирском языке принято считать дифтонгами звукосочетания типа гласный плюс й и гласный плюс сонорный согласный у (w), которые не являются собственно дифтонгами. Их можно отнести к ложным дифтонгам, так как их элементы могут разъединяться при наращении слова [Ишбулатов 1982, 7].

Таким образом, губно-губная круглощелевая звонкая согласная фонема [w] в анлауте употребляется в ряде собственно башкирских слов и арабо-персидских заимствований. В середине слова она восходит к древнетюркскому *b и *γ, а в конечной позиции - к согласному -*γ.

Литература:

- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. - М. - Л., 1948.
Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - ВЯ, 1971.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские основы на гласные). – М., 1974.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М., 1984.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. Ред. Э.Р. Тенишев. – М., 2002.

Ишмөхәмәтова А. Ш. , Өфө к.

ЭПОСТАРЗЫ КВАНТИТАТИВ-СТАТИСТИК ЫСУЛ МЕНӘН ӨЙРӘНЕҮГӘ КАРАТА

Һунғы осорза дөйөм тел белемдә халык ижады әсәрзәре телен өйрәнеүгә тикшеренеүселәр тарафынан зур игтибар бирелә. Был хәзерге башкорт әзәби телен формалаштырыуза халык ижады әсәрзәренәң йогонтоһо көслә булыу менән аңлатыла. Билдәле булыуынса, Октябрь революцияһына тиклем башкорттар гәрәп алфавитына нигезләнгән боронғо язма телде кулланғандар. Язма тел менән бер рәттән халықтың ауыз-тел ижады өлкәһендә әзәби телдең һөйләү формаһы ла йәшәп килгән. 20-се йылдар башында халықтың һөйләү теленә якын һәм бәтә диалекттарға ла аңлайышлы булған башкорт милли әзәби язма теле формалаша. Ә инде халықтың һөйләү теленәң үрнәге булып сәсәндәр теле тора. Ауыз-тел аша безҙең көндәргәсә килеп еткән эпик комарткыларзың телен тикшерәү башкорт тел гилемендә мөһим мәсьәләләргән берәһе булып тора. Г. Х. Бохарова һәм Ф. Б. Саньяров үззәренәң гилми тикшеренеүзәрен ошо өлкәгә бағышлағандар, уларзың хезмәттәренәң әһәмәте баһалап бәткөһөз [Бохарова 2009; Саньяров 2006]. Ә безҙең төп бурыс булып фольклор эпик әсәрзәренәң бәтә һүззәрен дә үз эсенә алған йышлыҡ һәм конкорданс һүзлектәр нигезендә эпостарзы тикшерәү тора. Бынын өсөн тикшереләсәк бәтә эпостарзың тексындағы барлыҡ һүззәргә һүз төркөмдәре яғынан билдәләп сығырға һәм уларзың йышлыҡ һүзлектәренәң төзәргә кәрәк. Һүзлектәң төзөлөшөнә килгәндә ул түбәндәгәсә буласак: бәләкәй хәрәф менән һүз, янында зур хәрәф менән грамматик билдә, артабан лексик омонимдар булған һүззәргә һандар куйыла һәм азактан дөйөм йышлыҡ күрһәтеләсәк. Текстарза ораған географик атамалар, кеше исемдәре, хайуандар атамалары ла алынасақ. Һүззәң йышлыҡ характеристикалары бер нисә һан итеп биреләсәк: беренсе һан – һүззәң дөйөм йышлығы, икенсе һан – һүззәргән айырым эпостарзағы йышлығы, өсөнсө һан – таралғанлығы. Был һүзлектәргә төзөгәндә без традицион алымдар менән бер рәттән анық һөзөмтә бирәүсә математик алымды кулланасакбыз.

Математика йәмғиәт тормошонда иң үзәк урындарзың берәһендә тора. Фәндәргә математикалаштырыузы дөйөм танып белеү тәғлимәте күзлегенән сығып аңлатырға мөмкин. Үсәш кимәленәң күтәреләүе, билдәле бер фәндә тикшеренеүзәргән тәрәнәйәүе, математика фәненәң сиктәренәң артыуы тикшеренеүселәргә башка фәндәргә дә математик алымдарзы кулланырға мөмкинселек бирә. Уның тел гилеме менән бәйләнәһе XX быуаттың урталарында күзәтелә һәм айырым бер өлкә – математик лингвистика барлыҡка килә. Лингвистикаға математиканың үтеп инеүен Рәсәйзә тәүгеләргән булып күренекле лингвист Р.Г. Пиотровский билдәләп үтә һәм бик күп гилми тикшеренеүзәр үткәрә. [Пиотровский 1979, 5]

Математиканың теүәл алымдарының береһе булып һан ысулы тора. Ул математик статистикаға, ихтималлык теорияһына, мәғлүмәт теорияһына, математик анализға нигезләнә. Лингвистикала һан ысулын квантитатив ысул тип атау кабул ителгән. Һан ысулы менән бер рәттән сифат яғынан да тикшерәү тора. Ошо алымдарҙы кулланып һәр эпостың тел үзенсәлектәрен асыҡлай аласаҡбыҙ. Башҡорт тел ғилемдә квантитатив-статистик ысулды тәү башлап З. Ә. Сиразитдинов куллана. Ул Д. Юлтыйҙың “Кан” романының беренсе кичәһен тикшерә һәм яҙыуының тел үзенсәлектәрен билдәләп, икенсе кичәк (Ф. Иҫәнғолов руссанан башҡортсаға тәржемә итә) менән сағыштыра, уларҙың ни тиклем яҡын икәнлеген асыҡлай [Сиразитдинов 1989]. Уның тарафынан башҡорт теленең фәнни әҙәбиәт, проза, публицистика стилдәре буйынса йышлыҡ һүзлектәре төзөлгән [Сиразитдинов 1997, 2002, 2006].

“Урал батыр” һәм “Аҡбузат” эпостары идея-тематик һәм образдар бирелешә яғынан бер-береһе менән тығыҙ бәйләнгән әсәрҙәр. “Аҡбузат” поэмаһы асылда Урал батыр тураһындағы мифтың дауамы – тип яҙа Ә. Харисов [Харисов 1965, 81]. Унда төп герой Һәүбән Урал батыр һәм уның улдары тормошҡа ашырып өлгөрмөгән эштәргә үтәй. “Урал батыр”ҙа һүрәтләнгән Һомай, уның тоғро ярзамсыһы Аҡбузат, алмас кылыс, шулай ук Кәһкәһә образдары “Аҡбузат”та бирелгән. Аҡбузатка бирелгән характеристика ла қабатлана. Яралы Һомай коштон һөйләгәндәре асылда “Урал батыр” поэмаһының һуңғы эпизодтарының йөкмәткәһен кысҡаса қабатлауҙан тора. Безҙең бұрыс – квантитатив-статистик ысул ярзамында бер бөтөн эпостың бер нисә эпоска тарқалыуын йәки бер нисә эпостың бер мотивка һуғарылған булыуын асыҡлау.

Әҙәбиәт:

- Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. — Өфө, 1972.
 Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос “Урал батыр”: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. — Уфа, 2009.
 Саньяров Ф. Б. “Урал батыр”: лингвистик тикшеренеү тәжрибәһе. — Өфө, 2006.
 Сиразитдинов З. А. Лексика романа “Кан” Д. Юлтыя (квантитативно-стилистический анализ). — Алма-Ата, 1989.
 Сиразитдинов З. Ә. Башҡорт теленең йышлыҡ һүзлеге. Т.1. — Өфө, 1997.
 Сиразитдинов З. Ә. Башҡорт теленең йышлыҡ һүзлеге. Т.2. — Өфө, 2002.
 Сиразитдинов З. Ә., Шәмсетдинова Г. Ф. Башҡорт теленең йышлыҡ һүзлеге. — Өфө, 2006.
 Сиразитдинов З. Ә. Дауыт Юлтый әсәренең йышлыҡ һүзлеге. — Өфө, 1995.
 Пиотровский Р. Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Москва, 1979.
 Пиотровский Р. Г., и др. Математическая лингвистика. — Москва, 1977.
 Харисов Ә. И. Башҡорт халқының әҙәби мирасы. — Өфө, 1965.

Кагарманова М. Ш., г. Стерлитамак

МОТИВ ПОХИЩЕНИЯ ДЕВУШКИ В КОМПОЗИЦИИ ТРИЛОГИИ З. БИИШЕВОЙ «К СВЕТУ!»

З. Биешева в трилогии «К свету!» изобразила эпоху великого перелома в истории башкирского народа. На глазах героев, людей одного поколения, происходят глобальные социальные сдвиги: рушатся многовековые устои старого мира, складываются новые отношения, создаются совершенно неизвестные до этого структуры, куда волею обстоятельств вовлечены герои: Красная Армия, партийные ячейки, сельские советы, светские школы для детей в башкирских селах. Вместе с тем в рамках злободневных проблем автор поднимает глубинные

вопросы бытия с его непреходящими ценностями – человек, его судьба, где выделены такие состояния, как жизнь и смерть, любовь и вражда; природа, ее эстетика, ее гармония, ее тайны.

В данной работе мы рассматриваем мотив похищения невесты, образующий значительную сюжетную линию не только в первом романе, но и во всей трилогии «К свету!». Несмотря на свою локальность, эпизод похищения Иштуганом Айхылу является одним из ключевых в композиции трилогии, так как он углубляет понимание основного конфликта произведения через любовную коллизию, соответственно имеет резонанс в сюжете последующих романов, к тому же в этом событии каждый из его участников раскрывается максимально полно в своих человеческих качествах и не реализовавшихся до этого возможностях.

Основой для похищения стал своеобразный любовный треугольник: Иштуган – Айхылу – Сатыбал. По сути, отношения между героями назвать треугольником можно лишь условно, истинно любят друг друга Иштуган и Айхылу. Сатыбал же, сын богатого старшины Субхана, выделяет дочь деревенского муэзина из массы других деревенских девушек за ее красоту и за то, что ее отец занимает в ильчигуловской иерархии более высокое положение, чем рядовые сельчане. О любви к девушке или уважении к ее родителям со стороны избалованного, эгоистичного юноши нет и речи. Подтверждением тому служат конкретные ситуации, проясняющие отношение сына старшины к девушке. В деревне давно ходили слухи о намерении Сатыбала сосвататься к Айхылу, и родители девушки, считая для себя честью породниться со старшиной, с волнением ждали этого, но шло время, а юноша не спешил со сватами. Демонстрацией пренебрежения к девушке и ее родителям послужил эпизод обмена подарками в начале свадебного обряда. Психологически достоверно выписано ожидание отца невесты получить богатый дар от зятя. Каково же было унижение и разочарование тестя, когда он обнаружил простую ситцевую рубашку и простые ситцевые штаны на дне большого сундука!

Напомним ключевые эпизоды похищения. По-настоящему любят друг друга Иштуган и Айхылу, это и становится побудительным мотивом для решения девушки на побег с возлюбленным. Иштуган в день свадьбы Айхылу с ненавистным для нее Сатыбалом, даже не успев заранее обдумать план действий, решается на похищение девушки. Невозможность соединиться для любящих друг друга молодых людей иным путем, чем похищение и побег, объясняется, прежде всего, социальными мотивами: бедностью жениха, его неспособностью уплатить родителям девушки богатый калым. Есть и более весомая причина, невидимая с первого взгляда, но имеющая также социальную подоплеку: в деревне Ильчигулове к отцу Иштугана Байгильде как к человеку без рода и племени, без земли, неимущему относятся свысока. Когда Ирэгетовы впервые появляются в Ильчигулове, богатые сельчане называют их «килмешәк» (что означает пришельцы), «ерһез» (безземельные). Подобные оскорбительные прозвища в свой адрес слышат дети Байгильде от сверстников, которые, видимо, бездумно повторяют слова взрослых. Участники события оказались разделенными на два враждующих, противостоящих друг другу лагеря.

В похищении Айхылу реальную помощь Иштугану оказывают такие же, как и Ирэгетовы, бедные сельчане: батрак старшины Субхана старик Идрис, забитая мужем деревенская женщина Шамсия, жена батыра Хаммата свободолюбивая Салима, верный друг Иштугана Ахат. Их объединяют социально обоснованные чувства и мотивы: ненависть к деревенским богачам, солидарность с обездоленными, стремление добиться справедливости. В частном, казалось бы, случае отразился копившийся веками в деревенском мире непримиримый конфликт.

Примечательны слова старика Идриса, в которых проступает истинная его прозорливость и чуткость к ритмам происходящего в жизни: «...Желание помочь вам... привело меня сюда... Сами ведь обращались ко мне тогда, зимой..., когда царя скинули: мол, дедушка, посоветуй, как дальше быть. В то время и не было необходимости в моей помощи. Сейчас вижу: нужна. /.../ После долгих размышлений, я пришел к такой мысли... Сумеете сделать задуманное, девушка ваша. Не сумеете – и вам, и мне гибель. Свержение царя их не остановит... Здесь пока еще они цари...» [Биишева 1981, 270-271] (Перевод автора – М.К.). Идрис оказывает беглецам реальную помощь: дарит трех вороних рысаков из конюшни старшины. Более того, он подсказывает им план дальнейших действий: «Никита говорит, там, в городе, создаются отряды красноармейцев. Туда поезжайте и записывайтесь. Там уже вам ни один богач не угроза. Вы сами будете угрожать им» [Биишева 1981, 271] (Перевод автора – М.К.). Не имея своего плана, молодые поступают по подсказке Идриса.

По-новому раскрывается в этом событии Шамсия, жена Ахметши-бандита. Бессловесная работница в доме мужа, с которой не считались не только взрослые члены семьи, но даже и ее дети, вдруг осознала, что от ее действий именно в этот момент зависит судьба молодых и что своим поступком она способна выразить ненависть к своим притеснителям. Шамсия передает записку от Иштугана Айхылу, это и определяет участь молодых.

Создается своеобразная цепочка действующих лиц в событии: Идрис – Шамсия – Ахат – Салима. Каждый из них безошибочно четко выполняет свою роль, чем и обеспечивается успех дела. Их образы прочитываются в фольклорном контексте, являются архетипичными: это – чудесные помощники главных героев.

В рисунке похищения в романе много совпадений с обрядом похищения невесты, отраженным в произведениях народного эпоса, а также в широко известной народной песне «Кара Юрга». Обстоятельное исследование этого мотива содержится в монографии известного фольклориста С.А. Галина «Башкирский народный эпос», где описаны разные его варианты в памятниках башкирского эпоса и в песне [Галин 2004, 117–135]. В частности, ученый отмечает, что «серьезной преградой в создании семьи оказывалась проблема социального неравенства», которая и наводит эпического героя на решительные действия [Галин 2004, 124]. Эпизод похищения Айхылу в романе З. Биишевой также глубоко социально мотивирован, он архетипичен по своей сути. Иштуган увозит возлюбленную в день ее свадьбы с другим женихом, богатым и нелюбимым ею, это обстоятельство придает конфликту особую остроту. Фольклорно-

эпический контекст позволяет частный случай из жизни молодых героев трилогии осмыслить в связи с общенародной судьбой, отраженной во многих произведениях народного творчества.

Однако для уяснения творческой мысли З. Бишшевой важны не только совпадения с архетипами, но и отличия. В романе мотив похищения соединен с мотивом побега девушки от жениха во время свадьбы. Также новым компонентом является вступление Иштугана и Айхылу в ряды Красной Армии. Во время Гражданской войны они активно участвуют в сломе старой жизни, затем, возвратившись в Ильчигулово, Иштуган продолжает борьбу против деревенских кулаков. Изображая в третьей части трилогии счастливую жизнь молодой семьи, автор тем не менее далек от мысли идеализировать ее: о том, что «с милым в шалаше» не только рай, Айхылу убеждается неоднократно уже в «благополучное» советское время. Молодая женщина часто глубоко переживает из-за того, что ее муж не сближается с ее родителями, видя в музине классового врага. Писательница мотивированно показала и то, что в тяжелые послевоенные годы приходилось бороться с нуждой и лишениями даже убежденным сторонникам нового строя.

Мифопоэтический подход к рассмотрению данной сюжетной линии в композиции трилогии позволил уяснить глубоко народные корни художественного мышления З. Бишшевой. Обращение писательницы к культурному фонду народного сознания и творчества обогатило произведение вневременным, вечным содержанием. С другой стороны, в изображении людей и событий конкретно-исторической эпохи отчетливо выступает историзм как основополагающий принцип реалистического художественного метода.

Литература:

Бишшева Зайнаб. Сочинения в четырех томах. — Уфа, 1981.
Галин С.А. Башкирский народный эпос. — Уфа, 2004.

Кагарманов Г.Г., г. Стерлитамак

ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Задачи текстологии требуют глобального подхода к изучению единиц, непосредственно составляющих текст. Терминоведческая теория подразделяет все изучаемые ею специальные тексты на терминопорождающие, терминопользующие и терминокфиксирующие. При решении проблематики “термин и текст (контекст)” могут быть применены два функциональных подхода: 1) текстовый анализ термина (от термина к тексту) и 2) терминологический анализ текста (от текста к термину), которые дают разные теоретико-прикладные результаты [Лейчик 2006, 190]. Известно, что словарный состав научного текста можно условно разделить на три пласта: общепотребительный, общенаучный и конкретно-научный, или терминологический [Теория и практика... 1987, 130].

В предлагаемой статье рассматриваются особенности функционирования специальной лексики и терминологии в современных научных и учебных изданиях — в русскоязычных историко-этнографических и этнокультурных текстах о башкирах и Башкортос-

тане [1- 4; 7]. В арсенале средств научного труда есть немало приемов и способов переводной и беспереводной семантизации специальной лексики и терминологии.

1. Двухязычие в историко-этнографическом тексте реализуется через речевую деятельность авторов-билингвов, владеющих башкирским языком в качестве языка для специальных целей. В пределах контекстуальной соотносительности допускается самостоятельное дистантное употребление башкирских этнографизмов в оригинале и их эквивалентов (переводов) в русском языке. Например: **Башкиры** – тюркоязычное население Южного Урала, зафиксированные в письменных источниках еще в IX–X вв. под именем **башгирд**, **башкерд**, **башджерг**, **башджарт** и др. Самоназвание народа **башкорт**. От этнонима происходит название республики – Башкортостан [2:6];

2. Широкое распространение получило параллельное контактное соупотребление башкирского оригинала и русского перевода не только апеллятивов, но и ономастикона, а также пословиц и поговорок и других микротекстов. Порядок расположения материала двоякий: а) сначала башкирский оригинал, рядом с ним переводящая русская единица; б) русский эквивалент предшествует исконной форме, употребляется доминирующим образом. Этнонимы и другие этнографизмы дублируются, можно сказать, в обязательном порядке. Этимологические дублиеты иногда употребляются в специальном тексте как смешанные образования (в). Примеры: а) В частности, сохранились **кыпчакские** атрибуты, а именно дерево – **карама** (вяз), птица – **бөркөт** (орел), оран – (**токсаба**); атрибуты **усерганцев**: дерево – **милюш** (рябина), птица – **торна** (журавль), оран – **мөйтән** (муйтён); **айлинцев**: дерево – **тирэк** (тополь), птица – **шонцкар** (кречет), оран – **салауат** (салават) и др. [7:290]; б) На сабантуе традиционно проводились скачки (**бәйге**), борьба (**көрәш**), бег (**йүгерү**) [7:276]; в) Занавеси – **шаршау**, игравшие основную роль в функциональном разграничении жилого помещения и его убранстве, отличались яркой декоративностью [2:99].

3. В башкирском историко-этнографическом тексте широко используется наглядный способ семантизации – объяснение значений реалий материальной культуры путем показа их иллюстраций (рисунков, схем, музейных экспонатов и др.), словесное сопровождение которого может быть либо одноязычным, либо двухязычным. См., например, рис. “Предметы скотоводства”, “Предметы пчеловодства”, “Охотничье снаряжение”, “Сельскохозяйственные орудия” [7:106, 124, 126, 128, 177, 181] и схему бытования башкирских праздников и обрядов [7:280] и др.

4. В тех случаях, когда названия специфических для башкирского быта реалий не имеют соответствий в русском языке (безэквивалентная лексика), в переводе дается термин в русском написании (транслитерации). Переводы терминов включают в себя наиболее распространенные способы: нахождение эквивалента (оптимальный способ!), придание термину нового значения под влиянием этнографизма в языке оригинала, семантическое и структурное калькирование, заимствование, перевод буквальный, иногда – описательный. Таким образом, в специальном тексте башкирский оригинал, русский перевод с возможными способами беспереводной семантизации (толкование слов, или семантическое определение;

семантизация через словообразовательные связи; контекстуальный и т.д.) функционируют в тесном взаимодействии, образуя тройную связь. Например: Кобылье молоко обычно сливали в большой кожаный сосуд – саба (**һаба**) и сбивали кумыс... [2:48].

5. В историко-этнографическом тексте наблюдается дополнительный способ пояснения специальной лексики и терминологии путем раскрытия их этимологии. Особенно эффективен этот способ при определении фундаментальных, базовых понятий, терминов, образованных не только из международных терминоэлементов, но и исконных, собственно историко-этнографических и этнокультурных. В силу общей специфики историко-этнологических наук понятие и термин “этимология” в них употребляется в более широком плане, например, через призму проблематики происхождения (этногенеза) в данном случае башкирского народа. Как известно, не нашла удовлетворительного решения, например, история возникновения этнонима башкорт (**башкорт**). Вопрос оказался намного сложнее, чем приемлемая этимологизация этого термина. Ср.: По вопросу о возникновении этнонима **башкорт** в настоящее время существуют различные точки зрения... Таковы основные гипотезы о происхождении этнонима **башкорт**. Ни одна из них не представляется достаточно убедительной, и это наталкивает исследователей на новые поиски [2:9-10]; Иногда этимология этнографизмов раскрывается в сносках: Коллекция Российского Этнографического музея и музеев г.Уфа насчитывают десятки хараусов* (**һарауыс**), тастаров** (**тастар**) ... *Хараус (**һарауыс**) – женское налобное украшение; **Тастар (**тастар**) – платок с вышитыми концами [2:101]; Саба (башк. **һаба**) – сосуд из цельной шкуры крупного скота для хранения кумыса...; ¹Турсук (башк. **турһык**) – такой же сосуд меньшего размера [4:38] и т.д.

В школьном учебнике дается еще краткий словарь основных терминов с определениями, упоминаемых в тексте, который облегчает восприятие информации, а также служит показателем содержания и метаязыка текста [4:108-109, 170].

Следует отметить, что современный башкирский русскоязычный историко-этнографический текст по своим языковым параметрам является в какой-то степени и полилингвистическим. Язык исторических документов смешанный: здесь встречаются микротексты на древнерусском языке, специальный текст содержит в себе также иноязычные источники и материалы из целого ряда языков. В нашей статье главное внимание обращено на параллельные формы выражения единого значения на башкирском и русском языках. Наиболее характерные способы семантизации и функционирования башкирских реалий на страницах учебной и научной литературы способствуют максимальной реализации их прямого (номинативного) значения.

Литература:

Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006.

Бикбулатов Н.В. и др. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа, 2002.

История и культура Башкортостана. Хрестоматия. Для учащихся 9-11 классов / Под ред. Ф.Г.Хисамитдиновой. – М., 1997.

Культура Башкортостана. Учебник для 9 класса. – Уфа, 2004.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 2-е. – М., 2006.

О ТЕКСТОЛОГИИ ЭПИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙЦЕВ

В научных кругах фольклор алтайцев наибольшую известность получил по опубликованным материалам В.В. Радлова (1837-1918). Уже в первые годы своего пребывания в Барнауле, он, совершая путешествия в глубь алтайских гор, собрал огромный материал, который составил основу его фундаментального труда “образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной сибирии и дзунгарской степи” [Радлов 1868, 419]. Исключительная ценность его заключается в том, что впервые на алтайском языке с соблюдением научных требований записи и публикации представлены все жанры устной поэзии этнических образований горного алтая. В них при сохранении стихотворной формы народной поэзии проявлено максимальное отражение фонетических и морфологических особенностей живого языка. В путевых заметках исследователя охарактеризована ситуация записи фольклорных материалов, а в предисловии – принципы подготовки их к изданию. Всё это позволяет судить о степени достоверности текстов и является добротным материалом для проведения сравнительно=сопоставительного анализа динамики поэтико=стилевой фактуры алтайского эпоса на протяжении более столетнего периода.

Начиная с 80-х гг. XIX в. публикации алтайского героического эпоса появились в трудах сибирских исследователей Г.Н. Потанина (1835–1920), Н.М. Ядринцева (1842-1894), А. Калачева и др. Результатом сотрудничества одного из «грамотных алтайцев» с Г.Н. Потаниным явился “Аносский сборник” с текстами алтайского героического эпоса от сказителя Чолтыша Куранакова [Аносский сборник 1915]. Г.И.Гуркин (1870-1937) оставил ценнейшие зарисовки на фольклорные темы и записи по устному творчеству алтайцев. Г.М. Токмашев (1892-1960) в 1914 г. записал сказание “Когутей” от сказителя М. Ютканакова, которое в 1934 г. - впервые после “Образцов...” В.В. Радлова - было опубликовано в школьной хрестоматии на **алтайском языке**.

В 1924 г. вышло двуязычное издание “Материалы по шаманизму у алтайцев” [Анохин 1924]. В нем представлены материалы, собранные в 1910-1912 гг. этнографом и композитором А.В. Анохиным [1869-1931] по поручению “Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии”, которым руководил акад. В.В. Радлов. В подготовке к изданию этой книги самое деятельное участие – кроме В.В. Радлова и его сотрудника Л.Я. Штернберга – приняли крупнейшие тюркологи: Г.Н. Потанин (руководство полевой работой), Э.К. Пекарский (транскрипция текстов мистерий), А.Н. Самойлович (поправки к рисункам автора), С.Е. Малов (редактирование алтайских текстов и перевода), акад. В.В. Бартольд (просмотр сверстанной в типографии рукописи). Так, общими усилиями лучших представителей русского востоковедения состоялась книга, вошедшая в золотой фонд этнографической литературы. В ней представлено непревзойденное количество текстов шаманских мистерий, зафиксированных в момент камлания

потомственными шаманами. Этот труд по цельности материала, по уровню текстологической подготовки текстов, расшифрованных с фонографа безусловно является единственным и неповторимым памятником. Для исследования алтайского эпоса особенно важен, поскольку в древнейшей религии, в ее символических и ритуальных формах и терминах содержатся **истоки этно-бытовой и этно-поэтической фактуры народной эпикки**. Шаманские мистерии – мифология – эпос составляют единую поэтическую систему отображения действительности.

Следующий период записи и публикации алтайского эпоса охватывает 30-40-е гг. XX в. и связан с именем выдающегося сказителя Николая Улагашева (1861-1946). Было записано от сказителя более 30 текстов героического эпоса. Большинство из них опубликовано в персональных сказительских сборниках [Улагашев 1941; 1950].

Широкую известность получили поэтические переводы алтайского эпоса. В 1935 году со вступительной статьей и примечаниями известного тюрколога Н.К. Дмитриева был издан отдельной книгой эпос «Когутэй» в серии “Фольклор”, издававшейся под общей редакцией Ю.М. Соколова. Как упоминалось, запись этого эпоса осуществил Г.М. Токмашев от сказителя Ютканакова, он же выполнил перевод в тесном сотрудничестве с русским писателем В.Я. Зазубриным [9].

В двух солидных по объему сборниках “Алтай-Буучай” и “Малчы-Мерген” на русском языке были опубликованы 13 сказаний в записи от сказителя Н. Улагашева [Улагашев 1941; 1947]. Несмотря на то, что новосибирские переводчики придерживались ритмизации и рифмовки русского стихосложения и недостаточно учитывали особенности алтайского эпического языка, их переводы приоткрыли для русского читателя богатейшее эпическое наследие алтайцев.

Создание в 1952 г. научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне - Института алтаистики им. С.С.Суразакова) явилось **новым этапом** в собирании, изучении, издании алтайского фольклора. С первых лет при наличии двух штатных единиц С.С. Суразакова (директора, фольклориста и литературоведа), Т.С. Тюхтенева (фольклориста) – была начата работа по проведению ежегодных экспедиций с участием студентов педагогического института. С 1958 г. Горно-Алтайский НИИИЯЛ и местное книжное издательство приступили к публикации многотомной серии народного эпоса “Алтай баатырлар” (“Алтайские богатыри”). Составителем С.С. Суразаковым (1925-1980) впервые сделана попытка представить в единой серии весь алтайский героический эпос, обозначив в ней имена сказителей и собирателей.

История создания этой серии во многом поучительна. На первых порах у составителя и работников книжного издательства не было единого подхода. Последние предполагали, что серия, прежде всего, должна быть адресована широкому кругу читателей. В этом был свой резон: утверждалась норма единого литературного языка для всех шести племен Алтая. Молодая алтайская письменная литература еще не могла обеспечивать читателей достаточным количеством произведений художественной литературы. Эпические тексты в записи П. Кучияка и других собирателей издавались на литературном языке, хотя по существу были не так-то далеки от устной речи. Споры о едином

орфографическом режиме для издания учебной, художественной и научной литературы того времени были постоянными.

Нельзя не сказать и о другом не менее остром вопросе: отдельные члены редколлегии настаивали на подготовке контаминированных текстов с тем, чтобы публиковать, по их мнению, “лучшие образцы” алтайского эпоса. Здесь для составителя лучшим подспорьем в отстаивании **научных принципов** издания серии явилось всесоюзное совещание фольклористов, состоявшееся 20 ноября 1958 г. в Институте мировой литературы АН СССР. Был утвержден документ—инструкция об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. Этот вопрос затрагивался и в переписке составителя серии С.С. Суразакова с академиком В.М. Жирмунским, который, в частности, писал: “Посылаю Вам составленные нами тезисы. Как вы видите, ..., мы противники “сводных вариантов”, в частности, в научных изданиях, т.к. они открывают широкий простор для субъективного произвола, а иногда и для фальсификации всякого рода” [Жирмунский 1986, 303].

По мере увеличения новых записей в серии “Алтайские богатыри” все больше утверждался принцип максимально точной передачи изустного текста. Составитель С.С.Суразаков стремился представить сказителей всех этнических групп алтайцев, отбирая наиболее самобытные эпические произведения, сохранившие диалектные особенности не только в лексике, но и в фонетике и морфологии. При этом нельзя не указать на определенную сложность работы по отбору текстов. Накопленные в фольклорном фонде материалы, записывались в разное время и множеством людей. Естественно, методика записи была неоднотипной, тексты фиксировались на слух и только с 60-х годов — на магнитную ленту. Многие сказания записаны сплошь, без соблюдения стихотворного строя, иногда просто неграмотно. Поэтому требовалась большая текстологическая работа. Она сводилась прежде всего к тому, чтобы строго сохраняя стилистику эпоса, восстановить стихотворную форму, поправить грамматические ошибки собирателя, **ни в коей мере не нарушая стилевую основу и словесно-поэтический характер текстов.**

В каждом томе даны краткие комментарии, в них с разной степенью полноты сообщаются сведения о сказителях, о собирателях, ареал бытования публикуемого эпоса, его своеобразие и сходство с другими эпическими произведениями; поясняются архаизмы, диалектные особенности языка и характерные для эпоса речевые обороты. На сегодня издано 14 томов алтайского героического эпоса. В них опубликовано 88 текстов от более 33 сказителей (их значительно больше, но в записях XIX в. не все имена сказителей указаны), 64 текста изданы впервые: Самые короткие тексты составляют 500-800, самые крупные —5-8 тыс. стихотворных строк. Несомненно серьёзный анализ содержания и динамики текстологии опубликованных в серии произведений народной эпики является предметом специальных исследований.

Одновременно с изданием многотомника “Алтай баатырлар” были осуществлены сугубо научные публикации эпических текстов. Прежде всего следует назвать книгу С.С.Суразакова “Героическое сказание о

богатыре Алтай-Буучае” [Суразаков, 1962]. Велика значимость этого издания в алтайской фольклористике. По существу с нее начинается подлинно научный подход к записи, текстологии и эдичии алтайского героического эпоса. Ученый решает задачу досконального исследования одного из самых распространенных на Алтае сказаний — о богатыре Алтай-Буучае. Как известно, первые записи и словесные пересказы об этом сказании появились во второй половине XIX в. Суразаков ведет интенсивную работу не только по выявлению ареала бытования этого сказания. Актуальным становилась проблема сохранения текстов в ходе их исполнения, максимальной приближенности и отражению их в реальном звучании. В 1958 г. С.С. Суразаков осуществляет полные записи на магнитную ленту сказания ”Алтай-Буучай” от сказителей трех алтайских племен: от А. Калкина (1925-1998) — теленгет, Е. Таштамышевой (1874-1968) — туба, Ч. Бутуева (1902-1978) — алтай-кижи. Рассматриваемая нами книга С.С. Суразакова состоит из двух разделов: Исследование; Тексты (оригинал и перевод), сопровождаемые примечаниями. В первом разделе исследователь впервые делает заявку на сопоставительное изучение всех 17 вариантов этого эпоса с целью выявления архаических элементов в его сюжетах и мотивах, идеях и образах, что позволило ему проследить движение этого памятника во времени. Таким образом, С.С. Суразаков впервые представил весь комплекс аналитических, текстологических и эдичионных проблем алтайского героического эпоса. Эта книга до сих пор остается востребованной не только у алтайских фольклористов.

В 1965 г. издан труд Н.А. Баскакова ”Диалект черневых татар (туба кижки)”, насыщенный двуязычным текстовым материалом алтайского фольклора в том числе, текстами эпических сказаний, зафиксированных от Н. Улагашева [Баскаков, 1965]. Вот эти два научных издания — С.С. Суразакова и Н.А. Баскакова — каждый из которых преследовал решение своих задач, являются для нас ценнейшими прежде всего в том плане, что в них по существу закладывались принципы научного перевода алтайского героического эпоса: предельная построчная адекватность содержанию оригинала при сохранении стихотворной формы сказания. Кроме того вырабатывался русский адекват для многих этно-бытовых реалий и мировоззренческих понятий.

В феврале 1964 г. С.С. Суразаков по рекомендации Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР осуществил третью целевую запись сказания ”Маадай-Кара”. В 1973 г. текст этой записи был издан в двуязычной академической серии ”Эпос народов СССР” (ныне — ”Эпос народов Европы и Азии”). Его объем — 7738 стих. строк [15]. Подготовка текста, его перевод, статьи о сказителе, его репертуаре, о вариантах и сходных сюжетах этого эпического памятника, комментарии выполнены С.С. Суразаковым. Книга включает музыкально-ведческий анализ эпоса и фрагмент нотировки инструментального сопровождения (статья Шульгина). Историческая и художественная оценка эпического памятника представлена в содержательной статье И.В. Пухова. Все это лучшим образом способствовало восприятию эпоса ”Маадай-Кара” и причислению его к шедеврам мировой классики.

Вслед идущим фольклористам С.С.Суразаков оставил ещё одну краеугольную мысль: поэтические переводы должны осуществляться только на основе фольклористических переводов, представленных в научных изданиях.

С 1984 г. фольклористы института приступили к подготовке Алтайских томов для издания в серии "Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока". Это явилось **новым этапом** в обновлении источниковедческой базы и теоретическом обобщении новых материалов.

Наряду с ежегодными комплексными экспедициями в 1996 и 1997 гг. состоялись 1-я и 2-я Алтайская международная экспедиции. Основная её цель: реальная сохраняемость и передаваемость эпического знания из поколения в поколение, диапазоны варьирования текстов героического эпоса в исполнении сказителя и его приемника. Были проведены записи образцов эпических текстов "Маадай-Кара", "Очи-Бала", "Оскүс-Уул" от сказителя А.Калкина и его сына Елбека. Первое обобщение этого материала издано на англ. яз. [Lauri Harvilahti, Zoja S. Kazagačeva 2003]

Произведены аудио-видеозаписи в усадьбе сказителя Т.Чачиякова и повторное исполнение им эпоса "Кан-Алтын". Были осуществлены съемки окружающего ландшафта сёл, где живут сказители, включая курганы, наскальные рисунки древних. Обстоятельно зафиксирован репертуар великолепного знатока алтайского фольклора от носителя чалканского языка Анастасии Тагызовой (с.Тулой Турачакского р-на). Чрезвычайно интересным является материал аудио-видео записи осеннего обряда поклонения Алтаю "Сары-пүр". Материалы экспедиций – звукозапись и тексты с переводом на русский язык – хранятся в трех научных центрах.

Полагаем, что не только алтайская, но и общероссийская многонациональная фольклористическая наука обогатилась ценнейшими объективно документированными источниками для многих направлений гуманитарных наук и, прежде всего, точнейшими сведениями о современном состоянии устной речи и фольклорного наследия коренных этносов Алтая. Именно фольклор, устная речь, дает возможность прогнозировать "долголетие" так называемых исчезающих языков и культур малочисленных народов. Экспедиции давали конкретное представление о современном состоянии традиционной культуры этносов Алтая в ее основных параметрах: языка, религии, среды обитания. И в этом плане неизмерима и ни с чем не сопоставима значимость алтайских томов – по эпосу, сказкам, мифам, обрядовой поэзии, песням – изданных и готовящихся к изданию в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Из теоретических обобщений в рассматриваемый период на первом месте стоит фундаментальные исследования С.С.Суразакова "Алтайский героический эпос". Впервые алтайский эпос исследуется с привлечением широкого круга произведений народной эпики – 212 текстов, их них 153 новых записей. Основательность и новаторский характер этого труда высоко оценен специалистами. Ограничимся ссылкой на статью проф. В.М.Гацака, в которой он писал: "...изучение этапов развития алтайского эпоса (в рамках... родового и раннефеодального

строю и далее периода пребывания племен Алтая в составе монгольского и Джунгарского государств”) претворяется С.С. Суразаковым, прежде всего, в плане выявления богатства и многообразия алтайского эпоса и захватывает выявление изменений в композиционной структуре, в способах создания художественных образов и поэтическом стиле эпоса. В сущности, это работа по исторической поэтике алтайского эпоса, опередившая свое время **проницательностью эволюционных соотношений, методическим мастерством и новизной аналитического подхода**”[Гацак 2005, 18].

Задачи особого уровня встали в последнюю четверть минувшего столетия с произведением звукозаписей, осуществлением одновременных фиксаций, развитием в эпосоведении концепции документированных академических публикаций. Проблема текстологии, научных переводов и комментирования вышли на первый план в науке и культуре и стали совершенно неотложными, ибо без их решения огромное наследие эпоса все еще остается в неизвестности. Именно в этом направлении становится остро необходимым дальнейшее исследование алтайского эпоса. Оно обозначило решительное движение к публикациям предельно достоверным и ориентированным в подаче народного языка, раскрытии поэтической стилистики и искусства исполнения, глубинного комментирования научно-адекватного перевода, комплексного научного осмысления издаваемых памятников.

Существенным вкладом в решении этих грандиозных задач явилось издание алтайских героических сказаний. Именно в период экспедиций были произведены звукозаписи полных текстов сказаний “Очи-Бала” от А.Калкина, “Кан-Алтын” от Т. Чачиякова, и от С. Савдина, вошедших в двуязычное академическое издание «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». А то обстоятельство, что архив института располагал одновременными записями этих сказаний соответственно от этих же сказителей, продиктовало выработку особых текстологических принципов издания этих текстов, т.е. наряду с базовыми текстами приведение под чертой разновременных текстов. Издание сопровождается звуковым приложением с образцами исполнения опубликованных текстов: два образца исполнения эпоса в древнейшей его форме (кай А. Калкина и кай С. Савдина), причем существенно отличающихся друг от друга по своей мелодике, и один образец исполнения эпоса в форме традиционной речитации (Т. Чачияков).

Характер и состав эпического материала — три сказительских «потока» традиции, представленные в текстах, опубликованных целиком по звукозаписи и наличие разновременных записей от одного и того же исполнителя и вариантов от двух сказителей потребовала сопроводить материал и перевод особым разделом, который включает важное слагаемое текстологии изданий: а) примечания к алтайским текстам; б) обстоятельные комментарии к переводам; в) словари; указатели эпических персонажей, эпических топонимов и их эпитетика; г) звукоприложение с образцами исполнения публикуемых текстов.

В своей совокупности такое сочетание характеристики эпического знания на алтайском материале представлено впервые [Алтайские героические сказания 1997].

”Текстологический подход, предпринятый в этом томе, — пишет исследователь Е.Н. Кузьмина, — поднимает на качественно высокий уровень текстологию сибирского эпоса, намного раздвигая масштабы исследовательского анализа современного звучащего эпоса” [Кузьмина 1999, 95].

Теоретическое обобщение всей суммы знаний, выявленного по проблемам современного эпосоведения представлено в монографии З.С. Казагачевой, посвященной актуальным аспектам текстологии и перевода алтайского героического эпоса [Казагачева, 2002].

Из аналитических работ первого десятилетия XXI в. следует отметить публикации А.А. Конунова. В его диссертационной работе предпринят первый опыт по исследованию поэтики и стиля героических сказаний от известного сказителя Н. Улагашева на фоне общепалатинской эпической классики.

На всем протяжении исследований эпического наследия алтайцев мы строго придерживались сформулированной В.М. Гацаком установки: «Мы отправляем в будущее единственно возможную посылку, характеризующую и раскрывающую и творчество, и язык народа. Как велика встающая в связи с этим ответственность: ведь всякая фальшь, отсебятина, вольность, которая будет допущена нами сейчас, уже останется неустранимой в историческом времени» [Гацак 1986, 10].

Литература:

Алтайские героические сказания. "Очи-Бала ", "Кан-Алтын" /сказители А.Калкин, Т.Чачияков, С.Савдин; запись текстов З.С. Казагачевой и С.М. Каташева; перевод. З.С. Казагачевой; вступ. ст. С.М. Каташева; подг. текстов, статьи о сказителе, замеч., коммент., словарь, указатели имен и топонимов З.С. Казагачевой; музыковед, ст. и нотная запись Ю.И. Шейкина и В.С. Никифоровой; отв. ред. В.М. Гацак. — Новосибирск: «Наука», 1997. — 636 с. (со звукоприложением).

Аносский сборник /Зап. от сказителя Чолтыша Куранакова, Н.Я. Никифорова; пер. Н.Я. Никифорова; предисл. и примеч. Г.Н. Потанина. — Омск, 1915. — 257 с.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. — М.; Л., 1924. — 248 с.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи): (Тексты и переводы). — М., 1965. — 340 с.

Гацак В.М. С.С.Суразаков и его труд об исторической поэтике алтайского эпоса // С.С.Суразаков. Материалы к 80-летию со дня рождения. — Горно-Алтайск, 2005. — С.9-18.

Гацак В.М. Перевод как составная часть научной публикации текстов в сибирской и дальневосточной серии. — Улан-Удэ: БИОН, 1986. — С.8-24.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания "Очи-Бала ", "Кан-Алтын ". Аспекты текстологии и перевода / Ин-т алтаистики им. С.С.Суразакова; отв. ред. В.М. Гацак. — Горно-Алтайск, 2002. — 348 с. Когутэй. Алтайский эпос. — М.-Л.: «Academia», 1935. — 203 с.

Кузьмина Е.Н. Текстологические заметки о публикациях народов Сибири в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. — Горно-Алтайск, 1999. — С. 95.

Маадай-Кара: Алтайский героический эпос /зап. и подг. текста, пер., примеч. и прил. С.С. Суразакова; вступ. ст. И.В. Пухова; отв. ред. Н.А. Баскаков. — М., 1973. — 465 с.

Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи / собраны В.В. Радловым. — Ч.; I. Поднаречья Алтай. — СПб, 1866. — 419 с.

Lauri Harvilahti in collaboration with Zoja S. Kazagacheva. The Holy Mountain. Studies on Upper Altay Oral Poetry. - Helsinki: Academia scientiarum - Fennica, 2003. 166 pp.

Письма В.М. Жирмунского С.С.Суразакову // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького; ГАНИИИЯЛ. — Горно-Алтайск, 1986. — С.301-333.

Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае: Исследование и тексты /ГАНИИИЯЛ. — Горно-Алтайск: кн. изд-во, 1962. — 177 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос /Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького; ГАНИИИЯЛ; отв.ред. В.М.Гацак. — М.: Наука, 1985. — 256 с.

Улагашев Н. Алып-Манаш. — Ойрот-Тура: Ойротобластиздат, 1941. — 94 б;

ОБ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ НА БАЗЕ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Соматическая лексика относится к пластам наиболее древней лексики хантыйского языка, является одним из источников выявления родства уральских языков, т.к. в большинстве своем восходит к периоду уральского праязыка. В подтверждение достаточно привести ряд сомонимов хантыйского языка и родственных уральских и финно-угорских языков, в восстановленной праформе и с изначальным значением (согласно анатомии и физиологии):

бородавка: *šüklä или šükl'ä > ф. *suyla*, с. *šiw'hle*, мд. *цильгя*, *сылгыя*, мр. *шыгыль*, в. (др.-в.) *süly, sül*, сам. ск. *šļa*;

глаз: *šilmä > ф. *silmä*, эс. *silm*, э. *сельме*, м. *сельмя*, мр. *сынза*, шинча, у. *син*, *синь* (синм, синьм-), к. *син* (синм-), х. *sem*, мс. *sam, šam*, в. *szem*, сам. н. *sew*;

кость: *luve > ф. *luu*, эс. *luu*, э. м. *ловажа* 'труп', 'мертвец', мр. *лу*, у. *лы*, к. *лы*, х. *löx, läw*, мс. *lu*, сам. н. *li*;

сердце: *šid'ε или šüd'ε > ф. *sydän* (*sydämen*), эс. *süda*, э. *седей*, м. *седи*, мр. *шүм*, у. *сүлэм*, к. *сьолөм*, х. *səm*, мс. *sim, šəm*, в. *szív* (*szivet*), сам. н. *šej* (ОФУЯ 1974: 400-401);

ср. также: *lewle 'дыхание, дух, душа' (совр. х. *lił* 'дыхание', *liłan* 'живой', *lił-* 'дышать'); *šunε 'душа; призрак, тень' (совр. х. *löñx* 'призрак'); *numε > совр. х. *nüm* 'верхний, высокий, небесный', мс. *nim*, *nimi* 'то же', *nimi tärəm* 'верхний бог отец', сам. н. *nim* 'небо', 'бог' (ОФУЯ 1974: 424).

Особую роль играет сомонимическая лексика хантыйского языка в составе лексики природы (фитонимов, зоонимов, реалий неживой природы) и сомонимическая лексика в составе слов – обозначений предметов материальной культуры. Отдельно можно рассматривать устойчивые сочетания и фразеологические единицы, в состав которых входят слова, называющие части тела или внутренние органы человека и живых существ: млекопитающих, птиц, рыб, насекомых. В большей части таких сочетаний и фразеологизмов стержневым компонентом является глагол. Например: *säml* *щи юварлалы* 'он голоден' (букв.: сердце его свернется), *täm* *ëx würyin* 'находясь в своем уме' (букв.: эти люди в крови=их), *sem-tög ninštati* 'просить сострадания' (букв.: глаза тянуть). Отметим и высокую частотность употребления фразеологизмов с участием сомонимов.

Во-вторых, лексические значения могут быть мотивированными и немотивированными. Мотивированными являются те значения, которые отражают внутреннюю связь между предметом и названием: имя дается предмету или явлению на основании характерного признака. Например, слово *kürnat* 'изножье (постели)' обозначает ту часть постели, которая находится "в ногах": *kürn* 'ногами' > *küg* 'нога'. Немотивированными называются значения, которые в современном языке не отражают внутренней связи названия и предмета, например, *ušum* – изголовье.

В-третьих, языковые значения могут быть прямыми и переносными. Таким образом, очень много слов (а глаголов – большинство) оказываются многозначными, а в среде многозначных слов “не-первым” значением чаще всего является именно переносное значение.

Специфику хантыйского языка можно видеть в особенностях отражения картины мира, а также в высоком уровне “субъективизма”; другими словами, хантыйский язык дает возможность говорящему на нем всегда выражать свой, исключительный, субъективный взгляд на мир. Лексикон хантыйского языка устроен таким образом, что он позволяет носителю этого языка выражать субъективный взгляд говорящего непосредственно, без учета предварительной классификации, уже произведенной в языке, потому, что такой классификации просто нет (Каксин 2006). В хантыйском языке нет, например, деления имен “по родам”, нет регламентации в выборе “вида” глагола, а есть свобода для субъективного восприятия мира и проявления этой субъективности в речи. В подтверждение этого приводим несколько выражений, записанных нами у носителей казымского диалекта: семт ши ‘это очевидно’, ал вóттал сухн ‘на трезвую голову; в твердой памяти (он)’, кáшлы мулты нюхи хõн ‘ведь не без боли тело (мясо)’, нумсэм вана йис ‘стало тяжело на сердце (у меня)’, и муй пýнаң ут верл ‘и что он такое делает’, муй нюхел пáты ‘за что, за какие заслуги (его)’, шáшн паватты ‘угробить (кого-либо)’, кõняр ёсах ‘бедолага’ (жалостливо), люхемум ут ‘умерший, покойный’ (жалостливо), пирщ пõхтём ут ‘такой-сякой старый’ (пренебрежительно или с осуждением), шóкашты няврем ‘сирота’ (жалостливо), ши лота паватты ‘поставить в затруднительное положение’ (букв.: в углубление сделать).

Эти и подобные устойчивые сочетания играют очень важную роль в языке, помогая выразить множество модальных и оценочных значений. Многие названия выделений и болезней живого организма, также как первичные названия органов и частей тела, прослеживаются еще с периода существования уральского праязыка (к примеру, слова, обозначающие *голову, глаз, рот, язык, печень*). Но эти слова в современных финно-угорских языках нельзя напрямую связать с той или иной модальностью, можно только констатировать возможность их участия в словосочетаниях (или предложениях), выражающих желание, намерение и другие модальные значения. Это еще не оптатив (или дезидератив, или POSSIBILITY, или какое-то другое наклонение), а *оптативность (необходимость, возможность)*, когда желание (намерение, способность, возможность, невозможность) приписывается субъекту ситуации (в частном случае этот субъект совпадает с говорящим), а выражение модального значения осуществляется не морфологической формой, а синтаксическими средствами (с помощью т.н. синтаксических наклонений).

В словосочетаниях и фразеологических оборотах, содержащих названия частей тела и внутренних органов человека, могут даже выражаться модальные значения (желание, намерение и под.), иногда иносказательно, напр.: *русск.* в *горле* пересохло, т.е. хочется пить, *руки* чешутся, т.е. есть желание кого-либо побить, *финск.* ottaa pääkseen ‘задаться целью’ (*pää* ‘голова’), *мокиш.* кялец юмась ‘язык отнялся, т.е.

нет возможности говорить' (*кяль* 'язык'), *хант.* сáм вохла 'есть хочется; букв.: сердце куда-то просят' (*сáм* 'сердце') [о других подобных идиомах в хантыйском языке см.: Каксин 2003].

Устойчивые сочетания, например, очень точно выражают отношение к болезни и смерти (здесь важны и само наличие слов, называющих болезни, и сложные семантические отношения внутри ЛСГ глаголов смерти). В частности, в хантыйском языке такого рода лексика специфична в том смысле, что в ней отражаются одинаково *незнание* о многих болезнях, *легковесное* отношение к любым болячкам и самое *разное* восприятие смерти.

По-разному можно проводить анализ семной структуры лексем, обозначающих части тела и внутренние органы. Как известно, семантическая структура, состоящая из сем, лежит в основе лексического значения слова. Семой (от греч. *sema* - знак) называют минимальную единицу плана содержания. Так, у существительного *sem* 'глаз' четыре семы: 1) *voj/ х́аннех́о р́улат/ ш́иҥкат* – органы, части тела, выделения и болезни живого организма; 2) *voj/ х́аннех́о венš/ ја́рал ш́иҥкат* – органы на лице человека (морде зверя); 3) *х́аннех́о sem-tõrat* – органы восприятия и чувств человека; 4) *х́аннех́о sem* – человеческий глаз. Семы у слов могут совпадать, а могут и противопоставляться. Например, у слов *ас́и* 'отец' и *аҥќи* 'мать' одинаковыми являются все семы, кроме первой: "мужской пол" у существительного *ас́и* противостоит семе "женский род" у существительного *аҥќи*.

Особого внимания заслуживает вопрос об образности устойчивых словосочетаний (фразеологизмов), их синонимии с цельными словами и свободно образующимися словосочетаниями. Изучение синонимов и синонимии (в хантыйском языке), построение теории лексических синонимов (хантыйского языка) должно опираться на рассмотрение многочисленных фактов, огромного множества слов, взятых в многообразии их лексических значений, их (т.е. синонимов) связей не только между собой, но и с другими сторонами, с другими лексическими микросистемами (напр., антонимами), а также в связи с другими сторонами языка в его целостности. Для хантыйского языка наиболее важным представляется связь лексики со словообразованием, так как в результате присоединения определенных суффиксов к корню (непосредственно после корня) получаются новые слова. Наш подход к такого рода словам основан на предположении, что словообразовательный суффикс часто вносит не только чисто лексико-грамматическое значение, но и коннотативное (оценочное, экспрессивное и т.п.) значение. Это же правило относится и к словам, образованным путем словосложения, например, таким как *шакпак* 'аккуратный', *питасанг* 'надоедливый', *турасанг* 'надоедливый'; в нашем случае примерами могут служить слова и сочетания: *вўраанг* 'настойчивый' (*вўр* 'кровь'), *хор су́ха йиты* 'вознегодовать; вспылить' (*сух* 'кожа'), *кўлумты* 'стать вздорным' (о характере человека) (*кўлма* 'толстая, жирная часть'), *ла́нги-па́нги* 'пронырливый' (*панг* 'большой палец'), (*ма*) *ёша-кўра* '(я) собственноручно' (*ёш* 'рука', *кўр* 'нога'), *охта*-пу́лха 'без пользы; бесплодно' (*охат* 'блевотина').

Теперь об именных словах в составе устойчивых сочетаний, и выше мы писали о разделении их на три группы. Подробнее охарактеризуем каждую из этих групп.

1. Имена, обозначающие черты характера, душевные свойства человека. К ним относятся слова типа: лыл 'душа, дух', вор 'характер', нумас 'мысль, мечта', вев 'твердость, сила духа'.

Примеры устойчивых сочетаний: нумас вана йис 'стало тяжело на душе' (букв.: мысль короткой стала), ясаңа-кела вóйтáнтты 'быть обиженным кем-то' (букв.: на обидные слова напороться), мевар алумты 'претерпеть обиду от кого-либо' (букв.: обиду поднимать).

Сочетание лыл 'душа, дух' + мáн- 'идти' обозначает сильную степень страха: пýпи шиваласум - лылем иса мáнас 'медведя увидел – душа у меня ушла в пятки'.

2. Имена, обозначающие части тела человека. Данную группу составляют имена венш 'лицо', сем 'глаз', ёш 'рука', ух 'голова', пенк 'зуб' и другие.

Примеры устойчивых сочетаний: кýчум сухн 'в нетрезвом состоянии' (букв.: в пьяной коже), сем лап хáчуман 'не глядя, без опаски' (букв.: глаза приударив), нялум пáтыя омсалты 'обмануть' (букв.: на конец языка посадить).

3. Имена, обозначающие внутренние органы человека: хун 'внутренности, нутро, живот', турах 'легкие', сáм 'сердце', мухал 'печень' и другие.

Примеры устойчивых сочетаний: сáмал лáңхаты хуят 'легкий на подъем' (букв.: тот, у кого сердце хочет), сáмлы-мухаллы паватты 'напугать до смерти' (букв.: без сердца, без печени оставить), хун сорса 'проголодался' (букв.: живот высох).

Итак, нами рассмотрены устойчивые сочетания, образованные от имен и глаголов. Имена в их составе обозначают внутренние органы и части тела человека, а также понятия, вызываемые по ассоциации с ними. Круг глаголов, сочетающихся с сомонимами в хантыйском языке, также достаточно разнообразен. В целом, можно сделать вывод о том, что у хантов некоторые внутренние органы ассоциируются с определенными эмоциональными переживаниями, что в языке отражается наличием соответствующих устойчивых сочетаний.

Необходимо продолжать работу по изучению отраслевой (тематической) лексики хантыйского языка. В частности, изучение сомонимии хантыйского языка может развить этимологические исследования, внесет новое в лексикологию финно-угорских языков, сопоставление урало-алтайских языков – в ностратическое направление в языкознании.

Сокращения названий языков и диалектов

в. – венгерский, к. – коми, м. – мокшанский, мд. – мордовский, мр. – марийский, мс. – мансийский, сам. н. – самодийский ненецкий, сам. ск. – самодийский селькупский, у. – удмуртский, ф. – финский, х. – хантыйский, э. – эрзянский, эс. – эстонский.

Литература и источники:

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
Финско-русско-финский словарь / В серии: маленькие желтые словари от gummerus / Ю.С.Елисеев. — Jyväskeylä, 1999.
Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.
Каксин А.Д. О некоторых лексических средствах выражения опативности в хантыйском языке. — *Linguistica Uralica*. XXXIX. 2003. № 2. — С.94-99.
Каксин А.Д. Лексикон младописьменного языка и его представление в словарях (на примере хантыйского языка) // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Труды Всероссийской научной конференции (27 марта 2006 г., г.Стерлитамак). — Уфа, 2006. — С.38-45.

Каксин А.Д. Модальные слова как основное лексическое средство выражения модальности в хантыйском языке. — Вестник Башкирского университета. 2007. Том 12. — № 4. — С.97-100.

Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Роль национальной интеллигенции в деле развития письменности языков малочисленных народов // Интеллигенция и проблемы национальных отношений: Материалы VII Международной научной конференции. 16-18 сентября 2008 г. Том II. — М.-Улан-Удэ, 2008. — С.189-193.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 2003.

Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н.Ярцева. — М., 1990. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития языков. — М., 1974.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М., 2000.

Полевые материалы автора (собраны в 1989-2008 гг. в с.Казым Белозырского района Тюменской области)

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ имен: семантика и сочетаемость. — М., 2001.

Способы действия в когнитивном аспекте. — С-Пб., 2002.

Современный англо-русский и русско-английский словарь: 100000 слов / Сост. Т.А.Сиротина. — М., 2005.

Успенский П.Д. Tertium organum: Ключ к загадкам мира. — М., 2000.

Логический анализ языка: Языки пространств: Сб. статей. — М., 2000.

Каримова Р.Н., г. Уфа

ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОНД ЭКСПЕДИЦИОННЫХ АУДИОЗАПИСЕЙ

Работа выполнена при поддержке программы ОИФН "Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации"

Целью формирования и развития электронного фонда экспедиционных аудиозаписей ИИЯЛ УНЦ РАН является обеспечение долговременного хранения, пополнения, изучения и многопрофильного использования архивных аудиоматериалов.

Необходимость формирования и развития данного электронного фонда определяется научным, культурным и общественно значимым содержанием языковых, фольклорно-этнографических материалов, характером насущных проблем возрождения традиций народной культуры башкирского народа, ролью электронного фонда экспедиционных аудиозаписей башкир в осуществлении программ сохранения и восстановления культурного наследия.

Электронный фонд экспедиционных аудиозаписей башкир будет представлять собой объединенное научное собрание экспедиционных материалов сотрудников ИИЯЛ УНЦ РАН.

Основу электронного фонда экспедиционных аудиозаписей башкир будут составлять коллекции аудиоматериалов (оригиналы, копии) по культурному наследию башкир.

На данный момент в фонде ИИЯЛ УНЦ РАН хранятся экспедиционные материалы по этнографии, языку и фольклорному творчеству башкир, проживающих не только в Республике Башкортостан, но и в Российской Федерации. Это фольклорные образцы (обрядовые, лирические, хороводные и плясовые песни, духовные стихи, сказки, игры, наигрыши и т.д.) и большого количества репортажей о различных составляющих традиционной народной культуры: народный календарь, семейно-бытовой уклад, трудовые процессы, народная кухня, народная медицина, костюм, этнопедагогика и т.д. Экспедиционный аудиофонд ИИЯЛ УНЦ РАН — это записи, сделанные преимущественно в полевых условиях.

Электронный информационный банк данных и единый фонд материалов по народной культуре башкир, опубликованный в открытом доступе, позволит открыть для башкирских и российских специалистов значительный информационный ресурс, а новые компьютерные технологии позволят решить круг проблем и обозначить новые подходы к хранению и применению информации о народной культуре башкир, проживающих в РФ.

Несмотря на глубокий интерес ученых к традиционной культуре башкир, информация, хранящаяся в аудиозаписях старого и нового образца, практически недоступна российским ученым, педагогам и специалистам, пока доступна лишь небольшая часть экспедиционных материалов — то, что опубликовано в печатных изданиях.

Насущная задача: создание условий всем заинтересованным учреждениям, организациям и частным лицам для открытого доступа к языковым, фольклорно-этнографическим коллекциям.

Фонд, созданный в результате реализации данного проекта, явится значительной методической и информационной поддержкой программ изучения языка, истории и культуры башкир, своего рода малой энциклопедией народной культуры башкир.

Киньягулова З.И., г. Сибай

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МУЗЫКАНТОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Современный этап развития цивилизации характеризуется глобальной тенденцией этнических процессов, ростом значимости этнических факторов в жизнедеятельности человека. Движение многонационального общества к качественно новому состоянию, в основе которого находятся общечеловеческие начала жизни — гуманизм и сотрудничество, защита прав человека, ищет новых подходов к решению проблем воспитания молодёжи. Важнейшее значение в становлении и формировании всесторонне развитой личности имеет изучение национального музыкального фольклора. Фольклорное наследие любого народа — это уникальный источник сохранения духовно-культурных достижений, имеющий признаки национальной принадлежности и самобытности. В нем в концентрированной форме выражены эстетические, нравственные идеалы и ценности, которые являются бесценным источником обогащения современной педагогики.

Еще в классической педагогике обращалось внимание на необходимость приобщения молодого поколения к ценностям, созданным различными народами. Это относится, в частности, к творчеству таких выдающихся педагогов, как Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Я.А. Коменский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др. До сих пор не потеряли своей актуальности идеи о роли народного искусства педагогов-просветителей прошлого: М. Акмуллы, М. Бикчурина, К. Насыри, М. Уметбаева и др. В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский выдвинули свою теорию, основной идеей которой является воспитание Человека через познание прекрасного в жизни и искусстве на основе фольклора. Представляют глубокий интерес исследования роли национальной музыкальной культуры в духовном

формировании личности человека Л.П. Атановой, Н.В. Ахметжановой, Л.М. Кашаповой и др. Значительный опыт по вопросам воспитания учащихся средствами национальной музыки накоплен за рубежом (Б. Барток, З. Кодай, К. Орф, Ш. Сузуки и др.). Особую значимость в развитии творческих способностей имеют исследования современных педагогов-музыкантов (Н.В. Ахметжановой, Т.С. Зиновьевой, Л.Н. Шаймухаметовой).

Ведущим звеном в творчески развивающей системе подготовки специалистов-музыкантов и будущих преподавателей является комплекс оптимизирующих методов, включающих использование музыкального фольклора. Их введение в преподавание музыкально-теоретических дисциплин активизирует процесс оперирования знаниями, музыкально-слуховыми представлениями, интенсифицирует слуховую и мыслительную активность студентов, совершенствует их профессионально значимые и личностные качества.

Музыкальный фольклор содержит ценные идеи и проверенный веками опыт воспитания, которые, развиваясь, обогащают мировую педагогическую мысль. Изучение этого опыта и использование достижений современного музыкознания открывают человеку возможность творческой реализации и самоопределения в мире.

Калыбаева Қ.С., Алматы қ.

ҚЫПШАҚ НОҒАЙ ТІЛДЕРІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРІНІҢ ЭТНОГЕНЕЗИСТІК АСПЕКТІЛЕРІ

Түркі тілдерінің лексика семантикалық ортақтығын сақтауы мен жіктелу үрдісі түркі тілдерінің жеке топтарының пайда болу үрдісімен қатарласа жүріп отыратын құбылыс ретінде қаралады. Бүгінгі түркі тілдерінің әрқайсысы да өз лексикалық қорында түркі тілдерін біріктіруші, даралаушы дерек көздерін сақтап отыр. Түркі тілдерінің фонетикалық, грамматикалық қабаттарын салыстыра зерттеген Шербак А.М. бұл тілдердің лексикалық қабатындағы айырмашылықтары мол болуының себептерін санамалай келе тілдердің лексика қабатының тез өзгертетін факторлардың бірі ретінде фразеологизмдерді атайды. «... лексика обогашается за счет фразеологии, выступающей носителем самобытности и национальной языковой специфики» [Шербак 1994, 123]. Демек, халықтың тілдік жағынан даралану процесін зерделеуде фразеологизмдердің орны ерекше.

Тарихта қыпшақ даласында бірнеше түркі тайпалары өмір сүргені мәлім. XIV ғасырда Алтын Орданың ыдырап кетуіне байланысты, бірнеше түркі халықтары пайда болады. Өзбек, қазақ, түркімен және қырғыз өз алдына халық болып бірікті. Соңынан татар, башқұрт және Сібір мен Кавказдың түркі тілдес халықтары өз ара ажыраса бастаған еді. XVII-XVIII ғасырға келгенде көпшілік түркі халықтары өздерін ұлт ретінде тани бастады.

Алтын Орда мемлекеті құлағаннан кейін пайда болған қыпшақ ноғай бірлестігіндегі халықтардың тілінің негізінде қалыптасқан халықтардың бірі қыпшақ ноғай тобындағы халықтар. Тарихи деректерде бұл бірлестікті ноғайлы елі деп атағаны белгілі. Ноғайлы бірлестігі құлатылған соң, олар бірнеше хандықтарға ыдырап кетті. Соның нәтижесінде ноғай, қарақалпақ және қазақ халықтарымен бірге

олардың әдеби тілдері де қалыптасты. Бүгінде қыпшақ тобындағы түркі тілдерінің ішінде қыпшақ ноғай тобына енетін қазақ, қарақалпақ, ноғай тілдері тобының лексикасындағы сәйкестік ортақтығын сақтағанына қарамастан басқа топтарға қарағанда біршама шашыраңқы. Оның көрінестері аталған тілдердің фразеологизмдерінен де байқалады. Оның басты себебі, аталған топтағы тілде сөйлейтін халықтардың орналасуындағы территориялық алшақтықтар сөзсіз әсер еткен. Соның нәтижесінде жақын туыстас тілдердің лексикасындағы айырмашылықтар молая түскен.

Ноғай тілі қазіргі Қарашай Черкес автономия облысында мекендейтін ноғай халқының тілі. Ноғай тілі өзінің сөздік қорына және грамматикалық құрылымына қарай қарақалпақ тіліне жақын келеді. Ноғай халқының біразы Дағыстан территориясында, Ставрополь өлкесінде, Астрахань маңында өмір сүреді. Басқақов ноғай тілінің үш диалектісін көрсетеді: (ноғай диалектісі, қара ноғай диалектісі, ақ ноғай диалектісі). Ноғай тілі қалыптасу тарихы жағынан үлкен Ноғай ордасымен, Алтын орда және қыпшақ тайпалар одағының даму тарихымен тығыз байланысты. Ноғайлар мен қазақтардың түпкілікті ажырауы жонғар қалмақ шапқыншылығы кезеңіне сай келеді.

Қарақалпақ тілінде: Ноғай тілінде:

Кеуілі түсіу кьонили тусуьв

Бастан кешіріу баштан кичируьв

Тилли қышытыу тилли қычытиуьв

Тилге келіу тилге киеллиуьв

Ноғай тілі өзінің құрылымы, сөзжасамы жағынан қазақ тіліне өте жақын тіл болғандықтан бұл тілдің фразеологизм-дерінде де ортақтық өте мол. Тек аздаған айырмашылықтар кездеседі. Ондай айырмашылықтар негізінен кейбір фразеологизмдердің құрамындағы сөздердің семантикалық жағынан өзгерісіне байланысты. Мысалы, ноғай және қазақ тіліндегі бірқатар фразеологизмдердің құрамы мағыналас сөзбен ауысып келеді.

Ноғай тілінде Қазақ тілінде

Ауыз этуьв ауыз тию

Көз атув көз салу

Ашуьв этув ашулану

Ашуьв сыпатланув ашуы келу т.б

Ноғай тілін қазақ тілінен ерекшелеп, қыпшақ бұлғар тобындағы татар, башқұрт тілдерімен және қыпшақ половшы тіліндегі қарашай балқар, құмық тілдерімен біріктіретін бірқатар ортақтықтар бар. Ондай ерекшеліктер ноғай тілі лексикасында кездесетін қыпшақ бұлғар тобына тән **желке**, **мұрын** сөзінің фразеологизмдер құрамында мол кездесуі, қыпшақ половшы тобындағы тілдерге жақындататын **борбай**, **ару**, **тас** сөздерінің өнімді қолданысы, грамматикасында **тувул (түгел)** «**жоқ**, **емес**» модаль сөзінің сақталуына байланысты. Себебі, бұл халықтың тарихын зерттеуші ғалымдардың ноғай және қарашай балқар, құмық тілдерінің бірлікте болғанын айтады. «Примерно к XIII-XIV столетиям в горы центральной части Северного Кавказа стягиваются тюрко-язычные карачаевцы и балкарцы, потомки ряда тюркских племен и в том числе половцев, с которыми связаны по своему происхождению кумыки. Около XIV-XV вв. появляются здесь и

ногайцы. Несколько позднее в Ставрополье появляются тюркоязычные тухмены, очень близкие среднеазиатским туркменам» [Бичурин 1950, 11].

Желке сөзі кыпшак тобы тілдерінің фразеологизмдерінде негізінен татар, башқұрт тілдерінде әрі қарашай балкар, құмық тілдерінде мол кездесуімен ерекшеленеді. Осы секілді, ноғай тілінде де бұл сөз фразеологизмдерде өте мол орын алған. Мысалы: **елкеси тыртысув «жақтырмау», елкесин коьр-гендей этип коьрув «ұнатпау», елкеси кайнав «семіру», калын елкели киси «бай, тұрмысы дұрыс адам».** Қазақ тілінде көбінде танау сөзі қолданылатын фразеологизмдерде татар, башқұрт тілдеріндегідей «бурын» мұрын сөзі қолданылуы да ноғай тілін аталған тілдерге жақындатады. **Бурын туьбинде «жакын жерде», бурын тыгув «тұмсығын тығу» (кажетсіз жерге араласу), бурнын коькке коьтеру «танауын көкке көтеру», бурнынан тартса йьгыляак «арық, жүдеу»;**

Ноғай тілін кыпшак бұлғар тобына жақындататын юрек былғанув «жүрегі айну», ел бас «жеңілтек», юрек ирув «ұнату» т.б. фразеологизмдердің кездесуі аталған тілдердің бір кездердегі тарихи бірлігінің көрінісі.

Кыпшак половшы тобындағы қарашай балкар, құмық тілдері лексикасында жиі қолданылатын борбай, тас, ару сөздері ноғай тілін аталған тілдерге жақындатады да, қазақ тілінен ерекшелендіреді. Мысалы: **кара борбай болып юрув «біреуге бағынышты болу», аьрув соьз йьланды иннен шыгарар, тас болу «кету, жоғалу»** секілді бірліктер ноғай тілінің қарашай балкар, құмық тілдерімен ортақтығын танытады.

Демек, ноғай тілі ноғай кыпшак тобындағы тілдік белгіні фразеологиясында толық сақтаған. Соған қарамастан, ноғай тілі Алтын Орда дәуіріндегі бұлғар, половшы тобындағы тілдердің тығыз қарым қатынаста болған дәуірдегі тілдік белгілерін де сақтаған, әрі қазіргі халықтың орналасу территориясына байланысты тілдік ареалдық өзгерістерге де ұшыраған. Мусаевтің айтуынша «Конвергенция восточных и западных кыпчаков наиболее интенсивно развивалась в золотоординскую эпоху, тогда в зоне контактов между двумя основными ветвями складывается смешанный язык ногайского типа с преобладанием западных элементов, лексикой — больше заимствований из персидского, арабско-кого и северокавказских языков и из русского языка. И тем не менее сохранил некоторые общие ногайско-кыпчакские особенности, которые казахский утратил». [Мусаев 1984, 23] Дегенмен ноғай тілін кыпшак тобындағы татар, башқұрт, қарашай балкар, құмық тілдерінен гөрі қазақ және қарақалпақ тілдерімен ортақ жағы анағұрлым мол.

Қарақалпақ тілі Өзбекстан құрамына енетін Қарақалпақ автономиялы республикасының халқының әдеби тілі. Құрылымы жағынан қазақ және ноғай тілдеріне өте жақын тіл. Қарақалпақ халқы Өзбекстан аймағындағы Хорезм, Ферғана облыстарында, Астрахань аймақтарында және ше-телдерден Ауғанстанда мекендейді. С.П. Толстованың пікірі бойынша қарақалпақтардың халық болып қалыптасу процесі Арал теңізі маңында оғыздар мен шығыстан келген кыпшак қимақ тайпаларынан құрылған Қанлы бірлестігінің құра-мында болған кезде басталған. Қарақалпақтардың печенег оғыз тайпаларынан шыққандығын А.Вамбери де қолдайды. Н.А. Баскаковтың айтуынша

«Қарақалпақ халық-тық тілі кейіннен Печенег (10-11), половшы (11-13), Алтын Орда (13-15) және үлкен Ноғай ордасы мен қазақ, өзбек одақтарына сіңісіп кеткен тайпалардың негізінде қалыптасқан» дейді. [Баскаков 2006, 121]

Ал қарақалпақ халқының шежіресін жазған профессор К.Мәмбетов, Қарақалпақтардың шыққан тегін сақ және массагет тайпаларымен байланыстырады. Олардың ішінде дәрья бойы сақтарының құрамы нәтижесінде пайда болған деп ой түйеді.

Қазіргі қарақалпақ тіліндегі фразеологизмдердің семан-тикалық, құрылымдық түрлерінің молдығына қарамастан, олардың жасалуындағы ортақ заңдылықтарды аңғаруға болады. Т.А. Бертагаев фразеологизмдердің қалыптасуындағы өнімді тәсілдің бірі ретінде семантикалық өзгеру екендігін көрсетеді. «Когда даже один из членов данного сочетания, не говоря о всех, в силу тех или иных семантических отклонений, выходит из рядов родственных слов, то этим уже создается первая возможность к появлению устойчивых фразеологических единиц» [Бертагаев 1960, 68].

Мысалы, қарақалпақ және қазақ тіліндегі **суудай білу, судай білу** «өте жақсы жатқа білу» деген мағынада кенінен қолданылады. Олардың арасында тек дыбыстық қана айырмашылық байқалады. Сол секілді бұл топта қарақалпақ тіліндегі **аузына суу тамызу, аузының салыуы бар, бетке устар, бетке тугар, көзді ашып жұмғанша, көзге шыққан шүйелдей, аяғы жерге тиймеу, арасынан қыл өтпеу, қокқан қазикдай, соқырға таяқ услатқандай тис қаққан** секілді фразеологизмдер жайлы да осыны айтуға болады. Осындай ортақ фразеологизмдердің көптігіне қарамастан бұл тілдердің фразеологизмдерінде бірқатар өзіндік айырмашылықтар да жоқ емес.

Қарақалпақ және қазақ тілдерінде бір семантикалық мағынада жұмсалатын фразеологизмдердің құрамы ауысып келеді. Ондай ауысудың өзінің екі түрін байқадық. Бірінші-ден, қазақ тіліндегі кейбір фразеологизмнің құрамындағы сөздердің тек орны ауысып келеді. Және бұл тәсіл негізінен тек осы қарақалпақ және қазақ тілдерінде байқалды. Мысалы: қ.ққалп. **аспан менен жершелли** «өте үлкен айырмасы бар деген мағынада», **көз бен қастың арасында** «тез жылдам», **қалың бет** «ұяты жоқ» т.б. Ал, қазақ тілінде: **Жер мен көктей**, **қас пен көздің арасында**, **беті қалың** түрінде ауысып қолданылады.

Ал, ендігі бір фразеологизмдердің құрамындағы сөздерінің орны ауысып келеді. Мысалы, қазақ тіліндегі **ит тұмсығы батпайтын** «ну орман» мағынасы **пышық мурны батпас** түрінде **жылан жалағандай** тіркесі **пышық жалағандай** түрінде қолданылады. Сол секілді, **хат хабарсыз** «еш хабарсыз» тіркесі қарақалпақ тілінде **хабарсыз атарсыз** түрінде, қазақ тіліндегі **айдан анық** тіркесі **айдан ашық** түрінде, қазақ тіліндегі **бес саусақтай білу** тіркесі қарақалпақ тілінде **бес бармақтай білу** түрінде қазақ тіліндегі **бидай өнді** тіркесі **буудай жүзлі**, қазақ тіліндегі, ақ көңіл ақ көкірек, басы піспеу басы батпау «тіл табыса алмау» **ала аяқ ақ аяқ**, **ақ саусақ ақ жаға** түрінде құрамы ауысып қолданылады.

Қарақалпақ тіліндегі кейбір фразеологизмдердің тіркесу тәсілі аздап оны қыпшақ бұлғар, қыпшақ половшы тобына жақындатады. Мысалы Қарақалпақ тіліндегі **Жүрегі жұмсақ: жүрегі бос, ийи бос**, катігез: **бауыры тас, бай, тұрмысты: Ауқаты жақсы, Кедей: ауқаты жаман, маңдайы қара**

«бақытсыз», бас көтерінки «менмен адам», пәруайы пәнсері «тәрбиесіз», жаны себил, шандыры шыққан, наны пүтн, уақыты хош, көкірегі қара, қаны қызба, териси тар, тобығы толған «есейген», ығбалы жатқан «бақытсыз», териси тар, уллы тонқылды, урда тут жан, қаны сұйық т.б., қарақалпақ тілінде *бауыры тас* түрінде кездесуі татар, башқұрт тілдерімен құрылымдық ортақтығын сақтағандығын танытады.

Сонымен қатар қазақ тілінде мүлдем кездеспейтін фразеологизмдер де көптеп кездеседі. Мысалы: **жуулмаған қасықтай** «сүйкімсіз, орынсыз әр іске кірісетін адам»; **Терис жонқа** «қырсық адам»; **адалға қарсы жок** «кедей»; **Ай менен жарысқан** «айдай сұлу»; **Аттың қасқасындай** «айдан анық»; **Ашылмаған мандай ,жазық мандай, қара мандай** «бақытсыз адам», **кәлә молланы көрмеген** «тәрбиесіз адам»; т.б.

Дегенмен, қарақалпақ тілі барлық жағынан қазақ тіліне жақын тіл екендігін фразеологизмдерінен көруге болады. Қазақ қарақалпақ тілдері фразеологиясындағы басты айыр-машылықтар негізінен лексика семантикалық деңгейде ғана қалыптасқан. Яғни, қарақалпақ тілі лексикасындағы араб, иран элементерінің молдығы ол тілдің фразеологиясына да әсерін тигізбей қалмаған.

Ал, ноғай тілі ноғай қыпшақ тобындағы тілдік белгіні фразеологиясында толық сақтаған. Соған қарамастан, ноғай тілі Алтын Орда дәуіріндегі бұлғар, половшы тобындағы тілдердің тығыз қарым қатынаста болған дәуірдегі тілдік белгілері де байқалады, әрі қазіргі халықтың орналасу территориясына байланысты тілдік ареалдық өзгерістерге де ұшыраған.

Сонымен қорыта айтқанда қыпшақ тобындағы түркі тіл-дерінің ішінде қыпшақ ноғай тобына енетін қазақ, қарақалпақ, ноғай тілдері тобының фразеологиялық сәйкестігі ортақтығын сақтағанына қарамастан басқа топтарға қара-ғанда біршама шашыранқы. Оның басты себебі, аталған топтағы тілде сөйлейтін халықтардың орнала-суындағы территориялық алшақтықтармен байланысты болса керек. Айталық, жалпы қыпшақ тобындағы тілдердің ішінде қыпшақ бұлғар, қыпшақ половшы топтарындағы халықтардың тілі, лексикалық сәй-кестігі біршама мол болып келсе, қып-шақ ноғай тобындағы тілдер (ноғай, қарақалпақ, қазақ) лек-сикалық сәйкестігі салыстырмалы түрде біркелкі емес. Соның нәтижесінде жақын туыстас тілдердің лексика-сындағы айырмашылықтар молая түскен. Ал, оның көрінісі аталған жақын туыстас тілдердің фразеологизмдерінен көрініс тапқан дегіміз келеді.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы тюркской сравнительной фразеологии. Сравниваются фразеологизмы близкородственных языков, как казахский, ногайский и каракалпакский. Определяются этногенезные аспекты близкородственных народов в их языке и во фразеологии.

Пайдаланылған әдебиеттер

- Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 2006.
Бертагаев Т.А. К сравнительно-историческому изучению лексики монгольских языков. – М., 1960.
Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии. — М-Л, 1950
Мусаев К.М. Лексика тюркских языков – М., 1984.
Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – М. 1994.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЗМА В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Современная чувашская драматургия, благодаря творчеству таких писателей как Н. Сидоров, Б. Чиндыков, Н. Угарин, А. Тарасов, А. Пяртга и др., сравнительно быстро преодолевает отставание от других жанров литературы. Тем не менее до настоящего времени остаются нерешенными проблемы театра (в плане обеспеченности новыми репертуарными произведениями) и вопросы, связанные с жанрово-видовыми особенностями самой национальной драматургии. Мы же попытаемся исследовать чувашскую драматургию в аспекте проблем историзма и национальной самобытности, которые приобретают все большую актуальность в современной науке о литературе и театре.

Чувашская драматургия на протяжении веков отличалась углубленным изображением национального быта и процессов, происходящих в нем, психологически достоверным изображением народного характера. В произведениях, посвященных исторической тематике, на первый план активно выдвигались общечеловеческие ценности. Так, исторические события авторами оценивались в категориях добра и зла, усиливая философское осмысление бытия и обогащая его истинным национальным мировидением. При этом драматурги пытались придерживаться основных принципов историзма — достоверности фактов, хронологической последовательности событий и явлений, временной дистанции между ними.

Чувашская профессиональная драматургия еще на этапе своего становления (1910-20-ые гг.) особый интерес проявила к прошлому своего народа, что было вызвано ростом национального самосознания народа в период революционных преобразований в стране. Закладывая основы национальной драматургии, авторы первых пьес становились на путь историзма. Поиски реалистического метода приводили писателей к национальным истокам, к традициям народа. Открытие таких творческих принципов реализма, как историзм, народность, взаимосвязь судьбы народа и героя, совершалось через переосмысление фольклорного материала. Так, Г. Тал-Мрза в незаконченной трагедии «Сильби» (1921) рассказывает о разгроме Волжской Булгарии, в VIII-XII вв. бывшей сильным чувашским государством, монголами. М. Юрьев в своей трагедии «Последние дни Волжской Булгарии» (1921-25), раскрывая эту же эпоху, пошел дальше. Автор не только раскрыл причины падения сильнейшего в свое время государства (внутренний раскол, измена и предательство), но и «сумел показать размышления и чаяния чувашского народа, сохранившиеся в течение 700 лет (с момента падения до сегодняшних дней). Национальная интеллигенция в начале XX в. мечтала о свободе народа, его развитии наравне со всеми. И поэтому в исследовании прошлого чувашского народа он видел его будущее, призывал бороться против национального гнета, за что и был обвинен в «национализме» [1].

В центре исторических драм, как правило, стоит образ типического героя из народа. Чем больше воплощает в себе герой свойств народа, преобразующего мир и самого себя, тем он становится типичнее - при всем своем своеобразии. Человеческое побеждает во всем, меняет

соотношение психологического, национального и общечеловеческого в облике героя. Огромную роль при этом играет исторический фактор. В драме П. Осипова «Наше спасение в густых лесах» (1926) главный герой Айдар вовсе не положительный герой. Он богач-тиран, все чувашские деревни находятся в его подчинении. Но он вместе с народом встает на защиту своей веры и традиций (его последние слова: «Берегите нашу веру!»), борется против национального гнета, насильственной христианизации чувашей (XVIII в.).

В 60-80-е годы XX века изменился арсенал изобразительных средств во всех жанрах литературы, в том числе и в драматургии. В этот период драматургия овладевает искусством соотнесения истории с конкретной судьбой человека, становится способной увязывать развитие характера в тесной связи с обстоятельствами. Появляется новая концепция исторического деятеля и личности.

Значительным достижением чувашской драматургии тех лет стала драма Н. Терентьева «Волны бьют о берег» (1970). Здесь показаны исторические судьбы двух деятелей народного просвещения – И.Н. Ульянова и патриарха чувашской культуры И.Я. Яковлева. Раскрывая историческую роль и значение просветительской деятельности И.Я. Яковлева, драматург рассказывает о зарождении под его началом целой плеяды деятелей культуры и образования чувашского народа. На принципах историзма сложена и драма «После молнии – гром». В силу идеологической направленности литературы того времени судьба чувашского народа в переломную эпоху раскрывается здесь при наличии такой личности, как В. Ульянов-Ленин.

Постижение прошлого сопровождалось постоянным интересом писателей к истории. Чувашские драматурги, обращаясь к возможностям реалистической, психологической драмы, все более овладевая принципом историзма, сумели создать и раскрыть значительные характеры героев, разработать сложные сюжетные ходы, показать героя и обстоятельства в их взаимообусловленности. Ю. Скворцов в исторической драме «Священный огонь».

В пьесах на историческую тему, созданных современными драматургами в последние десятилетия, история народа, ее движение, судьба народа оцениваются на принципиально новой концептуальной основе. Стремление истолковать наиболее судьбоносные моменты жизни требует от драматурга исторических, философских знаний для глубокого и всестороннего воссоздания исторического бытия народа. Современная историческая драматургия свидетельствует о том, что драматурги в поисках достоверных сведений о жизни и судьбе народа обращаются к самым разным источникам. Большое влияние на развитие драматургии в наши дни оказывают документальные источники. Так, Н. Сидоров в исторических драмах «Плач девушки на заре» (1999), «В ночь, когда погасла звезда» (2002) продолжает тему падения Волжской Булгарии (1236) и присоединения чувашского народа к Российскому государству (1551) уже с новой переоценкой исторического прошлого народа.

В связи с укреплением историзма мышления в литературе воссоздание национального характера становится не менее важным.

Б. Чиндыков в трагедии в стихах «Урасмет» (1993) раскрывает черты жестокого правителя.

Следующий писатель А. Кибеч в исторической драме «Купец Ефремов» (2006) попытался воссоздать образ исторической личности, сыгравшей значительную роль в судьбе дореволюционной Чувашии. Идеализация героизма личности купца Ефремова, его близкая взаимосвязь и общества, излишне романтически выраженная симпатия народа по отношению к герою, показанная в драме, не совсем соответствует действительности. Факт и вымысел в произведении не соотносятся друг с другом, что мешает правильному восприятию драмы.

Проблема духовной преемственности, закономерная и для чувашской литературы на современном этапе ее развития, определяет и трактовку героя. В произведениях драматургии обретает прочное место тема памяти, укрепляются нравственные и духовные критерии народа. У Б. Чиндыкова в монодраме «Черная ласточка» (2005) в образе Чекесь воплощается идея преемственности и связи времен и поколений, исповедующих древние традиции народа. Чекесь явилась образом чувашской женщины-матери, вставшей на защиту всего народа. Она сегодня стала национальным героем и примером мужества для всех женщин.

Как видим, историзм как основополагающий принцип развития национальных литератур определил творческие интересы писателей на всем протяжении истории развития чувашской драматургии. В исторических драмах, трагедиях, монодрамах историзм определял концепцию общественного развития самого народа, его истории. Авторы, обращаясь к прошлому, стремились и стремятся показать богатую историю народа и его национально-художественные традиции.

Литература:

Родионов В.Г. Чувашская литература (1917-30-ые гг.): Учебное пособие. – Чебоксары, 2005.

Коканова Ж.А., г. Алматы

ТӨРТ ТҮЛІКТІҢ ЖҮНІНЕ ҚАТЫСТЫ ТІЛДІК БІРЛІКТЕР

Әрбір халықтың дүниетанымы оның тұрмыс-тіршілігімен, айналысқан шарушылығымен, қала берді географиялық аймағы мен климаттық ерекшелігіне байланысты дейтін болсақ, дүниежүзі халықтарының ішіндегі малды жақсы танитын халық — қазақ халқы.

Малды жақсы танитындықтың белгісі: қазақ халқы төрт түлік малға оның түр-түсіне, жасына жынысына, дене мүшелеріне, малдан алынатын өнім түрлеріне байланысты сөздер мен сөз тіркестеріне, идеомафразаларға, мақал-мәтелдерге өте бай. Сол байлықтың бір парасы — малдың жүніне (түгіне) қатысты ұғымдар, сол ұғымдардың атаулары, яғни жан-жануарлардың түгіне (жүніне) қатысты тілдік бірліктер.

«Қазақ тілінің бір томдық түсіндірме сөздігінде» (1999) «жүн» сөзіне — «хайуанаттардың терісін жауып тұратын түк, қылшық» деген анықтама беріліпті [1,255]. Біздің ойымызша, бұл анықтамада кемінде үш олқылық бар. Оның біріншісі, «хайуанаттардың» емес «жан-жануарлардың» деген дұрыс. Өйткені «хайуанаттар» деген сөзге қарағанда «жан-жануарлар» сөзі әрі әдеби, әрі оның «хайуанаттар» сөзіне қарағанда ауқымы кең. Екіншісі, «терісін жауып тұратын» емес,

«терісіне шыққан» деген жөн. Өйткені жүннің міндеті «теріні жауып тұру» емес. Үшіншісі, анықтамадағы «кылшық» сөзі артық. Себебі жүн немесе түк – тектік (род) ұғым, кылшық – түрлік (вид) ұғым. Түрлік ұғым тектік ұғымға анықтама бола алмайды. Қалай болған күнде де, дұрыс деп отырған «жан-жануарлардың терісіне шыққан түк» деген анықтама - жалпылау анықтама. Оны нақтылай түсер болсақ, жүн сөзі кемінде үш түрлі ұғымды қамтиды. Олар:

1. **Малдың жүні.** Мысалы: қойдың, ешкінің және түйенің жүні.

2. **Анның кылшығы.** Мысалы: аюдың жүні, түлкінің жүні, қоянның жүні және қасқырдың жүні т.б.

3. **Құстың қауырсыны мен мамығы.** Мысалы: қаздың, тауықтың жүнін жұлу т.б.

Қазақ тілінде «түк» сөзінің үш түрлі мағынасы бар: 1) Жүн, кыл, кылшық, түбіт сөздерін қамтитын жалпы мағына. Мысалы: Түгін тартса майы шығады - өте семіз мал немесе құнарлы жер; 2) Жан-жануарлардың денесінде болатын майда жүн. Мысалы: Ат аунаған жерде түк қалады (Мақал); 3. Өсімдіктерде болатын майда талшықтар. Мысалы: Тамыр түктері шыға бастапты (Мұсақұлов).

Жоғары анықтамаларда түк сөзі бірінші мағынасында (жалпы мағынасында) қолданылған. Бірден еске түсетіні – түк дегеніміз өсіп шығатын өсімді екен. Түк өсу үшін биологиялық дене қажет. Ондай биологиялық дене малда, анда, адамда, құста және өсімдіктерде болады. Олай болса, бірінші кезекте, осы денелерге өсіп шығатын түктердің атауларын атап, әрқайсысын жеке-жеке көрсетіп алалық. Олардың бәрі – қазақ тілінде қолданылатын атаулар.

Малға қатысты: кылшық, кыл, түк, жүн т.б.

Адамға қатысты: шаш, сақал, мұрт, қас, кірпік, боздақ, түк т.б.

Аңға қатысты: кылшық, кыл, түк, жүн т.б.

Құсқа қатысты: мамық, ұлпа, қауырсын, қанат, жүн, түк т.б.

Өсімдікке қатысты: ұлпа, талшық, түк т.б.

Енді осы атаулардың «қазақ тіліндегі түсіндірме сөздігіндегі» анықтамаларға көңіл бөлейік.

Жүн – хайуанаттардың терісін жауып тұратын түк, кылшық. Бұл жұмысқа көбінесе шетпұшпақ өлі жүндер, кейде жабағы мен түйе жүні, ешкі жүні жылқы қылы пайдаланылады (Қасиманов).

Жабағы – қой мен түйенің көктемде қырқып алған қысқы жүні. Енді жабағы жүнді қырқамыз деп отырғанда совхоз директоры Төкен бастаған бес-алты адам сау ете қалды (Сейдімбеков).

Кылшық – жүннің ірі әрі қатқыл талшығы. Қырдың шоктай қызыл түлкілері мен қара кылшықты қарсақтарын қиядан іліп, Ақжол би мен серіктерінің көңілін көл көсір ашқан (Есенберлин).

Кыл – жалдың, құйрықтың жінішке әрі ұзын бір талы. Жылқының жал-құйрығын «кыл» деп атайды (Қасиманов).

Түбіт – ешкі, түйе т.б. малдың кылшық жүнінің астындағы биязы, үлпілдек жүні. Ешкі жүнін түбіт, кылшық деп екіге бөледі (Қасиманов).

Түк – 1. Жан-жануарлардың денесінде болатын майда жүн. Қоян денесі түгінің барынша болатын кезі қыста (қоянды қолда өсіру). 2. Ауыс. Өсімдіктің майда талшықтары.

Мамық – құстың үлпілдеген жұмсақ жүні. Мамығы қобырап, жып-жылы, жұп-жұмсақ болып жатқан екі кекілікті қу шиенің түбінен тауып алып, қоржынға сала салды да, қайтадан маяға тартты (Мұртаза).

Кауырсын – құс қанаты мен құйрығының ұзын талшықтары. Құладын қауырсынына байлаған қозы жауырын жебе зу етті (Есенберлин).

Ұлпа – 1. Үлпілдеген аппак, жұп-жұмсақ жүн. Үкінің балақ жүнін – ұлпа, ал бауыр жүнін – кара қасқа үкі деген (Қасиманов).

Боздақ – 1. Түйе түлеген соң жаңадан шығатын жұмсақ ұлпа, жүн. Әлгі жабағының астынан «боздақ» деп аталатын үлпілдек жүн өседі де, жабағы өзінен-өзі көтеріледі (Қасиманов). 2. Ботаның жақ жүні.

Жас өспірімдердің де жақ сүйегіне шығатын ұлпа жүнді қазақ «боздақ» деп атайды. Тілімізде боздағы шықты деген тұрақты тіркес бер. Оның мағынасы «тоңғаннан, жүдегеннен жақ жүнінің үрпип кетуі» дегенді білдіреді.

Зерттеу барысында жоғарыда көрсетілген сөздер жүн лексемасының аясына топтаса келіп, олар бір концепт жасай алатынына көз жеткіздік. Бұл аз десеніз, осы он сөздің әрқайсысынан туындағын тұрақты тіркестер, ондап-жүздеп саналатын идеома-фразалар мен мақал-мәтелдер және тілдік тенеулер көптеп кездеседі. Бір мақаланың көлемінде оның бәрін камту мүмкін емес. Сондықтан бұл жерде біз тек жүн сөзіне және осы сөзден туындаған туынды сөздер мен сөз тіркестерге ғана тоқталуды жөн көріп отырмыз. Сол арқылы жүн сөзіне қатысты қазақ этносына тән ұғым-түсініктердің, таным-түйсіктердің ауқымын айқындап, олардың мән-мағыналарын ашуды мақсат етпекпіз.

Жүн – тек теріге шығатын түк (өсінді) ғана емес, ол сонымен бірге жан-жануарларды (малды, аңды, құсты) жауын-ашабыннан, суықтан қорғайтын жамылғы; өнеркәсіп шикізаты (жүннен мата тоқиды). Жүн өзі сияқты басқа материалдардан пішіні, сапасы, түсі және жеңілдігі жағынан ерекшеленеді. Жүн түсі жағынан ақ жүн, кара жүн, қоңыр жүн, сары жүн, боз жүн, көк жүн, қызыл жүн тағы басқа болып бөлінсе, пішіні жағынан ол бір тегіс жүн, жұмыр жүн, ұзын жүн, қысқа жүн, жуан жүн, жіңішке жүн болып сараланады. Ал сапасы жағынан мықты жүн, жеңіл жүн, созылғыш жүн, серпімді жүн болып та бөлінеді. Жүн су өткізбейді, ылғал тартайды, суға шірмейді.

Жүннің сапасы оның мықтылығымен, созылымдылығымен, ширатылғыштығымен, серпімділігімен және бойына жылу жинағыштығымен айрықшалаанады. Аталғандар – жүннің ең маңызды да мәнді қасиеттері болып саналады. Оның құндылығы да осы қасиеттерінде. Ал олар болса жүннің жуан-жіңішкелігі мен ұзын-қысқалығына, қалыңдығы мен сиректілігіне байланысты. Жоғарғы сортты (асыл тұқымды), күтімді малдың жүні әрі ұзын әрі жіңішке, сонымен тығыз болып келеді. Мұндай жүннен тоқылған киім сапалы болады, көп қыртыстанбайды.

Бұл тілдік бірліктердің әрқайсысына тән өзіндік мән-мағыналары бар. Олардың бәрінің мағыналарын ашып жату шарт бола қоймас. Дегенмен, осы жерде кейбір негізгі тілдік бірліктерге анықтама бере кету артық болмас деп ойлаймыз.

Жүнде – «түйенің жүнін көктемде күзеу, түптеу», - делінген бір томдық «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде» [1, 255], бұл анықтама қате. Өйткені жүндеу күзеу емес. Түйенің шудасы ғана күзеледі (пышақпен кесіледі). Оның жүні қолмен жұлынады. Сондықтан жүндеу дегенде –

«күн жылынып, түйе түлей бастаған кезде оның жүнін қолмен жұлып алу», - деген анықтама беру керек еді [3, 84].

Боздақ – түлеген немесе жүндеген түйенің жаз айында жаңадан бозарып шыға бастаған үлпек жүні [3, 84]; боздақтау - жүнделіп кара қайыс болған түйелерге үлпек жүн шығуы [3, 84]; жүндес – 1. Жүні қалың, жүні көп. Яқ малы жүндес келеді (Лен.жас). 2. Түкті – түк басқан. Асанбай да жүндес жұдырығын түйді (Құсайынов); жүнжі – азып-тозу, жүдеп-жадау. Кейінгі кезде әкесінің жүнжіп жүргендігі жанына батады (Сматаев).

Қысқасы, жүн лексемасына қатысты туындаған сөздер мен қос сөздер, еркін тіркестер, күрделі сөздер мен тұрақты сөздер аз емес, олардың бәрін бір мақаланың көлемінде қамту мүмкін емес, сондықтан жүн сөзіне қатысты тұрақты тіркестер кейін сөз болады.

Әдебиет:

Қазақ тілінің сөздігі. — А., 1999. — 774-б.

Қазақ тілінің он томдық түсіндірме сөздігі. 1-10 т., — А., 1974-1986.

Жақыпов Ә. Түйе өсірушінің түсіндірме сөздігі. — А., 1989. — 190-б.

Конунов А.А., г. Горно-Алтайск

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА АЛТАЙЦЕВ

Эпическое наследие алтайцев является частью мировой эпической культуры и входит в число величайших памятников устного народного творчества народов мира.

С древности у алтайцев существуют две формы исполнения героического эпоса: сказывание и особое гортанное пение, называемое каем. Кай является наиболее распространенной, популярной в народе формой, можно сказать, это классическая форма исполнения героического эпоса. Сказитель, поющий каем, называется кайчы, который на протяжении веков занимал важное место в духовной и культурной жизни народа. У алтайцев сказителем, т.е. кайчы, принято считать не любого человека, который может передать целостные сюжеты эпических произведений ритмически организованной речью. Кайчы мог быть человек, творчески одаренный от природы, обладающий хорошей памятью и умением проникновенно донести до слушателей фабулу и художественную красоту эпических произведений. Одним из главных условий признания сказителя как кайчы является его способность исполнять героическое сказание от начала до конца горловым пением под аккомпанемент двухструнного щипкового инструмента – топшуура. То есть кайчы – мастер, профессионально подготовленный в своем искусстве, обучавшийся ему с детских лет.

Для отличия от сказки героические сказания называются «кайлап айдар чөрчөк» или «кай чөрчөк». Героическое сказание, исполненное без горлового пения, которое исполняют сказыванием, называют «уткаалап айдар», «үлгерлеп айдар» или «тууылап айдар чөрчөк». Хотя такая форма исполнения героического сказания была довольно распространена среди алтайцев, но она менее популярна, чем кай, и к ней прибегали главным образом лица, которые почему-либо не могли

петь каем, например, дети и большинство женщин, для которых затруднено гортанное пение.

Первые записи жанра героических сказаний на территории Горного-Алтая начались в середине XIX века. У истоков этой работы стояли В.И. Вербицкий и В.В. Радлов. Начиная с 80-х гг. XIX в. публикации алтайского героического эпоса появляются в трудах таких сибирских исследователей, как Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А. Калачев, Н.Я. Никифоров, Г.М. Токмашов, П.В. Кучияк и др. Алтайский героический эпос после издания Радлова (1866) в оригинале опубликован только в 1941 г. в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчэктёр». С 1940 по 1944 гг. от него записано более 30 сказаний. С основанием в 1952 г. Горно-Алтайского научно-исследовательского института начался новый этап собирания и публикации фольклора алтайцев. В этой большой работе, благодаря основателю и первому директору института С.С. Суразакову, особое внимание было уделено героическому эпосу. Так, с 1958 г. началось издание серии «Алтай баатырлар». Составитель и главный редактор I-IX томов серии – С.С. Суразаков. Составители X тома – С.С. Суразаков и И.Б. Шинжин, XI-XIII – томов И.Б. Шинжин, XIV тома – З.С. Казагачева и М.А. Демчинова. По справедливому замечанию З.С. Казагачевой, в издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») «впервые сделана попытка представить в единой серии весь алтайский героический эпос, обозначив в нем имена сказителей и собирателей. В нем представлен весь накопленный эпический материал, собиравшийся на протяжении длительного времени собирателями с разным уровнем подготовки к такой работе и с разной технической оснащенностью, и это не могло не отразиться на качестве записей» [Казагачева 2002, 34]. В 14 томах серии с 1958 по 2008 г. в записи от более 30 сказителей опубликованы 88 героических сказаний. 17 из них в записи от Н. Улагашева, 16 – от А. Калкина, 7 – от Н. Черноевой, 5 – от Т. Чачиякова, 4 – от Ш. Маркова, 3 – от Н. Ялатова и К. Кокпоевой, по 1-2 – от сказителей Е. Таштамышевой, Д. Яманчиковой, О. Алексева, Ч. Бутуева и др.

Если посмотреть на те имена сказителей, которые дошли до нашего времени, то это знаменитые и известные в XIX в. по всему Горному Алтаю сказители Кыскаш, Сабак Бочонов, Кыдыр Отлыков, Кабака Тадыжеков, Дьиндылей. Их последователями стали Оспыйнак, Келер-Куш, Сабранка, Николай Улагашев, Сыран Ялатов, Иван Калкин, Кабака Черноев. Певцы следующего поколения были их учениками. Это – Алексей Калкин, Табар Чачияков, Евдокия Таштамышева, Илья Константинов, Сават Алтайчинов, Анчы Чунижеков, Менди Куртов, Очубай Алексеев, Наталья Черноева, Николай Ялатов, Касак Кокпоева и другие. По словам З.С. Казагачевой, «во все времена героический эпос являлся истинным богатством и высочайшим достижением в духовной культуре алтайцев, а сами сказители – достоянием нации. Таковыми в нашей памяти были и останутся А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин. Достоинно завершая свою сказительскую эстафету, они, не обронив «ни одного лепестка, не помяв ни одного стебля» (П. Кучияк), донесли до нас высокохудожественные образцы многовекового поэтического творчества своего народа» [Казагачева 2002, 148].

Сформировавшиеся в 1920-1930 гг. сказители, которые усвоили эпическую традицию от своих предшественников, остаются без преемников. Такие сказители, как С. Савдин, Т. Чачияков, Н.К. Ялатов, при жизни глубоко сетовали, что у них нет учеников-наследников в сказительском искусстве. Единственный сказитель А. Калкин имел по семейной сказительской линии своего преемника – сына Элбека (1953 г.р.). Репертуар Элбека Калкина сформирован, главным образом, из отцовского репертуара. Его любимые сказания – «Маадай-Кара», «Оскүс-Уул».

В настоящее время можно сказать еще об одном сказителе Алтая – это Т.Б. Шинжин. Его родные братья Тензе, Бодос также были сказителями. От них он слышал сказания «Алтын-Саадак», «Ай-Карагай», «Буудайан», «Кезер», «Дьангар» и др. Т. Шинжин, выросший среди сказителей и певцов, в настоящее время сам исполняет героические сказания и учит сказительскому мастерству детей. 1970-е годы он пропагандировал в алтайской эпической среде такие стили горлового пения, как «каркыраа, кёмей, сыбыскы, сыгыр» [Шинжин 1980, 266]. Благодаря ему алтайский героический эпос, исполняемый различными стилями горлового пения, был услышан во многих странах мира.

Из молодых сказителей можно выделить А. Кезерекова, который исполняет свои сказания горловым пением и, опираясь на традиционные знания народной медицины, кай использует в качестве целительского искусства. Его сказания очень своеобразны. Этот феномен требует глубокого и детального исследования.

Начиная с 70-х гг. XX в., число начинающих и молодых исполнителей горлового пения стало расти. К ним относятся такие исполнители, как Н. Шумаров, Б. Байрышев, С. Урчимаев, и др. В начале XXI в. на Алтае, можно сказать, нет сказителя в полном смысле этого слова, который бы исполнил героическое сказание от начала до конца. Но тем не менее можно назвать несколько одаренных исполнителей горлового пения, как О. Отуков, Э. Тадыкин, У. Ынтаев, Э. Теркишев, А. Акчин, А. Калкин и др., которые пропевают отрывки героических сказаний. Большинство из них поют гортанным способом не только поэтические строки из традиционных текстов народных сказаний, но и песни собственного сочинения в эпическом стиле. А также они исполняют разные стили горлового пения без словесного сопровождения.

Если раньше сказительское искусство передавалось из уст в уста, то нынешнее поколение овладевает мастерством горлового пения из аудиозаписей, а слова сказаний берут из книг. Поэтому ученые, исследующие и издающие алтайский героический эпос, несут очень большую ответственность перед читателями, перед будущими поколениями. К великому сожалению, согласно требованиям того времени, когда для шести этнических групп Алтая разрабатывался и шел процесс утверждения единого литературного языка все записи эпических текстов подвергались так называемой литературной обработке. Но в то же время можно отметить книгу С.С. Суразакова «Героическое сказание об Алтай-Буучае» (1961), книгу Н.А. Баскакова «Диалект черневых татар (туба кижиги)» (1965) и двуязычное академическое издание эпоса «Маадай-Кара» (1973), которые в алтайской фольклористике останутся основой в поисках оптимальных решений текстологических проблем.

Таким образом, если даже традиция передавать сказительское мастерство от поколения к поколению, из уст в уста прервалось, традиционное горловое пение продолжает жить среди народа и развивается благодаря тем людям, которые заново возрождают традиционное алтайское сказительство. Благодаря им в нашей стране, а также во многих других странах услышали древнейшее искусство алтайского народа, и верится, что истинно-алтайское сказительское искусство возродится во всем своем великолепии и будет радовать многие-многие следующие поколения.

Литература:

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 34.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 148.

Шинжин И.Б. Современный алтайский кай // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. – М., 1980. – С. 265-268.

Котов В.Г., г. Уфа

БОЖЕСТВО ХУМАЙ В БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ

Богиня плодородия Умай как универсальное женское божество алтайских тюрков выступала в роли хозяйки гор, покровительницы охотников, диких зверей, а также детей и материнства [Длужневская 1978, 233]. Божество Умай преимущественно считается покровительницей детей и рожениц, и это поверье до сих пор сохранилось у народов Саяно-Алтая, Средней Азии и Казахстана (шорцев, кумандинцев, телеутов, хакасов, казахов, киргизов, узбеков) [Потапов 1991, 82].

Главным отличием Хумай в башкирской традиции от восточнотюркской Умай является то, что она не имеет никаких функций покровительства деторождения и рожениц [Галин 2004, 47]. Также нет никакой связи этого образа с шаманской мифологией и обрядностью, поэтому отсутствуют фетиши и какие-либо мобильные изображения Хумай, если не считать обережные височные украшения Волжской Булгарии и каменные женские изваяния на Южном Урале, которые исследователи считают изображениями Хумай [Котов 2000а; Гарустович 2005].

В башкирском фольклоре Хумай имеет в основном птичий облик, причем чаще водоплавающей птицы (лебедь, утка, реже – фантастическая гигантская птица). Несомненно, истоки этого образа связаны с эпосом “Урал-батыр” и обликом девы-лебедь Хумай. Анализируя этот персонаж, приходим к выводу о неразрывности его с основными действующими лицами эпоса. Хумай по эпосу дочь солнца Кояш, и одновременно она сама является заместителем солнца, так как собой и своими распущенными волосами она озаряет весь мир. Ее мать, Кояш, только упоминается, в то время как все события происходят вокруг нее или в связи с ней. Хумай является фактической хозяйкой счастливой страны птиц (царство Самрау), где люди, птицы и звери живут в мире и достатке. Она проявляет необыкновенные способности, в частности, она может превращаться в птицу-лебедь, ей под силу раскрыть землю, она ясновидица, бессмертная, ей подвластен крылатый конь Акбузат, обитающий на небе. Очевидно, Хумай выступает в эпосе как божество-хозяйка небесного мира и как

владычица зверей и птиц (она приводит не только что появившуюся из вод потопа Уральскую землю птиц, а ее конь – приводит лошадей), а также она является родоначальницей. Являясь супругой Урал-батыра – демиурга и божества светлого пантеона, она с неизбежностью должна восприниматься как покровительница и подательница жизни и жизненной энергии, плодovitости, благополучия – *Kom'a*. Этим можно объяснить существующее у башкир поверье о связи человеческой души с уткой [Руденко 1925, 307] или лебедем [БНТ, т. 1, 264]. Отсюда же проистекает представление о ней как идеале женской красоты и женщины (см. ее описание в эпосе, а также башкирскую формулу красоты – лучезарность [Хусаинова 2000; Котов 2000]).

Бесспорная ассоциация птицы Хумай в башкирской традиции с солнцем указывает на очень древние мифологические истоки этого образа в связи с мифом о двух водоплавающих птицах – создателях земли и Жизни [Напольских 1993]. В эпосе “Урал-батыр” ее парой является Айхылу – Лунная Красавица. Судя по ряду таких вроде бы малозаметных, но существенных моментов, как скрытое соперничество из-за Урала, соперничество в яркости между их родителями, Солнцем – Кояш и Луной – Ай, тяготение Айхылу к *нижнему*, темному миру, замужество за будущим властителем нижнего мира, можно утверждать, что мы имеем дело с двумя мифологическими антиподами – *солнцем и лунной*. То, что Урал сбивает с небес в ходе предсвадебного испытания лунную деву в эпосе «Урал-батыр» и в мифологическом предании «Как образовались луна и горы» [БНТ, т. 2, 31], дополнительно указывает на космогоническую природу этой пары в башкирской традиции [Котов 2006, 179].

Вместе с тем парный образ Хумай и Айхылу свидетельствует не только об их древности, но и о глубинном сходстве с богиней Умай в тюркском мире, которая также имеет две ипостаси, отражающие архаическую бинарную картину мира. Это неопровержимо свидетельствует о единых истоках возникновения этого божества в урало-алтайской традиции. При этом в южно-уральской традиции этот образ сохранился лучше и полнее.

На этой неразрывной связи этих персонажей и основано их слитность в образе Нэркэс, дочери *подводного повелителя* Шульгана в эпосе “Акбузат”, которая совмещает в себе характеристики *девы-солнце* и *лунной* девушки, а также некоторые черты своего прототипа – Хумай (повелевает крылатым белым конем Акбузатом и подводным скотом, принимает облик *золотой утки*, женится на герое, победившем царство дивов-змей, также пронизательна и пр.). Сюжетная линия эпоса «Акбузат» состоит из сватовства героя Хаубана к необыкновенной девушке, которая плавает по озеру Шульган в облике золотой утки в ночь полнолуния. Девушка Айхылу (буквально – Лунная красавица) обладает природой небесного светила-божества: она из лучей и пламени создана, освещает землю, когда распускает волосы, и появление ее в облике золотой утки приурочено к полнолуннию. Герою удается подстрелить утку, и после непродолжительной борьбы они вместе опускаются на дно озера Шульган во дворец подводного властителя и хозяина потустороннего мира, где обитают демонические существа-драконы и души предков. Там герой приобретает

покровительство крылатого коня Акбузата, и с его помощью он возвращается на землю, совершает земные подвиги и окончательно довершает космогонические деяния своего предка Урал-батыра – побеждает подводного властителя Шульгана и его помощников, а также осушает озеро Шульган до небольших размеров. Перед этим из озера выходит красавица Нэркэс и выводит несметные стада домашнего скота. Таким образом, Нэркэс имеет двойственную природу и принадлежит в равной степени как верхнему, так и нижнему миру, что воплощено и в ее атрибуте – золотой утке.

Эта же сюжетная линия присутствует в многочисленных вариантах преданий об озере Шульган и в эпосе «Заятуляк и Хыухылу», причем в ряде вариантов эпоса герой встречается с девой на берегу озера и красавица при этом расчесывает свои длинные волосы гребнем [Котов 2006, 252].

В финно-угорской традиции широко представлена дева-русалка и дочь подводного хозяина, расчесывающая волосы на берегу водного источника, которая может принять облик водоплавающей птицы или лучезарной богини в текстах о героическом сватовстве героя, относящихся к древнейшему пласту мифологии [Котов 2006, 277-278].

Космогонический близнечный миф древних тюрков, известный по раннесредневековым китайским источникам, повествует о противостоянии из-за красавицы братьев Аши – прародители людей и Имо – духе моря. Девушка – это *дочь* духа моря, каждый вечер на берегу моря превращается в белого оленя с *золотыми рогами* и вместе с Имо погружается в море, а утром она появляется на востоке в пещере Ашидэ и снова превращается в девушку. Здесь налицо мифологема космического круговорота солнечного божества, причем смена облика солнечного персонажа, а также противостояние двух братьев, имеющих отношение к противоположным сферам мироздания, указывает на архаическую бинарную структуру мировосприятия. По ее просьбе Имо должен убить оленя, чтобы навечно соединиться с ней. Очевидно, речь идет об известном по мифологии и сказкам мотиве устранения второго «обличья» супруга. Аши нарушает запрет и убивает оленя сам. За это Имо убивает Аши, поклявшись принести в жертву небесам потомков из рода Аши. Девушка же навсегда отвергла Имо как человекоубийцу [Сагалаев 1991, 41]. Это предание основано на древнем космогоническом мифе о противостоянии небесного светила и хозяина нижнего мира, который похищает каждый вечер деву-солнце в облике солнечного оленя. Очевидно, Аши нарушил окончательно исчезновению девы-солнце, совершив космическое жертвоприношение в родовой пещере, и тем самым сохранил космический порядок. Именно потомки Аши удостаивались «чести» поддерживать его в дальнейшем [Котов 2006, 176-177].

Здесь налицо сходство с южно-уральской мифологической традицией, где также центральное место в древнейших мифологических эпосах и преданиях занимает противоборство героя с хозяином подводного мира из-за солнечной девы - хозяйки быков, коней и крылатого белого коня. О древности этого сюжета и глубинной связи мифологических традиций свидетельствует присутствие этого сюжета в мифе Вала ведийской мифологии [Котов 2000]. Еще большую

древность имеет образ крылатого коня-птицы – солнечно-небесного божества, являвшегося одновременно символом нижнего мира, а также покровителем и прародителем героя, как это видно по наскальным изображениям пещерного палеолитического святылища Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале [Котов 2006, 314]. Такие же древние истоки имеет ассоциация образа птицы и женского образа [Горшунова 2008, 18]. Все это свидетельствует о глубокой древности божества Умай-Хумай в мифологической традиции народов Евразии, прежде всего в южно-уральской мифологии, сохранившейся в духовной культуре башкирского народа.

Образы Хумай и Айхылу в башкирской мифологии имеют черты архаического солярного и лунарного божеств, выступающих в двоичной ипостаси дев и водоплавающих птиц в рамках тотемической мифологии и дошаманского, двоичного мировоззрения. Эти мифологические образы, очевидно, восходят к наиболее раннему мировоззренческому пласту: к мифу о ныряющей птице [Котов 2006, 231]. На этом уровне Хумай имеет черты самостоятельного божества верхнего мира, повелительницы страны птиц и небесного светила. Вторичный пласт в мифологическом эпосе «Урал-батыр» представлен урало-алтайским мифом о двух братьях-демиургах, враждующих из-за посоха [Котов 2009]. Здесь богиня Хумай и ее сестра Айхылу становятся супругами главных героев в полном соответствии с их принадлежностью к той или иной сфере мироздания. Хумай еще сохраняет функцию божества и хозяйки-повелительницы животных и птиц – она приводит на Урал после потопа животных и птиц, но после исполнения материнской функции ее роль суживается до родоначальницы лебединого племени. В эпосе «Акбузат» под сильным влиянием индоиранской традиции Хумай превратилась в птицу-перевозчика и советника героя, передав все свои черты слитному образу девы-утки Нэркэс. Образ дочери подводного властителя Шульгана лучезарной девы Нэркэс, хозяйки крылатого белого коня, подводных табунов и стад бурых коров, перекликается с характеристиками богини зари Ушас в ведийской традиции, что в совокупности с ведическим сюжетом последних сцен эпоса «Урал-батыр» говорит о явном смещении южно-уральской мифологии с акватическим мифом предков индоиранцев на позднем этапе существования мифологического мировоззрения, при переходе к эпической традиции. В последующее время, после отнесения мифологии на задний план, божество Хумай было забыто и не получило последующего развития в башкирской традиции. Тем не менее, оно на примере южно-уральской мифологии показывает первоначальный статус этого божества в мировоззрении урало-алтайских народов.

Кудабеева А.Х., г. Уфа

ПРАВОПИСАНИЕ ГЛАСНЫХ В БАШКИРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В ЛАТИНОАЛФАВИТНОМ ПЕРИОДЕ (1927-1940гг.)

С переходом на латинский алфавит было принято 9 знаков для обозначения башкирских гласных звуков: а, е, ә, і, о, ө, и, у, ы. Гласные а, о, и, ы являются гласными заднего ряда (твердые гласные), ә, ө, у, е, і – гласные переднего ряда (мягкие гласные).

Буква Аа встречается как и в башкирских, так и в заимствованных словах: ағас – дерево, ағай – дядя, старший брат, техника, мағина. Также

буквой а обозначалось русское о в некоторых позициях заимствованных слов: balşivik-большевик, prapaganda-пропаганда, Karalinko-Короленко.

Буква Ее служила для обозначения двух фонем:

1) звук [э] в башкирских словах: еҫ-работа, епә-игла, елек-раньше, ејә-обладатель, кејә-одевает и т.д.;

2) в заимствованных словах: texnika, metod, sex, Marsel', Bol'şevik, Lenin, leksia.

Русский звук «Э» в заимствованиях передавался через је, е: dyjel-дуэль, ekran-экран, energia-энергия.

Буква Ъь обозначала один звук и встречалась в сочетании с твердыми согласными: ҫatlıq-радость, виҫна-по, согласно, аҫым-отдельно. Также в иноязычных словах передавало русское о: traktır-трактор, mıtıd-метод, kamrazıtıg-композитор.

Буквы Е-е, Ъ-ь могут встречаться и в начале слога: еҫ-работа, el-ветер, еҫлә-работай, ыҫын-гумно, ыҫым-аккуратный; в середине слога: вы-это, этот, эта, вел-знай, tel-язык, халық-народ, вурек-шапка, irek-свобода; в конце слога: кеҫе-человек, vелеmlе-образованный, қылық-поступок, һылық-кусочек, tereleg-воскреснет.

Буква Ээ обозначала в башкирских словах один звук: әд-мало, sәskә-цветок, irtәҫ-товарищ. В основном сочетается с мягкими согласными: әҫәг-произведение, gәzit-газета, әсәһе-его (ее) мать. Исключение составляют слова, заимствованные из иностранных языков: qәlәм- перо, qәdәg - почет – сочетание твердого «q» с мягким «ә». В иноязычных заимствованиях русское О давало на башкирской почве ә: sәvit-совет, kәnfirinsjә-конференция. Русское Е передавалось через ә: kәrjәg-крейсер, kәmitәt-комитет.

Буква і в башкирских словах: irtә-утро, ike-два, kilә-идет. В твердых слогах используется сочетание букв ы: Выкин, Дыбенко, Сыртсоф, сынф, сыfat. В первые годы латинизации русское е также передавалось через і: Linin-Ленин, minşivik-меньшевик, Turginеf-Тургенев, dimakrat-демократ.

С 1938 года по новой орфографии вместо окончаний өј, еј глагола 3 лица настоящего времени пишется і: әrsi (әrsej), jәri (jәrej), tәdi (tәdeј).

Только с переходом на латинскую графику звук «О» начал передаваться знаком Оо [Дмитриев 1950, 11]. Им обозначались два звука: 1) в башкирских словах: toq-мешок, joqa-тонкий, odon-длинный, olo-большой, пожилой; 2) в иноязычных словах: kino, foto, dynamo, votor, sovet, kolhoz, komсомol. Освоение этого звука во всех позициях начинается с 30-х годов: motor (а не matur), kino (а не kina), kooperatif (а не kәpiratif).

Если в первых слогах слова шли гласные о, ө, то в последующих писались также о, ө соответственно. Если за губным слогом с о, ө имелись слоги с v, то в таких случаях гармония прекращалась: odon (а не oдын), tәdeleş (а не tәdәleş), tonoqlanъь (а не tonoqlanovo), tәdөve (а не tәdөvө).

Знак Uu в башкирских словах: matır-красивый, ultыг-садись, ıttan-лес. В заимствованиях из русского языка этим знаком в некоторых позициях обозначался звук «о»: xudužestva-искусство, Antun-Антон, raхut-поход, pazıg-позор.

Русский звук «у» до 1934 года передавался сочетанием букв ыи (актуал-актуаль, трагугаг-трогуар, вигъуа-буржуа). Звук «ю» в зависимости от твердости или мягкости произношения согласных в начале слова передавался сочетаниями букв жу, ю, в других позициях — через у: жузураллес, jubilej, syžet, vudžet. Звук «я» в интернационализмах и заимствованиях из русского языка в начале слога обозначался как ја, в других позициях - ә: Јalta, Јaxta, Zoja, Rəzan, pula, Gala.

За весь латиноалфавитный период башкирского литературного языка было разработано четыре орфографии. Тем не менее они еще нуждались в дальнейшем усовершенствовании.

В целом, в фонетической системе башкирского литературного языка в латиноалфавитном периоде происходят заметные изменения, освоение новых звуков, усовершенствование их письма.

Кульсарина Г.Г., г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ ЭТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА “ДОБРО” В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Представляя важную часть картины мира народа, фольклорная картина мира являет собой образец высокой культуры. В нем заключена мудрость народа, его коллективный опыт, особенности национального менталитета. Через фольклор в определенной мере выражается система моральных ценностей, воплощенная в образах героев.

Фольклор является средоточием народных стереотипов сознания, благодаря его неразрывной связи с традиционной культурой: “фольклорная картина мира “осознается как одна из ипостасей, одно из воплощений картины мира традиционной народной культуры” [Артеменко 2003: 11].

Любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: в любом жанре могут встретиться эстетические, этические, утилитарные и прочие виды оценок. Фольклор одновременно и активен в утверждении или ниспровержении определенных социальных, нравственных принципов и норм и довольно-таки безразличен к их разнообразным проявлениям [Путилов 1994: 57].

Концепт “добро” с позиции носителей башкирского языка трактуется следующим образом: добро обозначает действие, сознательно соотнесенные с определенным стандартом — идеалом; содержание добра обусловлено идеалом нравственного совершенства: добро — это то, что приближает к идеалу.

Выделим наиболее актуальные для башкирского фольклора частные компоненты концепта, которые связаны с нравственным аспектом добра и характеризуют положительное начало в поступках, намерениях и мыслях героев. Для сказки характерно понимание добра как блага, благополучия. Данный компонент актуализируется, видимо, потому, что происходит движение смысла от общего к конкретному. Счастливый финал сказки в избытке наделяет героев “всякими” благами и счастьем: *“Шунан һуң итексегә бик күп алтын, көмөш аксалар бүләк итеп, өйөнә кайтарып ебәргән. Шунан ары итексе яңынан элеккесә көндөзәрән эшләп, кис өйөнә кайтқас, катын, бала-сағалары менән һыйланьп, шат, бахетле йәшәй башлаған”* (“Хәйләкәр итексе”); *“Үзенең тура, йәнә килеп ғәзел булуы менән Йылкысыбай за бай булып көн итеп, әле һаман да йәшәй, ти”* (“Йылкысыбай”).

Добро считается высшей ценностью, с ним связаны надежды, желания человека. С точки зрения нравственных законов, человек ждет добра от других и сам должен помнить и делать добро. И хотя добро нельзя навязать (добро от души), это понятие все же предполагает определенную благодарность в ответ. Свидетельством тому служат и народные пословицы: *“Изгелек ерзә калмас”, “Якшылык кылып диңгезгә ташлаһаң да кайтыр”*. В то же время часто утверждается и бескорыстный характер истинного добра: *Якшылык ит тә мәңгегә оңот; Якшылык ит, каршыһына якшылык көтмә; Якшылык эшләгәннендә үзәң айтеп белгертмә*. Следовательно, добро и интуитивно, и рационально.

В сказках “добро” в основном сочетается с честностью и справедливостью: *«Бына ошо каззы ғәзел итеп булеп бирә алһаң, сәй эсерермен үзәң, - ти» («Ерәнсә сәсэндең қаз бүлгәне»); «Әгәр безгә ғәзел хөкөмөң булмаһа, әжәлең шул булыр, - ти» («Батиша менән теләнсе»); «Батиша кызы менән ғүмер итеп, ғәзеллектә әле буһа ла йәшәй, ти, ул» («Незнайка»)*.

Помимо нравственного аспекта, добро в фольклоре всегда связано со сферой деятельности, навыками, мастерством. Добро можно воспитать человека, научить: *“Бер вақыт бабай улдарын йыйып алһаң да: “Балалар, мин һеззе ир еткерзем. Хәзер үзем картайҙым. Һөнәрле үлмәс, тигән боронһолар. Үлмәс борон һеззе һөнәрле итеп калайым, тим” (“Тазың һалдат буһаны, шуһан батиша буһаны”)*.

В сознании человека добро есть понятие духовной и мировоззренческой сфер жизни человека, одно из основных понятий, формирующих моральный аспект жизнедеятельности человека, и этот моральный аспект нашел отражение практически в каждом жанре фольклора. Например, в сказках прославляются трудолюбивые и отзывчивые герои: *“Был кыз уңһанлығы, матурлығы, аҡыллығы яһыһан был батшалықта ғына түгел, бөтә тирә-якта дан тотһан, ти” (“Батиша кызы”); “Берзән-бер көндө, һуһарға китеп барһанда, Быжырмәргән юл өстөндә айтһан утһа тап була. Караһа, ут эсендә бер йыһан үрһәләһеп ята, ти. Быжырмәргән уһы менән эләктереп, йыһанды ситкә алып ташлай. Йыһан уға: “Быһың өсөн рәхмәт һиңә”, - ти” (“Быжырмәргән”)*.

Содержательные компоненты концепта “Добро” можно встретить также в названиях башкирских сказок: *«Изге катын», “Миһырбанлы катын”, “Аҡыллы батиша”, “Аҡыллы карт”, “Якшы катын яһан ирзә әзәм итә”, “Изгелек”, “Якшылык тураһында”, “Ғәзел төлкө” и т.д.*

В башкирской языковой картине мира концепт «добро» функционирует как оценочное выражение, передающее позитивное отношение реального и предполагаемого субъекта к объекту. Он определяется как то, что заключает в себе некий положительный смысл: добро – сила, оказывающая влияние на сознание людей против зла: *Якшылык – ағас башында, яһанлык – ағас төбөндә; Якшылык иткән – ашыһан ашар, яһанлык иткән – башыһан ашар; Якшылык итһәң – якшылык табырһың, яһанлык итһәң – яһанлык табырһың; Якшылык кылһан – аш йыйһан, яһанлык кылһан – таш йыйһан (мәкәлдәр);*

Ирмен тигән егеттең

Әйтер һүзе һаҡ булыр,

Күңеле уһың аҡ булыр,

Яһан эштән һаҡ булыр (“Барсынһылы” кобайырыһан) и т.д.

В языковом мировосприятии народа добро порождает добро: *Якшы айтмәй белер, һорамай бирер; Якшыға якшылык итһәң, оңотма; Якшыға*

якшы кылһан, бише менән кайтарыр; Якшынан якшы тыуыр, ямандан яман тыуыр. Также понятие добра сопоставляется с понятием славы: *Якшының үзе үлһә лә, даны үлмәй.*

В фольклоре народа отражаются представления о моральных качествах человека, утверждается мысль о том, что человек воспитаем и обучаем, что самое ценное человеческое качество – Добродетель, и ее надо прививать, ей необходимо учить, так как причиной многих человеческих пороков является незнание, невежество. Народное творчество учит ценить добрые дела, людей, которые их совершают, стремиться самому быть добрым, понимающим, милосердным. Встречи с образцами народной мудрости заставляют каждого человека задуматься над его мировоззрением, пересмотреть многие постулаты в своей жизни, оценить свою жизнь, свои поступки, совершаемые с какой-то целью или бесцельно.

Таким образом, традиционное для обывденного сознания, зафиксированное в толковых словарях понятие “добро” (“изгелек”), широко представлено в башкирском фольклоре. Указанный концепт является одним из ключевых в национальной картине мира и характеризуется сложностью и многоплановостью.

Литература:

Артемченко Е.Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации)// Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып.5. — М., 2003. С. 7-21.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. — СПб., 1994.

Ахтямов М.Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. — Уфа, 2008.

Башкорт халык ижады. Экиэттәр. II китап. — Өфө, 1976.

Башкорт халык ижады. Экиэттәр. III китап. — Өфө, 1978.

Башкорт халык ижады. Экиэттәр. IV китап. — Өфө, 1981.

Башкорт халык ижады. Эпос. III китап. — Өфө, 1982.

Кунафин Г.С. г. Уфа

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ БАШКИР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Экономические и общественно-политические изменения, происходившие в Башкортостане во второй половине XIX в. в связи с буржуазной реформой и установлением капиталистических отношений, открыли широкие возможности для дальнейшего развития прогрессивных начинаний в башкирском обществе. Прогрессивные сдвиги особенно были ощутимы в области просвещения. Так, по данным переписи населения России 1897 г., грамотность среди башкир Уфимской и Оренбургской губерний достигает уже 18,08%, 17,5% башкир владели грамотой на языке тюрки и 0,58% — на русском языке. Такой значительный шаг вперед по сравнению с началом века, прежде всего, был связан с возникновением в Башкортостане так называемого реформаторского движения джадидизм (от араб. «джадид» — новый) в противовес кадимизму (от араб. «кадим» — старый), вовлекшего в свою орбиту широкие слои населения. Усилиями джадидистов в крае стали возникать новометодные учебные заведения, широко вводиться в мектебах и медресе светские предметы. Тяга народных масс к образованию была настолько сильна, что почти во всех башкирских деревнях появились вольные мектебе и медресе [Лоссиевский 1903, 13], в 90-е годы открылись уже медресе повышенного типа («Хусаиния» —

в Оренбурге, «Расулия» – в Троицке, «Гусмания» – в Уфе), снискавшие большую известность не только в Урало-Поволжье, но и за его пределами. Наряду с расширением сети мусульманских школ в крае стали возникать русско-башкирские школы и русские классы при мектебах и медресе. По неполным данным, только в 1864 г. в башкирских селениях было открыто 26 русско-башкирских школ. К концу века число русско-башкирских школ и русских классов при мектебах и медресе в Уфимской губернии достигло 96, а в Оренбургской – 20. В 1872 г. в Уфе открылась первая татаро-башкирская учительская школа. За период существования школы (она была закрыта в 1889 г.) в ней обучилось 63 башкира и 54 татарина.

В этот период при Оренбургском кадетском корпусе имени Неплюева имелось отделение для подготовки переводчиков из местного населения, рассчитанное на 40 человек, при Красноуфимском реальном училище была открыта трехлетняя русско-башкирская сельскохозяйственная школа. Она готовила агрономов. Набирали 60 человек учащихся, в том числе 10-12 башкир. Обращая внимание на такое явление, например, учительский совет Осинского уезда Пермской губернии в 1898 г. в своем обращении к очередному земскому собранию заявил, что «башкиры... значительно опередили нас в школьном деле» [Юлдашбаев 1972, 244].

Большую роль в развитии общественной и научной мысли, культуры и литературы башкирского народа играла в этот период не только система образования, но и местная печать. В таких периодических изданиях, научных сборниках и сборниках справочного характера, как «Уфимские губернские ведомости» (1865г.), «Оренбургские губернские ведомости», (1867 г., в 1897 г. ее неофициальная часть была переименована в «Оренбургскую газету»), «Оренбургский край» (1892), «Записки (с 1879 г. – «Известия» – Г.К.) Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества» (1870), «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии» (1889), «Уфимский календарь», «Адрес-календарь Уфимской губернии», «Памятная книжка Уфимской губернии», «Справочная книжка Уфимской губернии», «Книжка-справочник Оренбургской губернии», «Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии» и др., наряду с официальными материалами публиковались статьи и материалы по истории и культуре башкир. В изучении археологии края, истории, этнографии, фольклора и литературы этого народа активное участие принимал известный краевед Р.Г. Игнатъев («Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края», «Карасакал – лжехан Башкирии», «Взгляды на историю Оренбургского края», «Башкир Салават Юлаев – пугачевский бригадир, певец и импровизатор»), Ф.Д. Нефедов («Археологическое значение Оренбургского края», «О курганах Приуралья», «Отчет о поездке в Башкирию», «По Белой», «На кумыс», «Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр», «Ушкуль», «Зигда», «В горах и степях Башкирии»), М.В. Лоссиевский («Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам», «Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края», «Пугачевский бригадир Салават и Фариза»), С.Г. Рыбаков («Музыка и песни уральских мусульман с

очерком их быта»), Н.В. Ремезов («Очерки из жизни дикой Башкирии. Бьль в сказочной стране», «Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея»). Хозяйством, историей, материальной и духовной культурой башкир интересовались также Н.А. Гурвич, А.А. Калачев, В.А. Абриютин, В.А. Новиков, А.Е. Алекторов, В. Михайлов, Н. Катанов и др.

Широкое отражение Башкирия, ее природа и народ нашли также в русской художественной литературе и публицистике. Многие ее представители с глубоким пониманием отнеслись к бедственному положению башкирского народа. Так, автор сборника «В глуши Башкирии» П.И. Добротворский выступает с резким осуждением беспощадного и невиданного по масштабам колониального грабежа края. Гневному разоблачению подвергается «деятельность» колонизаторов и всякого рода дельцов в путевых очерках «От Оренбурга до Уфы» Г.И. Успенского, в произведениях Л.Н. Толстого («Ильяс», «Много ли человеку земли нужно»), Д.М. Мамина-Сибиряка («Хлеб», «Без названия», «Приваловские миллионы», «Охонины брови», «От Урала до Москвы»). О Башкирии и башкирском народе, его истории, языке и духовной культуре писали А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А.М. Федоров, Н.Г. Гарин-Михайловский, В.И. Немирович-Данченко, С.Г. Рыбаков, А.М. Горький, а также западноевропейские, в частности венгерские и польские, ученые и писатели-публицисты В. Проле и И.А. Урсын. Последний из них, например, в своей статье «В старой Башкирии» (1903) пишет: «Какой любопытный, какой оригинальный, какой самобытный народ — башкиры!.. Испокон веков башкурт знал письменность...».

Научные труды, художественные и публицистические произведения прогрессивных представителей русской и западноевропейской культур и литератур оказали большое влияние на развитие научной и литературно-художественной мысли среди башкир, на рост их общественного и национального самосознания. Указывая на этот факт, видный ученый и публицист С.Г. Рыбаков, например, упоминает о старшине 1-ой Бурзянской волости М. Юлуеве и его сыне Батыргарее. По его словам, Б. Юлуев был поэтом и ученым, дошедшим «до сознания жизни, нужд, радостей своего народа» [Рыбаков 1897, 273], написавшим статьи по его этнографии и духовной культуре («К этнографии башкир», «Аждаха-змея», «Башкирские батыры Узьянбай и Кабанбай»).

«До сознания нужд народа» дошли также М. Байшев, автор большой этнографической статьи «Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии» (1892), Бикбов, опубликовавший в 1899 г. интересную содержательную статью «Башкурды», и М. Куватов, который напечатал в «Известиях Оренбургского отдела Русского географического общества» (1895, вып. 6) башкирские пословицы и помогал В.В. Катаринскому в составлении первых русско-башкирского и башкирско-русского словарей (1893, 1899). К этой же плеяде передовой башкирской творческой интеллигенции относится А.А. Диваев (1855—1933), крупный этнограф, фольклорист и писатель, хорошо знающий духовную жизнь и быт тюркских народов («Образованный хан и часы», «Скверная девочка», «Скверный мальчик», «Старик и див», «Албасты» («Бес в облике женщины»), «Сказание о Сура-батыре», «Волк и лиса», «Лиса и петух» и др.).

Перемены, происходившие во второй половине XIX в. в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни башкир, оказали большое влияние на развитие башкирского искусства слова. Литература претерпела значительные изменения и по содержанию, и по форме. Фольклор и изустная литература постепенно уступают свои позиции письменной литературе, которая, в свою очередь, быстрыми темпами теряет анонимный и рукописный характер. Наблюдается сильное взаимовлияние и органическое слияние письменной и изустной литератур, что во многом способствовало образованию богатой по содержанию и оригинальной по форме новой литературы. Ярким примером тому может служить творческая деятельность поэтов, сэсэнов и прозаиков К. Шагимарданова, Л. Галиуллина, М. Мустафина, Я. Ильсебая, Ф. Мифтахетдинова, Хусниера, Абулхайра, Г. Сокороя, Габдельвахита аль-Старле, Хабиб-назара аль-Утяки, Габит-сэсэна, особенно М. Уметбаева, М. Акмуллы и Р. Фахретдинова, которые создавали свои произведения не столько путем импровизации, сколько путем изложения на бумаге. К тому же в их произведениях эмоциональность, высокий романтический стиль, элементы условности и фантастики, мотивы религиозных поучений, типичные для средневековой литературы, стали сочетаться с близким к публицистике «серьезным» стилем, элементами рационализма, светскими мотивами и гражданским пафосом. В них отражались уже конкретная действительность, жизнь, нужды и чаяния народа, мотивы его протеста против социальной несправедливости, делались довольно смелые попытки художественного обобщения социально-экономических явлений в башкирском обществе. Все это способствовало усилению национального колорита, просветительских идей в литературе. Так, М. Акмулла, М. Уметбаев и Р. Фахретдинов причину отсталости видят в инертности, беспечном отношении народных масс к своему будущему, в отсутствии у них стремления к овладению знаниями, нравственными ценностями и различными ремеслами. Поэтому в их творчестве преобладает призыв к просвещению, развитию морали, ремесел и национальной культуры (М. Акмулла. «Ода в честь Ш. Марджани», «В тюрьме», «К ученым-современникам», «Назидания»; М. Уметбаев. «Жалоба», «Юмранский род», «Общественные порядки», «Богатеет или разоряется народ?», «Уршакский мост», «В российском цирке «Первое товарищество»; Р. Фахретдинов. «Салима, или Целомудрие», «Асма, или Проступок и наказание», «Асар» и др.).

Таким образом, во второй половине XIX в. в башкирской духовной жизни в сложной борьбе завершается замена укоренившихся в средние века старых идейно-эстетических принципов новыми. Просветительские идеи стали определять весь облик культурного и литературного процесса. Литература стала развиваться в основном в русле метода просветительского реализма, все смелее и глубже стала проникать в разные пласты жизни народа. К началу буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. башкирский народ вплотную приблизился к восприятию революционно-демократических идей. Здесь большую роль сыграло творчество самых ярких представителей башкирской просветительской литературы второй половины XIX в. М. Акмуллы, М. Уметбаева и Р. Фахретдинова.

Литература:

Лоссиевский М. Кое-что о Башкирии и башкирах. — Уфа, 1903.

Кыржинаков Е.А., г. Абакан

НАЗВАНИЯ ХВОЙНЫХ ДЕРЕВЬЕВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Флора Хакасии насчитывает пять видов хвойных деревьев, которые имеют соответствующие названия в хакасском языке: сосна, ель, лиственница, пихта и кедр.

Данная статья посвящена описанию названий хвойного леса и хвойных деревьев в хакасском языке с привлечением материала из других тюркских языков.

Для обозначения хвойного леса в хакасском языке применяется термин *тайиа*. Например: *посл. Тайиа чирхе чйреге аттыу чахсызы кирек, чон пазына турариа ирнйу чахсызы кирек — погов.* По тайге ездить — хорошего коня надо иметь, во главе народа стоять — лучший из мужчин нужен. Данное слово восходит к древнетюркскому *tau* 'гора': *tau tayda qavuşmas kişi kişigä qavuşur* гора с горой не сходятся, человек с человеком сойдутся (МК 1398) [ДТС 1969, 526]. Подтверждение этому мы находим в хакасско-русском словаре, где он приводится с пометкой *уст.* в значении *гора* [ХРС 2006, 576]. Например: *Улуу кјл тайиа.* — Гора большого озера. К.М. Мусаев относительно этого термина отмечает, что *даи/даа* относится к древним тюркским наименованиям, когда название леса имело непосредственное отношение к названию горы, т.е. этим словом обозначалась гора, на которой рос лес (первоначально — на северном склоне) [Мусаев 1984, 22]. В значении 'лес' этот термин в различных фонетических вариантах представлен в некоторых тюркских языках: кар., кр-тат. *даи*, и гаг. *даа*. В связи с этим интересно замечание Н.К. Антонова: «Можно полагать, что якутское *тыа* своё значение 'лес' имело, как показывают параллели, с древних времён, обозначения лес, растущий, возможно, на гористых местах. В последующем *таи* дифференцировало своё значение в одних языках на значение 'гора', в других — на 'лес'. Об этом говорит также и второе значение якутского *тыа* — окраина, периферия...» [Антонов 1971, 18]. В современном хакасском языке слово *тайиа* рассматривается как непроизводное. Однако сопоставление условно выделяемой в этом слове корневой основы с древнетюркским *tau* позволяет судить о том, что оно исторически было производным.

В хакасском языке синонимом слова *тайиа* выступает слово *чыс* 'густой лес, тайга'. Например: *Чыстау килген кизи.* — Человек, пришедший из тайги. *Чыс* можно сравнить с древнетюркским *jīs* 'нагорье с долинами, удобными для проживания': *jīs üzä jaş ot körüpän* увидев в горной долине зелёную траву (ThS П25) [ДТС 1969, 268]. Данный термин имеет соответствия в современных тюркских языках: тув., алт., тел. *йыш*, шор. *чыш*, каз. *жыныс*. В представленных языках это слово используется в одинаковых значениях и обозначает густой, покрытый чернью лес. В хакасском *чыс* наблюдается один из характерных признаков хакасского языка — переход древнего начального *й* в переднеязычную аффикуту *ч* (хак *чаа*, др. - тюрк *jaqa*, алт. *јака* 'воротник'; хак. *честүк*, др.тюрк. *jüzük*, алт. *јестек* 'кольцо, перстень').

В слове, обозначающем сосну и кедр в хакасском языке, также наблюдаются характерные для хакасского языка фонетические особенности: чередование х-к. Ср.: хак. *харагай*, алт., кирг., ккалп., каз., ног., башк., узб. *қарагай*, уйг. *қаригай* ‘сосна’; хак. *хузух* ‘кедр, орех’, др. тюрк. *quisiq*, алт. *кузук* ‘орех’. В хакасском языке название ореха служит и для обозначения кедра – распространённое явление в тюркских языках (перенос частного на общее). Например: *Абый хузух чуртазында кјп ниме кјрген* (СК, 26). – Старый кедр многое повидал в своей жизни.

Словом *tigen* в хакасском языке обозначается ель. Интересно, что в большинстве тюркских языках основное значение *tiken* ‘игла, колочка, шип’. Ср.: др.- тюрк. *tiken*, др.- уйг. *tiken*, чаг. *tiken*, ср.- кыпч. *tik'en*, тур. *diken*, гаг. *tiken*, турк. *tiken*, аз. *tikan*, тув. *ten*. Лексема *tiken* образовано из глагола *tik-* ‘вонзать, жалить’ + афф. *-ken* > *tikken* > *tiken* [СГТЯ 2001, 105]. В алтайском и шорском языках *tigen* используется, как и в хакасском языке, при обозначении ели. В данном случае наблюдается чередование глухих и звонких согласных в интервокальной позиции, имеющих в хакасском языке смысловозначительные значения (тиккен – он/она шил/а).

Для обозначения лиственницы в хакасском языке используется непроизводное слово *тыт*, которое имеет фонетическое и семантическое соответствие в древнетюркском и некоторых других тюркских языках. Ср.: др.- тюрк. *tit*, алт. *тыт* ‘лиственница’.

В некоторых случаях в хакасском языке синонимом к *tigen* выступает слово *сыбы*, прямое значение которого ‘пихта’. Например: *хысхыда даа, чайгыда даа кјк* (загадка), ответ: *сыбы* ‘пихта, ель’. Это явление наблюдается не только в хакасском языке, но и, как верно отметили авторы СГТЯ, во многих тюркских языках значение ‘пихта’ сопряжено со значением другого вечнозелёного хвойного дерева ‘ель’. Ср.: др.- тюрк. *čibi*, тат. Бараб. *čivi ~ civi*, тат. Томск. *cybu*, алт. *čibi*, алт. Туба *čybu*, шор. *šübe*, тув. *šivi*, тоф. *čibi* [СГТЯ 2001, 125].

Таким образом, в хакасском языке для обозначения хвойных деревьев используются термины тюркского происхождения, которые не претерпели существенных изменений как в семантическом, так и в фонетическом планах.

Литература:

- Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971.
Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева. Насилов Д. – М.– Л., 1969.
Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М., 1984.
Сравнительно - историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. / Авторы: Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова и др. – М., 2001. – 822 с.
Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.

Каримова Р.Н., Øфө к.

БАШКОРТ ЫҖЙЛӘШТӘРЕНЕҢ ТЕКСТОЛОГИК ЭЛЕКТРОН КОРПУСЫ

Работа выполнена при поддержке Программы фонда фундаментальных исследований ОИФН РАН
“Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации”

Донъяла күпселек телдәрҙең милли электрон корпусы эшләнгән. Британ милли корпусы (BNC) дөйөм кабул ителгән эталон үрнәк корпус булып тора. Хәҙерге милли корпусстарҙың күбеһе шуға нигезләнгән. Япон, француз милли корпустарының айырым билдәләп китергә була. Рәсәйҙә Мәскәү, Санкт-

Петербург, Казан, Воронеж, Һарытау һ.б. фәнни үзәктәр ғалимдары “Рус теленең милли корпусы” Ассоциацияһына берләшеп, рус теленең милли корпусын эшләйҙәр. Улар 200 млн лексик берәмекте Рус теленең милли корпусына индерергә улайҙар (әле 140 млн һүз индерелгән).

Төрки телдәр тураһында әйткәндә инде, 1988 йылда уҡ Мәскәүҙә Бөтә союз тюркологтар комитетының сираттан тыш ултырышында Төрки телдәрҙең машина фондын (МФТЯ) булдырыу буйынса заманына күрә амбициоз идея күтәрәп сығыла. Һөҙөмтәлә Санкт-Петербург, Мәскәү, Новосибирск, Бакы, Ташкент, Бишкәк, Казан, Ашхабад, Өфө, Нальчик, Чебоксар, Алма-Ата ғалимдары был төркөмгә инә. Әммә СССР таркалыу сәбәпле был проект тормошка ашмай қала.

Бөгөнгө көндә төрки телдәрҙән казак теленең электрон корпусы (<http://til.gov.kz>) эшләнеү өстөндә.

Үөмүмән, дәүләт телдәрәнең милли корпусын булдырыу замананың мөһим тарихи-мәҙәни, сәйәси сараһы кимәле күтәрелгән. Бөзгөң республикала дәүләт теле буларак башкорт телен бөтә лексик байлығында, диалектологик базаһында, грамматик, сағыштырма-фонетик йәһәтәндә, башкорт теленә генә хас үзенсәлегендә милли корпусты булдырыу эше дәүләт кимәлендә алып барыла. Рәсәй фәндәр академияһының Өфө филми үзәге Тарих, тел, эзәбиәт институты ғалимдары башкорт теленең машина фондын булдырҙы (<http://www.mfbl.ru/>). Һөҙөмтәлә, порталдағы эзләү системаһынан башкорт теле буйынса синхрон, диахрон йөкмәткеле төрлө фонетик, фонологик, лексик-семантик, лексикографик мәлүмәттәр алырға була, мәлүмәттәрҙе тууыландырыу өстөндә эш дауам итә.

Тарих, тел һәм эзәбиәт институтының тел филеме бүлеге ғалимдары быйыл башкорт теле диалекттарының текстологик электрон корпусын булдырыу буйынса эш башланы. Был башланғыс Рәсәй фәндәр академияһының тарих-филология бүлеге тарафынан зур хуплау алды, грантка лайык булды.

Башкорт диалекттарының текстологик электрон корпусы — ул башкорт һөйләштәрәнең текстарын электрон формаға туплауға нигезләнгән. Электрон корпус башкорт теле һөйләштәрәнең билдәле этапта уның йәшәйешен, жанр, стиль, территориаль, социаль варианттарының күп төрлө икәнлеген сағылдырырға тейеш. Электрон корпус башкорт теленең машина фондында айырым бер бүлек буларак урын аласак.

Башкорт теле диалекттары текстарының электрон корпусы башкорт теленең бөтә диалекттары текстарын үз әсенә аласак. Был электрон корпус текстары мауықтырғыс, кызыклы ғына булырға тейеш түгел, ә телде фәнни яклап төплө төрлөсә өйрәнеү өсөн кәрәкле, файзалы текстар алыныуы мотлак.

Хәҙерге компьютер технологиялары зур текстарҙы лингвистик эшкәртеү процесын еңелләштерә, тизләтә. Әлегерәк тикшеренеүсә ғалим кәрәкле материалдарҙы зур текстарҙан бөртөкләп йыйһа (был әлбиттә иҫ киткес күп вақыт, көс талап итә), хәҙер анализлана

торған материалдарға, улар буйынса мәғлүмәт эзләүзә башкорт һөйләштеренең электрон корпусында сикләүзәр булмаясақ. Был инде тикшеренеүсә қарамағында башкорт диалекттары буйынса төрлө типтағы зур текстар буласақ тигәнде аңлата.

Тел вилемдә интернет технологияларзы заманаса қулланыу башкорт телен донғы кимәленә сығарыуза төп азымдарзың береһе булып тора. Шулай ук башкорт теленең дәүләт теле буларак үсешендә, формалашыуында күп мәсьәләләрзе хәл итеүзә ярзам итәсәк. Шулай ук тел вилеме үсешенә яңы юлдар асыла. Башкорт теле диалекттарының текстологик электрон корпусы — ул тел буйынса фундаменталь тикшеренеүзәр, фәмәли һөзөмтәләр алыу өсөн файзалы полигон буласақ.

Латыпова Р.М., Сибай к.

В.В. КАТАРИНСКИЙЗЫҢ БАШКОРТСА-УРЫССА ҺҮЗЛЕГЕНЕҢ ТЕЛ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРӘ

Төрки телдәр белгесе, мәғрифәтсе, урыс педагогы һәм миссионер В.В.Катаринский тәүге башкорт әлифбаһының, урысса-башкортса, башкортса-урысса һүзлектәрҙен авторы буларак билдәле. Уның “Башкорттар өсөн әлифба”һы 1892 йылда авторы күрһәтелмәйенсә Ырымбурза басылып сыға. Унда 39 урыс график тамғаһы менән башкорт алфавиты тәкдим ителә, кайһы бер үзенсәлекле башкорт өндәрә өсөн айырым билдәләр алына. В.В.Катаринский ошо алфавит нигезендә башкорт йәнле һөйләү теленең үзенсәлектәрән сағылдырған һүзлектәр бастыра.

Башкортса-урысса һүзлеге 1899 йылда (китаптың тышында 1900) Ырымбурза Б.Бреслин типолитографияһында басылып сыға. Төзөүсә был кулланманың башкорт теленең һүзлеген төзөүзә тәүге тәҗрибә булығын искәртә. Уның мақсаты барлык башкорт һүззәрән йыйыу булһа ла, материал етешмәгәнлектән, бының мөмкин булмауын белдерә. Бөтә башкорт һүззәрә лә алфавит тәртибендә кызыл юлдан калын хәрәфтәр менән бирелгән. Тамырзаш һүззәр бер ояла урынлашқан. Байтак һүззәрҙен урысса тәржемәһенән һун, ул һүз менән һүзбәйләнештәр, уларзың төрлө грамматик категорияларзағы формалары, һөйләмдәр күрһәтелгән. Урыс телендә эквивалент һүз булмағанда, һүззән мәғәнәһе аңлатылған:

“Албар — скотный двор или вообще загороженное место, куда загоняют скотину;

сәсэн — находчивый в словах;

сапык — обладающий даром слова”.

Бындай аңлатмалар араһында башкорттарзың йолалары, көнкүрешә, шөғөлдәрә тураһындағы этнографик мәғлүмәт биргәндәрә лә байтак. Йыш қына һүзгә бәйлә мәкәләлдәр, идиоматик әйтәмдәр килтерелгән (*миһсалдарзағы һүззәрҙен язылышы һүзлектә бирелгәнсә алынды): “*Азықты ат аузармас*” (азык һүзенә). “*Алыста алтын бар тейзәр, барһаң бакыр за йук*” (алыс һүзенә). “*Кем арбаһына ултырһан, шуның йырын йырза*” (арба һүзенә). “*Атың йуғалһа, йүгәнен йулға ташта*” (ат һүзенә).

Күренеүенсә, төзөүсә башкорттарзың тормош-көнкүрешен, шөғөлдәрән, фольклорын яқшы белгән.

Һүзлектен лексикаһын өйрәнеү зур кызыкһыныу тыузыра, уның төп өлөшөн дөйөм башкорт һүззәре тәшкил итә. Сит телдәрҙән үзләштерелгән һүззәр бик аз индерелгән, уларҙың күбеһе башкорт теленән өн төҙөлөшөнә һәм әйтелеш нормаларына тулығынса буйһонған. Бында, гәрәп, фарсы телдәрәнән күптән үзләштерелеп, башкорт телендә киң кулланылыш тапкан һүззәр генә урын алған: *азан, казан* (ғазап), *аҡыл, ахмак, әзәл, балә, бәхет, ышык// кыйшык* (ғишык), *ғәзәт// кәдәт* (ғәзәт), *ғәзил//кадыл* (ғәзел), *зинһар, намыс, нәсәл, тастамал, тәубә, һайран//зайран, һак//һак, һәл//хәл, шәлтә, шөкөр* һ.б. Улар әле лә башкорт телендә бик актив кулланылып йөрөйҙәр.

Урыс теленән килеп ингән һүззәрҙән күбәһенә йәйә эсендә этимологик белешмә бирелгән: *дегет* (урыс) – *деготь, рәт* (урыс) – *ряд, калтанья* (урыс) – *компания, нарут* (урыс) – *ситец, праиенья* (урыс) – *прощение* һ.б. Улар языуға башкортсалаштырып бирелгән: *забут* – хәҙергә әзәби телдә: завод, *закун* – закон, *кантур* – контора, *картус* – картуз, *писер* – писарь, *пушта* – почта һ.б. (хәҙергә әзәби телгә уларҙың кайһылары урыс телендәге кеүек үк кабул ителгән).

Һүзлектә килтерелгән урыс теленән ингән һүззәрҙә түбәндәге фонетик үзгәрештәр күзәтелә: 1) һузынҡыларҙың күсәше: *пунатәй* < понятой, *нәрәтә* < нерета, *мижа* < межа, *пранык* < пряник, *сегән* < шыган һ.б.; 2) тартынҡыларҙың күсәше: *нужа* < нужда, *тас* < таз, *шпан* < шаф, *син* < чин; 3) бер үк һүззә һузынҡыларҙың да, тартынҡыларҙың да күсәше: *көршәк* < горшок, *ызма* < изба, *күзе* < квас, *миес* < печь, *патнус* < поднос, *пызаука* < пудовка, *солан* < чулан һ.б.; 4) бер нисә тартынҡы йәнәш килгәндә һүз башында һузынҡы өстәләү (протеза): *эләүкә* < лавка, *өстәл* < стол, *ышлыя* < шляя һ.б.; 5) һүз уртаһына һузынҡы өстәләү (эпентеза): *керәндил* < крендель, *керәнт* < кран, *керән* < грань, *келәшиә* < клешиши һ.б.; 6) һүз азағына һузынҡы өстәләү: *тамәке* < табак, *тәзе* – тяж; 7) һүз уртаһына тартынҡы өстәләү: *йәшник* < ящик; 8) һузынҡы һәм тартынҡыларҙың урынын алмаштырыу (метатеза): *грубиян* < курбиян (грубиян һүзенән); 9) һүз азағында кайһы бер һузынҡылар һәм тартынҡыларҙың төшөп калуы (һүззәрҙән кысҡаруы): *кәрт* < карты, *минут* < минута, *пар* < пара, *станса* < станция, *уяз* < уезд, *хужа* < хозяин, *һалам* < солома, *школ* < школа һ.б.

Кайһы бер һүззәр урыс телендәгесә алынған, йәғни язылыштары тулығынса урыс орфографияһына тап килә: *дуга, лак, карман, лампа, скрипка* һ.б.

Һүзлектә хәҙергә башкорт телендә искергән һүззәр рәтендә йөрөгән лексемалар за күренә. Мәсәлән: гәрәп, фарсы һүззәре: *зина, зиндан, сыуал* һ.б; урыс һүззәре: *картум* (картома арендное содержание), *керәнт* (кран самовара), *лагун, пот* (пуд), *ызма* һ.б.; башкорт һүззәре: *йәсәк* (ясак, подать), *маиша* (шипсы для свеч), *һанат* (министры, советники царя), *елкәмәс* (женский головной убор) һ.б. Фәкәт үткән дәүерҙә булған иске күренештәрҙе, вакиғаларҙы тасуир иткәндә кулланылған тарихи һүззәр зә бар: *аришин, дисәтинә, душ* (подушный оклад), *купис, мырза* (почетное звание, дарованное царем), *мыскал* (золотник), *сажын* һ.б.

Хезмәттә кайһы бер һөйләштәрҙә генә осраған, хәҙергә телдән бөтөнләй юғалған һүззәр зә урын алған: *арғылды* – гористый, *аут* – привычка, *дабыл* – молва, слух; *дың* – неподвижный, *балә* – стоищий

(авторзан: равноценный): *этем атка бәле; ил* — ласковый, *камыш* — властвовать, одному превосходить, *каңка* — прясло, изгородь из лубков и хворостины, *кама-һуа* (эйек-һакмар һөйләшәндә: кама-һуа — баштан аяк), *касыр* — мул, лошок, *кулакта* — кандалы, *кылы* — старица (старое уло реки), *март-айак* — слабоногий, падающий постоянно, *матша* — полоумный, *маней* — смысл, разумение, *манрау* — ротозей, бестолковый, *маллә* — грубое сукно, *сулык* — сжаться, подтянуться, *тәгәнә* — подозрение, соменение, *тәнәкар* — амальгама, *туйыр* — толстая нагайка, *улия* — добыча, *урынтын* — тайна, *шыйан* — слабый (о скоте), *әзернәйә* — лук из рога һ.б. Был һүзәрзән шул заманда актив кулланылған булғуы ихтимал.

Автор айырым төбәктәрзә генә кулланылған һүзәрзә айырып күрһәткән: *балға* — молоток в Китайской волости, а в других местах: сүкәш; *һармак* — бестолковый (в Кат. волости).

Йәнле һөйләү теленә генә хас диалект-ара һүзәр һәм формалар байтак: *анда, андағы, андай, аның, апар, апарзык, апарыусы, белән, кыйшыгк, мыны, һәзер, һәл, һәрәм* һ.б.

Һүзлектә шулай ук башкорт теленә төрлө һөйләштәрәнә һәм диалектарына хас һүзәр кин сағылыш тапкан. Көнсығыш диалектка хас лексик берәмектәр: *ипмәк, маңдай, майзык, эбсәй* һ.б.; көньяк диалектка хас һүзәр: *күнәк, тикле, тыңна* һ.б.; төньяк-көнбайыш диалектағыса: *тиләскәу* (бесшабашный, лентяй), *кун батышы* (запад) һ.б.

Ялғаузар язылышында көньяк диалекттың да, көнсығыш диалекттың да үзенсәлектәре күренә. Көнсығыш диалектағыса: *ағынды, ағастык, азықты, айзык, ақылды, астык, ауырзык, дустык, йарзы, һабынды; майза, лыбырза, арыузан, әзерзә, имәктә* һ.б.; көньяк диалектағыса: *ашамнык, ашлык, баллы, белекле, миләшилек, лайлалы, татыулык, аныгла, димнә, дөрлә, исәннәш, тезлән* һ.б. Күплек ялғаузары күберәк көньяк диалектағыса алынған: *атлар, күзләр, күлдәкләр, кырым татарлары*. Бәгзә һүзәрзә ике диалекттың үзенсәлектәре бергә бирелгән: *атларзы, һүйзәйләр* һ.б.

Кайһы бер һөйләштәрзән характерлы айырым һызаттары асык сағылыш алған. Көнъяк диалекттың урта һөйләшәндә һакланған -лт, -нт, -нт, -мт, -нк, -нк, -мк, -мк диссимилиатив өн кушылмаларын кулланыу осрағы йыш күзәтелә: *бурунғы//буруңкы, данка сык, диңкез, дуңғыз, зәңкәр, йаңкыр, еңкәсәй, йүнки* (юңғы), *курсанкы, кыңкырау, мәңкелек, меңкә, меңкәш* (менгәшәу), *туңкәк, туңкәк* һ.б.

Урыс-са-башкортса һүзлектә (1893) кылымдар -мак/-мәк аффиксы менән бирелһә, бында улар бойорок һөйкәлешәндә бирелгән, төзөүсе был турала искәртеп үткән. Миһалдар: *азһын* — хәзәрә һүзлектәрзә: азһыныу, *кыуар* — кыуарыу, *маны* — маныу, *манды* — мандыу, *теркә* — теркәу, *тет* — тетәу һ.б.

Шулай итеп, XIX быуат азағында дөйөм халык теленә нигезләнгән башкорт әзәби телен, фонетик үзенсәлектәрән дөрөс сағылдырған оригиналь язмаһын булдыруға кыйғыу ынтылыштар яһала.

В.В. Катаринский катмарлы гәрәп графикаһына алмашка бер аз үзгәртелгән урыс алфавиты тәкдим итә һәм уның нигезендә әлифбалар, һүзлектәр төзәй. Сығанактарзың лексикаһы хәзәрә башкорт әзәби теленә бик яқын, уларзың төп өлөшөн башкорт һүзәрә тәшкил итә, сит телдәрзән үзләштерелгән һүзәр бик аз. Һүзлеккә, башкорт теленә

күптән үзләштерелеп, киң кулланылган һүззәр генә индерелгән. Уларзың күбеһе башкорт теленен өн төзөлөшөнә һәм әйтелеш нормаларына тулыһынса буйһондоролған.

Үөмүән, был осорза донъя күргән әлифбалар, укыу әсбаптары, урыҫса-башкортса һәм башкортса-урыҫса һүзлектәр заманында башкорт һәм урыҫ телдәрен өйрәнөүзә зур практик әһәмиәткә эйә булған. Улар дөйөм башкорт һөйләү теленә нигезләнгән тел нормаларын булдырыуға ла зур йөгөнтө яһаған. Сығанактарзың авторзары башкорт әзәби теленен, язмаһының артабанғы үсешен дөрөс күзаллаған.

Әзәбиәт:

- Букварь для башкир. — Оренбург, 1892 (1898, 1908). — 58 с.
Катаринский В.В. Башкирско-русский словарь. — Оренбург, 1899 (на обложке 1900). — 237 с.
Краткий русско-башкирский словарь. — Оренбург, 1893. — 92 с.

Майзина А. Н., г. Горно-Алтайск

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящего исследования — выявление и анализ метрологических терминов в алтайском языке.

К метрологической лексике относятся наименования мер длины, веса, размера и объема. В алтайском языке, как и во многих других тюркских языках, метрологическая терминология относится к числу неизученных пластов лексики. Специальных работ, посвященных изучению данных терминов, в алтайском языкознании нет. Более изученной является метрологическая лексика русского языка. По этой проблеме в русистике известны работы Н. В. Устюгова [1965], Л. А. Молчановой [1973], Г. Я. Романовой [1975] и др.

В рамках данной работы особый интерес представляет рассмотрение принципа номинации различных измерений в алтайском языке, а также этимологический анализ исследуемых слов.

Алтайцы издавна использовали в своей обиходной речи народные меры. Многие наименования мер в алтайском языке восходят к названиям частей тела человека или к движениям этих частей. Такое явление характерно практически для всех естественных языков, поскольку в первобытном мире человек начал измерение пространства с самого себя. Основными его измерителями стали: стопа, локоть, ширина или длина фаланги пальца, ширина ладони, пядь, сажень, шаг и др.

В алтайском языке количество метрологических терминов невелико. Большинство анализируемых слов здесь является исконным, зачастую восходящим к древнетюркскому языку. Рассмотрим их по отдельности.

Карым ~ **кары** — пядь, «четверть», расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами. Слово является производным от *кары* 'часть руки от локтя до плеча'.

Карыш — пядь, «четверть», расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами.

Пример: *Кара-Канат кам үч конокко түни-түжи Ылген кудайына жайнап мүргийле, карыш тошты кайылып, суузын жердөөн шиндирип ийген* (ЖК, ОЖ, 174) — Шаман Кара-Канат днем и ночью в течение трех суток молился богу=своему Ульгеню, растопил лед величиной с пядь, а воду слил на землю.

Слово *карыш* является общетюркским. Основное значение – ‘пядь’. В тюркологии традиционно считается, что *карыш* – диминутив на *-(ы)ш* от *кар*, *кары* ‘плечевая часть руки; предплечье’. Однако авторы «Этимологического словаря тюркских языков» [ЭСТЯ 1997, 325] придерживаются другого мнения. По их предположению, *карыш* – имя, производное от глагола **кары-* * ‘хватать, брать’.

В алтайском языке от термина *карыш* ‘пядь, четверть, расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами’ произошло слово *жаба-карыш* (*жаба* ‘слитно’), обозначающее невысокий рост и худощавое телосложение человека.

Пример: *Анча-мынча болбогон, жердин алдынан жаба-карыш сынду улус, мөнкүлик улус чыга кондылар* (ТТ, ЭЧ, 339) – Много времени не прошло, как из-под земли выскочили маленькие люди, бессмертные люди.

Сөйм – четверть, расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами.

Пример: *Бир сөймөн, кажы бир өлүдөн жылып, блиндажка жууктап алдыс* (АА, ОЧК, 16) – Подползая по одной четвертинке, по самой малой толщине пальца, приблизились к блиндажу.

В алтайском языке слово *сөйм* является заимствованием из монгольского языка – монг. *sөгөт* ‘пядь – расстояние от большого до указательного пальца’ [ЭСТЯ 1997, 325].

Мукур – расстояние между большим и согнутым указательным пальцем. Этимология слова не ясна.

Эли ~ өлү – мера, равная толщине пальца.

Пример: *Үчинчи табышкак база да женил: чын ла төгүнниң ортозы төрт өлү – ол көс лө кулактын ортозы, ненин учун десе кулак көп сабада төгүндү угат, же көс жангыс ла чынды көрт* (ТТ, ЭЧ, 151) – Третья загадка тоже легкая: расстояние между правдой и ложью равно толщине пальца – это расстояние между глазами и ушами, потому что уши в большинстве случаев слышат ложь, а глаза видят только правду.

Алтайское слово *эли ~ өлү* восходит к древнетюркскому *el* ‘рука, кисть руки’ [ДТС, 169]. В большинстве тюркских языков слово представлено в форме *ели / елі*. Этимология слова подробно рассмотрена Э. В. Севортьяном [ЭСТЯ 1974, 263-264].

Кулаш – сажень, расстояние, равное размаху рук.

Пример: *Кыс ого быйан айдала, туулар жаар мантатты. Же тууларда, жаан таштын кийинде, оны алтан кулаш куйрукту көк бөрү сакып, оозын ачып, тиштериле карсылдадып отурды* (фолькл.) – Девушка, поблагодарив его, поехала в горы. Но в горах, за большим камнем, ее поджидал серый волк с хвостом в шестьдесят саженей, раскрыв пасть, скрипя зубами.

Алтайское *кулаш* восходит к древнетюркскому *qulaş* ‘мера длины в размерах рук; сажень’ [ДТС, 464].

Алтам – расстояние, равное 1 шагу. Слово является производным от *алта-* ‘шагать’.

Пример: *Олордын мени апарган јирме алтам јери меге беристедий бодолгон* (ЖК, ОЈ, 83) – Расстояние, равное двадцати шагам, по которому они повели меня, показалось для меня целой верстой.

Пайры – мера длины ткани (≈ 1 м.). Этимология слова не ясна.

Пример: *Эки пайры бѳс алдым* (инф.) – Купил ткань длиной в 2 метра.

Чақырым – верста; расстояние, равное 1 км.

Пример: *Барлак Кылганду журттың бойында эмес, онын үч чақырым кирелү төмөн, кою мөштөрдиг ортозында, ады жок жууканың бугинде жаткан* (СС, АКС, 127) – Тарлак жил не в самом селе Кылганду, а примерно на три версты ниже, в самой гуще кедров, на излучине безымянного лога.

Алтайское *чақырым*, по всей видимости, восходит к древнетюркскому *çayır* ‘тропа, дорожка’ [ДТС, 136]. Как мера длины данное слово встречается и в других тюркских языках. В кашгарьдинском говоре узбекского языка *çagirim* – ‘1 км’ [Тенишев 1988: 2001].

В алтайском языке активно используются наименования мер длины, заимствованные из русского языка. Так, калькой русского *верста* является алтайское слово **беристе** – верста; расстояние, равное 1 км.

Пример: *Каака эрдин кажынан атпактанып алала, бирде билинип, бирде билинбей брааткан: ат беш беристе киреде Кара-Учукка жеткен кийинде жаңы ондонгон* (ЖК, ОЖ, 155) – Каака, ухватившись за седло, ехал, иногда приходя в себя, иногда теряя сознание: очнулся только тогда, когда конь проехал пять верст и дошел до местности Кара-Учук.

Русизмом, довольно часто используемым в алтайском языке, является термин *метр* в том же значении, что и в русском.

Пример: *Керекшин төрт лө метр кирези жаныла өдүп жадарда, Тордо оны чик жок ажыра шыкайла адын ийди* (ЭЯ, ОТ, 94) – Когда самка косули проходила рядом, примерно в четырех метрах от него, Тордо выстрелил в нее, прицелившись намного дальше.

Особый интерес в рамках данного исследования представляют также сложные наименования, образованные аналитическим способом словообразования. К ним относятся следующие наименования.

Күн жортум – расстояние, которое можно проехать за день (≈ 50-60 км). Здесь имеется в виду расстояние, пройденное на лошади.

Пример: *«Бистин ада-энебис жаан, казыр андар» – деп, ботоолор айттылар. Олор жытты күн жортум жерден алып жадылар* (ГТ, ЭЧ, 362) – «Наши родители большие, свирепые животные», – сказали верблюжата. Они могут учуять запах на расстоянии, которое можно проехать за день.

Пир күндик – расстояние, которое можно проехать за день (≈ 50-60 км). Здесь также имеется в виду расстояние, пройденное на лошади.

Пример: *Уул кызыл күн болгончо бир күндик жер өткөн* (ЭТ, К, 51) – Парень, пока светило красное солнце, прошел расстояние, которое можно пройти за день.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что пласт метрологической лексики в алтайском языке составляют исконно алтайские слова, а также слова, заимствованные из монгольского и русского языков. В структурном отношении они представляют собой простые и сложные наименования.

Приведенный в работе лексический материал не является исчерпывающим. Указанная проблематика, безусловно, требует дальнейших научных изысканий.

Литература:

Молчанова Л. А. Народная метрология (к истории народных мер длины). – Минск, 1973.
Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. – М., 1975.

Тенишев Э. Р. Нумеративы // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988. — С. 200–201.

Устюгов Н. В. Русская метрология. — М., 1965.

Минибаева З.И., г. Уфа

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ У БАШКИР КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Народная медицина курганских башкир объединяется в понятия *бағымсылыҡ* или *им-том*, т.е. «традиционно-бытовое лечение». Знахаря в основном называют *бағымсы*, реже — *имсе*, *им-томсо*. Термин *бағымсы* также широко распространен в восточных районах РБ, а в западных — *имсе*.

По материалам башкирских фольклористов, *бағынсылыҡ/бағымсылыҡ* — это шаманство; *баксы*, *бағынсы*, *бағыусы*, *бағымсы* — это шаманы, а термин *им-том* появился позже им замену [Байымов 1995, 32–37; Сөләймәнов 1995, 42; Солтангәрәева 2004, 200]. По данным С.И. Руденко, *бағыусы* — это ворожеи и ворожейки, которые занимались гаданиями [Руденко 2006, 273]. Согласно эпическим произведениям, у предков башкир народное врачевание называлось *им-том*, а знахарь — *им-томсо* или *бағымсы* [БХИ 1972, 238, 122].

В башкирско-русском словаре народные медицинские слова переведены следующими терминами: *бағымсылыҡ* — знахарство, ворожба, гадание; *бағымсы* — знахарь, знахарка, знахарский; *бағымсылау* — заниматься знахарством, ворожить, гадать. *Им-том* — заговор, заклинания; *им-том итеу* — заговаривать болезнь; *им-том итеүсе*, *им-томсо*, *имсе* — знахарь, заклинатель болезней; *им* — лекарство, целебное средство, снадобье; *им табыу* (или *имен табыу*) — найти целебное средство; *им өсөн* — в лечебных целях; *им итеу* — лечить [Башк.-русс. сл. 1996, 65, 207–208].

У курганских башкир традиционные способы лечения болезней называются следующими терминами: *бағыу* — лечить, например, *бисерзе бағыу* — лечение грибки, *балдарзы бағыу* — лечение детей; *имләу/имдәу* — лечить (править), чаще употребляется при лечении болезней с помощью какого-либо предмета, например, ячмень на глазу выводится с помощью ячменного зерна (*арпа менән имдәу*). Отсутствие целительских способностей выражается словами *име-томо юк* (нет дара целительства) или *им-том белмай* (не знает народного лечения). Невозможность излечения народными средствами выражается термином: *им табыт булмай* (нет средства для исцеления). Знахари обычно завершают свое лечение словами: *имең-томоң шул булһын*, т.е. «пусть это будет исцелением». Считается, что необходимым условием исцеления является вера в традиционное лечение. Обычно говорят: *ышанһан*, *им була*, т.е. «поверишь, получишь исцеление», а если не веришь, то лучше не ходить по бабкам.

По материалам исследователя народной медицины сибирских татар Л.М. Кадыровой, *ем-дом* в монгольском языке — целебное средство, в тюркских же языках *им* имеет самостоятельное значение, а *д(т)ом* бытует как незначащий компонент парного слова [Кадырова 2008, 31].

В древнетюркском словаре: *ЕМ* — лечебное средство; *ЕМСИ* — лекарь, *ЕМЛА* — лечить, исцелять [ДТС 1969, 171–173]. Рассмотрим эти термины на примерах лексики тюркоязычных народов Средней Азии,

Казахстана и Сибири. У среднеазиатских тюрков, например, у узбеков *эм* – это целительное средство, способность исцелять; *эми-димми* – лечение болезней путем заклинаний и магических действий [Узбек.-русс. сл. 1959, 554]. У киргизов *эмчи-домчу* – это знахарь; *эмчи-домчулук* – знахарство [Русск.-киргиз. сл. 1957, 239]. У казахов *емдеу*, *емделеу* – лечить, лечение; *емши* – лекарь; *емдик заттар* – лечебные средства; *емшилк* – знахарство [Русск.-казах. сл. 1978, 378, 380–381]. Традиционно-обытовое лечение татар-сибиряков также называется *им-том*, лечить с использованием заговоров означает *имняв* (править) [Кадырова 2008, 31]. Под *эмчи* у алтайцев понимался лекарь. Среди них существовала узкая специализация: массажисты, лечащие словесными благопожеланиями (*алкыш*), горловым пением (*кай*) и травами. Некоторые *эмчи* применяли в лечебной практике заговоренную воду и прием отливания воска. У теленгитов *эмчи-толчы* – врачи, которые использовали при лечении целебные травы, наложение рук и заговоры, в их деятельности не практиковалось общение с духами [Тюркские народы 2006, 451, 526]. Тибетские ламы, имеющие медицинское образование, также назывались *эмчи* или *лама-лекарь* [Асеева 1985, 8].

Существуют разные мнения о происхождении термина *бакши/баксы*. В.В. Бартольд утверждал, что у киргизов, казахов *баксы*, *бакса* – это колдун и прорицатель, исцеляющий больных заклинаниями [Бартольд 1968, 501]. По исследованиям В.Н. Баилова, термин *бакши* употребляется для обозначения шамана у узбеков, киргизов, таджиков, уйгуров; *баксы* – у казахов. Другой точки зрения придерживается О. Муродов, который возводит основу слова *бакши* к иранскому Богу *Бага*. Составители «Древнетюркского словаря» производят слово BAQSI от китайского *боши*, *bağ-si* – учитель, наставник. Некоторые специалисты считают, что слово *бакши* происходит от тюркского *бакф* – «смотреть», в переносном смысле – «лечить». По мнению же В.Н. Баилова, фонетическая близость этих слов представляется случайной [Баилов 1992, 48–49].

В народной медицине курганских башкир применение устаревших иррациональных методов лечения болезней называется *эмалләу/эмалдәу*. Знахаря, лечащего старинными методами, и сейчас называют *эмалдәүсе кеше*, такие знахари считаются более опытными. О некоторых болезнях, которые не поддаются лечению народными средствами, говорят: *эмалдәп булмай*, т.е. «лечить невозможно». К таким болезням относятся эпидемии: тиф, холера и др. Способ лечения *эмалдәу* используется, в основном, при «переносе» болезней на другие объекты. Например, при сильном испуге сажают живую курицу на сердце больного, и таким образом переселяют болезнь в курицу. Если курица умирает, ее выбрасывают подальше от деревни, чтобы болезнь не пристала к людям. Такие места в народе называются *эмал/элам таштанған ер*, т.е. места, куда брошены духи болезней. Считается, что к людям, оказавшимся в этих местах, непременно пристанет болезнь (*рәңйеүе һуыла*). Информаторы рассказывали о том, как молодая семья выстроила дом на подобном месте, вскоре на них обрушились всякие неприятности, вплоть до развода и смерти [ПМА, 1997]. В наших наблюдениях термин *эмалдәу* больше всего употреблялся среди пожилых знахарок. В башкирско-русском словаре *эмал* переводится как

«уст. народное средство лечения» [Башк.-русск. сл. 1996, 817]. У среднеазиатских тюрков, например, у узбеков *амаль* – наговоренный предмет [Басилов 1992, 170].

Традиционно-бытовое лечение у курганских башкир обозначается другим термином *ырым*. Если болезнь излечивается, то говорят *ырым килеште*, т.е. «лечение подошло». *Ырымдануу* – предзнаменование по произвольным действиям различных частей тела или сновидениям; *ырымдау* – знахарский способ лечения. В этимологическом словаре тюркских языков Э.В. Севортяна термин *ырым* поясняется как примета, предзнаменование, предсказание, гадание и лечебное средство [Севортян 1974, 666]. У киргизов *ырым-жырым* – это общее понятие обряда, и не только лечебного [Русск.-киргиз. сл. 1957, 458].

У курганских башкир прием и лечение больных также обозначается термином *карау* (букв. «осматривать»). В случае, если знахарь отказывается принимать больного, то говорят: *караманы* (не осмотрел). Реже употребляются термины *дауалау* – лечение, *дауалануу* – лечиться, *дауа* – средство лечения [от араб. *دواء*].

Более опытных и авторитетных знахарок курганские башкиры называют *боронго карсык* – древняя бабка, *укьмышлы карсык* – начитанная бабка, *белемсе карсык/эбей* – знающая бабка. В башкирских эпохах опытные знахарки также назывались *белемсе карсык* [БХИ 1973, 312]. У курганских башкир знахарок, которые принимали роды, называли *кендекэй* или *кендек инэйе* (от башк. *кендек* – пупок, *инэй* – мать); а лечащих растительными средствами – лекарями. Если бабка по старости прекращает заниматься врачеванием, то она говорит о себе: *куйғанмын*, т.е. «прекратила». Лечение болезней занимались также мусульманские священнослужители или святые (*әулигалар*), а мусульманских женщин-врачевателей называли *остабика*. Способ лечения болезней чтением мусульманских молитв называется *өшкөрөү* (обдувание); врачевателей, лечащих молитвами и обдуванием, называют *өшкөрөүселәр*.

Болезнь у курганских башкир обозначается общетюркским термином *ауырыу* или *рәниеу*. Например, *бизгәк ауырыуы насар рәниеу* – лихорадка – плохая болезнь; *һары рәниеуе* – желтуха. Болезнь, вызванная, по народным представлениям, червями (или клещами), называется *корт рәниеуе* (от древнетюрк. QURT – червь), т.е. «болезнь от червей» [ДТС 1969, 468]. К ней относятся кожные заболевания, такие как чесотка (*бетсә/кысырма*), лишай (*тимрәу*), экзема, а также зубная боль. При лечении этих болезней совершается магический обряд «высыпания червей» (или «вызывания червей») (*корт төшөрөү/корт сакырыу*), который состоит из окуривания больного дымом белены и заговаривания червей (*корт арбау*). У многих тюркских народов термин *арбау* распространен в связи с заклинанием змей, например: *йылан арбау* (башк.), *жылан арбау* (каз.) [Русск.-казах. сл. 1978, 243]. Общетюркский термин *арба* переводится как «завораживать», «заколдовывать», «заклинать» [Севортян 1974, 168-169].

Некоторые названия болезней у башкир близки по произношению к болезням в языках других тюркоязычных народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, например: поврежденная поясница – *биртек* (башк.), *биленке* (сиб. тат.); лихорадка – *бизгәк* (башк.), *пискәк* (сиб. тат.),

безгек (кирг., каз.); лишай — *тимрәу* (башк.), *тимряв* (сиб.тат), *темиретку* (кирг.), *теміреткі* (каз.); бородавка — *һөйәл* (башк.), *сеәл* (алт.), *сөөл* (кирг.), *сүйел* (каз.); фурункул — *сикан* (башк), *чикан* (алт.), *чийкан* (кирг.); *шиқан* (каз.); панариций, нарыв под ногтем — *ыылан карак* (башк.), *ыылан корак* (сиб.тат), *дйлан каразы* (алт.); гнойное заболевание уха — *татран* (башк.), *татыран* (сиб.тат.) [Валеев 1993, 167-168; Кадырова 2008, 13; Вербицкий 1893, 86-87; Русск.-киргиз. сл. 1957, 55, 329, 330, 923; Русск.-казах. сл. 1978, 67, 384, 385, 519].

Таким образом, сравнительные материалы в лечебной терминологии говорят о значительной степени близости, порой однотипности народных знаний в области медицины курганских башкир и тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана. В народной медицине курганских башкир употребляются также слова арабского происхождения, что связано с распространением ислама среди башкир.

Литература:

- Асеева Т. А., Блинова К.Ф., Яковлев Г.П. Лекарственные растения Тибетской медицины. — Новосибирск, 1985.
- Байымов Б.С. Баксылар ижады // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүзәр һәм материалдар. II сығарылыш // УНЦ РАН. — Өфө, 1995.
- Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1968. Т.5.
- Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1992.
- Башкирско-русский словарь / Под ред. З.Г. Ураксина. — Уфа, 1996.
- Башкорт халык ижады. — Өфө, 1972. Т.1.
- Башкорт халык ижады. — Өфө, 1972. Т.2.
- Башкорт халык ижады. — Өфө, 1973. Т.3.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. — Казань, 1993.
- Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сб. этнограф. ст. и исслед. — М., 1893.
- Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
- Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья. — Омск, 2008.
- Русско-казахский словарь / Под ред. Г.Г. Мусабаява. — Алматы, 1978.
- Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. — М., 1957.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М., 1974.
- Сөләймәнов Ә.М. Башкорт халкының им-том һәм мөзәти йола фольклоры // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүзәр һәм материалдар. II сығарылыш. — Өфө, 1995.
- Солтангәрәева Р.Ә. Арбаузар // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүзәр һәм материалдар. V сығарылыш. — Өфө, 2004.
- Руденко С.И. Башкиры. — Уфа, 2006.
- Тюркские народы Сибири / отв.ред. Д.А. Функ, Н.А.Томилов. — М., 2006.
- Узбекско-русский словарь / Под ред. А.К. Боровкина. — М., 1959.

Михуткина М.Г., г. Чебоксары

ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА В ЖАНРАХ НЕТРАДИЦИОННОЙ МЕТРО-РИТМИКИ

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 10-04-22407 а/в.

Следующим жанром нетрадиционной метро-ритмики, получившим широкое распространение в чувашской литературе, является стихотворение в прозе. Новая форма не утвердилась бы в национальной литературе, не будь для этого особых предпосылок. Чувашские поэты разных периодов создавали стихотворения в прозе не только вследствие следования определенной моде в литературе. В устном народном поэтическом творчестве существуют жанры — наговоры, заклинания, молитвенные слова, эпические слова, заговоры, проклинания, благо-

словения, — в структуре которых есть предпосылки для стихотворения в прозе, а именно композиционно-строфическая и ритмическая организация речевого стиха, синтаксические и лексические повторы. Например, в заговорах обрядовый текст является формой общения человека с духами, вербальный текст сопровождается акциональным текстом, также имеет особо организованную, канонизированную структуру.

Религиозная лирика у чувашского народа сочинялась в прозаической форме. В свое время с точки зрения религии их отстраняли, но все же они являются образцами художественной литературы. В письменной чувашской литературе стихотворения в прозе впервые начали проявляться еще в конце XIX в. Поэты И. Юркин, М. Юман, Г. Кореньков, А. Назул пишут первые образцы прозаика. Творчество И. Юркина оказывало особое влияние на становление чувашской литературы и публицистики, прозаических жанров. Автор показывает своеобразные моменты из жизни человека, а именно детализируя и символизируя, т.е. стиль языка и манера изложения текста получают свое закрепление в мыслях и поэтическую интонационную целостность жанра. В его произведениях пословицы и поговорки обретают новое качество и подчеркивают свое место, обогащая мировидение поэта.

Эмоциональность, философичность образов описывают структуру мироздания в форме «мирового дерева». На вершине мифического мироздания у чувашей всегда восседает птица «амарт кайак», а в трансформированных текстах — кукушка или другая птица. Все это определяется конкретной бытовой ситуацией и реалиями лирического героя. Здесь хорошо представлен центр мира в образе мирового дерева, столба или горы. Мотив «мирового дерева» с птицей на его вершине обнаруживается, как известно, во всех эпических заговорах. Следовательно, мы не должны сомневаться, что источником жанра стихотворений в прозе является устный фольклор. Также в стихотворениях в прозе, как и в заговорах или заклинаниях, рассказывается о восстановлении временно нарушенного порядка в мироздании: 1) текст, информирующий о преодолении препятствий по пути к центру мироздания; 2) текст восстановления изначального порядка. Время весны в произведениях И. Юркина строится на основе причинно-следственной связи: «опора мироздания укрепится — здоровье человека восстановится». В творчестве одного из основателей чувашской прозы прозаические стихотворения являются вершиной художественного слова. И. Юркин на основе фольклорного жанра создает оригинальное поэтическое произведение, в котором выражает народную мудрость и глубокое философское мышление. Его прозаические стихотворения перекликаются с творчеством его современников. Особенность композиции произведений заключается в использовании простых предложений, недосказанности мысли, смыслового параллелизма, повторов.

Особая роль в становлении и развитии стихотворной формы в чувашской поэзии принадлежит поэту М. Юману. В чувашской литературе он известен своими новеллами, очерками, драмой, но особое место занимают такие стихотворные произведения, как поэма «Маюк», стихи «Весна», «Песнь Волги», «Песня», прозаические стихи «Игры зарницы» и «Нарспи».

Распространение жанра стихотворение в прозе в чувашской литературе современного периода связано также и с переводческой деятельностью. Чувашские литературоведы в числе первых перевели прозаические стихотворения индийского поэта Р.Тагора. Увлечение чувашских поэтов переводом индийского автора не является случайностью. Перевод автора из индийской демократической республики в данный период приветствовался руководящими органами. Р.Тагор в своих стихотворениях выступает как борец за мир, против религиозной и расовой дискриминации, за права женщин. Чувашские переводчики для работы выбирают стихотворения, затрагивающие проблемы гуманизма, взаимоотношений природы и человека, восхваляющие труд простого человека.

Образное мышление, художественная неповторимость производят на нас неизгладимое впечатление; свобода, независимость, открытость души чувствуются в его стихах. «Светлое небо», «бескрайность», «солнечный свет» являются главными образами и составляют идею произведения. Использование символов и образов мироощущения показывают мудрость и философское мышление индийского народа. Перевод произведений Р.Тагора оказал плодотворное влияние как на творчество самих поэтов-переводчиков, так и на чувашскую лирику данного периода. Чувашская аудитория через перевод знакомится с новой формой стихотворения, особенностями его создания.

Последующими распространителями этого жанра стали И. Тукташ, А. Назул, И. Григорьев, Н.Янкас, Р.Шевлепи и другие.

В современной чувашской лирике стихотворение в прозе становится характерным для творчества таких поэтов, как А. Кибеч, А. Юрату, Л. Сачкова, О. Туркай и других. А. Кибеч стихотворения в прозе начал писать еще в 90-х гг. XX в. В сборник «Книга жизни» включены стихотворения, которые были написаны с 1997 г. по 2001 г. Правильно ли мы живем? Легко ли быть чувашом? Есть ли народ, которого не выбрал бы Бог? Если считаешь себя умным, то почему беден? Что нужно сделать для прогресса? Что такое счастье? Вот такие вопросы волнуют автора книги. Поэт показывает жизнь чувашского народа, его идеи и стремления, радости и горести, правду и ложь.

Стихотворения в прозе О.Туркай отличаются использованием поэтики заговоров, заклинаний. Так, в творчестве О.Туркай словесные повторы приобретают глубокий философский смысл, символический облик чувствительности и душевности.

Стихотворение в прозе в чувашской литературе близко к жанру раскаянья из народного поэтического творчества. В каждом произведении присутствует образ читателя, который формируется на субъекте лирического высказывания и вокруг поэтического «я», здесь проявляется театрализация лирики. Это в какой-то мере связано с «ролевой» лирикой. В прозаическом стихе проявляется интимное состояние души, аудитория присутствует, лирический герой открывает душу перед читателем, дает право уловить его интонацию тому, кто его слушает. Прозаические стихи О.Туркай нацелены на то, чтобы вживую ощущать слушателя. Иногда для разговора с аудиторией меняется ритм стихотворения, что придает убедительность общению. Законы ритмики, если хорошо осознает творец, совершенно преобразуют стих.

При этом возникает ритм, который диктует нарушение баланса, спор между сбалансированной строфикой и свободным течением стиха.

Как выяснилось, развитие чувашского стихотворения в прозе берет свое начало в устном народном творчестве. Зачинатели жанра И.Юркин, Д.Юман, Г.Кореньков строят композицию своих произведений согласно жанрам заклинания, заговора, выражая в них авторское и народное мышление. Второе дыхание в своем развитии прозаический стих получил в послевоенное время (И.Тукташ, И.Ивник). Современные поэты А.Кибеч, Л.Сачкова, О.Тургай, А.Юрату, Н.Сильби при создании своих прозаических стихотворений также опираются на народные традиции, оттачивают свое мастерство через знакомство с русскими и мировыми образцами этого жанра.

Мөхәмәтйәнова Ф.Р., Өфө к.

ХӘЗЕРГЕ ПРОЗАЛА КАТЫН-КЫЗ ҺӘМ ЗАМАНА

Кыз булһа, кыз булһын, йондозға тиң булһын, тигәндәр боронғолар. Ыльду кыззар ырыу, ил-йорт йәме, зиннәте һаналған. Улар ил күрке булып танылған батыр егеттәргә йөрәшелгән, батшалар тарафынан урланған, хатта яу менән яулап алынған. Ил терәге – ир, ир терәге – катын. Шул ук вақытта, ир – илдә һаклаһа, катын – өйзән йәме, ғаилә тотқаһы һаналған. Уның тырышлығынан өйзә тыныслыҡ һәм йылылык, ғаилә ағзалары араһындағы мөһәббәт һәм ихтирам, ҡунаксылыҡ, матурлыҡты күрә белеү формалаша. XX быуаттың башына тиклем катын-кыз күберәк тик халыҡ ижадында ғына сағыла: әсәләр поэзияһында, риүәйәттәрҙә, йырҙар һәм сәнләүзәрҙә улар үзәрәнен ауыр яҙмыштары тураһында һөйләй, сая кыззарҙың физик һәм рухи көстәрән тасуирлай. Үткән быуаттың һ0-сы йылдарына тиклем катын-кыз образы, беренсенән, матурлыҡ, гүзәллек эталоны, һоклануы объекты булып торһа, икенсе яктан улар ирекһеҙ, кәмһәтелгән, көсһөҙ зат итеп күз алдына баһтырыла. Был теманың актуаллығы шунан ғибәрәт: бөгөнгө көндә катын-кыз һисек йәшәй, әзәбиәттә һиндәй образдар бар һәм өстөнлөк итә (йәки әзәбиәттә һисек күрһәтелә) – был һорауҙар тикшерәү көтә әле. Бөгөнгө көндә катын-кыз киҫкен хәлдәр киҫерә. Йыл һайын донъяла әһ мең катын ирҙәре ҡулынан һәләк була.

Катын-кыздың тормаһта тотқан урыны һәм роле тураһында бөйөк философтар Г.Зиммель, Ж.-Ж.Руссо, З.Фрейд, В.Вульф һәм башҡалар үзәрәнен ҡаршылыҡлы фекерҙәрән әйткәндәр.

Рус әзәбиәтендә Ю.М.Лотман катын кыззарҙы өс төркөмгә бүлөп ҡарай. Унан тыш Е.Весельницкая, Н.Нунан, Н.Рис үзәрәнен классификацияларын тәкдим итә, ә башҡорт ғалимдарынан Р.Н.Сөләймәнова С.Г.Валеева, И.И.Валеев һәм башҡалар был мәсьәлә буйынса әзләнеүҙәр алып барҙылар.

Катын-кыздың тәртибе иң беренсе тәрбиәнән килә. Һәр бөгөнгө һәм совет осоро катын-кыздарын сағыштырып ҡараһаҡ, улар араһында Һаҡтай айырма күрәбез. Әлбиттә быуат уртаһында ла хаһаһыз йәшәмәгәндәр, әммә уларға талаптар көслөрөк, юғары әхлаҡлылык һас булған. Башҡорттардың ғаиләһендә һәм йәмғиәттә әсә статусы юғары торған. Катын-кыз статусы һәм образы хәзәрге башҡорт әзәбиәтендә төрлө яҡлап күрһәтелгән. Мәсәләһ, Хәйзәр Тапаковтың “Қаршы сығып

ал!” әсәрендә ике катын һүрәтләнә: беренсәһе, балаһын ташлап киткән, ә икенсәһе ошо икенсе милләт балаһын алып, уны яратып тәрбиәләй.

Языусылар, ысынлап та, реаль ысынбарлыҡты яза: ғайлә менән бәйлә, әскеселек, наркомания, фәхишәлек, ташландыҡ балалар, ғайләләрҙән таркалыуы, йәғни бөгөн килеп тыуған хәүефле, етди проблемаларҙы күтәрәләр. Әхлак нормаларын онотоу әсәләрҙән эске һиземенән юғалыуына, емерелеүенә килтерә.

М. Ямалетдиновтың “Кызыл итектәр” хикәйәһендә ата-әсәләрҙән балаларына қарата һалҡын қарашы һәм яуапһыз мөнәсәбәте арқаһында әскерһез бала үлемгә дусар була.

Катын-кыз буларак, Г. Физзәтуллина уларҙың тәбиғәтен үзенән хикәйәләрендә бик оҫта һүрәтләй. “Йөз зә бер ғүмер” китабында көсһөз заттың ысын тормошон, уларҙың уй-кисерештәрән үзә аша үткәреп, нескә психолог кеүек һүрәтләй алған. Мәсәлән, бер хикәйәһендә ул әхлак қанундарына таянып тәрбиәләнгән Гөлийөзөм һәм уның иренән һөйәркәһе, мөхәббәтте аңламаған Сараны сағыштыра.

Катын-кызға мөнәсәбәт – теге йәки был йәмғиәттәге ижтимағи мөнәсәбәттәрҙән, культура һәм сәнғәт қазаныштарының үзенсәлекле бер көзгөһө. Катын қеше ул әсә лә, қыз за, һөйәркә лә, қол да. Гөлсирә ?иззәтуллинаның “Йөз зә бер ғүмерем” китабында “Түлһез” тип аталған хикәйә бар. Унда ауырлы катындар ятқан балалар табыу йортоһон бер бүлмәһендә барған вақифалар һәм катын-кызҙар язмышы һүрәтләнә. Палатала биш ауырлы катын ята. Ошо мәлдә улар ун өс йөшлек қыздың қот оскос ауазын ишетәләр. ызыкай икенсе көн баланан бушана алмай икән. Был күренешкә катындар рәһһеп тә, йөлләп тә қарайҙар. Уларҙың үззәренән дә шул йөштәге балалары бар һәм әсәләр балаларының бындай хәлгә тарыуын күз алдына килтерә алмай, сабый тип қарайҙар.

Хикәйәләге был күренеш бөгөнгө көндә йыш оспрай, хатта без уға қайһы вақыт иғтибар за итмәйбез, аптырамайбыз за, әйтерһен дә, был тәбиғи.

Хикәйәлә Валентина образы бар. Ул һисек көнә теләһә лә, бала таба алмай, ауырға қалһа ла, өс ай за йөрөмәй – балаһы төшә. Ул балаһын алдыртқан (аборт яһатқан) катындарға нөфрәт менән қарай, уларҙы “үлтәрөүселәр” тип ғәһһепләй, “кеше үлтәрөүсә хәшәрәттәр” тип ярһһй. Бала табырға йөрөүсә катындар аборт яһау процессын “ит турағыс башланды” тизәр.

Ысынлап та, күп катындар бала таба алмай түлһезлектән яфалана, ә икенселәре бала табыу бәхетенә эйә булып та, уларҙан баш тарта, яһы яралған қешенә йөшөүзән, яқты донъяны күрөүзән мөхрүм итә, шуның менән күнелдәрәнә гонаһ алалар, ә қайһы сакта физик яктан да һаулыҡтарына зыян килтерәләр.

Нәфисә образында балалары озақ булмау сәбәпле балалар йортоһон ташландыҡ балалар алалар. Уларҙы ире лә, Нәфисә лә яратып үнтерәләр. Тик Нәфисә үз балалары булмауға үзен ғәһһепләй, түлһезмен тип уйлай, ире лә был турала әсәп қайтқан һайын катын рәһһетә, “бушқыуык”, “стериль бисәкәйем, түлһез һөйөкләм” тип мәсхәрәләй. Икенсе ир менән еһһи мөнәсәбәткә ингәс, Нәфисә ауырға қала. Ире катыны йөрөгә астында йөрөткән сит баланы тәрбиәләргә теләмәй, Нәфисә уның әйткәндәрәнә күһһеп, балаһын алдыртырға килә.

Был хикэйэ бөгөнгө актуаль проблемаларзы яктырта.

Шулай итеп, катын-кыздың төп функцияһы — илгә физик яктан да, рухи яктан да сәләмәт бала табыу тип караған халык борон-борондан. Шуға күрә, иң беренсе буласак әсә үзе һау булырға тейеш. Тимәк, катын-кызһыз йәмғиәт йәшәй алмай. Г. Зиммель: “Нисек кенә тапалған һүз кеүек ишетелмәһен, әммә катын-кыз, ысынлап та, гүзәл зат, бында икеләнер урын юк”, - ти. Кыззар “гүзәл зат” булып үсһен өсөн, вақыты килгәс түгел, ә бәләкәйзән әхлаки нормаларға, гөрөф-ғәзәттәргә таянып тәрбиәләргә кәрәк.

Мудрак О.А., г. Москва

ОТРАЖЕНИЕ ТЮРКСКИХ ШИПЯЩИХ В САРЫГ-ЮГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Сарыг-югурский язык, территориально расположенный в Китае, входит в хакасскую подгруппу сибирских тюркских языков. Его довольно раннее отделение (в середине XI в.) и последующая изоляция от большинства остальных тюркских языков привели к тому, что в нем наложились друг на друга как уникальные инновативные переходы, так и старые периферийные архаизмы общетюркской фонетики. В результате чего наблюдаются неожиданные соответствия, иногда не понятные на первый взгляд. Списывать их на междиалектную мешанину не удастся, а иноязычное влияние не могло приводить к сбоям в развитии фонем.

Одним из важных вопросов исторической фонетики сарыг-югурского языка является развитие стандартно-тюркских шипящих — аффрикат и спиранта -ʃ-. Говоря про них, обычно перечисляли все различные рефлексы. Что характерно для развития стандартно-тюркского *čʰ?

В анлаутной позиции в сарыг-югурском (с.-юг.) отмечаются два основных рефлекса — развитие в čʰ- с сильной последующей аспирацией или в ʃ- (полузвонкий без аспирации). Ниже дана выборка этимологий, присутствующих в тюркской части Алтайского словаря (EDAL) с отсылкой к номеру в базе данных altet.dbf (в тюркской части для наглядности отмечается локальный ряд заднеязычных, вместо палатализованных плавных проставлены обозначения особых шумных согласных, а с.-юг. основы имеют номер по базе suet, где сведены довольно хорошо фонетически записанные материалы Э.Р. Тенишева и членов экспедиции из КНР).

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
735	*čap-	бить, ударять; рубить; разламывать	čap- (973) 1, 5, 8
746	*č(i)aq-	1 высекаль огонь 2 кремень, огниво	čaq- (977) 1
51	*čoq	много, очень; собирать(ся), размножать(ся); толпа, множество	č'oqʒ-aŋ 'куча, копна' (1053)
362	*čičāq	время, пора	č'ay (976)
436	*čAd(b)an	скорпион	č'ijan (1034)
142	*čök-	1 опускаться на колени 2 оседать, тонуть 3 присесть, сесть на корточки	č'oGe- (1047) 3
268	*čaqtr	светло-серый, серовато-	č'oGGur 'пестрый'

		голубой	(1051)
1663	*čp	ветка	č'uGu 'хлыст, прут' (1065)
161	*čičig (*čičig)	1 грудь (женская) 2 овцематка 3 курдюк 4 жареный курдюк 5 жареный жир	č'užag 'кислое молоко' (1068)
1679	*čeček	цветок; оспа	č'užg (1080) 'цветок'
1512	*čaḡ-	связывать, оковы, упряжь	žagis- 'смешиваться' (980)
1995	*čAl-	болтун, болтовня; богохульство	žal- 'поздравлять, благодарить, славить' (982)
1175	*čib	гвоздь, колышек, чека; угол	žib 'трава' (1027)
1530	*čeker- dek	1 лес (хвойный) 2 фисташковый орех 3 косточка, семечко 4 лесной орех 5 дикая ююба 6 молодые хвойные поросли 7 кустарник 8 ветка ели	žige 'крона дерева' (1013)
473	*čig (~ -i-)	1 тростник, чий 2 тростниковая циновка 3 изделия, плетеные из чия (тростника)	žγ (1031) 1
1490	*čm- / *čum- (*čom-)	1 верхушка 2 палка (с набалдашником) 3 комок, помпон, набалдашник	žimaG ~ -u- 'палка, посох; дубинка' (1040)
949	*čp n	1 муха 2 овод 3 комар 4 пчела, шершень	žvin (1028) 1
1893	*čöl	степь, пустыня	žol (481)
221	*čom- / *čöm-	1 погружаться, нырять 2 плавать, купаться 3 черпать 4 окунать 5 черпак, ковш	žom-ur- (1059) 3, žomuš 5 (1060)
444	*čm-	1 щипать, брать щипком 2 щипок, щепотка	žime- (1081) 'вырывать, выдергивать'

Что сразу бросается в глаза? Перед преаспированным смычным шумным согласным при ПТюрк. кратком гласном закономерным рефлексом является č- (в открытом первом слоге) и č'- в закрытом первом слоге. В остальной массе случаев — начальный ž-. В первую группу входят также основы, где выпавший впоследствии согласный давал гортанную смычку (или придыхание), впоследствии перенесенную на первый согласный. Это č'ijan 'скорпион' < *čajvan, č'uGu 'хлыст' < *č vGf 3sg., включенный для наглядности освоенный монголизм č'oGGur 'пестрый' < *čovqur. По соответствиям видно, что случай č'ay 'время' нужно исключительно трактовать как прямое заимствование из монг. *čaG. В современном с.-юг., как и в новоуйгурском, практически утеряны сингармонистические варианты гласных

(это там морфонологическое, а не фонетическое явление), но в части случаев через особый смягченный согласный записывается непридыхательный вариант перед историческим переднерядным гласным.

В неначальной позиции следующее основное правило — в конце слога отмечается спирапнтный рефлекс, т.е. *-š* (*-ž*), *-ṣ̌*. Распределение преаспирированного и не имеющего преаспирации согласного четко связано с реконструируемой краткостью гласного.

Долготные случаи

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
631	* <i>iāčt</i> - <i>G</i>	горький, кислый	<i>aẓ̌ıy</i> (49)
650	* <i>āčt</i> -	1 драгоценный дар; благосостояние 2 быть благоприятным, благосклонным, ухаживать 3 жалеть, иметь сострадание	<i>aẓ̌ı</i> - 'горевать, грустить' (46)
1206	* <i>bEč̣in</i>	обезьяна	<i>beẓ̌ın</i> (1395)
706	* <i>būč̣</i> - <i>Gaq</i> , <i>-maq</i>	внешний угол	<i>būṛẓ̌ı</i> (1468)
241	* <i>būč̣-ıq</i>	половина	<i>būẓ̌ın</i> 'с помощью, рядом' (1445)
59	* <i>gēč̣</i> (<i>-e</i>)	1 долго 2 поздний 3 опаздывать 4 ночь 5 вечер 6 вчера	<i>geṣ̌/ geẓ̌-V</i> 5 (880)
326	* <i>gūč̣</i>	сила	<i>guẓ̌ır</i> (956) 'тяжкий'
1481	* <i>jīč̣e</i>	еще	<i>jīẓ̌ı</i> (414)
728	* <i>ič̣-ün</i>	потому что, по причине	<i>oẓ̌ın</i> (227)
1851	* <i>ič̣</i>	конец, край	<i>uẓ̌/ uẓ̌-V</i> (272)
1077	* <i>ič̣a</i>	1 крестец 2 спина 3 задница, ягодицы	<i>iẓ̌a</i> 3, 1

Краткотные случаи

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
734	* <i>ač̣</i>	голод	<i>ač̣ıy</i> (52)
1623	* <i>ač̣-</i>	открывать	<i>ač̣-/ ač̣-V</i> (40)
136	* <i>ič̣</i>	1 внутренность 2 кишки 3 живот	<i>ič̣ıgı</i> 3 (178)
20	* <i>ič̣-</i>	пить	<i>ič̣-/ ič̣-V</i> (173)
102	* <i>jīč̣-ge</i>	тонкий	<i>jīke(j) ~ jiske(j)</i> (427)
1837	* <i>gōč̣-</i>	кочевать, мигрировать	<i>kōṣ̌-/ kōč̣-V</i> (932)
901	* <i>būṛč̣aq</i>	бобы, горох	<i>pūṛč̣aG</i> (1469)
1380	* <i>qAč̣-</i>	убегать	<i>qāṣ̌d(a)-</i>

Первый пример имеет особый статус. Чувашское соответствие *v ẓ̌b* указывает на развитие из **ōč̣a*, т.е. исторический огубленный краткий гласный. Не исключено, что в этой основе было сочетание *-bč̣-*, при упрощении дававшее вторичную долготу.

Краткотные случаи с переносом придыхания на первый согласный

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
74	* <i>kīč̣ük</i> /- <i>g</i>	маленький	<i>k'ıẓ̌ẓ̌ıy</i> (906), <i>k'ıẓ̌ẓ̌ı-</i> (905)
610	* <i>bč̣-/ *bič̣-</i>	резать	<i>p'ıṣ̌-</i> (1460), <i>p'ıẓ̌aG</i>

			'нож' (1461)
1836	*qoč	баран	q'ožyar (810), qužyar (ЯЖУ)
457	*sač-	рассыпать, разбрасывать	šaž-/saž-V (542)
149	*s(i)ač	1 волос (головы) 2 волос 3 волос (на затылке) 4 корень	šaž/saž-V (539) 1
418	*sčgan	крыса, мышь	šřyan (1095) < "šřyan

В этих примерах представлен как бы долготный рефлекс серединной аффрикаты, вторичное придыхание имеет первый согласный, в случае с s-, š- это придыхание ассимилируется согласным, причем в закрытом слове *s-č > "š-š.

Конец второго слога

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
771	*qiltč	меч	Giliš (779)
85	*t(n)Gač	дерево	jīyaš (286)
1702	*Abuč-qa	муж, старик; дядя	ošGa (228)
1199	*abuč	пригоршня	oš (225)

При развитии стандартно-тюркского *š, восходящего к ПТюрк. * или *č, отмечается два отражения — с.-юг. -s(-) и с.-юг. -š(-).

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
624	*bič-	свариваться, созревать	p's- 'зажигать, жарить, готовить', p's-ir- caus. (1472, 1474)
798	*boł	свободный, пустой	bołs (1437)
1105	*dał	наружный, снаружи	t'a's, t'a's-γar dir. (1161)
77	*diāl	камень	t'a's (1160)
936	*d(i)āl(i)-	переливаться через край, разливаться	dasi- (1162)
8	*dīł	зуб	t'isi (1222)
191	*dīñ	1 самка 2 женщина	t'isi (1225) 1
223	*dōł	грудь	dos (мужчины) (1269)
501	*dōle-	1 расстилать (циновку) 2 циновка, подстилка, тюфяк	t'o'sen- 1, t'o'seg 2 (1271)
740	*dūt-	падать, двигаться вниз	t'u's- (1298)
1082	*edił	сосуд	t'is 'kettle' (172)
1065	*eł-	ходить, брести, ехать иноходью	e'sgen- 'взбивать (пыль копытом)' (171)
1188	*ełü-	1 покрывать 2 (дверной) занавес > дверь	sig (574)
1353	*(i)āl-	1 семя, злаки, зерновые 2 привой 3 вакцина 4 гной (первоначально — как прививка?) 5 дубильное вещество 6 крахмал	a's-tiy 1 (122)
259	*(i)āl-	1 переходить (через гору) 2	a'siy 'излишек,

		превосходить	остаток' (128)
109	* <i>(i)at</i> , * <i>(i)at</i> -a-	1 еда, пища 2 есть 3 каша 4 кормить	<i>a's</i> ~ <i>as</i> угощение, пир' (121)
689	* <i>iłč</i>	работа, дело	<i>is</i> (204)
967	* <i>t'an-</i> / * <i>iten-</i>	верить, доверять	<i>isen-</i> (ЯЖУ)
129	* <i>ıf</i> (č)	1 дым 2 копать, сажа 3 запах, аромат 4 испарения	<i>is</i> 1 (205)
264	* <i>jabał</i>	мягкий, нежный; тихий, медленный	<i>juvas</i> (498)
357	* <i>jał</i> -	закрывать(ся), прятать(ся)	<i>ja's-</i> ~ <i>ja's-</i> (363)
175	* <i>jał</i>	возраст; год	<i>ja()</i> s-a-иметь возраст' (362)
215	* <i>jał</i>	свежий, сырой	<i>ja()</i> s (360)
230	* <i>jał</i>	слеза	<i>ja()</i> s (361)
782	* <i>jał</i>	молодой	<i>ja()</i> s (360)
36	* <i>jał</i> - <i>đ</i>	1 зеленый 2 желтый	<i>ja'sil</i> 1 (373)
1024	* <i>j'm-ıča-q</i>	мягкий	<i>jimsaG</i> (438)
1603	* <i>jumuł</i>	работа, необходимость служба,	<i>jims-a-</i> 'использовать' (436)
439	* <i>qAt</i> (č) <i>Ga</i>	белое пятно, лысина	<i>q'asGan</i> (766)
63	* <i>kifi</i>	человек, люди	<i>k'isi</i> (916)
719	* <i>qıf</i>	зима	<i>q'ıs</i> (793)
470	* <i>qoł</i>	1 пара, один из пары 2 соединять (ся)	<i>qos</i> 1 (829)
6	* <i>quł</i>	1 птица 2 утка	<i>qu's</i> 1 (862)
422	* <i>tabıt Gan</i>	заяц	<i>to'sGan</i> (1260)

Это случаи обычного рефлекса *-*ı*- вне сочетаний. Исключение для **biłč-* можно объяснить тем, что в тюркских языках сконтаминировались две основы, одна из которых значила 'исполниться, созреть', а другая 'варить', тем более что с-юг. основа имеет задний морфонологически сингармонистический ряд. Исключение для слова 'работа' связано с вторичностью сочетания в ПТюрк. (~ монг. *iüle), на что могут указывать и чув. дериваты от этого корня. В основе **j'm-ıča-q* реконструирование сочетания основывалось на чув. рефлексе *šamže*, но с-юг. скорее указывает на вторичную ассимиляцию по первому согласному в чув. из *šamže. Исторически наличие преаспирации было связано, как и для других согласных, с краткостью или долготой гласного корня. Однако в случаях перед спирантом противопоставление это фонетически трудноразлично, что и объясняет сбивки в записях. Таким образом, видно, что источником (*s*) в с.-юг. является ПТюрк. * вне сочетаний.

Группы с -*š-*

EDAL	ПТюрк.		С.-юг.
39	* <i>baıč</i>	голова	<i>pa's/ pa'č-V</i> (1363), <i>aG-baš</i> (17)
1042	* <i>biı (ıq)</i>	кошка	<i>mi(r)š</i> (1333)
	* <i>baıcaq</i>	колос	<i>bašaG</i> (1364)
	* <i>qaı</i>	бровь	<i>qa's</i> (774)

		переполнять	<i>t'oš-γir-, t'ol-γir-</i> (1237)
	<i>*jalč-</i>	(солнечный луч, светлый)	<i>as ~ čaš</i> (998)
567	<i>*jemi č</i>	овощи, фрукты	<i>jimiš-</i> (477) 'кормить животных'

		воспитывать	<i>a ša-</i> (1495)
		радоваться	<i>jašila-</i> (349)
		читать	<i>oŋši-</i> (I) (243)
		обдумать, сообразить	<i>t'aŋša-</i> (1148)
		учитель	<i>baŋši</i> (1362)
	<i>*jaqft</i>	хорошо	<i>jaŋši</i> (322)
	<i>*jast t</i>	плоский и тонкий	<i>jašmaG</i> (325)

Здесь отмечается особое сохранение (или вторичное развитие?) *-š-* после веларных *-ŋ-* и *-γ-* во 2 группе. И, что неожиданно, отражение через *-š-* ПТюрк. упрощавшихся сочетаний (в случае **t'oš-γir-* < **-t-*, ср. к тому же *-š-* < **-st-* во второй группе *jašmaG*). Случай с 'кошкой' ненадежен, а с 'бровью' требует дальнейшего рассмотрения. С.-юг. глагольная основа *jemiš* не является причастием, а отыменным вторичным образованием **jemiš-i-* от основы 'плод'.

Развитие рефлексов шипящих в с.-юг. языке позволяет в части случаев уточнить ПТюрк. реконструкцию гласных, а также указывает на сохранение в определенный период сочетаний с ПТюрк. **-t-*, которое изначально считалось лишь характеристикой булгарской ветви тюркских языков.

Литература:

- Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Словарь. Грамматика. — Алма-Ата, 1957.
 Мудрак О.А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. — М., Главная редакция восточной литературы, Наука, 1989.
 Мудрак О.А. Развитие сочетаний с **t* в праалтайском языке // Аспекты компаративистики 2. *Orientalia et Classica VI*. — М., 2007.
 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. — М., Наука, 2006/
 Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. — М., Наука, 1976.
 Chén Zōngzhèn, Lèi Xuānchūn Xībù yùgū yǎnzhi. Běijīng: Mǐnzú chūbànshe, 1985.
 Etymological Dictionary of the Altaic Languages (EDAL) by Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Parts I-III, Leiden-Boston: Brill 2003.

Муратова П.Т., г. Уфа

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЧИСЕЛ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОЧНИКАХ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Двуязычный толковый словарь башкирского языка», №09-04-84404 а/У.

Числа играют большую роль в символике. Они, кроме своих основных значений, выражают этнокультурные значения, являются идеей чего-либо. Числовая модель как фрагмент языковой картины мира включает в себя значения чисел, закрепленные в мифологии, фольклоре, языке, и является неотъемлемой частью духовной культуры народа.

Сакральные числа можно найти в составе мифологических представлений народа в записках путешественников о жизни, быте,

истории башкир. Ибн-Фадлан, секретарь посольства арабов к волжским булгарам в Х в., в своих “Записках” описывает мифологические представления башкир, связанные с двенадцатью божествами у одной группы и тотемистическими верованиями с поклонением животным и птицам у другой: *«Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: «у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ»* [Ковалевский 1956, 130-131].

Выдающийся тюрколог, башкировед, З.В.Туган, анализируя “Записки Ибн-Фадлана”, останавливается на тотемах, божествах башкир и отмечает, что они соответствуют двенадцати родам башкирского народа [Туган 1998].

Фрагментарные материалы можно найти в работах путешественников Д.П.Никольского (СПб., 1899), М.В.Лоссиевского (Уфа, 1983) и др.

Д.П.Никольский в монографии «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование» (СПб, 1899) особо останавливается на описании представлений или, как он сам пишет, мирозерцании башкир: *«По представлениям башкир, в мире живут два начала: одно начало — добра, другое — зла, и между ними происходит постоянная борьба из-за человека. Этим же двум началам и их представителям приписывается происхождение многих явлений природы, поступки людей, их удачи или неудачи, счастье или несчастье и т.д. Представителями добра являются ангелы, а зла — шайтаны (дьяволы); последние употребляют все усилия и способы, чтобы сделать человеку, его скотине, занятиям и т.п. что-нибудь худое, и их старания увенчиваются успехом и в особенности там, где люди много грешат и живут не по заповедям»* [Никольский 1899, 116].

Интересны материалы Д.П.Никольского о судьбе в образе одноглазой женщины: *«Судьба, по мнению башкир, олицетворяется в образе женщины с одним глазом на темени. Она потеряла своих детей (это было очень давно) и с тех пор по ночам ходит по земле и ищет их между людьми»* [Никольский 1899].

Довольно интересен материал о трех причинах происхождения болезней: *«Вообще, весь способ лечения основывается на вере в мистические силы. По мнению башкир, все болезни происходят от трех причин: или от колдовства врага; или от гнева каких-то существ, местопребыванием которых служат реки, леса, высокие горы, ущелья и т.д.; или от власти злых духов, которые являются мстителями за совершённые грехи»* [Никольский 1899, 118].

Мифологические представления отражены в записках М.В.Лоссиевского: *“Немало существует сказок о змеях, в которых говорится, что обыкновенная змея, или Зилань, через сто лет обращается в Ажъ-Дага. Эта Ажъ-Дага тоже живет сто лет и после того обращается в Юху — могущую принимать на себя всевозможные виды для нанесения людям вред”* [Лоссиевский 1883, 376].

Из записей путешественников можно увидеть, что вера в магическое воздействие чисел являлась неотъемлемым элементом духовной жизни башкир.

Сакральные значения чисел не остались в стороне в трудах известного тюрколога А.Инанна. В частности, в легенде о творении праотца тюрков говорится: *Һыу, тупрак һәм кояштың эселеге (ут) элементтарынан ғыбарәт булған был ийыйылма матдә өстөнән тугъыз ай буйы ел ысте, ти. Ошоллай итеп дурт элемент: ут, ер, һыу һәм һауа ойшош берләштеләр. Тугъыз айзан һуң был яралыузан кеше формаһында бер махлук килеп сытқан* – Над этим веществом, образованным из элементов воды, земли и огня, дул ветер на протяжении девяти месяцев. Таким образом, смешались и объединились четыре элемента – огонь, земля, вода и воздух. По истечении девяти месяцев из него образовалось существо в человеческой форме [Инан 1998, 34].

Интерес представляют работы этнографического плана, в которых можно найти материал по сакральным, магическим числам. В работах о материальной и духовной культуре башкир встречаются названия числительным компонентом: названия мифологических существ ярымтыг (досл. половинник) ‘леший’, названия игр өс бужан досл. ‘три пня’, дуртмөйөш досл. ‘четырёхугольник’, өс таған досл. ‘треножник’, названия одежды кушъяулык досл. ‘двойной платок’, названия блюд бишбармак досл. ‘пять пальцев’, кыркйәймә досл. ‘сорок лепешек’, өс йәймә досл. ‘три лепешки’ и др.

Ценнейшим материалом для сбора материала по сакральной семантике чисел являются произведения фольклора. В башкирских эпосах “Урал-батыр”, “Акбузат”, “Кунгыр буга”, “Заятуляк и Хыухлылы”, “Кара Юрга” и других можно найти множество моментов, где в числа заложены символические значения. В эпосах они являются особенно сакрализованым элементом. Приведем несколько примеров из эпосов. В эпосе «Урал-батыр» нашли отражение представления башкир о трех мирах: верхнем, небесном, в котором живут бессмертные небожители; среднем, земном, населенном обыкновенными людьми; нижнем, подземном, где живут темные и злые силы, приносящие вред людям среднего мира и небожителям.

В эпосе “Акбузат” говорится о семи поколениях: *Юйһә Мәсем хан Сура батырзың ете ятына саклы үттереп бөтөрөгә ант иткәйне бит* – Мәсем-хан поклялся уничтожить род Сура-батыра до седьмого колена (Эпос “Акбузат”).

Акцентируется внимание на седьмое колено телок в эпосе “Кунгыр буга”: *Куңыр һыйыр йыл һайын төрлө-төрлө төстә бызаулар килтереп тора, һыйыр малына төс бирә. Шунан ете тапкыр бызаулай за үлөп китә. Унан калған етенсе тана ла етене бызаулап үлә. Һуңды етенсе бызауы төсө, кыльгы, бар булмышы менән куңыр һыйырга окшап була – Бурая корова каждый год приносит телят разных мастей. Принесла она семь телят и издохла. Оставшая после нее седьмая телка тоже принесла семь телят и тоже издохла. Седьмой телок от последнего, седьмого колена – и по масти, и по нраву, и по своей стати был похож на первую бурую корову (Эпос “Кунгыр буга”).*

Магические числа стали устойчивым элементом башкирских народных сказок. Формулы магических чисел в сказочных текстах, как правило, не подвергаются изменению. Магические числа служат для выражения пространства и времени, повторов действий и заклинаний, играют художественно-композиционную роль. Например, в поэтической ткани сказки троичность – три брата, три дороги, три

условия; троекратный повтор сюжетных элементов – три препятствия, три задачи; семиричность – семидневный путь, семь предметов и т.д. выполняют важную композиционную функцию: **Өс көн тигәндә Сәйфәлмәләк кәләше менән үз батишалығына кайтып инә - На третий день Сайфулмәләк с невестой возвращаются в свое царство (Сказка “Сайфулмәләк”). Егет, хәзер ете кат ер астына китәбез, ер астында үзән бер донъя булыр, ул донъяла безең йортобоз бар – Джигит, сейчас уйдем под семь слоев земли, под землей будет своеобразный мир, в том мире у нас есть дом (Сказка “Умыс”). Ярай, һин хәзер безең торъян якка бар, бер иш кырк өй булыр, шул өйзәрзе хисаплап бар – Ладно, ты пока иди в нашу сторону, увидишь сорок одинаковых домов, считай эти дома (Сказка “Царь, джигит и аждаха”).**

Пословицы, поговорки и загадки пронизаны символическими числами: **Батыр бер үләр, куркак кырк үләр – досл. Батыр умирает один раз, трус умирает сорок раз. Ялт-йолт итә, ете сакрым ер китә - сверкает, мелькает, проходит семь километров пути (Йәшен - Молния). Төбө бер, башы мең - Дно одно, голов тысяча (Аьас - Дерево). Йөз бәрәскә бер көтөүсә – На сто ягнят один пастух (Ай һәм йондозлар – Луна и звезды).**

Символическая семантика чисел нашла отражение почти во всех словарях башкирского языка. В толковом словаре башкирского языка (М., 1993) кроме основного толкования даются некоторые национально-культурные значения чисел: **Өсө - Мосолман динендә: кеше үлгәндең өсөнсө көнөн билдәләп укыган аят – поминки на третий день у мусульман.**

Названия, выражения с числовым компонентом зафиксированы в терминологических, топонимических, диалектологических, фразеологических, тематических словарях башкирского языка: **кырккәймә (досл. сорок лепешек) - ритуальная пища на сороковины, һигезгүз (досл. ‘восемь глаз (отверстий)’) – крестцовая кость, иккекойрок (диал. досл. ‘два хвоста’) – ухвертка и др.**

Лексемы с числовым компонентом можно найти в работах по лексике и ономастике башкирского языка. Например: топонимы **Дүртөйлә досл. ‘с четырьмя домами’, Етебалак досл. ‘семь родников’;** этнонимы **бишул досл. ‘пятеро сыновей’, мең досл. ‘тысяча’;** антропонимы **Түкһанбай (досл. түкһан ‘девяносто’, бай ‘компонент мужских имен’), Тәүлебай ‘первенец’ и др.**

Необходимо отметить работы последних лет, где наиболее полно описываются этнолингвистические значения чисел: “Этнолингвистический словарь башкирского языка” [Һазыева 2002], “Башкирская мифология: словарь-справочник” [Хисамитдинова 2002].

Литература:

- Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. Өфө, 1998.
Ковалевский А.П. Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.
Лосиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. Историко-этнографический очерк // Справочная книга Уфимской губернии. Уфа, 1883. С.368-389.
Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Дисс. Спб., 1899.
Туған Ә.В. Башкортгарзын тарихы. Өфө, 1998.
Хисамитдинова Ф.Г. Башкорт мифологияһы. Белешмә һүзлек. Өфө, 2002.
Һазыева Р.Н. Башкорт теленән этнолингвистика һүзлеге. Өфө, 2002.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННОГО БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА МЕЧЕТЛИНСКОГО РАЙОНА БАШКОРТОСТАНА

В репертуаре местных знатоков фольклора Мечетлинского района большое место занимают сказки, которые продолжают жить преимущественно в памяти людей старшего поколения.

Среди записанных мною текстов наибольший интерес представляют исторические предания, которые отражают реальные события общественного значения в народном осмыслении. Исторической достоверностью отличаются по своим основным мотивам предания о Крестьянской войне 1773—1775 гг. В них выражено непоколебимое стремление народа к свободе, его решимость уберечь родную землю от насилия и грабежа. Показательно в этом отношении предание «Гора Караульная» («Карауыл тау»), в котором получило живое воплощение конкретное событие той далекой эпохи.

В бассейне рек Ай и Ик у многих деревень с давних времен, кроме официального административного названия, существует и второе, так сказать, местное название - прозвище (кушамат). Второе название происходило, как правило, от места его расположения, внешних очертаний находящихся вблизи природных объектов, поступков и поведения или каких-либо недостатков отдельных людей, прозвищ родоначальников, видов занятий, ремесел, особенностей быта и нравов коренного населения. Некоторые из них имеют несложное объяснение, например, Таиш — Кэзэ (Козы), т.к. деревня расположена на склоне горы и здесь чуть ли не круглый год паслись деревенские козы; Сулейман — Ыйыр (Корова), потому что рядом находится гора, похожая на корову; Дуван-Мечетлино — Таз (Парша), ибо деревня расположена на открытой и голой, как лысина, горе без всяких признаков растительности; Азангул — Сабак (Сорожка), названа так по основному роду занятий местного населения, которое в прошлом всем промыслам предпочитало рыболовство и т.д.

В тесном жанровом соотношении с преданием находится легенда — устное повествование о давнем прошлом, движущей «пружиной» сюжета в котором служит нечто сверхъестественное.

Персонажами легенд нередко являются люди и животные, которые подвержены разного рода трансформациям, например, девушка, превращающаяся в кукушку, человек, оборачивающийся медведем и т.д. Также встречаются в легендах образы духов-хозяев природы, персонажи мусульманской мифологии и космогонии.

Наиболее ранний мировоззренческий пласт родовой мифологии стадильно восходит к эпохе первобытно-общинного строя и связан с одушевлением или одухотворением сил и явлений природы.

Приведенные суждения находят своеобразное подтверждение в единственной в своем роде легенде «Кочующий камень» («Күсәр таш»), где природный объект одухотворен и предстает в виде живого существа.

Происхождение гор (холмов, скал, утесов и камней) в башкирских легендах нередко связывается с мифологическими сюжетами о чудесных великанах — алпах, которые легко перешагивали через громадные леса и бескрайние доли, широкие реки и проливы, переносили на ладони с места на место горы и холмы. Так, в легенде

«Гора Мунсик и Скала Коровы» («Мунсик тау һәм Ыйырташ») повествуется об одном из таких исполинов, якобы некогда, в глубокую старину, обитавшем на землях наших предков.

Предания и легенды теснейшим образом связаны с народной жизнью, его историей, верованиями, мировоззрением. В них своеобразно отражены разные ступени исторического развития народа и его социального самосознания.

В исследуемом районе преобладают бытовые байты с традиционной драматической сюжетной основой. Тематика бытовых байтов охватывает многие стороны повседневной жизни и быта. Большинство из них посвящено несчастным случаям, гибели того или иного человека на дороге и др. (Например, «Байт о Гибадулле», записанный в дер. Юьш от Аглиуллиной Ш.А., 1914 г.р.).

В наши дни байты и мунажаты в своей первозданной красоте продолжают звучать в исполнении певцов Мечетлинского района.

Впервые мною в научный оборот введены песни в собственных записях: «Гляди окрест, башкир, с высот Урала», «В долине реки Ай», «Не обижайте матерей резким словом!», «Свекровь так велит», каждая из которых имеет собственную историю, мелодию и исполняется сольно.

Песни-рубаи можно сравнить с пословицами и поговорками, т.к. некоторые воспринимаются как поучительные афористические выражения и крылатые слова и, как и они, пользуются в народном сознании непререкаемым авторитетом, например:

Карагай за үсәр, ай, йәм өсөн,	Сосна будет расти для красоты,
Бал корттары осор бал өсөн,	Пчелы будут летать за медом,
Яман ирзәр үләр, ай, мал өсөн,	Дурные мужчины умрут за
Якшы ирзәр үләр дан өсөн.	богатство,
	Достойные сложат головы за славу.

В связи с тем что песни-такмаки тесно соприкасаются с собственно такмаками (чапушками), взаимодополняя и взаимозаменяя друг друга, мы рассматриваем их вместе.

В исследуемом районе преобладают плясовые такмаки, главной функцией которых является сопровождение пляски. Именные чапушки (атама-такмак) содержат оценку характера, рода занятий, отдельных моментов жизни плясуна и также не обходятся без мягкого дружеского юмора. Атама-такмаки начинаются со стихов «Балдагымдын исемдәре...» («На руке моей кольцо...»).

Особую, весьма значительную группу составляют игровые чапушки, которые и исполняются для сопровождения плясок, игр на различных вечеринках, сабантуях, свадьбах и т.д.

Своеобразны такмаки, предназначенные для айтышей (споров-состязаний) между девушками и юношами. Они построены в форме обращения и в основном бывают остро-шутливого, колкого характера.

Отличаются своеобразием и такмаки-памятки, записываемые в блокноты и альбомы. Оформление альбомов, тетрадей, где друзьями и подругами записываются на память благопожелания, песни и такмаки, у молодежи стало доброй традицией и продолжается по сей день. Эти альбомы и тетради называются в народе «иштәлек дәфтәре» - тетради-памятки.

Особую группу составляют частушки-смешинки. В них много насмешки, иронии, сарказма. В таких частушках предстает реальный предметный мир, правда, выбранный весьма произвольно, можно сказать, случайно, если не считать скрытой в нем возможности смелой рифмовки, которая позволяет создать резко саркастический образ, вернее, внешний облик героя:

Һин дә матур үзәнә,	Ты по-своему красив,
Мин дә матур үземә.	Я по-своему красива.
Мейестән төшкән пәрәй кеүек	Как запечная лахудра
Күренһен күземә.	Представился ты мне.

Поэтический репертуар Мечетлинского района уникален, здесь бытуют практически все жанры традиционного и современного песенного фольклора.

Литература:

Галин С.А. Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. – Уфа: Китап, 1993.

Надршина Ф.А. Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд). - Уфа, 2006. – С.320.

Мухтаруллина А.Р., Ахметова А.М., г. Уфа

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГОРОСКОПОВ)

Любая информация в процессе понимания и интерпретации получает определенную модальную оценку индивида, который вырабатывает свои оценочные характеристики, являющиеся составляющей его индивидуальной когнитивной системы. Любой текст, его смысловая структура приобретает конкретный оценочный, личностный смысл, вкладываемый индивидом при его интерпретации. В филологии и лингвистике рассматривают модальность: онтологическую, эпистемическую, аксиологическую [Баранов 1993, 101-103; Радовель 1989, 23-24], на которых основывается принцип модально-ценностного восприятия действительности и текста. Этот принцип заложен в общую интеграционно-интерпретационную модель понимания.

При интерпретации текста активизируются различные знания индивида (о мире, языке), которые входят в индивидуальную когнитивную систему человека. ИКС формируется в процессе жизнедеятельности, посредством ИКС преломляются социокультурные условия протекания текстовой деятельности.

Прагматический анализ субъективной модальности является неотъемлемым компонентом когнитивного анализа текстовой деятельности, поскольку прагматика объединяет в себе вопросы, связанные с взаимодействием автора и реципиента в процессе коммуникации.

Адресант в коммуникации часто определяет цели и интенции сообщения, передает свое отношение к сообщаемому и оценку, адресат, в свою очередь, оказывается под ментально-эмоциональным воздействием автора, а также по-своему интерпретирует полученное сообщение.

Поскольку объектом нашего исследования является субъективно-межличностная модальность, представленная отношением «автор -

реципиент», данный тип модальности подразделяется на деонтическую (предписывающую), эпистемическую (описывающую) и аксиологическую (оценивающую). Эти три вида характеризуются двумя функциональными перспективами – персональной функциональной перспективой, где модальность исходит лично от автора, и функциональной перспективой отчуждения, где межличностная модальность исходит от другого лица. А.Г. Баранов [Баранов 1993, 105] отмечает, что в соответствии с персональной перспективой данные подвиды субъективно-межличностной модальности подразделяются на несколько групп. Так, деонтическая модальность состоит из следующих подгрупп: 1) персональные – приказы, просьбы, мольбы и т.д.; 2) директивные – приказы, идеологические установки, призывы, морально-этические правила и т.д.

Эпистемическая модальность, по мнению автора, подразделяется на группы «в зависимости от эпистемической установки автора, которая проявляется в виде разных статусов достоверности информации, присущих разным текстотипам». Так, эпистемической модальности присущ статус субъективной достоверности, статус объективированной достоверности, статус объективной достоверности и статус «как – если – бы» достоверности [Баранов 1993, 108].

Аксиологическая модальность представлена значениями положительной оценки (поощрения) и отрицательной оценки (порицания).

В действительности же редко встречаются тексты или дискурсы, где присутствует только одна из анализируемых модальностей. Чаще они выступают в определенном взаимодействии.

Одним из типов текста, оказывающих существенное влияние на воспринимательную языковую личность и имеющих прагматическую направленность в качестве одной из сущностных характеристик, бесспорно, является современный эзотерический дискурс. Последний определяется нами как материализованный в текстовом массиве процесс речемыслительной деятельности, сфокусированный вокруг духовно-нравственной, этической проблематики (вечные вопросы смысла жизни и смерти, добра и зла, любви во всех ее проявлениях, чувства долга по отношению к себе и другим, назначения человека и перспектив человечества и др.) и имеющий в качестве коммуникативной сверхзадачи воспитательное воздействие на реципиента, расширение и трансформирование его сознания, задавание новых критериев оптимальной жизнедеятельности на уровне «сознания 4-го измерения», духовных ценностей невидимой реальности «тонкого мира» [Сунгуртян 2007, 15].

Деонтическая модальность в эзотерическом дискурсе гороскопов, как башкирских, так и английских, устанавливает неравноправные отношения между участниками коммуникации – отношения субординации: приказ, просьба, мольба и др.:

1. “Йондоззар һезгә кеше серзәрен башкаларға һөйләүзән һәм һүз йөрөтөүзән һак булырға куша. Бының һезгә ниндәйзәр гәйеп яһарыузары бар”.

2. “Августа бизнес өлкәһендә һәм шәһси тормошта килеп тыуған проблемаларзан һак булырға кәрәк”.

3. «Don't let any dream get so big that it pops like bubble gum, leaving a sticky mess»;

4. «This is a time when you need to address the power balance between you and others. You need to give up control on the one hand, yet maintain your personal power on the other».

Эпистемическая модальность представлена в гороскопах, главным образом, дескриптивными атрибутами и стилистически маркированными средствами языка:

1. «Кем мөлүмэткә эйә, шул бөгә донъяға хужа» – был азнанын девизы. Башкаларзың фекеренә колак һалығыз, мөлүмәт менән кызыкһынығыз».

2. «Был азнала сиктәрзе һәм өстөнлөктәрзе асык билдәләргә тура киләсәк. Мәсәлән, аткарылған эш өсөн акса талап иткәндә күпме алырға тейешлегез тураһында якшы белеү мотлак. «Күпме булһала ярай» – тип әйтеү урынһыз».

3. «In a way you are torn between dangerous gambles and the path of safety...».

4. «You tie your hopes to a hot-air balloon that can take you to magical places, but who knows where it will put you down? »

Уровень аксиологической модальности представляет собой анализ читателем своих чувств, переживаний и понимания.

1. «Был азнала әүзәмерәк эш иткән һайын, шул тиклем якшырак буласак».

2. «Был азнала хистәргә артык бирелеп, биләгән урынығыззан бер аз күсеуегез ихтимал. Бәлки, был дөрөстөр ҙә: яуға сығыр өсөн көс тупларға кәрәк бит.»

3. «...then partnership bonds will be cemented at this time... and it is good for children too. What an exciting month this will be!».

4. «Amazingly the retrograde movement of Venus allows the much slower moving Mars to catch her up, and this happens at 29 degrees Pisces just after Mars has passed over Uranus. A fizzy brew!».

После осознания, распремечивания и сопереживания автору реципиент либо отвергает, либо принимает информацию, то понимание, которые заложены в гороскопе. При оценке понятого и принятии этого понимания индивид встраивает полученное знание в свою ИКС, что впоследствии приводит к изменению знаний, ощущений, поведения и, возможно, целей в жизни человека. Происходит переоценка человеческих устремлений.

Литература:

- Азнабаева Л. А. Языковая проспекция. – Уфа, 2000.
Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону, 1993.
Сунгуртян К. К. Лингвориторические средства выражения антропоцентризма в русском и переводном эзотерическом дискурсе. - Краснодар, 2007.
Stalnaker R. C. Pragmatics // Semantics of natural language. D. Reidel Publishing Company, Dordrecht – Holland, 1972. - P. 380-397.

Надришина Ф. А., г. Уфа

БАШКИРСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ВОССТАНИЯХ (XVIII В.)

В составе народной исторической прозы весьма обширный пласт составляют предания, предания-легенды о башкирских восстаниях, о грандиозной по своим масштабам Крестьянской войне 1773-1775 гг., их предводителях. Только опубликованных преданий о повстанческом движении под предводительством Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева около трехсот [СБФ. Т. 1: ПЛ].

В данном сообщении мы остановимся на материалах фольклора, в которых отражена тема восстания 1735-1740 гг. В народной памяти эпоха тех времен называется с именами предводителей восставших (Акай-батыр, Карасакал, Батырша).

Представляет интерес предание «Акай-батыр», записанное писателем Юсуфом Гареем в Шаранском районе Башкортостана, которое повествует о старшине Акае Кусюмове, одном из первых руководителей восстания 1735-1740 гг.

Предание носит легендарный характер, в основу его положены традиционные стереотипные представления об идеальном герое, который «в огне не горит, в воде не тонет»; или: «его ни стрела не брала, ни сабля не секла. Когда в него стреляли из винтовки, пуля пролетала мимо. (...) Когда Акай отряхивался после очередного сражения, из его железной кольчуги ворохом сыпались пули» – повествует предание. Сведения о смерти (самоубийстве) Кусюмова, сообщаемые в предании, также вымышленны. В конце восстания он и другие предводители были отправлены в Санкт-Петербург. Данные о местах его боев имеют реальную основу, конкретизированы (берега озера Кандрыкуль, долины Идели, Уфимская сторона).

В рассматриваемом выше предании мотив поражения восстания отражен в эпизоде выстрела Тевкелева в башкирского батыра, в результате которого Акай был ранен [БНТ. Т.2, с. 222-223]. Поднятое в качестве протеста против постройки Оренбурга и других крепостей восстание под предводительством Акай Кусюмова по целому ряду причин не увенчалось успехом. Оно было жестоко подавлено. Особую жестокость в подавлении восстания проявил Мирза Кутлиахмет (после принятия христианства – Алексей Иванович Тевкелев) – царский прислужник. Он чинил массовые казни, дотла сжигал деревни. Так, в селении Сеянтусы отрядом Тевкелева было убито около 1000 человек, включая женщин и детей. Кроме того, 105 человек было схвачено, посажено в амбар и сожжено живьем; в Балакчинской волости Тевкелев разорил и сжег 500 деревень, перебил до 2000 жителей [Очерки I, с.175-176]. В произведениях фольклора, и особенно в песне «Тафтиляу», отражены презрение и проклятие народа душителью свободы Тевкелеву: Над Агиделью берег крут, высок, /Где Тафтиляу-полковник воевал. /Он край башкир огнем жестоким сжег /И тем озолотить погоны смог. /Едва заря забрезжит за рекой, /А соловьи уже в саду поют. /Едва Акай, Кильмет попали в плен, /А Тафтиль уже примчался править суд [БНТ. Т. 8, с. 46-47].

Мотивом проклятия Ахмет-мурзе Тевкелеву завершен и байт: Лес ольховый поредел – топор воров оставил след, /От проклятия народа испохабился Ахмет [БНТ. Т. 1, с.1, 42].

В рассмотренном выше предании «Акай-батыр» сохранено очень важное сведение информанта, точнее – ссылка его на того рассказчика, от кого он слышал этот сюжет (отец Ю.Гареев – Ибрагим), о том, что он когда еще был маленьким, видел йыраусы (певцы – сказители), которые пели, сказывали об Акай-батыре, сопровождая свое исполнение игрой на домбре и гусях. Это говорит о том, что о знаменитом предводителе восстания бытовали не только предания, но и было эпическое сказание. Это предположение подтверждается и

наличием исторического сказания – хикаят “Яу Акая” (“Акай яуы”), который сохранился в письменной форме. Касаясь стиля данного текста, Г.Б.Хусаинов подчеркивает его фольклорную основу [Ватандаш 2004, №12]. В хикайте “Яу Акая” приводятся ужасающие формы истребления участников восстания, их семей, родственников; повествуется о пленении Акай-батыра из-за коварства генерала Румянцева; о предательстве некоторых представителей казанских татар, мишарей, уржумов, черемисов (марийцев), которые в свое время нашли пристанище на земле башкир; о противоречиях в среде самих башкир (между кипчаками и тамьянами).

О жесткости карательных операций по отношению к повстанцам отмечается и в исторической литературе [История Башкортостана... 1996, с.247-248]. Указывается также причина восстания: “... башкиры, поднимая восстание, пытались как-то легализовать, придать ему “законный” характер. С этой целью они использовали грамоту Ивана Грозного, жалованные их предкам при вхождении в состав Российского государства. Строительство крепостей и другие мероприятия Оренбургской экспедиции повстанцы оценивали как одностороннее нарушение правительством собственных грамот, а восстание – отстаиванием условий присоединения Башкирии к России. Эта идея прямо или косвенно присутствовала во многих повстанческих документах. Особенно ярко она выражена в письме восставших Сибирской дороги В.Н.Татищеву от 2 августа 1736 г. В нем выражена твердая решимость башкир до конца отстаивать свои права, вести вооруженную борьбу до тех пор, пока власти не пойдут на уступки” [Там же, 248].

Имеется несколько преданий о Карасакале (*Карасакал* (досл. *чернобородый*) – прозвище, настоящее имя – *Миндигул Юлаев*.), который руководил восстанием 1735-1740 гг. на его последнем этапе. Предание “Карас и Карасакал”, записанное Мухаметшой Бурангуловым в 1917 году в деревне Малый Иткул Оренбургской губернии от сэсна Хамита Альмухаметова, построено на описании напряженного эпизода встречи Карасакала с почтенными старейшинами (аксакалами), во время которой он выступил с призывом к восстанию. Предание построено на иносказании, оно с исключительным мастерством передает атмосферу и дух того времени, бедственное положение народа, измученного кровопролитными сражениями. Об этом в предании повествуется устами Карас-сэсна: “Много тополей на Урале, но начнешь их разрезать – и станет сочиться кровь. А пещеры заняты волками. Там они напалили волчат. Уши лошадей мечены, на крупах тавро. Собаки, что лаяли по ночам, убиты. А есть ли одежда, на которую можно наложить заплату? И этого никто не знает. Ведь куропатка еще не села на верхушку деревьев, узаманы (старейшины)”. Примечательно и сведение о том, что Карас, охарактеризовав обстановку в стране в такой форме, не стал задерживаться на сходе, выразив тем самым отношение к Карасакалу и его идее о восстании. Смысл слов сэсна растолковал один из аксакалов: «...Срежешь иву – закапает кровь – это означает, что Уральские леса орошены народной кровью, пролитой на полях сражений. На уши лошадей нанесена метка, на их крупах поставлена (выжжена) тамга – это означает, что все места наши известны, куда бы мы ни пошли, поймают. Собаки, лающие по ночам, убиты –

участников прошлого сражения, значит, уже казнили. Куропатки не сели на верхушку дерева — еще не все скрывающиеся после сражения вернулись на родину. А есть ли одежда, на которую можно наложить заплату — это означает, что пришел гость (Карасакал) — чужак, в наших краях он будет всего лишь заплаткой?...”

Почему Карасакала считали пришельцем, можно понять из другого предания, записанного в 1973 г. Г. Б. Хусаиновым в Абзелиловском р-не. В нем повествуется о столкновениях между царскими войсками и башкирами, об отваге, проявленной в этом бою юным Карасакалом. Когда Карасакал потерпел поражение, он в течение более чем десяти лет был вынужден скитаться среди узбеков, каракалпаков, казахов, прячась от властей. Образованный, знавший наизусть Коран, Карасакал «мог разговаривать на языке народа, среди которого он жил», — говорится в предании. Согласно тому преданию, он совершил паломничество в Мекку, стал хаджием, и слух о нем распространился так широко, что казахи даже принимали его за хана. Возвратившись в Башкирию, Карасакал, именовавшийся ханом, возглавил вновь вспыхнувшее восстание. Предание Абзелиловского р-на завершается картиной подавления восстания и беспощадной расправы царских войск [БНТ. Т.2, с. 373]. Эти события, переданные с исторической достоверностью, объясняют смятение, нерешительность собравшихся бунтовщиков в рассматриваемом нами предании. Смысл фразы «Карасакал — пришелец со стороны и может стать в нашей стране всего лишь заплатой» связан, вероятно, с тем обстоятельством, что Карасакал в течение многих лет странствовал в чужих краях.

Вообще, образ Карасакала в произведениях фольклора представлен в противоречивом плане, неоднозначно. Если в предании «Карас и Карасакал» довольно четко выражен мотив определенного недоверия к нему, то в эпосе «Карасакал» в записи Мухаметши Бурангулова (фольклорист Б.С. Баймов считал этот эпос индивидуальным творчеством сээна Бурангулова) образ предводителя восстания изображен в целом в позитивном плане (Текст эпоса см.: БНТ. Т. 10. с. 245-277). Деятельность Карасакала неоднозначно оценена и в исторической литературе.

В середине XVIII века царское правительство, наряду с дальнейшим усилением политики продолжения грабежа башкирских земель, проявляет большую активность по христианизации нерусских народов. В указе Анны Иоановны от 11 февраля 1736 г., согласно которому разрешалась продажа башкирских земель, предусматривалось и расширение сети православной церкви и сокращение численности мусульманского духовенства («без указов мечетей и школ не строить») [Акманов 1987, с. 22]. Особенно ужасающее впечатление производило на людей насильственное крещение мусульман, вызывая резкое противодействие с их стороны. Это обстоятельство нашло, например, яркое отражение в предании “Как башкиры отказывались от крещения”, записанном в 1972 году в д. Мурадымово Аургазинского района Башкортостана. Яростное сопротивление башкир крещению показано здесь через изображение реки, обгащенной кровью погибших, количество же жертв было неисчислимо: их трупами якобы была запружена река [БХИ. Т.2, с. 201-202].

В предании «Крещение», записанном в 1988 г. в с. Большие Шады Мишкинского района Башкортостана, рассказывается о жителях 11 башкирских деревень, которые, вооружившись вилами, косами, встали на защиту своей веры и смогли сохранить ее. Интересны сведения, приведенные в данном тексте: «Раньше в Бакалинских и Буздякских краях русские занимались крещением мусульман. Проезжали они по деревням на санях, в каждой по три солдата и один поп» (БХИ. Т.2, с. 201-202).

Преимущественно на реальных фактах построено предание «Батырша и Яныш». В отличие от предыдущих сюжетов, здесь описываются события, масштабы которых не ограничены действиями ситуативного характера, прикрепленными к сравнительно узкой территории. В сущности, предание «Батырша и Яныш», хотя в нем и нет картинного изображения повстанческого движения, посвящено передаче информации о восстании 1755 г., которое вошло в историю под названием «Восстание Батырши». Кроме того, предание богато сведениями, имеющими отношение к личностным качествам Батырши: образованность, высокий авторитет его как духовного лица. Большое внимание уделено конфликту между ним и старшиной Яныш, описанию неблагоприятных поступков старшины [БНТ. Т. 2, с. 233-234]. Образ старшины Яныша, подробно описанный в предании «Батырша и Яныш», также имеет реальную основу: это имя встречается в письме Батырши царице Елизавете. Как известно, письмо Батырши (Алиева Абдуллы сына Гали), написанное из тюрьмы, Г.Б. Хусаинов называет ценным памятником середины XVIII века, большим историко-художественным произведением, социально-философским трактатом, в живой манере описывающим историю прошлой эпохи, быт, мысли и чаяния народа [Хусаинов 1993, 6].

В научном архиве Уфимского научного центра РАН хранится еще одно предание, именуемое «Восстание Батырши-батыра», записанное в 50-х годах XX в. Г. Умеркаевым в деревне Верхний Карыш Балтачевского района Башкортостана от 88-летнего Хасана Мавлиева. Несмотря на краткость и схематичность, предание ценно тем, что в нем четко выражено понимание народом национально-освободительного характера повстанческого движения. Сведения о зверской казни башкир, участвовавших в восстании, сожжении башкирских деревень исторически достоверны, они подтверждаются документальными материалами. Однако сведения, что Батырша был повешен, не соответствует действительности: согласно данным письменных источников, 24 июля 1762 г. в Шлиссельбургской тюрьме Батырша, в одиночку взбунтовавшись, погиб в неравной схватке [История Башкортостана..., 260].

Из-за давности событий многие сюжеты утратили свои конкретные реалии и наполнились легендарными мотивами, некоторые из них носят противоречивый характер. Однако при всем этом они являются достаточно ярким выражением отношения народа к крупным историческим событиям, своеобразным осмыслением этих событий. В них слышен голос самих восставших, которые боролись за свои права, за освобождение от феодального и национального гнета.

Литература:

Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в. Учебное пособие. — Уфа, 1987.

Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды /Сост., авт. вступ. ст., коммент. Ф.А.Надршина. — Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987.

Башкирское народное творчество. Т. 8: Песни (дооктябрьский период) /Сост., авт. вступ. ст. и коммент С.А.Галин. — Уфа: Китап, 1995.

Башкирское народное творчество. Т.10: Исторический эпос /Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. Зарипов. — Уфа: Китап, 1999.

Башкирское народное творчество. Т.11: Байты /Сост., Г.Б.Хусаинов, Б.С.Баимов. — Уфа, 2004.

Башкорт халык ижады. Т.2: Риүәйәттәр, легендалар /Төз., инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы Ф.А.Нәзершина. — Өфө: Китап, 1997. 440 б.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. — Уфа: Китап, 1996.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1, часть первая. 303 с.

Письмо Батырши Императрице Елизавете Петровне /Сост., транскр. текста, glossарий, введ., коммент. акад. Г.Б.Хусаинова. — Уфа, 1993. 250 с.

Салават в башкирском фольклоре в 2-х томах. Т.1: Предания и легенды /Авт.-сост. Ф.А.Надршина. — Уфа: Информреклама, 2008 (на башк., русск. и англ.яз.).

Нафиков Ш.В. г. Уфа

УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСЕМ ИЗ 100 СЛОВНОГО СПИСКА М. СВОДЕША

В современном языкознании, в том числе в алтаистике и в тюркологии, получила широкое признание лексикостатистическая теория М.Сводеша (Сводеш 1960, Лигети 1971 и др.). С позиций урало-алтайской теории исследования в пределах 100 словного списка не проводились, и настоящая заметка имеет цель выявить ряд соответствий между алтайскими (гл. обр. тюркскими) языками и их уральскими аналогами.

1. *Имя*. Уральск. * **nime** 'имя': ПА * **niunV** 'имя'; закливание, 'гадание' > тюрк. * *jom*, *jom* (η)ak, ТМ *nim-ḡā* (Старостин 1991, №48), (Иллич-Свитыч 1976, 317). А.Б.Долгопольский урал. **nime** 'имя' сравнил с яп. **namae** 'то же' (Долгопольский 1964: 3). Сравни тюрк. * **jumak** 'сказка' (Räsänen 1969, 206). Башк. **йомак** 'загадка' в смысловом отношении связано с приведенным тюркским словом и является, таким образом, однокоренным с урал. * **nime** и алт. * **niunV** (см. EDAL).

2. *Вошь* (блоха). ПА * **päte** 'вошь': ПТ * **bit** (YDAL 216, 1081) : пра об.-угор. * **pēl** 'вошь' (UEW 416), ср. нен. **pand'e**, юкаг. диал. **bada-dd** 'вошь' (Долгопольский 1964 б: 61).

Алт. * **bürgä** 'блоха' В. Иллич-Свитыч сравнил с аналогичными словами из уральских языков (Иллич-Свитыч 1965/1967, 385), а урал. **šäyre** 'гнида' (со знаком вопроса) Б.Коллиндер сопоставил с аналогами этого слова из тюркских и монгольских языков (Collinder 1965, №23). Ср. башк. **бет**, диал. **пет** 'блоха', **бөрсә** 'блоха'.

3. *Мертвый* Алт. **öl** - 'умирать': урал. **welü** 'убивать' (Иллич-Свитыч 1965/1967, 367). В «Этимологическом словаре алтайских языков» (EDAL, 1049) ПА * **öli** 'умирать, голодать' названо параллелью к урал. * **welv**, реконструкция Б. Коллиндера (Collinder 1955, 105). Сравни также венг. **öl** - 'убить' и ПТ * **öl** - 'умирать' (Räsänen 1969, 371), др.-уйг. **öliig** 'мертвый' и монг. **ölbüri** 'мор' (Долгопольский 1964а, 61) и башк. однокоренные **үлө** 'мертвый', **үл** - 'умирать', **үлтөр** - 'убить' и под. (**үлем**, **үлтөрөш**).

4. *Сердце*. В своей известной монографии «Есть ли родственники у уральских языков?» (на нем. языке) крупный шведский уралист и компаративист Б.Коллиндер наименование сердца в уральских языках *šüe* (me) сблизил со сходными словами из языков тунгусо-маньчжурских

(Collinder 1965, №31). Не менее известный российский макрокомпаративист А. Долгопольский (с 1978 г. в Израиле) русск. *сердце*, нем. *Herz*, лат. *cardium* 'то же' и алтайское (древне-уйг.) *jüräk*, а также вост. ительм. (семья чукотско-камчатских языков, часть уральских по совр. взглядам) *gulg* 'сердце' считал однокоренными словами. Общий морфофонологический тип этих лексем есть KR (Долгопольский 1964а, 60). В башкирском концепт 'сердце' описывается также словами *күңел*, *бәтер* (в основном – в переносных значениях). В уральских языках (в частности в поволжско-финских) лексема 'сердце' также включает и оттенки значения, связанные с чувствами, душевными переживаниями и т.п. (Širmankina 1985: 133), то же явление наблюдаем и в русском («сказать в сердцах, осерчать» *простореч.* и т.д.).

5. *Зуб*. А. Долгопольский алт.: тюрк.: др.- уйг. *tiš*, тур. *diş* сравнивал с урал.: сельк. *tim*, *ten*, *çen*; юкаг. *todi* и с лат. *dent* 'зуб'; эти лексемы отражают фономорфологические типы T и TN (Долгопольский 1964б, 60). Тюркские формы происходят от ПТ * *dil* 'зуб' (Räsänen 1969, 481).

6. *Слеза*. Выдающийся российский монголист и алтаист Н. Поппе (был в эмиграции с 1943 г.) фин. *nolki* 'слизь' ставил в один ряд с чув. *šul* < * *čäl* << * *ňäl* 'слеза', др.-тюрк. *jāš* 'то же'. «Общую УА форму можно реконструировать как * *ňäl*.» писал ученый (Porre 1977, 223). – исходя из алтайской формы *ňäl* выше – Ш.Н. В литературе встречаем также такие реконструкции, как др. тюрк. * *jäl* 'слеза' (Старостин 1981, 275) и тюрк. *jēr* 'плакать' (Кажибеков 1986, 249). Очевидно, что башк. *йәш* 'слеза' и *ила* - 'плакать' являются словами того же корня, что и фин. *nolki* (в толковании Н. Поппе выше).

7. *Коготь, ноготь*. В тюркских языках соматизм *türnaq* восходит к ПТ * *dyrna* - 'скрести, царапать' (Räsänen 1969, 465). Другим корнем в этом значении выступает ПА * *k'čv* (Старостин 1991, 290). Производное от последнего ТМ * *xosikta* 'ноготь' А. Долгопольским сравнивалось с фин. *kynte* 'коготь' < фу * *künče* - 'ноготь' (Долгопольский 1964а, 61). Из семасиологии известно, что значение 'ноготь' может (легко) соотноситься со значением 'палец'. В свете этого башк. *бармак*, манч. *ferhe* 'большой палец' < алт. * *per* - 'палец' (Porre 1960, 79) можно представить, в качестве параллели (сближения) к вост. мар. *purna* 'палец' и под.

8. *Краткий обзор* урало-алтайских параллелей к некоторым словам из списка М. Сводеша позволяет сделать вывод о их неоднородности. Такие сближения, как ПА * *pät'e* : праоб-угор. * *pēl* 'вошь' или тур. *diş* : сельк. *ten*, юкаг. *todi* 'зуб', говорят о сравнительно небольшой разнице фономорфологического облика сопоставляемых слов. То же самое надо сказать о слове «имя» на уральском (* *niunV*) и алтайском (* *niunV*) уровнях. Дальнейшее же историческое развитие в тюркских языках (к примеру) может вести к значительному изменению фонетического и смыслового облика: *jomak* 'сказка', башк. *йомак* 'загадка'.

Ряд сопоставлений относится к разряду спорных. Так, тюркское «сердце» традиционно производят от глагола «идти, ходить» (Б. Владимирцов и др.). Соматизмы подобного рода имеют очень большую древность и находят себе немало сближений на уровне больших языковых семей – яркий пример чему урало-алтайская

этнолингвистическая общность. Сквозь призму диахронии общие основы такой временной глубины могут отличаться от хронологически более позднего понимания типа 'ходить → сердце'. Пра-алт * *kír e* 'сердце' > башк. *күңел* 'сердце' (метафорич.), 'душа' имеет параллель с финно-угорскими языками в смысловом плане (см. выше), но не по сходству внешней формы слова.

Урало-алтайские параллели по списку М.Сводеша должны стать предметом особого, более обширного исследования.

Литература

Долгопольский А.Б. 1964 а. Гипотеза древнейшего родства основных языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания, №2, С. 53-63.

Долгопольский А.Б. 1964 б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблема фонетических соответствий) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. // «Этимология». 1965. М., 1967.

Иллич-Свитыч В.М. 1976. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1-). Т.2. М: Наука.

Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Алматы 1986.

Лигети Л. Алтайская теория и лексикостатистика // Вопросы языкознания. №3 1971. С. 21-33.

Сводеш М. 1960. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Сб. «Новое в лингвистике». Выпуск 1. Москва.

Старостин С.А. 1991 Алтайская проблема и происхождения японского языка. Москва
Collinder Bj. Hat das Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung. // Acta Universitatis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. Nova series, 1:4. Uppsala, 1965.

Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

Poppe N. 1977. The problem of Uralic and Altaic affinity // Altaica. Helsinki, p. 221-225.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969. = VEWT.

Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. – Вр., 1986-1988. – Lfg. 1-7. = UEW.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O. 2003. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. 3 vol. Leiden: E.J. Brill. = EDAL.

Širmankina R.S. 1985. Semantische Verschiebungen in phraseologischen Einheiten mit den Komponenten 'Herz', 'Seele' in den wolgaischen Sprachen. // Тезисы IV Международного конгресса финно-угроведов. Сыктывкар, 1985, S. 133.

Ниязова Г.Н., г. Тюмень

ОБЩАЯ ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ УРАЛО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

Современный этап развития тюркского языкознания характеризуется повышенным вниманием к вопросам исследования тюркских языков. С помощью слов из поколения в поколение передаются накопленные культурные ценности. Поскольку племена, народности и нации формируются путем слияния носителей близкородственных, дальнородственных, а также неродственных языков, постольку их материальная и духовная культура носит смешанный характер. Взаимовлияние, взаимообогащение культур происходило во все времена развития этнических групп. Такие взаимовлияния всегда оставляли след в словарном составе языка, в первую очередь в общем лексическом фонде.

Основу лексики диалектов сибирских татар составляет общетюркский пласт, который включает в свой состав лексику, общую с разными группами западно- и восточнотюркских языков.

В данной статье остановимся подробнее на лексических параллелях, отмечающихся в диалектах сибирских татар и других языках тюркских народов урало-алтайского региона, в составе такого значимого раздела материальной культуры народа, как предметы домашней обстановки (в рамках конца XIX – начала XX вв.).

Обстановка избы сибирских татар состояла из неподвижной напольной и подвесной мебели. В первую из них прежде всего входили нары, служившие местом для сна, отдыха, принятия пищи и работы. Назвались они *урын* или *урынтык* [Тумашева 1992, 226]. Лексема *урынтык* в диалектах сибирских татар также означает «стул, табуретка» [Алишина 1994, 94]. В говорах мишарского диалекта татарского языка слово повсеместно встречается в форме *урдык* и означает «стул, табуретка». Кроме того, в отдельных говорах западного диалекта татарского языка слово *урдык* функционирует в значениях «скамья», «нары в избе», «кровать» [Хайрутдинова 2000, 71].

В современных словарях татарского языка в значении «стул, сиденье» отмечены слова *урындык*, *утыргыч*. Последнее также употребляется и в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар в двух фонтических вариантах – *утыргыц/ултыргыц* [Тумашева 1992, 140]. Ср.: кир. *орундук*, уйг. *орундук* «стул, табуретка», башк. *ултыргыс*, к.калп. *орынлык*, каз. *орындык* «табуретка», восходит к др.тюрк. *oltruy* «сидение» [ДТС 1969, 366].

Под нарами выкапывались ямы, которые обшивались досками, чтобы не осыпалась земля. В них хранился зимой запас картофеля и скоропортящихся продуктов [Валеев 1993, 22]. Называлось такое место *урын/урынтык асты* (<*урын/урынтык* «нары» + *асты* «низ»). В настоящее время нары вышли из обихода. Термином *урын/урынтык асты* в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар обозначается «подполье» [Тумашева 1992, 26].

В прошлом составной частью интерьера были полати, на которых хранили вещи, спали дети. Обозначается это место русским заимствованием *пулат*, *набулат*. Второй, меньший помост имелся в запечье над загородкой для скота. Такой помост назвался *таскак*, он служил местом для сна. Как предмет интерьера сибирских татар *таскак* имеет алтайское происхождение. У алтайцев *таскак*, *таскат* – это навес, который использовался как жертвенный стол (клали кости принесенных в жертву животных). По мнению Ф.Т. Валеева, у сибирских татар до принятия ислама *таскак*, так же как и у алтайцев, предназначался для исполнения религиозных обрядов. Однако после принятия ислама *таскак* потерял свое первоначальное назначение и стал местом для сна [Валеев 1993, 106].

В настоящее время *таскак* полностью исчез из жилищ сибирских татар, однако употребляется в значениях «шалаш, укрытие, устраиваемое на дереве во время охоты», «телятник», «нары, настилаемые на вбитые в землю колья (устраиваются для отдыха и ночлега в дороге преимущественно в болотистой местности)» [Тумашева 1992, 204]. Имеется слово *таскак* в говорах среднего диалекта татарского языка в значениях: «лабаз», «помещение, куда складывают корм для скота», «пристроенное к навесу крытое помещение, куда складываются дрова, сено», помост на строительстве или при раскопке колодца», «помост, служащий пастухам как наблюдательный пункт»; в башк.лит. *таскак* «лабаз»,

башк.д. *таскақ, тазгақ* «наблюдательный помост на дереве для охотников» [Садыкова 2003, 105], хак. *тасхах* «полка для посуды» [Тумашева 1997, 23].

Непременным атрибутом каждой избы являлись подвешенная над потолком на сыромятных ремнях пара параллельных гладких жердей, находившихся вдоль передней и боковой стен. На них развешивались предметы праздничного костюма, «бросающиеся в глаза каждому входящему в избу» [Мухаметшин 2002: 106]. Назывались такие жерди *мабыл / мауыл* [Тумашева 1992, 146]. Общность наблюдается с казахским языком, где в значении «жерди» употребляется слово *сырғауыл*.

На кухонной стороне к стене прибавались полочки для посуды. Такие полочки имеются и в настоящее время. Называются они *киштә*. В домах духовенства такие полки подвешивали в углу передней стены, где хранили религиозные книги. В барабинском диалекте сибирских татар слово *киштә* означает то же, что и вышеназванное *мауыл*, то есть «поперечный шест для одежды, протянутый от стены к стене» [Тумашева 1992, 100]. Имеется это слово в татарском литературном и башкирском языках: тат. *киштә*, башк. *кәштә* «полочка для посуды, вещей».

Над нарами подвешивалась колыбель. В диалектах сибирских татар имеется несколько вариантов обозначения этого слова: *цәңгелцәк, сәңгесәк, бужик, пежеск, пужук, сәлтөп, шәлтөп* [Тумашева 1992, 236, 188, 48, 172, 179, 250]. Аналогичное наименование названию колыбели *цәңгелцәк, сәңгесәк* можно встретить в башкирском языке — *сәңгелдәк*. *Бужик, пежеск, пужук* сходны как с татарским литературным, так и со многими другими тюркскими языками. Ср.: тат. *бишек*, к.калп. *бесик*, каз. *бесік* «колыбель». Названия же *сәлтөп, шәлтөп* характерны только для диалектов сибирских татар.

В дореволюционное время бедняцкие слои сибирско-татарских селений в качестве осветительного прибора продолжали пользоваться лучиной. Называлась она *цыйрақ / цырақ* [Тумашева 1992, 243, 244]. Эта лексема имеет место в следующих тюркских языках: тат.лит. *чыра* «лучина», башк. *сыра, сырақ* «лучина, лучинка», каз., ног., к.калп. *шырақ* «свеча», караим. *чырах* «свеча», кум. *чырақъ* «свеча», керосиновая лампа», узб. *чироқ* «лампа». Заимствовано оно из персидского языка [Хайрутдинова 2000: 76].

Таким образом, в лексике диалектов сибирских татар наблюдается общность с другими языками тюркских народов урало-алтайского региона, что свидетельствует, с одной стороны, о единстве тюркской лексики вообще и, с другой, о тесных этноязыковых контактах с древнейших времен и взаимном заимствовании слов, обозначающих названия предметов быта, относящихся к материальной культуре.

Литература:

Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: монография. — Казань, 1994. — 119 с.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1993. — 208 с.

Древнетюркский словарь — Л., 1969. — 676 с. (ДТС)

Мухаметшин Ю.Г. Этнографическое своеобразие традиционных сельских жилищ татар Западной Сибири // Сибирские татары: сб. статей. — Казань, 2002. — С.86—113.

Садыкова З.Р. Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. — Казань, 2003. — 212 с.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. — Казань, 1992. — 256 с.

Тумашева Д.Г. Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. – Тюмень, 1997. – 27 с.
Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). – Казань, 2000. – 128 с.

Нугаманова Г. И., г. Уфа

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ КУБАИРОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Сбор и изучение башкирского кубаира имеет свою историю. Еще в XVII в. путешественниками и учеными, представителями передовой интеллигенции русского народа запечатлены первые наблюдения о них. Как отмечает А.Н. Киреев, в “Записках путешествия” русского ученого И.И. Лепехина, изучавшего Южный Урал в конце XVII в. можно найти сведения о таланте башкирского народа к пению, протяжности и мелодичности башкирских песен, а также о бытовании в башкирской среде легенд, преданий, повествующих о том или ином географическом объекте. Заслуживает внимания одна из таких легенд, в которой рассказывается о том, что в местечке Ылантау (Змей-гора) издавна проживал некий мифический персонаж – змей, дракон – и был убит каким-то неизвестным батыром. В этом случае нельзя не отметить отражение в ней сюжета эпического произведения, известного в то время. Предание, повествующее о неизвестном батыре, с одной стороны, связывает нас с мифологией, с другой, можно увидеть связь его с репертуаром героического эпоса. Это явление, естественно, достойно внимания”.

В истории башкирской фольклористики велика заслуга русского исследователя Тимофея Беляева, самым первым записавшего, переведшего на русский язык и опубликовавшего в 1812 году знаменитый башкирский эпос “Кузыйкурпяс и Маянхылу”. А.Н. Киреев, подчеркивая, что данный исследователь почему-то опубликовал это произведение под следующим названием: “Куз-Курпясч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на Российский в долинах гор Рифейских”, многие места в эпосе трактовал по-своему, отразил попытку выражения своего мировоззрения, отмечает его способность передачи самобытности эпических традиций башкирского народного творчества. Н.А. Сулейманова (Хубитдинова) также указывает на следующие различия между “Кузыйкурпяс и Маянхылу” и “Башкирской повестью”: если в первом произведении один из главных героев Карабай погибает при возвращении с охоты, упав с коня, то в повести Беляева он становится жертвой мифического персонажа в облике Дива (Дейеу) во время охоты.

Выход в свет эпоса “Кузыйкурпяс и Маянхылу” способствовал пробуждению интереса русских исследователей, писателей к изучению башкирского края, народа, его быта, языка и культурного наследия. Так, если стихотворения и произведения “Абдряш. Башкирская повесть” поэта-декабриста П.М. Кудряшева написаны под влиянием героического духа знаменитого эпоса, то русский писатель Кафтанников в повести “Арслан Бабр” (1833) переносит события, происходящие в “Кузыйкурпяс и Маянхылу”, в XVIII век.

Известный русский лексикограф В.И. Даль, находясь на службе в Оренбургском крае, записывает башкирский эпос “Заятуляк и

Хыухылу” и публикует его в 1843 году в журнале “Москвитянин” под названием “Башкирская русалка”. В предисловии, по наблюдениям М.М. Сагитова, автор дает очень интересные сведения о башкирах, проживающих на берегу Демы, их истории, обычаях, а также о топонимических легендах.

Сюжет эпоса “Заятуляк и Хыухылу” привлекает внимание и других ученых. Так, в 1858 году это произведение выходит в свет в переводе и литературной обработке Л. Суходольского, а также в 1902 году в “Самарской газете” с указанием на автора С.Г. Султанова. По отношению к труду Л. Суходольского справедливыми, на наш взгляд, являются замечания А.Н. Киреева в плане того, что автор полностью лишил героя Заятуляка данных ему народом качеств: мужества, смелости; представил его в роли пассивного образа, достигающего своих целей только при помощи потусторонних сил. Таким главным героем эпоса, помогающим Заятуляку преодолевать трудности, по мнению Л. Суходольского, является Хызыр.

Анализируя деятельность исследователей по сбору и изучению башкирского кубаира, А.Н. Киреев подробно останавливается на научном труде Г.И. Потанина “Дочь моря в степном эпосе. Этнографическое обозрение” (1892), рассматривающего эпос “Заятуляк и Хыухылу” в качестве сравнительного исследовательского материала с эпическим наследием других народов. “Г.И. Потанин в своей статье анализирует данный эпос не как плод развития художественного мышления одного народа, живущего в определенных исторических условиях, а ограничивается сравнением и выявлением типологических сходств отдельных элементов и деталей в развитии сюжета. Этим путем он уподобляет Заятуляка образу эпоса средних веков Аполлония и высказывается о наличии деталей, связанных с образом батыра Туляка, в монгольском эпосе “Гэсэриада”, в сказке тюменских татар “Джиртөшлөк”, в эпическом произведении бурятского народа “Ертүген” и во многих других памятниках. В конце концов, автор памятник, занимающий видное место в творческом наследии башкирского народа, через морское царство и образ Хыухылу связывает с бытиной русского народа “Садко”. По отношению к данной статье А.Н. Киреев высказывается критически в плане того, что эпос “Заятуляк и Хыухылу”, исходя из “теории сюжетов-переселенцев”, можно рассматривать как иноязычное явление, пришедшее в башкирский фольклор из творческого наследия других народов.

В изучении башкирского эпического наследия также большая роль принадлежит ученому-краеведу Р.Г. Игнатеву, записавшему и опубликовавшему очень большое количество песен, легенд, эпических произведений. Немаловажная роль принадлежит М.В. Лоссиевскому, собравшему очень большой материал по эпическому наследию башкир. В своем труде “Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам” он, наряду с другими жанрами башкирского фольклора, повествует о бытовании в башкирской среде музыкального эпического жанра *үләң*, возможно, употребляемого в значении “*кубаир*”. “В таких эпических песнях (*үләң*) поется о знаменитых батырах, совершивших удивительные подвиги, геройстве батыров”. М.В. Лоссиевский

отмечает динамический характер развития башкирского эпоса. Например, он считает, что героический эпос в процессе своего развития принимает песенную форму, что с течением времени героический эпос преобразуется в рифмованную песню из четырех строк, что в них говорится о любви, начинают преобладать мотивы прославления батыров, собравшихся гостей.

В середине XIX века наиболее крупные фольклорные произведения начинают издаваться в различных сборниках и хрестоматиях на русском языке, языке тюрки благодаря деятельности преподавателей-башкир, работающих в различных учебных заведениях города Оренбурга, поэтов-просветителей (С. Кукляшев, М. Бикчурин, М. Уметбаев, М. Куватов, Ю. Аминев, С. Батыршин и др.)

Надергулов М.Х., г. Уфа

ИСТОРИИ В СТИХАХ

В настоящее время в различных архивах и библиотечных фондах страны хранятся более 150-и башкирских родословий – шежере. По формальным, внешним признакам они делятся на два основных вида: номинальные и нарративные. Первый вид представляет из себя список мужских имен, расположенных в хронологической последовательности по разным направлениям и исходящих из одного общего корня. Внешне он напоминает дерево с многочисленными ветвями. Отсюда и название “шежере”, что в переводе из арабского языка означает “дерево” или “древцо”. Второй вид – нарративные шежере – обычно также имеет хронологию имен, но в нем, в отличие от первого вида, содержатся еще и повествовательные тексты.

Внимание литературоведов, естественно, привлекает второй вид, ибо некоторые из них представляют ценность не только как исторические и лингвистические источники, но и как своеобразные памятники словесного искусства. В них имена чередуются с живыми эмоционально окрашенными рассказами о былых событиях. Составители часто используют образные сравнения, диалоги, монологи и другие художественно-изобразительные средства. Включенные в тексты мифы, легенды, предания, поговорки и пословицы еще более поднимают литературно-эстетическую ценность родословий. Таковы шежере юрматинского, карагай-кипчакского, минского, бурзянского, усерганского, мамбетского, айлинского, табынского и некоторых других башкирских родов и племен.

По своей структуре повествовательные шежере состоят из 2-х частей: введения и основной части. Заключение как такового у них не бывает, поскольку этот жанр предполагает бесконечное продолжение текста последующими поколениями.

Шежере присущ специфический стиль. Он характеризуется краткостью и выразительностью. В освещении древности обычно приводятся мифы, легенды и предания, затем используются рассказы, а иногда и сведения из документальных источников. Своеобразие стиля отдельных башкирских родословий связано с тем, что в них прозаический текст местами сменяется со стихотворными строфами. Включенные в рукописи поэтические строки во многих случаях имеют

фольклорное происхождение и отличаются сочностью, образностью языка. Это наглядно видно из шежере мамбетского, тамьян-катайского и усерганского родов.

Приведем небольшой отрывок из мамбетского шежере: “Кочевья наши прекратились к 14-му, 15-му годам. В результате у деревенского башкира не осталось земли, раз не осталось земли, то кончился скот, раз кончился скот — разорвалась душа башкира, он лишился достоинства, потерял уважение. Мы стали свидетелями верности выражения “У кого больше земли — у того страна богаче”. Ваш покорный слуга (по этому поводу) скажет:

Не продавайте землю, башкиры,

Лучше земли богатства нет.

Все растет и исходит из земли,

У нас же ей почета нет [1]

(Перевод подстрочный).

Нетрудно заметить, что самые сокровенные мысли и чувства составителя шежере относительно проблемы башкирских земель выражены в стихотворных строках.

Поэтические же строки, включенные в одну из полных версий шежере рода Усерган, по своему внешнему строению и формальным признакам напоминают кубаир — эпический жанр башкирского фольклора. Эти строки, состоящие в основном из 7-и слогов, рифмуются в строфах либо по схеме: а-а-б-а, либо по схеме: а-а-а-а. Отрывок из текста:

Хак Тәғәлә көдрәте,

Мәзкүр итәмен аны,

Илебездә булған эш

Сыңғыз-хандын заманы.

Башкортлардан баһаны —

Бей Туксаба балаһы,

Мүйтән тибез без аны

Хак яратмыштан аны ... [2]

(Могущество Бога — Всевышнего,

Упоминаю (всегда) Его,

В стране нашей происходило это

Во времена Чингиз-хана.

Предок башкир —

Сын бей Туксабы.

Называем его Муйтеном

С того дня, как Бог создал его).

Одна из версий усерганского шежере целиком написана в поэтической форме, точнее, в форме кубаира. Здесь нет полного генеалогического перечня имен, присущего прозаическому и смешанному текстам родословия. Имена потомков Муйтен-бея сопровождаются небольшими, но меткими характеристиками:

Сын Муйтена — Усерган,

Его род был многолюден.

В то время четыре волости

Назывались усерганскими.

Сын Усергана — Шигали,

Попона его лошади
Из отличного сукна.
Умирая, свой род
Благословил он
Святой молитвой ... [3]
(Перевод подстрочный).

Однако не всем поется хвала в шежере. Об отдельных представителях рода говорится с едким сарказмом и иронией:

Его сын – Уралбай,
Обед у него обильный,
Тело его жирное,
Если он ляжет, то не может
встать ...
Его сын – Казаксал,
На спине его было четверть
аршина жира ...

Изложение родословия в форме кубаира, видимо, издревле было популярным у башкир. Слово “кубаир” (башк: кобайыр) в смысловом плане переводится как “песня о богатырях”. Произведения этого жанра строились в основном на прославлении той или иной личности, народа. Составители шежере, как известно, также не лишены стремления возвеличивать свой род, своих предков.

Родословия в форме кубаира встречаются и в памятниках устно-поэтического творчества. Для примера можно назвать произведение “Баит Киньякая”, созданное в конце XVIII века, через некоторое время после народного восстания 1773-1775 годов. В нем, в частности, говорится:

...Борон булған Тора-хан,
Хан йәшәгән бик тархан:
Сарзак корған зур тауза,
Тирә-якка дан сәсеп,
Шунда корған кышлау за ...
Хан бикәһе бик уңған,
Хозай биргән өс улан,
Өсөһө лә бәһлеуән,
Миҫле батыр арыҫлан:
Ишәй, Салих, Карайған ... [4]
(... В старину жил Тура-хан -
В стороне своей тархан,
На горе его сардак (резиденция – М.Н.)
Там его был зимний стан,
Славен всюду был тот хан ...
Расторопной была жена.
Было трое у них сыновей,
Трое могучих богатырей;
Каждый – как батыр-арслан:
Ишей, Салих и Карайған...)
(Перевод Г.Г. Шафикова).

Далее в баите дается характеристика сыновьям, внукам и правнукам Тура-хана.

До наших дней дошло еще одно поэтическое родословие. Это – шежере ирактинских башкир, составленное поэтом Гали Сокрыем (1826-1889) в середине XIX века. Оно представляет большой интерес в том плане, что написано в строфической форме мураббы, которая была весьма популярна в средневековой восточной поэзии. Произведение состоит из четырехстрочных строф, зарифмованных по схеме: а-а-а-б, в-в-в-б, г-г-г-б и т.д. Причем все строки имеют по восемь слогов.

В данном шежере генеалогия имен еще более краткая, неполная. Составитель больше внимания уделяет описанию событий из прошлого башкир-ирактинцев:

... Асыл бабам Тубыл, Иртыш
Кәнәрәндә булып ирмеш,
Асылда армы йә чирмеш –
Беленмәй динләре, сарпай.
Ләбибләр дән булып берсе
Сәйәхәткә төшөп хирси,
Табып күп ер, куйып арси,
Китептер донъядан, сарпай ...[5]
(... Предки мои проживали (в древности)
На долинах Тобола, Иртыша.
Какой религии придерживались –
арцев или черемиссов,
Никто не знает, мой дорогой.
Один из них был очень мудрым,
Вышел странствовать с бодрой душой,
Нашел много земли, оставил (богатое) наследие,
Когда ушел из жизни, мой дорогой ...)
(Перевод подстрочный).

Г.Сокрый довольно подробно освещает взаимоотношения соседствующих башкирских родов и племен и в конце произведения призывает всех жить в дружбе и согласии “как одна семья”.

Таким образом, есть основание утверждать, что у башкир поэтическое описание истории рода опиралось на традиции как устного народного творчества, так и письменной литературы. Но в связи с тем что родословия обычно составлялись не единичными авторами, а представителями нескольких поколений, предпочтение отдавалось общеизвестным и близким простому народу традициям устно-поэтического творчества. И поэтому, наверное, шежере, написанное в форме кубайра, воспринимается как классический образец стихотворного изложения истории предков. Оно по всем признакам соответствует традиционному повествовательному шежере. Тогда как сочинение Г.Сокрыя стоит несколько особняком, ему больше присущи признаки произведений письменной поэзии, индивидуализм языка и стиля.

Литература:

Шежере мамбетского рода // Башкирские шежере. Филологические исследования и публикации. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1985. – С.144-145 (на башк. яз.).

Там же. – С.56-57.

Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. – Уфа: Башкнигоиздат, 1960. – С.82.

Башкирское народное творчество. Байты. – Уфа: Башкнигоиздат, 1978. – С.44-48

Восточный сектор отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского гос. университета. – Рукопись 632 т. Чокори. Хикаят. – Л.1 (на старотюрк. яз.)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Фразеологизмы, так же как и слова, в своем употреблении подчинены существующим языковым нормам, то есть определенным исторически сложившимся или принятым и обязательным для всех говорящих правилам употребления в речи. В этом смысле вполне определенно можно говорить о нормативном и ненормативном употреблении как отдельных фразеологизмов, так и их групп и разрядов.

Существующие языковые нормы употребления данных языковых единиц касаются всех сторон фразеологизма, в одинаковой степени его содержания и формы.

Поэтому любые отклонения от этих норм в какой-то степени "искажают" фразеологизм и могут быть квалифицированы как ненормативное употребление их. Однако не всякие отклонения от нормы употребления должны быть расценены как языковые ошибки. Объясняется это тем, что, во-первых, сами языковые нормы подвижны, во-вторых, само понятие нормы для фразеологизма следует рассматривать в двух планах: в плане языка и в плане речи, так как в последнем случае допустимы индивидуально-авторские преобразования в тех или иных целях.

Вопрос об индивидуально-авторском преобразовании и переосмыслении устойчивых сочетаний является одним из наиболее интересных и наименее разработанных в кругу проблем, связанных с изучением фразеологической системы.

Общеизвестно, что писатель более свободен в выборе лексических и фразеологических средств по сравнению с ученым, публицистом, а тем более с людьми, у которых обиходно-разговорная речь является почти единственным средством общения. Выражением этой свободы является и творческое преобразование фразеологизмов в качестве средства пародирования, сатирического обличения и т.п. Одни из таких преобразований фразеологизмов не выходят за рамки индивидуального стиля автора, другие же получают широкое распространение.

Одним из наиболее эффективных средств создания стилистической ситуации является аллюзия или полная трансформация ФЕ. Этот прием заключается в том, что автор использует только образ фразеологизма и в определенный контекст включает отдельные его компоненты, т.е. употребляет с целью особой художественной выразительности не фразеологический оборот как таковой, а его общий образ или содержание. Фразеологический оборот как целостная языковая единица здесь собственно уже не сохраняется, однако для правильного понимания контекста и восприятия его эстетических качеств необходимо знать и иметь в виду и фразеологизм, т.е. в том виде, в каком он употребляется в языковой системе.

Например, для того, чтобы правильно понять и оценить художественное мастерство писателя, которое им здесь проявляется в создании иронии, необходимо иметь в виду фразеологизм *blauen Montag machen* — не работать, прогуливать: Balla dachte Verrat ich es ihm, dass ich *blau mach*, ganz einfach *blau mach*, wissen es morgen vielleicht schon Horrath, Honigmund und alle Neider. (E. Neutsch, „Spur der Steine“) Белла подумала: «Если я проболтаюсь, что я не работаю, просто не работаю —

завтра же, наверное, об этом будут знать Хоррат, Хонигмунд и все завистники.»

Автор не приводит самого оборота в целом, а теми или иными способами намекает на него. Достаточно бывает одного слова, взятого из словосочетания и соответствующего контекста, чтобы дать понять читателю, какой оборот обыгран.

Интересен другой способ «освежения» фразеологизма — употребление его в необычной форме.

Индивидуально-авторские преобразования могут затрагивать различные стороны фразеологизма, но чаще всего они касаются замены компонентов фразеологизма необычными лексическими вариантами. Например, *Heim und Herd* (индивид. употр. *Herd und Hof*) — домашний очаг: *Wer solch ein Herz an seinen Busen drückt, der kann für Herd und Hof mit Freuden feuchten.* (F. Schiller, „Wilhelm Tell“) Тот, кто обнять такого друга может, тот радостно за свой очаг сразится.

Замена в фразеологическом словосочетании, цитате, поговорке одного слова другим — довольно распространенный прием.

Особенно часто мы встречаем поговорки в измененной структуре или в новом значении. Например, поговорка *Handwerk hat goldenen Boden* — с ремеслом не пропадешь (*букв.* у ремесла золотое дно) употребляется сегодня в несколько трансформированном виде: *Handwerk hat festen Boden-* (*букв.* у ремесла прочная основа). При такой замене иногда происходит семантический расклад, но образ не разрушается. Многие фразеологизмы трансформируются автором, исходя из определенной стилистической цели. Например, *Unter Blinden ist der Einäugige König* — Промеж слепых и кривой в чести: *Sie, Höfgen, haben immerhin eine Ahnung, was Theater ist. Unter den Blinden fallen Sie mir als Einäugige auf. Prost!* (K. Mann, „Mephisto“ Вы, Хефген, все же имеете представление о том, что такое театр. Меж слепых, как говорится, и кривой в чести. Ваше здоровье!

Как мы видим, писатели, журналисты берут за основу образ, который лежит в основе общенародного фразеологизма, ищут из жизненной практики схожий с ним образ и по аналогии с общенародным создают свой фразеологизм.

В результате появляется индивидуально-авторское новообразование, которое отличается от общенародного фразеологизма, как правило, и по значению, и по стилистической окраске. Н-р, *Schmalz in den Armen* (индивид. употр. вместо *in den Knochen*) *haben* — обладать большой силой: *In dem Knappen Jahr, in dem er daran war, hat er gezeigt, dass er Schmalz in den Armen hat.* (L. Feuchtwanger, „Erfolg“) За какой-то год своего пребывания у власти он успел показать, что хватка у него крепкая.

Aus den Schienen (индивид. употр. вместо *aus den Geisen*) *geworfen sein* — быть выбитым из колеи: *Er war heute auf merkwürdige Weise aus den Schienen seines Tages herausgeworfen.* (H. Mann, „Professor Unrat“) Он был сегодня странным образом выбит из колеи своего обычного распорядка дня.

J-n in seine Zähne (индивид. употр. вместо *Klauen*) *bekommen-* забрать в свои лапы кого-л.: *Ich nahm mich jetzt vor ihm etwas in acht, damit er*

mich nicht wieder in seine Zähne bekam. (Н. Marchwitza, „Meine Jugend“) Я стал теперь остерегаться его, чтобы не попасть снова к нему в лапы.

Н.М. Шанский указывает, что определенная часть фразеологизмов образуется по аналогии, они появляются в речи всегда как новообразования и связаны в своем появлении со стремлением более ярко и выразительно назвать то, что в языке было уже названо. При данном способе фразеобразования сохраняется структура (точнее – модель), а в ряде случаев и лексический компонент общенародного фразеологизма.

Речевое творчество писателя, как и языковое творчество народа, многообразно и многосторонне: необработанная стихия народной речи под пером писателя преобразуется в литературный язык. Писатель подмечает удачное, меткое слово и со страниц своей книги пускает его в общий оборот; употребляя обычное слово в переносном или необычном значении, он придает ему новый смысл, который может закрепиться в общем употреблении. Наконец, писатель создает такие речевые обороты и смысловые формулы, которые свободно выхватываются из текста его стихов или прозы и начинают жить в языке народа рядом с пословицами, поговорками и подобными им устойчивыми сочетаниями слов, представляя собой выразительные богатства национального языка и пополняя его идиоматический запас.

Писатель «чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами». Именно этим и обусловлено претворение созданного писателем в общенациональное языковое достояние, и в силу этого так называемые «готовые способы выражения», обязанные ему своим возникновением, начинают употребляться в языке уже независимо от их автора.

Литература:

- Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л., 1970.
Бинович Л.Э. Немецко- русский фразеологический словарь. – М., 1975.
Duden. Redewendungen. Duden Band 11. Dudenverlag Mannheim/ Leipzig/Wien/ Zurich 1998.
Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1963.

Нәбиуллина Г.М., Өфө к.

XXI БЫУАТ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТ ЯЗМЫШЫ

Ер йөзөндә байтак дәүерзәр элек мазәниәт барлыкка килеп, ул кешеләрзән материал Һәм рухи донъяһында сағылыш таба. Йәмғиәттен дейөм мазәни кимәле кешеләрзән үз-ара мөнәсәбәттәре аша ла бик якшы күренә. Советтар осоронда В.В. Маяковский өй-рәткәнсә, бала үз аллы, тотанаклы шәхес булып үсән өсөн ул якшылык менән яуызлыкты айыра белергә тейеш. Шулар уҡ вақытта былларзың барыһын да анлар, кеше булып форма-лашыр өсөн халыктың мазәниәтен, уның уның төп киммәттәрен үзәнә туплаган мөһиттә дә булыуы фарыз. Горбачевтың үзгәртеп короузарынан һуң, үткәнә-беззе кара буяузарза ғына күрергә тырышыусылар һаны, кызғаньска каршы, күбәйзе. Был хәл һағайта ла, сөнки “Уҡымьшлылыкты кырағайлыктан айырыусы һызат – ул үткәндәргә хөрмәт менән карау”, – тигән XIX быуаттың иң талантлы әзиптәренен берене А.С. Пушкин.

XXI быуатка аяҡ баһкандә әзәбиәттәң дә язмышы хәүефкә һала. Беренсенән, мәктәп программаларында әзәбиәт дәрестәренәң мотлак түгеллеге. Икенсенән, китап нәшриәттәренәң баһылған художестволы

эзэбиэттэн өс мен тираждан да артмауы. Өсөнсөнөн, языусы исеме артындагыларзын ниндэйзер айырым катлам кешеләренен ихтияждарын кәнәғәтләндрәүсә әсәрзәр языуы (был күренеш башкорт эзэбиәтендә әлегә тойолмай). Дүргенсенән, донъя, кеше тураһында укыусыға ниндэйзер яңылык илтәүсә, уны тетрәндерә, уйланырға мәжбүр итә алырлык, укығандан һуң рухи тазарынуы (катарсис) кисерерлек әсәрзәрзән һирәк язылыуы. Бишенсенән китап укыуылар рәтенен үтә лә һирәгәйеүе.

Һуңғы йылдарза Россия чиновниктарының илгә уйлап табыуылар түгел, кулланыуылар кәрәк, уйлап тапкандар барыбызға ла етерлек, эзэбиәт дәрестәре баланың вақытын ала тип раһлаузары, XXI быуатта компьютер, донъя селтәре, кешә телефоны менән ағыуланған үсмерзәргә рухи һәләкәт менән янай. Сөнки ата-әсәнән, мәктәптән, тәрбиәсенән, укытыуының ин тәүге максаты – кеше тәрбиәләү. Рухи культуранан, эзэбиәттән башка быны эшләү мөмкин түгел. Эштәр шул юсыкта дауам итһә, урта мәктәптә тамамлаған укыусы ижекләп кенә укыясак. Әйтелгәндәрзә донъяла булған, без күз төбәгән илдәр – Америка тарихындағы миһал менән нығытайык.

“Мәктәптәрзә һәм колледждарза языу буйынса Дәүләт комиссияһы шуны асығлай: 22% сығарылыш класс укыуылары башланғыс класс укыуыларынан насарырак язалар. Шул ук комиссия һөзөмтәләре буйынса, 44 миллион американы функциональ грамотаға эйә түгел (йәғни һүззә аңлайзар, әммә уларзы бергә бәйләй һәм текстан информация ала алмайзар), шуларзың бары 47% ғына касандыр художестволы китап укыған. Дарыузар тышындағы тәкдимдәрзә 30% американылар бөтөнләй аңламай. Йыл һайын мәктәптә тамамлауы 700 000 йәш кеше үзенә дипломын укый алмай...” [Гореловский].

Йырак та китеп йөрөйһө юк: быйылғы МГУ-ның журналистика факультетына унышлы БДИ (ЕГЭ) биреп инеүселәр араһында рус теленән диктант язғанда 80 хата ебәрәүселәр булған!?! Ер йөзөндәге был куркыныс тенденция кешелекте рухи деградацияға илтә. Үзенә дипломы тышына сығарылғанды укый белмәүсенән донъя мәзәниәте үшәнен ниндэйзер өлөш, кешелек тарихына яңылык индерер тигән уйза булыу ақлһызлык.

Китап магазины кәштәләрендә Рублевкала йәшәп ижад итеүселәрзән һәм үззәрен заман языуыһы тип танытыуылар әсәр-зәрә “почетлы” урындарзы ала, сөнки дәүләт карамағындағы китап нәшриәттәрәндә совет осорондағы кеүек китаптар күп тираж менән баһылмай. Үзәк матбуғатта йыш кына сифатлы һәм сифатһыз эзэбиәт тураһында бәхәстәрзә күрергә мөмкин. Бындай каршы-лығкы фекерзәр бигерәк тә 1991 йылда булдырылып, 92-лә тәү тапкыр тапшырылған дәләттеке булмаған Русский Букер премияһы тираһендә бик кызыу корола. Әйтеп үтелгән премия рус телендә ижад ителгән йылдың ин якшы романы өсөн тапшырыла. Авторзың кайза йәшәүе һәм китаптың кайһы нәшриәттә баһылыуы мөһим түгел. Уны булдырыузың максаты – рус эзэбиәте өсөн хас булған гуманистик киммәттәр системаһын раһлауы китапты һатыға бу-лышлык итеү, етди прозаға китап укыуыларзын игтибарын йәлеп итеү. 2001 йылдан башлап Букер конференцияһы үткәрелә, уның материалдары “Вопросы литературы” журналы биттәрәндә баһылып тора.

“Массаға йүнәлтелгән һәм элиталы культура була. Тәүгеһе үзе-нен әрһезлеге менән айырылып тора. Элиталы культура, элиталы бойзай кеүек, якшы караузы һәм мөнәсәбәтте талап итә. Юғиһә баһыуы сүп үләне баһасак. Ысын культураны тәрбиәләп үстәрергә кәрәк” [Шемшученко, 2009], – тигәйне Рус музейи директоры Владимир Гусев үзенән Владимир Шемшученкоға биргән интервьюһында.

80-се йылдар азағындағы 90-сы йылдар башындағы үзгәртеп короузарзы ижади интеллигенция зур өмөттөр менән каршы алды. Ысынлап та ижад кешеһе өсөн зур мөмкинлектәр асылды, шул вақытта ирек кешеләр анына бәйһезлек: экстремизм, терроризм, әхлакһызылҡ кеүек төшөнсә буларак оялап алды. Был тенденцияның хәуәфле яғын бөгөн һәр ерзә, һәр өлкәлә күрергә мөмкин. Бер яктан карағанда мәзәниәткә ихтирамлы караш тойолған кеүек булһа, икенсе яктан телеэкранда ыргандап, һикрәндәп, ауызына нәмә тура килә, шуны һөйләп тороузы культура тип һанаузар йышайзы.

Әзәм балаһы ла өсөнсә үзенән тәртипһезлеге менән ата-әсәһән көйзөргәнән аңлай. Шунһыһы үкенесле, бөгөнгө массаға йүнәлтелгән культураны булдырыуһылар “псевдо-ижади” эштәре өсөн бер кем алдында ла яуап бирмәйзәр. Демократия ирек бирзә. Был тиклемде без күтәрер хәлдә түгел инек. Ватандаштарыбыздың тәртибе билдәлә мәсәлдәге күзлек табып, уны кайза куйырга белмәгән маймылды хәтерләгә. Авторитар-бюрократик системанан коткарып, ирек бирергә уйланылар, ә без уны ни эшләттек? Иректә бәйһезлек менән бутап, асыктан-асык үзебез менән һоклана башланыҡ. Ирекһеззән Эрһик Фром раһлаузары иһкә төшә, әхлакһезлек тамырзарының сығанағы кешенең азат булығында.

Быуат азағындағы культура өлкәһәндеге революцияны быуат башындағыһы менән сағыштырһаҡ, Ленин беззән отошлораҡ хәлдә кала. Сөнки уның һөзөмтәһе булып халыҡ мәғәриф системаһының, фәндең күтәрелеше тора, дөйөм һазанлыҡ юк ителә, мәктәп, вуздар һаны арта, әзәбиәт менән мәзәниәт формалашуына зур игтибар бирелә. Бөгөн шулардың тап киреһән күрәбез: мәктәптәр, юғары укыу йорттары, мәзәниәт усақтары ябыла, укырга онотоп барабыз, әхлак менән бәйһезлек сиктәрен айыра белмәйбез, кешеләр араһындағы мөнәсәбәт культураны түбәнгә тәгәрәй.

Мәзәниәт кешелекһез була алмай. Бөгөн зәнгәр экрандарза үзен”йондоз”, рәсәй элитаһы тип һикрәндәүселәр мәзәниәттәге милли традициялардың тамырын, әхлаки идеалын юкка сығаралар. Башка яулық ябынғандан ғына кеше мололман булып китмәгән кеүек, театр кейеме кейендереп кенә милли үзәң тәрбиәләп булмай. Шундай ауыр шарттарза балаларзы кеше итергә: һәр балала әхлаки стержнь булдырырга тейеш бөгөнгө укытыуһылар, ата-әсәләр һәм, әлбиттә, беззән милли әзәбиәт.

Ысын ижадсы үз һөнәрәнә кәһәп итеп карарға тейеш түгел. М.Горькийдың һеройы: “Әйе, әйе, Степа, әзәбиәт тормоштан айырылды, халыҡа хыянат итә; хәзәр тук кешеләр өсөн матур бушкыуығтар язалар. Дөрөһлөктә тойомлау юғалды”, – ти. Дөрөһлөктә юғалтһаҡ, кеше мораль ғына түгел, физик планда ла юкка сығасаҡ. Һуңғы йылдарза, совет осорондағы кеүек, языуһыны ирекһезләгән кыһалар булмаһа ла Һ.Дәүләтшина, З.Биһшева, Ф.Иһәңғолов

романдары, М.Кәрим, Р.Фарипов, Р.Назаров шиғырзары ише әсәрзәр һирәк күренеш. Укысыны уйландырырлык, елегенә үтерлек итеп язырға һәләтлеләрзе күреү, тәрбиәләү, үстереү — безҙен изге бұрысыбыз.

Әҙбиәт:

Гореловский Г. Клон по имени ЕГЭ //Литературная газета, 27 мая–2 июня, 2009, №22.
Шемшученко В. Вне суеты и выгод //Литературная газета, 18–24 февраля, 2009, №7.

Омакаева Э.У., г. Элиста

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-04-00449а)

В настоящее время лингвисты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН совместно со своими коллегами из Калмыцкого государственного университета работают над созданием академической грамматики калмыцкого языка, первый том которой посвящен описанию фонологии, морфологии, словообразования, второй - синтаксической системы, третий - словарного состава языка. Параллельно ведется работа по написанию исторической грамматики калмыцкого языка с аналогичной структурой.

Известный специалист по калмыцкому языку проф. Г.Ц. Пюрбеев пишет: «Перед калмыковедами стоит важная и ответственная задача — создать «Академическую грамматику», которая станет первым системным и самым полным научным описанием грамматического строя калмыцкого языка» [Пюрбеев 2003]. Далее ученый совершенно справедливо отмечает, что предыдущая грамматика калмыцкого языка, вышедшая в свет в конце 70-х — начале 80-х гг. XX века, во многом перестала отвечать требованиям общей и частной теории языка. Являясь крупным достижением калмыцкого языкознания того времени, этот труд носил формально-описательный характер и отражал традиционные взгляды на калмыцкую грамматику. Традиционный подход, основанный на изолированном изучении грамматических явлений калмыцкого языка, не позволил дать систематическое и единообразное освещение разнообразных языковых фактов. Настало время научного осмысления уже известных грамматических явлений, но на основе единой, последовательно выдерживаемой концепции. Основой для создания новой грамматики калмыцкого языка должно стать интегративное описание языка, предполагающее единство грамматики, семантики и лексики.

Отличительной чертой новой грамматики является ее многоаспектность, т.е. наряду с собственно грамматическим аспектом (морфологией и синтаксисом) рассматриваются фонетический строй и лексика языка. Это нетрадиционный подход к грамматическому описанию, но он неизбежен.

Грамматический и лексический строй калмыцкого языка изучены крайне неравномерно. Поэтому перед авторами встают задачи, требующие большой исследовательской работы. В настоящем докладе нами предпринят анализ наиболее дискуссионных вопросов калмыцкого синтаксиса в общетеоретическом плане. Постановка такой задачи вполне правомерна и даже необходима в качестве

предварительного условия для плодотворного описания синтаксиса на конкретном материале.

Краткий обзор калмыковедной литературы по интересующему нас вопросу заставляет констатировать, что многие проблемы синтаксиса предложения остаются открытыми. А проблемы синтаксиса текста, за некоторым исключением, вообще не разрабатывались.

К сожалению, в калмыцком языкознании синтаксическая проблематика представлена небольшим количеством работ. Если обратиться к соответствующей литературе, то можно увидеть, что первое монографическое исследование на эту тему (автор У.У. Очиров) появилось только в 1964 г. [Очиров 1964], а спустя почти 15 лет вышли в свет две книги Г.Ц. Пюрбеева как часть «Грамматики калмыцкого языка», в которой дается описание синтаксического строя калмыцкого языка [Пюрбеев 1977; 1979].

Но со времени выхода первого тома этой книги прошло более тридцати лет. За этот период накоплен новый богатый материал, и, следовательно, обогатились наши сведения о языке; грамматическая теория также значительно продвинулась вперед; кардинально изменилась методика научных изысканий, произошли определенные изменения в сфере языковых норм. Для описания многих языковых явлений некоторые классические понятия оказываются неадекватными. Все это сделало актуальной задачу подготовки и издания новой академической грамматики. Помимо упомянутых грамматик, проблемам синтаксиса посвящены кандидатские диссертации Д.А. Сусеевой, В.Н. Мушаева, Э.У. Омакаевой, Б.Э. Убушиевой, а также докторские диссертации и монографии Г.Ц. Пюрбеева, В.Н. Мушаева.

История изучения синтаксиса калмыцкого языка показывает, что в калмыцкой грамматической науке разрабатывались такие традиционные проблемы, как типы синтаксических связей, типы предложений, единицы синтаксиса, порядок слов и т.д. Синтаксис состоял как бы из двух разделов: теории членов предложения (слов, словосочетаний, т.е. элементов меньше предложения) и теории предложения. Соответственно выделялись две синтаксические единицы: член предложения и предложение, причем последнее считалось центральной единицей. Естественно, не все синтаксические вопросы, поставленные ранее в трудах наших предшественников, получают свое разрешение, но многие выводы и обобщения типологического характера могут оказаться полезными для дальнейших исследований в этой области. В то же время некоторые положения нуждаются в определенном развитии и корректировке. И это вполне закономерно.

Между языковыми единицами разных уровней может быть установлена определенная общность, найдены параллели. Так, предложение, традиционно считающееся основной единицей синтаксиса, как и слово, имеет свою собственную парадигму. Основным методологическим приемом должно стать совмещение лексикологического и грамматического подходов к языковому материалу: от лексического класса к синтаксическому и наоборот. Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что полноценное описание классов слов (в первую очередь глагола) невозможно без обращения к

синтаксису. Так, например, по мнению Ю.С. Степанова, “полная классификация глаголов должна найти себе место в разделе о предложении” [Степанов 1981, 115].

Современные синтаксические исследования отличает интерес к семантической стороне предложения. Обращение синтаксиса к семантическим проблемам было вызвано пониманием, что синтаксические процессы нельзя рассматривать в отрыве от передаваемого смысла и коммуникативных задач. Осознание необходимости рассмотрения коммуникативной структуры предложения составляет характерную черту современной синтаксической науки, отличающую ее от науки прошлого. Можно говорить не только о семантике предложения, но и о семантике других языковых единиц (слова, морфемы), поскольку все они либо обладают значением, либо обслуживают значимые элементы. Но когда мы говорим о семантике как особом, самостоятельном компоненте языка, то имеем в виду лишь содержание предложения. Традиционная теория не выделяет семантику в качестве особого языкового уровня.

Синтаксис как лингвистическая дисциплина тесно связан с семантикой. Вместе с тем «синтактико-валентностные характеристики глаголов – факт грамматики, синтаксиса (хотя они должны быть отражены и в словаре), а семантические роли – принадлежность лексики, словаря» [Касевич 1996, 240], что и указывает на необходимость комплексного исследования, основанного на системном, интегративном функционально-семантическом описании синтаксиса калмыцкого языка.

Таким образом, представляется, что подход к изучению синтаксических явлений должен быть основан на четком разграничении языковых уровней и в то же время понимании, ясном осознании их иерархической взаимозависимости. Таким интегрирующим фактором служит языковая семантика, пронизывающая разные подсистемы языка. Речь идет не только о лексической семантике, но и словообразовательной, грамматической (в том числе синтаксической).

Переход от морфологии к синтаксису является новой ступенью в изучении грамматического строя языка, поскольку синтаксис тесно связан с закономерностями построения связной речи (текста, высказывания). В ведении синтаксиса, как известно, находится характер синтаксических единиц в системе и правила их функционирования. Иначе говоря, синтаксис можно определить как раздел грамматики, изучающий закономерности сочетания слов, образующих предложения (высказывания), а также включения высказываний в более крупные единицы – микротекст (сверхфразовое единство, абзац) и макротекст.

Поэтому новое описание синтаксиса должно включать, на наш взгляд, и теорию текста (единицы больше чем предложение), соответственно должно пополниться и число синтаксических единиц. Причем, если основываться на вербоцентрической концепции предложения, в качестве базовой, основной единицы синтаксиса следует признать не предложение, а элементарную синтаксическую конструкцию, состоящую из более мелких единиц – синтаксем,

обосновать на материале монгольских языков (халха-монгольского и калмыцкого) правомочность выделения такой языковой СФЕ, как абзац, посредством анализа его внутренней и внешней структур

Таким образом, разрабатываемый нами функционально-семантический подход к синтаксису позволяет значительно расширить традиционную проблематику за счет семантического синтаксиса и лингвистики текста. Выход синтаксиса за пределы предложения способствует в значительной степени развитию теории текста в целом, поскольку текст является объектом исследования и литературоведов, и философов, и культурологов.

Дискурсивная модель описания текста и языка в целом предполагает несколько иное понимание синтаксиса: не только внутрифразовые отношения слов и предложений, но и сверхфразовые. Понимание того, что речевая коммуникация осуществляется с помощью высказываний (текстов), а не предложений, привело к смене исследовательской парадигмы. Сегодня можно, пожалуй, говорить о существовании двух моделей описания языка: традиционной и новой, дискурсивной.

Выход синтаксиса за пределы предложения ни в коей мере не означает, что проблема предложения полностью решена. Наоборот, необходимо по-новому осмыслить природу синтаксических единиц. Как пишет Р.А. Будагов, «нельзя изучать «сцепление предложений», не изучая самих предложений, их особенностей и их структуры» [Будагов 1979, 15].

Литература:

- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. — СПб., 1996. С. 240.
Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. — Элиста, 1964.
Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста. 1977; Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979.
Пюрбеев Г.Ц. Рец. на «Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. (Вып. 1. Под ред. Тенишева Э.Р. и др. — М.-Элиста, 2002) // Известия АН. Серия лит. и яз., 2003. Том 62, № 4. С. 67-70.
Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. — М., 1981.

Орус-оол С.М., г. Кызыл

ЭПИЧЕСКИЙ РЕПЕРТУАР БААЗАНАЯ

Проблема личности сказителя и его исполнительского мастерства, отношение эпического певца к традиции в тувинском эпосоведении не изучены. Дошедшие до нас сведения о сказителях скудны. В дореволюционный период, а также в 40-60 гг. собиратели фольклора не фиксировали сведения о певцах, их характеристики, живые портреты, исполнительскую манеру сказителей, даже не всегда записывали их год рождения. Один из собирателей тувинского фольклора профессор Шулуу Чыргал-оолович Сат, участвовавший в фольклорной экспедиции в 1950 г. в Улуг-Хемском районе, с сожалением писал по этому поводу, что «тогда мы, к сожалению, не записывали биографию и репертуар сказителей, а нашей задачей была только запись сказок и героических сказаний» [Сат 1994, 9].

В наше время собиратели и исследователи устного народного творчества стали проявлять большой интерес к творческой

индивидуальности, художественному стилю и манере исполнения отдельных создателей и носителей фольклорных произведений.

Талантливые сказители широко известны по всей Туве. По свидетельству очевидцев, таким сказителем был и выдающийся певец Баазанай Халдаевич Тюлюш, у которого учились многие улуг-хемские тувинцы.

Тюлюш Баазанай Халдаевич родился в 1890 г. в селе Торгалыг Улуг-Хемского района в семье бедняка. Умер после тяжелой болезни в 1951 г. Был охотником, скотоводом, участником освобождения монгольского города-крепости Кобдо от маньчжуро-китайских колонизаторов (1912 г.). Не имея возможности получить школьное образование, Баазанай в то же время владел монгольским разговорным языком. Будучи одаренным от природы, он мастерски владел национальными музыкальными инструментами дошпулуур, чадаган. Отличный знаток тувинского фольклора, обычаев и обрядов, исполнитель народных песен. На праздниках жертвоприношения и коллективных молениях, связанных с местами обитания духов персонажей местных пантеонов, именуемых обо и буга дагыыр, увлекался тувинской борьбой хуреш, играл в национальные игры, в частности в бабки кажыки.

В возрасте 10 лет, решив стать сказителем, поехал к дяде Донгаку Конгаржыку в другой район (ныне с. Торгалыг Овурского района). По словам очевидцев, Донгак в течение одной зимы рассказывал 331 сказку и эпос баю Сотпа Мээрену, у которого он батрачил, и за это получил в подарок лошадь.

Юноша жил у Конгаржыка три года, помогал ему пасти скот, а вечерами и ночами слушал эпические сказания, запоминая их. Утром, выпасывая овец, тайком пересказывал про себя только что услышанное произведение, подражая своему родственнику. Благодаря исключительной памяти, он освоил почти весь репертуар Конгаржыка и в 16 лет стал известным сказителем под именем Тоолдаар – “Рассказывающий сказки”. Это имя-прозвище, данное Баазаная народом, свидетельствует о признании его большого таланта. Чтобы послушать его сказания, к нему приезжали и молодые, и старые, его приглашали во все отдаленные населенные пункты республики. Сказительством занимался он до самой смерти.

По словам профессора Ш.Ч. Сата, «Баазанай был порядочным, мудрым, очень скромным человеком. Старше 60 лет, среднего возраста, худощавый, жилистый, смуглый, морщины на лице проведены горизонтальной и прямой линией, словно узоры кожи. Когда я сказал о его морщинах писателю Сарыг-оолу, он говорил: «Это свидетельствует о гениальности его ума».

Баазанай прошел трудную жизнь. Я думаю, что имя Баазаная Тюлюша, его слава должны стоять в одном ряду с казахским акыном Джамбулом Джабаевым, известным киргизским сочинителем фольклора Токтогулом Сатылхановым, дагестанцем Сулейманом Стальским, сказочником Урала П. Бажовым» [Сат 1994, 10].

В дальнейшем, став профессиональным сказителем-тоолчу, Баазанай обучал своему искусству молодых людей, решивших стать певцом героических сказаний и сказок. Автору данной статьи

посчастливилось работать с одним из учеников Баазаная – Сарыг-Шыбыром Кыргысовичем Баштак-оолом (1919-1986 гг.), проходившим специальное обучение у своего учителя. Учеба или процесс овладения эпическими знаниями, по его наблюдениям, состояла в постоянной тренировке памяти, внимательности, запоминании усвоенных сюжетов, художественных выражений, общих мест и эпических формул только что услышанного произведения. Несмотря на усталость, после выпаса скота Баштак-оол вечерами подолгу внимательно слушал новое произведение своего учителя Баазаная; запоминал каждый эпизод, поэтический язык повествования, даже мимику и жесты своего учителя. Затем на другой день исполнял на пастбище услышанное произведение слово в слово, про себя повторяя, восстанавливая и проговаривая вслух. Запомнив наизусть таким образом несколько эпических произведений, впоследствии постепенно освоил почти весь репертуар Баазаная. Только после этого он смог выйти к большой публике и стоять перед строгой аудиторией. С каждым новым исполнением укреплялась его уверенность в себе, расширялся репертуар, росло мастерство. Нередко случалось так, что тонкий и опытный психолог, отличавшийся наблюдательностью, Баазанай мог прервать свое выступление в середине повествования, ссылаясь на то, что будто бы забыл некоторые красочные места повествования, и попросить ученика продолжить исполнение. «Если я начинал без запинки и хорошо рассказывать сказку дальше, он очень радовался, а когда начинал иногда путаться в некоторых местах и они получались корявыми, он останавливал меня, подсказывал, как лучше передать ту или иную часть повествования, и тут же заставлял повторить ее» [Орус-оол 1994, 7], – вспоминал его ученик Баштак-оол. Когда его исполнение удовлетворяло Баазаная, он подбадривал: «Видишь, очень хорошо запоминаешь!» [Орус-оол 1994, 7]. Эти слова признанного певца вселили уверенность и вдохновение в Баштак-оола, и он решился сам исполнить героические сказания перед публикой.

По рассказу С. Баштак-оола, при обучении сказыванию эпоса ученик должен был стараться передать эпическое произведение так, как воспринял его от своего учителя. Сам он прежде всего усваивал содержание, имена персонажей, названия мест, где происходило событие, только после этого тщательно осваивал поэтические описания. По его утверждению, во время исполнения сказания «Бораадай-Мерген» при таком проверочном сказывании, по заключению его учителя Баазаная, допустил всего пять ошибок, касающихся в основном названия эпических топонимов.

Благодаря огромному таланту и силе поэтического дара, Тюлюш Баазанай пользовался глубоким уважением и авторитетом не только среди слушателей, но и молодых сказителей-учеников. Поэтому влияние его на начинающего сказителя было очень сильным и заметным.

В дальнейшем его ученик, современный сказитель С. Баштак-оол, усвоивший большую часть сказочного и эпического репертуара, стал широко известен в народе. Он хорошо знал не только тексты героических сказаний, но и мелодии каждого эпоса своего учителя Баазаная. Об этом свидетельствует прилагаемая к тому «Тувинские героические сказания» серии «Памятники фольклора народов Сибири

и Дальнего Востока» пластинка с некоторыми фрагментами в исполнении Баштак-оола Сарыг-Шыыра, которая дает уникальную возможность услышать его голос. Баштак-оол пел эпические сказания с широкой улыбкой, негромким голосом. Он закрывал глаза, когда рассказывал об отпращивании героя в дальний путь; описание сражения богатырей сопровождал мимикой и жестами; качался в такт ритмике происходящего события в эпосе. Как и свой учитель, все эпические сказания он пел речитативом, без музыкального сопровождения.

Кроме С.Баштак-оола, учениками Тюлюша Баазаная были известные в Туве современные сказители Д. Кыргыс, А. Чульдум-оол, Х. Дажы-Билбии, В. Хуурак, Т. Бегзи и другие.

Баазанай Халдаевич Тюлюш внес значительный вклад в развитие тувинской фольклористики. Он в одинаковой мере мастерски знал и исполнял все жанры тувинского фольклора, в том числе помнил наизусть 70 значительных по объему героических сказаний, среди которых такое огромное произведение, как «Кезер-Мерген» (тувинский вариант «Гэсэра»), и 20 сказок (средний репертуар современного эпического певца включает примерно 20-30 героических сказаний).

Только 30 из них были записаны собирателями от руки (в то время в Туве не было магнитофона). По воспоминаниям детей сказителя, перед смертью с искренним и глубоким сожалением Баазанай Халдаевич говорил о том, что «не смог до конца рассказать Советской власти все, что знал. Я рассказал собирателям только короткие произведения, из-за этого я остался недовольным собой. Эту мечту теперь я никогда не осуществлю из-за тяжелой болезни» [Сат 1994, 10].

Тюлюш Баазанай обладал красивым сильным голосом. Ему была присуща живая манера исполнения, отличающаяся музыкальностью и артистизмом. Все эпические сказания и некоторые виды сказок он исполнял песенным речитативом, без музыкального сопровождения (так практиковалось в Туве). Только эпос «Кезер-Мерген» рассказывал без пения. «Кезер-Мергена» нельзя петь, а нужно рассказывать» [Орус-оол 1994, 6], — говорил он своему ученику С.Баштак-оолу. Имеются сведения о том, что он пересказывал тридцать две ветви «Кезер-Мергена» в течение тридцати двух дней подряд, заканчивая в один вечер за один прием одну ветвь данного эпоса.

Репертуар Баазаная состоит из следующих тувинских сказок и героических сказаний: «Богатырь Найгы-Майгы», «Хан-Тогулдур», «Далай-Байбын хан», «Богатырь Кара-Хавырга», «Конгар-Баадай», «Хоокуй-Кара», «Борадай-Мерген», «Кангывай-Мерген», «Со старшей сестрой Аваа-Чечен и с младшей сестрой Ангыр-Чечен», «Алдын-Чаагай», «Чангыс-Карыш с конем Чаваа-Кылбын», «Арбыган-Аастыг Ангаш», «Маны-Самбы хан», «С девятью сыновьями старуха Токтагана», «Старик Боралдай», «Старик Адыган», «Хан, который нашел власть», «Боралдай-Хан с конем Бора-Шокар», «Силач Улуг-Кара», «Хан-Тогус», «Старик Арбынкай с конем Арган-Кула», «Одинокий Кагжыр-Кара хан», «Аралбай Эге-Хан», «Храбрый из богатырей молодец Хурегечи-Мерген», «Кезер-Мерген», «Алдын-Чаагай», «Багай-оол», «Лама Кара-Удургу», «Силач Ак-Чаан», «Бойду-Эртине хан».

Причем для каждого случая у Баазаная имелся определенный репертуар. Так, например, похоронному ритуалу соответствовали лишь

некоторые произведения героического эпоса. Сидя возле покойника всю ночь и не смыкая глаз, Баазанай рассказывал только такие длинные богатырские поэмы, как «Ара-Малчын-хан с тремя ханшами» и «Чадан-Ноян-хан». Героические сказания воспроизводились накануне погребения для того, чтобы нечистая сила не навредила жизни остальным членам семьи и в потустороннем мире покойнику жилось хорошо.

Баазанай Тюлюш рассказывал героические сказания иногда “самому себе”, особенно на охоте. Такой момент в творческом процессе тувинских сказителей продиктован не только стремлением восстановить в памяти сказание, но и попыткой повлиять магией слова на духов-хозяев тайги для успеха на промысле. Во время охоты он любил исполнять богатырскую сказку «Караты-Хан с золотой дочерью» и считал, что именно она приносила ему удачу на охоте, что именно ее любила слушать дух-хозяйка тайги.

У тувинцев существовали выработанные временем традиции, определенные этические нормативные установки как для сказителей, так и для слушателей. Каждый из них при этом знал правила поведения во время исполнения фольклорных произведений и не нарушал их, потому что нарушение традиционных норм поведения могло повлечь наказание. Запрещалось, например, рассказывать эпические произведения днем (обычно героические сказания исполнялись в зимние вечера); начатое сказание о богатырях нельзя прерывать где-нибудь в середине повествования, нужно доводить его до конца или закончить в один вечер какую-нибудь часть или сюжет повествования; нельзя спать во время исполнения — считалось, что сказитель боится сонливого человека. Существовало даже поверье, что у того, кто спит во время слушания эпоса, жизнь сокращается и т.д.

По свидетельству односельчанина и ученика Баазаная С.Баштак-оола, если героическое сказание растягивалось на всю ночь и слушатели вскоре засыпали, не дослушав до конца, в основном из-за усталости после дневной работы, Т. Баазанай неукоснительно придерживался правила: «нельзя прерывать повествование где-нибудь в середине, нельзя оставлять, не завершив его»; напоминая об этом самому себе вслух, он подбрасывал в очаг топливо, варил чай, не прерывая исполнения.

Внучка Баазаная вспоминает: «Когда я была маленькой, мой дедушка, прежде чем начать свой рассказ, закрыв глаза, некоторое время сосредоточенно сидел молча, покачивался, скрестив ноги. Иногда, посадив меня на колени, с вечера до утра рассказывал длинные сказки. Слушая его сказки, я засыпала прямо на коленях у дедушки. Взрослые тогда говорили мне: «Не спи, сказитель боится сонливого человека» [Орус-оол 1994, 7].

Кроме вышеназванных произведений, в репертуаре Баазаная было очень много героических сказаний и сказок, которые знал сказитель, но собиратели не успели их зафиксировать.

Были подготовлены и изданы два сборника его сказок и героических сказаний на тувинском языке под названием «Сказки Баазаная» (составитель О.Дарьма) и «Далай-Байбын хан» (составитель С.Орус-оол).

Самобытный талант, творческая индивидуальность, исполнительское мастерство Тюлюша Баазаная наиболее ярко проявляются

прежде всего в героическом эпосе, поэтому он является любимым жанром и основным костяком в его репертуаре.

Для традиционного стиля и творческой индивидуальности Баазаная характерна своеобразная реализация им эпических формул и типических мест, которые он применяет в нужных местах эпоса, вплетая в общую канву повествования.

Характерно, что каждое произведение как в исполнении одного и того же сказителя, так и в разносюжетных сказаниях одного и того же народа обладает определенным набором типических мест. У каждого этноса имеется своеобразная, самобытная поэтическая фактура, в том числе специфические особенности устойчивых формул и стилистических клише, отражающие этническую, социальную, географическую специфику условий жизни народа. К таким типическим местам в тувинских героических сказаниях относится и описание горлового пения.

На примере текстов героических сказаний сказителя Тюлюша Баазаная можно представить эпические формулы, имеющие темой горловое пение. Они характерны и для репертуара других тувинских исполнителей.

Поэтическому стилю Баазаная присущ свой фонд таких описаний. Они разнообразны по своему составу и содержанию. Сказитель по-разному использует их, варьируя не только в пределах одного эпического произведения, но и в сказаниях с другими сюжетами, отличающимися друг от друга. Сами типические места и эпические формулы, являясь внешне простыми, обладают глубокой традиционной семантикой и полнотой функции. Композиционным стержнем традиционной формулы, связанной с горловым пением, является психологическое состояние героя – печаль, тоска, скука или, наоборот, удовлетворение и радость.

Рассмотрим несколько примеров эпической формулы из репертуара Тюлюша Баазаная. В героическом эпосе «Конгар-Баадай», она выглядит так:

Кок дээрни хоккугайндыр, Кара черни хаккыгайндыр, Хоомейлеп олуруп-тур.	Синее небо загремело, Черная земля сотрясалась - Так стал исполнять хоомей.
---	---

[Далай-Байбын хан 1994, 73].

А в эпосе «Кангывай-Мерген» в исполнении Баазаная эта формула имеет два совершенно разных варианта. В первом случае горловое пение поет не богатырь, а четыре его брата:

Шьяан ам, дорт альшыкы Бянгылыг ырын ырлажып, запеая,	Шьяан ам, четыре брата Заунивную песню свою
---	--

Хоомейин хоомейлежип турган. Хоомей свой исполняли. тыва маадырлыг тоолдар

[Тувинские героические сказания 1990, 218].

Во втором случае в этом же эпосе главный герой Кангывай-Мерген, возвращаясь с удачной охоты, исполняет два стиля горлового пения – хоомей и каргыраа:

Кок дээрни хоккуледир хоомейлеп, Кара черни кангырады каргыраалап... Напевал хоомей так, что синее небо загремело, Напевал каргыраа так, что черная земля сотрясалась... [там же, 228]

Приведенная выше формула перекликается с первым примером из эпоса «Конгар-Баадай»; общим в них является описание того, что от

исполнения горлового пения синее небо гремит, а черная земля сотрясается.

В следующем сказании Баазаная — «Найгы-Маадыр» — эпическая формула, выражающая хоомей, подобна формуле из сказания «Каннгывай-Мерген»: “Бянгылыг ырлап, хоомейлеп чоруп орган. — Зау-нывно запевая, хоомей исполняя, ехал” [Далай-Байбын хан 1994, 18].

Такие же формулы имеются не только в эпических произведениях, но и в волшебных сказках, записанных от сказителя Тюлюша Баазаная. Так, например, в волшебной сказке «Оскюс-оол с престарелой ма-терью» три раза встречается сказочная формула, отражающая горловое пение, причем повторяется в ней, кроме каргыраа, другой его вид — сыгыт: Оскус-оол... Сыннар бажын сырынналдыр ырлап, сыгыртып, каьттар бажын кааладыр каргыраалап ... Оскус-оол...Заунывно пел песню /и/ сыгыт так, что с вершин гор подул ветер, исполнял каргыраа так, что с вершин отрогов завыл ветер.

Из приведенных примеров видно, что устойчивые формулы в волшебной сказке предстают в ином словесном оформлении, чем в эпосе. Они употребляются не только во время описания дальнего пути Оскус-оола, но и предназначены для сказочной золотой дангыны, вызывая, в свою очередь, ее чувства любви к герою.

Подобные формулы имеются не только в героических сказаниях Тюлюша Баазаная, но и в произведениях других сказителей. Причем каждый сказитель по-своему реализует эпические формулы, подчиняя их сюжетно-композиционному строю исполняемого произведения. В разносюжетных сказаниях эпического певца Баазаная они употребляются при разных обстоятельствах, в частности и для выражения душевного состояния персонажей.

В результате сравнительной характеристики эпических формул, описывающих горловое пение, выясняется, что семантическое значение их оказывается идентичным, а его словесное воплощение варьируется, видоизменяется, что объясняется особенностью локального и индивидуального своеобразия эпического певца. Оно сохраняется в памяти сказителя и воспроизводится при каждом исполнении, прежде всего, за счет сохранения определенной опорной системы, комплекса традиционной поэтики и стиля.

Литература:

- Сат Ш.Ч. Мои светлые воспоминания (к столетию сказителя Баазаная) // Далай-Байбын хан /Сост. С.М. Орус-оол. — Кызыл, 1994.
Сказитель Баазанай // Далай-Байбын хан. /Сост. С.М. Орус-оол. — Кызыл, 1994.
Тыва маадырлыг тоолдар (Тувинские героические сказания) / Сост. С.М. Орус-оол. — Кызыл, 1990.
Далай-Байбын хан. /Сост. С.М. Орус-оол. — Кызыл, 1994.
Аксагалдай ашак (Старик Аксагалдай): Тувинские волшебные сказки. /Сост. З.Б. Самдан. — Кызыл, 1992.

Останина М. А., г. Горно-Алтайск

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ ‘ЧАСТЬ’ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о выражении паритивности в современной лингвистике является актуальным. Выявить все средства выражения смысла ‘часть’ в каком-либо из языков означает определить весь спектр языкового преломления данного смысла для конкретного языка. Категория

партитивности на материале алтайского языка мало изучена. В задачи данного исследования входит определение областей алтайского языка, в которых имеет место реализация партитивной семантики, а также изучение конкретных способов её репрезентации.

Под партитивностью понимается семантическая категория, раскрывающая восприятие объектов действительности через отношение *часть-целое*. В результате языкового переосмысления целые объекты подвергаются расчленению на части. Исследования Д. Круза [1986], Л.Б. Никитиной [2003] о языковом видении способов деления целого на части на примере строения человека показали сложность данного когнитивного механизма. К способам выражения партитивности главным образом применительно к вещественным существительным в алтайском языке нами относятся грамматические, словообразовательные, лексические и фразеологические средства. В данной статье мы остановимся на кратком описании грамматических, словообразовательных и лексических средств.

К грамматическим средствам выражения партитивности относятся использование партитивных конструкций и исходного падежа с именами существительными.

Нами было выявлено две разновидности партитивных конструкций в алтайском языке, приобретающих вид двух изафетных конструкций $Y=нын X=ы$ и $X=Ø Y=Ø$, где Y — вещественное существительное, а X — партитив, т.е. существительное, обозначающее часть или количество.

В основе партитивной конструкции вида $Y=нын X=ы$ лежит двухаффиксальный изафет. Соответственно это сочетание называется нами двухаффиксальной партитивной конструкцией и обозначает какую-либо часть целого. Первое имя в этом сочетании подчинено второму на основании управления [Убрятова 1950, 39] Отношение управления здесь выражается через аффикс родительного падежа у определения и релятивный аффикс у определяемого: *суунын тамчызы* ‘капля воды’, *сүттинг үсти* ‘верхний слой молока’. В двухаффиксальных партитивных конструкциях могут использоваться дополнительные члены — модификаторы и детерминативы: *суунын эки тамчызы* ‘две капли воды’, *оныг канынын тамчылары* ‘капли его крови’, *кызыл будуктын чичке чийими* ‘тонкая линия красной краски’.

В основе партитивного сочетания вида $X=Ø Y=Ø$ лежит безаффиксальный изафет. Соответственно оно называется нами безаффиксальным. Этот вид изафетной конструкции означает некую несчётную меру, в которой взято вещество. Партитив X в этом типе конструкции даёт представление о неточной единице измерения. Два существительных в конструкции $X=Ø Y=Ø$ связаны друг с другом посредством примыкания, и компоненты в ней морфологически не оформлены: (*бир*) *айак суу* ‘чашка воды’, (*бир*) *ууртам чай* ‘глоток чая’.

Перед первым существительным всегда необходим детерминатив. В качестве него выступают неопределённый артикль (см.: [Майзель 1957, 73]) (*бир казан мүн* ‘казан супа’), числительные (*тёрт айак кофе* ‘четыре чашки кофе’), указательные (*бу уурт сүт* ‘этот глоток молока’) и притяжательные местоимения (*оныг тамчы кан* ‘его капля крови’). Перед обоими членами в конструкции могут использоваться модификаторы: *бир болуштон жулектинг жулугу* ‘бутылка ягодного сока’, *бир шил бойы белетеген каймак* ‘банка домашней сметаны’.

Значение исходного падежа связано с идеей источника, которым является денотат существительного с формантом этого падежа. Фразы типа *сүттен* 'молока', *аракынаг* 'араки', *бир тамчы бу суунаг* 'капля этой воды' означают порции вещества, изъятые из целого.

К лексическим средствам выражения партитивного значения нами относятся лексика, в значение которой входит смысл 'часть'. Этот лексический слой может быть представлен словами разных частей речи. К ним относятся, например, существительные-партитивы (*арбын* 'большая часть', *арт* 'задняя часть', *бөлүк* 'часть', *болчок* 'штука, кусок', *кат* 'слой', *келтегей* 'половина (целого), один из пары', *дөн* 'лоскут', *түй* 'нижний слой', *уурт* 'глоток', *ууш* 'горсть, пригоршня', *үсти* 'верхний слой', *үй* 'драгоценная (лучшая) часть домашней утвари' и др.), глаголы с партитивным значением (*бөл-* 'делить, разделять', *кес-* 'резать, рубить, колоть', *оот-* 'ломать, разбивать', *үс-* 'рвать, срывать' и др.) и наречия (*бөлүктөй* 'частично', *кезектей* 'частично', *жарымдай* 'наполовину').

К словообразовательным средствам нами отнесены, например, отглагольные морфемы существительных *-м, -к, -бек* и их варианты: *ас-* 'готовить, варить' — *азым* 'малая порция достаточная на одну варку'; *амза-* 'отведывать на вкус, отламывать, отпивать' — *амзам* 'кусочек, глоточек'; *кес-* 'резать' — *кезим* 'часть чего-либо отрезанного, отрезок, кусок'; *тер-* 'собирать' — *терим* 'количество собранного, сбор', *жар-* 'раскалывать, рассекать' — *чарак* 'зерно, крупица'; *тил-* 'отдирать, раздирать на мелкие части, щепать' — *тилим* 'кусочек, ломтик', *тилбек* 'кусочек, ломтик'. Подобные дериваты фиксируют отношение «быть частью чего-либо» через отношение действия к его результату. При работе с данным материалом удалось выделить классы значений для полученных лексем [Останина, Янкубаева 2008, 97-98]: **а)** 'часть чего-либо, отделённая в результате совершения действия, выражаемого глаголом': *амзам, буулам, бөлүк, жарым* (в современном слове *жарым* значение глагола *жар-* угасло), *кезим, кезек, оодык, тилим, тилбек, тишитем, тоголок, тудам, үзүк, үзүм*, редк. образн. *чарак, чокчом*; **б)** 'часть чего-либо внутри объекта, которая приобретает границы при предполагаемом совершении действия, выражаемого глаголом': *жарым, бөлүк*; **в)** 'количество чего-либо, полученного в результате совершения действия, выражаемого глаголом': *кучак, саам, терим, тизим, тишитем, тудам, түрбек, түргек*, устар. *чокум, чымчым*; **г)** 'количество чего-либо, полученного в результате совершения однократного действия, выражаемого глаголом': *јудум, сүртүм, ууртам, ууштам*; **д)** 'количество чего-либо необходимое для совершения действия, выраженного глаголом': *азым, кайнадым, салым, чайнам*; **ж)** 'единица класса предметов; количество какого-либо вещества, представляемого как целостный объект': *болчок*.

Аффиксы *-лу, -ду, -ту* и их варианты, с помощью которых образуются отыменные прилагательные с семантикой обладания также причисляются нами к средствам с партитивным значением. В сочетаниях *кара көстөрлү* 'с черными глазами', *огош тумчукту* 'с маленьким носом' денотаты слов *көстөрлү* и *тумчукту* кодируются благодаря словообразовательным суффиксам *-лү* и *-ту* как неотторжимые (неотделимые) части (ср. с сочетаниями *кара көстөр бар*, *огош тумчук бар*, которые обозначают отторжимые части и возможны в очень узком контексте).

Представленный в данной статье материал показывает результаты исследования семантической категории партитивности в грамматике, лексике и словообразовании алтайского языка. Проведённая работа выявила, что системообразующий смысл этой категории — ‘часть’ — репрезентируется в алтайском языке через падежные суффиксы, изафетные конструкции, партитивную лексику, отглагольные словообразовательные морфемы *-м*, *-к*, *-бек* и отыменные морфемы прилагательных *-лу*, *-ду*, *-ту*. Данный список партитивных средств в алтайском языке является не полным, а вопрос о партитивности требует дальнейших исследований.

Литература:

- Мазейль С. С.* Изафет в турецком языке. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1957.
- Никитина Л. Б.* Образ homo sapiens в русской языковой картине мира. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. — С. 93 — 107.
- Останина М. А., Янкубаева А. С.* Словообразовательное значение отглагольных существительных с суффиксом *-к*, *-м* и *-бек* в алтайском языке // Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: Сборник научных статей. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. — С. 94-99.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. — М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950.
- Cruse D. A.* Lexical Semantics. — Cambridge Press, 1986.

Пермякова Т. Н., г. Якутск

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ ГЕРОЕВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Н. ЛУГИНОВА «РОЩА НУОРАЛДЖЫМА»

Литературное имя Николая Лугинова хорошо известно в России и за ее пределами. Его повести и рассказы переводили такие крупные писатели, как Семен Шуртаков, Петр Краснов, Владимир Карпов, Николай Шипилов. Плененные притягательностью писательского таланта, они не раз обращались к произведениям Николая Лугинова.

Его творчество началось в 1975 году с издания повести о студентах, о молодежи, которая так и называется «На Сергеляхе». В 1979 году Николай Алексеевич Лугинов написал социально-психологическую повесть «Роща Нуоралджыма», которая привлекла внимание читателей глубиной проникновением в национальный характер и раскрытием особенностей бытия якутского человека.

В повести многообразие человеческих судеб: многострадальная мать погибших воинов - бабушка Нюргуна, Майя — невеста погибшего дяди, мать Нюргуна, ставшая больной в тяжелые годы войны, отец мальчика, несущий ответственность и работающий за себя и за погибших, уехавший после войны учиться и оставшийся работать в чужих краях дядя Нюргуна Егор. Через их переживания и мысли, улавливаемые лирическим героем и обрисованные в ярких и зримых картинах, показывается «наполненная большим драматизмом жизнь военного поколения» [Васильева 2008, 73].

В центре повести Н. Лугинова — личность лирического героя, его духовная жизнь, нравственное формирование. Основная авторская мысль: человек начинается с осознания любви к малой родине — роще Нуоралджыма, сэргэ у родного очага.

В этом произведении автор развивает тему, начатую в якутской литературе Н.Е. Мординовым - Амма Аччыгыйа: это нравственно воспитывающая сила родной природы, домашнего очага. С родиной, с родимой землей связано у автора представление о самом дорогом в жизни человека.

Описывая деревенские пейзажи и предметы быта якутов, прозаик умеет найти то главное, что помогает раскрытию характера юного героя. Вот образ старой сэргэ - коновязи, которую поставил отец Нюргуна со своими братьями еще до войны. Ее назвали священной. Юный герой, рассказывая о ней, говорит: «для нас, якутов, сэргэ не просто два столба с перекладиной, к которым можно привязать коня, а нечто большее. Надо помнить: сколь велик пространством, столь и малочислен людьми наш северный край. От жилья до жилья где сто верст, а где и больше. И первое, что встречал путник, подъезжая к жилью, была сэргэ. Прежде чем войти в юрту, надо было привязать коня. И, привязывая коня, путник по сэргэ уже мог судить о хозяине.... Если у русских достаток и характер хозяина дома складывался в деревянной резьбе, которой он украшал наличники окон, у нас о богатстве и характере хозяина судили по богатству узоров на сэргэ. Сэргэ была у якута чем-то вроде личного знака, личного герба» [Лугинов 1981, 12].

Образ сэргэ в этом произведении раскрывает национальный характер, является символом бытия якутского народа. «...Сэргэ, как и люди, бывают счастливыми и обойденными счастьем. К счастливым сэргэ каждый день привязывают добрых коней молодые сыновья и приезжавшие издалека гости. Несчастные, как наша, одиноко стоят в вечном ожидании» [Лугинов 1981, 12].

Сэргэ у родных Нюргуна ассоциировалась с будущим. «Священную сэргэ поставил отец с братьями еще давно, задолго до моего рождения. Они поставили ее в первые дни войны, перед уходом на фронт, в знак того, что после войны построят здесь, на краю рощи Нуоралджыма, свои дома...» [Лугинов 1981, 11]. Однако война распорядилась по-своему: забрала пятерых братьев, а оставшиеся двое не смогли построить дом в родной роще и поэтому сэргэ стоит «печальным напоминанием о несбывшейся мечте» [Лугинов 1981, 12]. Но, несмотря на то, что «стоит она как горестный знак памяти, как безмолвный крик о задуманном и неисполненном», есть у нее желание: «...она ждет, когда вырасту я» [Лугинов 1981, 13].

Психологически тонко раскрывает писатель трепетный мир юной души ребенка, открывающего мир вокруг себя, наивную чистоту его устремлений. Главным «учителем жизни» становится для лирического героя самый близкий человек – бабушка, она преподает ему первые уроки подлинной нравственности, человечности, патриотизма [Литература Якутии на современном этапе 2001, 59].

Под раскинувшейся зеленым шатром березкой вспоминает бабушка о том, как она некогда проводила на войну семерых сыновей, из которых живыми вернулись только двое: «Реже вспоминала она погибших на войне сыновей. Реже не потому, что они начали забываться, - нет, бабушка, мне думается, помнила их каждый день, каждый час. Помнила молча, про себя. Так легче. Если же она заговаривала о ком-нибудь, начинала рассказывать о его детстве, о том, когда и что он сказал или

сделал, ей становилось тяжело. Она вдруг надолго умолкала и глубоко, прерывисто вздыхала, смотрела прямо перед собой неподвижными, полными слез глазами. И хотя я был еще совсем маленьким, но хорошо понимал — может, не столько умом, сколько своим детским сердцем — ее немую боль, ее безутешное горе...» [Лугинов 1981, 44]. Печаль оттого, что прожит уже человеком недолгий его век, оттого, что не дожидаться сыновей, — печаль эта не проходит. Но по лугу, что раскинулся за рошей, бегает теперь ее внук — босоногий семилетний мальчуган. И бабушка смотрит на него, словно на маленьких, рожденных заново ее погибших сыновей. Горечь воспоминаний о том, чего уже не вернуть, и сладостное ощущение отрадной тоски оттого, что жизнь не прерывается, продолжаясь во внуке, его восторженной радости и еще не понятной ему самому тревоге — все это, сливаясь, вызывает в душе светлое чувство легкой грусти, ощущение приобщения к вечному движению жизни.

Бабушка Нюргуна становится в повести своеобразным проводником в мир природы: она вводит его в этот прекрасный мир. «Все кругом живое и каждое дерево тоже. Да не все люди помнят это...» На вопрос внука, почему птицы прилетают в наш холодный край, она терпеливо объясняет: «они же здесь родились... Какая бы родина ни была, бедная или богатая, жаркая или холодная — нет без нее жизни ни человеку ни птице...» [Лугинов 1981, 31]. Бабушка учит юного героя видеть красоту окружающей природы и беречь ее. Красота природы в повести показана умелым описанием удивительной красоты роши Нуоралджыма, старой березы на поляне «... шумел в кронах деревьев налетавший порывами ветер, словно хотел разбудить еще не проснувшиеся ветки. Весело журчали ручейки. А откуда-то сверху, с самого неба им вторил радостный ручеек песни жаворонка. Все кругом дышало весной...» [Лугинов 1981, 11].

Герои повести погружены в повседневную жизнь, но будничные заботы не вытесняют из сердца человека интереса к миру, что раскинулся вокруг, не лишают способности ощутить, как он прекрасен. С родиной, родимой землей связано у автора представление о самом дорогом в жизни человека. Он обнаруживает красоту в той самой жизни, которая является привычной для его героев. Прозаик выступает в качестве поэта, воспеваящего мир, где крепки устои якутского национального характера и мировоззрения.

Жизнь в повести Н. Лугинова развивается по спирали. И ее существенной особенностью, по мнению писателя, оказывается необходимость хранить и приумножать нравственные ценности, которые никогда не будут забыты.

Социально-психологическая повесть Николая Лугинова «Роща Нуоралджыма» является очередным напоминанием о любви к родине, уважении традициям, любви к корням, красоте окружающей природы, радости бытия и ощущения горечи невосполнимых утрат, т.е. о том, что до сих пор затрагивает человеческие сердца.

Литература:

- Васильева Д.Е. О далеком прошлом и настоящем. — Якутск: Бичик, 2008. — 176с.
Лугинов Н.А. Роща Нуоралджыма. М.: Дет. лит., 1981.- 109с.
Литература Якутии на современном этапе, 1980-1990 гг.: Очерки / АН РС(Я). Ин-т гуманитар. исслед. — Якутск, 2001. — 282с.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, чуть меньше года представителями академической науки России и Башкортостана была поставлена задача: подготовить историческую грамматику башкирского языка, соответствующую сегодняшним достижениям отечественной тюркологии, кыпчаковедения и башкироведения [Хисамитдинова 2009, 206–209]. Надо заметить и то, что ряд аспектов исторической грамматики башкирского языка все еще продолжает оставаться вне поля зрения языковедов.

Одним из таких, пока еще не изученных аспектов следует считать и исторический синтаксис башкирского языка. И в этом случае у нас возникают два вопроса, первый из которых звучит вполне традиционно: «С чего начать?». Второй вопрос мы сформулировали бы в следующей форме: «Каковы же хронологические рамки исследования? Так ли необходимо их строгое соблюдение?».

Первый вопрос следует квалифицировать как имеющий теоретико-историческую направленность. Почему? Прежде всего следует определиться с предметом исторической грамматики башкирского языка. При этом еще и добавим, что в истории тюркского языкознания первое монографическое исследование по историческому синтаксису в форме докторской диссертации по специальности «10. 02. 06 – тюркские языки» появилось только в 1988 году: это – работа А. Ш. Садыхова «Исторический синтаксис азербайджанского языка (на материале памятников прозы)» [Садыхов 1988 а; Садыхов 1988 б], защищенная весной 1989 года. Данный факт свидетельствует о том, что как до 1988 года, так и после, в тюркологии так и не выработались традиции и принципы выделения предмета исторического синтаксиса.

В таком случае нам следует обратиться к работам по исторической грамматике русского языка, которые успели получить статус классических. В ряду таковых одно из ведущих мест принадлежит монографии В. И. Борковского и П. С. Кузнецова «Историческая грамматика русского языка» (М., 1963) [Борковский, Кузнецов 1963]. Автор раздела «Синтаксис» В. И. Борковский вполне верно и точно подметил, что «... предметом исторического синтаксиса русского языка является установление того, каким изменениям подвергались синтаксические нормы русского языка в течение ряда эпох развития, начиная с первых памятников древнерусской письменности (XI в.). Таким образом, за исходное принимаются конструкции, засвидетельствованные этими древнейшими памятниками...» [Борковский, Кузнецов 1963, 313].

Итак, автор этих строк в качестве предмета исторического синтаксиса видит процесс изменения синтаксических норм, начатый еще с эпохи древнерусских письменных памятников. Это, во-первых. Во-вторых, в качестве исходного или же объекта анализа должны выступать самые распространенные в языке древних памятников синтаксические конструкции.

Следующее место в этом ряду занимает вузовский учебник для педагогических институтов «Историческая грамматика русского языка» под авторством В. В. Иванова [Иванов 1990]. Здесь автор считает, что предметом исторического синтаксиса древнерусского языка является номинативный строй предложения [Иванов 1990, 368].

Получается, что задача исторического синтаксиса русского языка сводится только к исследованию изменений номинативного строя предложения.

Но тем не менее следует особо подчеркнуть и одну немаловажную деталь: и первая, и вторая работы, в той или иной форме, посвящены изучению синтаксической структуры древнерусского языка на примере его письменных памятников. Говоря по-другому, под понятием «*исторический синтаксис русского языка*» на самом деле подразумевается синтаксис древнерусского языка.

Теперь постараемся ответить на другой, также вполне своевременный, но в то же время и более сложный и спорный по содержанию вопрос: «Так, каков же он, предмет исторической стилистики в тюркологии?». В связи с этим постараемся ограничиться вводной частью работы того А. Ш. Садыхова «Исторический синтаксис азербайджанского языка (на материале памятников прозы)», где диссертант вполне четко и ясно выделяет объект исследования: «...*Объектом исследования служили памятники...*» [Садыхов 1988 а, 6].

Однако, как видно далее из диссертации, автор вообще игнорирует термин «предмет», хотя сам в то же время его очень ясно и характеризует: «...*Для выяснения места различных синтаксических конструкций в языковой системе, круга их употребления и возможностей реализации прозаические памятники, привлеченные к исследованию, были сгруппированы по функциональным стилям. В дифференциации памятников по стилям мы исходим из языковых фактов, в том числе и фактов синтаксического порядка. С этой точки зрения прозаические памятники, являющиеся объектом исследования, охватывают почти все стили соответствующего периода, это обеспечивает достаточную репрезентативность фактов и надежность исследования...*» [Садыхов 1988 а, 6].

Таким образом, автор А. Ш. Садыхов, сам того не замечая, вполне логично выделяет предмет своего исследования, в частности, и предмет исторического синтаксиса азербайджанского языка, вообще. Что же в итоге получилось?

Судя по представленным выше записям автора, предметом исторического синтаксиса выступают функционально-стилевые особенности синтаксических конструкций. Все это вызвано рядом факторов, среди которых, по мнению Н. А. Баскакова, главными являются два: а) восхождение азербайджанского языка своими корнями к языку огузских племен Средней Азии VIII – X вв; б) период с XIV по XVI вв., когда вся азербайджанская литература создавалась в основном на фарси, развивался староазербайджанский язык, насыщенный арабской и персидской лексикой [Баскаков 2008, 139 – 140].

Отсюда можно сделать еще один вывод: перечисленные два фактора наверняка способствовали формированию и дальнейшему развитию памятников поэзии, которые также могли представлять и ряд функциональных стилей (например, эпистолярный, публицистический, научный, религиозный и т. д.).

Теоретическую и методологическую основу изучения исторического синтаксиса башкирского языка составляют работы Н. З. Гаджиевой «Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков» (М., 1973), Б. А. Серебренникова и Н. З. Гаджиевой «Срав-

нительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис» (М., 1986), которые на сегодняшний день представляют золотой фонд тюркской компаративистики. Однако весь этот процесс может быть не полным без обращения к исследованиям таких башкирских языковедов, как К. З. Ахмеров, Г. Г. Сайтбатталов, Д. С. Тикеев.

В нашей ситуации, т.е. применительно к периодам истории башкирского литературного языка, наоборот, в качестве предмета исторического синтаксиса следует обозначить жанро-стилевые особенности синтаксических конструкций. Причина такого подхода объясняется спецификой наших языковых традиций.

Дело в том, что по официально принятой в 1989 году концепции история башкирского литературного языка рассматривается в двух больших исторических хронологических рамках: а) донациональном, с XIII в. по вторую половину XIX в.; б) национальном, со второй половины XIX в. по настоящее время [Очерки истории...1989, 3-4]. Именно в связи с этим подходом мы считаем, что нам следует ограничиться рамками с середины XVI в. по 20-30-е годы XX в.

Весь башкирский литературный язык данной эпохи еще не отличался строгой функционально-стилевой дифференциацией и большим количеством сформировавшихся функциональных стилей, из-за чего, как было отмечено нами выше, в качестве предмета исторического синтаксиса башкирского языка были предложены жанро-стилевые особенности синтаксических конструкций.

И еще: жанры могут обладать и межстилевым характером.

Таким образом, нами на первый план выносятся идея жанро-стилевого подхода в изучении исторического синтаксиса, что в перспективе позволит проследить пути формирования и дальнейшего применения, условия изменения активно применяемых в жанрах синтаксических конструкций.

Далее в докладе говорится об использовании диалектных данных и материалов башкирского фольклора.

Литература:

- Баскаков Н. А. Тюркские языки. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.
Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М.; Изд-во АН СССР, 1963. – 512 с.
Хисамитдинова Ф. Г. Об исторической грамматике башкирского языка // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: Матер. межд. конф. – М.: Тезаурус, 2009. – С. 206-209.
Очерки истории башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учебник для педвузов. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.
Садыхов А. Ш. Исторический синтаксис азербайджанского языка (на материале памятников прозы): Автореф. дисс. ...д. филол. наук (10. 02. 06). – Баку, 1988. – 46 с.
Садыхов А. Ш. Исторический синтаксис азербайджанского языка (на материале памятников прозы): Дисс. д. филол. н. (10. 02. 06). – Баку, 1988. – 389 с.

Раемгужина З.М., г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ МИРОВИДЕНИЯ В БАШКИРСКИХ АНТРОПОНИМАХ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В последние годы возрос интерес к проблемам соотношения языка и культуры, языка и этноса.

В языке и через язык отражается система мировидения и миропонимания человека. Процесс осмысления образов реального

мира закрепляется в языковом сознании человека. Человек познает окружающий мир, закрепляет свое миропонимание в языковом сознании. Мы воспринимаем цвет, вкус, размеры предметов мира.

Человек, как представитель определенной этнокультурной общности, воспринимает мир в призме родной культуры, которая складывается под влиянием географических и климатических условий проживания, менталитета, строя языка и т.д.

Видное место в языковой картине мира занимают антропонимы. В них в той или иной мере отражается история культура и быт народа, который их создал.

Антропонимы являются своеобразной исторической памятью, сокровищницей исторического и этнического опыта народа.

При исследовании башкирского антропонимикона можно наблюдать связь с личными именами других близко- и дальнородственных народов. Башкирский, как впрочем любой другой антропонимикон, имеет свои особенности и характерные черты, в которых отразились различные религиозные представления, влияние разных культурно-исторических, географических факторов, экономических и политический строй.

Антропоним более четко реагирует на идеологические, культурные и другие изменения в социуме, который он обслуживает.

В башкирском именнике мы можем обнаружить самые различные по происхождению и структуре имена, связанные с ландшафтом, домашней утварью, животным миром, культурными представлениями – язычеством, христианством, мусульманством, отчасти иудаизмом и др. Домусульманские имена проявляют видимую связь человека с природой, тотемами, устремлениями семьи, в эпоху мусульманства имена обозначают связь индивида с миром священным.

Имена возникали в связи с условиями рождения ребенка: время или место появления на свет: Рамазан (месяц), Урман (лес), Дала, Аран (низменность). Эти имена характерны для башкир – животноводов, кочующих с места на место. Названия географических объектов в качестве имен отмечаем в антропонимах: Асия (Азия, Дунай, Эльбрус, Казбек и др.)

Личные имена, возникшие в связи с климатическими условиями рождения ребенка, по временам года, по событиям: Болот (туча), Буран, Яугильде (пришло нашествие), Шатлык (радость), Илшат (радость народа). Таким образом, в течение долгого времени наши предки следовали языческим традициям именования, сохраняли близкие и понятные имена.

Состав имен у каждого народа сформирован исторически. Меняется историческая картина мира – появляются другие имена.

Большинство имен сегодняшних башкир привнесено исламом, имена эти – из языков передней Азии - арабские, иранские, персидские, общетюркские, а также западно - европейские и русские имена.

Антропонимический словарь может служить языковой моделью мира и отражать коллективный опыт носителей языка.

Башкирские имена собственные Кускар (ракушка, некастрированный козел), Болот (облако), Урман (лес) сегодня встречаются в

фамилиях. В башкирском именнике есть общие имена, связанные с одними и теми же библейскими персонажами, как Дауд, Аюб (библейские еврейские имена собственные).

По имени можно угадать отношение родителей к факту рождения ребенка; например: Алтын (золотой), Артык (лишний).

Имена-пожелания: Якшы (хороший), Игебай, Игелек (доброта) и близкие к ним имена-обереги: Яман, Яманбай, Ямансура.

В отличие от современных представлений о красоте женщины, у арабов полнота исторически являлась привлекательным фактором во внешности женщины, о чем свидетельствует распространенность таких имен, как Зайнаб (полнота), Зулейха (дородная) и др.

Имена собственные – как и другие существительные – участвуют в создании национально-языковой картины мира.

В сегодняшнем именнике башкир значительное количество занимают имена существительные арабского языка, как Барый (творец), Борхан (доказательство), Азат (свобода), Мифтах (ключ) Рафик (друг), Талиб (ученик) и др.

Но количество имен собственных, образованных от прилагательных и причастий арабского языка в башкирской антропонимике значительно больше, например: Басир (разумный), Вафа (сдерживающий слово), Закир (вспоминающий), Инсаф (справедливый) и т.д.

Башкирский именник всегда живо реагировал на события в обществе. В башкирском именнике, также как и в именниках многих других народов бывшего СССР, имеются имена – советизмы. (Революция, Искра, Май, Октябрина, Владилен, Виль, Мельс и т.д.). Несмотря на сильное влияние ислама, у башкир существовала значительная свобода в наречении детей. Башкиры, как и другие народы, давали имена по физическим и моральным свойствам, по различным обстоятельствам их жизни, настроения, чувства их по отношению к новому члену семьи: Морат (Желанный), Сабир (терпение), Сания (вторая) [1, с. 57].

Ряд антропонимов образованы из активно употребляемых в современном башкирском языке арабских слов: Йома (пятница), Корбан (жертвоприношение), Морат (цель); эти слова могут быть простыми нарицательными именами.

Имя как часть лексики, с одной стороны, реагирует на общественные изменения, чрезвычайно подвержено влиянию моды, с другой, обладает значительной устойчивостью.

Изменения в традиционной номенклатуре имен народа является следствием влияния новых факторов на развитие этноса, поэтому антропонимы содержат важную информацию для изучения этнической истории народов [2, с. 27].

Основная часть сегодняшнего именника башкир показывает, что значительное их число составляют общетюркские и собственно башкирские имена.

Успешно выдерживают испытание временем традиционные имена, имеющие положительный смысл в современном башкирском языке.

Так, анализ имен собственных студентов вузов Башкортостана показывает, что наиболее распространенными являются имена: Альберт, Руслан, Марсель, Рустам, Рашит, Азат, Ильшат, Айнур, Тагир,

Ильгиз, Айдар, Гульназ, Гузель, Айгуль, Гульнара, Гулышат, Ляйсан, Динара, Диана и т.д. [З.с. 228].

Одной из причин наличия большого количества имен у башкир является интернациональность и открытость их именного состава. Другая причина – поиски родителями новых вариантов.

Башкирская антропонимическая картина мира объединяет общечеловеческие черты, обусловленные единством материального мира как объекта познания. Однако башкиры выработали свои нормы поведения, оценки, традиции и обычаи, обусловленные образом жизни народа, его национальной психологией, культурой.

Литература:

- Али бин Хадия. Аль – Камус аль Джаид. Тунис – Алжир. 1984.
Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.
Раемгужина З.М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира. — Уфа. 2006.

Рахматуллина З.Я. г. Уфа

БАШКИРСКИЙ ЭКОЛОГИЗМ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ФОЛЬКЛОРЕ

Образ жизни кочевника-скотовода, родившегося в свободной стихии степных просторов и выросшего в крае первозданной природной красоты, наложил неизгладимую печать на физический облик, миропонимание и духовные ориентации башкирского народа. Кочевничество – особая форма взаимодействия общества с окружающим его миром, способ со-бытия человека с природой и адаптации к ней. Дух кочевой жизни, бытие в самом центре природы, неразрывной частью которого осознавали себя башкиры, обусловили оформление своеобразных взаимоотношений с окружающей их средой обитания и экологизм как одну из ключевых констант национального менталитета, отличающую их от других этнических общностей. Экологизм любого народа – одна из составляющих его традиционной культуры, в рамках которой оформлялся особый тип культурных связей и отношений между обществом и природой, построенный на своеобразных нравственных и эстетических принципах, признающих ценность и значимость природы как источника материального и духовного бытия человека. Экологизм башкир отразился в богатом устно-поэтическом творчестве. Основы мироосмысления, исходящего из понимания нерасторжимого единства мира природы и мира человека, заложены уже в древнейшем памятнике устного народного творчества башкир – эпическом сказании об Урал-батыре. Урал-батыр окропляет живой водой из Родника Бессмертия окружающую природу:

«Пусть зеленеют голые чащи,
Пусть цвет бессмертия обретут,
Пусть птицы щебечут звонче и слаще,
Пусть люди веселые песни поют! ...
Пусть эту землю любит народ,

Пусть садом прекрасным она расцветет...» [БНТ 1987, 125]

Земную красоту, родную природу, родную землю нужно беречь, любить и охранять. Природа – источник жизни, основа вечности добра, истины и красоты, залог бессмертия Рода Человеческого. Эти жизненные смыслы башкирский народ усвоил еще на заре своей истории.

Жизнь башкир в природном окружении была плодотворным одухотворяющим источником для развития их многогранного фольклорного творчества, выросшего на основе многовековых наблюдений за витальными процессами в природе, природными явлениями, поведением птиц, животных и насекомых, особенностями развития растительного мира. Календарные приметы и поверья о состоянии земной атмосферы, поговорки и пословицы о представителях домашней и дикой фауны, загадки о природе говорят о фенологической наблюдательности башкир. Народ, на протяжении веков занимавшийся полукочевым скотоводством и зависящий от природы, внимательно следил за импульсами, посылаемыми внешним миром и проецировал их на свой быт и хозяйственную деятельность. На основе метеорологических наблюдений, подкрепленных многовековой практикой, возникали приметы, обрисовывающие потенциальный лик приближающейся зимы или весны, лета или осени, характер и особенности наступающего нового года, месяца или даже атмосферное состояние грядущих суток. Поведение и настроение животных, птиц и пчел были для башкир барометром для определения возможных изменений в погоде. Аграрная практика тесно увязывалась с приметами: «Прилетит журавль – слези поле пахать», «Если черная ворона на гнездо садится, через три недели следует начинать сев», «Когда скворец скворчат выводит, сей овес и гречиху», «Если начинают осыпаться цветы липы, пора сеять рожь» [БНТ 1993, 222-232] и др.

«Природное» мировоззрение народа нашло отражение и в многочисленных загадках о природе, представляющих собой довольно пеструю палитру, посвященную изображению календарного года, месяцев, недель, дней, природных объектов и явлений, представителей животного мира и т.д. Уважением и добродушным юмором пронизаны народные загадки о диких и домашних животных, соучастниках бытия башкира: любое живое существо, могучий, сильный зверь или хрупкое, беззащитное насекомое, все то, что дышит, летает, передвигается, одухотворяется и наделяется человеческими качествами, добродетелями и пороками. Хозяин леса – медведь, гордый хан – волк, попрыгунья – белка, трусливый заяц, еж – портной, лошадь – первый в ауле работник, умелая ласточка, соловей-певец, задира-петух, неутомимый муравей, трудолюбивая пчела-Гульниса и т.д. – через природные, естественные свойства живых существ просматривается социальное содержание: человеческие характеры, качества, манеры [БНТ 1993, 236-327]. В загадках о природе сквозит широкая натура наблюдателя и певца природы, осознающего себя неразрывной ее частью.

Природа была неизменным спутником бытия башкира, «врачевала» человеческие души, отвлекала от проблем профанического настоящего, вдыхала жизненную энергию. Старшее поколение, озабоченное обустройством духовной жизни подрастающего поколения, ясно осознавало эту «катарсическую» миссию природы. «Экологический» фольклор был одним из наглядных, образно-эмоциональных способов социализации индивида, приобщения его к духовным истокам своего народа, питающим его гармоничное событие с миром природы. Экологическое, этическое и эстетическое в народном творчестве слиты были воедино и образовывали тот духовный стержень, который и определяет гармоничное, полнокровное бытие человека, когда он пребывает в согласии с собой, с другими, с окружающей его средой обитания.

Как известно, центральным звеном в традиционной кочевнической экосистеме башкир выступала лошадь. Она была символом богатства, критерием благосостояния и основой благополучного, обеспеченного бытия. Устное поэтическое творчество воспело коня как преданного друга, боевого товарища, бесменного помощника в быту. Башкир берег своего коня, ухаживал за ним, случаи издевательства и антигуманного отношения к животному были крайне редки. В частности, эпическое сказание «Акхак-кола» (Хромая кобыла) свидетельствует о высоком уровне экологизма башкир. Народ осуждает жестокое, безжалостное и неблагодарное отношение к животному, которому он обязан благополучием. Уставшее и беззащитное существо с обидой говорит своему хозяину:

«И весною ты едешь на мне,
Осенью ты тоже едешь на мне,
К колу привязываешь меня,
Плетью хлещешь всюю, браня.
И весною спину я гну,
Черный пот свой на землю лью;
От кола голого проку нет,
На ребрах моих мяса нет» [БНТ 1987, 192].

Клятва хозяина сбежавшей Акхак-колы, обещание впредь не издеваться над животными, скрепленное поеданием земли, есть не что иное, как установление табу на неправильное, жестокое обращение с животными, всецело находящимися во власти человека. Смерть хозяина, нарушившего клятву и убившего Акхак-колу, символизирует предостережение для потомков и установление «золотого правила нравственности» и «экологического императива» по отношению к природе и ее обитателям: «Относись к природе так, как бы ты хотел, чтобы она относилась к тебе».

Народный фольклор — квинтэссенция человеческой мудрости, отражающая миропонимание, менталитет и психологию народа. В пословицах и поговорках, загадках, приметах, календарно-обрядовой поэзии (приговорах, присказках, речитативах, благопожеланиях), эпических произведениях и др. башкир закодированы не только их мировоззренческие установки и представления, первичные формы знаний о природе, но и их экологизм, тесно переплетенный с этическими ценностями и эстетическими установками бесконечно влюбленного в природную красоту и гармонию народа. В экологизме башкир в концентрированной форме отразились их духовная сущность, представления о добре, истине и красоте.

Литература:

- Башкирское народное творчество. Т.1. Уфа, 1987.
Башкирское народное творчество. Т.7. Уфа, 1993.

Родионов В.Г., г. Чебоксары

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Чувашское литературоведение, являясь специфической областью национальной научной мысли, накопило определенный опыт обобщения литературного процесса той или иной эпохи, последовательных периодов. Из подобных опубликованных работ чувашских ученых

наиболее первым является очерк Н.В. Васильева (Шубоссинни) [Васильев 1930]. В те же 20-30-е гг. XX в. над историей чувашской словесности трудился Г.И. Комиссаров (Вандер), научные обобщения которого оставались неопубликованными вплоть до перестроечных времен конца XX в. Переработав накопленный материал опального в те годы вышеназванного литературоведа, бывший фронтовик М.Я. Сироткин на скорую руку издал «Очерки дореволюционной чувашской литературы» [Сироткин 1948], которые в доработанном варианте переиздавались еще в 1967 г.

Период очеркового осмысления чувашского литературного процесса завершается изданием в 1956 г. книги М.Я. Сироткина «Чувашская советская литература» [Сироткин 1956]. В те годы формировалась литературоведческая школа, неофициально названная сироткинской и строго придерживавшаяся принципов классовости и партийности в литературе.

В начале 60-х гг. XX в. в чувашском литературоведении начинает складываться совершенно новая школа, которая в последующие десятилетия будет названа хлебниковской. Первые научные статьи молодого аспиранта МГУ им. М.В. Ломоносова [Хлебников-Шанар 1962], а потом монография свежеепеченного кандидата наук Г.Я. Хлебникова [Хлебников 1971] обрадовали талантливых и раздражали посредственных писателей, а также приближенных к партноменклатуре ученых-консерваторов. Сироткинцы и Чувашский обком КПСС стали обвинять Г.Я. Хлебникова в «эстетстве», в чрезмерном преувеличении им художественного в ущерб идейному, даже заставили издать по данной проблеме (идейно-эстетическому единству) отдельный сборник статей [Идейно-эстетическое 1989].

Различие в методологии и методе анализа произведений сказалось на качестве первой научной истории чувашской советской литературы, написанной и изданной НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР совместно с преподавателями из ЧГУ им.И.Н. Ульянова и ЧГПИ им. И.Я. Яковлева [Чаваш 1972]. В частности, М.Я. Сироткин и его ученики в ней строго придерживались принципам партийности и классовости, в их повествованиях преобладали идеологические и тематико-политические пассажи. В противовес им Г.Я. Хлебников приводил примеры истинно художественного анализа произведений, при их оценке опирался на степень художественности и категорию общечеловеческого гуманизма, вместо партийности чаще всего останавливался на проблеме эстетического идеала. Этими качествами отличаются и остальные его научные труды, созданные уже в 80-90 – гг. XX в. [Хлебников 1990; Хлебников 2001].

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. ЧНИИ приступил к составлению однотомной истории чувашской литературы дооктябрьского периода, очевидно, не без влияния деятельности ИМЛИ им. А.М. Горького. В первом варианте плана-перспекта историю чувашской литературы предполагалось начинать с произведения М.Федорова «Арсури» (Леший), т.е. с 70-х гг. XIX в. Все литературные тексты XVIII в. (оды и торжественные слова, произведения Е.Рожанского и Н.Бичурина) и первой половины XIX в. (тексты П.Талиева, Н.Базилевского, импровизации и такмаки Хведи Чуваша, а также произведения

В.Вишневого, В.Лебедева, С.Михайлова и др.) оставались за рамки предполагаемого исследования. Между тем для создаваемого ИМЛИ им. А.М. Горького коллективного труда «Многоязычная литература народов СССР дооктябрьского периода» ЧНИИ должен был представить разделы по XVIII в. и первой половине XIX в.

По инициативе литературоведов из отдела литературы и фольклора ЧНИИ (А.В. Васильева, В.Г. Родионова и Г.Ф. Трофимова) в начале 1980-х гг. был написан совершенно новый проспект будущей «Истории чувашской литературы дооктябрьского периода», который охватил вторую половину XVIII в. и весь XIX в. В результате такого пересмотра в т.1 «Революционерки чувашской литературы. Текстсем» (Дореволюционная чувашская литература. Тексты) были включены следующие эпохи средневековой литературы: болгарская эпоха (VIII – XIII вв.), золотоордыно-казанскоханская эпоха (XIV – XVI вв.) и эпоха в составе Русского государства (XVI – XVIII вв.). Литература Нового времени имела следующие периоды: конец XVIII – первая половина XIX в. (период становления письменной литературы), вторая половина XIX в. (период просветительства) [Революционерки 1984].

В годы разгара перестройки (1987) была завершена первая часть (до XX в.) коллективного труда ««Революционерки чувашской литературы», которая отдельной книгой вышла ровно через два года [Революционерки 1989]. В ней несколько скорректированы этапы и периоды истории литературы, дополнительно включен раздел «Авалхи тёрёк литературы» (Древнетюркская литература).

Таким образом, 80-е гг. XX в. чувашское литературоведение в лице учеников Г.Я. Хлебникова сделало определенные шаги в сторону углубления истории национальной словесной культуры и ее художественно-поэтических корней. В конце 80-х гг. была заблокирована заключительная часть истории дооктябрьского периода (авторы – И.И.Иванов и В.П.Тимаков) и заново написана Ю.М.Артемьевым. В 1992 г. она издана как монография по проблемам истории чувашской литературы начала XX в. [Артемьев 1992]. Тогда же появились работы, посвященные исторической поэтике и стихосложению чувашского фольклора и литературы [Родионов 1992]. Научные статьи Ю.В.Яковлева и Г.И.Федорова, культурологические разработки-эссе С.А.Александрова свели на нет былые социологизированно-политизированные пассажи сироткинцев, которые ушли с литературной арены вместе с обкомом КПСС.

За последние 20 лет появились монографические исследования Г.И.Федорова [Федоров 1996] и др. современных литературоведов Чувашской Республики, были изданы учебник [Артемьев 2003] и учебные пособия для общеобразовательных школ [Родионов 2003], пособия по чувашской литературе для студентов вузов, колледжей и учителей-словесников [Родионов 1999; Федоров 2004]. С 1993 г. по 2009 г. по отдельным проблемам чувашской литературы на соискание ученой степени защитили 6 докторских и 35 кандидатских диссертаций. За данный период в научный оборот были включены забытые и раскритикованные в 30-70-е гг. произведения ряда опальных писателей: братьев Турханов, А.Милли, М.Юмана, В.Рзая и др., вырабатывалась новая научная парадигма. Все это указывает на необходимость нового

осмысления пройденного литературного пути, обобщения литературно-художественного опыта чувашского народа в контексте достижений других литератур, прежде всего общероссийских.

Хотя сегодня изредка появляются статьи, в которых отрицается сам жанр «истории литературы» (смотрите дискуссию в «Новом литературном обозрении» [Новое 2003]), преобладающая часть специалистов говорят о смене исследовательских парадигм и методологии, они критикуют лишь традиционные подходы в историях литератур советской эпохи [Земсков 2003]. Так, В.Б.Земсков считает, что история литературы — это «часть культуры, часть цивилизационной парадигматики» [Земсков 2003. 10].

Завершая обзор литературы по заявленной теме, следует заключить, что «История национальной литературы» как жанр не исчерпал себя, но требует смены традиционной парадигмы (включения регионального и общероссийского контекста, цивилизационного подхода и т.д.). А литературоведам Урало-Поволжья предстоит осмысление общей для них межлитературной целостности XX в.

Литература:

- Артемьев Ю. XX ёмёр пусламашёнчи чăваш литератури. Шупашкар, 1992.
- Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для X - XI классов русскоязычных школ. Чебоксары, 2003.
- Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930.
- Земсков В.В. Жанр «истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий / В.Б. Земсков // Известия АН. Серия литературы и языка. — 2003. том 62. — №3. С. 3-11.
- Идейно-эстетическое единство художественного произведения: Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1989.
- Комиссаров, Гурий. О чувашах. Чебоксары, 2003
- Новое литературное обозрение. — 2003. — №1 (59).
- Родионов В.Г. Чувашский стих. Проблемы становления и развития. Чебоксары, 1992.
- Родионов В.Г. Чăваш литератури. XVIII—XIX ёмёрсем. Шупашкар, 1999 (2-мёш кăларăм — 2006).
- Родионов В.Г. Чăваш литератури: X класра вĕренмелли вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар, 2003.
- Родионов В.Г. Чăваш литератури. 1917- 1930-мёш çç. Шупашкар, 2004 (2-мёш кăларăм — 2008).
- Революичченчи чăваш литератури. Текстсем. 1 том (XX ёмёрччен). Шупашкар, 1984.
- Революичченчи чăваш литератури. (XX ёмёрччен). Шупашкар, 1989.
- Сироткин М.Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948.
- Сироткин М. Чувашская советская литература. Очерк истории. Чебоксары, 1956
- Хлебников-Шанар Г. Становление чувашского романа / Г. Хлебников-Шанар // Дружба народов. — 1962. — №3.
- Хлебников Г.Я. Чувашский роман. Чебоксары, 1966.
- Хлебников Г.Я. Современная чувашская литература. Чебоксары, 1971.
- Хлебников Г. Чăваш совет литератури. Малтанхи тапхăр. Шупашкар, 1990.
- Хлебников Г.Я. Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары, 2001.
- Федоров Г.И. Художественный мир Федора Уяра. Чебоксары, 1991.
- Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы. Чебоксары, 1996.
- Федоров Г.И. Чăваш литератури. XI класра вĕренмелли вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар, 2003.
- Федоров Г.И. Чăваш литератури (1945 - 1985 сÿлсем). Шупашкар, 2004.
- Чăваш совет литератури. Шупашкар, 1972.

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННОМ БАШКИРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Осознанием уровневой организации языка определяется возможность изучения синтаксиса башкирской разговорной речи с точки зрения ее экспрессивности и коммуникативной направленности.

Наиболее часто встречающаяся конструкция в устной речи – это парцелляция.

Первым серьезным исследованием проблемы парцелляции стала диссертационная работа Ю.В. Ванникова «Явление парцелляции в современном русском языке». Также эту проблему в своих трудах освещали Е.А.Иванчикова, Т.П.Сковородников, Е.А.Реферевская и другие ученые. В тюркологии также имеются исследования по проблеме парцелляции. В башкирском языкознании особое внимание обращалось на изучение синтаксического строя современного башкирского языка. Существенный вклад в исследование структурных, семантических особенностей, коммуникативных и прагматических свойств предложений внесли Н.К. Дмитриев, Дж. Г. Киекбаев, К.З. Ахмеров, Г.Г. Саитбатталов, Д.С. Тикеев, А.М. Азнабаев, Г.Г. Кагарманов и др.

В лингвистической литературе встречаются различные определения парцелляции. Наиболее распространенным является определение Ю.В.Ванникова, который характеризует парцелляцию, как такое расчленение целостной синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах. Эти речевые единицы – основная часть и парцеллят – отделяются друг от друга на письме точкой, а в устной речи – паузой [2, 3–26].

Профессор Д.С.Тикеев своеобразно трактует обозначенный термин. Он рассматривает парцелляцию под термином присоединительных конструкций и определяет их как «явление, занимающее промежуточную позицию между членами предложения и самим предложением. Однако, несмотря на возможность их интонационного обособления и выноса за рамки основного предложения, они связаны со смысловым содержанием предшествующего предложения и составляют с ним единое синтаксическое целое» [5, 168].

Г.Г.Кагарманов обращает внимание на функционирование парцеллятов в качестве отдельных компонентов [3, 86].

Татарский языковед Ф.С.Сафуллина рассматривает парцелляцию под термином присоединение и приходит к следующему заключению:

1) парцелляция – это слово, словосочетание, предложение, которое следует за предложением, содержащим основную мысль;

2) парцелляция выражает значение присоединения, дополнения;

3) парцелляция связана с основным предложением по смыслу и грамматически [4, 234–235].

Таким образом, продолжая мысли ученых, можно выделить следующие особенности парцеллированных конструкций:

1) парцелляция – это разрыв простых, сложных или осложненных членов предложения при помощи паузы – в речи, точкой – на письме;

2) сохранение синтаксической и грамматической связи конструкций;

3) выражение обособленными конструкциями – парцелляцией – актуальной информации.

Парцелляция – многофункциональная и универсальная синтаксическая категория. *Структурная функция* предполагает отчленение информационно значимой части предложения при помощи знака препинания – точки. *Семантико-синтаксическая функция* заключается в том, что парцеллированию подвергаются семантически значимые элементы, *коммуникативно-экспрессивная роль* выражена в актуализации основной мысли. Таким образом, парцелляция упрощает восприятие распространенных и осложненных синтаксических конструкций. Это позволяет считать парцелляцию одним из средств организации текста: Белгәс нинә тотманьң? Кайза шаһиттарың? Касан урлаған? Тап хәҙәр! Эй, маңқорт! (Дж.Г.Кеекбаев).

Коммуникативная и экспрессивная функции парцелляции дают возможность образовать схему предложения, выраженного разными стилями.

В процессе речи парцелляция образуется при помощи интонации. Словарное, смысловое, синтагматическое, фразовое, логические виды ударений играют важную роль в обособлении парцеллированных конструкций. Парцелляция выражается членом предложения или интонационно разделенными сегментами, сохранившими форму компонента сложного предложения, а не целой синтагматической структурой.

Итак, парцеллят представляет собой коммуникативный центр мысли, другими словами, актуализирует предшествующее предложение.

Парцеллят в роли коммуникативно-экспрессивной синтаксической конструкции расчленяет мысль, данную в основном предложении, и выносит его значимую часть за пределы предложения, подчеркивает, актуализирует его. Парцелляты в зависимости от контекста выражают завершенное понятие.

В процессе речи в башкирском языке парцелляция выражается интонацией. Интонация передается посредством смыслового, фразового и логического ударений. Логическое и фразовое ударение выделяет, акцентирует важную информацию основного предложения. Ударение характеризует парцелляцию с эмоциональной стороны. В этом случае связь частей нарушается, интонация прерывается и перетекает в другую плоскость, однако смысловая связь сохраняется. Например:

1) Өҙәлдә уйзарынын бар алышы... Аһ, баслыға... (Ф.Тузыбаева).

2) Марат тугайында мал кәтәп ятам. Йәш үгеззәр (И.Халиуллин).

В потоке речи говорящий, а в художественном предложении – автор определяет слово, на которое падает логическое ударение.

В разговорной речи часто наблюдается выделение обращений логическим ударением, например: Кабырғанды ғына эсенә индерәм инде мин нинен. Әлмаяк! (Дж. Ф. Киекбаев)

Парцеллированные конструкции, являясь своеобразным грамматико-стилистическим средством, способствуют усилению информационной насыщенности мысли, понятной из главного предложения. Несмотря на свойственность их разговорной речи, часто встречаются и на письменном языке: художественной литературе, публицистике, научно-популярных трудах.

В художественной литературе парцеллированные конструкции помогают выразить физическое и психологическое состояние персонажей, их характер, образ и характеризуют тончайшие оттенки различных воспоминаний, мыслей, переживаний, а также выражают динамику, назначение, доказательность, утверждение или отрицание мысли и многое другое. В то же время экспрессивно-стилистическая функция парцеллированных конструкций, т.е. дополнение, объяснение, детализация, и их следование за предложением, выражающим основную мысль, помогает автору актуализировать самый важный компонент речи.

Парцелляция расчленяет основное предложение на компоненты. По мере взаимного отдаления их друг от друга смысловая связь между парцеллятом и основным предложением ослабляется. Автор делит важную для него информацию на части, самые актуальные и достойные повышенного внимания помещает в постпозицию, акцентирует на ней внимание.

Подводя итоги исследования, следует рассматривать парцелляцию как средство экспрессивного синтаксиса, обладающее коммуникативно-семантическим значением, то есть в качестве грамматической категории.

Литература:

- Блох М.Я. К проблеме присоединительных связей предложений // Уч. зап. МГПИ. – М., 1969. – № 367.
Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явления парцелляции). – М., 1969, С.200.
Кахарманов Ф.Ф. Башкорт теленң ябай һөйләм синтаксисы. – Стәрлетамак, 2003. – 97 б.
Сафиуллина Ф.С. Матур әдабият телендә синтаксик фигураларның стилистик кулланылышы. – В сб.: Вопросы тюркологии. - Казань, 1970. – 242 с.
Тикеев Д.С. Хәзерге башкорт теле. – Өфө, 2002. – 175 б.

Салқынбай А.Б., Казахстан, Алматы

ТУЫНДЫ СӨЗДІҢ СӨЗЖАСАМДЫҚ МАҒЫНАСЫ

Кез келген тілдік бірлік белгілі бір мағынаға ие. Тілде мағынасыз бірлік өмір сүре алмайды. Мағынасыз бірліктер тілдің дамуы барысында өлі тұлғаға айналып кетеді. Жалпы тіл білімінде қалыптасқан қисын бойынша, кез келген тілдік бірліктің екі жағы болады. Бірі – тұлғалық жағы, екіншісі – оның ішкі мазмұны, мағыналық сипаты. Сөздің тұлғасы мен мағынасы атаудың екі түрлі сипатын танытады. Бұлар бір-бірімен тығыз байланыста, қарым-қатынаста болады. Тілдік бірліктердің мағыналық қыры әртүрлі негізде қарастырылады. Дәстүрлі тіл білімі мен соған сәйкес жазылған грамматикалық зерттеулерде, әдетте, тілдік бірліктердің лексикалық мағынасы мен грамматикалық мағынасы аталады. Соңғы кезде жазылған ғылыми еңбектерде сөзжасамдық процесс негізінде жасалған туынды сөздердің мағыналық құрылымы айқындалып, ондағы сөзжасамдық мағына туралы айтылады. Сөзжасамдық мағына – сөзжасам процесінде пайда болатын туынды мағына. *Сөзжасамдық мағына* – себепші негіздер мен сөзжасамдық тұлғалардың бірігуі не қосарлануы, тіркесуі, жалғануы негізінде уәжделіп жасалатын ерекше туынды мағына.

Грамматикалық мағына мен категориялық грамматикалық мағынаның арасында айырма бар. Грамматикалық мағына сөйлеу

процесінде лексикалық мағынадан туындайтын, яғни лексикалық мағынаның жалпылану арқылы, сөздік ұғымның жалпылық-абстрактылық сипатқа ие болуы арқылы пайда болады. Ал сөзжасамдық мағына – ең алдымен, туынды мағына. Ол екі себепші негіздің бірігуі не қосарлануы немесе негізге сөз тудырушы жұрнақтың жалғануы арқылы пайда болатын, әрі осы себепші негіз мағыналары арқылы уәжделетін екіншілік мағына. Жаңадан пайда болған екіншілік мағына оны жасаушы сынарлар мағынасының негізінде жасалып, денотаттық мағына бірлігін белгілейді де, номинативті атауды анықтайды. Демек, екіншілік мағына – сөзжасамдық мағына.

Сөзжасамдық мағына жасалу үшін, ең алдымен, сөзжасамдық тұлғалардың қосылуы, бірігуі, тіркесуі негізінде сөзжасамдық процесс жүруі қажет. Сөзжасамдық процесс негізінде туынды сөз жасалады. Осы туынды сөз мағынасы сөзжасамдық мағына ретінде саналады. Ал грамматикалық мағына мен сөзжасамдық мағына арасындағы айырмашылық өзінен-өзі көрініп тұрады. Туынды сөз жеке атау ретінде танылып, негіз ретінде қарастырылғанда, оның лексикалық мағынасы мен грамматикалық жалпы мағынасы айқындала алады.

Сөздің терең мағыналық құрылымын зерттеудің теориялық та, практикалық та мәні зор. Сөз мағынасы мен мәнін айқындау арқылы халықтың қалыптастырған дүниетанымын терең білу үшін, бұрынғы сөз мағынасын дұрыстап тани білу үшін де қажет.

Сөзжасамдық екіншілік мағына жасалған соң, дайын нәтиже ретінде туынды сөзге айналады. Сонда оның лексикалық мағынасы қалыптасып жасалады. Сөздің лексикалық мағынасының қалыптасуының өзіндік жолдары мен тәсілдері бар. Осы сөзжасамдық мағынаға тән деп айтуға болар еді.

Ономасиологиялық аспектіден туынды сөздің мағынасы – деривация негізіне болған жаңа екіншілік мағына. Туынды сөздің мағынасы күрделі мағыналық құрылым екенін жоғарыда айттық. Сөзжасамдық мағынаның құрамында екі сөзжасамдық тұлғаның да негізгі семасы қатысып, жаңа ерекше семема жасайды. Айталық, *қон* сөзі мен *қонақ*, *қонақжай*, *қоныс* сөзі лексикалық мағына жағынан талданғанда, толық мағыналы сөздер. *Қонақ*, *қонақжай*, *қоныс* сөздерінің мағынасы қосымша мағына десек, онда қосымша мағыналы көмекші сөздерден көз ала алмай қалмаймыз ба? Бұлай ойлау ғылымда қалыптасқан шындыққа сай емес. *Қонақжай*, *қоныс*, *қонақ* сөздерінің құрамында екі-үш сөзжасамдық тұлға бар. Осылардың сөзжасамдық процеске түсуінің нәтижесінде жаңа толық мағыналы сөздер жасалып тұр. Ал бұл мағыналар сөзжасамдық мағына ретінде танылады.

Сөзжасамдық мағына туғызуда туынды сөздің құрамындағы сөзжасамдық тұлғалар бірдей қатысады. Туынды сөзді жасаушы толық мағыналы негіз не түбір болса да, жұрнақ болса да олардың екіншілік мағынада өзіндік ерекше семалық үлесі болады. Атаудың номинативтік мағынасында олардың семалық сипаты белгілі дәрежеде көрініс тауып, номинативтік белгіні қалыптастыруға қызмет етеді. Сөзжасамдық мағынаны айқындау үшін, туынды сөздің семантикалық құрылымын талдау қажет. Бұл әсіресе денотаттық мағынаны талдаудан айқын көрінеді. Айталық, *жиырма бес*, *кітапхана*, *тау ешкі*, *тасбақа*, *Ақбұлақ* туынды сөздерінің мағынасы құрамындағы екі сөзжасамдық тұлғаның да семалық қосындысынан жасалғанын аңғару қиын емес. Қосынды

болғанда да, жай қосынды ғана емес, мағыналардың тоғысуы нәтижесінде пайда болатын жаңа туынды ерекше мағына, номинативтік белгілердің таңбасы. *Жиырма бес* санының ұғымын таңбалау үшін, себепші негіз сыңарлары тек *жиырма* және *бес* сөздерінен болу керек. Басқа сөздің бірігуі бұл ұғымды анықтай алмайды. Немесе *кітапхана* ұғымын таңбалау үшін, *кітап* және *хана* атауларын біріктіру арқылы екіншілік мағынаны жасай аламыз. Мұнда негізгі мағынаны жасаушы тірек тұлға туынды сөздегі түбір сөз деп атауға болмайды. Өйткені кітап сөзінің мағынасы оқуға арналған құрал мағынасын береді, онда *кітапхана* ұғымын бере алатын мән болмайды. Тек оған *-хана* (парсы тіліндегі мағынасы — үй, мекен) сөзжасамдық тұлғасы жалғану арқылы ғана *кітапхана* — кітаптың мол жиналған жері, мекені мәнін таңбалайды. Демек, туынды сөздің сөзжасамдық мағынасы оның құрамындағы сөзжасамдық тұлғалардың бірдей қатысуы арқылы жасалады. Мұнда біреуін тірек сыңар, бірін көмекші сыңар деуге келмейді. Сөзжасамдық тұлғалар сөзжасамдық мағына жасауда бірдей деңгейде қатынасады. Бұл тек туынды сөз құрамындағы негіздерге ғана қатысты емес, сондай-ақ, журналдарға да тән деп бағалаймыз. Өйткені журнал — тарихи атаудың “журнағы”, онда лексикалық мағына жасаушы сема сақталған. Сондықтан сөзжасамдық тұлға ретінде өзі қосылған сөздің мағынасын өзгертіп, екіншілік сөзжасамдық сема туғызуға қабілетті бола алады.

Сөзжасамдық процесс барысында атаудың морфологиялық сипаты, қай сөз табына қатысты болатыны басты мәселе емес. Сөзжасам процесіндегі басты меже жаңа атау жасау, туынды сөз туғызу. Халық танымына сәйкес пайда болған ұғымды таңбалап, оған жаңа мән беріп, екіншілік мағыналы атау туғызу. Ал оның қай сөз табына жататыны сөз жасау процесінде еске алынбайды.

Сөзжасамдық мағына — туынды сөздің семантикалық құрылымын құраушы тұлғалардың мағыналары нәтижесінде пайда болатын ерекше мағына. Жаңадан аталатын зат пен құбылысты таңбалауда, оның денотаттық және сигнификаттық мағынасы номинативтік белгілері арқылы көрініс табады. Ал бұл номинативтік белгілер туынды сөздің құрамындағы барлық сыңарлардың мағынасы негізінде туындайды.

Сөзжасамдық мағынаның күрделілігі құрамында тұлғалардың семалық құрамымен байланысты. Денотаттық және сигнификаттық мағынаның қалыптасуында сөзжасамдық тұлғаның барлық семалары қатысуы шарт емес. Белгіленетін зат не құбылыстың ерекше номинативтік белгілеріне байланысты түбір не негіз өздерінің ерекше семалары арқылы жаңа екіншілік семема қалыптастырады. Бұл қалыптасқан ерекше сема туынды сөздің жаңа сөзжасамдық мағынасын құрайды.

Айталық, *ақ ала*, *ақ бас*, *ақкөз*, *ақ қырау*, *ақ пейіл*, *ақ шағала*, *ақ тілеу*, *ақ тамақ*, *ақ сөйлеу*, *ақ саусақ*, *ақ шашты*, т.б. атаулардың мағыналық құрылымы құрамындағы негіздердің белгілі бір ерекше семасы арқылы жасалған. *Ақ* сөзінің мағынасы күрделі: *ақ* - белгілі бір түстің ақтығы, *ақ* - белгілі сұйық заттың қозғалысы мағынасы, *ақ* - белгілі қозғалыстың жылдам өтуі, *ақ* - шылау т.б. Ал туынды сөздің құрамында осы мағынаның тек біреуі ғана келіп, өзіндік ерекше семасы арқылы жаңа атаудың мағыналық құрамын туғызуға үлес қосады. *Ақ ала* сөзінде *ақ* сөзінің түстік семасы, *ақ сөйлеу* сөзінде — адал мағынасы, *ақ*

саусақ сөзінде түс семасының ауыспалы мәні, *ақ тілеу* сөзінде - адал мағынасы арқылы туынды сөз жасайды. Сөзжасамдық мағынаның сипаты атаудың денотаттық және сигнификаттық мағынасының туындауына байланысты әртүрлі болуы ықтимал. Сөзжасамдық мағына сөзжасамдық тұлғалардың негізгі және ауыспалы семалары арқылы жасала алады. Сөзжасамдық мағына көбінесе сөзжасамдық тұлғалардың метафоралануы арқылы жасалады. Сөзжасамдық мағынаның метафоралануы – туынды сөз жасаудың өнімді әдісі. *Ақ* сөзінің ауыспалы мағынасы арқылы сөзжасамдық мағына метафораланып, мынадай атаулар жасалған: *ақ гвардияшы, ақ банды, ақ алмас, ақ безер де көк безер, ақ бата, ақ егіс, ақ жарқын, ақ жем, ақ иық болу, ақ мал, ақ сайтан, ақ кіру, ақ өлім, ақ өлең, ақ пейілді, ақ сирақ болу, ақ шалу, ақсауыт, ақ түндер, ақжолтай, т.б.* Сөзжасамдық мағынаның метафоралануы арқылы жасалған атаулар тілімізде көптеп саналады.

РЕЗЮМЕ

В процессе развития языка не обладающие значением языковые единицы превращаются в мертвые словоформы. Форма и значение слова являются характеристиками наименования. Они находятся в тесной взаимосвязи и тесных взаимоотношениях. Смысловая сторона языковых единиц рассматривается в различных аспектах. Словообразовательное значение является производным значением, которое образуется в процессе словообразования. Словообразовательное значение – особое мотивированное производное значение, которое может быть получено путем соединения, удвоения, сочетания или присоединения мотивирующих основ и словообразовательных форм. Для появления словообразовательного значения необходим словообразовательный процесс на основе соединения и сочетания словообразовательных форм. В результате словообразовательного процесса создается производное слово, значение которого является словообразовательным значением. Разницу между грамматическим и словообразовательным значением выявить несложно. Рассматривая производное слово в качестве самостоятельного наименования и основы, можно выявить его лексическое и общее грамматическое значение. После создания вторичное словообразовательное значение в качестве готового результата превращается в производное слово. В итоге формируется его лексическое значение. Выявляются характерные пути и методы формирования лексического значения слова, присущие и словообразовательному значению слова.

В ономазиологическом аспекте значение производного слова является вторичным значением, образованным в результате деривации. Выше было сказано, что значение производного слова является сложным смысловым образованием. Включение основных сем двух словообразовательных форм в состав словообразовательного значения приводит к образованию новой особой семемы.

Саналова Б.Б., г. Горно-Алтайск

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АЛТАЙСКОГО МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА *тоқпокто* ‘колотить’

Слова обладают способностью быть многозначными, т.е. варьировать свое значение в зависимости от тех функций, которые они выполняют в предложении, в соответствии с окружающим их контекстом. Каждый лексико-семантический вариант слова (далее ЛСВ), его отдельное значение, представляет собой такую единицу лексической системы, которая реализуется на уровне синтагматического функционирования слова.

Многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотносенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, они семантически связаны друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.

Целью данной работы является проведение толкования алтайского многозначного глагола *токлокто* = 'бить, колотить'. Данный глагол входит в ЛСГ глаголов с общим значением «бить, ударять». Различная сочетаемость в пределах многозначной леммы сигнализирует о разных значениях слова. Мы попытаемся выделить семантическое варьирование глагола *токлокто* =, связанное с разными типами объектов.

Токлокто = образован от имени токлок 'колотушка'. У слов токлок и *токлокто* = отмечаем формально-семантическую привативную связь. Производное слово *токлокто* = включает в себя производящее токлок как формально, так и семантически, и в то же время отличается семантическим компонентом, который выражен словообразовательным формантом, представляющим дифференцирующую часть основы. В данном случае таковым является словообразовательный аффикс *-то*, который обозначает «произвести действие, названное словом токлок», а именно «бить колотушкой».

Ойротско-русский словарь [1947] так определяет его значение: 'бить колотушкой, дубиной тузить'. Мы же определяем его значение как: 'сильно бить кого / что по чему чем'. Указание на орудие «колотушка» считаем избыточным, т.к. действие, которое обозначает данный глагол, может быть совершено любым предметом. Иначе говоря, под словом «колотушка» подразумевается любой предмет.

Общий набор признаков, характеризующих гл. *токлокто* = мы представляем следующим образом: 1) физическое действие; 2) направленное на объект; 3) интенсивное; 4) альтернативный признак – допускающее орудие или возможное без орудия. В случае отсутствия орудия, его функцию берет на себя рука.

По типу объекта, на который направлено действие глагола *токлокто* =, мы выделяем несколько ЛСВ, каждый из которых отличается от других, т.к. он соотносится с определенным «своим» дифференциальным компонентом семантики, а именно целевой установкой.

ЛСВ₁ 'колотить' (о человеке, животном). Дифференциальной для данного ЛСВ служит сема «наносить побои, возможно причиняя боль объекту (колотить, бить, избивать)». Осуществляется воздействие субъекта на физическую и биологическую сущность объекта, в случае, если действию подвергается человек, то и на психическую его сторону.

Примеры: *Немец фуражкасы к зине канча ла катап бөктөй түшсе, кайра тартала, тери-суузы тамчылап туруп токлоктогон до мени* (ТШ, БЭИ, 21) – *Немец*, каждый раз оттягивая фуражку, которая падала на глаза, пот его капая, *меня* даже *колотил*; *Арина јобош баладый одо берер, је сөзин айдынган уулдактарды токлоктоп салар* (ЛК, АК, 12) – *Арина*, словно спокойный ребенок, проходила мимо, но *мальчишек*, которые пытались с ней заговорить, *колотила*; *Уулдар Одойды ийде салып, токлоктоп тургандар* (ЛК, АК, 12) *Мальчишки* *Одоя* толкали, *били* (колоти-

ли); *Менин карындажымды соккон балдарды мен жангыс ла токпоктоп саларым* (ТШ, БЭИ, 183) – Я буду прямо колотить детей, которые будут бить моего братика; *Деремненин баштам уулдары ол ийтти жаман көрүп анаар ла агашла токпоктоп ядар, ол көөркий кынзып-кынзып качып отураар* – Проказники мальчишки села не любят ту самую собачку, сильно колотят палкой, а она бедная, скуля, убегает от них.

ЛСВ₂ ‘наносить удары по растениям’.

Өйөн-чөп – общее название для растений в алтайском языке. В данном ЛСВ реализовано деструктивное воздействие субъекта на этот тип объектов. Действие направлено на разрушение биологической субстанции объекта, т.е. в этом случае дифференциальной выступает сема «деструктивная целевая установка действия»: *Ол ат соготон камчызыла жырааларды жулдай токпоктой берди* (ЛК, АК, 18) – Он начал наповал колотить кустарники кнутом, которым бьют коня; *Кузуктарды озо баштап узун будакла токпоктор керек, онон жерге түйүкилезе жууп аларыс* – Сначала нужно поколотить по шишкам длинной палкой, а затем, когда они выпадут на землю, соберем их; *Алан чеденге коштой чалкандарды узун агашла токпоктой берди* – Алан начал колотить длинной палкой крапиву возле стен ограды.

ЛСВ₃ ‘звучание, возникающее в процессе или результате действия’.

Ойноп отурган кызычагы көзүнөкти алаканыла токпоктоп, кенете кыйгырып, секирип чыкты: - Ајам! Ајам! ...Чындап та жолды өрө колында чемодан тудунып алган Одой базып клетти (ЛК, АК, 36) –Игравшая дочка, колотя ладошками по оконному стеклу, внезапно крикнув, вскочила: – Папа! Папа! И правда, по дороге с чемоданом в руке шел Одой; *Бу гитараны канчазын токпоктойзын, тегине жерге струналарын үзерин* – Сколько ты будешь колотить по гитаре, как-будто умеешь играть, ведь только струны сломаешь; *Бу кижжи тамактен неме ле аиша балалайказын токпоктоп баштар, је онойдо ол јакшы ойноп турган* – Этот человек как выпьет, так начнет колотить по струнам своей балалайки, а вообще он хорошо играет.

ЛСВ₄ ‘бить противника, заставляя его отступать, побеждать (военные действия)’.

Данное значение мы определяем как вторичное производное непереносное. В этом случае речь идет о семантическом сдвиге за счет снятия семы «физический удар» и приобретения новой семемы «тип объекта», а именно – войско врага. Конкретного физического битья не производится, действие, обозначенное глаголом *токпокто* = рассматривается как ряд действий, направленные против врага с целью его уничтожить, заставить отступить, победить: *Нахай Ногоевич фронтто айалгаларды кыскарта куучындап, фашисттерди бистин уулар токпоктоп до јат деп турды* (ЛК, АК, 181) – Коротко рассказывая обстоятельства на фронте, Нахай Ногоевич говорил, что наши парни бьют фашистов; *Оштүңи тыныш алындырбай токпоктор керек* (ИШ, ОЈ, 97) – Надо бить врага, не давая ему даже дышать.

В алтайском языке широко употребляются выражения типа *акча токпокто* букв.: ‘колотить деньги’, т.е. (ЛСВ₅) ‘зарабатывать большие деньги’ и *бештер токпокто* букв.: ‘колотить пятерки’, т.е. (ЛСВ₆) ‘учиться на круглые пятерки’. Эти значения характеризуются ограниченным числом объектов: деньги, пятерки. Их мы рассматриваем как

образующие «конверсивную» оппозицию с ЛСВ₂, когда отмечается противопоставление значений по их семантическому контрасту [Татаринцев 1987, 25]. В них значение глагола *тоқпокто* = становится как бы обратным по отношению к ЛСВ₂, где объект подвергается деструктивным воздействиям субъекта, т.е. в лексах *акча тоқпокто* ‘заколачивать деньги’ и *бештер тоқпокто* ‘заколачивать пятерки’ усилия направлены на создание (не разрушение) того результата, которым является объект действия. Иначе говоря, действие приобретает конструктивный характер.

Сочетание глагола со словами *акча* ‘деньги’ и *бештер* ‘пятерки’ свидетельствует о заключенной в этих выражениях мысли о том, что субъект – обладатель больших денег и пятерок становится им за счет своего труда, способностей, знаний, вкладывания силы, физической или умственной: *Мениң карындажым школдо бештерди тоқпоктоп јат – деп, таайы Эркинди мактады* – Мой братишка в школе учится на круглые пятерки – так похвалил Эркина его дядя (букв.: ‘колотит пятерки’); *Јаңгы ижинде Айдыш акчаны тың тоқпоктоп јат* – На своей новой работе Айдыш только так зарабатывает (букв.: ‘колотит деньги’).

Таким образом, мы выделили шесть лексико-семантических вариантов глагола *тоқпокто* =. Для четырех ЛСВ общими являются следующие признаки: физическое действие; направленное на объект; допускающее орудие или возможное без орудия (рука). Дифференциальные признаки: объект и цель. В пятом и шестом ЛСВ (о деньгах и о пятерках) действие теряет физический характер, сохраняются интенсивность и целевая установка, а именно получение того результата, который грамматически фигурирует в качестве объекта.

Литература:

Ойротско-русский словарь. Сост.: Н. А. Баскаков, Т. М. Тоцакова. М., 1947.

Татаринцев Б.В. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. С. 25.

Сибгатов Ф.Ш., г.Уфа

ЖАНРЫ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ

(на примере башкирской литературы)

Как известно, литература каждого народа развивается благодаря многовековым духовно-культурным достижениям, которые являются фундаментом художественного процесса. В то же время изучение национальных литератур Урало-Поволжья будет не полным и достаточно глубоким, если рассматривать их изолированно, без учета всего спектра общечеловеческой культуры. Одним из таких направлений является арабо-мусульманская литература.

Восточная литература богата жанрами. Наряду с такими жанрами светского характера, как газель, рубаи, дастан, кисса и др., существуют и жанры религиозного характера. Таким жанрам можно отнести сирь, миградж-наме, маулуд, фадаил, хадж-наме, мунаджат, насихат. «Свойство коранического текста проецируются в культуру мусульман, воссоздаваясь в специфических формах художественного самовыражения. Возникает своеобразная система жанров, развиваются в определенных планах тематика и образность, оттачиваются новые средства выразительности и необычный метод отображения

эстетического при помощи звука и буквы. Вокруг образа пророка Мухаммеда образуется цикл религиозных литературных, музыкально-поэтических, а также фольклорных жанров, как относящихся религиозному ритуалу, так и не связанных с ним» [1, с.63].

Сира, хадж-наме, мунаджат, насихат в литературе тюркоязычных народов региона функционировали полнокровно. Некоторые встречались только в виде мотива жанра (по Хализеву) – миграджнаме, маулюд, фадаил. Это характерно и для башкирской литературы. Относительно отдельных жанров в мусульманском мире, соответственно и праздников, наблюдалось двойное отношение: одни одобряли, другие выступали против.

Жизненный путь и деяния всех крупных общественных и политических деятелей всегда находятся под пристальным вниманием. Кроме того, еще доисламское время арабы уделяли большое внимание к своей генеалогии [2, с.93]. На наш взгляд, эти два фактора сыграли определенную роль в формировании нового жанра – сира. «Сира (мн.ч. сийар «дорога», «путь», «образ жизни») – особый жанр ранней мусульманской историографии, жизнеописание основателя ислама Мухаммеда» [3, с.209]. Впервые данный литературный термин был введен в оборот Ибн Хашимом (?–834) в редакции труда Ибн Исхака (704–767), посвященного пророку Мухаммеду, которого он назвал «Это книга жизнеописания посланника Аллаха».

Формировавшийся на арабском полуострове этот жанр постепенно стал распространяться. В начале XX в. в Урало-Поволжском регионе стали появляться произведения, по форме схожие с жанром сира. Например, С.Бикбулат «Мухаммад» [4], З.Кадыри «Хайате Мухаммад» [5], Р.Фахретдинов «Мухаммад галыйхиссалиям» [6], М.Гафури «Его сиятельство расуль (да благославит его Аллах) и четыре халифа» [7].

Конечно, они полностью не соответствуют схеме, заложенной Ибн Исхаком. Свой труд он разделил на три части: 1) ал-Мубтада' – история древних пророков от сотворения мира, 2) ал-Муб'ас – собственно жизнеописание пророка Мухаммеда до первого года хиджры, 3) ал-Магази – завоевательные походы Мухаммеда, где повествование доводится до его смерти. В некоторой степени этим принципам строения соответствует произведение Р.Фахретдинова.

Произведение М.Гафури представляет интересное явление в башкирской литературе. С одной стороны автор старается придерживаться канонов жанра, с другой – использовать ее в качестве учебника в медресе. Эту мысль подкрепляет не только качество, приведенные под каждым подразделом, но и стиль поэта. М.Гафури старается изложить все простым, доступным языком.

Книга начинается с описания географического месторасположения, природы и социально-классового строя Арабского полуострова. В сюжетно-композиционном плане она выполняет роль экспозиции. Таким образом, автор как бы заранее готовит читателя к последующим событиям и только после этого плавно переходит к образу Мухаммада.

О молодых годах пророка не сохранилось достоверных данных. Поэтому многие исследователи, в т.ч. современники М.Гафури [4, 5, 6], только упоминают об этом этапе его жизни. В основном, это место рождения, род, родители и ближайшие родственники. М.Гафури же

заполняет этот пробел с различными религиозными легендами. То есть в произведении преобладает художественность и авторская фантазия. Например, «В начале эта женщина не хотела взять к себе почтеннейшего расуля (пророка), но увидев его, очень полюбил и забрал. Когда почтеннейшей расуль начал жить у них, в их дом пришло благополучие. У дойных коров увеличилось молоко. ... Почтеннейшей расуль рос быстро, в шесть месяцев начал ходить, а в девять месяцев стал внятно разговаривать» [7, с.7].

В произведении красной нитью проходит идея, что становление Мухаммада последним пророком Аллаха (по Корану — хатяма набийина) не был случайным событием, а вполне закономерным явлением. Для подкрепления своих слов, как и в предыдущем произведении, он ссылается на древние книги и иллюстрирует высказыванием христианского монаха-ученого по имени Бахира [7, с.9].

Некоторые религиозно-литературные жанры сформировались позднее на фоне различных общественно-политических течений. Одним из таких жанров является мауалид — панегирики пророку Мухаммаду. Толчком для ее формирования послужило маулид ан-наби — праздник в честь рождения пророка Мухаммада, которую мусульмане отмечают 12 числа месяца раби'у-л аўуал.

Существуют хадисы, например, Ибн Аббас передал: «Мухаммад (мир ему) родился в понедельник». Поэтому пророк соблюдал пост в этот день. Также он обращался к богу со словами благодарности за то, что он даровал ему жизнь, рассказывал своим сподвижникам о событиях, сопровождавших его рождение. Однако эти хадисы относятся не достоверным хадисам (муснад), а переданным по цепочке (иснад).

Официально маулид начали отмечать в 1207 году по указанию правителя местности Ирбиль Музаффара, который также был известным теологом своего времени [3, с.163].

Нововведение получило одобрение таких известных теологов, как Ибн Хаджар ал-Аскаланий, ал-Хафиз ас-Сахавий, ас-Суюти и др. ас-Суюти в книге «Фатави» писал, что маулид начали проводить с начала распространения ислама и эта традиция появилась во многих странах мусульманского мира.

Ибн Таймия же был непримиримым противником маулида. Позднее к этой идее присоединились ваххабиты и египетские модернисты во главе с М.Абду (Е.Резван). По их мнению, он не был введен самим пророком, не отмечался его сподвижниками: поэтому подобное новшество в исламе запрещено.

Определенное влияние в формировании праздника оказала христианство. Заметно здесь и влияние суфизма. Он совпадал с некоторыми традициями, например, зикром (поминание как прославление имени бога), сама' (коллективное радение с распеванием мистических стихов). Поэтому распространение идей суфизма способствовал быстрому росту популярности маулид ан-наби.

Маулид состоит из чтения молитв и слов поминания Аллаха, прославление пророка, стихотворных повествований, рассказов и преданий о его рождении и жизни. На празднике принято выражать радость по поводу прихода в этот мир Мухаммада и возносить за это благодарность Аллаху, молиться богу и раздавать милостыню бедным.

Подобные мероприятия можно проводить и в мечетях, и в других местах. Во время праздника строго запрещается вести посторонние разговоры, особенно о отсутствующих, нарушать требования норм шариата и т.д.

Распространение праздника маулид ан-наби в башкирской культуре также было связано с суфизмом. Он впервые был введен Зайнуллой Расули.

Проникновение в башкирскую литературу и распространение жанра маулид приходится, на наш взгляд, к XVIII—XIX вв. Здесь уже он не в чистом виде, а в синтезе с другими жанрами башкирского народного творчества. Например, башкирская народная песня «Праздник Маулид» по всем параметрам соответствует данному жанру:

Понедельник день двенадцатый

Перед горой во время сэхэр (утренняя еда во время уразы)...

Таким образом, жанры религиозного характера арабо-мусульманской культуры оставили заметный след в литературе народов Урало-Поволжья.

Литература:

Имамутдинова З.А. Коран как стиливая доминанта культуры мусульман // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук АН РБ. — 2004. №4.

Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.

Ислам. Энциклопедический словарь. — М., 1991.

Бикбулат С. Мухаммад. — Казань, 1910 (на арабск.гр.).

Кадьры З. Хайате Мухаммад галяйхиссалиям. — Казан: тип. Еремеева и Шишабрина. 1911. — 140 с. (на арабск.гр.).

Фахретдин Р. Мухаммад галяйхиссалиям. — Оренбург: Вақыт, 1909 (на арабск.гр.)

Гафури М. Его сиятельство расуль (да благославит его Аллах) и четыре халифа. — Уфа, 1912 (на арабск.гр.).

Сивцева Н.А., г. Якутск

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНОГО ПАДЕЖА)

Категория определенности-неопределенности (далее — КОН) — «одна из категорий семантики высказывания, функция ее — актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность), либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [Николаева 2002, 349].

В лингвистике анализ КОН в основном осуществлялся в связи с изучением артиклей. Однако артикль не является основным или единственным показателем, определяющим данную категорию, что было доказано в исследованиях последних лет. В каждом языке выражение КОН по внутренней организации, по функциональной семантике специфично, имеет свои индивидуальные особенности. Считается, что в языках без артикля КОН является «скрытой» и выражается комплексом взаимодействующих средств, принадлежащих разным языковым ярусам. В безартиклевых языках КОН — это не грамматическая, а функционально-семантическая категория: все средства ее выражения (морфологические, лексические, синтаксические) зависят от семантического содержания. Таким образом, в настоящее время ее понимание в лингвистике представлено с трех позиций: грамматической, текстологической и функционально-семантической.

В безартиклевом якутском языке исследование КОН осуществляется с позиции функциональной грамматики и, прежде всего, опирается на опыт изучения данной категории в других безартиклевых языках.

В якутском языке специальных работ, посвященных проблеме КОН, нет, существуют замечания обобщенного характера в работах по грамматике и стилистике. Так, некоторые выводы фрагментарного характера по проблеме КОН в якутском языке были сделаны в исследованиях О.Н. Бетлингк (1851), С.В. Ястремского (1900), В.В. Радлова (1908), И.П. Винокурова (1977), Н.Н. Ефремова (2005), И.В. Собакиной (2004) и др. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью изучения КОН в якутском языке в свете проблем и принципов функциональной грамматики, стилистики, культуры речи.

Рассмотрим КОН в якутском языке на примере частного падежа.

Частный падеж. Образуется при помощи аффикса –та и его фонетических вариантов, отвечает на вопросы *кимнэ? туохта? 'кого? чего?'* [Грамматика 1982, 134]. В исследованиях якутского языка для его обозначения применялся термин «винительный неопределенный» (О.Н. Бетлингк (1851); В.В. Радлов (1908)). В современных научных работах используется термин «частный падеж» [Харитонов 1947, 107-108; Винокуров 1977, 1921; Грамматика 1982, 134-135 и др.].

Основное значение данного падежа заключается в обозначении неопределенного объекта, «в котором предмет понимается или как некоторая часть совокупного целого, или как некоторая единица, индивидуальность которой безразлична» [Грамматика 1982, 134]. Например: *Уута тас 'Натаскай воды'; Бланар ынахта булуун 'Найдите дойную корову'*. При этом употребляется только при повелительной форме глагола [Грамматика 1982, 134; Винокуров 1977, 21].

Имя собственное не может быть выражено в форме частного падежа, в этом значении оно оформляется аффиксом винительного падежа –ны. Например, ср.: *Сашаны илдьэ кэл 'Приведи с собой Сашу'* и *Уолла илдьэ кэл 'Приведи с собой мальчика'*.

В предложении имя в форме частного падежа представляет прямое дополнение и может быть конкретизировано определением в препозиции. И в таком случае «неопределенность значения объекта сохраняется» [Грамматика 1982, 134]. Например: *Икки харандааста атыылас 'Купи два карандаша'*.

Исследователями выявлено, что по своему происхождению частный падеж представляет одну из особенностей якутского языка [Убрятова 1950, 128; Винокуров 1977, 19-21]. В плане изучения КОН в якутском языке интересным является то, что он обозначает только неопределенный объект, то есть является средством выражения неопределенности. В дальнейшем необходимым является исследование КОН во всей падежной системе якутского языка.

Литература:

- Винокуров И.П. Саха тылыгар падеж системата. – Якутскай: СГУ изд-та, 1977.
Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М, 1982.
Николаева Т.М. Определенности-неопределенности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение. – М.-Л., 1950.
Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск, 1947.

ОТРАЖЕНИЕ МОДЕЛИ МИРА В БАШКИРСКОЙ ЭТНОНИМИИ

До принятия Ислама, будучи язычниками, башкиры воспринимали природу и общество как одно целое. Наши предки видели своего «хозяина» то в звере, то в птице, то в дереве и др. Поэтому у башкир много тотемов – айыу (медведь), буре (волк), торна (журавль) и т.д. [Ковалевский 1956; 215]. Нет ничего удивительного в том, что именно названия животных, птиц и рыб, а также растений нашли отражение в башкирской этнонимии. Даже в самом слове *башкорт*, второй компонент *корт*, по этимологии многих исследователей, является названием тотема [Басакаов 1984; 13; Бикбулатов 1995; 15].

Стихийные силы природы ассоциировались в сознании наших предков с образами мифических существ, управляющих этими стихиями, с образами “хозяев природы” [Хисамитдинова 2002; 4,43,56]. Так “хозяин” леса – *шурале* (леший) зафиксирован как микроэтноним у юрматинцев и усерганцев; “слуга” ада – *шайтан* (черт) – у кудейцев; нечистые силы *бире* и *ен* (бес) – у бурзянцев, вариант *енде* (бешеный) – у сальюттов.

Тотемизм – поклонение рода или племени своему покровителю – явление древнее. Наличие этнонимов айыу (медведь), куян (заяц) – у бурзянцев; айыу (медведь), мышы (лось) – у усерганцев; айыу (медведь), буре (волк), барс (барс) – у катаяцев – есть отражение тотемизма в сознании древних башкир.

Кочевой образ жизни также накладывал свой отпечаток на особенности миропонимания и мировоззрения башкир. Например, в таких микроэтнонимах, как *кусмә* (кыпчак), *кусәр* (юрматы), *кусәләр* (мин), корень *кусеу* (кочевать) указывает на традиции кочевой и полукочевой жизни башкир.

Географические перемещения, частые изменения в самой родоплеменной организации в силу поглощения более сильными племенами более слабых, распада больших племен и родов на более мелкие – все это также отразилось в сознании башкир. Так, со словом *ялан* (поле) образовано пять этнонимов, *урман* (лес) – семь, изел (большая вода) – шесть, *тау* (гора) – шесть и т.д. Сравните: ялан-катай (катай), ялан-түнгәүер (тунгаур), ялан-әйзе (ай), урман-ураны (уран), урман-гәрә (герей) и др.

С прилагательными *оло* (большой) и *кесе* (младший) образованы пять и два этнонима соответственно. Сравните: *олоғолак* (у минцев), *оловош* (бурзян), *кесе кошко* (кушчи), *кесе табын* (табын) и др.

Закрепленные за каждым башкирским племенем своего орана (ключ), птицы, тамги и дерева – также свидетельство особенности мировосприятия башкир.

Помимо этого, в этнонимии нашли отражение социальная структура и общественные отношения башкир. Об этом свидетельствуют такие этнонимы, как *тархан* (тархан), *бай* (богатый), *ялсы* (слуга) и др.

В башкирской этнонимии нашли отражение особенности хозяйства и занятия башкир: *йылкысы* (табунщик), *айыусы* (медвежатник) и др.

Особое место в башкирской этнонимии занимают прозвища как специфический продукт человеческого мышления, ибо они даются

один раз и навсегда. Далее уже этим прозвищем называют весь род того, кто первым получил его. Например, *бесэй килмешәк* (кот-пришелец), *бәшимәк* (гриб), *кызыл йозрок* (красные кулаки) и др. По данному материалу четко прослеживается градация людей. Сравните: положительные прозвища - *асылкай* (драгоценный), *гауһар* (жемчуг) и др.; отрицательные прозвища - *аңра* (тупой), *алама* (дурной) и др.

Таким образом, этнонимы дают право говорить об особенностях мировидения древних башкир. Через этнонимы мы можем судить о непосредственных контактах народа не только с окружающей природой, атмосферными явлениями, другими народами, но и с попусторонним миром.

Таким образом, модель мира, созданная предками башкир, довольно четко прослеживается в этнонимии, что, в свою очередь, помогает нам оценить глубину образной мысли древних башкир.

Литература:

Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир// Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 13-18.

Бикбулатов Н.В. Этноним башкорт/ Башкиры (краткий этноисторический справочник). – Уфа, 1995. – 35 с.

Ковалевский А.П. Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922гг. – Харьков, 1956. – 347 с.

Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорт мифологияһы/Белешмә-һүзлек. - Өфө, 2002. – 126 б.

Сиражитдинова Н.М., г. Учалы

СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННОЙ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Как известно, народные песни, благодаря символической, способны вмещать в “уплотненном виде” в свой относительно малый объем большое и емкое содержание и приобретают некое устойчивое постоянство, чему способствует и их стихоформа, системы образов и средств выражения. Они являются носителями эстетической, этической, социально-правовой и философской мысли.

Так, в башкирском народном песенном материале четко выделяется лексика, связанная с абстрактными понятиями, которые обозначают некую “философию жизни” башкир, а также определяют и их мифологичность: йән (душа), кот (жизненная сила), ғүмер (жизнь), үлем (смерть), язмыш (судьба), йоко (сон), бәхет (счастье).

Как известно, тюркские народы, в том числе и башкиры, представляли йән (душу) и кот (жизненную силу) живыми существами [БНТ 1999, 23; Хисамитдинова 2002; 146]. Они (йән и кот), по бытующему понятию верования, могут свободно покинуть человека, особенно во время сна, блуждать, потом снова вернуться в его тело. Если же йән (душа) не возвращается, человек умирает. Вообще, тюркская мифология свидетельствует о том, что человек всегда находится между жизнью и смертью. Например, в песне “Ирәмәле” (“Ирәмәль”) смерть – это почти неизбежная предопределенность, на которую обречены по негласному закону воины. Они отдают свои жизни во имя защиты Отчизны: “...Тыуған да ғына илде без һакланьк, ғәзиз йәнебезән төнөлөп...” (“...Защищали мы родину, отказавшись от жизни своей...”).

Не менее активной является в песнях и лексема **гүмер (жизнь)**. В песне “Сәләй” (“Салый”) данное понятие вбирает в себя такие составляющие, как быстротечность жизни, миролюбие, искренность (исхласлык), необходимость терпеливо переносить все лишения и опасности, которые выпали на долю человека, принять жизнь такой, какая она есть: “...Дан уйнайык, дуҫтар, дан кәләйек, шул ултырыу безгә бер гүмер...” (“...Повеселимся, друзья, посмеемся, в этой встрече – вся наша жизнь...”).

Слово “дан” в общепринятом литературном башкирском языке имеет значение “слава”. Д.Ж. Валеев отмечал, что в диалекте башкир Челябинской области слово “дан” является синонимом словам “якшы” (“хорошо”), “якшылык” (“добро”), “изге” (“святой”), “изгелек” (“благодетель”, “милость”) и восходит к древнетюркскому **dana** [Валеев 1989; 52]. Фраза из приведенной выше песни “...шул ултырыу безгә бер гүмер...” (“...в этой встрече – вся наша жизнь...”) определяет смысл жизни в понимании башкир: не гонись за материальным достатком, ведь “...баш һау булһа, мал табылһыр...” “...если голова будет цела, достаток найдется...” (“Салый”). Так называемая “жизненная система координат” [Салихов 1992; 23] башкир, как широкая, так и высокая, судя по песенному материалу, ориентирована на “полет души”.

Также в башкирских народных песнях слово **үлем (смерть)** напрямую обычно не называется, а лишь подразумевается: “...шунда ята башкорт һәйәге...” (“...здесь лежат кости башкир...”), “...һатлык етте башыма...” (“...предатель погубил меня...”) и др. Однако в песнях “Бәзрийән” (“Бадриян”) и “Тирмән дә аҫты тәрән һыу” (“Под мельницей глубока вода”) данная лексема используется, чтобы оттенить чувство сильной любви. Здесь любовь как продолжение жизни противопоставляется смерти.

Не случаен в песнях и образы **төш, йоко (сон)**, которые своеобразно “переплетаются” с понятием **язмыш (судьба, предназначение)**. Здесь нужно отметить, что слово сон в русском языке обозначает два понятия: “уснуть” и собственно “сновидение”. На башкирском языке эти два состояния обозначаются двумя самостоятельными словами “йоко” и “төш”, которые используются в народных песнях как поэтические средства:

Татлы ғына **йокдан** уяна килдем
 “Заһизулла!” – тигән тауышҡа.
 Башкынамды тотоп мин иланым,
 Һукранып та ғына шул **язмышҡа**.
 (“Заһизулла”)

...Проснулся я от сладкого **сна**
 На чей-то голос: “Загидулла!”
 Обхватив голову, я заплакал,
 Сетуя на свою **судьбу**...
 (“Загидулла”)

В песне “Фәзиз баш” (“Бедная голова”) сон представлен как вещий, что придает также содержанию песни и мифологический оттенок:

...Бөгөн генә төндә бер **төш** күрҙем,
 Эйәрле лә атка атландым.
 Шул төшкәйем минең туры килде,
 Дустарымды күреп шатландым.

Сегодня ночью видел я **сон**,
 Сел на оседланного коня.
 Сон пришелся в руку:
 Порадовался, увидев друзей.

Понятия “язмыш”, “тәкдир” (“судьба”) истолковываются в песенном творчестве как предназначение свыше. Оно, согласно Исламу

о предопределенности судьбы (фатализм), еще в момент рождения человека “записывается на лбу” и сбывается с неотвратимостью рока при жизни. Человеку лишь остается слепо следовать этим предначертаниям и не пытаться что-либо изменить:

...Манлайына язған Хак **язмышты**
Юйып кына булмай кул менән...
 (“Юркә Юныс”)

...**Судьбу**, написанную на лбу Всевышним,
Невозможно стереть рукой...

(“Юрка Юнус”) и др.

С понятием “язмыш” (“судьба”) перекликается в текстах песен также и понятие “**бәхет**” (“**счастье**”):

...Үз бәхеткәйзәрен, ай, булмағас,
Фани донъяларза торма икән...

...Если нет своего счастья,

Стоит ли жить в этом брэнном мире... (“Эскадрон”)

Таким образом, если человек воспринимает окружающий **материальный** мир посредством органов чувств и даже прямых телесных ощущений, через комплекс бытовых и общественных отношений, то **нематериальная** мифологизированная способность миропонимания в песнях, как и в жизни, достигается в основном благодаря такому, казалось бы, эфемерному человеческому органу-свойству, как йән (душа) и кот (жизненная сила). Эти состояния “впитывают” в себя жизнь (ғүмер), которая предопределена свыше судьбой (язмыш). А жизнь, в свою очередь, может быть счастливой и несчастливой. Понятие же йоко (сон) в песнях является своеобразным аналогом смерти (үлем), а также и неким элементом или поэтическим средством выражения, предопределяющим судьбу (язмыш). Все вместе данные лексемы образуют в народном песенном материале поэтический синтез, который помогает понять менталитет народа.

Литература:

Башкирское народное творчество. I том. Обрядовый фольклор/ Составители д.ф.н., проф. А.М. Сулейманов, д.ф.н., проф. Р.А. Солтангареева. – Уфа, 1999.

Валеев Д.Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. – Уфа, 1989.

Хисамитдинова Ф.Г. Понятие “кот” в башкирской мифологии/Ватандаш, № 1, 2002. - С. 146-149 (на башк. яз.).

Салихов В.В. Картина мира в башкирском фольклоре: Дис. ...канд. филос. наук. – Уфа, 1992.

Сиразитдинов З.А., г. Уфа

К ВОПРОСУ ОБ АВТОМАТИЧЕСКОМ ПОРОЖДЕНИИ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В связи с широким внедрением информационной технологии в издательской деятельности создание достаточно эффективных систем автоматической коррекции текстов (спеллеров) становится актуальной задачей как для программистов, так и для лингвистов.

На сегодня для многих языков такие спеллеры, работающие с разной степенью эффективности, уже созданы. В России для русского и татарского языков созданы несколько вариантов, отличающиеся концептуальным подходом.

Имеется некоторый опыт разработки таких систем и для башкирского языка. Компаниями Арсеналь и ABBY HAUSE были созданы системы орфографической коррекции, проверяющие орфографию башкирского языка соответственно в текстовом редакторе Лексикон и в системе оптического распознавания FineReader. В основе спеллеров этих программ лежат базы данных словоформ, порожденные нашим подходом. Системы коррекции Лексикона и FineReader'a остаются пока единственными для башкирского языка. Настало время создания более эффективных систем автоматической орфографической проверки.

Существуют ряда причин из-за которых ни программисты, ни лингвисты не решаются на разработку новых типов спеллеров для башкирского языка. Одним из таковых является отсутствие формализованного изложения морфологической системы башкирского языка.

Таблица 1. Показывает, что в агглютинативных языках средняя частота встречаемости словоформ в текстах значи-тельно ниже чем в флективно-синтетических языках. Анализ сводного текста башкирского языка, полученного на базе выборок из трех функциональных стилей: публицистика, наука и художественная проза, общим объемом в 600 000 словоупотреблений, показывает, что средняя частота встречаемости словоформ в тексте равна 8,21. Данный показатель близок к показателю казахского языка, что является типологической характеристикой агглютинативных языков.

Анализ покрываемости текста в 600000 словоупотреблений показывает, что существительные и глаголы в башкирском языке вместе покрывают 58,69% текста. При этом существительные в основной и производной форме составляют всего 35,5% от всех словоформ данной части речи. Остальное приходится на словоизменение. Среди глаголов наблюдается еще более контрастная картина. Глаголы в основной и производной форме составляют всего 3,73% от всех глагольных словоформ.

Таблица 1

Тип языка	Средняя частота повторяемости словоформ в текстах			
	Язык	Подъязык	Объем текста словаря	F
Флективно-аналитический	Английский	Смешанный	400000	30,77
Флективно-синтетический	Русский	Электроника	200894	9,36
	Латышский	Смешанный	292010	6,46
Агглютинативный	Казахский	Смешанный	465748	7,58

Данные для таблицы взяты из работы К.Б. Бектаева [1, 47].

Поэтому в системе орфографической проверки текстов башкирского языка невозможно обойтись лишь словарем слов в основной форме. Для создания эффективной системы необходим максимально полный список всех возможных форм словоизменений. Единственным выходом из данной ситуации является построение алгоритмической модели образования текстовой словоформы из

основы и производной. И в первую очередь такая модель должна быть построена для существительных и глаголов.

В грамматике современного башкирского литературного языка у глаголов определены следующие грамматические категории:

Категория переходности/непереходности не имеет специальных аффиксов выражения, относится к сфере синтаксиса и определяется на лексико-семантическом уровне как уточнение глагольной основы в словосочетаниях [2, 239]. Залог, по формальному выражению своего значения, большинство исследователей относят к категории словообразования [2, 244]. Мы также считаем их словообразованиями и представляем в готовом виде в словаре основ. В нашем определении в словоизменении глаголов принимают участие следующие категории: наклонение, деепричастие, причастие, инфинитив, имя действия, отрицание, усиление, неопределенность, вопросительность, уподобление и сравнение (для причастий и деепричастий).

В работе не рассматриваются аналитические словоизменения глагов. Грамматические омонимы не повторяются, дается только вариант порождения при одной из категорий, например: *бар + ыу + сы и бар + ыусы*.

Основой глагола является форма 2-го лица повелительного наклонения: **бар** “иди”, **яз** “пиши” и т.д. К основе присоединяются аффиксы вышесказанных категорий.

В общем, глаголы являются сложными понятиями, грамматические категории не так просты как у существительных. Сочетания аффиксов самих категорий не столь регулярны и последовательны. Исходя из этого, порождение словоизменений глаголов рассматривается нами в трех блоках, первые два из которых образуют относительно регулярные модели словоизменения.

В первом блоке рассматривается порождение словоформ при следующих категориях: изъявительное наклонение (без будущего неопределенного времени), повелительное наклонение, желательное наклонение (формы на *-айым/-әйем, -айыҡ/-әйек*), условное наклонение (форма на *-һам/-һәм, -һаң/-һәң, -һа/-һә*), деепричастие (формы на *-һас/-һәс, -һанса/-һәнсә*), причастие настоящего времени (форма на *-ыусы/-еусе*), имя действия. Блок выделен по регулярности сочетания аффиксов рассмотренных категорий с аффиксом отрицания.

Во втором блоке рассматриваются порождения при следующих категориях: будущее неопределенное время изъявительного наклонения, желательное наклонение (формы на *-ыи/-еи, -һы/-һе*), наклонение намерения (формы на *-мәксе/-максы*), деепричастие (формы на *-п, -һансы/-һәнсе*), инфинитив. Данный блок выделен по отсутствию или своеобразию отрицательной формы рассматриваемых категорий. Подавляющая часть словоизменительных форм из этих блоков могут принимать частицы вопросительности, неопределенности и усиления.

В третьем (нерегулярном) блоке рассматриваются явления субстантивации, словоизменения за счет аффиксов уподобления и сравнительной степени, образование абстрактных существительных с аффиксом *-лыҡ/-лек* от причастия прошедшего времени на *-һан/-һән* (положительные и отрицательные формы) и от причастия будущего времени на *-ыр/-ер, -образования с аффиксом -сан/-сән* от инфинитива

на *-ьу/-еу* (*бар + ьу + сан, кәл + өү + сән*), формы от глаголов в желательном наклонении на *-ьы/-ге* с аффиксом *-һыз/-һез* (*аскы + һыз, эске + һез*).

Блок А (регулярные модели)

В словаре заданы основы глаголов ${}^{pt}V_i^f$ – i-я основа.

f – определяет тип изменений в конечном звуке основы при присоединении аффиксов.

f=1 означает отсутствие фонетических изменений в конечном звуке основы;

f=2 описывает ситуацию перехода конечной согласной **-п** в **-б** при присоединении аффикса, начинающегося с гласной (*яп: яба, ябырым, ябып*);

f=3 описывает ситуацию перехода конечной согласной **-к** в **-г** при присоединении аффикса, начинающегося на гласную (*тек: тегә, тегәсәк, теген*). Если предыдущий звук согласный, то изменений нет (*бөрк: бөркә, бөркам, бөркән*);

f=4 описывает ситуацию перехода конечной согласной **-к** в **-ғ** при присоединении аффикса, начинающегося на гласную (*так: таға, тағасак, тағып*). Если предыдущий звук согласный, то изменений нет (*кырк: кырка, кыркасак, кыркып*).

${}^{j|k|l|l}B^{jk|l}$ – “тензор” словоизменения глагола от v_i основы. Элемент “тензора” образуется в общем случае по схеме:

${}^{j|k|l|l}B^{jk|l} = {}^{pt}V_i^{jk|l} m_j^{j|l} m_k^{k|l} m_l^{l|l}$,

где ${}^{pt}m_j^{j|l}$ – элементы соответствующего “тензора” аффиксов словоизменения j-й категории и j|l-й словоизменительной парадигмы.

p, t – определяют фонетическое строение аффикса в зависимости от фонетического строения основы.

j, k, l – принимают значения от 21 до 31, связаны с грамматическими категориями словоизменения и определяют типы аффиксов словоизменения.

Так j, k, l=21 определяют категорию отрицания,

j, k, l=22 – категорию изъявительного наклонения (без будущего неопределенного времени),

j, k, l=23 – категория повелительного наклонения,

j, k, l=24 – категория желательного наклонения (неполная форма на *-айьым/-айьем, -айьык/-айьек*),

j, k, l=25 – категория условного наклонения (на *-һам/-һәм, -һан/-һән, -һа/-һә*),

j, k, l=26 – категория деепричастия (на *-һас/-һәс, -һанса/-һәнсә*),

j, k, l=27 – категория причастия настоящего времени (на *-ыусы/-өүсө*),

j, k, l=28 – категория имени действия (на *-у/-ьу/-еу*).

j1, k1, l1 определяют словоизменительную парадигму соответствующей категории.

Для башкирского языка при j, k, l=21 (категория отрицания) индексы j1, k1, l1=1 (отрицательная форма глаголов образуется только одним аффиксом, имеющим 2 алломорфы: **-ма/-мә**).

Если j, k, l=22 (категория вопросительности), то j1, k1, l1=1 (вопросительная форма глаголов образуется только одним аффиксом, имеющим 4 алломорфы: **-мы/-ме/-мо/-мө**).

Если $j, k, l=23$ (категория неопределенности), то $j_1, k_1, l_1 = 1$ (неопределенность образуется только одним аффиксом, имеющим 16 алломорфы: *льр/-лер/-лор/-лөр, дыр/-дер/-дор/-дөр, тыр/-тер/-тор/-тор, зыр/-зер/-зор/-зөр*).

Если $j, k, l=24$ (категория усиления), то $j_1, k_1, l_1 = 1$ (категория усиления образуется только одним аффиксом, имеющим 4 алломорфы: *-сы/-се/-со/-сө*).

Если $j, k, l=22$ (категория изъявительного наклонения), то $j_1, k_1, l_1 = 1, \dots, 31$ (все спрягаемые синтетические формы без будущего неопределенного времени).

Если $j, k, l=23$ (категория повелительного наклонения), то $j_1, k_1, l_1 = 3$ (парадигмы с аффиксами ед. ч. . 3 л. и мн. ч. . 2 и 3 л.).

Если $j, k, l=24$ (категория желательного наклонения), то $j_1, k_1, l_1 = 2$ (парадигмы с аффиксами форм *-айым/-эйем/, -айык/-эйек*).

Если $j, k, l=25$ (категория условного наклонения), то $j_1, k_1, l_1 = 6$ (аффиксы спряжения для синтетических форм наклонения).

Если $j, k, l=26$ (категория деепричастия с формами на *-ъас/-гэс, -ъанса/-гэнсэ*), то $j_1, k_1, l_1 = 2$ (аф. *-ъас/-гэс, -ъанса/-гэнсэ*).

Если $j, k, l=27$ (категория причастия настоящего времени), то $j_1, k_1, l_1 = 1$ (один аффикс с 6 аллоформами: *-еусе/-ыусы/-оусы/-өусе/-усы/-усе*).

Если $j, k, l=28$ (категория имени действия), то $j_1, k_1, l_1 = 1$ (имя действия образуется одним аффиксом с 16 аллоформами).

Блок Б (регулярные модели)

$${}_{j_1 k_1 l_1} B^{j_1 k_1 l_1} = p_{j_1}^{j_1} p_{k_1}^{k_1} p_{l_1}^{l_1} m_j^{j_1} m_k^{k_1}$$

j, k, l — принимают значения от 29 до 33, связаны с грамматическими категориями словоизменения.

$j=29$ — будущее неопределенное время изъявительного наклонения (с отрицательной формой на *-мас/-мэс*).

$j=30$ — желательное наклонение на *-ъы/ге, -һы/-һе* (отсутствует отрицательная форма).

$j=31$ — наклонение намерения (*-мәксе/-максы* отсутствует отрицательная форма).

$j=32$ — деепричастие на *-п* (отрицательная форма на *-майынса/-мәйенсэ*).

$j=33$ — инфинитив (отрицательная форма на *-мәска/-мәскә*).

Если $j, k, l=29$, то $j_1, k_1, l_1 = 14$ (все спрягаемые утвердительные и отрицательные формы будущего неопределенного времени изъявительного наклонения).

Если $j, k, l=30$, то $j_1, k_1, l_1 = 11$ (все спрягаемые формы желательного наклонения).

Если $j, k, l=31$ (наклонение намерения на *-мәксе/-максы*), то $j_1, k_1, l_1 = 6$ (все спрягаемые формы).

Если $j, k, l=32$, то $j_1, k_1, l_1 = 3$ (деепричастие на *-п* с формами на *-майынса* и *-майса*).

Если $j, k, l=33$ — инфинитив (отсутствует отрицательная форма), то $j_1, k_1, l_1 = 2$ (утвердительная форма на *-рға* и отрицательная форма на *-мәска/-мәскә*).

Блок С (нерегулярные модели)

В этом блоке рассматриваются модели словоизменения глаголов, возникающих в результате: а) присоединения аффиксов уподобления, сравнительной степени и б) субстантивации.

j=34 – образование прилагательных (форма на *-сан/-сэн*).

j=35 – образование абстрактных существительных (форма на *-лык/-лек*).

Если j, k=34, то j1, k1 = 1 (один аффикс с 2 алломорфами).

Если j, k=35, то j1, k1 = 1 (один аффикс с 4 алломорфами: *-лык/-лек/-лок/-лок*).

Литература:

Бектаев К.Б. Статистико-информационная типология тюркского текста. Алма-Ата, "Наука", 1978.

Грамматика современного башкирского языка. М.: Наука, 1981.

*Сиразитдинов З.А., Максutow А.Д.,
Полянин А.И., Бускунбаева Л.А., г. Уфа*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА “МАШИННЫЙ ФОНД БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА”

Машинный фонд башкирского языка (МФ БЯ) — это специально разработанная для лингвистов система поиска филологической информации. Данная информационная система включает в себя специализированные базы данных, интерфейсы для выполнения запроса к базам и программные обеспечения для обработки этих запросов.

Идея создания МФ БЯ была выдвинута в начале 90-х годов прошлого столетия [1]. Сама работа по созданию фонда началась в конце 2003 г. с разработки концепции и структуры фонда как системы баз данных, работающей на отдельных компьютерах Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. В дальнейшем было принято решение о разработке сетевой концепции для ИИЯЛ и гуманитарных вузов. В 2005 г. окончательно утвердилась концепция машинного фонда в виде открытой сетевой системы с доступом через Интернет.

МФ БЯ разрабатывается и поддерживается силами сотрудников лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы и Интернет центра Башкирского государственного университета в рамках Государственной программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан. Разработка отдельных частей баз данных были поддержаны грантами РГНФ (№ 05-04-12422в, 2005-2006 гг.), РФФИ (08-06-97004-р_поволжье, 2008-2009 гг.) и ОИФН РАН (2009-2010 гг.).

Лингвистическая информационная система МФ БЯ состоит из интерфейса, пакета программных продуктов по обработке запроса от пользователей и баз лингвистических данных. Информационная система разработана на базе СУБД Oracle 10 и функционирует на специально выделенном сервере в Интернет центре Башкирского государственного университета по адресу www.mfbl.ru.

На сегодня информационная система имеет 7 баз данных, которые образуют подфонды единого машинного фонда: подфонд генеральной картотеки; лексикографический подфонд; грамматический подфонд; каталог рукописных книг; каталог старопечатных книг;

экспериментально-фонетический подфонд; диалектологический подфонд.

1. Подфонд генеральной картотеки содержит основную информацию о лексической системе башкирского языка. В базе содержится более 100000 слов всех пластов национального языка. Подфонд дает информацию о таких характеристиках слова как часть речи, происхождение слова, стиль, диалектное/литературное, устаревшее/активное, нарицательное/собственное. Для каждого слова вводятся парадигмы употребления и для каждой парадигмы приводятся не менее 3-х примеров употребления из художественной и научной литературы, устного народного творчества с указанием источника (названия, автора и даты издания) печатного материала. На данном этапе примеры употребления вводятся из картотеки отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. В перспективе планируется автоматический ввод иллюстрационных текстов непосредственно из предпечатных материалов издательства и редакций. Эту работу мы планируем начать с 2011 года в рамках нового проекта по национальному текстовому корпусу башкирского языка.

Подфонд генеральной картотеки связан с другими подфондами, в частности, можно определить в каких лексикографических разработках зафиксировано то или иное слово. При этом можно осуществить поиск как по фиксации слова в виде заглавной статьи, так и по употреблению его в внутри статей перевода, толкования, иллюстративного примера.

2. Лексикографический подфонд дает информацию о слове исходя из существующих словарей башкирского языка. База данных этого подфонда на сегодня состоит из 42 словарей с общим объемом словарных статей порядка 452 000 единиц. Для удобства работы все словари объединены в следующие группы:

- общефилологические двуязычные словари с башкирского языка (башкирско-русский, башкирско-английский, башкирско-турецкий);
- общефилологические двуязычные словари на башкирский язык (русско-башкирский, англо-башкирский, турецко-башкирский);
- двуязычные терминологические словари (по дефектологии, ботанике, пчеловодству, технике, математике, физике, астрономии, зоологии, животноводству, лесному делу, медицине, юриспруденции, общественно-политической жизни, языкознанию, экологии и т.д. – всего 27 словарей));
- одноязычные словари (толковый, орфографический, синонимический, фразеологический);
- словари-справочники (названий населенных пунктов РБ, названий водных объектов РБ, названий улиц городов РБ);
- частотные словари (наука, проза, публицистика).

Среди пользователей Интернет особой популярностью пользуется русско-башкирский академический словарь (под ред. З.Г.Ураксина, 2005). Учитывая это, нами открыт второй вход в базу данных через сервер самого БГУ (<http://mfbl.ru/bash/rusbash>), где форма обращения и выдача материала максимально приближены к формам бумажных словарей.

В лексикографическом подфонде пользователь может производить поиск слова как по точному совпадению, либо по началу слова, либо по

совпадению любой части. Найденную словарную статью можно забрать в “корзину” для дальнейшей работы.

3. В экспериментально-фонетическом подфонде даются артикуляционные и экспериментальные характеристики вокализов и консонант башкирского языка. На данный момент экспериментальные характеристики представлены амплитудно-частотными графиками и сонограммами. Фонемы можно прослушать. В подфонде также представлен фонетический словарь объемом в 8000 единиц. Кроме научного интереса, фонетический подфонд представляет большой интерес для изучающих башкирский язык самостоятельно. В этом нас убеждает анализ географии посещаемости и запроса на обработку обращения из данного раздела информационной системы (Уфа, Москва, Екатеринбург, Челябинск).

4. С целью информирования населения и научного мира о существующих источниках башкирского письменного литературного языка в МФ БЯ представлены два каталога: рукописных и старопечатных книг. Общий объем баз этих каталогов составляет более 2000 единиц.

Каталог рукописных книг содержит в себе описание рукописных книг из фонда Института истории, языка и литературы УНЦ РАН¹.

Описываются следующие характеристики книг: заглавие (перевод на русском языке), заглавие в транслитерации, автор (автор произведения), автор в транслитерации, переписчик (кем переписана рукописная книга), год (дата когда переписана книга переписчиком), объем (в листах), формат (кодекса и текста, количество строк на странице), характеристика, аннотация (краткое описание содержания книги), коллекция (кем, где и когда найдена книга, последний владелец книги), язык (язык текста: арабский, старотюркский, османский и т.д.), палеографические сведения (бумага, чернила, почерк, пагинация, наличие комментариев), библиография (ссылки на данную рукописную книгу), сигл (где хранится рукописная книга), шифр (шифр книги в хранилище).

Пользователь имеет возможность производить поиск книги по 6 полям: заглавию, языку, автору, году, сиглу и шифру. Для того, чтобы не нагромождать экран информацией, реализована возможность выбора отображаемой информации на выходе.

Каталог старопечатных книг содержит описание арабографичных книг, хранящихся в фонде Национального музея РБ. Книги описаны по 15 полям:

автор, заглавие книги, издатель книги, место издания книги, типография (название типографии), год издания, часть (если книга издавалась в нескольких частях), объем (в страницах), формат книги, переплет (наличие или отсутствие переплета, вид переплета), характеристика (титальный лист, сигнатура, пагинация, колонцифры), аннотация (краткое описание содержания книги), языка (язык текста книги), сигл (место хранения книги), шифр (шифр хранения в хранилище). Предоставляется возможность производить поиск книги по 9 полям: заглавию, языку, автору, году, сиглу, шифру, месту издания,

---

¹ Разработка основополагающих идей каталогов рукописных и старопечатных книг и заполнение баз данных осуществлялось при участии ст.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН к.ф.н. Булгакова Р.М.

издателю, типографии. Для отображения данных из базы пользователю также необходимо в начале работы определить объем выводимой на экран информации.

5. Работа по диалектологическому подфонду была начата в 2008 году. На сегодня этот подфонд состоит из трех крупных разделов: лексический, картографический, текстологический.

В лексическом разделе представлена информация о диалектной лексике. База данных содержит более 52000 лексических единиц с шестью информационными полями: часть речи, диалект, говор, литературная норма, русский перевод.

В подфонде поиск информации осуществляется по 6 полям. А по трем полям (слово, перевод, литературная норма) реализована гибкая система фильтрации и выдачи информации: по началу, концу слова; по любой части, по точному совпадению.

В картографическом разделе представлена информация по диалектологическому атласу башкирского языка. База данных диалектологического атласа позволяет выбрать тип языковых явлений для изоглоссы: фонетический, морфологический, синтаксический, лексический. Интерфейс состоит из меню 2-х уровней:

1. Меню выбора типа языкового соответствия: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический.

2. Меню выбора конкретных языковых соответствий (противопоставление лингвистических явлений в разных позициях в опорных словах и конструкциях).

Изоглоссы фонетических явлений выделяются по 250 опорным пунктам, включающим населенные пункты Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской, Самарской, Саратовской, Пермской, Курганской, Свердловской областей, по которым сотрудниками Института истории, языка и литературы были собраны экспедиционные материалы с 1973 г. по 1980 г.

Текстологическая база данных начала создаваться в 2009 г.¹ В этой базе дается интегрированное представление о речи носителей говоров. Здесь представлены образцы устной речи, собранные во время экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. Объемы самих текстов разные: от предложения до нескольких страниц формата А4. Интерфейс базы позволяет производить выбор текстов по следующим лингвистическим и экстралингвистическим параметрам: диалект, говор, год записи, образование информатора, пол информатора, возраст информатора, национальность.

Все параметры, за исключением года записи, выбираются из ниспадающего меню. Год записи пользователь вводит сам. Образование включает следующие поля фиксации: без образования, начальное, неполное среднее, среднее, среднее техническое, высшее.

Возраст информатора задается в виде шкалы лет: 5-10, 11-20, 21-30, 31-40, 41-50, 51-60, 61-70, 71-80, 81-90, 91-100.

Программное обеспечение позволяет производить поиск текстов по любому из 7 параметров или по комбинации этих параметров.

---

¹ Данная база создается в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст в социокультурном и языковом пространствах РФ».

Текстологическая база данных позволит быстро выбирать иллюстрационный материал для лингвистических исследований и явится ценным аппаратом и источником данных для социолингвистических исследований на уровне носителей диалектов. Последнее направление в башкирском языкознании пока остается вообще вне поля зрения лингвистов.

Объем текстологической базы данных на данное время составляет 500 текстов, охватывающих все говоры диалектов башкирского языка. В ближайшее время объем текстологической базы будет значительно увеличен.

6. Грамматическая база данных включает гипертекстовое представление академической грамматики и алгоритмической грамматики словоизменительной системы башкирского языка. В 2010 г. планируется создать статистическую базу данных по словоизменительным морфемам, включая и комбинаторные данные этих морфем. В перспективе ставится задача создания парсера башкирского языка.

За неполных 10 месяцев своего открытого функционирования МФ БЯ уже стал явлением не только сугубо научного, но и культурного, и образовательного значения. За полтора месяца (с 09.02.10-09.03.10) к машинному фонду было 3825 обращений от 201 пользователя. В последние дни осуществляется до 200 запросов на поиск информации от 40 до 50 пользователей. Это при том, что практически отсутствует целенаправленная реклама фонда. При этом наблюдается динамика роста как посещений, так и обращений на обработку запроса. К машинному фонду обращаются как из стран дальнего, так и ближнего зарубежья (Норвегия, Германия, Польша, Турция, Йемен, Украина, Казахстан, Узбекистан и т.д.). Этот факт говорит о том, что фонд является средством активной пропаганды и ознакомления мировой цивилизации с башкирским языком.

Литература:

Сиразитдинов З.А., И.У.Надергулов О создании Машинного фонда башкирского языка/Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Вып.3, Уфа, 1992.; Сиразитдинов З.А. Компьютерная технология и языкознание/Компьютерные технологии в исторических и лингвистических исследованиях, Уфа, 1994.

Вторая Всесоюзная конференция по созданию МФ РЯ (Материалы конференции). 1988. 230с. Отв.ред. член-корр. АН СССР Ю.Н. Караулов; Материалы III Всесоюзной конференции по созданию МФ РЯ. МГУ, 1990. 148с. Под ред. С.Ф.Гилязова и Ю.Н.Караулова.

Машинные фонды языков народов СССР: Материалы рабочего совещ. (Тбилиси, 15-22 сент. 1987 г.).- Тбилиси, 1988; Машинные фонды языков народов СССР: материалы рабочего совещания (Таллинн, 19-22 декабря 1988). Таллинн: Инст. яз. и литературы АН ЭстССР, 1988. 21с.

Пиотровский Р.Г., Шерба А.М., Гузев В.Г.О создании машинного фонда тюркских языков//Советская тюркология, 1988, №2, С.92-101.

www.donelaitis.vdu.lt; www.eanc.net; til.gov.kz.

Сиразитдинов З.А., Полянин А.И., Ибрагимова А.Д. г.Уфа

О СТАТИСТИКЕ ПОСЕЩЕНИЯ МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Машинный фонд башкирского языка представляет собой информационную систему с достаточно большими по объему и разнообразными по тематике базами данных по башкирскому языку. На сегодня фонд включает следующие подфонды:

- генеральная картотека;
- лексикографический подфонд;
- грамматический подфонд;
- экспериментально-фонетический подфонд;
- каталог рукописных книг;
- каталог старопечатных книг;
- диалектологический подфонд.

Данная информационная система установлена на отдельном специализированном сервере Интернет-центра Башкирского государственного университета, имеет адрес www.mfbl.ru. Свободный доступ к фонду открыт с июня 2009 г.

Информационные ресурсы машинного фонда представляют интерес как для специалистов филологов, так и для всех интересующихся башкирским языком, желающих углубить свои знания или освоить язык самостоятельно.

За время функционирования фонда ведется сбор и обработка статистического материала по временным интервалам: полгода, месяц, неделя и день. На сегодня накоплен интересный количественный материал посещаемости информационной системы как по динамике и географии, так и по тематике обращения к отдельным подфондам. При анализе статистического материала нами учитываются количество посещений информационной системы (количество заходов) и количество обращения на обработку запроса (поиск и выдача информации). Анализу подвергаются посещения и обращения как за полгода, так и за месяц (период с 09.02.10 по 09.03.10).

1. Динамика посещаемости машинного фонда

За рассматриваемый период к машинному фонду было 3825 обращений от 201 пользователя. В день осуществлялось в среднем 127 запроса на поиск информации от 40 до 50 пользователей. При этом наблюдается динамика роста как посещений, так и обращений на обработку запроса.

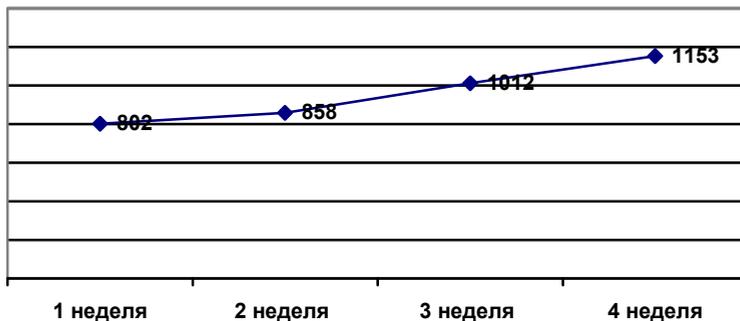

Рис. 1. Динамика роста числа обращений на обработку запроса за 5 последних недель.

Как видно из Рис.1., количество обращений на поиск и выдачу той или иной информации по подфондам информационной системы постоянно растет.

2. География посетителей машинного фонда

Аналізу подверглись посещения машинного фонда за последние 6 месяцев. За данное время фонд посетили из 61 населенного пункта РБ, РФ и зарубежья.

Попадающее количество посещений по РБ приходится на Уфу (80%). Видимо, в этом сказывается с одной стороны недостаток рекламы машинного фонда в республике, с другой стороны, уровень владения техникой поиска информации в поисковых системах в перифериях республики.

За пределами республики, но в рамках Российской Федерации лидерами посещения фонда являются москвичи, уступающие уфимцам только в 4 раза по посещаемости за последний месяц (140 и 38 посещений соответственно), но значительно приближающиеся к ним по посещаемости за последний день (17 и 12 соответственно на 11.03.2010). Анализ разделов, которые были просмотрены пользователями Интернет, позволяет судить о том, что фондом интересуются не только представители башкирской диаспоры Москвы, но и представители филологической науки столицы. Далее по количеству посещений за последние 6 месяцев следуют екатеринбуржцы (42), казанцы (31), представители Санкт-Петербурга (23) и Оренбурга (26).

Отрадным является то, что машинный фонд посещают представители зарубежья. Постоянными посетителями являются, в основном, жители дальнего зарубежья: Норвегии (82), Турции (19), Германии (6) (, Польши (11). Представители ближнего зарубежья заходят не столь часто.

3. Статистика посещаемости разделов машинного фонда

Анализ данных посещаемости разделов информационной системы за последний месяц показывает, что наибольшей популярностью пользуются словари машинного фонда: на них приходится 86% всего обращения по фонду. Среди словарной базы явным лидером является база русско-башкирского словаря (70% всех словарных посещений). Учитывая это, нами был организован дополнительный вход в базу данных этого словаря по адресу <http://mfbl.ru/bash/rusbash> через университетский сервер. Причем интерфейс работы и выдача материала словаря были максимально упрощены и приближены к требованиям он-лайн словарей.

Далее по количеству обращений следует каталог старопечатных книг (5% всех обращений к информационной системе), активными посетителями которого являются представители Уфы, Москвы и Оренбурга.

На генеральную картотеку и диалектологический подфонд приходится по 3% от всех обращений. Генеральной картотекой интересовались представители Уфы, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбургa, Челябинска, Оренбурга и Нюрнберга (Германия). География обращений к диалектологическому подфонду ограничивается только Уфой, Москвой и Екатеринбургом, но при одинаковом количестве обращений на обработку запросов с генеральной картотекой, это указывает на то, что данный подфонд используется целенаправленно, с большой вероятностью в научных и методико-дидактических целях.

На остальные подфонды приходится по 1% обращений, при этом среди них грамматический подфонд обладает наиболее широкой географией обращения (Норвегия, Германия, Москва, Челябинск, Самара, Екатеринбург).

Рассмотренные статистические показатели по динамике и тематике обращений, географии посещений показывают, что машинный фонд башкирского языка не только вызывает интерес у пользователей Интернет, но и становится важным инструментом в научно-педагогической практике, выполняя вместе с этим функцию пропаганды башкирского языка далеко за пределами Российской Федерации.

Соегов М., Туркменистан, Ашхабад

СВЯЗЬ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ТУРКМЕНИСТАНА С ИСТОРИЕЙ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДРЕВНЕГО ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

О языке племен, перешедших задолго до начала н. э. на оседлый образ жизни и создавших большие культуры в Джейтуне, Анау, Алтындепе и Маргиане, наука никакими сведениями пока не располагает. По-видимому, эти племена еще не имели письменности в современном ее понимании, возникновение которой в III веке до н.э. ученые связывают с другими частями мира.

Нет сомнения, что носители этих культур имели развитую устную речь, в том числе богатую земледельческую и скотоводческую терминологию, выявление исторической связи которой с ныне действующими языками, в первую очередь с языком туркмен — непосредственных наследников этих древних культур, является первоочередной научной задачей.

Многочисленные факты туркменского языка, а также данные этимологического словаря А. Вамбери и некоторых других современных исследований позволяют утверждать, что тюркские (шире Алтайские) языки в далеком прошлом имели не агглютинативный, а аморфно-изолирующий и флективный строй, который с большой долей вероятности мог совпадать с периодами существования указанных культур.

Одно и то же односложное слово в реконструируемом нами языке, который первоначально имел аморфно-изолирующий строй, в зависимости от занимаемого места в составе предложения могло вступать и как имя, и как глагол: *iç* “внутри, внутренность” и *iç-* “принимай во внутрь, пей”; *göç* “кочевка” и *göç-* “кочуй”; *o:y* “яма, углубленность” и *o:y-* “копай яму”; *san* “число, счет, цифра” и *sa:n-/sa:y-* “считаться достоинством кого-либо, считать авторитетом” и другие.

Переход данного языка в последующем на флективный строй характеризовался возникновением чередования звуков (в том числе согласных) со словообразовательной функцией. Именно в этот период появляются двух- и многослоговые слова: *gün* “солнце, день” и *tün* “ночь”; *gel-* “приходи” и *git-* “уходи”; *ba:r* “есть, имеется в наличии” и *ba:y* “имеющий, тот, который имеет, богатый”; *göz* “глаза” и *gör-* “действуй глазами, смотри”; *yak-* “зажги” и *yan-* “гори сам, зажегайся”; *men (min, ben)* “я” и *biç* “мы”; *sen (sin)* “ты” и *siz* “вы”; *kişi* “самец, мужчина” и *tişi* “самка, женщина”; *ekiş* “сев, посев (процесс)” и *ekin* “посевы (результат сева)” и другие.

Древнетуркменский язык с появлением в нем специальных аффиксов формообразования и словоизменения переходит в качественно новое состояние, т.е. становится языком агглютинативного строя. Приведенные выше примеры и многочисленные другие данные свидетельствуют, что в современном туркменском языке сохранилось много отголосков и следов былых времен.

Созинова Э. М. г. Уфа

ДЕОНТИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ПАРЕМИЯХ БАШКИРСКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Деонтические нормы — нормы поведения человека в обществе — устанавливаются на основе представлений людей о добре и зле, так как эти представления относятся к базовым нормативно-оценочным категориям морали.

В работах, посвященных изучению деонтической картины мира, поведение рассматривается "как деятельность людей с учетом их ценностного отношения к другим людям и подлежит квалификации с точки зрения добра и зла, понимаемых как следование нравственному закону в конкретно-исторических условиях" [Латина 1991: 151]. Отклонение от ценностей, которые окружены, в свою очередь, принципами [Касьянова 1992: 15 - 23], поступки, противоречащие ценностям, осуждаются общественным мнением [Стернин 2000: 168].

Морально-этические нормы, выраженные в паремиологических единицах исследуемого автором материала, во многом универсальны, и потому они "укладываются" в рамки нормативных комплексов или аксиом поведения, предложенных В.И. Карасиком на основе исследования английских и русских паремий [2004: 28]. Прием перифразирования (поскольку в паремиях правила поведения в основном выражены не прямо, а опосредованно) В.И. Карасику удалось составить список норм поведения, вытекающих из пословиц. По его сведениям, количество правил в этом списке включает 200 поведенческих норм, сгруппированные им в следующие классы:

1) нормы (аксиомы) взаимодействия: нельзя причинять зла, следует творить добро (Таш менән атканға аш менән ат "Отвечай на зло добром"; букв. "Бросившему камень, брось пищу"; русск. Зло да зло не сделают добро; англ. Don't make evil for evil "Не отвечай злом на зло"; Return good for evil "Отвечай на зло добром"); нельзя быть неблагодарным (Дуҫ биргәнден тешен карама "Не заглядывай в зубы [коня], которого друг подарил"; русск. Дареному коню в зубы не смотрят — англ. Don't look a gift horse in the mouth); следует помогать друг другу (Берең өсөн барың тор, барың өсөн берең тор = Один за всех, все за одного); следует быть смелым, идти на определенный риск (Кыйыулык — ярты бәхет "Смелость — половина счастья"; русск. Храбрый счастье помогает; За смелым удача бежит, англ. Fortune favours the bold "Счастье сопутствует смелым");

2) нормы жизнеобеспечения: следует трудиться (Эшләмәгән ашамай "Не работающий не ест"; русск. Кто не работает, тот не ест, англ. He that will not work, shall not eat "Не работающий не ест");

следует быть терпеливым (Түзгән түш ейгән “Терпеливый груднику съел”; русск. Терпение и труд все перетрут, англ. A patient man wins the day “Терпеливый человек выигрывает день”); нельзя терять время, следует надеяться на лучшее (Беззең тәзрәгә лә кояш төшөр әле “Будет солнышко и в нашем окошке”; русск. Придет солнышко и к нашим окошкам; англ. Every dog has his day “У каждой собаки - есть свой день”);

3) нормы общения (нормы контакта): не следует много говорить (Ауыззан сыккан һүз — оскан кош “Слово, вышедшее из рта - летящая птица”; русск. Слово не воробей, вылетит - не поймаешь; англ. A word spoken is past recalling “Сказанное слово не вернешь”); следует прощать людям ошибки (Кеше күзендәге сүпте күргәнсе, үз күзендәге бүрәнәне алып куй “Чем замечать соринку в чужом глазу, уברי бревно из своего глаза”; русск. В чужом глазу сучок (соринки) видим, а в своем и бревно не замечаем; англ. We see a mote in our brother's eye and don't see a beam in our own “Мы видим соринку в глазах нашего брата, но не видим палку в своем”); не следует быть (чрезмерно) любопытным (Күпте белһән, тиз картайырһың = русск. Много будешь знать, быстро состаришься; Любопытному на базаре нос прищепили; англ. Curiosity killed a cat “Любопытство погубило кошку”);

4) нормы ответственности: следует отвечать за свои поступки (Баланы таба белгәс, баға ла бел “Умел дитя родить, умей и воспитать”; русск. Умел дитя родить, умей и научить; англ. A child that's born must be kept “Рожденный ребенок должен быть воспитан”);

5) нормы контроля, управления: не следует ломать чужую волю (Усәл булһаң - асырзар, йбуаш булһаң - басырзар, уртаса усәл булһаң - ил ағаһы яһарзар “Будешь злым (злобным) - повесят, будешь смирным (безропотным) - растопчут (задавят), будешь в меру злым - сделают братом страны (в смысле сделают главой страны); русск. Горьким быть - расплюют, сладким быть - проглотят, англ. Make yourself all honey and flies will devour you “Только прикинься медом - и мухи съедят тебя; не следует поручать одно дело большому числу людей (Ашнаксы күп булған ерзә аштың тәме булмай “Там, где много поваров, вкусной пищи не бывает”; русск. У семи нянек дитя без глаза, англ. Too many cooks spoil the broth “Слишком много поваров портят похлебку”);

6) нормы реализма: следует исходить из своих возможностей и надеяться на собственные силы (Юрғанына карап, аяғынды һүз “По одеялу протягивай и ноги”; русск. По одежке протягивай ножки; англ. Cut your coat according to your cloth “Крой пальто по материалу”); нельзя полагаться на первое впечатление, следует стремиться раскрыть суть вещей или людей (Тымызык күлдә корт уйнай “В стоячем / тихом озере черви кишат”; русск. В тихом омуте черти водятся; англ. Standing pools gather filth “В стоячей воде ил собирается”); следует знать о невозможности исправления укоренившихся недостатков и пороков (Бөкөрөнә кәбер төзәтә = русск. Горбатого могила исправит; Черного кабеля не отмоешь до бела; англ. Can the leopard change his spots? “Может ли леопард изменить

пятна свои?"); не следует пренебрегать незаметными явлениями, так как они могут иметь большое значение (Алтын-көмөш зур булмаç "Злато-серебро большим не бывает"; русск. Мал золотник, да дорог; Мал соловей, да голосом велик; англ. A little body often harbours a great sou/ "В малом теле часто таится великая душа");

7) нормы безопасности: не следует спешить, принимая серьезное решение (Атмаған айыузың/куяндың тиреһен тунама "Не снимай шкуру незастрелянного медведя / зайца; русск. Не убив медведя, шкуры не продавай; Медведь в лесу, а шкура продана; Не дели шкуру неубитого медведя; англ. Don't sell the bear's skin before you've caught it "Не продавай медвежьей шкуры, не поймай медведя"; First catch your hare, then cook him "Сперва поймай зайца, потом приготовь его"; Алда буласак туй өсөн алдан бейей башлама "Раньше пира / свадьбы не пляши"; русск. Не говори "гол", пока не перескочишь; англ. Don't cross the bridges before you come to them "Не переходи мостов, пока до них не добрался"); следует быть предусмотрительным (Иртәне кичез мактама "Не хвали утро, пока не наступил вечер"; русск. Хвали ясное утро ясным вечером; англ. Before the morning is away praise not the glory of the day "Пока не закончилось ясное утро, не хвали день"); следует приспособливаться к окружающей среде (Кем арбаһына ултырһан, шуның йырын йырларһың "На чью арбу сядешь, того и песню будешь петь"; русск. Чей хлеб ешь, того и обычай тешь; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; англ. When at Rome, do as the Romans do "Когда ты в Риме, делай так, как делают римляне");

8) нормы благоразумия: не следует чрезмерно предаваться заботам и тревогам (Дауылдан һуң дингез зә тына "После бури и море утихает"; русск. После грозы - ведро, после горя - радость; англ. After a storm comes a calm "После бури наступает затишье"); следует довольствоваться тем, что имеешь (Һауалағы торнаға ышанып, кулындағы сәпсекте ыскындырма "Лучше трясогузка в руке, чем журавль в небе", букв. "Пронадеявшись на журавля в небе, не выпускай трясогузку из рук"; русск. Лучше синица в руке, чем журавль в небе; англ. A bird in the hand is worth two in the bush "Лучше одна птичка в руке, чем две в кустах"). Приведенный материал из пословичного фонда башкирского, русского и английского языков свидетельствует о том, что сходство между паремиями наблюдается в фундаментальных ценностях как морального, так и утилитарного порядка (к числу последних относятся нормы реализма, безопасности и благоразумия). Имея много общего в смысловом и художественном планах, паремии несут в себе немало специфических черт, связанных с национальной историей, менталитетом того или иного народа.

Литература:

- Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 136-156.

НЕКОТОРЫЕ СХОДНЫЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ И АЛТАЙСКИХ ЭПОСОВ

Проблему сходства и близости башкирских и алтайских эпических сюжетов, хотя она и не стала предметом специального исследования, никто из башкирских эпосоведов не смог обойти без внимания. Здесь имеются в виду работы А. Н. Киреева (Кирей Мэргэна), М. М. Сагитова, С. А. Галина, Р. Ф. Ражапова, Г. В. Юлдыбаевой.

Близость и сходство башкирских и алтайских эпических памятников проявляются на разных уровнях. Особенно много сходств наблюдается в алтайских и башкирских эпосах на уровне тематических мотивов. В башкирской версии общетюркского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу» (БНТ, 1987, 247 - 265) перед отправлением на поиски своей нареченной Кузыйкурпес приходит к табуно лошадей и бренчит уздой и ловит невзрачного коня, который на этот звук оборачивается к нему. Как только герой садится на него, он превращается в крылатого коня, а в нужный момент человеческим голосом дает ему мудрые советы. М.М. Сагитов отметил (Сагитов, 132), к сожалению, лишь мимоходом, что этот традиционный мотив характерен для эпоса тюрко-монголов. Думается, что он при этом имел в виду, прежде всего, алтайские эпосы. Вспомним хотя бы эпосы «Алтай-Бучуя» (Героический эпос народов СССР, 1975, 416 – 460), «Альп-Манаш», «Малчи-Мерген» (Героические сказания, 1961, 21 – 67; 68 – 99) и, конечно же «Кезюйке и Баян» Там же, 100 - 138, аналога башкирского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу»). В них обязательно присутствует этот мотив и, главное, он, как правило, напоминает башкирский аналог. Вот как выбирает коня Алтай-Бучай:

Золотую снял узду,
В воздухе ее потряс –
Золотой раздался звон.
Этим звоном привлечен,
Крапчатый, в полоску, конь (Героические сказания, 1967, 417).

В башкирских и алтайских эпосах сходство обнаруживается и в мотивах «герой оседлает коня», «батыр объезжает необъезженного коня», «батыр отправляется на поиски жены (своей нареченной)» (АТ 400), «муж на свадьбе своей жены или нареченной» (АТ 974).

В фольклоре обоих народов наблюдаются и сходные сюжетобразующие и даже жанрообразующие мотивы. В башкирском фольклоре широко известна поговорка «Не верь своей жене, верь своей собаке». В башкирском повествовательном фольклоре эта поговорка использована как сюжетобразующий мотив, на котором построен сюжет ряда нравоучительных бытовых преданий о том, как во время отсутствия мужа дома, его жену уводит чужеземец. Жена за день забывает своего мужа и не хочет помогать ему, когда тот, догнав их, начал бороться с чужаком. От верной смерти мужа спасает его собака. В алтайском же фольклоре данный мотив развернут до эпического сюжета. Соответственно, он интер-претируется по-иному. Примером тому является эпос «Алтай-Бучай». В отличие от башкирских преданий, в этом эпосе мужу-охотнику по имени Алтай-Бучай изменяют, его жена Яра-чечен и сестра Очо-чечен, соответственно и противоположную

сторону представляют двое, Арнай и Чурай, живущие за семидесятью морями и семидесятью горами. Это – во-первых. Во-вторых, в отчуждении женщин виноватыми оказываются не чужеземцы, а они сами. Пока Алтай-Бучай находился на охоте, этих мужчин Яра-чечен и Очо-чечен приглашают к себе и предлагают себя в жены. В-третьих, вчетвером они убивают Алтай-Бучая. В-четвертых, если в башкирских преданиях суд над изменницей совершают ее отец и родные братья, то в алтайском эпосе эту роль выполняет сын Алтай-Бучая.

Не менее ярко выражается близость эпосов алтайцев и башкир в национальных версиях общих для обоих народов эпических сюжетов. Таковы башкирские версии эпосов “Алпамыша и Барсынхылу” (БНТ, 1987, 227 – 239) и “Кузыйкурпес и Маянхылу” – с одной стороны и алтайские их аналоги «Алып-Манаше» «Кезеке и Баян» - с другой..

По сравнению с башкирскими эпосами алтайские эпосы отличаются близостью к сказкам. Такими их делают особенности персонажей и принципы художественного воплощения их образов. В первую очередь, в алтайском эпосе бросается в глаза умение и героя, и его противников, и их помощников перевоплощаться. Когюдей-Мерген, сын Маадай-Кара ложится на землю и превращается то в орла, то в сорокорогового мара-ла, то в тас-таракая – лысого паршивца, а его конь – в паршивую лошаденку, тридцатирогового марала; чудесная кобылица, за которой охотится каан Кара-Кулы – в корову, соперники Алып-Манаша – в журавля; кони Алтай-Бучая при необходимости принимают облик марала, собаки – лисы, орлы – воробья.

В достижении цели героем большая роль отводится чудесным предметам, помощникам. Кони, собаки орлы Алтай-Бучая находят средство, чтобы оживить мертвого хозяина.

Главным советником эпического героя выступает его конь, который заранее знает, что ожидает героя, предупреждает об опасности. Таков, например, конь и Алып-Манаша.

Типичным является для алтайских сказаний использование гиперболы. Новорожденный сын Маадай-Кара за один раз может выпить сорок ведр воды, в два года – охотиться с одной стрелой убить сразу семь-десять зайцев или семь волков. Сказочная гиперболизация особенно ярко выражена в эпосе «Алып-Манаша». У Байбарака «между глаз стада овец с тридцатью баранами могли пастись. Между плеч табуны лошадей с тридцатью жеребцами гулять могли» (Жирмунский, 209). А у его сына Алып-Манаша «нос на сопку похож, брови – на северный лес, глаза – на огонь костра». Спящего Алып-Манаша пастухи принимают за черную сопку: «Из черной сопки буря бьет, с корнем дерева выдирает, валеж-ник перевертывает, камни в толкно превращаются...» ((Жирмунский, 210).

Такой мифический герой, конечно же, владеет не обычным, а соответствующим своей мощи чудесным конем. Если Акбузат, крылатый конь-тулпар Урал-батыра, ранее бывший звездой спускается с неба на землю, то чудесный конь Алып-Манаша сначала превращается в звезду, потом возвращается на землю. Курсирование коня Алып-Манаша между небом и землей дает нам основание для вывода о том, что в более полном, но не дошедшем до нас, варианте эпоса «Урал-батыр» Акбузат тоже мог проявлять такую же способность.

Но в известных нам двух версиях эпоса «Урал-батыр» (до нас они дошли по одному варианту) Акбузат по своим возможностям не уступает коню Алып-Манаша. Последний во сне узнает, где находится чудесная золотая пена, добывает ее и с ее помощью восстанавливает свою силу и спасает своего хозяина. А Акбузат является не только помощником Урал-батыра, но и воплощает собой его силу и мощь, спасителя от темных сил.

Несмотря на совпадение в существенных элементах «Алып-Манаша» не только с среднеазиатскими сказаниями, на что обратил внимание еще В.М. Жирмунский, но и башкирскими, татарскими версиями эпоса об Алпамыше, подобные сказочные начала дали, видимо, основание этому ученому называть алтайский эпос богатырскими сказками (Жирмунский).

Сказанное о «Алып-Манаше» и других алтайских сказаниях во многом относится и к эпосу «Кезеке и Баян». Ход развития его сюжета в основных моментах совпадает с башкирской версией «Кузыйкурпес и Маянхылу». Главные его отличия от башкирского аналога заключаются в следующем: когда герой отправляется на поиски нареченной, в обеих версиях мать не дает согласия на это и предупреждает сына об опасностях, которые встретятся ему в пути. По башкирской версии эти препятствия магическим путем устраивает сама мать, по алтайской – встречаются естественные преграды как бы без вмешательства матери, но в соответствии с ее прогнозам. Встретившийся в пути ворон сообщает, что Баян его не любит. Эта плохая новость означает очередное препятствие на пути эпического героя. Но как и волшебных сказках ему встречаются добрые существа в лице журавля, дикого гуся, дятеля, которые вызываются помочь ему в преодолении водной преграды. Потом идет международный тематический мотив «герой на свадьбе своей нареченной» (АТ 974). Кезюке неузнано приходит на свадьбу Баян, чудесным образом превратившись в тас-таракая-лысого паршивца-музыканта, верхом на своем коне, таким же образом превратившемся в паршивую лоша-денку. Ему удается некоторое время пожить с любимой в белом дворце, возникшем там же чудесным образом. Его пытаются напоить ядовитым напитком. С помощью дятла, который переставляет напитки, ему удается избежать смерти. Однако, злему существу в облике паршивого старика удается его застрелить. Кезюке бьет его кнутом, и тот превращается в пепел. Позже ему приходится столкнуться с целой ордой врагов, во время сражения с которыми, он погибает. После смерти Баян, черные силы их хотят отделить, но это им не удается. Их могилы в виде двух гор приближаются друг к другу и навечно остаются рядом...

Таким образом, эпос «Кезюке и Баян» с самого начала и до конца пропитан фантастикой, характерной исключительно для волшебных сказок. В этом нет ничего удивительного, т.к. «фантастика в народном эпосе является универсальным способом героизации истории предков. И чем архаичнее эпос по своей художественной форме, тем больше в нем фантастических сюжетов» (Маадай кара, 1961, 10), вернее, тем больше фантастических признаков в его сюжете. Видимо, поэтому В. М. Жирмунский признает алтайский эпос архаической первоосновой общетюркских сказаний. В частности, он писал, что «архаические

черты алтайской версии несомненны: героический эпос выступает здесь с чертами богатырской сказки, более древними, чем в среднеазиатских и ближневосточных версиях» ((Жирмунский, 217). Сказанное, очевидно, думается относится и к кипчакским, в том числе к башкирским и татарским версиям эпического сюжета не только об Алпамыше, но и о Кузый-курпесе и Маянхылу, а также к отдельным архаическим тематическим мотивам и образам других эпосов этих народов. Еще А. Н. Киреев, хотя не ставил перед собой задачу сопоставительного изучения башкирской версии эпоса об Алпамыше с алтайской, независимо от В. М. Жирмунского фактически пунктиром обозначил возможность их генетических связей. В частности, он утверждал, что имена Айляр-хана и Буляр-хана, персонажей башкирской версии эпоса об Алпамыше, идентичны этнонимам двух башкирских племен, предводителями которых они были. Племя Буляр в свое время занимало северо-западную часть Исторического Башкортостана и имело тесные контакты с булгарами и постепенно ассимилировалось с ними. А корни племени Айляр (или Ай, Айлы), издавна занимавшего северо-восточную часть Исторического Башкортостана, по мнению этого ученого, берут свое начало от древнего этнического массива Алтая (Кирей Мэргэн, 1961, 217). М. М. Сагитов (К сожалению, при жизни он не успел опубликовать свои наблюдения об этом. Они вошли в его монографию, опубликованной лишь к 75-летию автора (Сагитов)) тоже допускал мысль о том, что сюжет эпоса об Алпамыше возник в те времена, когда тюркские племена жили в тесном контакте на обширной территории Центральной Азии, Южной Сибири, и являлся их общим достоянием (Сагитов, 2009, 142). К сказанному добавим данные этнологов. Видный башкирский этнолог Р.Г. Кузеев обнаружил в этнонимии других тюркских народов «более 100 родо-племенных названий, имеющих соответствия у башкир»(В это число входят и соответствия с этнонимией алтайцев. Так, например, этнонимы алтайских племен Кукши (челеканцы), Телеут, Тас соответствуют этнонимам башкирских родов Кукши, Теляу, Газ (тазлар), входящих в Табынский родо-племенной союз; Кырк, Меркет - аналогичным этнонимам башкирских родов Минской родо-племенной группы (Кузеев, 470).) (Кузеев, 1974, 468), а Д. Н. Соколов еще в начале XX в. отметил, что «любому руническому знаку орхоно-енисейских письмен имеются аналогия в башкирских тамгах» (Кузеев, 1974, 471). Поэтому трудно не согласиться с мнением Р. Г. Кузеева, который, как бы резюмировал, под-водя итог всему вышесказанному: «Такие массовые совпадения являют-ся, безусловно, сильным доказательством реальности тесных этнических и исторических (от себя добавим, и фольклорных. – А. С.) связей Волго-Уральской области с Алтаем, Южной Сибирью с прилегающими областями и районами Средней Азии» (Кузеев, 1974, 471). Поэтому есть необходимость более углубленного изучения степени близости алтайского и башкирского эпоса на уровне как генетического, так и типологического сходств.

Литература:

Алтай-Бучуй (Алтайский эпос) //Героический эпос народов СССР/ Вст. ст. и примеч. А.А. Петросян. – М., 1975.

Башкирское народное творчество/ Подбор тестов, сост., предисл. М. М. Сагитова; Коммент. М. М. Сагитова, Н. Т. Зарипова и А. М. Сулейманова. – Уфа, 1987.

Героические сказания / Зап. от нар. сказителя Н.У. Улагашева; Сост. А.Л. Коптелов. – Горно-Алтайск, 1961.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974.

Кирей Мэргэн. Башкирский народный эпос. Уфа, 1961.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М., 1974.

Маадай-Кара // Героические сказания / Зап. От нар. Сказителя Н.У. Улагашева; Сост. А.Л. Коптелов. – Горно-Алтайск, 1961. – С. 10 – 196.

Сагитов М.М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса / Сост. Ахмет Сулейманов и Талига Сагитова; Отв. ред. Ахмет Сулейманов. – Уфа, 2009

Сулейманов Р.С., г.Уфа

О МУЗЫКАЛЬНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ НАРОДОВ УРАЛО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА (БАШКИР, АЛТАЙЦЕВ И ХАКАСИИ)

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-04-84402 а/у. “Музыкальный фольклор южноуральских башкир: Урал: история, экономика, культура”.

Близкие черты сходства наблюдаются в древнейших языковых и ударных музыкальных инструментах указанных народов.

К язычковым музыкальным инструментам башкир относятся варганы: деревянный и металлический (ағас-кумыз, тимер-кумыз). Эти же инструменты бытуют у народов Горного Алтая и Хакасии. По конструкции и по функциям бытования они также сходны. На металлическом варгане башкир играют следующим образом.

Железная дужка инструмента (величиной с указательный палец) придерживается правой рукой: сужающиеся концы дужки зажимаются – однако не до отказа – губами; указательным пальцем левой руки играющий шипком дергает за слегка загнутый край язычка, т.е. за узкую, тоненькую пластинку, один конец которой припаян к широкой части дужки (внутри пространства, охватываемого ею), а другой свободно вибрирует между ее сужающимися концами, которые сжаты губами.

Играющий сопровождает вибрацию язычка вдуванием или выдуванием воздуха между концами дужки, а также изменением артикуляции рта. Изменение звука достигается тем, что, используя рот в качестве резонатора, играющий имеет возможность изменять высоту звучания, меняя положение рта.

Высота звука бурдона кубыза, в отличие от курая, является фиксированной; звуки же, образующие мелодию, не фиксированы и всецело зависят от положения рта исполнителя; исполнитель может, таким образом, получить не только хроматические полутоны, но и меньшие интервалы. В то же время бурдон металлической плас-тинки дает известную опору слуху певца [Лебединский 1965, 11].

Другим древнейшим и поныне популярным музыкальным инструментом региона является “давул”. Это – мембранно-ударный музыкальный инструмент типа общеизвестного “бубена”, этимологическое название его: дунгур, давул, дап, думбалак и др.

Обечайка дунгура изготавливается из сухой древесины – березы или кедра. По форме она слегка овальная. Наибольший диаметр ее – 700 мм, ширина около 50 мм. На внутренней стороне обечайки укрепляют четыре металлические побрякушки. Для мембраны дунгура используют тщательно выделанную шкуру олененка или козленка. Бьют в дунгур тонкой березовой палочкой (длиной 300 мм, с небольшим

расширением на конце), называемой “тукмак”, а по-алтайски – “орбу”. При игре дургур держат левой рукой, серединой палочки ударяют по краю обечайки дунгура так, чтобы конец ее, вибрируя, производил быстрые удары по мембране [Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э. 1963, 137].

Наряду с инструментальным фольклором у народов урало-алтайского региона бытуют также сходные вокальные жанры, как, например, *такмак* и *айтыш*.

Остановимся на конкретных примерах.

Из репертуара южноуральских башкир нами была записана (в 1972 г. от М. Загидуллиной (1903 г. р.) и Асмы Усмановой (1930 г. р.) лиро-эпическая песня, называемая “Ханская дочь”. Она исполняется в особой вопросно-ответной композиционной форме и представляет собой песенный диалог парня с девушкой, содержанием которого является любовь.

Башкирские варианты песни “Ханская дочь” имеют текстовые сходства с одноименными произведениями других тюркоязычных народов. Под названием “Ханская дочь хвалится” она бытует в хакасском фольклоре:

Юноша: Выйди-ка, выйди-ка, ханская дочь,
На твой стан взгляну, ханская дочь.

Девушка: Посмотрев стан, что хочешь?

Разве не видел стройное дерево?

Юноша: Выйди-ка, выйди-ка, ханская дочь,
На лицо посмотрю твое, ханская дочь.

Девушка: Посмотрев на мое лицо, что хочешь?

Разве чистое зеркало не видел?

Юноша: Выйди-ка, выйди-ка, ханская дочь.

На волосы твои взгляну, ханская дочь,

Девушка: На волосы мои взглянув, что хочешь ты?

Разве не видел шелковые кисти?

[Хакасские народные тахпахи, 1980, 44]

Краткое содержание вариантов и обстановка ее исполнения таковы: вечер, юноша хочет увидеть ханскую дочь и у ее окна поет песню с просьбой пустить его в дом:

“Дочь хана, открой-ка дверь, пусти меня в дом,

Говорят, что ты красивая и стройная, хочу взглянуть”.

Но девушка находит причины, чтобы не пустить его, и в ответ, хвастаясь, поет: «Какая польза от того, что ты согласишься на меня, разве не видел высокие камыши на берегу Агидели?»

Другие куплеты песни исполняются в такой же вопросно-ответной форме. Например, юноша поет, что хочет взглянуть на ее тонкие, черные брови. Девушка ему отвечает: “Посмотри на крылья ласточки, мои брови сходны с ними”. Затем юноша поет: “Хочу посмотреть на твои длинные волосы”. На что она отвечает: “Разве на базаре не видел черный шелк? Волосы мои сходны с ним”.

Поэтический текст данной песни насыщен драматизмом. Содержание ее раскрывается последовательно. Произведения, исполняемые в такой вопросно-ответной форме, в башкирском фольклоре принято называть термином “айтыш” (“песня-состяжание”).

Происхождение песни “Ханская дочь” музыковеды относят к доисламской эпохе (к периоду до XVI в.), а по жанровой природе — к разновидности драматического искусства. “По своему содержанию и наличию уже двух действующих лиц, участвующих в развитии, ее можно отнести и в разряд драмы, игры”, — пишет Махмуд Нигмедзянов [Нигмедзянов 1984, 215].

По нашему мнению, песня “Ханская дочь” — отрывок из лиро-эпического произведения типа “Бузьегет”, “Тахир и Зухра” и др. В ней происходит столкновение характеров героев, доходящее до конфликтов. Однако в песне нет кульминации и развязки, поэтический текст остается незавершенным. Это позволяет заключить, что в данном (когда-то бывшем крупномасштабном) произведении утрачена концовка и ее прозаические части. Литературовед Н. Ш. Хисамов приходит к аналогичному выводу. Он пишет: “Поэтический диалог джигита и девушки под названием “Ханская дочь”, неправильно относимый к жанру баитов, своим размером и ритмической организацией, синтаксическими параллелями, а также формой периодического обращения к ханской дочери поразительно напоминает стихотворную тираду из первого огузнаме “Книги моего деда Коркуда”. Произведение, по-видимому, в течение долгого времени входило в свадебный обряд... и, отшлифованное, стало бытовать самостоятельно” [Хисамов 1979, 23].

Композиционная структура песни такова: каждая четырехстрочная строфа делится на две части. Первая полустрофа исполняется в форме вопроса, а вторая — в форме ответа. Размер стиха — двенадцатисложный, разделенный на три ритмические группы (4+4+4), что характерно для многих эпических песен тюркоязычных народов.

Напев песни также делится на две половины, с двумя сходными фразами в каждой (а+а₁)+(В+В₁). В структурном и метrorитмическом плане напев с текстом совпадает: три ритмические группы стиха соответствуют трехтактному строению его фраз. Причем две начальные группы стиха поются в двухдольном размере, а третья — в трехдольном. Последняя имеет более распевный характер и выражает ласковое обращение героев сюжета друг к другу [Сулейманов 1995, 58].

Данная проблема актуальна для дальнейшего исследования.

Литература:

Лебединский, Л. Н. Башкирские народные песни и наигрыши. Изд-е 2-е и доп. / Л. Н. Лебединский. — М., 1965.

Атлас музыкальных инструментов народов СССР // Сост.: Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э. — М., 1963.

Хакаские народные тапхахи. — Абакан, 1980.

Махмуд Нигмедзянов. Татарские народные песни. — Казань, 1984.

Хисамов Н. Ш. Поэма “Кисса-и Йусуф” Кул-Али. — М, 1979.

Сулейманов Р. С. Жемчужины народного творчества Урала. — Уфа, 1995.

Сөләймәнова Л.Р., Сибай к.

БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘГЕ ЫҖЗ МАГИЯҖЫ МЕНӘН БӘЙЛЕ ЛЕКСИК БЕРӘМЕКТӘРГӘ ЭТНОЛИНВИСТИК АНАЛИЗ

Төрлө йолалар башкарғанда кулланылған предметтар символик мәғәнәгә эйә. Был бигерәк тә ритуал башкарғанда асык күренә. Предметтардың ритуаль функцияһын Т.В. Гаврилова кешегә һәм уны ураткан донъяға тәһсир итеүендә, йогонто яһауында күрә [138, 109 б.].

Башкорттарзын үлем йолаһында йөнде ен-зэхмөттән, насар көстәр-зән һаклау, гөһаһтарзан коткарбу максатында тимер предметтар (бы-сак, кайсы һ.б.), арғыш, мәтрүшкә, доға, яуаплама, хәйер кулланыла.

В.Ф. Филатов йола предметтарына доғаларзы ла индерә [142, 156 б.]. Йөнде насар көстәрзән һаклаусы, гөһаһтарзы көметегөсе, теге донъяға күсеүзе еңеләйтеүсе сара булып кабул ителгән *доға* үлем йолаһын башынан алып азағына тиклем озатып бара. Үлем йолаларын үтәгәндә бер генә эш-хәрәкәт тә доғаһыз башкарылмай. Доға укыу – Көрһән сүрәһен укыу буларак аңлашыла. Ерләү йолаларын аткарғанда бөтә сүрәләр зә укылырға мөмкин, “Йәсин”, “әл-Мөлөк” сүрәләре бигерәк тә һәйбәт, тип исәпләнә.

Аңлатмалы һүзлектә *доға* – теләк, үгенес белдереп аллаға мөрәжәғәт иткән һүз [150, т.1, 284 б.], тип билдәләнелә. *Бәддоға* берәмеге насар теләкле, карғышлы доға мәғәнәһен бирә. *Доға*- гәрәп сығанаклы һүз. *Бәддоға* берәмеге *бәд* (насар, яман мәғәнәһендә) тигән фарсы элементы кушылып яһалған.

Доға, *бәддоға* һүззәре ислам менән килеп ингән, һүззәң илаһи көсөнә ышаныуға нигезләнгән төшөнсәләр. Ә һүз магияһына ышаныу, якшы йәки яман теләк әйтеү борондан ук *альыш* һәм *карғыш* берәмектәре аша белдерелгән. Боронго алғыш менән хәзәрге доғаһың семантик бәйләнешен түбәндәге факттар за күрһәтә: якут телендә *алға* “молить, заклинать (духов), заговаривать”, эвен телендә *алга* “пожелание благополучия”, “читать молитвы, молиться” мәғәнәһендә кулланыла [171, т.1, 137 б.]. Башкорттар *альыштар* ярзамында төрлө әйәләргә, тәңреләргә мөрәжәғәт итеп, уларзы мактап, үззәренә, бала-сағаһына, туған-тыуғасаһына, мал-тыуарына, ырыс, кот, иҗәнлек-һаулык теләй [177, 112 б.]. *Доғалар* иһә ошондай ук максатта Алла менән аралашыу сараһы булып тора.

«Йола фольклорында» алғыштың тәғәйенләнеше былай билдәләнә: кеше нимә ниәтләй, нимә эшләй – бөтә оракта ла алғыш әйтелгән [6, 14 б.]. Үлем, теге донъялағы тормош менән бәйле алғыштар дини ышаныуларзы сағылдыра: Әхирәттә иман бирһен, Донъялыкта – донъя байлығы! Ожмахта урын бирһен, Яуап көнөндә тел аскысы бирһен! [6, 168 б.]. Мөрхүмдә озатқанда, куйғанда теләктәр әйтелә: Йөне йәннәттә булһын! Ауыр тупрағы еңел булһын! Караңғы гүрән якты булһын! Тар көберен киң булһын! Ожмах ишектәре асык булһын!

Башкорт теле һүзлегендә *альыш* иҗкәргән һүз буларак билдә-ләнелә, якшы теләк, тигән мәғәнәһе бирелә [150, т.1, 49 б.]. Төрки сығанаклы һүз. Сағыштыр: *алкыш* (тат.), *альыс* (каракалп., каз.), *альышла* (карасәй) якшы, изге теләк мәғәнәһендә. *Альыш* һүзнен килеп сығышы боронго *алка-алкы* формалары менән бәйле. Ә.В. Севортян был һүззәрзә семантик яктан алтай телендәге *алмак* “хороший, примерный, лучше” берәмеге менән бәйләй һәм *ал* тамы-рын айырып күрһәтә. *Алка-алкы* һүзнен килеп сығышына ике караш бар: 1) *ал* исеменә -ка ялғауы кушылып кылым яһалған, 2) *ал* кылы-мына -ка, -кы кушылып кылым формаһы яһалған [171, т.1, 137 б.].

Альыштар изге ниәттән әйтелһә, *карғыштар* кешене юкка сығарыу максатын алға һөрә. *Карғыш* – яман теләк теләп, карғап әйтелгән һүз. Төрки сығанаклы берәмек, кәрзәш телдәрзә киң кулланыла: *гарьыш* (аз.), *харьас* (хак.), *карғыш* (тат., кырг., тув.), *карғыс* (каз.,

карағалп.), *каргши* (уйғ.). М. Кашғари һүзлегендә *kargis* форманы бирелә [157, 461 б.]. В.В. Радлов *карга* “проклинать, ругать”, *карьши* “проклятие, зложелание” һәм *карьаш* (*карьши*) “шум, крики” мәғәнәләрен айыра [160, т.2, 193 б.]. Бында карға тауышының да кысқырыш, тауышланғыу буларак кабул ителәүен әйтергә кәрәк. *Карға* “проклинать” һәм *карга* “ворона” омонимдары тамырзаш булыулары бик мөмкин. Сөнки карға әлегә көндә лә үлем хәбәрсеһе буларак кабул ителә. *Карға* “үлем телә” һәм *карга* “үлем хәбәрсеһе” бер семантик кырга караған мәғәнәләр. Омонимдарзың күп мәғәнәлектән таркалыуы һөзөмтәһендә лә яһала алыуы билдәлә. Карғыштарза ерләү традициялары ла сағыла: Айғыу ашағыр! Бүре йыгккыр! һымак қара теләктәр зороастризм ышаныуларындағы мәйетте кош-кортка биреу йолалары менән бәйлә булһа кәрәк. *Карыши* һүзенән синонимдары булып гәрәп сығанаклы *кәһәр*, диалекттарза *коһор* (урта урал, һакмар), шулай ук *ләһнәт*, каризел, урта һөйләштәрәндә *наһәләт*, *нәһәләт* берәмектәрә кулланыла. Мосолман төркизрзә: *ләһнәт* (аз.), *наалат* (қырг.), *ләһнаттау* (каз.), *ләһнәт* (уйғ.), *һәләт* (карағалп.).

Шулай итеп, башкорттарзың үлем менән бәйлә йолаларында һаклаусы сара буларак гәһәһтарзы кәметегүсе илаһи һүз булып *доһа*, *альыш* кулланыла. Уларға каһма-карышы функцияны кешене юкка сығарыу максатын куйған *карьши*, *бәддоһа*, *кәһәр*, *коһор* (урта урал, һакмар), *ләһнәт*, *наһәләт* (каризел), *нәһәләт* (урта) берәмектәрә үгәй.

Әҙәбиәт:

- Башкорт теленең һүзлеге: Ике томда/ Россия Фәндәр Академияһы. Башк-н фильми үзгә, тар., тел һәм әз. Институғы. — М., 1993.
 Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. — Өфө, 1995.
 Гаврилова Т.И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом обряде. Дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 1997.
 Кашғари М. Девону лугат ит-турк. — Т.1. — Анкара, 1939.
 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., - Т.1-4. 1893-1991.
 Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. -Т.1. — М., 1974.
 Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвистическом аспекте: Дис. ...канд. филол. наук. — Воронеж, 1995.
 Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорт мифологияһы: Белешмә-һүзлек. — Өфө, 2002.

Сулейманова Р. А., г. Уфа

ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Культурно-языковая динамика ономастики на Южном Урале: история и современность” № 09-04-84407 а/У.

В данной статье на основе фактического материала мы попытались проанализировать некоторые общеалтайские компоненты личных имен в башкирском именнике. В качестве материала для анализа были использованы метрические записи башкир Оренбургского уезда за 1816 год. Как выяснилось, в исследуемом именнике башкир функционирует некоторое количество **общеалтайских** личных имен, которые являются наиболее древними личными именами или компонентами сложных личных имен во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. В подобных личных именах отражены элементы древней лексики, которые относятся к общеалтайской эпохе.

Вера в могущество природы, ее обожествление древними тюрками способствовали появлению целой группы таких личных имен с названиями минералов и металлов, как *алтын*, *көмөш*, *булат*, *тимер* и

др. Их по-другому называют **антропонимическими** именами. *Антропонимическое имя* — *защитное имя, дававшееся человеку, чтобы предохранять его от смерти, болезней, воздействия злых духов и злых людей, обмануть их* [Подольская 1988, 69]. Семантическое поле данных слов охватывает такие понятия, как “выносливость”, “твердость”. Если в семье дети один за другим умирали или часто болели, то последующему ребенку, чтобы сохранить жизнь, давали имя с компонентами *таш*, *тимер*, *булат* и т.д. По древним верованиям, эти камни и минералы имели душу и способны были передавать ребенку свои качества. Личные имена такого характера можно встретить в антропонимике многих народов, относящихся к урало-алтайскому языковому союзу. Например, баш. *Тимербулат*, *Биктимир*, *Тимербек*, *Тимирхан*, *Байтимир*; монг. *Гантөмөр*, *Төмөрбаатар*; бурят. *Тумэр*, *Тумэрхэн*; азерб. *Дямир*, *Полад*; тадж. *Темир*, *Тимир*; казах. *Тасболат*, *Тастемур*, *Темергали*, *Темирбай*. Эти компоненты в основном употребляются в составе мужских имен и выполняют деидеративную функцию, а также являются символом богатства, могущества и силы. На примере вышеперечисленных личных имен мы можем сказать, что наши предки из поколения в поколение передавали накопленный жизненный опыт, выражавшийся в языке, обычаях, именах. Так, вера в магическую силу минералов и камней дошла до нас в виде обрядов. Например, оберегая младенца от сглаза, духов болезней, нечистой силы, под подушку кладут железные предметы (нож, ножницы). Этот обряд дает возможность провести аналогию с вышеназванным мотивом имянаращения.

Также во многих языках слово *алтын* (золото) является активным имяобразующим компонентом. Ср.: баш. **алтын** “золото” “золотой” (*Алтенбек*, *Алтынсас*), древнетюрк. **altun** “золото”, “золотой” (*Altun qavan*, *Altun qara*, *Altun taj sanun*, *Altun tamvan*), тунгусо-маньчжурских языках **алтан**, бурят. **алта(н)** (*Алтан*, *Алтан Шагай*, *Алтан Хайша*), калм. **алтн** “золото” (*Алтн*, *Алтн амн*, *Алтн цаг*, *Алтн чееж*, *Алтн шар*). Следует отметить, что в башкирской антропонимии последнего десятилетия активно употребляется женское имя *Алтынай* (*алтын* золото+*ай* ласкательная форма). Личные имена с компонентом “алтын” являются очень популярными и в монгольской антропонимической системе. Так, например, исследователь современной монгольской антропонимии Ж. Сержээ отмечает высокую частотность употребления женских имен *Алтаницигэ*, *Алтаничмэг* и мужского имени *Алтангэрэл* в антропонимике монголов XX века [Сержээ 2006, 102].

Такие социальные детерминативы, как *бек*, *хан*, *сура*, *бай* и другие, существуют в качестве личных имен во многих языках и отражают верования в верховное божество. Такие имена семантическом отношении дошли до наших дней в несколько измененном виде. История их возникновения уходит в глубокую древность. Вкратце остановимся на имяобразующих компонентах *-бек/-бэк*, *-бай*. Многие исследователи термин *бек* определяют как титул, но В.У.Махпиров утверждает, что “*содержание термина бек не позволяет поставить его ни в один замкнутый ряд титулов... Из контекста источников следует, что термин бек обозначал представителей тюркской родовой аристократии, в*

противоположность, с одной стороны, простому народу, а с другой – представителям царской фамилии” [Махпиров 1997, 132]. В.В.Бартольд, в свою очередь, выделяет три основных значения слова *бек*: 1) это каждый благородный, в отличие от царевичей правящей династии и от простого народа; 2) князь небольшого племени или небольшой родовой группы; 3) всякое “начальство” в самом широком смысле. [Бартольд 2002, 502]. Носитель имени с компонентом “*бек*” имел благородное социальное положение. В исследуемом именнике башкир зафиксированы следующие личные имена с этим компонентом: *Бикбулат, Бикмухаммет, Бикмурат, Биктимир, Солтанбек*.

Слово “*бай*” используется в различных значениях, например, “богатый”, “благородный”, “много” и т.д. В тюркской мифологии оно имело значение “священный” [Потапов 1991, 168]. Такого же мнения и исследователь топонимии Горного Алтая О. Т. Молчанова. Она объясняет значение топонима Байбирде как “дала святость, осватила” [Молчанова 1979, 145]. Также исследователь Р.Г.Ахметьянов утверждает, что в тюркских языках слово “*бай*”, кроме понятия “доля, долево́й”, означает еще “священный, особо предназначенный” [Ахметьянов 1981, 95].

Следует отметить, личные имена на *-бай* характерны прежде всего для башкир-кыпчаков, киргизов. Это имяобразующий компонент широко представлен в антропонимиконе башкир как в препозитивной, так и в постпозитивной позиции: *Байбулат, Байгужа, Байгилде, Байтүрә, Байназар, Бикбай, Тимербай* и др. Ср. древнетюрк. *Vaj ara, Vaj biva*; монг. *Баян*; бурят. *Баян*. Отсюда следует, что слова *баян, баят* в семантическом плане идентичны слову *бай*. Как видим из примеров, семантика личного имени *Баян* восходит к слову *байан*– богатый. В этом же смысле слово *баян* употребляется и в монгольском языке. В современном башкирском именнике имя *Баян* употребляется и как мужское, и как женское имя.

Личные имена с элементом *арслан* “лев” также характерны для многих народов. Ср. баш. *арыслан*, монг. *арслан*, бурят. *арсалан*, маньчжур. *арсалан*, древнетюрк. *arслан* “лев”. Например, баш.: *Арыслан, Арысланбек, Арысланхан*; бурят.: *Арсалан, Арсалан-Жаб*; калм.: *Арслэ, Арсян*; древнетюрк.: *Arslan balbar, Arslan tegin*.

Лев в качестве тотемистического символа олицетворяет силу, храбрость, стойкость. “Многие сельджукские правители принимали титул *арслан*. Один из выдающихся повелителей империи Сельджуков известен под именем *Аттарслан*, которое на самом деле было его титулом, что означает богатырь-лев. Один из более поздних Сельджукидов был назван *Капа Арслан*, что в переводе на русский язык значит могучий лев”.

Итак, в общеалтайских личных именах четко выражаются история древних башкир, их тотемистические и анимистические верования, вера в магическую силу слова, субъективное рассуждение об окружающем мире.

Литература:

- Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981.
Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002.
Махпиров В. У. Имена древних предков. – Алматы, 1997.

- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горноалтайск, 1979.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. –Л.: Наука, 1991. – С. 168.
Ж. Сержээ XX зууны монгол хуний нэрийн зарим онцлог // Ономастическое пространство и национальная культура. – Улан-Удэ, 2006.

Султангареева Р.А., г. Уфа

БАШКИРСКИЙ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР: НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Народный танец как вид акционального фольклора выполняет духовные, терапевтические функции, утверждает идею единства и неразделимости с живой Природой и проживания в ней. Жестовый язык, предшествующий вербальному, гораздо раньше освоил сложную систему символики и знаков, обобщившую, по сути, глубинные знания народа и реалии его жизни, философию о мире.

В первородном замысле танца лежит процесс осознания и отражения жизни, достигаемый путем включения себя в круговорот мира смысловыми телодвижениями. За многовековую историю формирования в особый символично-образный невербальный жанр, народный танец прошел сложную эволюцию, вбирая в краткий и лаконичный язык многообразную информацию. Отсюда – значение, семантика действ, первородный замысел и многомерные функции народного танца могут быть раскрыты только путем комплексного анализа, в единстве всех составляющих культурных компонентов. Ими являются родовые, наследственные, географические, хозяйственно-бытовые показатели. Этот принцип исследования предполагает также учет психофизических, языковых, диалектных, ментальных особенностей, специфику костюма, орнаментального искусства, пищи, утвари и т.д.

Собранные в единое целое сведения в их отношении к танцу составляют единый хореографический комплекс (ХК) так же, как обрядовый, игровой, эпический, сказочный и т.д.

Особенности исполнения, взаимосвязь традиций и импровизаций, соблюдение кинетического, идейного кода и национального колорита представляет творческий комплекс (ТК) в изучении народной хореографии. Третий – заключительный – называется передаточный комплекс (ПК), предусматривающий фиксацию, аутентичное описание танца, соблюдение народных творческих норм в сценическом (исполнительском) воплощении.

Первый опыт аутентичного описания и воссоздания народного танца в единстве ХК и ТК был нами произведен на материалах тамьянских, кубалякских, бурзянских башкир, проживающих в Абзелиловском районе. Большой фактологический материал расшифрован, систематизирован, описан с учетом указанных компонентов и создана книга-альбом «Башкорт хальк бейеуе» (Башкирский народный танец). В книге даются: 1) биография исполнителя, родовые, личностные особенности; 2) его рассказ об истории танца (от кого, когда разучен, чему посвящен, его сюжет, функции и т.д.) с учетом и фиксацией диалектной речи, жестов; 3) описание костюма исполнителя; 4) описание танца в сюжетной, композиционно-структурной целостности с учетом специфики лексики, пластического языка (акцентация танцевальной, исполнительской терминологии, стиля и т.д.); 5) сведения о семантике жестов, технических приемов, манер; 6) фотоиллюс-

трации; 7) нотные тексты танцевальных мелодий; 8) видеодиск народных танцев.

В таком комплексном единстве башкирская народная хореография исследуется и воссоздается впервые и являет собой существенный вклад в башкирскую хореографическую фольклористику, которая, по сути, в нынешний период стоит на месте.

Комплексный опрос представляет обнаружение многих артефактов, способствующих более полному воссозданию этнического облика, духовного мира, народа, также его творческих, социально-общественных, мировоззренческих особенностей. В процессе записывания танца применялся метод доверительного, партнерского отношения к информатору. Детальный опрос позволил выявить интересные сведения о семантике жестов. Например, «нельзя поднимать мужчинам ноги выше пояса – это все равно, что пинать бога Тэнгри» (И.Мирхайдаров, с. Аскароро; Х.Габитов, с. Ахаево); «Байк» – мужской танец. Нельзя придумывать женский «Байк». Это все равно, что свой пол менять и оскорблять дух сказителя» (И.Атауллин, с. Ташбулат). «В каждом движении должно биться сердце, каждое слово должно быть со смыслом», – говорит он, высказывая искреннюю тревогу и боль за утрату сути, характера народных танцев. «Женщина должна водить руками плавно, легко, не выводя резкими взмахами руки за грудную клетку по сторонам, иначе «ветер коснется» и она простудит груди (Р.Ирнарзова, с. Ташбулат). «Во время танца следует дышать ровно и спокойно, держать осанку прямо, а голову гордо, смотреть нужно в себя, а не на смотрящих. Иначе в тело войдет дурной глаз. Ведь в этот момент душа нараспашку бывает», – говорит М.Баймухаметова их с. Кырдас, сэсэн-сказитель, импровизатор, большой знаток и собиратель старины. Характеризуя современные псевдонародные танцы, знатоки горько сетуют: «Сейчас не танец, а физкультура!».

«Дробушки у нас называют «тыбырсынуу», а не тыпырзык. Если танцор (жених) вяло дробит – говорят, жизнь супругов будет так себе, не яркой. “Кейәү рәтһез тыбырсына, донъя кәтәүе лә рәтһез булыр”. Если же танцор (жених) танцевал хорошо, дробил громко, уверенно и выделял каждый акцент движения – говорили, что у такого все в жизни будет спориться” (Х.Габитова, с. Ахай).

“Танец с полной посудой на голове” – исполнялся в знак почитания пищи, вызывания и умножения благополучия в жизни. Идеиные истоки его восходят к древним верованиям. Поэтому мнения некоторых исследователей о том, что “таковые танцы – выдумки последнего времени” не имеют научной основы.”Этот танец Тенгри посвящается, а не только зрителям. Древний этот обычай танца с посудой на голове (самоваром, кадкой, подносом) ещё наши бабушки соблюдали. Примечали, что чем искуснее танцевали, тем больше Ходай посылал урожай и пищи”. (Г.Мамлеева, с. Кусхар).

Башкирский танец “түңэрәк” (круг) по манере, стилю, характеру исполнения, также по композиционной структуре обнаруживает аналогии с якутским «осуохай», бурятским «ёхор», азербайджанским «зикр», русским «хоровод» и т.д. Он проводит идеи культа Солнца, солидаризации людей, усиления коллективного родства и единения с движениями Времени, Природы и почитания Земли. Башкирский танец

“түнәрәк” в его пластической, лексической символике если и был записан Л.И.Нагаевой, но не были установлены реалии и его ритуальные практики. В 2009 г. от И.Мирхайдарова удалось записать рассказ о танце солнцепоклонства, основной формой которого был түнәрәк. Такие и множество других сведений восполняют пробел по освещению семантико-смысловых, мифоритуальных, функциональных, жестовых компонентов башкирского народного танца, до сих еще не ставших предметом специального исследования.

Танец – такой же фольклорный жанр, развивающийся по законам творческого обобщения действительности, верований и жизненно-бытовых особенностей народа. Условием его жизни является сохранение и передача в неизменности следующему поколению. В этой связи в беседе с информантами нами было предпринято отслеживание истории возникновения танца, его сохранение в динамике времени. Вопросы «От кого переняли танец, когда, от кого тот разучил танец?» «Что означает тот или иной жест?» использовались с 1989 года. В результате создан большой арсенал материалов по хореографическому фольклору башкир с проекцией на древность и наиболее объективной фиксацией национальных особенностей, функциональной характеристики и т.д.

Данный метод изучения хореографического фольклора апробирован и в презентативном докладе на II Конгрессе фольклористов в Москве и получил высокую оценку. Основные рекомендации по исследованиям народной хореографии вынесены в резолюцию Конгресса.

С обережением, сохранением и правильным сценическим воплощением народного танца связано узнавание, обнаружение и возрождение ментальных, интеллектуальных, творческих откровений народа, способствующих выживанию и бытованию его в современности. Будущее профессиональных искусств (балета, хореографии) связано с сохранением этнической первозданности и неизменности танца. Фольклорный танец – единственный жанр, при минимальных средствах изображения передающий объемную информацию о народе, человеке в целом. Он должен быть вынесен в ряд предметов специального исследования с применением новых принципов изучения.

Фиксация, аутентичные описания башкирских народных танцев в единстве идей, функций, слов, истории, костюма, ареальной характеристики, также с детальной расшифровкой смысла, семантики телодвижений ныне являются актуальными задачами современной хореографической фольклористики.

На нынешнем этапе остро стоят вопросы профессионального сбора и реконструкции, создания кинетограмм народных танцев, которые требуют современного технического оснащения. Актуальными задачами являются создание фонда народной хореографии, издание сборников по танцам.

Грант, выигранный нами совместно с РЦНТ в 2009 г., позволил несколько оживить научную работу по сохранению и изучению хореографического фольклора башкир. Метод беседы и записывания танца находит аналогии с записью обрядов, песен, легенд, игр. Особое значение здесь имеет фактор времени: за короткий миг танца исполнитель невербальным способом повествует о чем-либо, только после этого объясняет о том, о чем рассказал (станцевал). Знаток танца

никогда не допускает случайностей, бессвязного соседства действий, сохраняет национальную философию, манерность.

Соблюдая особенные правила и сохраняя лучшие характерные традиции и черты исполнения народного танца, башкирские творцы создали прекрасную художественную систему, которая ярко, узнаваемо отмечается на фоне мирового хореографического искусства. С бережением, грамотной передачей этого богатства связаны сохранность народного духа, этническая идентичность творчества и будущее профессионального искусства.

К настоящему времени актуально формирование научно-теоретической базы, системных работ по этнохореографии. Феномен акционального фольклора – танца позволяет изучить и раскрыть многие вопросы, касающиеся древних знаний по башкирской мифологии, эпосу, языку, легендам, а также по прикладному искусству и т.д. В этой связи палеохореография как новое научное направление призвано осветить вопросы архаического синкретизма, национальной философии древнейших культурных артефактов, эмоционального мира творца, запечатленных в народном танце.

Считаем необходимым внести такие рекомендации:

1. В целях наиболее полного и объективного раскрытия идей и замыслов башкирского танца, освещения его этнической первозданности целесообразно принять за основу метод аутентичного, комплексного описания и системного фиксирования народной хореографии в единстве всех её культурных компонентов (язык, слово, напев, костюм; родовые, географические и хозяйственно-бытовые показатели; мифы, верования, культы; семантика жестов и функциональность телодвижений т.д.).

2. Назрела необходимость открытия кафедры «Народной хореографии» во всех учебных заведениях культуры и искусства.

3. Позиционировать издания работ по народной хореографии, собранной по новой методологии и принципам.

4. В целях сохранения народного танца в его значимости и национальной идентичности проводить республиканские конкурсы мастеров исполнителей фольклорных танцев.

5. В целях регулирования процессом развития народного творчества и сохранения народных достояний создать Республиканскую научно-экспертную комиссию по делам народного творчества.

6. Принять меры по научно-теоретическому изучению проблем народной хореографии и по подготовке кадров по специальности «хореографическая фольклористика».

Тазранова А. Р., г. Новосибирск

МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ СО ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ *БЕР* = 'ДАВАТЬ, ДАТЬ' (НА МАТЕРИАЛЕ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В алтайском языке АК $Tv=a\text{ бер}$ в художественных текстах встречается часто.

АК со вспомогательным глаголом (ВГ) *бер* = 'давать, дать' в составе АК может выполнять две функции:

1) указывать на направленность действия в пользу другого лица;

2) выражать акциональную семантику.

В первом случае ВГ *бер*= сочетается с деепричастной формой знаменательного глагола на =*n* и образует АК *Tv=n бер*=, которая не обладает акциональной семантикой.

Во втором случае ВГ *бер*= 'давать, дать' формирует конструкцию *Tv=a бер*=, которая, выражая как начало совершения действия, так и его завершенность, передает аспектуальное значение недлительности. АК *Tv=a бер*= всегда представляет начало и конец совершения действия как точечное и краткое, но никогда – как длящееся и продолжающееся. Двухкомпонентные или бивербальные АК с ВГ *бер*= подробно рассмотрены Черемисиной М.И., Тыбыковой А.Т., Тохниной Э.Т.

АК *Tv=n бер*= и *Tv=a бер*= распространены во всех тюркских языках.

По наблюдениям А.А. Юлдашева, в узбекском, казахском, киргизском, башкирском, татарском и некоторых других языках в качестве знаменательного компонента в АК *Tv=a бер*= преимущественно употребляются глаголы, выражающие активное действие и крайне редко – глаголы, выражающие состояние. АК *Tv=a бер*= обозначает продолжение процесса или действия перед его конечным этапом: *сура=й бер*= 'продолжать спрашивать' (узб.), *бар=a бир*= 'продолжать идти' (башк.). В тувинском, хакасском и частично в алтайском языках для этой конструкции характерно значение исчерпанности начального этапа действия: *бижи=й бер=ди=m* '(я) начал писать' (тув.), *ойни нир=ди* '(он) начал играть' (хак.), *ойно=й бер=ди* '(он) начал играть' [Юлдашев 1965, 79–81].

В.И. Рассадин на материале тофаларского языка выделяет у АК *Tv=a бер*= значения исчерпанности, законченности всего действия, а также значение интенсивного приступа к действию (или исчерпанности начального этапа действия): *шыбык сын=a бер=ген* 'прут сломался', *чулан чыл=a бер=ди* 'змея поползла'. Он также отмечает, что ВГ *бер*= в составе АК *Tv=a бер*= полностью утрачивает свое первоначальное значение 'давать, дать' [Рассадин 1978, 150].

А.Т. Тыбыкова приписывает алтайской конструкции *Tv=a бер*= значения начала действия (пример 1):

(1) *Бастыра улус таштарды тажып, жангыс жерге чогул, шибеени жазай бердилер.*

бастыра	улус	таш=тар=ды	тажы=п	жангыс жер=ге
все	люди	камень=PL=ACC	таскать=Cv1	один земля=DAT
чогул		шибее=ни	жаза=й	
собирать=Cv1		крепость=ACC	чинить=Cv2	
бер=ди=лер				

AUX: дать=Past1=3PL

'Все люди начали строить крепость, собирая камни и складывая их в одно место';

продолжительности действия в определенный отрезок времени (пример 2):

(2) *Арчыннын жыды айылга табынча жайыла берди.*

арчын=нын	жыд=ы	айыл=га	табынча
можжевельник=GEN	запах=POSS/Sg	дом=DAT	постепенно

жайыл=a бер=ди
 распространяться=Cv2 AUX: дать=Past1
 ‘Запах можжевельника постепенно распространился по аилу’;
 постепенного развития и усиления действия (пример 3):

(3) *Там оорый берди.*

там ооры=й бер=ди
 еще болеть=Cv1 AUX: дать=Past1

‘Стал болеть все сильнее’;

законченности действия (пример 4-5):

(4) *Кырдан кызыл тўлкү ажа берди* [Тыбыкова 1966, 44–45].

кыр=дан кызыл тўлкү аж=а бер=ди
 гора=ABL красный лиса перевалить=Cv2 AUX: дать=Past1

‘Через гору перебежала красная лиса’

По анализу нашего материала значение завершенности, законченности действия ВГ *бер=* (в *Tv=a Ivcp*) передает в составе только двухкомпонентных АК, в многокомпонентных АК данное значение не зафиксировано (ср., примеры 5-6):

(5) *Ол Эрел Мироновичти жаагынан ... окшоп ийеле, жүре берген* (АА, ÖЧК, 27)

ол Эрел Мироновичти жааг=ы=нан окшо=п
 он Эрел Миронович=ACC щека=POSS/3Sg=ABL целовать=Cv1

ий=еле жүр=e бер=ген

AUX: посылать=Cv3 уходить=Cv2 AUX: дать=PP1

‘Она, Эреля Мироновича в щеку ... поцеловав, ушла.’

В многокомпонентных АК с ВГ *бер=* выражает инхоатив в значении «начало и продолжение процесса» (пример 6):

(6)

Бу керектин кийинде олор Болчойго чала кыйгастанып турар боло берген (ЭП, А, 42)

бу керек=тин кийинде о-лор Болчойго чала
 это дело=GEN POSTP он-PI Болчой=DAT чуть

кыйгастан=ып тур=ар бол=о бер=ген

жадничать=Cv1 AUX: стоять=PrP быть=Cv1 AUX: дать=PP1

‘После этого случая, они стали коситься на Болчой’.

Сказуемое выражено трехкомпонентной АК. Семантика АК – начало действия с конкретного момента, которое находится в процессе продолжения.

В алтайском ВГ *бер=* в составе многокомпонентных АК полностью теряет свое лексическое значение ‘давать, дать’, являясь полностью десемантизированным компонентом, что и обеспечивает ему высокую частоту появления в текстах.

Литература:

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.

Тыбыкова А. Т. Сложные глаголы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1966.

Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965.

Условные сокращения и обозначения

Грамматические значения в глоссах:

3Sg – личный аффикс 3-го л. ед.ч.; PI – личный аффикс 1-го л. мн.ч.; 3PI – личный аффикс 3-го л. мн.ч.; ACC – винительный падеж; ABL – исходный падеж; AUX – вспомогательный глагол; Cv1 – форма соединительного деепричастия на =n; Cv2 – форма слитного деепричастия на =a; Cv3 – форма деепричастия на =ala; DAT – дательный падеж;

GEN – родительный падеж; PAST1 – форма прошедшего времени на =ды; P1 – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; PPI – форма причастия прошедшего неопределенного времени на =ган; PrP – форма причастия настоящего-будущего времени на =ар; Tv – основа глагола; = – морфемный шов при наложении морфов; / – разграничитель значений в комплексной морфеме.

Терехова О.П., г. Чебоксары

ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Изучение произведений устного народного творчества играет большую роль в обучении и воспитании подрастающего поколения. Как подчеркивают исследователи, фольклор является основой для усвоения норм поведения, традиций, всего культурно-национального уклада народа. Знакомство с национальными сказками, пословицами, поговорками, внимательное изучение их стилистических особенностей будет содействовать формированию у учащихся навыков чуткого, внимательного отношения к слову в художественном произведении, а в старших классах поможет школьникам лучше понять стилистическое своеобразие произведений К.Иванова, И.Яковлева, М.Федорова, С.Эльгера, И.Мучи, Н.Ильбекова – тех писателей и поэтов, чье творчество особенно полно впитало в себя фольклорные традиции.

С некоторыми жанрами устного народного творчества учащиеся знакомятся еще в начальных классах. Подробнее с этой темой знакомятся в 5 – 9 классах. Программой по чувашской литературе на изучение этой темы выделено: в 5 классе – 12 часов, в 6 кл. – 4, в 7 кл. – 5, в 8 кл. – 5, в 9 кл. – 2 часа. В 5 классе учащиеся знакомятся с детским фольклором, пословицами и поговорками, сказками, загадками, народными приметами. В раздел “Детский фольклор” авторы включили игры, считалки, частушки, песни, шутки, календарно-обрядовую поэзию, в основном эти жанры связаны с явлениями природы, животным и растительным миром, народными традициями и обычаями, подготовкой к трудовой деятельности. В 6 – 7 классах предусмотрено ознакомление с чувашскими народными песнями. Учащиеся знакомятся с историческими, хороводными, бытовыми, трудовыми песнями. Беседы о песне, ее художественных особенностях обычно сопровождаются прослушиванием песни в грамзаписи или на магнитной ленте. Интересны чувашские песни о зверях и птицах, о природе родного края. В этих песнях через условные образы природы и мира животных передается настроение человека: береза – девушка, ветла – грусть, дуб – отец, липа – мать и т.п. Многие трудовые песни славят земледельческий труд, воспевают любовь к нему. В бытовых песнях, посвященных родителям, взаимоотношениям в семье, всегда очень нежно и трогательно рисуется образ матери, подчеркивается уважение к родителям, старшим, почтительное отношение к соседям, односельчанам. При изучении исторических песен учащихся знакомят не только с текстом, но и с мелодией и легендой, например, песни о татаро-монгольском иге, жизни народов Поволжья, многовековой дружбе с русским народом, песни, посвященные Степану Разину и Емельяну Пугачеву и др. В 8 классе в программу включен материал, освещающий чувашскую свадьбу, мифологические и религиозные обряды чувашей. В них показано, как происходит формирование и становление нравственных качеств человека в его отношении к

родному дому, «малой родине». Народное слово заставляет по-иному взглянуть на многие проблемы быта, традиции своего народа, жизненную философию народа. Изучение этой темы раскрывает вопросы о связи людей по родству, исконному пониманию «женственности» и «мужественности». В 9 классе изучаются молитвы, древняя чувашская религия. “У чувашей Тора (Бог) означает «Творец, Создатель», а из единого доброго бога затем составилось несколько богов, из которых каждый представлял собою одно какое-либо свойство прежнего единого доброго божества, и каждый носил название Тора с прибавлением свойства, им представляемого”. Как утверждает Н.И. Золотницкий, “к этим божествам присоединились потом и обоготворенные силы природы и за ними впоследствии явились боги – покровители домов, полей, лесов, урочищ и проч.” [Золотницкий 1875, 145-146].

И ранние, и поздние памятники устного народного творчества рисуют чувашский народ земледельческим. В мифах, легендах и сказках раскрывается тесная связь персонажей этих произведений с трудом по обработке земли и использованию лесных и водных богатств. В этих произведениях говорится о вечности природы. Природа воспринималась чувашами как единый живой организм, поэтому они считали, что нельзя вмешиваться в дела природы.

На уроке учитель знакомит учащихся с различными видами сказок – волшебными, бытовыми, сказками о животных. Учащиеся рассказывают содержание волшебных сказок «Юман-батыр», «Иван-батыр», «Эдикан и Удикан», «Улып-Великан», в которых богатыри борются со страшными чудовищами, им в этой борьбе помогают чудесные вещи, помощники. Так, герой сказки «Тесто – богатырь» возвращает людям отобранную у них змеем-драконом воду. В сказке «Эдикан и Удикан» один из героев выводит томящихся под игом морского змея в подводной неволе людей на сушу, помогает им вернуться на родную землю.

В чувашских сказках о животных образы представителей животного и растительного мира воспринимаются как аллегорическое изображение людей. Но есть и так называемые сказки-поверья о животных, в которых объясняется причина возникновения того или иного явления природы, животного или растительного мира. Такими являются сказки «Кошка и мышь», «Волк, собака, кошка и мышь», «Зайчик», «Белка и сорока» и др.

В бытовой сказке «Девушка на Луне» школьники отмечают злую мачеху и безропотную, добрую и трудолюбивую падчерицу. В сказке «Богач и бедняк» рассказывают, как хитрый и умный мужик обманул богача, в сказке «Что сильнее всего на свете» отмечают, что царь не сдержал обещания и народ наказал его. При анализе бытовых сказок школьники подчеркивают, что бедняки в них всегда умные, справедливые, трудолюбивые и всегда побеждают злых, глупых, ленивых богачей, царей, судей.

Расширяя представления учащихся об окружающем мире, загадки развивают у детей наблюдательность и сообразительность. Как отмечает М.Я. Сироткин, «в часы досуга или за работой, не требующей больших физических усилий, чаще всего в осеннее и зимнее время, в

чувашском быту принято было не только петь песни, рассказывать сказки, но и загадывать и отгадывать загадки» [Сироткин 1965, 47].

Исследователи отмечают, что устно-поэтическое творчество чувашей с древних времен было связано с условиями окружающей природы и народным хозяйством. Поэтому тематика старых чувашских загадок больше всего связана с предметами и явлениями крестьянского труда и быта: из них на первом месте посвященные хлебопашеству, сельскохозяйственным культурам и домашним животным и птицам; второе место занимают загадки, относящиеся к дому и предметам домашнего обихода; далее следуют загадки о диких животных, рыбах и насекомых, об окружающей природе и природных явлениях.

Этнографы и фольклористы утверждают, что «анализируя чувашские загадки, выявляем еще одну интересную особенность: почти половина всех известных чувашских загадок говорит о женщине и женских занятиях по дому, об инструментах, которыми она пользуется, и произведениях женского труда: «Через поле протянулся сурпан» (Тропа). «Беззубая старушка кости гложет» (Мялка). [Романов 1962, 144].

По мнению П.Н. Метина, «своеобразным жанром чувашского фольклора являются пословицы и поговорки. Недаром они с давних времен являлись предметами собирания, изучения любителями и исследователями народной словесности» [Метин 1982, 171]. В них отразились многие стороны жизни и быта народа в прошлом и настоящем: его социально-классовые, правовые, семейно-бытовые отношения, общественные, педагогические, философские, религиозные воззрения. В старых пословицах и поговорках подчеркивается, что труд на земле — основа материального благополучия трудового народа: «Трудовому народу, чтобы быть сытым, ноги требуются держать в черной земле», «Тот, кто с черным хлебушком, никогда не был посрамлен». В упорном труде над освоением природных богатств росло и развивалось в народе чувство привязанности к родной земле, полям и лугам, лесам и водам родного края. «Родина — мать, чужбина — мачеха» — гласит чувашская пословица.

Произведения устного народного творчества учат подрастающее поколение чтить память предков, хранить верность лучшим традициям, беречь природу, бороться со злом.

Литература:

Золотницкий Н.И. Корневой русско-чувашский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. — Казань, 1875.

Метин П.Н. Чувашские пословицы и поговорки //Чувашский фольклор. Специфика жанров. — Чебоксары, 1982. — С. 171-187.

Романов Н.Р. О чувашских загадках //Ученые записки. Выпуск XXI. — Чебоксары, 1962. — С. 142-154.

Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. — Чебоксары, 1965.

Трегубов А.Н., г. Уфа

ЗВУКОСИМВОЛИЗМ И АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В настоящем сообщении мы остановимся на двух традиционно древних проблемах: глоттогенез и системность семантических изменений.

Проблема глоттогенеза и попытки её решения известны с Платона и проходят через всю историю языкознания. Начиная с диалога «Кратил», идея механизма соединения звучания и смысла стала

привлекать внимание философов, психологов и лингвистов. Особенно актуальной эта проблема стала в XIX веке, когда были предложены звукоподражательная и междометная гипотезы, теория трудовых выкриков и трудовых команд и, наконец, марксистская теория. Однако следует отметить, что первые три названные гипотезы имеют нечто общее: попытку найти практические основания возникновения человеческой речи, с другой стороны, теория Ф.Энгельса ориентирована на коммуникационные причины.

В течение последних десятилетий предпринимаются попытки подойти к этой проблеме с разных сторон. Прежде всего достаточно отчётливо выделяются два направления анализа: синхронический и диахронический, причём материалом для первого служат данные прежде всего индоевропейских языков. Вместе с тем пока остаются вне сферы внимания лингвистов языки алтайского сообщества. Всё это делает данную проблему безусловно актуальной не только в пределах того или иного региона.

Помимо теоретического значения, связанного с общей оценкой фонетических систем соответствующих языков, следует отметить также значение прикладное: описание признакового аспекта звуковой семантики позволит пролить свет на специфику суггестивного воздействия алтайских языков.

Одним из пионеров отечественного системного описания звуко-символизма можно считать Александра Павловича Журавлёва. Сущность его идей сводится к ряду положений.

1. Звуки речи несут в себе какую-то информацию, какой-то скрытый смысл.

2. Для определения значимости звуков речи проводится психолингвистический эксперимент. Методика данного эксперимента – ассоциативная: информантам предъявляются звуки речи (точнее – буквенные изображения); испытуемые должны оценить данные звуко-буквы по ряду коррелирующих параметров: «большой – маленький», «светлый – тёмный», «хороший – плохой» и т.д. Эти признаки шкалируются (от 1 до 5). Затем вычисляется средняя оценка каждого звука речи и определяется его положение в звуко-символическом континууме.

3. После определения значимости отдельных звуков речи появляется возможность аналогичной оценки их комбинаций в составе слов. Результаты проведённых исследований на материале русского языка свидетельствуют, что существует определённая связь между лексическим значением слова, его признаковыми и ассоциативными компонентами, с одной стороны, и фонетическим значением, с другой. Она проявляется в том, что те или иные характеристики значения коррелируют с теми или иными звуко-сочетаниями. Например, слово «паук» оценивается как «тёмный, страшный, тихий», а «птица» – как «маленький, быстрый» и т.д. [Журавлёв, 1981, 62].

Сама по себе эта идея не нова: она обсуждалась со времён древних греков, но наиболее поэтично её выразил Александр Афанасьевич Потебня: «Первые слова были звукоподражательные. Изобретателя языка поступали подобно живописцу, который, изображая траву или листья древесные, употребляет для этого зелёную краску; желая, например, выразить предмет дикий и грубый, избирали и звуки дикие и грубые» [Потебня, 1993, 9 – 10].

Идеи А.П.Журавлёва получили своеобразное преломление в работах Юрины Юрьевны Черепановой, которая обратила пристальное внимание на проблемы суггестивного воздействия языка. В одной из своих первых произведений «Дом колдуньи: начала суггестивной лингвистики» она подвергла анализу малоизученную область языковой магии: заговоры, проклятия, привороты и т.д., опираясь при этом на результаты исследований А.П.Журавлёва [Черепанова, 1995].

Важным вкладом И.Ю.Черепановой в разработку проблем фоносемантики можно считать вывод о том, что различные классы звуков речи оказывают неодинаковое влияние на подсознательную сферу человека. Исходя из этого вырисовывается двунаправленный процесс словотворчества: с одной стороны, стремление приблизить звучание слова к признаковому содержанию предмета, явления, процесса, то есть своего рода звуко-символическая мотивированность, облегчающая процесс понимания, а с другой (что, как представляется, более важно), — может быть, даже подсознательная установка на управление поведением собеседника (собеседников).

Как показывают результаты предварительного анализа, у представителей разных народов свои представления о характеристиках того или иного звучания, собственная их фонемная репрезентация. Разумеется, несколько наивными выглядят утверждения, что финские петухи встречаются наступающее утро принципиально иначе, чем, например, их китайские визави. Как правило, здесь речь идёт не о том, что носители различных лингвем слышат, а следовательно, воспроизводят их звукоиспускания по-разному, а о том, что существуют определённые этнические оценки качества тех или иных звуков (в том числе и звуков речи). Так, для русской язычной сознания идея удара, стука чаще всего эксплицируется с помощью смыхных согласных, а для, в частности, китайского — характерно, что смыхные согласные достаточно часто используются при передаче речевых явлений, например, *báo, bào, páo* «громко роптать», *dú* «ропот, недовольство», *guā* «кричать, галдеть», *diào* «громко кричать» и т.д.

В связи со сказанным представляет интерес проведение системного сопоставительного анализа звуко-символических систем по возможности наиболее широкого круга языков, включая и алтайские.

В данном случае возникают вопросы: что именно понимать под звуко-символической подсистемой? какими будут являться конструктивные единицы и в какого рода взаимосвязи и взаимозависимости вступать? Этот вопрос может стать предметом обсуждения в научном сообществе.

В области звукоизображения понятие фоносемантической системы выдвинул Станислав Васильевич Воронин. В своей работе «Основы фоносемантики» [Воронин, 1982] он определил объект, предмет и задачи изучения звукоизобразительной стороны языка, чем заложил основы нового научного направления. Однако следует отметить, что названный исследователь подверг анализу прежде всего звукоподражательные слова.

В нашем случае речь идёт несколько об ином, в определённом смысле, на первый взгляд, более расплывчатом феномене, хотя это и не означает, что объективные критерии здесь отсутствуют. Средством

объективации может стать выявление универсалий, или во всяком случае фреквенталий, фиксирующих закономерности связи смысла и звучания в разных лингвосообществах. Названные универсалии (фреквенталии) могут касаться звуко-символических репрезентаций качественных и количественных характеристик объектов окружающей действительности.

Не меньший интерес представляет и другое, диахроническое, рассмотрение проблем фоносемантики, поскольку многие в прошлом звукоподражательные (звукоизобразительные) слова в ходе языковой эволюции утрачивают непосредственные связи с первичными истоками.

В русле данного направления мы предложили понятие «фоносемема». Введение этого термина мотивируется рядом обстоятельств: 1) существуют определённые закономерности фонетической интерпретации звуковых явлений; 2) многие лексические единицы, не связанные со звуковыми явлениями, в современных языках, согласно данным этимологических исследований, имеют звукоизобразительную основу; 3) значительные фонетические процессы, имевшие место в истории любого языка.

Всё это позволяет разграничить в семантике слова два пласта: реальный и потенциальный. Первый включает с себя набор сем, который закреплён в толковых словарях и осознаётся большинством носителей данного языкового сознания. Второй представляет собой затемнённые (и порой, довольно сильно) изначальные или, по крайней мере, более древние компоненты значений слов. На необходимость подобного расчленения указал Владимир Николаевич Топоров, который отмечал, что в семантической структуре слова в самом широком смысле слова предполагается, в частности, и выявление элементов, которые лежат как бы уже вне языка или, по крайней мере, не имеют прямой видимой связи с решением чисто лингвистических задач. Эта «потенциальная часть в некоторых предельных ситуациях может вступать в полноправную — и более того — определяющую все основные смыслы игру. Эта потенциальная и до времени скрытая часть семантической структуры несёт на себе отблеск «этимологического» ... и в этом смысле этимологическая характеристика слова отсылает к одному из действенных факторов словесной структуры вообще, хотя тот фактор и лежит в ином плане, чем, например, совокупность семем данного слова» [Топоров, 1981, 142]. В связи с этим обнаруживается связь между этимологией данного слова и глубинными смыслами этого слова, которые не являются лексическим значением, а пребывают в латентном состоянии.

Благодаря потенциальному пласту мы имеем возможность объединить в определённые группировки слова, на современном уровне языка не связанные деривационными отношениями, сгруппировать их на основе общей для них фоносемемы.

Фоносемема — это компонент лексического значения слова, отражающий потенциальный пласт, но вместе с тем не являющийся целиком этим пластом; это элемент семантики, связанный со звукоизображением. Фоносемеме можно связать с внутренней формой слова. Хотя ставить между ними знак равенства в современном

понимании вряд ли целесообразно. В нашем представлении, это внутренняя форма, если можно так выразиться, «первого порядка». Под внутренней формой понимается «семантическая и структурная соотносённость составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка, признак, положенный в основу номинации, при образовании нового значения слова. Внутренняя форма мотивирует звуковой облик слова, указывает на причину, по которой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков» [Языкознание, 1998, 85].

В современном языкознании широко распространена точка зрения, согласно которой «живая» внутренняя форма отсутствует у многих слов, так как она утрачивается в процессе развития языка. Однако такая постановка вопроса свидетельствует о том, что утрачено может быть то, что существовало, и отрицать наличие «внутренней формы» у лексических единиц, лишённых их в настоящее время, вряд ли целесообразно.

Таким образом, внутренняя форма может изменяться под влиянием трансформации семантики слов и отрываться от первичных корней, что вызывает изменение первоначального значения. Но в своих истоках она может быть отождествлена с фоносемемой.

Подводя итоги, отметим, что интеграция двух названных подходов может оказать позитивное воздействие на изучение синхронических и диахронических аспектов звукоизобразительности. В частности, это может касаться исследования вопроса о дезтимологизации и утрате звукосимволического характера слов на материале различных языков. Это, вполне возможно, позволит выявить, во-первых, мотивационные основы семантических преобразований, а во-вторых, роль звукосимволических факторов в этом процессе.

Литература:

- Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.
Журавлёв А.П. Звук и смысл. – М., 1981.
Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993.
Топоров В.Н. Ведийское РТĀ: К отношению смысловой структуры и этимологии // Этимология: 1979. – М., 1981. – С. 139 – 156.
Черепанова И.Ю. Дом колдуны: Начала суггестивной лингвистики. – Пермь, 1995.
Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.

Тыдыкова Н.Н., г. Горно-Алтайск

О СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНОЙ ФОРМЕ –*AP* В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.З. Гаджиева отмечает, что возникновение определительных словосочетаний с формой на –*Ap* можно возвести к периоду пратюркской общности, поскольку они обнаруживаются непосредственно или в реликтовом виде во всех тюркских языках. Уже в общетюркскую эпоху форма на –*Ap* широко употреблялась как причастие настоящего и будущего времён, а также как отглагольное имя со значением названия процесса или результата процесса [Гаджиева 1973, 95].

Во многих тюркских языках употребление формы –*Ap* в определительной функции сравнительно ограничено. При этом отмечается широкое его употребление как личной формы глагола [Шербак 1977, 170-171]. Принято считать, что будущее время глагола на –*Ap*

выражает возможное, предположительное действие. Некоторые авторы называют данное время будущим предположительным временем [Кононов 1960, 229], в то время как в хакасском и тувинском языках, например, отмечается, что в этих языках у формы *-Ар* предположительно-возможного значения нет [Исхаков, Пальмбах 1961, 387]. Эту же мысль высказывает Н.М. Любимов в отношении турецкого языка [Любимов 1953, 165]. В алтайском языке форма *-Ар* в предикативной функции означает обычно будущее (1) и реже - настоящее, обычно повторяющееся, характерное действие (2): 1) *Мен сеге торко тон кийдирерим, алама-чикир курсагла азыраарым, чыйрак, јараи атка миндирерим* (НУ,ЭС,311) – Я надена на тебя шёлковое пальто, накормлю сладостями, дам оседлать выносливого, красивого коня; 2) *Тенек ийт тон’ошк’о до’уер* (К.с.) – Глупая собака и на пень лает (Посл.).

В алтайском языке форму *-Ар* называют «причастием настоящего-будущего времени» [Грамматика алтайского языка 1869, 67, 241; Дыренкова 1940, 147], «причастием будущего неопределённого времени» [Баскаков 1947, 247], «причастием настоящего времени» [Гадькин 1971, 77-86].

В настоящей статье предпринимается попытка анализа формы *-Ар* алтайского глагола в свете концепции вторичной репрезентации [Гузев 1976, 1999], которая, судя по появившимся публикациям, вызывает интерес у многих исследователей тюркских языков [Телицын 1990; Маматов 1990; Тыдыкова 1993, 1997; Гаджихмедов 1998; Дениз-Йылмаз 2006].

Основным в концепции вторичной репрезентации является преобразование одной семантики в другую, которое, как предполагается, осуществляется в сознании носителя языка. Так, в именных формах глагола семантика действия может репрезентироваться в образах предмета, признака или обстоятельства. Их классификация сводится к выявлению рядов форм, объединяемых одной и той же семантической структурой.

Форма *-Ар*, являясь одним из глагольных средств субстантивно-адъективных форм алтайского языка, выражает действие в качестве и предмета, и признака. Представляя действие в качестве и предмета, и признака, форма *-Ар* выступает как в сфере её субстантивного, так и адъективного использования.

В отличие от некоторых тюркских языков [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1988, 451] для алтайской формы *-Ар* тенденция к сокращению её использования в качестве предмета не является характерной, она активно используется в своей субстантивной функции.

Формой *-Ар* в алтайском языке обычно передаётся такое опредмеченное действие, которое произойдёт в будущем: 3) *Уулчактар бузулга барарын ончозы унды салган* (ЛК,А,77) — Мальчишки все позаблели о том, что надо ехать за копнами; 4) *Конорымды кобы билер, јадарымды салкын билер* (Таб.) - То, что буду ночевать я — знает лог, то, что буду лежать, знает ветер (Заг.).

Представляя действие в виде предмета, форма *-Ар* взаимодействует преимущественно с категорией принадлежности и выступает в роли подлежащего (5), прямого (6) и косвенного (7) дополнения: 5) *Абатынын*

jürümi le кыр-ыл-ар-ы Амыр-Санадан камаанду (ИШ,КJ,63) – Жизнь и уничтожение народа зависит от Амыр-Санаа; 6) *Амыр-Санаа каанның ла оның бийлериниң алтын мөңүн јөөжөзин аларын*, каанның ширеезине *отурарын*, *Табачыны ла Бычымды канайып кезедерин ле мокодорын сананат* (ИШ,КJ,87) – Амыр-Санаа думает о том, как заберет у хана и его биев (князей) их имущество из золота и серебра, как будет сидеть на ханском престоле, как накажет и проучит Табачи и Бычыма; 7) *Карчага он үч јаштуда садакты тузаланарына јакшы үренип алган* (ИШ,КJ,18) – В тринадцать лет Карчага научился хорошо пользоваться луком;

В том случае, когда действие представлено как признак, форма

–*Ар* может сигнализировать как о будущем (8), так и о настоящем (9) времени в качестве постоянного признака предмета, что находится в полном соответствии с общепюркским временным значением этой формы [Серебренников, Гаджиева 1986, 159]: 8) *Кой кабырар кижги канайып табылбайтан слерге?* (ЛК,А,41) – Как не найдется для вас человек, который пас бы овец.

Фактический материал алтайского языка показывает, что форма – *Ар* в адъективной функции со значением настоящего времени в качестве постоянного признака предмета, наиболее употребительна в сказаниях, загадках, пословицах и поговорках: 9) *Эркелеер энези јок, азыраар адазы јок* (НУ,ЭС,149) – (У него) нет матери, чтобы ласкать (его), нет отца, чтобы кормить; 10) *Билер кижиге – бир сөс, билбес кижиге – мунг сөс* (К.с.) – Умному (досл.: знающему) человеку – одно слово, бестолковому (досл.: незнающему) – тысяча слов (Посл.); 11) *Ачар оозы бар – ажыраар тамагы јок* (Таб.) – Открывающийся рот есть (у него), глотающего горла нет (Заг.); 12) *Эдердин эргеги ус, эттестинг тили ус* (У.с.) – У того, кто трудится, руки (досл.: большой палец) мастеровиты, у бездельника – мастеровит язык (Пог.).

Форма с показателем –*Ар*, называя действие в качестве и предмета, и признака, активно взаимодействует с категорией залога: 13) *Бу јангы баишталган јууда көп кан төг-үл-ерин, албаты кыр-ыл-арын* *Бычым билип, оны токто-д-ор ара бедреген* (ИШ,КJ,83) – Зная о том, что в этой вновь начавшейся войне прольётся много крови и погибнет народ, Бычым искал способ остановить её.

Субстантивно-адъективная форма –*Ар* может употребляться в речи с формой отрицания. При этом следует отметить, что отрицательная форма –*Ар* в адъективной функции не взаимодействует с категорией принадлежности: 14) *Јажыла агаши болгожын, бүр саргарбас јер эмтир; јайдын кужы болгожын, үн серибес јер болтыр* (АБ, I, 18) – Будь то зелёные деревья, то оказалось, что на той земле не желтеют ветки, будь то птицы лета, то оказалось, что на той земле не смолкают их голоса; 15) *Ачынбас бойы ачынды, тарынбас бойы тарынды, шыралабас бойы шыралап јатты, кыйналбас бойы кыйналып јатты* (НУ,ЭС,91) – Невозмутимый сам возмутился, не гневающийся сам разгневался, не страдавший сам в страданиях лежал, не мучившийся сам испытывал муки.

Парные сочетания, состоящие из положительной и отрицательной формы одной и той же лексемы дают значение сомнения, предположения и недостаточности: 16) *Аттардын билдирер-билдирбес истерин ыраагынан көргөндө, кем де ундуп салган армакчыдый билдирди* (ЛК,А,17) –

Когда издали смотреть на еле заметные (досл.: кажущиеся-некажущиеся) следы лошадей, (они) представляются в виде позабытого кем-то аркана.

Таким образом, форма *-Ar* имеет относительное непрошедшее временное значение, т.е. способна сигнализировать о хронологическом следовании или, реже, о совпадении передаваемого действия с уточняемым действием, принимает аффиксы залога и отрицания, выражая действие в виде предмета взаимодействует с категорией принадлежности.

Литература:

- Баскаков Н.А. Ойротско-русский словарь. — М., 1947.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — М., 1973.
- Гаджихамедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Автореф. на соиск... докт. дисс. — Махачкала, 1998.
- Грамматика алтайского языка (Составлена членами Алтайской миссии). — Казань, 1869.
- Гузев В.Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языков) // *Turcologica*. К 70-летию академика А.Н. Кононова // Отв. ред. С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. — Л., 1976. С. 56-64.
- Гузев В.Г. Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востокведение: филологические исследования. Выпуск 21 / Отв. ред. И.М. Стеблин-Каменский. — Санкт-Петербург, 1999. С. 29-36.
- Дениз-Йылмаз Ö. Категория номинализации действия в турецком языке. — СПб, 2006.
- Дырленкова Н.П. Грамматика ойротского языка. — М.-Л., 1940.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. — М., 1961.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.-Л., 1960.
- Любимов Н.М. О настояще-будущем времени в турецком языке // Сб. Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию / — М., 1953.
- Маматов М.Ш. Вторичный предикат в структуре простого предложения узбекского языка. Дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. — Ташкент, 1990.
- Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Издательство 2-ое испр. и доп. — М., 1986.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.
- Тадыйкин В.Н. Причастия в алтайском языке. — Горно-Алтайск, 1971.
- Телицын Н.Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна). Дис. .... канд. филол. наук. — Л., 1990.
- Тыдыкова Н.Н. Об имени действия в алтайском языке // Язык и культура алтайцев. — Горно-Алтайск, 1993.
- Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. — Л., 1977.
- Tıdkova N. *Altay Dilindeki Sıfat-Fiiller Hakkında Bazı Problemlı Konular* // *Sibirya Arařtırmaları / Yayına hazırlayan Prof. Dr. Emine Gürsoy Naskali* — Sımurğ, İstanbul, 1997. — S. 123-129.

Узянбаева А.Г., г. Сибай

ЛЕКСИКА ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Народные сказки представляют очень большую историческую и художественную ценность, так как в них сохранились и дошли до нас события многовековой давности, они заключили в себе слившиеся воедино наслоения многих эпох. Хотя в сказках содержится наивно-мистическое, волшебное-фантастическое представление об окружающем мире и они немного далеки от исторической точности, тем не менее они сохраняют и доносят до нас их основной сюжет и восполняют многие отсутствующие исторические и документальные

сведения о прошлом народа, а художественное содержание народных сказок носит глубоко социальный характер.

В башкирском народном творчестве сказки разделены на шуточные, волшебные, бытовые, богатырские сказки и сказки о животных. Во всех жанровых группах башкирских народных сказок прослеживается наличие названий драгоценных камней и металлов, а также названий различного рода украшений башкирских женщин. И это не случайно, возможно, в те далекие времена драгоценные камни и металлы ценились очень высоко, ювелирные изделия носили все, а те, кто изготавливал их, пользовались большим авторитетом.

Об этом свидетельствует и то, что из 180 исследованных и изученных нами башкирских народных сказок разного жанра половина, а именно 92 сказки, включает в себя лексику ювелирного дела. Так, имена, которыми названы главные и положительные герои и героини сказок, носят названия драгоценных камней и металлов. Например: Алтынсяс (Златовласая) [БНТ 1998, 194; БНТ 1989, 48, 295, 328], Алтындуга – батыр (богатырь Золотая дуга) [БНТ 1988, 219], Яухарташ (бриллиантовый камень), Гаухарташ (бриллиантовый камень), Якутташ (яхонт) [БНТ 1988, 308], Алтынбай (богатый золотом) [БНТ 1992, 37] и другие.

Лексика ювелирного дела в башкирских народных сказках постоянно переплетается со сказочными и живописными сравнениями и эпитетами, которые имеют функцию портретного изображения идеально прекрасного, сильного, умного, ловкого, храброго, верного и многого другого. Например: *прекрасного* «Волосы у девушки были одна прядь золотая, другая серебряная» [БНТ 1988, 365], (лицо царевны Гаухарташ) «...Когда же она смеялась, шевеля рубиновыми губами и красиво обнажая жемчужные зубы, внутри дворца становилось светлее» [БНТ 1988, 307]; *умного* (Царь говорит) «Дал я себе слово: если выдам младшую дочь за толкового егета, отдам ему свое царство ...И стал златовласый егет править царством» [БНТ 1989, 54], *верного* «златохвостый, серебряногривый (чудесный богатырский конь) еще долго служил Кыдрасу верным другом-помощником» [БНТ 1989, 41], *сильного и храброго* «У мальчиков головы были золотые, спины серебряные. У жеребцов гривы были золотые, хвосты серебряные. У кутят головы были золотые, хвосты серебряные... Дети росли очень сильными».

Изучая и анализируя богатырские сказки башкир, нельзя не отметить, что образ драгоценных металлов и камней заметно возвеличен, облагорожен и показывает принадлежность к «некоторым царствам», в которых «дом хрустальный» [БНТ 1988, 221], «дворец золотой, забор серебряный, столбы медные, ворота железные», «медный, серебряный и золотой дома высотой до самого неба..» [БНТ 1988, 285]. В богатырских сказках в описании сказочных царств, героев и их помощников, золото и серебро фигурируют больше всего, поэтому все, что связано здесь со сказочным царством, имеет золотую и серебряную окраску.

В бытовых сказках башкир говорится об обычных житейских обстоятельствах и обыкновенных людях, но, несмотря на это, лексика

ювелирного дела не утрачивает своей силы и здесь. Образ драго-ценных металлов и камней в этих сказках конкретизирован, имеет свое применение и значимость. Например, *золотом расплачиваются за работу* «взяв 3 золотых, попрощался бедняк с кузнецом» [БНТ 1990, 298], «получил хитрец мешок золота и отправился домой» [БНТ 1990, 89]; *золото является благосостоянием людей* «Глянул я – это были спрятанные отцом золото и бриллианты. Среди них и записку нашел... Открой торговую лавку...»; *золото становится предметом воровства, легкой наживы и лжи* «у отца пропали бриллиантовые четки...Отец приказал произвести обыск. Во время обыска ... было найдено несметное количество золота ... которое было награблено у народа» [БНТ 1990, 70].

В волшебных башкирских сказках лексика ювелирного дела приобретает предметный характер, т.е. она дает описание волшебных предметов и существ, которые обладают магической силой и с помощью которых герои сказок в основном побеждают зло или какие-то жизненные трудности. Например: «услыхал однажды бай от колдуна, что человек, отведавший мяса золотой рыбы, свободно будет понимать язык любой твари» [БНТ 1989, 296], «Открыл малай дверь в рай...А дворец, в котором они живут, из золота, серебра, алмазов, жемчугов, яхонтов и изумрудов» [БНТ 1989, 109], «Спасенная им змея дала ему яшму и сказала: – Возьми ее в рот перед сном, что задумаешь или увидишь во сне, то и сбудется» [БНТ 1989, 223], «золотое яйцо... душа дэва в этом яйце» [БНТ 1989, 33].

Что касается башкирских народных шуточных сказок, то здесь мы можем увидеть, как лексика ювелирного дела высмеивает глупость и жадность баев, помогает бедным. Образы одурченных дэвов и чертей усиливаются тем, что умные и хитрые герои своей смекалкой и находчивостью заставляют их отдавать им золото, серебро и драгоценные камни. Например: «Храбрость Алтынбая окончательно испугала дью-пяриево, и ... дью-пярии стали наполнять мешок золотом, ... взвалив все это на дью-пярия, и сам, взгромоздившись на него, отправился домой» [БНТ 1992, 38], «Сын дью-пярия... испугался и дрожа произнес: – Бабай, возьми золота, сколько унесешь, и уходи...» [БНТ 1992, 40], «Младший сын старика объявил свое требование: – Вот эту шляпу наполните золотом и хватит... Пока обрадованный шайтаненок ходил за золотом, парень продырявил шляпу, положил под нее мешок...» [БНТ 1992, 44].

Анализ башкирских народных сказок и наличие лексики ювелирного дела в них еще раз доказывает нам, что на протяжении всей истории становления башкирского народа ювелирное дело и лексика данного ремесла сопровождала их и являлась неразрывной частью в их повседневной жизни и общении уже с древнейших времен.

Литература:

- Башкирское народное творчество. Т.Ш. Богатырские сказки. – Уфа., 1988.
- Башкирское народное творчество. Т.IV. Волшебные сказки. – Уфа, 1989.
- Башкирское народное творчество. Т.V. Бытовые сказки. – Уфа, 1990.
- Башкирское народное творчество. Т.VI. Шуточные сказки и кулямясы. – Уфа, 1992.

Артикуляторные характеристики губных согласных звуков башкирского языка, обозначаемых графемами В, У, Ф

(по данным томографирования)

Работа выполнена при финансовой поддержке Сибирского отделения РАН (Конкурс междисциплинарных интеграционных проектов фундаментальных исследований 2009-2011 г., проект № 108 «Соматические исследования артикуляторных баз тюркских этносов Южной Сибири с использованием низкочастотной цифровой рентгенографии и высокопольной магнитно-резонансной томографии»).

Артикуляторные параметры реализаций башкирских согласных звуков, обозначаемых графемами **В**, **У** и **Ф** исследовались соматическим методом томографирования.

Томографирование звуков производилось по методике, принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН: исследуемые звуки снимались преимущественно в позиции наиболее приемлемой для диктора для задержки стационарного участка. Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа.

Анализ сагиттальных томограмм производился по традиционной методике для рентгенограмм, используемой в экспериментально-фонетических исследованиях, с уточнениями и добавлениями, принятыми в ЛЭФИ ИФ СО РАН [Наделяев, 1980 а; 1980 б; 1983; Тамбовцев, 1980; Селютина, 1983; Сарбашева, 2004]. В соответствии с этой методикой была снята рентгенограмма нейтрального положения произносительных органов диктора, носителя башкирского языка (далее – д. ИЛК; см. список дикторов в Приложении): зубы ненапряженно сомкнуты, язык свободно выстилает всю полость рта, небная занавеска опущена, диктор свободно дышит через нос. Этот снимок используется в качестве эталона для сопоставления с настройками соответствующих звуков (рис. 1, 1а, 1б, 1в, 1г). В первые, в экспериментально-фонетических исследованиях анализируются фронтальный срез (2, 2а, 2б. 2в, 2г) и аксиальные (оральный – 3, 3б, 3в, 3г; гортанный – 4, 4а, 4б, 4в. 4г; ларингальный – 5, 5а, 5б, 5в, 5г).

По классификации относительной высоты нёба, разработанной В.М. Наделяевым [Наделяев, 1980 а, 63–65], нёбо у д. ИЛК – низкое (н), нёбный коэффициент $C_p = 38,2\% I_{const}$.

Ниже излагаются результаты соматических исследований реализаций губных согласных фондов, обозначаемых графемами В, У и Ф.

Губной согласный звук, обозначаемый графемой В

Будет рассмотрен твердоярдный инициальный звук в слове *ваһыт* 'время' (рис. 1а-5а).

По данным сагиттального томографирования (рис. 1а), рассматриваемый согласный образуется путем сильного напряженного сближения нижней губы с верхней при их взаимной активности-пассивности, образуя узкую щель. При этом губы не выпячиваются вперед – плоская щель. Губное отстояние ($3,6\% I_{const}$) примерно втрое меньше зубного ($10,9\% I_{const}$). Кончик языка упирается в передние нижние резцы, проецируясь на границу лингвального склона передних верхних резцов с передним склоном альвеол, индекс (3)4. Корпус языка сильно оттянут вверх и назад межзубноязычно-заднеязычной частью спинки языка к первой половине мягкого неба, что говорит о

сильной степени веляризации согласного. Небная занавеска, смыкаясь с задней стенкой фаринкса, обеспечивает одноканальный ротовой выход воздушной струи. Кончик язычка напряжен и изогнут, соприкасаясь с верхней частью корня языка.

На фронтальной томограмме констатируется очень узкая щель между истинными связками ($1,8\% l_{const}$) по сравнению с нейтральной настройкой при свободном дыхании ($8,2\% l_{const}$).

На ларингальном срезе (рис. 5а) отмечается уменьшение межсвязочной щели как по длине ($15,5\% l_{const} - 22,7\% l_{const}$), так и по ширине ($6,4\% l_{const} - 14,6\% l_{const}$).

На оральном аксиале (рис. 3а) зафиксировано уменьшение щели. На спинке языка отмечается небольшой по глубине медиальный прогиб.

На гортанном аксиале (рис. 4а) констатируется увеличение нижнефарингальной части глотки как по длине ($36,4\% l_{const}$), так и по ширине ($9,1\% l_{const}$).

Обобщив все вышесказанное, данному звуку можно дать следующее определение: *губно-губной плоскощелевой сильнонапряженный (разлита >я напряженность) ротовый фарингализованный увуларизованный сильновеляризованный*. В точной фонической транскрипции имеет следующий индекс: «'β 1:1».

Губной согласный звук, обозначаемый графемой У

Ниже будет рассмотрен финальный звук в слове *һыу* 'вода'. В башкирской орфографии принято считать, что в финальной позиции в данном слове через графему У передается губно-губно круглощелевой согласный типа «в». По нашим (Уртегешев Н.С.) аудио-визуальным наблюдениям в данной позиции произносится вокальная настройка — лабиализованная узкая центральнозаднерядная примерно 3-й ступени отстояния типа «у».

Далее рассматривается настройка произносительных органов и описывается работа активных органов речи по отношению к пассивным при произнесении финального звука в твердорядной словоформе *һыу* 'вода'.

При артикулировании финального гласного типа «у»¹ в твердорядной словоформе *һыу* 'вода' на сагиттальной томограмме (рис. 1б) контур активности локально крутой **КА-1**. Активно работающим участком является межзубчатая часть с небольшим прилегающим участком средней части спинки языка (индекс МП: $\frac{1}{5}cd\frac{1}{3}$), направленная ко второй половине твердого неба (индекс НЛ: $\frac{1}{2}89$), что характеризует настройку как *комбинированную переднерядную сильноотодвинутую / центральнозаднерядную сильновыдвинутую*.

Отстояние активной части спинки от твердого неба (НП) составляет $55,6\%$ по отношению к h_{max} , на основании чего рассматриваемый гласный можно определить как звук *третьей основной ступени отстояния*.

---

¹ Для определения артикуляторной рядности гласных применялась методика, разработанная В.М. Наделяевым [Наделяев 1980 б: 44-91; Селютина 1998: 50-58], для определения ступени отстояния использовалась «Универсальная таблица» [Уртегешев 2007: 10-16].

Кончик языка существенно отодвинут от нижних резцов, проецируясь на передний склон альвеол.

Вдоль спинки языка от середины средней части до границы корня языка с эпиглоттисом констатируется сильный сагиттальный прогиб с максимумом $9,1\% l_{const}$ на задней части спинки языка.

Зубное отстояние, т.е. отстояние точек режущих краев верхних и нижних медиальных резцов, составляет $10,9\% l_{const}$; губное отстояние, т.е. взаимное отстояние верхней и нижней губ, составляет $1,8\% l_{const}$. Губы сближены, но не выдвинуты вперед, наоборот, они завернуты вовнутрь, что, по-нашему мнению, придает гласному звуку специфическое звучание, напоминающее согласный. Меньшая величина губного отстояния по сравнению с аналогичным зубным отстоянием свидетельствует о *огубленной* гласной фонации.

Наличие щели между задней стенкой носоглотки и небной занавеской обуславливает двухканальный выход воздушной струи — настройка гласного определяется как *назализованная*.

На фронтальном срезе (рис. 2б) отмечается умеренное сужение истинных связок. На рисунке 5б межсвязочная щель напоминает 'слегка приплюснутый эллипс'. На орально срезе (рис. 3б) отмечается небольшая щель. На гортанном срезе (рис. 4б) напротив щель большая как по длине ($38,2\% l_{const}$), так и по ширине ($7,3\% l_{const}$). Форма щели напоминает 'нарастающий месяц'.

Совокупность выявленных артикуляторных характеристик рассматриваемого звука позволяет определить его как *комбинированный переднеязычный сильноотодвинутый / центральнозаднеязычный третьей основной ступени отстояния огубленный завернутогубый плоскощелевой (со специфическим звучанием, напоминающим согласный) назализованный*; точная фоническая транскрипция: « $\phi_{\text{н}}/40$ » = $^{1/3}cd^{1/3}; ^{1/2}89$ ».

Экспериментальные данные практически подтверждают наши выводы, сделанные на основе аудио-визуальных наблюдений для финальной настройки.

Губной согласный звук, обозначаемый графемой Ф

Анализируются твердоязычные интервокальные настройки в словах *туфа* 'порог' (рис. 1в-5в) и *софа* 'софа' (рис. 1г-5г).

По данным сагиттального томографирования (рис. 1в, 1г) оба фона образуются путем сближения нижней губы с верхней при их взаимной активности-пассивности, образуя узкую щель. Губы не выпячиваются вперед — щель плоская. При этом у оттенка в слове *софа* губы имеют более сильное локальное напряжение, а также он имеет большую степень раствора как губного ($4,4\% l_{const}$), так и зубного ($10,5\% l_{const}$) в отличие от звука в слове *туфа* ($1,8\% l_{const}$ — $5,3\% l_{const}$ соответственно). В обоих случаях кончик языка плотно прилегает к передним резцам, проецируясь на лингвальный склон верхних резцов. Корпус языка у звука в слове *туфа* (рис. 1в) сильнее оттянут вверх и назад межзубноязычной частью спинки языка к первой половине мягкого неба, что говорит о более сильной степени веляризации, чем у второго (рис. 1г). На обоих томограммах мягкое небо плотно смыкается с задней стенкой фаринкса, обеспечивая одноканальный ротовой выход воздушной струи. Кончик узлы свободно свисает в глотке. На томограмме 1в отмечается сильная оттянутость корня языка к задней

стенке фаринкса. У обоих оттенков отмечается уменьшение ларингальной полости по ширине и высоте.

Незначительные различия отмечаются на фронтальных срезах. Расстояние между связками у звука типа «ф» в слове *sofa* (рис. 2г) почти вдвое меньше (1,8% I_{const}), чем в слове *туфа* (рис. 2в) (3,5% I_{const}).

На ларингальных срезах (рис. 5в, 5г) отмечается схожесть по форме щели – ‘кошачий глаз’ – вытянутая узкая щель.

На оральных аксиалах (рис. 3в, 3г) отмечается незначительные различия в форме щели, кроме того у звука типа «ф» в слове *туфа* можно видеть эпиглоттис.

На гортанных аксиалах (рис. 4в, 4г) зафиксирована узкая щель в виде ‘нарастающего месяца’. На рисунке 4г отмечается щель чуть больше, следовательно, корпус языка меньше сдвинут назад.

Суммируя все вышесказанное, звуку типа «ф»:

1. В слове *туфа* ‘порог’ можно дать следующее определение: *губно-губной плоскощелевой сильнонапряженный ртовый нефарингализованный неназализованный невуларизованный*. В точной фонической транскрипции имеет следующий индекс: « Φ 1:1».

2. В слове *софа* ‘софа’ можно дать следующее определение: *губно-губной плоскощелевой умереннонапряженный локально сильнонапряженный ртовый нефарингализованный неназализованный невуларизованный*. В точной фонической транскрипции имеет следующий индекс: « Φ 1:1».

Литература:

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980а, с. 3–43.

Наделяев В. М. Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (Методические заметки) / Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980б. С. 44–91.

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетика-83. Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук (август 1983 год, Утрехт, Нидерланды). М., 1983, с. 123–135.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.

Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.

Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Новосибирск, 1998.

Тамбовцев Ю. А. Гласные мансийского языка по данным рентгенографирования // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1980, с. 78–89.

Уртегисев Н. С. Артикуляторные характеристики гласных: методика определения ступеней отстояния // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2007. С. 10–16.

Условные обозначения:

КА-1 – локальный крутой контур на части контура спинки; **КА-2** – локальный пологий контур на части контура спинки; **НЛ** – небный локус; **МП** – максимальное превышение; **НП** – наименьшая прямая.

Дикторы

д. ИЛК – **Ишкильдина Линара Камиловна**, 1986 г.р. Родилась в п. Абзелилово Абзелиловского района Республики Башкирия. В настоящее время проживает в г. Уфа. Образование высшее. Башкирским языком владеет с детства.

Авторы статьи приносят глубочайшую благодарность д.ф.н., профессору, директору Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Фирдаус Гильметдиновне Хисамитдиновой за оказанную помощь.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА ҺӨЙЛӘУ “ГОВОРИТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ”

Глагол *һөйләу* “говорить, рассказывать” в башкирском языке, как и в русском языке глагол *говорить*, относится к многозначным словам и обладает сложной структурой значения. Отдельные значения глаголов башк. *һөйләу* и русск. *говорить*, реализующиеся в различных синтаксических конструкциях, характеризуют ту или иную сторону процесса речи.

Следует отметить, что один из основных глаголов речи *һөйләу* восходит к именной основе *һүз* “слово”. По мнению Н.К.Дмитриева, глагол этот, очевидно, более позднего образования, чем глаголы речи *әйтеу* и *тиеу* “говорить, сказать”. Это доказывается тем, что в оформлении его участвует аффикс отыменного словообразования глаголов *-ла// -лә*. Первоначально значение его, очевидно, было такое: “произнести слово”, “молвить слово” [Дмитриев 1962, 572-573].

Глагол *һөйләу* “говорить, сказать, рассказать” в тюркских языках употребляется в различных фонетических вариантах. Так, в татарском языке он встречается в варианте *сөйләу*, в кумыкском - *сейлемек*, в туркменском - *сөзле-*, в азербайджанском - *сөйләмәк*, в турецком - *soylemek*, в гагаузском - *соле-*, в караимском - *сөйле-*, *сөз ет-*, в тувинском - *сөглээр*, в уйгурском - *сөзлимәк*, *сөз килмак*, в казахском - *сөйлеу*, в киргизском - *сүйлөө*, в узбекском - *сузламок* и *суйламок* и др. Как видим, основы этого глагола в различных тюркских языках допускают довольно большие фонетические изменения. Самым типичным из них являются чередование гласных и переход $з > 3 > й$ в корне глагола. Таким образом, из *сөз-ле* получается *сөй-ле// сүй-лә // һөй-лә*, и форма *сөзле* теперь уже может считаться архаичной [Дмитриев 1962, 573]. Следует отметить, что древний фонетический вариант *сөзле-*, который в большинстве тюркских языков признающийся за архаичную форму, сохранился в туркменском языке. По исследованиям С.Арназарова, еще большему изменению подвергся глагол *сөзле-* в гагаузском языке, где наблюдается не только переход звука $з$ в $й$, но и выпадение финального звука корневой морфемы (*сөзле-* $>$ *сөйле-* $>$ *селе-*). О первоначальном звуковом облике данного глагола в гагаузском языке свидетельствует появление в корне долгого гласного *о*. Поэтому в текстах художественной литературы на гагаузском языке встречаются случаи, когда в корне глагола *соле-* пишется удвоенное *о* (*сооле-*). Выпадение финального согласного корневой морфемы в глаголе *сөзле-* характерно и для сальянского диалекта азербайджанского языка, а также юго-западного диалекта турецкого языка. [Арназаров 1982. 71]. Интересно отметить, что фонетический вариант *сөйле-* вместо современного *сөзле-* встречается в произведениях туркменского фольклора, а также в языке классической туркменской литературы XVIII-XIX вв. Например:

Мен хем саңа биленими сөйләйин,

Турпе ачык ғашлар Хелалайдадыр [Арназаров 1982, 71].

Здесь можно заметить, что в башкирском языке существует устаревшая форма глагола от слова *һүз*: *һүзләу* “говорить, сказать” [БТҖ, 614]. Например, *Ғариптең күзе күрмәс, һүзләһә, һүзе рауа булмаҫ* (из

мунажата). Параллельно этому происходит и семантическая дифференциация. В частности, в башкирском языке нормативной формой является глагол *һөйләү* и означает 'говорить, сказать'. Но, кроме того, имеется и производная форма, образованная при помощи аффикса взаимно-совместного залога *-ш*: *һүзлә-ш-еү*, которая означает "произносить (произнести) грубые, оскорбительные слова: пререкаться, ругаться, ссориться" [БРС, 745]. Таким образом, с прибавлением аффикса взаимно-совместного залога к глаголу *һүзләү* "говорить, сказать" в башкирском языке происходит изменение семантики данного глагола речи. Но с присоединением к глаголу речи *һөйлә-* аффикса взаимно-совместного залога *-ш* в слове *һөйләшеү* семантического изменения не происходит. *Һөйләшеү*: 1) *взаимн.* от *һөйләү*; 2) говорить, разговаривать; 3) договариваться, уговариваться, улаживаться (БРС, с.737). Например: *Шулай һөйләштеләр, аңлаштылар, шуан рәсми һүзгә күстеләр.* (Р.Солтангәрәев). *Озак кына һөйләшеп ултырзылар.* (С.Шәрипов).

Данное явление наблюдается и в огузских языках, но лексическое значение слова *сөзлеш-* в азербайджанском, турецком и гагаузском языках существенно отличается от семантики туркменского слова. В частности, в туркменском языке *сөзлешмек*: 1) "переговариваться, разговаривать, беседовать; переговаривать"; 2) "договариваться, улаживаться; согласовывать" [Туркм.-р. сл, 1968, 588]; в азербайджанском *сөзләшмәк* 1) "сговориться, уговориться, прийти в соглашение"; 2) "спорить, перекоряться, перебраниться" (Азәрбај... рус. лүғәт, с. 317); в турецком *sozlesmek*: 1) "резко говорить"; 2) "договариваться; уговариваться, сговориться" [Турецко-р. сл, 790]; в гагаузском *сөзлешмаа* "уговариваться, договариваться, сговориться" [Гагауз.-русс.-молд. сл., 429].

А своих исследованиях С.Арназаров на основе фактических материалов утверждает, что в прошлом в азербайджанском, турецком и гагаузском языках существовал фонетический вариант *сөзле-* [Арназаров 1982, 74]. Как было отмечено, в узбекском языке функционируют обе формы одного глагола: *сузламок* и *суйламок*. Употребление в речи данных глаголов касается их стилистической характеристики: глагол *сузламок* имеет книжно-литературный оттенок, а глагол *суйламок* характеризуется принадлежностью к возвышенно-поэтической речи [Кучкартаев 1978, 101].

Синонимом глагола *һөйләшеү* в башкирском языке выступает глагольная единица, образованная от корня *гәп* + глаголообразующего аффикса *-лә* (*гәп+лә-*) + аффикса взаимно-совместного залога *-ш*: *гәпләшеү* 'разговаривать, беседовать'. Например: *Озак ултырманьлар, һаман табыш, килем хакында гәпләшә-гәпләшә, бала караусы менән хушлашырыа ла оноп, сығып киттеләр.* (Н.Игезйәнова). "Долго не сидели, все еще *разговаривая* о прибыли, доходе, забыв даже прощаться с нянкой, ушли". *Махъян бабай менән көн дә шулай гәпләшә торғас, ул миңә, мин уға зйәләшеп, дуслашып киттеләр.* (С.Кулибай). Следует отметить, что в башкирском языке не функционирует глагол речи в форме *гәплә-*, тогда как данная глагольная единица в виде *гепле-* существует лишь в современном туркменском языке как один из основных глаголов с общим значением [Арназаров, 1982, 85]. Корневая морфема *гәп-* глагольной основы *гәпләшеү* восходит к иранским языкам.

В ряде тюркских языков слово *ган* встречается в различных фонетических вариантах: языке новоуйгуров Цинызьяна *каф*, в киргизском *кен*, узбекском и каракалпакском - *ган* [Дмитриев, 573]. Исследователи отмечают, что фонетические варианты данной морфемы обнаруживаются и в языках других систем. В частности, часть *гов* русского глагола *говорить*, английское слово *gab* [1. “болтовня” (*stop your gab!* “замолчите!”); 2. “болтать, трепать языком”); 2) “болтливость, разговорчивость”] и т.д. имеют непосредственную связь с названной морфемой. Исследование генезиса слов путем выявления межъязыковых лексических параллелей представляется общепризнанным в лингвистике направлением [Арназаров, 1982, 85]. В башкирском языке слово *ган* встречается только в составе фразеологизма *ган һатыу* (или *һуғыу*) “разглагольствовать; болтать, точить лясы”.

В башкирском языке глагол *һөйлә*- служил основой для образования слов с новым лексическим значением, но так или иначе связанным с процессом речи. Таковыми являются слова *һөйләм* “предложение”, *һөйләнсек // һөйләнсәк* “ворчливый”, *һөйләүсе* “рассказчик, выступающий”, *һөйләш* “говор” [БРС, 737].

В башкирском языке также активно функционирует целый ряд устойчивых словосочетаний со значением процесса речевой деятельности со словом *һүз* “слово”, представляющий собой корень глаголов *һүзләу // һөйләу* “говорить, рассказывать”. В частности, со словом *һүз* в БТһ зафиксировано 35 фразеологизмов [БТһ, 613-614], а в словаре фразеологизмов З.Г.Ураксина - 39 [Ураксин, 264-266]. В частности, это *һүз алыу* “брать обещание”, *һүз биреү* “давать/дать слово, обещать”; *һүз йөрөтөү* 1. “сплетничать”; 2) “рассказывать”; *кырк һүзгә етеү* “ругать, попрекать”; *һүз беркетеү (берләштереү)* “сговариваться; договариваться”; *һүз көрәштереү* “спорить”; *һүз кайтарыу* “прекословить”; *һүз камтыу* “сказать, обращаться”; *һүз кыстырыу* “вмешиваться (в разговор), добавить слово”; *һүз куйышыу* “договориться, сговориться”; *һүз куйыртыу* “много говорить”; *һүз кузьматыу* “начать разговор”; *һүз кушыу* 1. “обращаться”; 2) приказать; попросить”; *һүзән сыкмау* “слушаться; повиноваться”; *һүз тейзереү* “попрекать”; *һүзгә ташлау // һүзгә йығыу* “не слушаться, не считаться с просьбой”; *һүз төйнәү* “завершать разговор”; *һүз уйнатыу* “каламбурить” и др. Например: *Кызырас, бер һүзгә кушмай, атаһына гәжәпләнен карап калды* (З.Бейешева).

Таким образом, основные глаголы речевой деятельности башкирского языка обладают сложной структурой значения. Контекст является основным атрибутом, где полностью раскрывается значение слова.

Литература:

Арназаров С. Глаголы речи в туркменском языке (в сравнении с другими тюркскими языками юго-западной группы): Дис... канд. филол. наук / Институт языка и литературы им. Махтумкули. — Ашхабад, 1982.

Башкортса-русса һүзлек. Башкирско-русский словарь / Под ред. Ишбердина Э.Ф., Ишмухаметова К.З., Ураксина З.Г. — М., 1996.

Башкорт теленен һүзлеге. В 2-х томах. — М.: Русский язык, 1993.

Васильев Л.М. Семантика русского глагола. — Уфа, 1981.

Дмитриев Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы // Строй тюркских языков. — М., 1962.

Ураксин З.Г. Башкорт теленен фразеологик һүзлеге. — Өфө: Китап, 1996.

**РЭМЗИЛӘ ХИСАМЕТДИНОВА ЛИРИКАҢЫНДА ҺҮРӘТЛӘҮ САРАҢЫ:
САҒЫШТЫРЫҢҮЗАР**

Әзәбиәт ғилемәндә һүрәтләү сараларының ассоциатив, йә булмаһа троптар тип аталып йөрөүе тәбиғи. Сәнки “тәрлә күренештәрҙе, әйберҙәрҙе бер-береһенә сағыштырып, окшатыбырак карау үзенән-үзе образлы, ассоциатив фекерләүгә алып килә” [Хәсәйенов, 2006, 192].

Һүрәтләү саралары-троптар һүз сәнгәте, ғөмүмән, поэзияның нигезен тәшкил итә. Ләкин улар менән артык мауығыу зыянлы булығы мөмкин. Шуға күрә һәр ижадсы сама белеп һәм маһир әш итергә тейешле. Ошондай таһыллыҡка өлгәшәү, әлбиттә, уның талантына бәйле. Бындай һәләт булмаһа, ул сағыу әсәрҙәр туйузыра алмай. Был юсыҡта бөгөнгө башкорт поэзияһы һыр бирмәй. Шөкөр, һүз оҫталары унда байтаҡ. Шуларҙан катын-кыз шағирәләрҙен береһе – Рәмзилә Хисаметдинова.

Һүрәтләү сараларының һиндәй төрҙәре генә юк язығусы ижадында. Сағыштырыу, йәнләндерәү, йә булмаһа метафора булығынмы – улар автор әсәрҙәрәндә урыны һәм отошло қулланыла. Мәсәлән, ябай сағыштырыуҙар, йәки шағирәнен бер әйберҙе икенсе нәмә менән окшатыуы туранан-тура уның үз һүзҙәре (мәсәлән, “окшатам”, “хас та”, “тинләр инем” һ.б.) аша белдерелә:

Унар бөртөк умырзая
Гөрләп үсә бер төптән.
Миңә ишле ғаиләне
Хәтерләтәләр күптән.

(“Умырзаялар”)

Күренеүенсә, был шиғыр юлында һүрәтләнеүсә төп нәмә – умырзая сәскәһе. Ишле ғаиләлә үскән балалар һыны туранан-тура “уға күсерелә. Нигезҙә, тәбиғәт менән кеше араһында образлы бәйләнеш-ассоциация барлығы килә. Күплек формаһындағы хәтерләтәләр қылығын “һымаҡ”, “шикелле” һүзҙәре менән алмаштырып була. Ошондай ябай сағыштырыу авторҙың бүтән поэтик өлгәләренә лә хас. Миҫалдар:

1) Ерҙә тыныс. Бәпелдәтә генә
Үлән моңо менән ел моңо.
Өләсәйҙен йөзө индә хас та
Карт қайындын сырыш олоно.

(“Тыныслыҡка бағышлау”)

“Әйтерһең дә”, “һымаҡ”, “шикелле”, “булып”, “гүйә”, “кеүек рәүешле һүзҙәр менән бәйләнешкә ингән сағыштырыуҙар байтаҡ шағирә әсәрҙәрәндә:

1) **Әйтерһең дә**, төпкөл йылдарзағы
Йәштәштәрәм менән һөйләшәм,
Зөлхизәләр, Зәлифәләр миңә,
Сәлимәләр, ахыры, өндөшә.
2) Донъя калды.. Уның ғазаптары,
Аһ-зарҙары кемдә өтмөгән”
Коро ерҙә ятқан балыҡ **кеүек**,
Без тонсокток ирек өтмөүзән
(“Һыузан киләм”)

Шулай ук уларза троптарзың дай-дэй, тай-тэй, лай-лэй, зай-зэй, сай-сэй ялгауларына нигезлэнгәндәренен ишлелеге күзгә салына:

1) Кире кактын.
Утгай күззәрендә
Тик һалкынлык күрзем..
 (“**Йөшендем**”)

2) Йөрәгем өшөнө. һүнә-һүрелә,
Барыһын аңланым.
Йылы кош ояһын туззырғандай,
Туззырзым тойғомдо.
 (“**Был батырлык кайзан килде миңә?!**”)

Сағыштырыузың бер төрө — кушарлы, йәки бер нәмәнә бер нисә әйбергә окшатыузың өлгөләрә:

1) **Ирәмәлдәй** күккә аш та
Шүлгәндәй ергә уйыл.
Тик һөйгәнә күнеләнән
Актан-ак килеш юйыл.
 (“**Каралама һөйгәнәнде**”)

2) Эй һай шишмий, **ғашик кыз, шикелле**,
елберзәтеп көмөш күлдәген,
көнә буйы сылтыр-сылтыр көлә,
белмәй үзенә ниңә көлгәнән.

Йәнә аралаш сағыштырыу, йәки бер нисә троптың сиратлашып килеүенә миҗалдар:

Коба һыйыр килә — аяз көнәм,
Елен тултырып килә иң алдан.
Күнәк тултырып һөтөн һауып алам,
(Был һыйыр за тағы хыялдан).

Беренсә, икенсә һәм өсөнсә строфаларзың тәүге юлдары ябай һәм төстәр (*коба, ала, кара*) аша окшатыуға нигезләнгән. Йәнә “килә” кылымын шикелле, төслә, кеүек һүзәр менән алмаштырып була: *коба һыйыр шикелле аяз көнәм, ала һыйыр төслә болотло көн, кара һыйыр кеүек йонсоу көн*. Һунғы ике юлдар капма-каршы сағыштырыуға королған. Һөзөмтәлә йөкмәтке йәһәтән ыксым, төзөлөшө буйынса купшы, укыусы күнелән йәлеп иткән әсәр барлыкка килгән. Быға өлгәшеүзән төп сәбәбе — языусының берәгәйле сағыштырыулы образдар менән эш итеүендәлер, моғайын. Сөнки “сағыштырыу — образлылыктың төп алымы, үзгә” [Әхмәтйәнов, 2004, 132] булып иҗәпләнә.

Рәмзилә Хисаметдинова поэзияһында шулай ук хәбәрлә сағыштырыу, йәғни туранан-тура кылым ялгауына королған троптар йыш кулланыла. Мәҗәлән:

Зәңгәрлектәр тағы ла зәңгәрләнә.
Йәшеллектәр тағы ла йәшәрә.

Күренеүенсә, “зәңгәрлектәр тағы ла зәңгәрләнә” фразаһы — хәбәрлә сағыштырыу. Уны “зәңгәрлектәр тағы ла зәңгәр төслә” аша ябай сағыштырыуға аузарырға була.

Троптарзың йәнә бер үзәнсәлеклә төрө — һынлы сағыштырыулар. Улар, башлыса, һүзбәйләнештәр, бәйләүестәргә королған. Шуларзың бер үрнәге:

Йондознамә асам кешеләргә

Зиһен еткәнемсә — барынса:
Бәхет һезгә — йондоз дәүмәленсә!
Шатлык һезгә — йондоз һанынса!
 (“Йондознамә асам”)

Языгусы ижадында шулай ук окшатыузың башка төрзәре менән тыгыз үрелеп килеүе үзенсәлеге күзәтелә:

Күктә болот,
Кара төйлөгәндәй,
Бәпкәләрзә күзләй тибергә...
Бәпкә көткән йүгерек кыззай,
Кояш
Болоттарзы кыуып ебәрә.
 (“Башкайынды күтәр, умырзаям...”)

Был поэтик строфала тәбиғәт күренеше тасуирлана. Автор күктәге болотто кара төйлөгән, ә кояшты бәпкә көткән йүгерек кыз менән оҫта сағыштыра. Һәм, көтөлмәгәндә укыусыны хайран калдырып, поэтик фокус короп ебәрә — кояш йәнләнделерә.

Дөйөм алғанда, Рәмзилә Хисаметдинова поэзияһында художестволы һүрәтләү сараһы-сағыштырыулар урынлы һәм унышлы кулланыла. Шуға күрә уның әсәрзәре укыусының аң-зиһененә генә түгел, ә хис-тойғоларына берзәй үтеп инә.

Фаттахова Р.Ф., г. Казань

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

ФЕ, содержащие в своем составе названия чисел, рельефно и ярко проявляют особенности языковой картины мира разных народов, в которой своеобразно сочетаются национальные черты. Известно, что в употреблении чисел во фразеологии обнаруживаются неодинаковые языковые традиции. Так, «в болгарской фразеологии популярным числом является «два», во французском — «четыре», в итальянской — «два и три» и т.д. [Топоров 1972, 84]. В русской фразеологии особое место занимает число «семь». [Бочина 1995, 19].

В татарском языке фразеологизмов с компонентом *бер* ‘один’ подавляющее большинство. Данный факт объясняется тем, что среди других числительных он выделяется универсальностью значений и функций [Татарская грамматика 1997, 285].

В составе ФЕ *бер* реализует следующие значения: 1) единичность: *бер булса да берәгәйле булсын; бер ноктага бару*; 2) совместность: *бер кашыктан ашау; бер табактан ашау*; 3) целостность: *бер булу; бер апара, бер камыр, барысы да бер тамыр; бер жан булу*; 4) дискретность: *берең арба юльиннан, берең чана юльиннан бару; берсе урманга, берсе печәнгә*; 5) малое количество, размер: *бер авыз сүз; бер акча; бер тамчы*; 6) близкое расстояние: *бер адым*; 7) короткий отрезок времени: *бер сәгатьлек халифә; бер мизгел; бер минута биш тундырып*; 7) единообразие, постоянство: *бер балык башы; бер буйдан, бер дәрәжәдә; бер иштән*; 8) одиночество: *бер башы да бер тамагы; бер башы; бер башы кая да сыяр; бер башына урын тапмау*.

В ФЕ *бер* противопоставляется другим числительным, образуя оппозицию “мало — много”: *бер сүзгә биш сүз (ун сүз, мең сүз); бер сүзе мең алтын; бер сүзгә мең жсавап.*

ФЕ с порядковым числительным *беренче* ‘первый’ упо-требляются в значениях ‘начальный’, ‘главный’, ‘первостепенный’: *беренче адым, беренче карлыгач, беренче кул, беренче скрипка, беренче тапкыр, беренче күрү, беренче чиратта.*

В ФЕ число *ике* ‘два’ имеет значения: 1) парный: *ике аягымның берсен дә басмам, ике бармак кебек*; 2) противоположный, несовместимый: *ике этәч, ике тәләйле, ике талигале, ике тәкә башы, ике урындык арасында утыру*; 3) значения «два»: *ике арага мәче керү, ике арада калсын*; 4) близкого расстояния: *ике адымлык жсир, ике атлам жсир*; 5) повторяемости, постоянства: *ике адымның берендә, ике көндә бер, ике сүзгә берендә, ике килми*; 6) цельности, собирательности: *ике сәкыйм — бер мөстәкыйм, ике сөяк сандырак, икене бер итеп, икесе бер кашыктан ашып, икесе бер табаннан*; 7) схожести, одинаковости: *ике тамчы су кебек.* Порядковое числительное *икенче* ‘второй’ в составе ФЕ имеет значения: 1) «другой, иной»: *икенче бер*; 2) «в следующий раз»: *икенче акыл булып, икенче аяк басма, икенче сабак булып*; 3) «по-другому»: *икенче сүз белән әйткәндә, икенче төрле итеп әйткәндә, икенче күз белән карау*; 4) «занова, снова»: *икенче кат Америка ачу*; 5) возраст, время: *икенче яшьлек, икенче этәч.*

Өч ‘три’ — значимое число в мифологии многих языков. Представление о верхнем, среднем и нижнем мирах, о прошлом, настоящем и будущем времени — универсальные трихотомические понятия в мифологии, а позднее — в фольклоре и эпосе. Число три являлось пределом счета. Оно хорошо представлено во всех тюркских, монгольских языках. В них число три определяется как совершенное число [Раем-гужина 2000, 48]. В татарском фольклоре встречаются следующие выражения с основой три: *өч туган, өч башлы дию, өчесен укыту, өч төрле гамал* и т.д. В фразеологической системе это число представлено в следующих единицах: *өч адымны бер итеп, өч багана каккан, башын кыя япкан, яшел белән буяткан, өченче этәчкә кадәр, өч кайнаса да шулпасы кушылмас.*

Число *дүрт* ‘четыре’ больше всего представлено в кинетических ФЕ и выступает как интенсификатор выражаемого действия: *дүрт аяклап, дүрт колак белән тыңлау, дүрт кул белән ябышу.* В составе ФЕ *дүрт багана каккан да күк белән япкан, дүрт китап* (о четырех главных религиозных книгах: Коръән, Тәүрәт, Зәбул, Инжил), *дүрт сан* (руки и ноги), *дүрт стена арасында утыру, дүрт стена кошы, дүрт ягың кыйбла* число четыре употребляется в своем прямом значении — в значении «четыре».

Число *биш* ‘пять’ чаще имеет значение неопределенного количества, например: *биш кашык күтәрәп бармыйсың инде кешегә, бер кашык күтәрәп барасың, бишкә төрләнү, бишкә ярылу,* употребляется как интенсификатор признака: *биш алда, биш бармак кебек белү, биш битәр, биш былтыр, биш куллап, биш бәягә төшү, бише белән.* Значение «пять» выражается в ФЕ *бишине бирү* (здороваться рукопожатием), *биштән йомарлау, биштән төргән, биштән үргән.*

Алты 'шесть' встречается в таких ФЕ, как *алдындагысын (астындагысын) алты ай эзлэгән, алты авыз, алты аласым юк, биш бирәсем юк, алты сукканга бер атлаган ала бия кебек*, и выражает неопределенное множество или выступает интенсификатором признака или действия.

Число жиде 'семь' считается волшебным и таинственным у многих народов. К примеру, индийская философия древности учила, что Вселенная состоит из семи элементов. Древние египтяне полагали, что солнце и все небесные светила поднимаются по семи лестницам и проходят семь ворот. Знаменитый философ древности Аристотель утверждал, что небесная твердь состоит из семи кристалльных сфер. Самая главная, высшая, седьмая сфера получила название «седьмое небо». Число семь вошло в легенду о сотворении мира в течении семи дней. Древние говорили о семи чудесах света. Рим был основан на семи холмах. К библейским источникам восходят общеизвестные выражения «книга за семью печатями» — о чем-то непонятном, «семь смертных грехов» и др. [Люстрова, Скворцов, Дерягин, 1982, 62]. Неделя состоит из семи дней.

Магия числа семь отразилась и в татарском фольклоре. На символическом осмыслении числа семь строится целый ряд татарских фразеологизмов, например, в таких фразеологизмах, как *жиде төрле садака, жиде азан кычкыру, жиде мунчадан жиде таиш, жиде ясин, жиде иман укып котылу*, находят отражение религиозные убеждения народа. У татар было принято знать имена предков до седьмого колена, изучать происхождение рода, фамилии: *жиде бабасын тану*. В значении 'древний, старый' употребляется фразеологизм *жиде бабадан калган (килгән)*. В ФЕ *жиде бабасын таныту, жиде бабасын таптыру, жиде бабана житәрмен, жиде буынга житәрмен* выражается враждебное отношение. Часто число семь выступает как показатель большого, гиперболизированного множества: *жиде иләктән үткәру, жиде йозак астына бикләу* или как интенсификатор степени признака: *жиде еллык бизгәгәң качырырлык, жиде йортка бер энә*. Число семь играет важную роль при создании пространственно-временных характеристик картины мира: *жиде диңгез артында, жиде төн уртасында, жиде юл чаты, жиде жәңнәм асты (арты, төбе)*.

Число сигез 'восемь' мы обнаружили в двух ФЕ: *сигез оҗмах капкасын ачу, сигез оҗмах ишеге сина ачык булсын, теләгән оҗмахыңа кер*. Употребление данного числа связано с религиозными убеждениями народа.

Тугыз 'девять' в ФЕ татарского языка выражает значение неопределенно большого количества, например: *сукса тугыз көн чумар ашамасын, тугызга бөгелү, тугыздан калган Тукаби*. Девять в составе ФЕ также является символическим обозначением умственной отсталости, неполноценности человека: *тугыз төймә* (не хватает одного до десяти), *туксан тугызлы* (не хватает одного до ста) *унга тугыз тулмаган* (до десяти не хватает девяти). ФЕ *унга бер тулмаган, йөзгә бер тулмаган, кырыкка бер тулмаган нәрсә, потка бер генә кадак тулмый* являются синонимами данных ФЕ.

Таким образом, числительные в условиях фразеологического окружения часто десемантизируются, лишаются своего конкретного

значения. Они выражают значение целостности (числительные один, три), дискретности, повторяемости (один, два), малого количества (один, два), неопределенного количества (пять, шесть, девять) или гипербализованного множества (семь, девять, от десяти до девятнадцати, сорок, пятьдесят, сто, тысяча), или являются интенсификаторами признака. Числительные могут выступать «опустошенными» количественными знаками, указывая на качественные признаки: *йөзгә бер тулмаган, туксан тугызлы, унжиде тиен — бер акча*. Иногда числительные употребляются в своем прямом значении: *бер башы, бер тамагы, ике алыякчы бәйләү, ике камыт кыю, дүрт китап, дүрт стена, бишне бирү, биштән үрү*, но при этом ФЕ не теряют своей оценочной характеристики. Числительные в составе ФЕ играют важную роль при создании пространственно-временных характеристик картины мира.

Литература:

- Бочина Т.Г. К вопросу о спецсеминаре «Фразеология и языковая картина мира // Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков. — Казань, 1995.
 Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлегә. Ике томда. — Казан, 1989, 1990.
 Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. Дружбам русского языка. — М., 1982. — С. 62.
 Раемгузина З.М. Языковая картина мира в башкирской фразеологии. Дисс.... к. ф. н. — Уфа, 2000. — С. 48.
 Татарская грамматика. II том: Морфология. — Казань, 1997.
 Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) Ранние формы искусства. — М., 1972.

Фәткуллина Р.Х., Стәрлетамак к.

БОРОНҒО ТӨРКИ (БАШКОРТ) ШИҒЫРЫНЫҢ ТӨЗӨЛӨШ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРӘ

Боронғо башкорт шиғыры төзөлөшөнөн ике йүнөлештә формалашыуы, үсешә билдәлә [1; 113]. Ауыз-тел ижады үрнәктәрәндә: йырзарза, кобайырзарза, афористик ижадта, эпостарза тамырланған халыҡ шиғыры үзенә силлабик шиғыр төзөлөшә үзенсәлектәрә менән характерлана.

Һакмар һыуы аға // кибла табан, // 10
 Урал тауы буйлап, // көн битләп, / 9
 Илкәймә лә шул // кайтыр инем, // 10
 Аяктарым талһа, // имгәкләп, / 9

(«Ғилмияза» йырынан)

Миҫалдан күренеүенсә, силлабик шиғыр төзөлөшә канундары строфа юлдарының билдәлә бер ижек һандарынан килеүен талап итә (10-9-10-9). Шул ук вақытта әсәрзә ритмды барлыкка килтереүсә сара ижек кенә түгел. Силлабик шиғыр төзөлөшөндә ижек аша тыуған һәр ритмик берәмек: был строфа өсөн ул ритмик быуын, шиғыр юлы, ритмик интонацион период (10-9 үлсәмен барлыкка килтергән ике юл) — ритмды көйләүгә хезмәт итә. Улар араһында тыуған симметриялык строфа бөтөнлөгөн барлыкка килтерә. Был ритмик йәнәшәлектә ритмик быуындар мөнәсәбәтә аша күрәп була: 6+4// 6+3/ 6+4// 6+3. Боронғо ижадсы, силлабик шиғыр төзөлөшә талаптарына тоғро калыу өсөн, өсөнсә юлда мәғәнәүи көскә эйә булмаған «лә», «шул» һүзәрәң куллана. Улар строфаның ритмик бөтөнлөгөн һаклай, әсәргә эмоциональ төс тә бирә. Боронғо башкорт шиғырының төзөлөш

үзенсәлектәре үзәрәнен традицияларын бөгөнгәсә һаклай. Хәзәрге башкорт поэзияһы строфикаһы нигезендә халык шиғырынан мирас булып калған канундар ята.

Боронғо төрки язма комарткыларына барып тоташкан китап шиғыры башланғыстары бөтә төрки халыктары өсөн уртаҡ. Улар тарихы безҙең эраның 6-8 быуаттарынан иҫәпләнә. Язма әҙәбиәт үҫешен билдәләү максатында, боронғо төрки, шул иҫәптән башкорт, шиғырының строфик ойшошторолош процесын күзәтеү мөһим.

Руник язма комарткыларҙан күренеүенсә, текстарҙа һөйләмдәрҙә шиғыр юлдарына хас үзенсәлектәрҙе таныу осраҡлы түгел. Боронғо ижадсылар, әсәрҙәрҙең ритмик бөтөнлөгөн биреү өсөн, аллитерацион принципты һайлай, йәғни шиғыр юлдарының эске королюшонда өнокшашлыҡты төп канун итеп таний.

Айырым осрактарҙа юлдарҙа ижек һандарының даими булығына ынтылыш күзәтелә. «Күлтәгин хөрмәтенә Зур язьманан» 4 юллыҡ:

Ярыклығы кантан кәлип 7

Яна әлтди. 5

Сүнүглик кантан кәлипән 8

Сүрә әлтди. 5

Мәғәнәһе:

Кайзандыр килделәрме тимер кейгән (һуғышсылар),
Иғтибарыңды таркаттылармы?

Кайзандыр килделәрме һөнгө таккан (һуғышсылар),
Алып киттеләрме һине?

4 юллыкта ритмик-интонацион берәмектәрҙең (беренсе-икенсе юл, өсөнсө-дүртенсе юл) симметрияһына яҡыная автор. Текстарҙа бындай силлабик шиғырға хас күренештәр китап һәм халык шиғырының төзөлөшөндә уртаҡ һызаттар ятыуын күрһәтә. Бынан халықтың ауыз-тел ижады язма шиғырҙың формалашыуына йөгөнтө яһаған, тип әйтә алабыз. Уларҙың строфик системаһындағы башка үзенсәлектәр ҙә поэтик традициялар берлеген аса.

Орхон-Йәнәсәй ташғызмаларында поэтик текстты короуҙа кулланылған мөһим сараларҙың береһе — ул грамматик йәһәттән окшаш йәки тап килгән конструкцияларҙан ритмик-интонацион берәмектәр барлыҡҡа килтереү:

Ол өдкә кул куллығ болмыс әрти,

Күң күнлиг болмыс әрти.

Иниси әсисин билмәз әрти,

Оғлы қаһын билмәз әрти.

(«Күлтәгин хөрмәтенә Зур язма»нан)

Мәғәнәһе:

Ул ваҡытта кол ирҙәр кол биләүселәргә әйләнде,

Кол катындар кол биләүселәргә әйләнде.

Әһеһе ағаһын белмәне,

Улы атаһын белмәне.

Строфаны синтаксик йәнәшәлек аша короу алымы халык шиғыры өсөн дә мөһим. Бигерәк тә эпик һәм лирик қобайыр жанрында теземдәрҙең формалашыу кануны шуға кайтып кала. Ижадсы өсөн ул — лирик башланғысты (ғәзәттә, таркау тасуирлауҙы) йәки эпик башланғысты (сюжетта вақиға ағышын) биреү сараһы:

Батша тигән нәмәне,
Кеше һуйыр йоланы,
Ишете тә, күреп тә,
Нисә йылдар йөрөп тә,
Һис бер ерзә күрмәнем,
Барлығын да белмәнем.
(«Урал батыр» эпосынан)

Килтерелгән өзөктөң ритмик-интонацион системаһын яйлауза юл азағы рифмаһы менән берләшкән ике юллыктар зур роль уйнай. Йәнәш рифмалар үрнәктә тулығынса синтаксик конструкцияларзың тап килеүе аша барлығыңа килә, йәғни текста һүзәр ауаздашлығын грамматик рифмалар билдәләй. Шуға ла китап шиғыры башланғыстарында, Орхон-Йәнәсәй ташғызмаларында, ритм, башлыса, даими ижек һандары буйынса көйләнмәү сәбәпле, грамматик йәнәшәлектәр рифма тип исемләнә алмаһа ла, халык шиғыры өсөн рифма – үзләштерелгән күренеш түгел. Силлабик шиғыр төзөлөшө канундары, йәғни ритмдың билдәле бер ижектәр, ритмик быуын, ритмик-интонацион периодтар аша формалашыуы, юл азағы ауаздашлығын бер үк ижек һандарына эйә юлдарзың тыузырыуы башкорт шиғыры өсөн рифманың тәбиғилиген күрһәтә.

Боронғо төрки (башкорт шиғырының) строфик ойшторолошонда поэтик фигураларзың қулланылышы ла күзәтелә:

Түргәс қаған анча **тимис**,
Бәниң будунуң анта әрүр **тимис**,
Түрк будун йәмә булғанч ол **тимис**
Оғузы йәмә тарғанч ол **тимис**.

Мәғәнәһе:

Түргәш қаған шулай тине:
«Минәң халкым унда булыр» - тине,
Ул: «Төрки халкы болғанышта» - тине,
Ул: «Оғуздары таркалған» - тине.

Тонйукүк хөрмәтенә язмаларзан алынған 4 юллык калыбын «тимис» эпифораһы қора. Әгәр зә строфаның метрик қоролошо 8-11-10-10 булығын исәпкә алһак, уның ойшторолошонда фигураның беренсел роль уйнағанын таныйбыз. Халык шиғырының строфик системаһы ла ошо һызаттарзы һаклай:

Урал атаң юлынан,

Балам яуға сап, тине,
Һакмар батыр бул, тине,
Һис аямай сап, тине,
Атаңды эзләп тап, тине.
(«Урал батыр» эпосынан)

Кобайыр строфаның изосиллабик структураһын «тине» эпифораһы һаклаша, ул, алдағы һүз рифмаһы менән кеүәтләненп, рәдиф рәүешендә қулланыла. Шуныһы мөһим: ике миһалда ла эпифора строфаның поэтик структураһында ритмик берәмектәрзе билдәләй, шиғыр юлдарында ижек һандары даими булығы-булмауға қарамаһтан, строфа мелодикаһын, мәғәнәүи бөтөндәрзе формалаштыра. Был үзенсәлек шиғыри текст башланғыстарын билдәләү өсөн әһәмиәтле.

Элбиттә, башкорт шигъриәте үсешенен озайлы тарихында китап һәм халык шигърының төзөлөш үзенсәлектәре берләшә, күркәм традицияларга әүерелеп, милли шигърият тамырзырын һуфара. Башкорт шигърының формалашуы һәм үсәү дәүерендә һызатланыш алған аллитерацион шигъыр, рифмалашуы системаһы сифаттары, ритмик, синтаксик, фоник кимәлдәрҙен үзенсәлекле мөнәсәбәте хәзерге поэзия строфикаһының төп канундарын билдәләй.

Әҙбиәт:

Хөсәйенов Ф.Б. Хәзерге башкорт шигъры (Традиция һәм новаторлык мәсьәләләре) // Ағизел. – 2004. - №11.

Хабибов Л.Г., г. Уфа

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АФФИКСА СОБИРАТЕЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ -К В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как и во всех тюркских языках, собирательная множественность в татарском языке выражалась не только аффиксами *-лар/-ләр*, но и другими показателями. Аффикс *-к*, будучи показателем собирательной множественности, выражал идею количественности не только в именах, но и в глаголах. Данный аффикс возводится А.Н Кононовым к слову *кун* со значением «народ» [Кононов 1956: 71]. Аффикс *-к* широко употребляется в глаголе при выражении формы первого лица множественного числа очевидного прошедшего времени изъявительного наклонения: *алды-к* «мы взяли»; *куйды-к* «мы поставили» и желательного наклонения *алый-к* «давайте возьмем», *куйый-к* «давайте поставим», а также в первого лица множественного числа условного наклонения *алса-к* «если мы возьмем», *куйса-к* «если мы поставим».

Как особенность азербайджанского языка, Н.З. Гаджиева отмечает, что аффиксы *-з/-к*, как показатели множественного числа, употребляются и в категории сказуемости: *муаллимәм* «я учитель» – *муал-ләмик* «мы учителя» [Языки народов СССР 1966: 71]. В тюркских языках в подобных случаях употребляется аффикс *-з*. Например, в татарском языке *укытучы-мы-н* «я учитель» – *укытучы-бы-з* «мы учителя».

По утверждению Е.И. Убрятовой, древнейшим вариантом аффикса *-к* в тюркских языках является вариант якутского языка, выступающий в виде звука *-х*, например, *барйа-х* «пойдемте мы с тобой» [Убрятова 1970: 72].

Указывая на обнаружение остатков в некоторых тюркских языках данного показателя множественности, Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева, пишут «...в настоящее время о его существовании можно судить только на основании его довольно скудных остатков, ср. якут. *талах* «ива», кум. *талак* «ива» (в других тюркских языках *тал*), якут. *кумах* «песок», шор. *кумак*, кумык. *кумак* (в других тюркских языках кум). Слово *талак*, первоначально означало «ивняк», а *кумак* – «пески»» [Серебренников, Гаджиева 1979: 90].

На наш взгляд, показатель *-к*, соединяясь с другим показателем собирательной множественности *-л*, образовал осложненный аффикс *-лык*. Ср. тат. *нарат-лык* «сосняк» от *нарат* «сосна», чув. *йуман-лех* «дубняк» от *йуман* «дуб». Как отмечают Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева, он содержится также в составе сложного аффикса собирательной множественности *-лак*, *-ләк*, ср. др.-тюрк. *ат-лак* «кони», *аш-лак* «кушанья», *билге-лек* «мудрецы» и т.д. [Серебренников, Гаджиева 1979: 91].

Аффикс множественного числа *-ла* является общим для урало-алтайских языков. Он состоит из первичного показателя множественности

-л и элемента *-а*. Аффикс *-ла* в марийском языке образует форму множественного числа от существительных со значением пространственности. Например, *ола* «город» — *ола-ла* «города», *пасу* «поле» — *пасу-ла* «поля». В этом языке форма множественного числа на *-влак* (диал. *-вла*, *-влэ*) образовалась от основы определенности на *-в* путем наращивания сложного аффикса *-лак* (из *-ла-к*) и *-лэ*: *колыза* «рыбак» — *колыза-влак* «рыбаки». По нашему мнению, аффикс *-влак* образовался путем наращивания аффикса к форме на *-вла*, *-влэ*. Как справедливо отмечает Дж.Г. Киекбаев, что «...аффикс *-к* образует форму множественного числа от основы определенности на *-а*, *-е* у существительных, оканчивающихся на согласный звук в венгерском языке, и восходит к показателю определенности *-г*, выступающему в мансийском языке как формант двойственного числа [Киекбаев 1996: 161-162].

Аффикс *-лык*, *-лек* в татарском языке, а также *-лак*, *-лэк*, *-лах*, *-лэх* в других тюркских языках, как указывает Э.В. Севортян, передает три основных значения: а) свойства-качества и состояния, б) назначение и функции, в) местности или места (среды), где имеется множество предметов природы или добытых человеком [Севортян 1966: 50].

По вопросу образования данного аффикса высказаны немало гипотез и предположений. Г.И. Рамстедт сближает тюркский *-лик* с тунгусским *-рук*. Н.А. Баскаков, признавая генетическую близость аффиксов *-лик* и *-ли*, высказал мнение о том, что аффикс *-лик* возможно связан с самостоятельным словом *лик* со значением «обильный, полный». На наш взгляд, близка к правильному объяснению происхождения аффикса *-лик* точка зрения В. Котвича. Он выделяет показатель *-л*, как аффикс множественности алтайских языков [Котвич 1962: 109].

Л.З. Заляй, ссылаясь на высказывания А.Г. Бессонова о двусоставности аффикса *-лык*, *-лек*, где первая часть состоит из глаголообразовательного аффикса *-ла*, *-лэ* и аффикса *-к*, восходящего к самостоятельному слову *лак* со значением «место», также считает, что основным источником происхождения аффиксов *-лук*, *-лук*, *-лык*, *-лик*, *-лу*, *-лу*, *-ла*, *-ле* является слово *лак*, *лаг* «место, удобство». В качестве подтверждения своего предположения он приводит такие примеры: *кышлак* — *кыш-лак* «зимовье», *аулак* — *ау-лак* «место обитания зверей» и др. [Заляй 2000: 71]. Как видно, в этой трактовке происхождение аффиксов *-лук*, *-лук*, *-лык*, *-лик*, *-лу*, *-лу*, *-ла*, *-ле* сводится к механическому соединению аффиксальной части *-ла*, *-лы*, *-ле* с самостоятельным словом *лак*, *лаг*. Здесь не выяснена причина и путь превращения самостоятельного слова в аффикс.

Исследователь чувашского языка Л.С. Левитская правильно вычленяет аффикс *-лик* на два элемента: *-л* с собирательным значением, идентичный с *-к* в аффиксе *-лар*, *-лер* и *-к*. Однако, и она не могла объяснить происхождение аффикса *-к*, утвердив, что «...происхождение которого пока для нас остается неясным» [Левитская 1976: 128].

По нашему утверждению, аффикс *-лык*, *-лек* в татарском, а также в других урало-алтайских языках, возник на основе плеонастического

слияния древнейших однофонемных показателей множественности *-л* и *-к*, что касается элемента *-ы*, то он, на наш взгляд, является показателем определенности. Этот элемент указывает на конкретный предмет, который находится в обилии на данной местности: *каен-лык* «березняк», *тал-лык* «ивняк» и др.

Проведенный анализ убеждает нас в том, что аффиксами множественного числа в татарском языке, как и в других тюркских языках, выступают *-лар* (в различных фонетических вариантах), *-лык*, *-т*, *-з*, *-к*.

Сложный аффикс *-лык*, *-лек* в татарском языке, по теории определенности и неопределенности, происходил путем плеонастического слияния древнейших однофонемных показателей множественности *-л* и *-к*, а элементы *-ы*, *-е* являются, на наш взгляд, показателями определенности.

Литература:

- Залий, Л.З. Историческая грамматика татарского языка. — Казань: Фикер, 2000.
Киекбаев, Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. — Уфа, 1996.
Кононов, А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М. - Л., 1956.
Котвич, А.В. Исследования по алтайским языкам. — М., 1962.
Левитская, Л.С. Историческая морфология чувашского языка. — М., 1976.
Севортян, Э.В. Крымско-татарский язык // Языки народов СССР, т. 2. — М., 1966.
Серебренников, Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — Баку, 1979.
Убрятова, Е.И. Задачи сравнительного изучения тюркских языков [Текст] / Е.И. Убрятова // Тюркологический сборник. — М., 1970.
Языки народов СССР, т. 2. — М.: Наука, 1966.

Хадыева Р.Н., г. Уфа

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС И ПРОБЛЕМА ЭТНОЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия широко употребительным в сфере науки, в частности, в лингвокультурологии, этнолингвистике, стало понятие “пространство”. В словосочетаниях “лингвокультурное пространство”, “этноязыковое пространство”, “духовное пространство” и т.п., понятие “пространство” выступает как “поле”, “среда обитания”, регион распространения, функционирования тех или иных духовных, культурных, языковых и т.д. явлений. Непосредственными составляющими духовного пространства являются люди, результаты их деятельности, особенности материальной и духовной культуры.

Определение границ распространения того или иного этноязыкового явления возможно лишь в результате этнолингвогеографического исследования языка. Этнолингвогеографическое изучение предусматривает изучение особенностей этноязыковых явлений с точки зрения исторической, ареальной, смысловой нагрузки.

В башкирском языкознании исследователями прошлых лет накоплен большой лингвогеографический материал, создан Лингвистический атлас башкирского языка.

Целью языковых атласов, как правило, является выявление различий в изучаемом языковом материале и их показ на картах с помощью методов лингвогеографии. Для нанесения на карту выбираются опорные пункты с учетом специфики лингвистических регионов,

которые заранее определяются (как правило, в процессе монографического изучения диалектов и говоров). Так, в процессе сбора материалов для Лингвистического атласа башкирского языка собиратели не ограничивались получением ответа лишь на вопросы программы, а также стремились охватить разряды лексики, которые характеризуют различные области деятельности людей, явлений природы и т.д. В результате лексический фонд башкирского языка пополнился богатым фактическим материалом, который позволил разработать новые проблемы, связанные не только с атласом, но и дает возможность для разработки новых проблем. Картографированные лингвистические материалы в определенной степени могут выступать в качестве дифференцирующих территориальных признаков, и на их основе в известной мере можно воссоздать картину исторического племенного расселения башкирского населения на Южном Урале.

В последние годы Институтом истории, языка и литературы возобновились языковые, фольклорные, этнографические экспедиции и командировки в населенные пункты Башкортостана, а также в Оренбургскую, Курганскую, Челябинскую, Свердловскую, Саратовскую, Самарскую, Пермскую области России.

По содержанию, по объему охвата исследованной территории, по качеству фактического материала сложно повторить работу исследователей прошлых лет, так как многих информаторов, из уст которых записаны языковые данные, уже нет в живых. Однако целенаправленный сбор сведений по народному ремеслу, быту, народной медицине, обычаям, обрядам, а также фольклорным материалам, в которых прослеживаются этноязыковые особенности, с указанием локальных черт, региона функционирования, изменения, а также исчезновения, позволил бы создать карту с многоплановой интерпретацией: с точки зрения лингвистики, истории, этнографии, географии.

Рассмотрение этнолингвокультурных фактов с различных точек зрения, прежде всего по масштабу территориального распространения, и определение широкой или узкой локальности, индивидуальности этноязыковых явлений решается лишь в результате картографирования, в результате лингвогеографического исследования языка. Создание комплексной этнолингвокультурной карты на основе собранных по единой программе материалов, отражающей объективную лингвистическую действительность, позволило бы исключить субъективную оценку отраженных на них языковых явлений, этнографических, фольклорных сведений и фактов.

Хакимьянова А.М., г. Уфа

КОНЦЕПТЫ “СУДЬБА”И “БОГ” В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

В настоящее время описание и изучение концептов вызывает большой исследовательский интерес. В фольклорно-языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в ключевых концептах, изучение которых позволяет выявить национально-культурную специфику картины мира того или иного народа. Концептуальная картина мира отдельно взятого этноса рассматривается в широком

контексте фольклора, мифологии, культуры данного народа. Язык, как важнейший компонент культуры, играет решающую роль в репрезентации концептуальной картины мира. “В языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире и соответствующие языковые единицы представляют собой “бесценные ключи” к пониманию этих аспектов культуры” [Шмелев 2002, 296-299]. Концептуальная информация разного типа выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений, текстов.

Рассматривая в работе концепты в контексте культуры, мы придерживались определения концепта как основной ячейки культуры в ментальном мире человека [Степанов 1997]. В данной статье концепты рассматриваются с целью описания соответствующих фрагментов национальной картины мира. Для описания концепта нами выделяются разнообразные ключевые образы-символы, отражающие и репрезентирующие концепт в песне, рассматриваются универсальные и специфические приемы и средства выражения концепта в песенных текстах.

Второй по степени количественной представленности, после концепта *Жизнь (Фумер)*, в башкирских лирических песнях является концепт *Язмыш (Судьба)*. В песнях концепт *Язмыш* трактуется как *жизненный путь человека*.

Концепт *судьба* в башкирских лирических песнях отражает в себе две ключевые идеи: идею непредсказуемости будущего и неконтролируемости происходящих с человеком событий в его жизни:

Маңдайзарға яҙған хак язмышты   Написанную на лбу судьбу
Ғызып ташлап булмай кул менән.   Невозможно нам смахнуть рукой.

В песнях распространены образы несчастий, недоброй судьбы сопровождающих человека всю жизнь. Каждый человек связывает причины своих бед и неудач с волей и капризами судьбы. Судя по песням, по разному складываются судьбы егетов, которые вынуждены покинуть родной очаг и уехать в чужие края в поисках куска хлеба:

Арыслан ғына кеүек ир-егеттәр   Егеты, подобные львам
Йөрөйҙәр ҙә язмыш буйынса.   Ходят по велению судьбы.

или:
Аҡ йомортка кеүек тәғәрләтәп   Нас судьба катает как яичко,
Ризыҡ йөрөтә беззе күп шдә.   Нет другой забавы у судьбы.

Многие егеты в поисках мала на чужбине сложили головы. Судьбы таких несчастных довольно полно отразились в песнях “Малтабар”, “Песня поля”.

В башкирских лирических песнях горька и судьба девушек, насильно выданных замуж за нелюбимого, иногда и старого человека, часто второй или третьей женой, проигранных в карты или слишком рано овдовевших. В некоторых башкирских песнях девушки приравниваются к малу, их можно и купить и продать:

Һандуғастай һайрар кыз баланы,   Девушку, поощую как соловей,
Мәзинәкәйгенәм, ғөлкәйем,   Мадинакай, цветок мой,
Язмыш һата икән малдарға.   Судьба-злодейка продает за скот.

Во многих песенных текстах поговорки и устойчивые высказывания помогают концептуализировать судьбу как некое существо, подстерегающее человека, настигающее его (*язмыштарзан узмыш булмай /от судьбы нам не уйти; маңлайға язған юйылмай/написанное на лбу не сотрешь* и т.п.).

В песенных текстах встречаются синонимичные слову *судьба* наименования *тәкдир, хак, өлөш*:

*Тәкдир кәләмдәре миндә булһа,
Ғәфифә,
Быллай итмәс инем тәкдирзе.*

*Дали б карандаш судьбы мне в руки,
Гафифа,
Не так я расписал бы свою судьбу.*

или:

*Хак-язмышкайзарын күрмәйенсә,
Тәкдир етмәй кеше үләме?*

*Не увидев своей судьбины долю
Не испытал Тәкдир – кто ж умрет?*

Во многих песенных текстах встречаются мотивы покорения судьбе:

*Хак ни язһа, безгә шул булыр,
Бәлки рәхәт көндәр бер булыр.*

*Что повелит судьба, тому и быть,
И для нас наступят счастливые дни.*

или:

*Маңлайзарға язған хак язмышты
Йөрәккәйеңә һалып, сабыр ит.*

*Написанное на лбу не избежать,
Схорони ты в сердце и терпи.*

Концепт *Судьба (Язмыш)* в лирических песнях башкир тесно связан с концептом *Бог (Хозай)*. По классификации А.П.Бабушкина концепт Бог относится к абстрактным концептам, то есть к таким “которые есть в сознании, но которого нет физически, это концепт, представляющий определенную “ценность” или “антиценность”, но который нельзя увидеть или ощутить” [Бабушкин 1996, 66]

Концепт Бог, в башкирских народных песнях вербализованный словами *Хозай, Алла, Хак тәғәлә*, включает представление о сверхъестественном существе, обладающем всеми совершенными характеристиками: бессмертный, всемогущий, добрый. С ним связано начало мира, в том числе и происхождение человека. *Хозай* относится к числу важных элементов в национальной культуре башкир.

Анализ поэтических текстов песен позволяет выявить такие общие компоненты концепта *Хозай* как: 1) творец, согласно исламу *Аллах / Хозай* сотворил мир; 2) всесильное, всемогущее существо; 3) распорядитель судеб.

“Алла ни язһа, шуны күрәһең” (Что предписано Аллахом, то и испытаешь), – говорится в одной башкирской поговорке. Согласно песням, судьба человека заранее предначертана Всевышним и записана на лбу. Эту запись нельзя стереть рукой или же смахнуть со лба:

*Маңлайзарға язған хак язмышты
Ғызып ташлап булмай кул менән.*

*Написанную на лбу судьбу
Невозможно нам смахнуть рукой.*

или:

*Йүгерзем етә алманым,
Үрелдем тота алманым.
Бер Хозайзың язмышынан
Касып котола алманым.*

*Побежала, не догнала,
Потянулась, не достала.
От судьбы дарованной Ходеем
Убежать я не смогла.*

Абстрактность понятия и принадлежность Бога к миру трансцендентному позволила расширить семантику данного понятия:

“он все может сделать и всегда” [Погребняк]. В песнях лирический герой часто обращается к *Ходаю* прося у него помощи и защиты:

Эскенәйем боиоп, йөрәгем яна,   Находит уныние и душа горит,
Әжалдәрҙән хозай һаҡлаһын.   Пусть от смерти нас Худай хранит

Эти обращения помогают человеку высвободить свою эмоциональную и психическую энергию, лучше сориентироваться в какой-либо момент жизни и одновременно выразить определенную идею, мысль, желание. В песенных текстах Бог становится активным участником жизни человека, он “дает”, “защищает”, “отбирает”, “повелевает” и т.д., благодаря ему исполняются или не исполняются желания:

Теләгәнкәй теләгем кабул булмай,   Не исполняются мои желанья,
Тел тейҙерҙем микән Хозайға?   Неужели задел я Ходая?

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что исследованию природы концептов в современной науке уделяется большое значение. В данной статье мы рассмотрели специфические приемы и средства выражения концептов *Язмыш (Судьба)* и *Хозай (Бог)* в текстах башкирских лирических песен.

Литература:

- Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж, 1996.
- Башкирское народное творчество / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.Галин. Ответ редактор Ф.А. Надршина. — Уфа: Китап, 1995.
- Башкирское народное творчество. Песни / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.Галин. Ответ редактор К.А.Ахмедьянов. — Уфа, 1977.
- Башкирское народное творчество. Песня / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.Галин. Ответ редактор К.А.Ахмедьянов. — Уфа, 1974.
- Калькова, О.К. Концепт Бог в русской языковой картине мира (Основные компоненты) // <http://vestnik.cie.ru/rus/2009/n1/28/> (15.02.2010)
- Листрова-Правда Ю.Т. Концепт Бог в языковом сознании русского народа // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж, 2001.
- Погребняк А.К. Культурно-языковое возрождение понятия Бог в русском сознании // <http://rae.ru/zk/ajj/2004/08/Pogrebnyak.pdf> (10.03.2010)
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М., 1997.
- Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М., 2002.
- Экспедиционные материалы - 2004: Альшеевский район / Ответственный за выпуск Г.Р.Хусаинова. — Уфа, 2006. 272 с.

Хасанова Г.М., г. Уфа

АЛЛОМОРФИЗМ В ТЕКСТАХ БАШКИРСКИХ АНЕКДОТОВ

Проводимое исследование проливает свет на зарождение смеха и его дальнейшее развитие в культуре, естественным образом оказавшее влияние на сознание современного человека, а через него и на язык. Смех проявляет себя как амбивалентная сущность, которая находит свое выражение в языковых структурах в виде оппозиций: добро — зло, норма — антинорма и т.д.

Анализ текстов анекдотов в башкирском языке показывает, что существует возможность достаточно полного описания этой области исследования. Дискурс анекдотов отражает своеобразие речемышления, языковые и социокультурные особенности комического текста в башкирском языке.

Нами исследуется ситуационный и языковой юмор, который может быть окрашен положительно или отрицательно. На языковом и ситуационном уровнях проявляются нарушения нормативно-общественных, стереотипных и нормативно-индивидуальных отношений, которые являются дифференциальными признаками комического.

Проанализировав большое количество комических башкирских текстов, мы пришли к выводу, что анекдоты, вызванные какими-либо политическими событиями, остаются актуальными лишь на некоторое время. В то время как тексты анекдотов, появившиеся на основе забавных, шутливых рассказов о семье, о быте и т.п., сохраняют к себе интерес вне зависимости от изменения мировоззрения человека.

Многие из текстов передаются из уст в уста, содержатся в сборниках и электронных сайтах. В комическом дискурсе башкирских текстов имеются признаки, характерные только для данной лингвокультуры.

Рассмотрим алломорфные явления текстов анекдотов в башкирском языке. Следует отметить, что в башкирском языке небольшой юмористический рассказ, состоящий из одного эпизода, сценки, называют "кулямас". В отдельных районах Башкортостана встречаются и другие обозначения данного понятия, например, в Хайбуллинском районе говорят "көлкө һөйләү", "әнғемә". Здесь часто встречается такое выражение: "әнғемәһе бер ток". Так называют человека, который знает большое количество анекдотов. В Учалинском и Абзелиловском районах слово "анекдот" с русского языка на башкирский переводится как "тәләкәс" или "тәләке". О человеке, хорошо владеющем искусством устной передачи небольших юмористических текстов, говорят: "тәләкәс кеше" или "тәләкәсел". [БХИ 1985, 6]

Для данного жанра характерны реплики и ремарки, а также неожиданная концовка. Чаще всего это находчивый остроумный ответ на вопрос, забавная игра слов. Обычно в кулямасе выступают не более двух персонажей.

Башкирские кулямасы по содержанию можно классифицировать таким образом: 1) о правителях, баях, муллах, верующих, суеверных; 2) о мудрецах, ловкачах, хитрецах; 3) о простаках; 4) о жителях селений; 5) о родственниках, друзьях, приятелях; 6) о муже, жене; 7) о хвастунах, гордецах, лжецах; 8) о лентяях, безответственных; 9) о ворах; 10) о пьяницах, курильщиках; 11) о бюрократах, взяточниках, подхалимах; 12) о скрягах; 13) о невеждах, людях, лишенных вкуса; 14) о невоспитанных; 15) о людях, плохо владеющих языком. [БХИ, 1985, 381]

В большинстве кулямасов находчивость, хитрость, бдительность, остроумие противопоставляются глупости, наивности, чванству, лицемерию, коварству, жестокости. Примером может служить следующий текст анекдота:

Байзың хаҡы

- Ынғаңса, миңең хаҡым күпме тора? — тин һораған бер бай ярлынан.

- Ун тин, - тигән ярлы.

- Әй йүләр, миңең аяғымдағы ситегем генә ун тин тора бит, тин асыланған бай.

- Ун тинде аяғыңдағы ситегеңә бирзем дә инде, - тигән ярлы. [БХИ, 1985, 32]

Особенным многообразием отличаются кулямасы о жителях

селений, муже и жене, матери и отце, зяте и невестке, снохе, свекрови и свекре. Например:

Сокооттарзың айыуға барғаны

Язғыһын сокооттар айыуға киткән. Айыу өңөнә барып еткәс, берәүһе инеп киткән. Айыу тегенең башын өзгән дә алған.

- *Еңгә, айыуға киткәндә, ағайымдың башы бар инеме? - тип һорағандар, ти, йортқа кайтқас, тегенең юлдаштары.*

В башкирских текстах главными персонажами часто являются Ерэнсэ-сэсэн, Хужа Насретдин:

Хужа Насретдин менән казый

Бер мәл Хужаның еренә - казыйзың һыйыры кереп, игенен ашай. Хужа казыйға бара:

- *Казый әфәнде, берәүзең һыйыры кешенең игенен ашаһа, ни хөкәм?*

Казый һары тышлы китапты алып, озак жына ақтарғас:

- *Һыйыр хужаһы иген хақын түләргә тейеш була, шәриғәт хөкөмө шулай була кем, Хужа әфәнде, - ти.*

- *Улай булғас, иген хақын түләгез, ул иген минеке, һыйыр - һезеке, - ти Хужа.*

- *Ә, улаймы? Улай булғас, эш башкаса, ана теге йәшел тышлы китапты алып бир йәһәтерәк, ти казый. Хужа:*

- *Һыйырың миңең игенде ашағансы, йәшел тышлы китапты ашаһа, бик арыу булыр ине, — тип сығып китә.*

Хужа Насретдин в кулямасах имеет немало общего с Ерэнсэ и традиционным хитрецом из сказок Алдаром. Ерэнсэ особенно часто проучивает хана, муллу, бая, купца. Творя суд, он проявляет проницательность и гуманность.

Встречается в башкирском фольклорном материале такая разновидность кулямасов, как кулямас-небылица, например, об охотнике, который утверждал, что его стрела попала в заднюю лапу зайца, а вышла через ухо, и о Ерэнсэ-сэсэне, находчиво поддержавшем сказанное охотником.

Тексты башкирских анекдотов отличаются уникальностью тематики, персонажей, ситуаций, не имеющих аналогов в иной лингвокультуре. Поэтому характерологические особенности тематических групп, персонажей, мест совершения действий и временных событий играют важную роль в проявлении алломорфизма.

Литература и источники:

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Режим доступа: <http://genhis.philol.msu.ru/article/124.shtml>.

Уткина А.В. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Когнитивные модели и их репрезентации в русском и английском языках. Пятигорск, 2006. С. 97.

Башкорт халык ижады. Көләмәстәр. Өфө, Башкортостан китап нәшриәте, 1985.

Хубитдинова Н.А., г.Уфа

БАШКИРСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ко времени начала Великой Отечественной войны в Башкирии издавалось большое количество газет и журналов: 7 республиканских газет, в том числе «Кызыл Башкортостан» (на башкирском языке), «Красная Башкирия» (на русском языке), «Коммуна» (на татарском языке), которые являлись органами обкома и Уфимского горкома партии, БашЦИКа и Совнаркома Башкирской АССР. Помимо этого

издавались «Ленинсе», «Яш тузусе» (на башкирском языке), «Комсомолец Башкирии» (на русском языке), «Яшь коммунар» (на татарском языке), являющиеся органами обкома комсомола. Общий разовый тираж республиканских газет составлял 126 тыс. экземпляров. Выпускались 102 районные газеты и газеты политотделов общим тиражом 275 тыс. экземпляров, из них 22 выходили на башкирском языке, 50 – на русском, 25 – на татарском, 2 – на чувашском, 2 – на марийском, 1 – на удмуртском языках [Ахунзянов 1970, 18].

Также издавались журналы: «Башкортостан укытыусыхы», «Пионер», «Октябрь», «Социалистическое хозяйство Башкирии». Вскоре после начала войны было прервано издание республиканских газет «Коммуна», «Яш тузусе», а также всех журналов. Это было связано с увеличением количества издаваемых фронтовых газет и листовок, в связи с чем потребовалось перераспределение фонда бумаги, полиграфических мощностей, кадров и т.д. [Асфандиярова 1986, 103]. В результате в военные годы выпускались газеты «Кызыл Башкортостан», «Красная Башкирия». С марта 1944 г. по решению ЦК ВКП(б) начинает выходить еще одна республиканская газета на татарском языке под названием «Кызыл Тан» [Красная Башкирия 1944. 15 марта]. Остальные издания были возобновлены лишь после окончания войны.

События, происходящие как в тылу, так и на фронте, получали широкое освещение в печати. В годы войны печати была отведена важная роль пропагандиста идей патриотизма и организатора народа на борьбу с немецкими захватчиками и самоотверженный труд в тылу. Именно в такие суровые для Родины годы, когда решалась судьба Отечества, слово публициста получило огромное мобилизующее значение. Районные газеты, хотя и издавались с перебоями, но выполняли поставленные перед ними цели и задачи. Партия, советское государство, хорошо осознавая всю важность значения печати, 3 марта 1942 г. разослало циркулярное письмо «О работе районных газет», в котором местным парторганизациям рекомендовалось организовать выпуск этих газет [Асфандиярова 1986, 105.]. Следовательно, на районные газеты возлагалась не менее важная функция по организации культурно-просветительской, агитационно-пропагандистской работы. В районах республики выпускались следующие газеты: в Хайбуллинском – «Кызыл байрак» («Красное знамя»), Зианчуринском – «Коммунизмга!» («К коммунизму!»), Баймакском – «Кызыл Баймак» («Красный Баймак»), Мечетлинском – «Енеударга» («К победам»), Салаватском – «Большевик». В Белорецке выпускалась одна городская газета – «Белорецкий рабочий», в то время как сельское население, большинство из которых составляли башкиры (башкиры – 14,5 тыс., татары – 2,7 тыс. человек), остро нуждалось в своей национальной печати. Решением бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 23 января 1944 г. в районе была создана башкирская районная газета «Сталин юль» («Путь Сталина») [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.24. Д.156.ЛЛ. 3, 9, 18 (об)]. В районных газетах активно велась агитационно-пропагандистская работа посредством публицистических обращений и поэтического слова к населению республики как видных башкирских поэтов, так и народных эсэнов – сказителей, импровизаторов. В них сообщались сводки с фронта, письма воинов-земляков, официальные материалы,

поэтические агитпризывы, вести о достижениях трудящихся тыла, которые перепечатывались из центральных, республиканских газет.

Война постоянно вносила свои коррективы, из года в год сокращалась периодичность издаваемых газет. Особенно это коснулось районной печати: издание газет сводилось до одного раза в неделю. Решением ЦК ВКП(б) от 3 июля 1943 г. штаты редакций районных газет сузились до минимума (до 3-х человек): редактор, ответственный секретарь и машинистка-счетовод [ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.23. Д.50. ЛЛ.55, 56].

В годы войны газеты на башкирском языке выходили и в некоторых районах Челябинской области: в Аргаяшском районе – «Большевик», Кунашакском районе – «Колхозсы». Несмотря на трудности, их тираж не сокращался. По сведениям на 8 сентября 1941 г., тираж газеты «Большевик» составлял 1,5 тыс. экземпляров. На 1 июня 1943 г. – уже 1 950. Тираж газеты «Колхозсы» за тот же период составил 1,5 тыс. и 1,35 тыс. экземпляров соответственно. По сравнению с тиражами выходивших в области районных печатных изданий газеты на башкирском языке значительно их превосходят [Объединенный государственный архив Челябинской области (Далее – ОГАЧО). Ф.288. Оп.7. Д.262. Л.3].

В 1942 г. на башкирском языке выходили газеты в Сафакулевском районе – «Коммунист», Альменевском районе – «За урожай». Так как в 1943 г. эти районы были включены в состав соседней Курганской области, в общем списке и показателях районных и областных газет Челябинской области они не значатся. О состоянии и работе этих газет на 1942 г. свидетельствует докладная записка инструктора сектора печати обкома ВКП(б) Могилевой, направленной в указанные районы для проверки работы национальной печати. В докладной записке, в частности, говорится об острой нехватке национальных кадров, специалистов-редакторов, владеющих национальным языком. К примеру, в газете «Коммунист» статьи редактировал заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) тов. Юсупов. Более того, ощущалась нехватка опытного технического персонала – наборщиков, печатников. В типографиях данных районов ощущалась нехватка шрифта [ОГАЧО. Ф.288. Оп.6. Д.427. ЛЛ.86, 86(об), 87, 87(об)].

Хуже всего обстояло дело с районными национальными газетами как республики, так и соседних регионов. В частности, на фронт ушли такие опытные корреспонденты газет республики Башкирии, как Низам Карипов, Асыл Давлетшин, Мазгар Абдуллин, Хатим Давлетшин, Асрар Сафин, Мустафа Садыхов, Булат Салаватов, Мазит Бурангулов, Мударис Сулейманов, Самигулла Бикчурин, Газиз Алибаев, Мотыгулла Махмутов, Вагиз Нафиков, Назиб Муллин, Миннихан Хасанов. Коллективы республиканских газет чтят память о своих погибших журналистах, имена которых занесены в вечный список сотрудников редакций [Ахунзянов 1979, 137.].

Потребность в печати на башкирском языке была огромной. В течение всей войны в адрес обкома ВКП(б) БАССР приходили письма с просьбой выслать газеты и книжную продукцию на башкирском языке. Подобные просьбы, в частности, поступали из госпиталей Оренбургской области, г. Тулы, где лечились солдаты башкирской

национальности, а также из предприятий Урала, Западной Сибири, Челябинской, Карагандинской и других областей, где трудились рабочие-башкиры [Ахунзянов 1970, 59-60.]. В башкирской литературе особо нуждались воины-башкиры в действующей армии. Так, в одном из аналогичных писем сообщалось следующее: «Политотдел Шкотовского сектора Береговой обороны просит вас оказать помощь в снабжении бойцов башкирской литературой, газетами и журналами на башкирском языке. Поскольку многие бойцы, пришедшие в наши части, плохо знают русский язык и совершенно не могут читать литературу на русском языке. Поэтому убедительно прошу не отказать нашей просьбе. Прошу установить с нами тесную связь и по возможности обеспечивать литературой, газетой и журналами на башкирском языке»; подписано начальником политотдела ШСБО, полковником Дорофеевым [ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д.50.Л.97]. В связи с этим бюро обкома партии Башкирии вынесло постановление от 4 ноября 1942 г. «О систематической посылке в ГлавПУРКА издаваемой массовой политической, художественной и военной литературы на башкирском языке» [ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп.22. Д.131. ЛЛ.2, 9, 22]. Во исполнение постановления отдел пропаганды и агитации обкома развернул работу по обеспечению систематической посылки на фронт десяти процентов литературы на башкирском языке для проведения воспитательной работы среди красноармейцев и младших командиров – башкир, находящихся в частях действующей Красной Армии.

В связи с обеспечением национальной печатью башкирских воинов остро встал вопрос об организации выпуска боевой газеты в Башкирской кавалерийской дивизии, «так как при отъезде за пределы БАССР бойцы, не владеющие русской грамматикой и языком (а таких большинство), будут совершенно лишены возможности читать газеты» [ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп.22. Д.131. ЛЛ.2, 9, 22. Оп.22. Д.131. ЛЛ.2, 9, 22]. Политотдел дивизии выдвинул перед Политуправлением Южно-Уральского военного округа вопрос о необходимости создания при дивизии многотиражной газеты на башкирском языке. В 1943 г. политотдел башкирской кавалерийской дивизии начал выпускать первые номера газеты «Кызыл атлылар» («Красная конница»). Редактором был назначен башкирский писатель Али Карнай.

В целом, несмотря на трудности, Башгосиздательство, как и другие области культуры и производства, в полной мере старалось выполнять все требования суровых военных лет, обеспечивая и фронт, и тыл литературой.

Литература:

- Ахунзянов Т.И. Печать советской Башкирии. Уфа, 1970.
Ахунзянов Т.И. Очерки по истории печати Советской Башкирии. Уфа, 1979.
Асфандиярова К.М. Массовая культурно-просветительная работа в условиях войны // Во имя Победы... Из истории Башкирской АССР периода Великой Отечественной войны. Уфа, 1986.
Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.288. Оп.7. Д.262. Л.3; Оп.6. Д.427. ЛЛ.86, 86(об), 87, 87(об).
Сафуанов С.. Поэт-воин (К 80-летию Ф.Бикбова)//Агидель. №1. 1988.
Центральный государственный архив общественных организаций РБ (ЦГАОО РБ). Ф.122. Оп.24.Д.156.ЛЛ. 3, 9, 18 (об); Оп. 23. Д.50.Л.97; Оп.22. Д.131. ЛЛ.2, 9, 22; Д.330. Л.17; Ф. 10295. Оп.1. Д.1. ЛЛ.51, 51(об.), 52; Д.131. Л. 2, 9, 22.

Хөсәйенова Г.Р., Өфө к.

БАШКОРТ ХАЛЫК ПОЭЗИЯҢЫНДА БӨЙӨК ВАТАН ҺУҒЫШЫ ТЕМАҢЫНЫҢ САҒЫЛЫШЫ

Халык, ил тарихындағы барлык мөһим вакифаларзың да тиерлек халык ижадында сағылыш табыуы бер кемгә лә яңылыҡ түгел. Шуға күрә бар донъяны, бигерәк тә ул осорзағы Советтар Союзын тетрәндергән канлы-йөшлө һуғыштың башкорт халык ижадында сағылыш табыуы тәбиғи. Әлеге оската без тик поэтик әсәрҙәрҙе генә күз унында тоталар йәғни бәйет, йыр һәм тамаҡ жанрҙары иғтибар үзәгендә буласаҡ.

Тәүге сиратта бәйет-хроникаларға (Б.Байымовтың термины) тукталайыҡ. Уларҙа яугирҙың үткән һуғыш юлы, кисергән ауырлыҡтары, күргән көт оскос хәлдәре һ.б. бәйән ителә. Мәсәлән, “Волга буйҙарында” исемле бәйеттә һуғышҡа юлланыусы егеттең юлы тыуған ауылынан сығып киткәс Шишмәгә, артабан Раевкаға, Куйбышев калаһына ялғанып, ниһайәт, Сталинградта туктап кала. Фронт тимер юл станцияһынан биш азымда була һәм егет килеп етер етмәстән яу яланына элгә. Сталинград һуғышы тураһындағы тәүге тәҫсираттары түбәндөгө бәйет юлдарында бирелә:

Көнө лә юк, төнө лә юк,
Тик һуғыш кына бара...
Унда мина, һулда бомба,
Алда снаряд ярыла,
Өсгәүенә фашист эте
Пулеметтан яузыра...*

Әсәрҙең өзөгөнән күренеүенсә, бында үлемесле һуғыш бара – баш күтәрерлек түгел, ян яктан аталар, шартлаталар, өсгән бомба яуа. Шуға карамастан совет һалдаты үзәренән енеренә ныҡ ышана:

Бирмәйбез дошман кулына
Сталинград калаһын.

Бәйет авторзың награда аласактары тураһындағы һөйөнөсө менән тамамлана:

...Верховный Совет указы
Булған безгә мизалға,
Мизалдарҙы ялтыратып,
Кайтырбыз без Уралға.

“Ауылдан киттек, Берлинға еттек” бәйетендә лә һуғышҡа икенсе йүнәлештә киткән һалдаттың юлы тасуирлана. Ул Алкин станцияһынан кузғалып, Волхов, Псков, Ржев, Вязьма, Белгород, Кенигсберг калаларында була. Шулай уҡ Волга буйҙарындағы кан койғос һуғышҡа шаһит була.:

Бәйеттәрҙә һалдаттарзың фамилияларына ауыл исеме ҡушып әйтелә: Яңы ауыл Үмербаев, Иске Турбаслы Ямилов, Иске Сөрмәт Әминов һ.б. Тағы ла шуныһы: бәйеттә егеттәрҙең һәр береһе һиндәйҙер вакифға бәйле телгә алына. Мәсәлән:

... Иске Турбаслы Ямилов
Бһңғырашты яраланып...

...Иске Сөрмәт Әминовты
Исән калды, тинеләр...

Башкорт халык ижадында, әлеге осракта бөйөттәрзә, Гитлерға, фашист илбасарзарына карата кулланылған эпитеттарза, сағыштырыуларза халыктың уларға кире мөнәсәбәте ярылып ята: фашист эттәр өйөрө, йөзө кара, комһоз дошман, которған эт, бетле фриц, яуыз шакал, ас бүре һ.б., ә беззәң һалдаттарға карата ихтирам һәм горурлык менән халык: арысландай, ыласын, бөркөттәр, арыслан, каплан кеүек улдарым тигән һүззәр куллана һәм улар тураһында йәнә “һуға төшһә, батмайзар, утка төшһә, янмайзар” ти. Ара-тирә бөйөттәрзә карғыш өлгөлөрә лә осрай: “Гитлер үзе янһын инде шул фронттың утында”, “”Яуыз Гитлерзәң донъяла нәселе короһон ине”, “Көһәр һукһын был фашисты – бөтөн илде талаған” һ.б.

Халыктың һуғыш осоронда кисергәндәрә бөйөттәрзә генә түгел, башка жанрзарза ла сағылыш тапқан. Әгәр бөйөттәрзә күберәк һуғыш хәлдәрән тасуирлау урын алһа, йырзарза тыуған як менән хушлашыу, һалдаттың һуғышта тыуған яғын, ғаиләһән һағыныу мотивтарына басым яһала, һуғыш хәлдәрән һүрәтлөүгә әзәрәк урын бирелә. Бөйөк Ватан һуғышы башкорт халык йырзаны репертуарында “Ватан һуғышы”, “Озаты һуғышы” һуғыш башланған тәүге көндәрзә һуғышка китеүселәрзәң һәм ауылда калыусыларзың бер-береһә менән хушлашыуына арналған. Тәүгеләрә йәғни һуғышка китеүселәр “Без китәбез Ватан һуғышына үс алырға дошман яуынан”, - тип йырлаһа, икенселәрә йәғни ауылда калыусылар: “Изге теләктәрәм шулдыр – Еңеп кайт илдәрәнә”, - ти. Шул ук вақытта халыкта һуғыштың озакка һузылырын, якын кешәһенәң исән-һау әйләнәп кайтмаясағын һизгән-дәй, кайғы, һағыш менән һуғарылған әсәрзәр зә бар (“Уйыл”, “Истәлеккә курайы калды”, “Үз илендә сәскә ине” һ.б.). Ә гөмүмән халык ижады әсәрзәрә оптимистик рух менән һуғарылған, халык беззәң армияһның дошманды еңәсәгенә, илде азат итәсәгенә тамсы ла шиклән-мәй. Еңеү килгәс, ошо оло шатлығын йырға һала һәм: “ышанысыбыз алдаманы – Еңеү менән кайттык без”, - тип горулана. Һан яғынан басылып сыккан йырзәр күп түгел, улар безгә әлбиттә барыһы ла килеп тә етмәгән, вақытында язып алынмағас онотолоуы ла ихтимал. Әммә килеп еткәндәрәнән генә сығып та ул осорзағы йырзарзың йөкмәткәһән, халыктың тын альшың самалап була. Был турала без әйтәп үттек инде.

Ватанды һаклау, азат итеү темаһы такмактарза ла сағылыш таба: “Ал бәйләйем, гөл бәйләйем/Атыңдың ялдарына./Урал бөркөтбулып ос/Фашизм яузарына”, “Ал иттек илебездә, /Гөл иттек илебездә. /Фашистарзан тапатмабыз/Без изге еребездә” һ.б. Такмактарза башкорт яугирзарының батырлығы данлана: “Ай, егеттәр, егеттәр, /Урта бармак кеүектәр. /Арысландай һуғышалар, /Усал беззәң егеттәр”, “Ал һибәләр, гөл һибәләр /Алмағас төптәрәнә./Дошман көсә етмәй икән /Башкорт егеттәрәнә”, вера в победу: “Асыл коштар басып һайрай/Бейек таузың биләнә./Фашист хужа була алмас/Изге совет иленә”, “Башкорт кызы кулдарында/Ебәк еп тотомдары./Фашистарзы тар-мар итә/Салауат токомдары”, “Беззәң аттар күк-ала./Әкрән басып күп ала./Гитлерзәң яуыз уйзары/Аяк астында кала”. Такмактарза шулай ук халык “фашист өйөрөнән”, уларзың башлығы Гитлерзан әсә келә: “Мәндем һузың таштары/Ыһны кеүек ялтгырай / Плен төшкән

фашистар / Япрак кеүек калтырай”, “Сталинградта Паулюсты / “Һыйланык, кунак иттек” / Һалам башмак кейзертеп, / Кар өстөндө бейеттек”, “Гитлерзең яҗаһы еүеш, / Тирлөп-бешеп кысқыра, / Талап алған ер-һыузары / Бары ла кулдан ысқына”. Яңы осор халык йырҙарын өйрөнөүсә ғалимдар Б.Байымов менән М.Мәмбәтов рус телендәге йырҙар томының баш һүзөндө енеү килгәс халыкта ошо әһәмиәтле тарихи вақиға тураһында халықтың әллә күпмә йыр, такмак ижад итеүе тураһында яздылар.

Йөкмәткәненә карап әсәрзең кайза ижад ителгәнән билдәләп була, йәғни Бөйөк Ватан һуғышы халык ижады әсәрҙерән ике төркөмгә: һуғыш фольклорына һәм тыл фольклорына бүлөп карау кабул ителгән. Мәс., “Хәбибә Арысланова бөйөттәрә”, “Әсәнен бөйөт-хаты”, “Сабитүлла бөйөтә” һ.б. яу яланында түгел, тылда ижад ителәүе көн кеүек асык. Йырҙарзың, такмактарзың да яу яланындамы йәки тылда ижад ителгәнән самаларға була.

Фольклор әсәрҙерәнән күренәенсә, башкорт халкы Советтар Союзының башка халыктары менән бергә үзән аямай фронтта кан түккән, тылда енеүзе яулар өсөн ал-ял белмәй эшләгән, сабыр, түземле булған.

Тарихтан билдәле булыуынса, илебездәгә һәр калаға, һәр ауылға, һәр йортка тиерлек һуғыш кайғы алып килә. Ул йылдар халык хәтерендә яқындарын юғалтыу, асылык, яланғаслыҡ, ауыр эш менән ассоциациялаша. Тылдағы тормоштон да халык ижадында сағылыш табыуы бөхәһез. Фронтка хаттар язғанда, төндәрән йөкләй алмағанда, эш араһындағы кыска ғына ял минуттары ваҡытында тыуған ул әсәрҙәр һәм тиз арала тарала, телдән-телгә күсә торған булған. Тылда, әйтөп үтәүебездә, һуғышта һөлөк булған яугирҙарзың әсәләре, катындары тарафынан бөйөттәр ижад ителә. Тылдағы тормошто “Һалдаткалар йыры” [1]. бик асык сағылдыра. Унда асылык тураһында ла, ирҙәрән һағыныу мотивы ла, ауыр хезмәт тураһында ла әйтөлә. Йәнә бер үзәктә өзгән тема – балаларзың атайһыҙ калыуы тураһында - байтак әсәрҙәр билдәле: «Баласаға һорай; “Кайза атай?” - тип, / Корбан ятып калғанын белмәй бит», “Аҡ корбандар салып туйлар инем, / Ғәзиз атакайығыҙ һау булһа”.

Шулай итеп, башкорт халык поэзияһында Бөйөк Ватан һуғышы теманы үзәнсәлекле сағылыш тапқан, байтак материал тупланған һәм әле лә йыйылыу өстөндө. Киләсәктә әйтөлгән осор башкорт халык ижадын махсус өйрөнөүселәр зә булып, ғилми хезмәттәр зә донъя күрер тигән өмөт бар.

Искәрмәләр:

*Миҗалдар барыһы ла бер китаптан алынды. Кара: Башкорт халык ижады. Совет осоро. Бөйөттәр. Йырҙар. Такмактар. /Төз. Мөхтәр Сәғитов менән Миҙхәт Мәмбәтов. – Өфө, 1981.

Башкирское народное творчество. Т.9. Песни.(Советский период)/Сост. Баимов Б.С., Мамбетов М.А. – Уфа; Башкирское издательство “Китап”, 1996. С. 130-131.

Хөсәйенова Л.М., Стәрлетамак к.

БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ ДИФТОНГЫЛАР МӘСЪӘЛӘҢЕ

Дифтонг – ул ижек әсендә бер фонема функцияһын үтәгән һузынакыларзың қушылмаһы. Төрки телдәрәндә, шул иҗәптән башкорт телендә дифтонгылар мәсәләһе тулыһынса хәл ителеп бөтмәгән. Төрки телдәрәндә икенсе компоненты j булған қушылмаларзы дифтонг тип атау кабул ителгән. Тәүге компоненты

буларак тар йәки кинь һузынкылыр килә ала. Проф. Б.А.Серебренников “Төрки телдәренә сағыштырма-тарихи грамматикаһы” (Баку, 1979) хезмәтендә түбәндәге дифтонгларҙы тарихи планда тикшерә.

aj: боронғо төрки *кајда «где», тат. кајда, казак. кајда, кум. кајда, үзб. кајда, хак. хайда, кырг. кајда һ.б.;

aj: боронғо төрки кижик «олень», сыуаш. кајък «зверь», кырг. кижик «животные», тат. киәк «дичь».

oj: тат. уна- «играть», кырг. ојно-, төр. ојна-, алт. ојно-, хак. ојна-, казак. ојна-, тув. ојна- һ.б.

Уның фекеренсә, хәзерге төрки телдәрендәге дифтонглар күпселе оракта килеп сығышы буйынса икенсел булырға тейеш.

Быларҙан тыш, тип дауам итә Б.А.Серебренников, ялған дифтонглар за бар, мәсәлән, татар. тау «гора», казак. тау, башк. һыу «вода»; татар. киәү «жених» һ.б. Был оракта һузынкы өн билабиаль өнөнән кушылған.

Башкорт телендә дифтонгларға қағылышлы мәсәләләр проф. Н.К.Дмитриев, Ж.Ф.Кейекбаев тарафынан тикшерелгән.

Проф. Н.К.Дмитриев үзенә “Башкорт телендә грамматикаһы”нда (Өфө, 1950, 2008) башкорт әзәби телендә һәм уның диалекттарында дифтонгларҙың беренсе элементы булып *a, ə, ы, у, ү, o, i* өндәре килә, икенсе элементы и-нән, йәғни й-нән (языуза: й), йәки у-нан, йәғни өнөнән тора, тип яза. Дифтонг составына инә торған был ике өн (и һәм у), билдәле булыуынса, «ижек яһай алмай торған һузынкы өн», йәки «ижекһез өн» тип исемләнеп йөрөтөлә. «Ижек яһай алмай торған» график яктан ике вариантка бүленә: 1) алғы рәт һузынкы өнө (ү); 2) артқы рәт һузынкы өнө (у).

Дифтонгларға ул түбәндәге миҫалдар килтерә:

1) *ay* дифтонгыһы: *һайрау, бау, тау, һау, башлау, карау*

2) *äy* дифтонгыһы: *берәү, йәйәү, теләү, эшләү, һөйләү*

3) *uy* дифтонгыһы: *һыу, алыу, һатыу, барыу, яғыу, укыу*

Артабан ул кайһы вақытта дифтонглар ике төшөнсәнә бер-береһәнән айырып күрһәтәү максатында кулланылыуын күрһәтә: *тыуған* (тыуған ил, тыуған ер, тыуған көн), *туған* (туған ағай, туғандаш халык, туған тел).

4) *iü* дифтонгыһы (языуза: *eü*): *бирйү* (языуза: биреү), *килий* (килеү), *билйү*(белеү)

5) *ou* дифтонгыһы: *тороу, йотоу*

6) *äy* дифтонгыһы: *йөрөү, көтөү*

Икенсе элементы «ижекһез и»-зән торған дифтонглар:

1) *ay* дифтонгыһы: *һай, ай, кайза? тай, шулай, алмай* (татар телендә: алмый)

2) *äy* дифтонгыһы: *баләкәй, изләй (эзләй), бирмәй, килмәй* (татарса: килмий, языуза: килми)

3) *uy* дифтонгыһы: *буй, туй, уй, уйын, муйыл, суйын*

4) *oy* дифтонгыһы: *койрок, бойорок, тойго, бойовоу*

5) *öy* дифтонгыһы: *көй, өй, бөйөк, өйрәк, һөйләм*

6) *iy* дифтонгыһы: *йый, һый, кыйын, кыйғыр, кыйыу*

7) *iy* дифтонгыһы (языуза: һүз башында - әй, һүз уртаһында -ей, һүз азаһында - и): *йә(әйә), йәр (әйәр), йил (әйел), тийин (тейен), ти, Вәли (әйтәлешә: Үәлий)*

8) *ий* дифтонгылы (рус һәм халык-ара һүззәр өсөн): *июнь, июль, Горький*

Проф. Н.К.Дмитриевтын фекеренсә, башкорт теле дифтонгылары, башка төрки телдәре менән сағыштырғанда, һуңырак дәүерзә барлыкка килгән. Дифтонгыларзан *ау*, мәсәлән, төрки телдәренен кыпсак тибындағыларынан башка бөтәһендә лә *аь*-ка тура килә. Мәсәлән: башкорт телендәге *һау*, *бау* һүззәре әзербайжан, төрөкмән телдәрендә: *саь*, *баь*; башкортса: *тау*, үзбәк телендә: *таь*, калғандарында - *даь*.

Проф. Ж.Ф.Кейекбаев “Башкорт теленен фонетикаһы: тасуири һәм сағыштырма-тарихи тикшеренү тәҗрибәһе” (Өфө, 1958, 2002) хезмәтендә башкорт телендәге дифтонгылар һәм уларзың тарихи үсеше һораузарын ентекле тикшерә. Уның фекеренсә, башкорт телендә, башка телдәрзәге кеүек, куш һузынкынан торған дифтонгылар бар, улар, гәзәттә, “түбәнәйүсе” (нисходящий) дифтонгылар, тип атала. Икенсе төрлө әйткәндә, дифтонгыларзың беренсе элементы һәр вақыт киң һузынкы булғанлыктан, уларзың артикуляцияһында тел менән өскә аңкау араһында аралык тар тороштан кинәйә бармай, ә үзенен тәүбаштағы киң торошонан тарайыуға табан бара. Башкорт телендә күтәрелүсе дифтонгылар рус теле аша Европа телдәренән үләштерелгән һүззәрзә генә оспрай; мәсәлән, *амплуа*, *филиал*, *пенсия*, *химия* һүззәрендәге *уа*, *иа* һәм *иа* дифтонгылары күтәрелүсе дифтонгылар һанала. Был типтағы дифтонгылар төп башкорт һүззәрендә бик һирәк оспрай.

Башкорт теле дифтонгыларының бер үзенсәнлеген айрып қарай ул: дифтонгыларға бөткән һүззәргә һузынкы өн менән башланған аффикстар кушылһа, дифтонг фонетик яктан ике элементка, йәғни ике ижеккә бүленә: дифтонгының беренсе элементы тәүге ижек яғында (уның азағында), ә икенсе элементы һуңғы ижектең беренсе элементы булып, икенсе ижек яғында қала. Икенсе ижектең башында торғанда инде ул, үзенен һузынкы *и*, *у*, *ү* өнө булыу сифатын юғалтып, тартынкы *й* һәм ярым тартынкы (орфографияла: *у*, *ү*) өндәренә әүерелә. Икенсе төрлө әйткәндә, дифтонг тарқала. Мәсәлән: *йай* (*яй*) - *йа-йы* (*я-йы*), *ай* - *а-йы*, *тау* - *та-уы*, *утау* - *у-та-уы*, *кейәү* - *ке-йә-үе* һ.б. Тимәк, тартынкы өн менән башланған аффикстар алдында торғанда ғына улар үззәренен дифтонгылығын һақлайзар һәм тарқалмайзар: *айлык*, *йәйләү*, *икәүләп*, *аузы*, *көйзө*, *куйзы*, *кайрак*, *кайһы*, *тәүлек*, *аулак* һ.б.

Ошонан сығып, ул башкорт теленен дифтонгыларын ике типка (төркөмгә) айырып өйрәнә:

1) тартынкы өндәр алдында тороп, тарқалыуға бирелмәүсән даими дифтонгылар: *майзан*, *буйзак* һ.б.;

2) һузынкы өн менән башланған аффикстар алдында тороп, фонетик яктан ике ижеккә тарқалыуы даими булмаған дифтонгылар: *бау* - *ба-уы*, *күреу* - *кү-ре-үе* һ.б.

Проф. Ж.Ф.Кейекбаев башкорт телендәге дифтонгының беренсе элементы булып *а*, *ә*, *ы*, *у*, *о*, *ө*, *е* һузынқылары, икенсе элементы булып *и* һузынқыһы (орфографияһы *й*) һәм *у*, *ү* һузынқылары йөрөүен билдәләй; беренсе элемент арткы рәт һузынқылары булһа, икенсе элемент *у* һузынқыһы була, алғы рәт һузынқылары булғанда *ү* һузынқыһы була. *У* һузынқыһы бер вақытта ла беренсе элемент була

алмай, сөнки башкорт телендә *үй* йәки *уу* дифтонгылары юк. Шулай ук у *һузынкыһы* ла икенсе элементы у өнө булған дифтонг өсөн беренсе элемент була алмай, сөнки башкортса *уу* дифтонгыһы юк. *И* *һузынкыһы* төп башкорт дифтонгылары өсөн беренсе элемент була алмай, тик үзләштерелгән һүзәрзә генә килә: *калий, кальций, Горкий*.

Икенсе элементы *и* (орфографияла: *й*) өнө булған дифтонгыларға ул түбәндәге миҫалдарзы килтерә: *ай*: бай, һыбай; *әй*: инәй, биләй; *ый*: һый, атый (мөрәжәғәт); *уй*: туй, буй; *ой*: кой, тойго; *өй*: төймә; *ей*: кей, бей; *(ий)*: калий һ.б.

Икенсе элементы *у*, *ү* өнө булған дифтонгыларға миҫалдар: *ау*: һаулык, тау; *әү*: тәүлек; *һу*: һыу, кыуғын; *оу*: тороу, йотоу; *өү*: көтөүлек, бөтөү; *еү*: килеү, кизеү, етеү һ.б.

Әйтергә кәрәк, бындай өн қушылмаларына бөткән һүзәр башкорт телендә бихисап. Мәсәлән, проф. М.Х.Әхтәмөвтың “Башкорт теленәң кайтармалы һүзеге” (Өфө, 1999) материалында —ай элементына тамамланған 116 исем теркәлгән.

Юғарыла килтерелгән фекерзәр менән тулыһынса килешеү мөмкинлегә юк, сөнки, белеүебезсә, *й*, өндәрә һузынкы өн түгел. Шуға күрә лә проф. Ә.М.Азһабаевтың “башкорт телендә дифтонгылар юк” тигән қарашы уйланырға урын барлығын белдерә. Ул үз фекерен тарихи күзлектән был өндәрзәң боронғо төрки телендәге тартынкыларзан барлыкка килеүе менән нығыта: *һыйыр, бойзай* боронғо төрки телендә *сығыр, бугдай* рәүешендә қулланылған. *Тау* һүзә боронғо төрки телендә *тағ* рәүешендә яңғыраған.

Юғары укыу йорттары өсөн язылған “Хәзерге башкорт теле. Фонетика...һүзьяһалыш” дәреслегендә (авторзари — Н.Х.Ишбулатов, М.Х.Әхтәмөв; Өфө, 2002) башкорт телендә асылда ысын дифтонгылар юк, ә ялған дифтонгылар ғына бар, тип иҫәпләргә була, тигән фекер әйтелгән. Күренеүенсә, был мәсьәлә әлегә бәхәсле қала. Юкка ғына проф. Ж.Ф.Кейекбаев “... башкорт теленәң дифтонгыларын ысын мәғәнәһе менән дифтонгылар тип қарап булмай һәм шартлыса ғына дифтонг тип қарарға мөмкин. Асылда улар дифтонгыға оқшаш қушылмалар йәки дифтонгоидтар” тигән һығымтаға килмәгәндәр.

Хужәхмәтов А., Өфө к.

ӘСӘР СЮЖЕТЫН КОРОУЗА МОНТАЖЛАУ АЛЫМЫНЫҢ ӘҢӘМИӘТЕ

Монтаж — һүрәтләгәндең логикаһына һалынмаған, әммә автор уйын һәм ассоциацияларын билдәләгән сағыштырыу һәм қаршылыктар (антитеза, контраст). Был алым айырыуса һунғы йылдарза қулланыу тапты. Ошо аспект актив булған әсәрзән композицияһын «монтажлы» тип йөрөтөү хас, йәғни әске, эмоциональ-мәғәнәһи, ассоциатив бәйләнештәр (персонаждар, вақиғалар, эпизодтар, детальдар араһындағы) әзәбиәт донъяһы кимәлендәге ойшқанлыктарзан мөһимәрәк булып сыға.

Ғүмерзәр «мозаикаһы» тип атарға була Шамил Хәзиәхмәтовтың «Кәзерлерәк кеше юк ине...» («И не было человека роднее...») тигән повесын — монтаж алымын қулланыузың тағы ла бер күркән үрнәген. Автор үз әсәрән юкка ғына «хикәйәләрзән торған повесть» тип атамаған, һәр хикәйә үзә айырым бер тулайым, әсәр

буларлык. Эммә авторзың көсө менән был хикәйәләр бер сылбырға тезелеп, бер идеяға, бер темаға хезмәт итә. Кешеләрҙен, Советтар Союзы киңлектәрәндә, үзәрәнә ят территорияларзы үзләштерәү, нефть һәм газ торбаларын һалыусыларзың тормошо һүрәтләнә. Эммә әсәр киң планлы. Тарихи экскурстар, Урта Азияның Себер, Башкортостан, Мәскәү, Ҡырым менән бәйләнеп китеүе повестка даими бөтөнлөк, даими киңлек өстәй.

Әсәрҙе «Амазонка» хикәйәһе асып ебәрә. Бынан менәр йыл элек булған хәл-вақиғаларға күз һалыу, Искәндәр Зөлкәрнәйзең (Александр Македонский) скифтар тарафтарына бәрәп инеүе, Анаксагор исемле македонлының һыбайлы катынға — амазонка тарафынан ҡулға алыныуы бәйән ителә. Амазонка унан ире өсөн үс алырға йыйырмай.

Икенсе хикәйә «Килешәү» («Согласие») иһә укыусыны безҙен көндәргә, хәзәргәгә илтә. Хананов менән Василий Шашков шул ук менәр йыл торған кая төбөндә Анна өсөн — катын өсөн араларын бүлешәүзәрә һүрәтләнә. Ир-ат тормошонда катын-кыз йоғонтоһо әсәрҙен дауамында күренә. Шуға күрә, Анна - әсәрҙәгә төп катын-кыз образы, уның характеры тәфсирләп бирелә. Батыр, көслө рухлы, һөйөүҙе алғы планға сығарған Анна бәхетен башка кешеләрҙән айырылып торған, үзенсәлекле ир-аттар араһынан һайлай. Василий Шашков, Муса Хананов, Корнелий Глотов — барыһы ла үс эштәрәнә мөккибән киткән ирҙәр. Катын-кыз һәм мөхәббәт мотивтары юл, дуслыҡ, хезмәт, батырлыҡ мотивтары менән бәйләнеп камил бер мозаика булдыралар. Роман етез темпта бара, бер-бер артлы сюжеттар үзгәрәүе, әсәр ритмының өскә арбалыуы һәм кире аҫқа төшөүе, «тулҡын» эффекттын булдыра — талғын ғына барған сюжет капыл қиҫкен характерҙағы вақиғалар менән тулыландырыла.

Монтажлау алымын оҫта кулланыу, әсәрҙең хикәйәләрҙән тороуы, әсәргә яңынан-яңы образдар индәргә мөмкинлек бирә, иҫкеләре эҙһез юғала. Мәсәлән: «Василий Шашков һавсәгдә иҫчез из городка», тип Муса Хананов тураһындағы сюжет һызығы башланып китә. Артабан хикәйәләү һиндәй генә персонаж тураһында һүз ҡуғатылмаһын, ошо көслө, әсәрҙең һеройы һимәленә күтәрелгән, характер катнашлығында бара.

Әсәр һиктәрәндә «юл хроһотобы» төп роһдә үтәй. Юл — торба һалыусыларзың бар тормошо. Юлда мажаралар, төрлө язьмыштар, хатта тарихтың куласаһы юлда. «Одиссея Фрола Ҡарпычева» хикәйәһе был йәһәттән асыҡ миҫал. Монтаж участкағы фельдһеры Валя Пахомова торба һалыусы машинист Фрол Ҡарпычевка кейәүгә сығыу тураһында хәбәр итә. Хикәйәһен урта өлөһөндә автор үзенсәлекле катын-кыз образына кылыкһырлама бирә.

Флүр Ғәлимовтың «Яңы башкорт» романы үзенең тематикаһы менән күп укыусылар өсөн яңылык булып торзо. Автор замана талабына ярашлы әзәбиәткә яңы һерой — эшкыуар образын индәрә. 90-сы йылдар башындағы реформаларҙан һуң «кырағай капитализм»дың башланыуы «әре эшкыуар», «бизнес», «валюта», «ваучер», «приватизация» һ.б атамалар артындағы хәл-вақиғаларға

алып килә. Ике котоблок күзәтелә – кемдендер әкиәттәгесә байыуы, кемдендер бөлә башлауы; халыктың аптырап, шандып калған осоро.

Эпиграфтар менән башланған публицистик характерзағы был роман үзәнә күрә башланғыс эшкыуарзар өсөн кулайлама ла булып тора. Автор үз исеменән алып бара.

«Мин һәм кәсеп, эшкыуарлык, бизнес... Был шөгөлгә тәүге тапкыр касан тотондом һун әлә?»

Китапса әйткәндә, тәүзә һүз булды... Ябай һүз түгел, хатта ташка баcкан һүз. Тәүге йыйынтығымдың баш һүзәнә «Иң куркканым – ижад итеүзән туктау»... Ә миңә Аллаһы Тәғәләм «Тукта, колом...» тигәндер, күрәһең. Алтын таузарға түгел шактай көмерәк хакка алмаштырырға тура килде... һәм... аяуһыз бизнес дингезәнә сумғанымды һизмәй зә калдым. Рәсәйзәң кырағай бизнес дарьяһына. Ун ике йыл ғүмер үткәс, сак калкып сыктым.

1998 йылдың ноябрь айында бына нимә язып куйғанмын: «Күптән индә язышкан юк. Донъя мәшәкәттәре, замананың елдауылдары мине ак кағыз һәм каурый кәләмемдән йырақлашкандан-йырақлаштыра. Күнелем иррәй...»

Шунан, йәнә бер фекер килә башыма: бизнеста булыуым миңә иc киткес зур, хатта уникаль тормош тәжрибәһе бирзә. Дөрөсөн әйткәндә, был йылдарза мин тормоштоң уртаһында қайнаным. Күпте күрзәм-кисерзәм, бихисап кешеләр менән таныштым, аралаштым.

Үзәк телевидениела «Проверено на себе» тигән қызыклы тапшырыу бар. Минәң менән дә шулайырақ килеп сыкты индә», – ти автор инеш һүзәндә. Инеш һүз укыусыларзы автор үзә йәшәп караған, һәр көнә мажара булған тормошка алып инә. Әммә ысынында автор үзәнәң исеменән башкорт эшкыуарының дөйөм образына йән өрә, уны хәрәкәтләндерә. Был шул тиклем ышандыргыс, автор был образдың тормошон хас үзә үткән кеүек итеп һүрәтләй. Был образ әсәрзәң исеме генә түгел, ә мотивы, лейтмотивы булып тора.

Әсәр – 90-сы йылдарзың хроникаһы. Бында совет осоронда ябай хезмәт менән йәшәгән берзәм халыктың таркалыу процесы, кешеләр язмышына булған кире тәҗсире, йәмғиәттәге кағизәләрзәң алмашыныуы – барыһы ла тасуирлана. Роман бүлектәрзән, бүлектәр иһә бәләкәй хикәйәләрзән тора. Бүлектәр исеме бик үзәнәлекле – «Тәүге йөз мен», «Тәүге миллион һум», «Тәүге миллион доллар». Осор символы – акса, акса артынан қыуы, аксаға табыныу кеүек мотивтар за әсәрзә асык сағыла. Әсәр геройы өсөн акса эшләү, акса һуғыу язмышына әйләнә. Һәр хикәйә – геройың үз максатына: хәлләккә, зур гаиләһен нисек тә булһа туйзырыу, ә һуңынан бизнес тигән уйында енеү дәртенә табан бер азымы.

Эпиграфтар әсәрзәң проблематикаһына аңлатма бирә: «Деньги – вещь очень важная, особенно когда их нет» (Э.М. Ремарк), «Бедность приходит к тому, кто эмоционально и интеллектуально готов с ней смириться. Богатство выбирает тех, кто готов принять»

его и наслаждаться им» (Д. Гиллес), «Мысль не свободна, если ею нельзя заработать» (Б. Рассел), «Трудное – это то, что может быть сделано немедленно. Невозможное – то, что потребует больше времени» (Д. Сантаяна). Был эпиграфтарзан күренеуенсә, автор Көнбайыш фәлсәфәһен хәзәрге Рәсәйгә, «кырағай капитализм»ға қарата куллана. Эпиграфтарзы Д. Сантаяна менән башлап куйыуы гәжәйеп. Ни эшләп Көнсығыштан фекер урын алған бында? Бәлки күп кенә Көнсығышта Япония, Кытай, Тайвань, Сингапур иктисадтарының үсешенә лә игтибарзы йәлеп итеү кәрәклеген һизгәндер автор. Бәлки языусы укыусыға: безең ил Көнбайыш менән бер рәттән Көнсығыш идеяларын да үз итеүсә, туплаусы үз аллы цивилизацияцион нигезле тип әйтергә теләйзер. Хроникаль роман икенсе фекергә якынырақтыр.

Бизнеска бәйләп автор йәмғиәттәгә башка вакифаларзы, күренештәрзе лә күз уында тота. Мәсәлән, осорзоң болғансыклығы икенсе бүлектәгә «Мәскәүгә сәйәхәт» тигән хикәйәһендә күренә. Был хикәйә шуныһы менән уникаль – Радищевтың «Из Петербурга в Москву» тигән әсәрәнә ауаздаш та, окшаш та.

Был хикәйә менән хроникаль тасуирлаузан тыш автор йәмғиәттә тыуып килгән яны қатламдың – эшкыуарзарзың ил кыйынлыктарына вайымһыз булмаузарына игтибарзы йүнәлтә.

Эшкыуарзар араһындағы әскерһез конкуренцияның булмауын, көнләшеү тойғоһонон кәслә булығын, мәсәлән, «Сезон һәм дефолт», «Сезон нәтижәләре» хикәйәләре һүрәтләй. Бында автор компаньон, партнер Азим Абдуллаев образын куллана. Сауза эшен белгән, әммә һаран, комһоз, үз һүзәндә тора белмәгән, көнләшеүсә, әскесе эшкыуар менән осраштыра автор геройын. Азим Абдуллаевка кылыкһыраманы Алексей Шибанов исемлә «бизнесмен» аша беләбез: «Саша (Пылев) менән Азимды сағыштырып буламы ни? Пылев – работаға, был уның йөзөнә язылған. Ә Азим – прирожденный торгаш... Уның һәр тине исәптә. Унан һуң ул – бик ныкшымал холокло, быуар йылан һымак. Тыумыштан торгаш булғас, сауза эшендә ул – эт бәхәтле...». Тағы бер кылыкһырама: «Азим бик эшсән, ныкшы кеше булһа ла, холконда кире яктар за етерлек: тиҫкәре, карун, алдашырға, аштырып һөйләргә ярата. Үзәнә күрә түгел, кешенән көлөргә әүәс. Иң насары: һәр вакыт үзән генә һаклы тип уйлай. Йәнә бер үзәнсәлегә бар: бәтә компаньондары менән дә дошманлашып айырылыша. Азимдың әйтеуенсә, тегеләр бәтәһә лә бик яман әзәмдәр булып сыкқан икән. Ул үзә генә якшы кеше...» Тәүзә ең һызғанып эшкә тотона, бер нисә сауза нөктәһен аса. Әммә һунынан Рәсәй эшкыуарзарына һас насар гәзәт – көнләшеү мотивын индерә, башка «бизнесмендарзын» шәһси фекерзәрен туплай автор. Киҫкен конфликт тыузырып был ике характер (герой һәм персонаж) араһында бер ниндәй зә партнерлык була алмауы күрһәтелә, уларзың юлы айырыла. «Азим куйған талаптарымды тулығынса үтәргә мәжбүр булды. Үзәнә кәрәкмәһә лә, минә үс

итеп вақ-төйәк сауза корамалдарын да тейәп алып китте..» Азим Абдуллаев менән ошоноң менән хушлашабыз.

Шуныһы гэжәйеп – беззең герой ошондай йәмғиәттә ысын шәхес, һәр кешеғә итәғәтле, ихтирамлы, ярзамсыл (меценат) булып кала белә. Быныһы үтә гэжәп хәл, сөнки халыҡ әйтмешләй: «Кемден арбаһына ултыраһың, шуның йырын йырлайһың». Әлбиттә, яңы катламдың комһозлоғо, алама фәзәттәре, көнләшеү һәм конкурентты «юк итеү» теләге геройза юк кимәлдә! Әсәрҙән был сифаты хроникаль очерктарзан (хикәйәләрҙән) торған романды нәфис әҙәбиәт өлгөнөнә әйләндерә, уйзырмаларзың да беренсе планда булыуын иҫбатлай, был геройзы автор реаль башкорт эшкыуарҙарына миҫал итеп килтерә, шуның кеүек булырға өндәй.

Композиция яғынан мозаикалы очерк-хикәйәләр тезмәнен өс прогрессив бүлеккә бәйләп төзөлгән «Яны башкорт» хроника-романы укыусы өсөн әҙәбиәттә ысынлап та яңы күренеш булып тора. Автор хроникаға бирелеп, примитив, фабуллы тасуирлауҙан котолоу юлдарын эзләй, сюжет композицияһын тулыландырып, фекерләү кеүәнен үстөрөү йәһәтенән фактик, фәмәли материал бирә. Әсәр бәхәс өсөн сәбәп тә.

Монтажлы композиция, шулай итеп, һүз ижадсыһы алдында кин перспективалар аса. Ул асыҡ рәүештә күзәтелмәгән, нигезле, үз-ара бәйләнешле күренештәрҙе образлы теркәргә, донъяны унын сифат төрлөлөгөндә һәм байлығында, капма-каршылығында һәм берҙәмлегөндә күзалларға ярзам итә.

Хәбибуллина З.Ә., Өфө к.

БАШКОРТ ДИАЛОГИК ТЕКСТАРЫНДА ФОРМАЛЬ БУЛМАҒАН БӘЙЛӘНЕШТӘР

Диалог – һөйләү телмәрәндәге коммуникацияның төп формаһы. Уларза һөйләү телмәрәнә караған барлыҡ текстарзың һызаттары ла, бары тик диалогтарға ғына хас һөйләшеү үзенсәлектәре лә сағылыш таба. Был һызаттар күпселек осрақта һөйләү дискурсының үзенсәлеге менән билдәләнә. Дискурс – экстралингвистик – прагматик, социокультур, психологик һ.б. - факторҙарзың барыһын бергә туплаған бәйләнешле текст ул [Ширяев 2001; 132]. Һөйләү дискурсында прагматик шарттар мөһим роль башкара: улар *адресант – ситуация – адресат* үзәген булдыра [Ширяев 2001; 132]. Һөйләү текстарының королошонда, бигерәк тә диалогик телмәрҙә адресант менән адресатты берләштергән апперцепцион базалары кин кулланыла.

Апперцепцион база тип һөйләшеүселәрҙән аралашыу барышында, коммуникацияның вербаль семантик-синтаксик королошо менән туранан-тура йоғонто яһашып, нисек булһа ла кушылып китә алған элекке белем байлығына, тәжрибәһенә әйтәләр [Якубинский, 1923; 9]. Апперцепцион база ике төргә - дөйөм һәм шәхси апперцепцион базаларға бүленә. Дөйөм апперцепцион база бер телдә һөйләшеүсе барлыҡ халықты йәки күпселек кешеләрҙә берләштерә. Шәхси апперцепцион база - ниндәй зә булһа берәй микроколлективка караған кешеләрҙән (ғәилә, коллегалар) шул ерлектәге белеме [Земская и др.

1981; 194-196]. Апперцепцион базаға таяныу бөтә төр һөйләү текстарының төзөлөшөндә лә күзәтелә. Шулай за, был күренеш диалогтарза айырыуса асык һәм эзмә-эзлекле сағылыш таба, сөнки, аралашыуза партнерзар берзәй тигез катнашканлыкктан, уларзын телмәр тәжрибәһе лә активлаша.

Диалогтарзын һөйләү дискурсы менән туранан-тура бәйлә булған өс үзенсәлегә бар: 1) формаль булмаған бәйләнештәр; 2) ситләтелгән телмәр акттары; 3) аралашыу постулаттары.

Был мөкәләлә без башкорт диалогик текстарында формаль булмаған бәйләнештәргә тукталасакбыз.

Диалогта һөйләшеүселәр тарафынан апперцепцион базанын кин кулланылыуы репликалар араһында семантик нигезгә королған мәғәнәүи мөнәсәбәттәр булдыра. Был осракта һөйләшеүселәрзән репликаларын бер-берәһенә бәйләр өсөн грамматик йәки башка формаль сараларзы кулланыу мотлак түгел. Сағыштырайык: - *һин ашайһыңмы?* – *Ашайым* диалогында яуап репликаһы алдағыһының синтаксик структураһына индерелгән, һәм бында грамматик бәйләнеш асыктан-асык күзгә ташлана. Аралашыу партнерзарының дөйөм апперцепцион базаһы диалог репликалары араһында мәғәнәүи бәйләнеш булдырыуза актив кулланыла:

А. Иртәгә саңғыла йөрөрбөз микән?!

Б. Егермегә тиклем етә тинеләр // (телевидениенан һауа торошон тапшырғандар)

Дөйөм апперцепцион база: *егерме градус һыуыкта саңғыла йөрөү максатка ярашлы түгел. Б репликаһының мәғәнәһе: һауа торошона бындай прогноз яһалғанда саңғыла йөрөп булырмы икән?*

А. Антырайым, нимәгә һәр бер нәмә өсөн бәхәсләшергә икән? (үсмер малай юктан ғына бәхәскә инә)

Б. Йәше шундай //

Дөйөм апперцепцион база: *үсмерзәр бәхәсләшергә ярата. Б репликаһының мәғәнәһе: Ул үсмерзәр йәшендә булған өсөн генә бәхәсләшә.*

Һөйләшеүзә диалог репликалары араһындағы формаль булмаған мәғәнәүи бәйләнеш шәхси апперцепцион база ярзамында лә башкарыла. Миҫал:

А. Булаттар төшкә килеп етергә тейеш //

Б. Карзы көрәй һалырга кәрәк //

Шәхси апперцепцион база: *Булаттар машина менән килә, ишек алдындағы һуңғы көндәрзә уяған карзы көрәмәһән, машиналарын куя алмаясактар. Б репликаһының мәғәнәһе: ишек алдын карзан тазартһан, машина куйып була.*

А. Әйзә иртәгә театрға барайык / миңә сақырыу билеты бирзеләр //

Б. Иртәгә кезазна бит //

Шәхси апперцепцион база: *Б кезазна көндәрәндә кискәһен спорт комплексына йөрөй, А был турала оноткан. Б репликаһының мәғәнәһе: иртәгә театрға бара алмайым, сөнки был вақытта мин спорт менән шөһәлләнәм.*

Диалогик текстарза формаль булмаған мәғәнәүи бәйләнештәрзән күп булыуы был репликалар араһында башка бәйләнештәр юк тигәндә аңлатмай. Яуап репликаһының тиз үзгәрәүсәнлегә, алдағы репликаһының

морфологик-синтаксик королюшона енел яраклаша алыуы быға асык мисал булып тора:

А. *Һиңә сәйзе һөтләпме?* //

Б. *Һөтләп* // Сағыштырығыз: *Миңә сәйзе һөтләп яһарға* //.

А. *Иртәгә безгә Ғалиә килә* //

Б. *Азат менәнме?* /

А. *Белмәйем, Азат бәлки эштәлер* // Сағыштырығыз: *Иртәгә безгә Ғалиә Азат менән киләме?*

Диалог репликаларын бәйләү максатында текст булдырыуға актив кулланылған прономинализация, йәки башка һүз төркөмдәрен алмаш менән биреү принцибы киң кулланыла. Был осракта алмаштың мәғәнәнән асыклар өсөн текстың башка өлөштәренә мөрәжәғәт итеү кәрәк була:

А. *Һин бөгөн үзәк базарға булаһыңмы?*

Б. *Унда ла / Сипайловола ла* //.

А. *Океан магазинына инеп берәй нәмә ал әле* //

Б. *Бер нәмә лә юк унда / яңырак кына булдым* //

Диалогик репликаларзың бындай бәйләнеше рус тел ғилемәндә киң өйрәнелгән [Земская һ.б. 191-227]. Төрки, шул иһәптән башкорт тел ғилемәндә был проблема башлыса текст синтаксисы, художестволы әзәбиәт телендәгә кәм һөйләмдәр материалында яктыртылған [Тикеев, 2002]. Тел осталары тарафынан был алым ысынлап та киң кулланыла:

Әхсән. Ул бит уға исеме менән түгел, минең кыңғырау сәскәм тип кенә өндәшә... Теге йырын да ул уға бағышлап яздыр әле...

Рәмилә. (белмәгән булып) Ниндәй йырзы?

Әхсән. Бәй, “Кыңғырау сәскә” тигән йырзы!.. (Н. Асанбаев)

Художестволы әзәбиәттә персонаждар араһындағы репликаларзың бәйләнеше тәү карашка көндәлек тормоштағы һөйләшәү телмәрендәгеләрзән айырылмай тиерлек. Әммә һөйләшәү диалогы репликаларында художестволы әсәр персонаждары репликаларында сағылмай торған тағы бер бәйләнеш сараһы – кабатлауҙар йыш кулланыла. Был бәйләнеш алдағы репликаны тулығына йәки өлөшлөтә кабатлау формаһында тормошка ашырыла.

Бындай кабатлауҙар текстың актуаль бүленеше һәм тема-рематик королюшо менән бәйле. Шуныһы иғтибарға лайык: алдағы репликаның яуап репликаһында тема булып яңғырай алырҙай компоненты ғына кабатлана ала.

Кайһы бер осракта кабатланыуысы компонентта алдағы репликала кулланылған морфологик форма тулығынсы һақлана. Был вақытта ул башка компоненттарҙан интонацион яктан айырылмаһса ла, синтагма буларак айырылырға мөмкин.

А. *Иртәгә йәрминкәгә барабызмы?*

Б. *Йәрминкәгә / әйзә* //

Әгәр кабатланыуысы компонент исем йәки сифат булып, кабатланған сакта ул төп килештә килһә, был осракта ул синтагма буларак айырыла:

А. *Кайтышлай икмәк ал әле* //

Б. *Икмәк / ярай* //

А. *Берәй ошоҙ ғына кабыз алырһың әле* //.

Б. *Ошоҙ / уныһы ниндәй була тағы?*

А. Ну / языу каҕызы / писчая / компьютер өсөн түгел //

Диалогик репликаларзың тағы бер бәйләнеше — беренсе репликаның яуап репликаһында бер ниндәй үзгәрешһез, һөйләүсе телмәрәнә яраклашмайынса, үзенсәлекле цитата булып яңғырауы, кабатлануы. Ғәзәттә бындай кабатлау эмоциональ бизәкле, цитата килтерелгән репликаның йөкмәткәненә төшөнөп етмәгәнлектән, аптырау элементтары менән әйтелә. Кайһы берзә хатта ирештерәү, үртәү кеүек яңғырай:

А. *Мин иртәгә лекцияға бармайым //*

Б. *“Мин иртәгә лекцияға бармайым” // ул нисек була инде? //*

А. *Бәрәңге әрсей тор //*

Б. *“Бәрәңге әрсей тор” // уны бөтөнләй әрсемәһәң дә ярай / йәш бәрәңге бит ул / йыуаһың да халаһың //*

Шулай итеп, һөйләшәү диалогтарында формаль булмаған бәйләнештәр киң кулланыла. Улар һөйләшәү диалогтарының эзәби телдән, йәғни художестволы эсәр персонаждары телмәрәнән нык айырылғанлығын асыҡ күрһәтә.

Әзәбиәт:

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. - М., 1981.

Тикеев Д.С. Хәзерге башкорт теле. Ябай һ/йләм синтаксисы. - Өфө, 2002. — 120-123 бб.

Хабибуллина З.А. Тыпы конситуации в разговорной речи // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы IV Международной научно-практической конференции. - Уфа, 2009. — С. 145 – 147.

Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. — М., 2001. — №1. — С. 132-147.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь, 1923. - №1.

Хәйруллина А.Й., Учалы к.

XX БЫУАТ БАШЫ БАШКОРТ ХИКӘЙӘЛӘРӘ

(Ф.Вәлиевтың "Кәмәлә" хикәйәһе миҫалында)

XX быуат башы — языусы өсөн дә, укыусы өсөн дә вакифаларға, көсөргәнешле эске үзгәрештәргә, донъяны танып белеүгә королған кисерештәргә бик бай һәм кызыу осор. Үзенә әз һанлы, әммә зур психологик һәм жанр төрлөлөгә яғынан әһәмиәтле хикәйәләре менән эзәби үзәнның үсешенә йогонто яһаусы языусылар араһында Фәйзи Вәлиев иғтибарзы йәлеп итә. Фәйзи Вәлиев (1892—1941) XX быуат башы башкорт әзәбиәтендә хикәйәсе буларак билдәле. Әсәрзәре тәү карашка йәмғиәттә "социаль заказ"ды үтәүсе хикәйә булып күренһә лә, улар араһында, укып сығыу менән, авторзың зур талант эйәһе икәнәнә инанаһың. Укымышлы һәм алдыңғы карашлы Фәйзи Вәлиевтың романтик йүнәлештә язылған "Кәмәлә" хикәйәһе бөгөнгә укыусыға өр-яңы юсығкта күрәнә һәм шуның менән отошло. Автор башкалар күрмәгән һәм иғтибар итмәгән күренеш һәм предметтарзы таныу һәләтенә эйә. Әсәр донъяһының төзөклөгөнә һәм нәфислегенә һокланырға ғына кала. Әлбиттә, вақыттар үтеү менән әсәрзәр кәзерлерәк, сағыуырак һәм киммәтлерәк булуы менән айырыла. Был йәһәттән Фәйзи Вәлиев үз заманында әзәбиәттә бик кыйыу азым яһаған: ул башкорт әзәбиәтендә катын -кыз образын бөтөнләй көтөлмәгән яктан аса һәм уға карата яңы мөнәсәбәттәр индерә. Күренекле башкорт ғалимы Вафа Әхмәзиев был хикәйәһе ярайһы ук коро һәм баһаткы кылыкһырай: "...автор, мөхәббәт менән

тәбиғәт араһындағы эске гармонияны нескә тойоп, бер-береһенә гашик ике кешенәң саф тойғоларын ғәзәтилектән һәм тормош ваклыктарынан юғары күтәргән". [1, 377] Ә асылда, ул заман көнбайыш әзәбиәте менән сағыштырып һәм бөгөнгө көн күзлегәнән сығып карағанда, был хикәйә зур драматик фәлсәфәгә королған.

Хикәйәнен башында автор төрлө саралар ярзамында укыусыны баксалағы тынлыкты тынларға сақыра: "*Бакса буш, кешеһез ине. Яңғыз кайындарзың ак һабактары аша гөл үстәрә торған туталдар (...)* күренә ине. Хәниф баксаның дурт яғын да һөзөлөп кенә карап сықты ла күзен түбәнгә текәп, күзе текәлгән ерзе таяғы берлә (берлә - менән, А.Х.) сокой, унда һызыктар яһай башланы". [2, 299] Был тынлыкта һиндәйзәр шом бар, һымак. Геройзың ошо мәлдә күнелендә тын ғына бер көрәш китә: "*Үзенә күңеле кытыклана башланы. Уның күңелендә шобһаләр (шиктәр) бер сәғәткә кәзәр һузылды*" [2, 299]

Артабан вакиғалар үзгәреше баксаға килеп ингән зонтик тоткан туташ менән бәйлә. Әминә килеп инеү менән Хәнифтен эске һәм тышкы кисерештәрә, киәфәте һүрәтләнә. Автор бик ошта итеп геройзың психологик портретын бирә: "*Уның йөзөнә капыл кызыллык йүгерзе. Өстөнә һалкын һыу койған кеүек, урынында тынысһызылана башланы. Йәне кысылды, тамырзари кысылдылар...*" [2, 299] Хикәйәлә шулай ук төрлө һүрәтләр саралары менән пейзаж, тәбиғәт күренештәрә, баксалағы ял көнә матур бирелгән. Бигерәк тә һыу өстөн һүрәтләнәндә авторзың нескә күнеллә рәссам икәнлегә күренә. Ул яр ситенән карап тороусы күзе менән ике донъя күрә. Береһе - ер өстөндәгә тәбиғи донъя, икенсәһе - шул өстәгә донъяның һыузағы шәүләһе, хыяллы донъя. Был ике донъяның күктәрә, қояштары бер-береһенә қаршы тора; ағастары, ярзари тискәрә торалар. Шулай итеп, геройзар ййлап реаль донъянан хыял донъяһына күсеп киткән һымак, хатта қолақка сихри гәлсәр тамсы тауыштары ишетелгән һымак. Автор, тәбиғәт - кеше параллелдәрә үткәрәп, укыусыны реаль ысынбарлыктан уйзар һәм билдәһез кисерештәр фантазияһына алып китә. Бында ул бик ошта деталдәр менән эш итә: йәшлектә генә шундай әскерһез, саф булған тойғо — тәүгә мөхәббәт тойғоларын кисерәү, тәүгә үбешәү, тәүгә тән һәм йән яқынлығы... Был кисерештәр беззән герой өсөн йәндән дә киммәт, донъянан да, хатта намаззан да зур һәм изгә. Геройзарзың икеһе лә хәллә, дини гаиләнән, шулай ук мәсеткә йөрөү, көнөнә биш тапқыр намаз укыу, көрән қитабын, ислам динә канундарын тормошта төп кағизә итеп қабул итеү — улар өсөн иман. Шуның йөзөндә тәүгә мөхәббәт тойғоларын бирәү фәйзаһына намаз менән сағыштырыу үткәрәү — автор тарафынан эшләнгән үзенә күрә бик кыйыу алым.

Артабан вакиғалар уй-кисерештәрзә һүрәтләүзән конкрет хәрәкәттәргә, күренештәргә күсә. Автор, Хәнифтен эске һәм тышкы донъяһын геройзың монологы аша яқтыртһа, Әминәнән тойғоларын ул портрет һүрәтләмәһенә һала: "*Әминәнән йөзө, қояш байығанда күктә торған болот төслә янып алланған, күззәрә һыуға текәлгән, керпектәрә қурһашланған кеүек ауырайған... Хәниф уның тыныс, шаянға маил йөзөнә, йәшел үлән араһында әз генә бөгөлөп торған зифа буйына қараны. Әминәнән қул менән һызып қуйылған кеүек қара қаштары озон керпектәр араһынан күккә қарап торған уйынсақ уйсан күззәрә, беишкән ал-ма күек*

тулы һәм алһыу йөзө, ал гөл сәскәһе, һелкәнер-һелкәнмәс торһан ирендәре, иң осо ғына бер нөктә менән бөткән баләкәй эйәге...¹⁶ [2, 305] Уның таланты портретик конкретлаштырыуға ла асыҡ күренә. Геройың һәр ағзаһы үзаллы "хәрәкәт" итә башлай: кулдар һарылды, ирендәр һибелдәләр, ике йөрәк берләшер өсөн кысылдылар, тауыштар бер-береһен тынлай, күкрәк ул хәтле берләшергә ирек бирмәне, ике вәжүд (вәжүдтән. А.Х.) бергә кушылды һ.б. һ.б. Ике йәш йөрәктән хыял донһяһы менән реаль ысынбарлыҡты бергә кушып "һөйөү шишмәһенен һыуарын үз теләктәре менән эскәндә" тәбиғәт тә бер мөлгә тынып калһандай: "...йылымыс елдәр курка-курка ғына иҫеп киттеләр. Сәскәләр, үләндәр әкрән генә баштарын эйзе-ләр, ағас япрактары колактан-колакка ғына шыбырҙай башла-һылар." [2, 306] Кешеләр менән тәбиғәттен шундай гармонияһы бер ваҡытта ла бөтмәҫ кеүек күренһә лә, көн кискә ауышыу менән, әҫәрҙә киләһе күренешкә күсеш композицион яктан бик оҫта башҡарылған һәм бында сюжеттын башында йөрөгән шик-шөбһә, һиндәйҙер шом үсә төшә. Сөнки укыуһы хикәйә-һен башында ук һағайып калһайны. Һағайыу шомға әйләнәү кызыл, кара төстәр биреләүҙә, Ағизел өстөндә томан күтәрелә-үендә, кояштын байыуында күренә. Укыуһыны һиндәйҙер интриғаға йүнәлтәү автор тарафынан баштан ук каралһайны, бындай сюжет алымдары ХХ быуат башы хикәйәләре өсөн яһы түгел. Көнбайыш әҙбиәтендә үрҙә әйтәп үтелгән Мопассан, урыҫ әҙбиәтендә хикәйәләр оҫтаһы Чеховта күрәбәз ундай алымдарҙы. Ләкин башҡорт авторҙары өсөн был бик кыйыу, шул ук ваҡытта талантлы азым, сөнки катын-кыҙ образдарын бирәү — быллай за эһ еһелдән түгеллеген иҫәпкә алһанда һәм интим, бик үк моралгә һыйып бөтмәгән юсыҡта яҡтыртыуға һиндәйҙер бер кимәлдә кыйыулыҡ күрһәтергә кәрәк булһандыр, бәлки. Туған әҙбиәтенен өлгөлөрөн юғары классик хикәйәләр менән бер рәткә куйып, уларҙан сюжет-композицион алымдар, тел-һүрәтлөү сараларын һуғарып, укыуһының аң кимәленә йоғонто яһай алыуһы менән дә кәҙерле Фәйзи Вәлиевтын ижады.

Әҙбиәт:

Башҡорт әҙбиәте тарихы. Алты томда. 2 том. ХХ быуат башы әҙбиәте. — Өфө, 1990й.
 Башҡорт әҙбиәте. ХХ быуат башы. Икенсе китап. Проза. Драматургия. — Өфө, 1984
 Ги де Мопассан. Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 1. — М, 1992.
 Кунафин Г.С. Поэтическое эхо прошлого. — Уфа, 2004.

Шамина Л. А., г. Новосибирск

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУВИНСКОГО СИНТАКСИСА НА СИБИРСКОМ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОМ ФОНЕ

Объект настоящего исследования — сложное предложение (СП) в тюркских языках Южной Сибири (ТЯЮС) — предполагает наличие в нем двух предикативных узлов, причем таких, ни один из которых не содержит в себе компонента, входящего в другой предикативный узел. В результате приложения этого принципа к нашему материалу, с учетом важного и обязательного принципа биситуативности, вводим термин «бипредикативная конструкция» [Шамина 2004]. Бипредикативность присуща многим конструкциям: временным, условным, причинным, уступительным. Биномы распадаются на разносубъектные и моносубъектные, причем по моделям разносубъектных, то есть собственно

сложных, всегда можно построить и моносубъектную фразу, но не наоборот.

Этому строгому требованию отвечают далеко не все русские предложения, обычно относимые к сложным. Например, в предложениях типа 'То, что ты задерживаешься на работе, мне совсем не нравится' зависимая предикативная единица выступает в функции подлежащего по отношению к сказуемому главной *не нравится*. Но русская традиция признает его сложным, а тюркская скорее нет. Но термина для подобных конструкций нет.

Теоретической базой для исследования языков Сибири традиционно является русистика, в которой выработаны принципы классификации тех или иных объектов, в частности принципы классификации сложных предложений.

Однако механическое перенесение всех достижений русистики на материал языков других систем часто оказывается невозможным.

Отношения между событиями, которые в русской грамматике составляют основу семантических типов союзных СП, в тюркских языках выражаются без помощи союзов. Ясно, что формы, содержащие такие показатели связи, не могут быть сказуемыми простого предложения (ПП), они называются инфинитными. К числу инфинитных форм принадлежат формы косвенных наклонений, деепричастия, а также причастия. Известно, что тюркские причастия свободно функционируют как сказуемые ПП.

Центральным механизмом зависимой предикации в тюркских языках Южной Сибири являются монофинитные БПК с инфинитными формами зависимых сказуемых. Бифинитные конструкции с аналитическими показателями связи в этой системе периферийны.

Инфинитными формами тюркские причастия становятся, в частности, принимая падежное и притяжательное оформление. Это дало основание говорить о склонении предикативных причастий, или о предикативном склонении [Убряткова 1976; Черемисина 1979]. Предикативное склонение является центральным механизмом тюркского гипотаксиса. Современные тюркские языки используют разные способы выражения отношений между событиями, в том числе союзное соединение предикативных частей по классическому европейскому типу. Но основная масса моделей СП прямо или опосредованно связана с предикативным склонением, с использованием падежных аффиксов для связи не словоформ, а частей СП. Выделяются две подсистемы причастного предикативного склонения. В каждой из них действуют собственные внутренние закономерности – в строении зависимой предикативной единицы (ЗПЕ), в использовании падежных, причастных форм, в характере временных значений причастий и т.д.

Первая подсистема представлена БПК, выражающими модус-диктумные отношения (выполняющими роль подлежащего и дополнения). Ядро этой подсистемы составляют винительный и неопределенный падежи. Аккузатив используется для формирования таких БПК, в которых отношения между зависимой и главной ПЕ определяются как управление.

(1) Тув.: *Бичимден-не өкүс калганымна сенээ чугааладым* (ССА, с. 45).
'Я рассказал тебе о том, что с детства стал сиротой.'

Между падежом, которым глагол управляет, и его семантикой существует строгое соответствие. Причастие в форме аккумулятива управляется переходными глаголами с семантикой «оперирования информацией». Причастие в форме датива управляется непереходными глаголами с семантикой эмоциональной реакции. Бипредикативные конструкции с причастием в форме номинатива обозначают реакцию (чаще всего эмоциональную) на некоторый стимул, который выражен подлежащим.

Вторая подсистема представлена БПК с диктум-диктумными (обстоятельственными) ЗПЕ. Ядро этой системы составляют местный, дательный, исходный и творительный падежи. Тип связи между зависимой и главной ПЕ в таких конструкциях определяется как примыкание, поскольку использование падежа обусловлено не требованием главного предиката, а значением всей БПК.

(2) Хак.: *Олар парыбысханда, Салар хан апсах аңчыларға хабар*
'Когда они пришли, Салах хан охотникам весть дал.'

Релятивные (атрибутивные) БПК составляют особый структурно-семантический тип, отличный от диктум-диктумных и модус-диктумных БПК. Сказуемым ЗПЕ в них служат несклоняемые и неспрягаемые причастные формы, примыкающие к определяемому.

(3) Алт.: *Жайлуныг ичиге барган Жаан жолло кўнүн ле сайын кызыл черүлердин кошторы чойшижип тургандар* (ЛК, АК, с. 26).

По большой дороге, которая шла через Дьайлу, каждый день тянулись обозы Красной Армии'.

Проведенное исследование показало, что существует связь между типом формальной организации БПК и характером их синтаксической семантики. Важная закономерность темпоральных БПК состоит в том, что, чем проще формальное устройство конструкции, тем более разнообразное содержание она позволяет выразить [Шамина 1987; 2001]. Самыми простыми являются конструкции с деепричастными формами сказуемого ЗПЕ. Эти формы способны выражать не только временные отношения между событиями, но и широкий спектр других отношений: причинные, уступительные и т.д.

Чем сложнее выражаемые конструкцией семантические отношения между событиями, тем, как правило, сложнее оказывается ее структурная организация. Причастно-падежные темпоральные формы без послелогов передают значения более простые, менее дифференцированные, нежели с послелогоми.

Системная организация БПК обусловленности трех тюркских языков характеризуется принципиальной общностью: синтетические БПК с синтетико-аналитическим подтипом в плане выражения противопоставлены аналитическим.

Наряду со сходствами обнаружены индивидуальные особенности этих конструкций. Тувинские БПК обусловленности отличаются от своих аналогов в хакасском и алтайском языках вхождением целого ряда послеложных форм и аналитических связующих элементов союзного типа, либо заимствованных, либо созданных из собственных ресурсов языка.

Литература:

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск, 1984.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск, 1986.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1–2. – Новосибирск, 1976.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. – Новосибирск, 1979.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. – Новосибирск, 2004.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. – Новосибирск, 1987.

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. – Новосибирск, 2001.

Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири. Автореф. дис. докт. филол. н. – Новосибирск, 2004.

Шулунова Л. В., г. Улан-Удэ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В БУРЯТИИ: ИСТОКИ И СОСТОЯНИЕ

Характерной чертой бурятского этноса было то, что он фактически никогда не представлял собой единого экономического и политического организма, это было связано с разбросанностью проживания бурят. Дисперсное расселение бурят было обусловлено, прежде всего, историческими факторами; причины внутренней дифференциации этноса лежали в сложившихся формах админис-тративного управления территориями бурят, проживавших вокруг озера Байкал. Как известно, при принятии русского подданства бурятами край управлялся из Енисейска и Якутска, а с образованием Иркутского воеводства (1672 г.) в его состав вошли Верхоленский, Балаганский и Идинский остроги и Бирюльская слобода, расположенные в Предбайкалье (западные буряты), а затем Верхнеангарский, Баргузинский, Баунтовский, Удинский, Селенгинский, Итанцинский, Кабанский, Еравнинский остроги Западного Забайкалья. Восточное Забайкалье управлялось из Нерчинска. Буряты, проживающие как в Западном, так и в восточном Забайкалье, известны как восточные буряты. Во второй половине XVIII в. раздельное управление западными и восточными бурятами сохраняется.

С 40-х гг. XVIII в. бурятским населением управляют специально созданные «конторы», первой из которых являлась Онинская контора одиннадцати хоринских родов. Эти конторы с течением времени, согласно «Уставу об управлении инородцами» (1822 г.), стали называться Степными думами во главе с тайшами (родовые князья, главы административных ведомств). В Иркутской губернии их насчитывалось семь (в период с 1886 по 1890 гг. они были ликвидированы): Аларская, Балаганская, Верхнеленская, Идинская, Ольхонская, Кудинская, Тункинская. В Забайкалье в 1851 г. из Верхнеудинского и Нерчинского острогов была образована Забайкальская область с административным центром в Чите, а в 1884 г. она вошла в состав Приамурского генерал-губернаторства. Также в Забайкалье было четыре округа, где проживали буряты: Баргузинский (Баргузинская степная дума), Верхнеудинский (Хоринская степная дума), Селенгинский (Селенгинская и Кударинская степные думы), Читинский (Агинская и Урульгинская степные думы) [Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX – первая треть XX веков) / П. К. Варнаровский, Г. А. Дырхеева,

Т.Д. Скрынникова, 2003]. Великая Октябрьская революция внесла свою лепту в дальнейшее административное перекраивание Байкальского региона. В 1920 г. с приходом Красной армии в Верхнеудинск западная часть бурят вошла в состав РСФСР, а восточная — в Дальневосточную республику (ДВР). 27 апреля 1921 г. в составе ДВР была создана Бурят-Монгольская автономная область. В 1922 г. ДВР была упразднена, и 30 мая 1923 г. обе бурятские автономные области объединились в Бурят-Монгольскую АССР с административным центром в Верхнеудинске (Улан-Удэ), просуществовавшую в этих границах до 1937 г. [Бурятская этничность в контексте..., 2003, с.222].

Административное разделение обусловило не только внутреннюю этнодифференциацию, но также и культурные различия. Хотя исторические данные свидетельствуют, что деление бурят на западных (предбайкальских) и восточных (забайкальских) было обусловлено не столько географическим местоположением относительно озера Байкал, сколько отличиями, вызванными этногенетическим фактором сосуществования разных антропологических типов, которые являлись носителями различных культурных традиций. Как отмечается исследователями, вопрос о реконструкции путей этно- и культурогенеза бурятского народа до конца не изучен и вызывает много спорных моментов. Известно также, что среди бурят существовало разделение по вероисповеданию: западные буряты под влиянием русских были обращены в христианство: «Западные буряты считались православными, носили русские фамилии, имена, но образ мышления оставался шаманистским — здесь шаманизм продолжал существовать в почти неизменном виде» [Галданова, Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее / Сибирь: этносы и культуры (традиционная культура бурят). — Вып.3. 1998, с.34].

Восточные буряты, частично представлявшие собой выходцев из Монголии, по данным многих исследований, восприняли в качестве религии буддизм в форме ламаизма в XVII в., а вместе с ним монгольскую письменность и буддийскую культуру через дацаны — центры образования. В то время как западная часть бурят приняла православие через церкви и монастыри, русское письмо через расширенную сеть церковно-приходских и светских школ, а монгольская письменность, как и буддизм, не были восприняты. В то же время буряты-ламаисты исповедовали также и шаманизм. Все это не могло не привести к образованию у западных и восточных бурят некоторых отличий в их картинах мира, но при этом именно шаманизм продолжал выступать объединяющим звеном.

Конец XIX—начало XX вв. характеризуется разложением традиционного общества и традиционного уклада жизни бурят. Документальные источники свидетельствуют о бедственном положении, убожестве и бесперспективности жизни бурятских простолудинов. Возможно, этим можно объяснить то обстоятельство, что буряты активно включились в преобразовательные процессы.

Интеграция в российские образовательные и культурные системы отвечала интересам как отдельных людей, так и бурятского общества в целом, что неизбежно было сопряжено с непредсказуемыми для бурятского языка и культуры последствиями. В дальнейшем

наблюдаются перипетии его функционирования в связи с различием в уровнях развитости русского и бурятского языков. Более того, русский язык, благодаря его социокультурной роли в бурятском обществе с диалектной пестротой последнего, фактически стал выполнять функцию национального языка, языка общения разнодиалектных бурят. Поэтому во многом попытки обсуждать, пересматривать тот или иной бурятский диалект в качестве национального выглядят искусственными и практически бесперспективными. Стремительному распространению русского языка среди бурятского населения в начале модернизационных процессов способствовала индивидуальная предрасположенность: преобразование бурятского общества делало возможной социальную мобильность, а русский язык представлял собой необходимый для этого ресурс. Такова была историческая цена выживания бурят, историческая цена становления общества, нуждавшегося в активном углублении процесса интеграции в российское государство.

Длительное или постоянное пребывание бурят в городе имело жесткие ограничения культурного характера. В связи с этим процесс массовой урбанизации на начальном этапе предполагал наличие определенных путей. Такими путями были: по возрастному параметру – молодежь, по деятельности – образование, управление и культура. Этот внутриэтнический сегмент имел решающее значение для социокультурного становления бурят в целом, так как в силу характера деятельности и возрастного параметра он был наиболее мобильным и коммуникативным. По сути, эти люди были тем ядром, которое создавало вокруг себя силовое поле притяжения для тех, кто был наиболее чувствительным к духу обновления и перемен и в то же время все еще находился на территории традиционности (общности, хозяйства, культуры).

Ранее буряты представляли собой немногочисленный этнос в многонациональной России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., буряты впервые вошли в группу наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации, численность которых превысила четырехсоттысячный рубеж, составив 445,2 тыс. человек, и возросла на 6,6 % по сравнению с данными переписи 1989 г. Из 23 многочисленных национальностей России буряты находятся на 19 месте [Национальный состав населения Республики Бурятия. Аналит. записки / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2005, с.8]. Итак, буряты представляют собой этнос, проживающий в трех субъектах Российской Федерации: Республика Бурятия, Иркутская область и Забайкальский край. В Республике Бурятия, название которой образовано от этнонима «бурят», по данным переписи 1989 г., при общей численности населения в 1 038 252 человека насчитывалось 249 525 бурят, из которых 111 069 бурят жили в городах, а 138 456 бурят – на селе. По данным переписи 2002 г., при общей численности 981 238 человек насчитывается 272 910 бурят.

В столице республики г. Улан-Удэ проживало 74 243 буряты (перепись 1989 г.). В соседних областях в местах компактного проживания бурят были образованы автономные округа (национальные территориально-административные субъекты Федерации). Так, в

Иркутской области бурятское население насчитывало 81 тыс. человек, в том числе 49,3 тыс. человек в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, в Иркутске – 7 тыс. человек. В Читинской области проживало 66,6 тыс. бурят, включая 42,4 тыс. человек, населяющих Агинский Бурятский автономный округ, в г. Чите представителей бурятского этноса было 4719 человек [Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1991]. Миграционные процессы в Советском Союзе привели к снижению удельного веса бурят на территории республики до 25 % в 1989 г., тогда как в 1923 г., в период образования Бурят-Монгольской АССР, буряты составляли 55% от общего населения республики. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., доля бурят в Республике Бурятия составляет 27,8 %. За период с 1989 г. по 2002 г. общая численность бурят в России увеличилась на 23 тыс. человек и составила 445,2 тыс. человек за счет естественного и миграционного прироста. Миграция бурят в Республику Бурятия наблюдалась в основном из Агинского и Усть-Ордынского Бурятских автономных округов. Кроме того, изменениям подверглась и социальная структура общества, в связи с индустриализацией, урбанизацией появилось городское бурятское население, чего не наблюдалось до 1917 г. «Сегодня доля горожан-бурят составляет 45%, доля сельчан – 55%» [Елаев А.А., Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994, с.306]. Таким образом, в настоящее время буряты представляют собой единый этнос в составе многонационального государства, обособившись от монгольского мира и начав свое собственное развитие в рамках российской социально-политической общности.

Чайчина Е. В., г. Горно-Алтайск

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ С АТРИБУТИВНЫМ ОТНОШЕНИЕМ КОМПОНЕНТОВ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном алтайском языке значительное количество сложных слов образовано на основе атрибутивных отношений компонентов, когда первый компонент выступает в роли атрибута (определения) второго компонента. Между компонентами сложного слова нет живой атрибутивной связи, о ней можно говорить лишь условно, в плане соответствия отношений элементов сложных слов отношениям слов атрибутивных словосочетаний.

В образовании сложных существительных с атрибутивным отношением компонентов участвуют, как правило, две словоформы. Безусловно, между компонентами сложных слов, как и между другими единицами языка, существуют взаимоотношения, которые выражаются в избирательности компонентов по их грамматическому признаку и лексическому содержанию. Из-за лексического и грамматического сопротивления не любое слово может выступать в качестве компонента того или иного сложного слова [Ганиев 1982, 18].

Материал исследования получен путем сплошной выборки из словарей: «Ойротско-русский», «Алтайско-русский», «Алтайско-

русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая», «Морфемный словарь алтайского языка».

Сложные слова такой структуры в алтайском языке встречаются в разных тематических группах.

В настоящей статье рассматриваются некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия растений в алтайском языке.

1. В роли атрибута выступают названия животных разных размеров, а в качестве определяемого названия растений. Размер животного соотносится с размером растений. Например:

кой 'овца' + *арчын* 'можжевельник' → *кой арчын* 'можжевельник казахский';

ат 'лошадь' + *арчын* 'можжевельник' → *ат арчын* 'можжевельник ложноказацкий'.

Н. А. Яимова [Яимова 1990, 229] в своей работе приводит такие слова как: *өркө мангыр* досл. 'суслик – слизун, разновидность мелкого слизуна': *Өркө мангыр деп, байла, жабырактары кичинек, оогошсымак учун адаган* – '(букв. Слизун – суслик) так назвали, наверное, из-за маленьких, мелковатых листьев'.

кой мангыр 'слизун, овечий слизун' (*кой* 'овца' *мангыр* 'слизун'); *ат мангыр* досл. 'конь – слизун, разновидность слизуна с широкими листьями'.

М. В. Сумачакова [Сумачакова 2005, 37] тоже отмечает, что в литературном алтайском языке кроме общего названия *мангыр*, имеются лексемы, обозначающие такие разновидности 'слизуна' как: *ат мангыр* и *кой мангыр*. В «Алтайско-русском словаре животного и растительного мира Горного Алтая» *ат мангыр* не зафиксирован.

Атрибут – название животного может присоединяться к слову *жишлек*, которое в алтайском языке в настоящее время получило значение 'ягода', а название 'земляника', которая сохранилась в турецком, туркменском, гагаузском языках *jegelek* [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, 140], реализуется в составе сложного слова – *жер жишлек*.

кой 'овца' + *жишлек* 'ягода' → *кой жишлек* 'клубника';

уй 'корова' + *жишлек* 'ягода' → *уй жишлек* 'малина'.

Такой способ, указывающий на размер объекта, может употребляться и в других случаях, например, в обозначении музыкального инструмента: *буура комус* 'варган, металлический музыкальный инструмент (большой комус)' ← *буура* 'самец верблюда' + *комус* 'варган';

ат комус 'варган, металлический музыкальный инструмент (средней величины)' ← *ат* 'лошадь' + *комус* 'варган';

кой комус 'варган, металлический музыкальный инструмент (маленький)' ← *кой* 'овца' + *комус* 'варган'.

Комус на русский язык переводится как 'варган, металлический музыкальный инструмент в форме небольшой подковы с тонким металлическим язычком, припаянным к середине ее; при исполнении вкладывается в рот, звуки же извлекаются колебанием язычка пальцами' [Баскаков 1947, 86].

2. Следующий тип сложных слов образуется по модели:

анатомический термин + название части растения → название растения.

тамыр ‘артерия, кровеносные сосуды’ + *жалбырак* ‘лист’ → *тамыр жалбырак* ‘подорожник’.

Другое название подорожника *тамыр өлөн*, где вторым компонентом является общее название травы *өлөн*.

тамыр ‘артерия, кровеносные сосуды’ + *өлөн* ‘трава, сено’ → *тамыр өлөн* ‘подорожник’.

Tatur имеет два основных значения: 1. корень растения и 2. кровеносный сосуд, вена, артерия. Авторы СИГТЯ пишут, что трудно сказать, какое из этих значений является исходным [Сравнительно-историческая грамматика...2001, 108]. В восприятии носителей языка в качестве атрибута выступает слово со значением жила.

В словаре В. В. Радлова подорожник дается как *jol оды*. В роли атрибута выступает пространственный артефакт. Это сложное слово образовано по модели изафета (*jol* ‘дорога’ + *от* ‘трава’ + =ы (аффикс принадлежности 3-го лица)). Данное название связано с тем, что подорожник растет по обочинам. Эта внутренняя форма присуща и русскому названию этого растения.

В современном алтайском языке данное сложное слово уже не встречается, также исчезло из лексики название травы *от* вытесненное словом *өлөн*.

3. В следующей группе сложных слов атрибут это – имена прилагательные с семантикой цветообозначения, второй компонент обозначает название типа растений или видовое название.

ак ‘белый’ + *баргаа* ‘сорная трава, бурьян’ → *ак баргаа* ‘полынь шелковистая’, *кызыл* ‘красный’ + *тал* ‘тальник’ → *кызыл тал* ‘верба’.

В алтайском языке по данной модели также образуются ботанические термины, при образовании ботанических терминов этот способ широко распространен.

ак ‘белый’ + *өлөн* ‘трава, сено’ → *ак өлөн* ‘пырей ползучий’, *ак* ‘белый’ + *терек* ‘тополь’ → *ак терек* ‘тополь белый’, *кара* ‘черный’ + *жыраа* ‘кустарник’ → *кара жыраа* ‘береза круглолистная, ерник’, *кара* ‘черный’ + *тал* ‘тальник’ → *кара тал* ‘черноголовник’, *кара* ‘черный’ + *өлөн* ‘трава, сено’ → *кара өлөн* ‘потнишник (вид осоки)’, *кара* ‘черный’ + *торбос* ‘мох’ → *кара торбос* ‘черника обыкновенная’.

В «Ойротско-русском словаре» *торбос* дается в значении ‘мох’. В настоящее время лексема *торбос* в современном алтайском языке не встречается, вытеснена, словом *женес*. Также носители языка в своей речи не употребляют это название ягоды, пользуясь русским аналогом.

Итак, в данной работе мы рассмотрели некоторые способы образования сложных слов с общей семантикой названия растений. В роли атрибута выступают название животных разных размеров и имена прилагательные с семантикой цветообозначения в одном случае – анатомический термин. Из проанализированного материала можно сделать вывод о том, что сложные слова в алтайском языке со значением названия растений характерны для литературного языка и широко используются при создании ботанических терминов.

Литература:

Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного Алтая / под. ред. А. А. Ачимовой. – Горно-Алтайск, 2007.

- Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. М.: Наука, 1982.
- Морфемный словарь алтайского языка / Сост. А. Т. Тыбыкова, Дж. Б. Вуд, К. К. Пиантинова, Л. Н. Тыбыкова, Г. Вуд. Горно-Алтайск, 2005.
- Ойротско-русский словарь / Сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Тошчакова. М, 1947.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб, 1905. Т. III.
- Русско-алтайский словарь / Сост. Н. А. Баскаков. — М., 1964.
- Сумачакова М. В. Название растений в чалканском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2005. Вып. 17.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.
- Яймова Н. А. Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 1990.

Чумарина Г.Р., г. Казань

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЭЛЕКТРОННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

За последние годы мы стали свидетелями эволюции автоматизированной лингвистики: смещение интереса от чисто грамматического аспекта языка к лексике и к большим корпусам текстов. Мы присутствуем при так называемой параллельной эволюции, которая идет от «игрушечных систем» к развитию экспертных систем (более мощных, но работающих в лимитированном секторе и с большим словарным составом), и, далее, к очень большим системам, таким как «Система автоматизированного перевода», где выдвигаются требования к словарю с большим реальным объемом и необходимость общих знаний о мире. Эти две основные тенденции, выдвинутые как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практического применения, имели результат в том, что работа с лексикой стала модной, особенно работа с корпусом текстов. Появилась необходимость иметь не только обширную информатизированную лексику или лексические базы данных, но также лексику, где даже будет эксплицирована семантическая информация, то есть, большие базы лексических знаний.

Эволюция лексикографии и электронной лексикологии за последние годы может быть описана следующим образом:

— начнем с 1970-х гг. с машинных словарей (Machine Readable Dictionaries), простые последовательные предметы, хорошо проиллюстрированные фотокомпозицией;

— в начале 1980-х гг., лексические базы данных являются более структурированными с многоуровневым подходом к данным, интерактивные по своей природе и часто содержащие эксплицитную таксономию или иерархии.

— в конце 1980-х гг., в базе лексических знаний является не только иерархии, но и другие типы лексических/семантических отношений между концептуальными категориями формализованы; построены новые уровни доступа к данным и внедрены механизмы интерференции и дедукции (обычно в форме концептуальных систем). В настоящее время, приоритетной целью является создание широкого поля лингвистических знаний, в форме лингвистических описаний, как можно более полных и используемых многократно, структурированных в большую базу лингвистических знаний или в разные типы связанных между собой лингвистических баз (базы грамматических знаний, лексических, текстуальных).

Теперь перейдем к факту, что лексикография (являясь профессией языковой индустрии) имеет очень долгую традицию, и создание языковой базы данных с подобающим содержанием и размерами является очень затратной, и требует много времени.

Из-за многочисленных источников машинных словарей, мы получаем лексическую информацию, в многоязыковом контексте, для того, чтобы создать единую многоязыковую базу лексических знаний. База знаний будет иметь тогда свой источник в общей связанной концептуальной/семантической структуре, и, определяя смысл отдельных слов в исследуемых языках, будут довольно богатые возможности для поддержания интенсивной модели глубоких знаний в разработке языка. Она включает в себя основной общий словарь с фонологической, морфологической, синтаксической и семантико-прагматической информацией, ассоциирующейся, способной расширяться в лексических составляющих с большой вариативностью практических систем языкового процесса. [Bugaraev, 1988].

При реорганизации машинных словарей в таксономической структуре, машинные словари используют как источник знаний, но одним возможным способом их получить, исходя из концепта (в индуктивной форме), то есть, связывая эту концепт со всеми его примерами; все примеры одной категории/класса являются частями и связанным ансамблем с их гиперонимией.

В подходе базы лексических знаний, словарь считается самым эффективным механизмом классификации, то есть как эмпирический метод для иллюстрации концептов и разных типов лексических/семантических отношений [Calzolari, Picchi, 1988].

Наш методологический подход следующий:

— начать с определений в свободном тексте, в естественном языке и в линейной форме;

— проанализировать их структуру и содержание с точки зрения лингвистической и информативной;

— трансформировать их и реорганизовать их в эквивалентные форматы с точки зрения информативных узловых составляющих и отношений;

Но что касается информативного аспекта, пункт 3) подразделяется на следующие этапы:

А) проанализировать вход словаря, уметь анализировать словарь, то есть узнавать главным образом в лексическом входе разные значимые части;

Б) создать лексический вход со структурой в форме татарского языка;

С) сделать морфологический анализ и проявить не двусмысленность омографов, то есть добавить определение грамматических категорий;

Д) после этих предварительных этапов, принять технику производства, адаптированную к очень простому синтаксическому анализу, который сможет признать приблизительно номинальную синтагму и препозиционную синтагму.

Наиболее эффективным инструментом является механизм образцов, которые поддерживаются:

— результатами, полученными при работе с данными словаря в языковой базе данных таким способом, чтобы получить слова и ассоциации слова, которые являются наиболее интересные;
— подсчет частоты определений, слов и синтагм, и, конечно,
— интуиция лингвиста.

Так как в базе общих знаний мы выходим за пределы таксономии, устанавливаются многие виды ассоциаций, представленные в концептуальной сети, и во время перехода из одноязычной среды в многоязычную, ассоциации между разными языками также реализуются. Эти ассоциации (что касается некоторых частей языка приводимых к общей серии концептов и отношений) сохраняются через общую концептуальную сеть в действии в разных языках, но внутри одной линии поиска, то есть в попытке упорядочения в семантической цепи:

- * по одинаковым знаниям о мире;
- * по схожим целям;
- * с одинаковой методологией;
- * исходя из одного типа источников (машинные словари);
- * внутри одного типа презентации.

Итак, общая семантическая цепь становится совмещения результатов, реализуемый с помощью стратегии получения знаний, применимых к некоторому числу разных, но однородных источников, и многоязыковая среда создаст банк эффективных способов для развития этой стратегии проекта и использования части базы языковых знаний.

Литература:

- Татар теленен анлатмалы сузлеге: 3 т./ Татар теленен анлатмалы сузлеге. —Казан: Тат.кит.нәшр., 1981, -т.3.
Хисамлва Ф.М. Татар теле морфологиясе / Ф.М. Хисамова. — Казан: Мэгариф, 2006.
Татар грамматикасы: 3т./Татар грамматикасы.-М.: Инсан; Казан: Фикер, 2002.
Татар грамматикасы: 3т./Татар грамматикасы.-М.: Инсан; Казан: Фикер, 1998.
Леонтьева Н.Н. К теории автоматического понимания естественных текстов. Часть 2. Семантические словари: состав, структура, методика создания. М., 2000
С.Д. Шеллов. Теория терминоведения и терминологическая лексикография: соотношение в терминологической базе данных.. в кн.: Проблемы прикладной лингвистики. Выпуск 2. М., 2004.
Howard Jackson. *Lexicography* Routledge: 2002. 198 pgs
Bougarav B., Briscoae E.J. Computational Lexicography for Natural Language Processing, Longman, London. 1989
Calzolari N., Picchi E. Acquisition of Semantic Information from an on-line Dictionary. Proceedings of the 12th International Conference on Computational Linguistics. Budapest. p. 87-92. 1988.
<http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Larchenkov.htm>

Шагеев Р.Ш., г. Алметьевск

ОТРАЖЕНИЕ УРАЛО-АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ В ТАТАРСКОЙ МИКРОТОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале Закамья Татарстана)

Микротопонимическая система татарского языка формировалась в течение длительного периода в своеобразных историко-географических и лингвистических условиях. Поэтому она неоднобразна по происхождению и времени возникновения.

Корни татарского народа и татарского языка уходят в глубокую древность. Как известно, татарский язык входит в тюркскую семью

языков. Тюркские языки, в свою очередь, совместно с монгольскими языками и тунгусо-манчжурскими, образуют алтайскую общность.

В татарском языкознании вопрос о функционировании довольно значительного количество общеалтайских географических терминов в татарском и монгольском языках анализировался в трудах Г.Ф. Саггарова, Ф.Г. Гариповой, Р.З. Шакурова, К. Конкобаева, Э.М. Мурзаева и др.

Мирное развитие культуры и экономики населения Волжской Булгарии было прервано монгольским нашествием. В 1236 году монгольским войскам удается разрушить города Булгар, Сувар, Ашил и самый крупный город Европы Биляр. Это нашествие значительной степени сузило ее территорию, прекратило процесс консолидации тюркских племен Поволжья и Приуралья вокруг Булгарского государства.

По завещанию Чингиз-хана в завоеванных монголами землях Восточной Европы из местных народов под властью чингизидов создается государство, называемое Джучиев улус, по имени сына Чингиз-хана Джучи. Страна именуется Дешт-и Кыпчак (Кыпчакские степи), ибо здесь все местные тюркские племена носили общий этноним кыпчак (кыу-сак «белые саки») [Закиев 1995, 17].

Но это не говорит, что монголизмы вошли в тюркские языки после завоевания Чингиз-хана. Как пишет А.М. Щербак, последствия тюркско-монгольских контактов оставили заметный след и в монгольских, и в тюркских языках; иными словами, влияния осуществлялись и в том, и в другом направлениях. Однако в период до XIII в. явно преобладала тюркско-монгольская направленность их: в древнетюркском языке слова монгольского происхождения встречаются в предельно ограниченном количестве, случаи заимствования их просто единичны [Щербак 2005, 14].

Поэтому тюркские элементы следует рассматривать как очень древние, оставшиеся от домонгольского периода, когда территория Монголии была заселена различными тюркскими кочевыми племенами. На западе сказалось также влияние и современных тюркских народов, оставляющих свои следы в топонимике края. Примерами тюркских названий могут служить следующие географические имена: р. Байдарик (богатая долина или ущелье - Бай-дере, Бай-дара), р. Ак-су (белая вода, река), оз. Хубсугул, неправильно записанное русскими путешественниками в форме Косогол (Хоб-су-гол, многоводное озеро), хребет Хэнтэй, Кентей или Гентей (ср. Гюятей или Гюней-солнечный) [<http://www.steppe.konvent.ru/materials/landnames.shtml>].

В исследуемом регионе часть микротопонимических апеллятивов уходят в тюркско-монгольскую (возможно, и алтайскую) языковую общность [Молчанова 2004, 163]. Эти географические номенклатурные термины общие для монгольских и тюркских или для монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Или, в татарском языкознании их называют урало-алтайской общностью.

В составе микротопонимов исследуемого региона представлено ур. – алт. *Со (су) ~ са* «река, речка, ермак»; монг. *ус (усу)* — вода: *Атау су буе* «побережье острова» (Урсалбаш, Альм. р.), *Буа суы* «вода пруда» (Давлятово, К.Исмагилово, Альм. р.), *Әжми суы* “досл. вода Әжми” (Алькеево, Азн. р.) и др. Имеются названия с геоботаническим орографическим термином *орман ~ урман* «лес», который по генезису

относится к ур.—алт. пласту: *Кадермэт урманы* «лес Кадермета» (Керлигач, Лен. р.), *Каришы урман* «лес, который напротив» (Кичучат, Альм. р., Керлигач, Лен. р.) и др.

Орографического термина *алан* «поляна» современного татарского языка Э.В.Севортыян [Севортыян 1974, 135] и Г.Ф.Саттаров [Саттаров 1998, 352] относят к урало—алтайскому общности. Ср.: монг. и бурят. языках аглак — 1) не дотронутое место; 2) безлюдное место. В татарском языке аулак — 1) спокойное, безлюдное место. В регионе в составе с орографическим термином *аклан, алан, ялан (йалан)* микропонимы *Дөя суйган алан* «поляна, где зарезали верблюда» (Карабаш, Буг. р.), *Дәү алан* «большая поляна» (Тайсуганово, Альм. р.) и др. Общий для тюркских и монгольских языков термин *кыр* «поле» зафиксирован в микропонимах региона *Кыр ягы* «полевая сторона» (Бишмунча, Альм. р.), *Банкир кыры* «поле банкира» (Урмышла, Лен. р.), *Олы кыр* «большое поле» (Ст.Байсарово, Азн. р.) и др. Монг. *кира* — «горный хребет»; бурят. *хяра* — «горный хребет»; халха монг. *кэр, хээр* — «поле, открытое место», «степь».

Географические термины *арка* «спина, хребет», *аркан* «попутный», *арт* «зад» считаются алтайского происхождения. Термин *арка* «спина, хребет» во всех тюркских, а также монгол., бурят. языках обозначает тот же смысл. Монг. *ар* — «задняя, тыльная сторона, спина, север»; бурят. *ара* — 1) «задняя (или теневая) сторона; северная сторона горы»; 2) «зад, спина, север»; тунгус. *аркан* — «спина, хребет», эвенк. *аркан* — «спина, плечо, лопатка».

Они встречаются в составе микропонимов *Аркакүл* «озеро—хребет» (Маметьево, Альм. р.), *Аркасаз* «болото—хребет» (Ниж. Мактама, Альм. р.), *Арт урам* «задняя улица» (Сапеево, Азн. р.), *Артикы басу* «заднее поле» (Таллы Буляк, Азн. р.), *Мөктәп арты* «досл. Задняя сторона школы» (Кичучат, Альм. р.) и др.

В исследуемом регионе есть микропонимы, обозначающие цвета географического объекта. В этих названиях содержится указание на внешнюю окраску объекта. Для обозначения цвета географических объектов употребляются многие цветообозначающие слова. В составе микропонимов региона есть цветообозначающие слова общее и для тюркских и для монгольских языков. По татарский *кара* — «черный»; монг. *хара* — «черный». *Кара яр* «черный берег» (Чуб. Абдул, Азн. р.), *Кара кое чиймәсе* «родник черного колодца» (Уразаево, Азн. р.); татар. *Көрән* — «коричневый»; монг. *хурэн* — «коричневый». *Көрән бакча* — назв. горы «коричневый сад» (Каенлы Кюл, Азн. р.); татар. *сары* — «желтый»; *шара* — «желтый». *Сары тау* «желтая гора» (Шугурово, Лен. р.), *Сары үлән аланы* «поляна желтый травы» (Сапеево, Азн. р.); татар. *Зәңгәр* — «голубой»; *цэнхэр* — «голубой». *Зәңгәр күл* «голубое озеро» (Курмаш, Сарм. р.), *Зәңгәр тау* «голубая гора» (Салих, Бав. р.), *Зәңгәр чиймә* «голубой ключ» (Тумытык, Азн. р.).

Таким образом, в ранний период тюркско—монгольских контактов, т.е. до XIII в., общее в тюркских и монгольских языках представляет собой значительный пласт лексики и грамматических форм в микропонимии, образование которого происходило в ходе продолжительного и интенсивного одностороннего влияния, влияния тюркских языков на монгольские.

Литература:

- Закиев М.З. Этногенез и основные вехи развития булгаро-татар // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.12-94.
- Молчанова О.Т. Творческая одержимость // Творческие ступени. Фирдаус Гарипова. Библиографический указатель. — Казань, 2004. — С.162-164.
- Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе. — Казань, 1998.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974.
- Шербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. — СПб., 2005.
- <http://www.steppe.konvent.ru/materials/landnames.shtml>.

Экба З.Н., г. Москва

ПЕРСИДСКОЕ جان [ǰAN] В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В современных тюркских языках широкое распространение имеет заимствованное из персидского слово *ǰan* (*jan*) в значениях 'душа, дух; жизнь'. Употребление этой лексемы в памятниках древнетюркской письменности позволяет утверждать, что она относится к числу довольно ранних заимствований. Так, например, в поэме Ахмеда Югнекского «Подарок истин» (памятник XI-XII вв.) находим: *oquyli kişiniñ s vünsün ǰanı* 'пусть возрадуется душа человека, читающего [эту поэму]'. В нанганском списке «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагунского (памятник того же периода) можем прочесть: *quruǰ qaldı kalbüd uçur bardı ǰan / bajat bildi qanča barıñ rsä ǰan* 'когда душа улетает, тело остается пустым / [один] бог ведает, куда уходит душа' [ДТС, 640].

В этом значении данное слово унаследовали языки северо-западной, юго-восточной и юго-западной групп современных тюркских языков, традиционно считающихся подвергшимися арабско-персидскому влиянию. Языки названных групп образуют многочисленные словосочетания, как именные, так и глагольные, а также имеют богатую фразеологию с компонентом *ǰan* (*jan*). Анализ этих словосочетаний позволяет нам утверждать, что в языках отразилось представление человека о душе как об отдельном, живом, самостоятельно существующем субстрате, противопоставленном физическому телу: *баш.* - *йән эйһе* 'живое существо' (букв. 'хозяин души'), *баш.* *йәне бар, кир., каз., ккалт.* *жаны бар, уйг.* *жени бар*, — живой (букв. 'имеющий душу'), *кирг.* *жан* — ооруган жерде 'душа [находится] там, где боли' (по старым поверьям, болит не тело, а душа), *аман болсун жандарып* — фольк. 'желаю вам здоровья и благополучия' (букв. 'да будут благополучны ваши души'); *туркм.* *жаным сув устунде* — 'у меня душа не на месте' (букв. 'у меня душа над водой'); *каз.* *жаны киналды* — 'он измучился' (букв. 'душа его измучилась'); *ккалт.* — *жан алъыш, тур.* *сан аlicı* — 'ангел смерти' (букв. 'забирающий душу'); *тур.* *санına basmak* — 'наступить на большое место' (букв. 'наступить на его душу'), *сан kulađı ile dinlemek* — 'превратиться в слух' (букв. 'слушать ушами своей души'), *санı оунamak* — 'содрогаться от страха, ужаса' (букв. 'душа танцует'), *санı уанmak* — 'испытывать острую боль' (букв. 'душа его горит'), *санı уегине gelmek* — 'прийти в себя, опомниться от испуга или страха' (букв. 'душа его вернулась на место').

Большинство вышеуказанных языков образуют глагольные сочетания *ǰan bir-* а) 'оживить' (букв. 'дать душу'), б) 'умереть' (букв. 'отдать [богу] душу'); *ǰan sat-* 'потерять совесть' (букв. 'продать душу');

žan in- (žan gir-) а) ‘шевелиться’ (о плоде в утробе, букв. ‘душа проникла’); б) ‘ожить, воспрянуть духом’; žani al- а) ‘убивать, уничтожать’ (букв. ‘забирать душу’), б) ‘надоедать’ (букв. ‘вынимать душу’); žani big- а) ‘умереть, погибнуть ради кого/чего-то’ (букв. ‘отдать душу’), б) ‘вложить душу в кого/что-либо’; žan tart- ‘испытывать влечение, расположение к кому/чему-либо’ (букв. ‘душа тянется’) и др., буквальный перевод которых подтверждает вышеуказанное положение.

Практически во всех современных языках сохранилось глагольное сочетание žan čiq- ‘испускать дух’, которое употреблялось еще в памятниках древнетюркской письменности: kimij dğü atı bilä čiqsa žan / k silmäs anij atı dğü du’an ‘кто умирает, обладая добрым именем, / слава того сохранится (букв. не прервется) в добрых молитвах’ (Наманганский список «Кутаду билиг») [ДТС, 640], однако в них, помимо основного, развились разнообразные переносные значения: *башк.* йән сығыу – ‘доходить до изнеможения, изнуряться’; *ккалт.* жаны шыкты – ‘он торопится’; *узб., кирг.* жаны чыкты – ‘он вышел из себя’; *уйг.* – аччифидни жени чикип кетти – ‘он сильно разгневался’; *туркм.* жан чекмек – ‘стараться изо всех сил, прилагать усилия’; *узб.* жоным чикиб кетди – ‘я сильно испугался, я страшно разозлился, расшвирился’, *тур.* canı çikmak – ‘сильно измучиться, выбиться из сил, измотаться’. В узбекском языке есть поговорка Оларда – кирар жоним, берарда – чиқар жоним ‘Беру с охотой, а как отдавать – душа из меня вон’, а у туркмен есть выражение, близкое по значению русскому ‘в чем только душа держится’: Буруны сыксап жаны чыкжак – букв. ‘защечи нос – испустит дух’.

Очень интересным образом проявляется в тюркских языках фразеологизм, соответствующий русскому ‘душа в пятки ушла’: *ккалт.* жаным козиме коринди – букв. ‘моя душа показалась перед глазами’ и жаным тобеме шыкты – букв. ‘у меня душа на макушку вылезла’; *узб.* жоним чикиб кетди – букв. ‘душа моя вышла [из меня]’; *кирг.* жаны тобусоно чыкты ‘душа его на макушку вылезла’ и жаны кулагынын учуна чыкты – ‘душа его вылезла на кончики ушей’, *тур.* canı ağzına geldi – ‘душа в рот [его] пришла’ и *тур. устар.* canı başına sıçradı – ‘душа прыгнула в голову’. В башкирско-русском словаре в качестве соответствия этому русскому фразеологизму приводится йөнде уска (или ус төбөнө) алыу – букв. ‘взять душу в ладонь’ (или ‘держат душу на ладони’) [БРС, 251], однако, на наш взгляд, это выражение больше соответствует русскому ‘душа на волоске держится’. В подтверждении этому можно привести поговорку: Кемеге менгенден йөне ус тобонде – ‘У плывущего на лодке душа на волоске держится’ (по всей видимости, в старину такой способ передвижения считался очень опасным, что и нашло свое отражение в языке). Подобная идиома есть и в киргизском: Жаны колунун учунда – ‘он еле жив’, букв. ‘его душа на конце руки его’ [КРС, 227], а в турецком это же понятие выражается фразой canı cebinde – букв. ‘его душа у него в кармане’. Интересно, что в самом персидском языке есть идиомы, в буквальном переводе означающие ‘держат душу в ладони руки’ и ‘держат душу в рукаве’, но фактически они имеют значение ‘быть готовым отдать свою жизнь, положить свою душу за кого или что-то’ [ПРС, 1976, 205].

Наибольшим разнообразием в области фразеологии относительно рассматриваемой нами лексики обладает турецкий язык. Помимо упомянутой выше идиомы *canı ağzına gelmek* – ‘сильно испугаться’ (букв. ‘душа в рот [его] пришла’), употребляются *canı boğaza gelmek* – ‘измучиться, вымотаться, сильно устать, дойти до крайней точки [от мучений, страданий]’ (букв. ‘душа в горло пришла’); *canını burnuna (burnundan) getirmek* – ‘доводить, изводить, мучить, терзать, выматывать душу’ (букв. ‘вытащить его душу через нос’); *canını dişine almak (takmak)* – ‘рисковать, идти на риск’ (букв. ‘взять душу в зубы’), помимо этого значения, отмеченного в словаре [ГРС, 142-143], по нашим наблюдениям, более употребительным является ‘усердно трудиться, работать, не покладая рук’; *can dudağına gelmek* – а) ‘сильно испугаться’, б) ‘потерять терпение, выдержку’ (букв. ‘душа в губы пришла’); *can boğazdan gecer (gelir)* – ‘душа жива горлом’ (букв. ‘душа приходит через горло’), т.е. чтобы жить, надо есть.

В древнетюркских памятниках имели место парное сочетание *žan rävan* ‘душа, дух; жизнь’: *bajat berdi rdi añar žan rävan* ‘творец дал ему душу тленную’ (Гератский список «Кутадгу Билиг») и композит *žan sür-* ‘вести жизнь, жить’: *žil altnış eki rdi tört jüz bilä / bu söz sözlädim m n tutup žan sürä* ‘был год четыреста шестьдесят второй, / [когда] я сказал это слово, пребывая в жизни’ (Каирский список «Кутадгу Билиг»), рефлексы которых в современных языках нам обнаружить не удалось. Напротив, повсеместно распространены рефлексы древнетюркского *žanlıy* ‘живой, одушевленный; живое существо’: *seziksiz ölüm bir kün aхіr k lir / tirilmiš bu žanlıy žanın alyalir* ‘несомненно, когда-нибудь придет смерть, / заберет души [всех] живущих живых существ’ (Наманганский список «Кутадгу Билиг») [ДТС, 640]. В основном они проявляются в прямых значениях «живой, одушевленный» и «любящий, сострадающий», а также переносном «живой, яркий, выразительный», в отдельных языках – *баиш*. йенлек, *тат*. женлек – ‘зверь, звериный’, а в узбекском проявляется сакральное значение этого слова – жонлик – ‘домашнее животное или птица, предназначенная в жертву духам’ [УзРС, 155].

Здесь мы вплотную приближаемся к вопросу о том, почему при наличии исконного пратюркского *qut ‘дух, душа, жизненная сила’ заимствование из персидского *žan* получило столь широкое распространение в тюркских языках. На наш взгляд, слово *qut* на ряду со значениями ‘дух, душа’ в приоритетной степени употреблялось в сакральных значениях ‘жизненная сила’, ‘плодородная сила’, ‘потенция жизни’ и однозначно восходит к очень древнему, языческому периоду развития пратюркского этноса [Тадинова, Экба 2008, 237-243], в то время как заимствование *žan*, скорее всего, связано с более поздним распространением ислама и арабо-персидского влияния на тюркские языки. Подтверждением этой гипотезы является и тот факт, что тюркские языки не заимствовали из персидского такие значения этого слова, как «отец демонов», «название существ, обитавших в мире до человека» [ППАРС, 425], «духи, сказочные существа, населявшие землю до сотворения Адама» [ГРС, 205], так как древние тюрки имели собственную, хорошо развитую систему религиозных представлений и соответствующую лексику в языке [СИГТЯ 2006, 562-628].

В заключении следует отметить, что во всех вышеперечисленных тюркских языках *жап* входит в состав многочисленных личных имен, как женских, так и мужских – *кирг.* Бекжан ‘крепкая душа’, Жанузак – ‘долгая душа, которой предопределено долго жить’, *баш.* Йентир – ‘железная душа’, Йенбике – ‘душечка’, *кум.* Жанболат – ‘стальная, крепкая душа’, *тат.* Батыржан – ‘богатырская душа’ и многих других. Кроме того, парные сочетания с компонентом *жап* часто встречаются в фольклоре: *кирг.* кара жан – ‘черная душа’, алтын жан – ‘золотая душа’, кайран жан – ‘милая душа’, таттуу жан – ‘сладкая душа’, кулдой жан – ‘душа, подобная цветку’ и т.д. Очень широкое распространение как в разговорном языке, так и в поэзии, песнях, языке фольклора получило ласковое обращение *жапим* – ‘душа моя’, причем оно употребляется не только в тюркских, но и в языках других групп – таджикском, армянском и пр.

Литература и условные сокращения:

- БРС - Башкирско-русский словарь (под ред. З.Г.Уракина). М., 1996.
 БТРС – Большой турецко-русский словарь (сост. Н.А.Басакаков и др.) М., 1998.
 ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 ККРС – Краткий казахско-русский словарь (сост. Г.Бегалиев и др.). Алма-Ата, 1959.
 ККПРС – Каракалпакско-русский словарь (под ред. Н.А.Басакакова). М., 1958.
 КРС – Киргизско-русский словарь (сост. К.К.Юдахин). Фрунзе, 1985. Т.1.
 ППАРС – Полный персидско-арабско-русский словарь (сост. И.Д.Ягелло). Ташкент, 1910.
 ПРС – Персидско-русский словарь (сост. М.А.Гаффаров). М., 1976, Т.1.
 СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюрк-ский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М., 2006.
 Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1979.
 Тадинова Р.А., Экба З.Н. Понятие *kut в пратюркской языковой картине мира // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной юбилею Т.М.Гарипова. Т. II, Уфа, 2008.
 ТРС – Туркменско-русский словарь (под ред. Н.А.Басакакова и др.) М., 1968.
 УзРС – Узбекско-русский словарь (под ред. С.Ф.Акобиров и др.) Ташкент, 1988.
 УРС – Уйгурско-русский словарь (сост. Э.Н.Наджиб). М., 1968.

Юлдыбаева Г.В., Өфө к.

ХЭЗЕРГЕ БАШКОРТ ХАЛЫК ИЖАДЫНДА ИМ-ТОМ

Хэзерге башкорт халык ижадында мөнәжәт, бәйет, ышаныузар, гөрөф-гәзәт, тыйыу кеүек жанрлар менән бер рәттән им-томдар за тоторокло һаклана. Йыйыу менән бер рәттән, им-томдарзы фәнни яктан өйрәнү тәҗрибәһе лә ярайһы ғына. Был жанр төрө Ф.Ф.Хисамитдинова тарафынан төрлө йылдарза йыйылып, айырым бер китап булып донъя күрһә, “БХИ: Йола фольклоры”, һунғы йылдарза басылған “Экспедиция материалдары” йыйынтыктарында зур ғына урын алды. Өйрәнү өлкәһенә килгәндә Ф. Б.Хөсәйенов, А. М.Сөләймәнов, Б. С.Байымов, З.И. Минлебаеваның күләмле генә мәкәләләре, йәнә Ф. Ф.Хисамитдинова, Р. А.Солтангәрәева, Г.Р.Хөсәйенованың кайһы бер күзәтеүзәре булһа, йәш ғалимә Г. Г.Исхакованың кандидатлык эшендә им-том төп тикшерү объекты булып тора, Г. М.Батыршинаның иһә бала табыуға им-томға бәйле күзәтеүзәре бар.

Борон-борондан кешеләр төрлө дауалау юлдары эзләгәндәр. Тормош үзә кешенә әйләнә-тирәнә файзаланырға, тойорға өйрәткән. Ер, һыу, һауа, хайуандар һәм үсемлектәр донъяһы, таштар, металдар – барыһы ла кешегә хезмәт иткән. Яйлап-яйлап ошо нигеззә дауалау тәҗрибәһе тулланған.

Им-томды ике өлөшкө бүлөп карарға була: уның магик йөкмөткөчө һәм йола-ригуал өлөшө. Магик йөкмөткө текст аша бирелә, борон имселәр текст кеше менән донъя араһындағы бәйләнеште, тылсым көсө туюзыра, тип уйлағандар. Имсе имдең ике өлөшөн дә тулыһынса белергә тейеш, уларҙың береһе үтәлмәгән осракта, дауалау файҙа килтермәйәсәк, тигәндәр.

Без эшлэгән райондарҙың һәр ауылында кулы, тыны, име килешкән имселәр, кендек әбейҙәре ораны.

Улар, әлбиттә, тәү күргән кеше менән бик асылып һөйләшеп бармайҙар, дауалау серҙәрен һөйләүгә лә һарандар. Сөнки, борондан килгән гөрөф-ғәзәт буйынса, улар үзҙәренең эшен дауам итә алырлыҡ, кулы котло, тыны килешкән, яҡын күрөп ышанған кешеләренә генә өйрәтөп, аманат итеп қалдыралар. Шулай быуындан-быуынға тапшырыла килә им-том серҙәре. Халыҡ телендә, игезәк малай тапқан катындың, йәһиһә йылан менән баканы айырған катын-кыҙҙың кулы имле булып, тигән ышаныстар за йөрөй.

Экспедициялар мәлендә йыйылған им-томдарҙы балаларҙы һәм ололарҙы имләүгә бүлөп қарап булып ине. Әлбиттә, бер мәкәләлә генә бар материалды сағылдырып булмай.

Борон бала табырға тулғақлағанда тәүҙә кендек әбейен ярҙамға сақырғандар. Улар катын-кыҙға еңеллек килһен өсөн, “Аллаһы Тәғәлә үзөн бәйләгән төйөндәрҙә үзөн сис”, — тип һамақлап, катындың сәс толомон һүткәндәр, төймәләрен ысқындырғандар. Кейезгә һалып та аунатқандар, был осрақта эс қуҙғалып, бала бәуеләп урынына килә икән, йәһиһә туһнаға типтерткәндәр, қайһы бер осрақтарҙа уның аша ирен атлатып сығарғандар, йәнәһе ошо вақытта, катынға көс килә икән.

Катын-кыҙҙың һуңғылығын кендек әбейҙәре йыуып, таза аҡ сепрәккә төрөп, кеше аяғы баһмаған ергә күмгәндәр, аяҡ астында тапалһа, катын эс ауырыулы булып, тигәндәр. Йәһиһә қоштар алып китһен, тип, көртә, қапка башына қуйғандар.

Оло быуын кешеләре һөйләүенсә, борон йәш әсәнә, баланы ун көнгә тиклем кендек әбейҙәре тәрбиәләгән, мунса индергәндәр, яман күзҙәрҙән һақлағандар, қайһы бер осрақтарҙа тәрбиә бер айға тиклем һузылған. Бала тапқан вақытта өзлөккән катынды имләгәндәр: мунсала катынды арқаһына һузып һалып, аяҡ осонан башлап һыйпап: Аяҡ бармақтарындан имләйем, балтырындан имләйем, тубығындан имләйем, йыуан ботондан имләйем, ян башындан имләйем, һырт һөйәктәрәндән имләйем, бөйөрҙәрәндән имләйем, арқа-ларындан имләйем, қулбашындан имләйем, муйын һөйәк-тәрәндән имләйем, елкәләрәндән имләйем, баштарындан имләйем, тип, һамақлағандар. Им килешһә, катын бер мунсала һауыға, килешмәһә, өс мунсаға тиклем керетергә көрәк, қайһы бер райондарҙа имләү вақытында: өзлөк имләйем, 141 тамыры өзөлгән, йыртылған, быуылған, тартылған, шуларҙы ялғайым, алғайым. Хозайым, мин ярҙам итәм, һин дә миңә ярҙам ит, - тип ялбарғандар.

Свердловск өлкәһендә информант, тәүге мунсала баланы койондорорға әзерләгән һыуға, фәрештәләр ғүмер һалып китә, кеше ошо ғүмерә бөткәнсә йәшәй, тигән ине. Шуның өсөн сабыйҙы озон ғүмер, һаулыҡ теләп койондорғандар. Баланың тәнәнә теләһә һиндәй сарпыу(ауырыу) сығмаһын өсөн, һыуға тары һалғандар, арқаһын йөн

баҫһа, ул йөндө “тынғыһыз йөн”, тип, кендек әбей теле менән ялап төкөргән.

Җың тыуған баланы сабындырыу иһә үзе бер матур йолаға әүерелгән. Оло быуын кешеләре әйтеүенсә, һамаклап сабындырыу - ул сабый сактан баланы тәрбиәләй башлау сараһы. Хозайзың теләктәр қабул итә торған сәғәттәре була, шуның өсөн һәр вакыт матур һүззәр әйтәп, теләктәр теләп йөрөргә кәрәк, тизәр. Һамаклап сабындырған бала, бәләкәйзән теләктәр ишетәп, аңына һендерәп, киләсәктә йәшәү өсөн көс, тәрбиә ала. Мәсәлән, бер һисә теләк һамағы өлгәһә: ата-инән йолаһы, пәйғәмбәрзән коласы, окша инәнә, окша атана, окша якшыларға, ышан якшыларға, атаң ярған утын түгел, инәнә ятқан мунса түгел, яндырам, көйзәрәм, һоп-һоп-һоп-һоп, йәиһә: миһәң кулдарым түгел, Ғәйшә-Фатима кулдары. Картты күрһән, какырма, йәште күрһән, акырма, тәмле телле, тәүфиклы бул. Был миһәңдарзә күзгә ташланып торған үзәнсәлек бар, халык араһында таралған күп кенә имләү, өшкөрөү, ырымдарзә Ғәйшә-Фатима исемдәре телгә алына. Кайһы бер райондарзә Ғәйшә-Батман, Ғәйшә-Батима, тип тө әйтәләр. Ғәрәп сығанаклы был исемдәрзә (Ғәйшә - Мөхәммәт бәйғәмбәрзән катыны, ә Фатима - кызының исеме), боронғолар оло һаклык менән әйтәләр, зур тылсым көсөнә әйә, тип аңлаталар. Имләгәндә, ошо исемдәрзә кушып әйткәндә, һүззән, дауаның көсә артыуына ышаналар.

Борондан сабыйзы кырк көн үтмәйенсә кеше күзәнә күрһәтмәгәндәр, “каты күз ағасты коротор”, тип, күз тейәүзән һаклағандар. Әгәр зә индә, күз тейәүзән бала бер туктауһыз илаһа, сабыйзың ике күзән дә алмаш-тилмәш һурып үбәп, һулакай яруыны аша өс мәртәбә төкөрөп, күлдәк итәгенәң һул яктағы тиһкәрәһә менән сабыйзың битән һыпыраһың. Бынан һуң, итәкә һык иттерәп теһшәп, тағы ла яруын аша төкөрәп: күзән артыңа китһән, тип һамаклайзар(4), йәиһә һык күз тейгәндә, баланы ла, катынды ла таң һыуы менән қойондоралар. Иһәк тотқаларын, тәзрәләрзә сайқап, шул һыу менән баланың битән, тәндәрән һөртөп: кара күззәрзән, зәңгәр күззәрзән, йәшәл күззәрзән, һорә күззәрзән, ай қайт, көн қайт, қилгән қунақтар за қайта, һин дә қайт, һин қайтмаһан, миһә оят. Хайран телем һур булды, миһәң қулым түгел, Ғәйшә-Фатима қулы; һыузан қилһән, һыуға қит, елдән қилһән, елгә қит, таузан қилһән, тауға қит, ерзән қилһән, ергә қит, имә-йоһо шул булһын, Ер кендеге шул булыр, - тип, өшкөрөүзәр зә оһрай.

Әш мәләндә бүһәр имләү серзәрән дә иһәтергә тура қилә. Бүһәр имләгәндә: қас, бүһәр, қас, бүһәр, Қафтау артына қит, бүһәр, йәиһә: ал бүһәр, бүл бүһәр, қырк тырнак, қорһак бүк, қирә урынына қерәп ят, и-ха-хай, – тип, һамаклап, миһәң(япрак) менән сабалар.

Бала сакта төрлә ауырыулар сығыусан була, был өлкәлә лә им-томдың үз серзәрә бар. Мәсәлән, қызылса(қызамык) сыққан балаға өндәһәргә ярамай, уны йылы итәп, қызылға төрәп ятқуларал, йәки “қызамык” бутқайһы бешерәп, қош-қортқа аһатырға бағана башына қуялар. Аскын районында, қызылса менән ауырығанда, мунса яғып, “Қызамык әбей” баланы мунсаға алып қерә икән. Уның үзәнә мунса миһәңдеге(япрак) әзәрләп қуялар. Әзәрләп қуймаһан, балаға зыян қиләүе бар. “Қызамык әбей” тип, қызылса ауырыуынан дауаларға қилгән әбейзә әйтәләр. Һары ауырыуынан иһә туғыз төрлә һары сәскәнән

төнәтмә яһап эсереп, тәненә һөртәһең, шул төнәтмәле һыу менән койондораһың, йәки баланың тәненә көнбағыш һарыһы һөрткәндәр, кайһы бер якта өс тауыктың күкәйен бешереп, һарыһын ғына ашаткандар. Һыу сәсәге менән ауырығанда тары ярмаһы ебетеп, шуның менән койондорғандар.

Имсе әбейзәр һөйләүенсә, балаға уза алмаған катындарзы имләрзән алда, тәүзә әсе төшмәгәнме, кендеге боролғанмы икәнән белеү мөһим. Бының өсөн имсе, катын-кыззың ятқан хәлдә әсен карай, орсок менән ун якка кендеген бора. Һуңынан әсен кер һабыны менән һыйпап, ике аяғынан өскә күтәрәп һелкетеп, яулык менән күтәртеп бәйләп куя(9). Ярғанат канатынан өзөп алынған қаурый менән дә имләү осрактары бар. Қаурый менән имләгәндә: и талалай, талалай, талалайзың бер қошо бар, бер бөртөк тә күкәй һалмай, йылына өс балалай, - тип һамаклайзар. Балаға уза алмағандарға бака қабырсағындағы майзы ла кайнатып эсергәндәр.

Экспедицияла арпа имләүзән дә кызыклы варианттары осраны: ете бөртөк арпа алаһың, берзән башлап етегә тиклем һанайһың: “1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 - ай кайт, көн кайт, килгән қунактар за кайта, һин дә кайт! Бер, берзән кайт, ай, айзан кайт, килгән қунактар за кайта, һин дә кайт. Һин кайтмаһаң, миңә оят. Хайран телем хур булды, минен қулым түгел, Ғәйшә-Ғатима қулы, - тип, етегә тиклем әйтәһең. Артабан етенән кирегә төшәһең. Имсе им-том сараһын өс, ете, ун ике тапқыр кабатларға мөмкин.

Төнъяк райондарында кот койоузың матур өлгөләрән язып алырға насип булды: кот койоусы кеше ғөсөл койонған булырға тейеш. Қурғаш киҫәге, һары май, бер бизрә һыу, сүмес кәрәк. “Аллаһы Тәғәләнең ризалығы өсөн (кемгә кот кояһың, шуның исеме әйтелә) кот койорға булдым, рәхмәтендән ташлама”, тип башлайһың. Шунан ун бер тапқыр “Әлхәм”, “Аятел-кәрси”, өс тапқыр “Көлһөүаллаһ”, ете тапқыр “Фәләх”, “Наср” доғалары укыла. Укып бөткәндән һуң, “Хозайым һинең ризалығың менән ошо аяттарзы укыным, ошо әзәм балаһына кот койорға булдым, ярзамыңдан ташлама, уға һаулык, миңә сауабын бир”, - тип, кешене урындыкка ултыртып, башына япма ябаһың. Борсақ зурлығы қурғашты сүмескә һалып, сақ қына һары май өстәп, ут өстөнә қуяһың. Қурғаш ирегәс, ирегән қурғашты кешенең баш осона һыу һалынған һауыт тотоп, шунда койоп: колой котом, кил, котом, ишектән дә кер, котом, тишектән дә кер, котом, кайзан ськһаң, шунан кил, котом! – тип, өс тапқыр кабатлайзар. Қурғаш, кеше нимәнән қурққан, шул форманы ала. Артабан табалағы һыу түгелеп, икенсе һыуға һалына. Был ғәмәл өс тапқыр кабатлана. Иң һуңынан қурғашты қағызға төрөп, еп менән уратып бәйләп, кешенең муйынына тағаһың, қурғаш үзе өзөлөп төшөп қалғансы муйында йөрөй. Таққан вақытта был төргәкте уң якка табан ун тапқыр, һул якка табан ун тапқыр әйләндереп:

Туғыз тинем - сире ауырыузың тупракка төштө,

Ете тинем - ауырыузың қурқызары елгә осто,

Биш тинем - ауырыузың қурқызары бизеп китте,

Өс тинем - ауырыузың қурқызары осоп китте,

Бер тинем, Аллаһы Тәғәләнең рәхмәте менән,

Уның ярзамы менән бер тигәс тә, бөттө-китте, бөттө-китте.

Име-йөмө шул булһын, миңең кулым түгел, Фатима-Ғәйшә кулы, ауырыуға шифа, миңә сауап булһын, - тип әйтелә. Муйындан өзәләп төшкән курғашты кулыңа алырға ярамай, кем булһа ла берәйһе алып, ситкә ырғыта.

Кеше тәнен сөйәлдән котолдору өсөн иһә “Бисмилла”ны укып, кешенең буйына үлсәп(түбәһенән аяқ табанына тиклем) еп алына. “Әлхәм”, “Аятел Кәрси”, “Көлһөүалла”, “Фәләх менән Наср” өс тапкыр укыла, шунан һун “Бер Хозайым һиңә тапшырҙым”, тип, үлсәп алынған епте кырк бер тәйән тәйнәй башлайбыз: Раббым - Аллаһы Тәғәләм, ошо ауырыуың тәненә шифа бир, миңә сауап бир, - тип төкөрөп сылатып, укып-укып, дымлы ергә халаһын, ул шунда сереп бөтөргә тейеш. Ул сереп бөткәнсе, тәндәге сөйәлдәр зә бөтә. Епте дымлы урыңа һалыр алдынан, ауырыуың бил тапкырынан уң яктан ун тапкыр, һул яктан ун тапкыр уратып:

Туғыз тинем, сөйәлдәре тупракка төштә, Аллаһы Тәғәләнең ярзамы менән;

Ете тинем, елгә остолар, Аллаһы Тәғәләнең ярзамы менән;

Биш тинем, сөйәлдәр бизеп киттеләр, Аллаһы Тәғәләнең ярзамы менән;

Өс тинем, ауырыуың сөйәлдәре осоп киттеләр, Аллаһы Тәғәләнең ярзамы менән;

Бер тинем, бер тигәс тә, Аллаһы Тәғәләнең ярзамы менән ауырыуың сөйәлдәре бөтөп киттеләр.

Име-йөмө шул булһын, Ғәйшә-Фатима кулы, - тип, һамаклап әйтелә.

Шулай итеп, материалдан күренеүенсә, им-том хәзерге көндә лә йәшәүен дауам итә. Халык уны ышанып куллана. Тимәк, был үзенсәлекле күренештең киләсәге лә бар.

Әҙәбиәт:

Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир(этнолингвистический анализ) /Автореф. дис. на соис. уч. степ. к.ф.н. – М., 2008.

Башкорт теленең һүзлеге: 2 т. - М., 1993.

Башкорт халык ижады: Йола фольклоры. Төз., баш һүз авт., коммент. Ә.М.Сөләймәнов, Р.Ә.Солтангәрәева. - Өфө, 1995.

Исхакова Г.Г. Языковые и стилистические особенности башкирских заговоров. /Автореф. дис. на соис. уч. степ. к.ф.н. – М., 2009.

Миндәбаева З.И. Дауалау йолалары//Курған башкорттары. - Өфө, 2004. 172-223 бб.

Солтангәрәева Р.Ә. Арбаузар // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. V сығ. - Өфө, 2004. – 199-214-се бб.

Сөләймәнов Ә.М. Башкорт халқының им-том һәм мөзәтти йола фольклоры // Башкорт фольклоры: тикшеренеүҙәр һәм материалдар. II сығ. – Өфө, 1995. – 38-51-се бб.

Хисамитдинова Ф.Ф. Башкорттарҙың им-том китабы: дауалау һәм һахлау магияһы. - Өфө, 2006.

Хөсәйенов Ф.Б. Башкорт карыһүзәрә // Ватандаш. – 1998. – №8. – 106-111-се бб.

Хусаинова Г.Р. Традиционная медицина северных башкир// Городские башкиры: проблемы демографии, языка и культуры. – Уфа, 2006. С.212-216.

Юнысова Ф.Б., Өфө к.

С.БӘЗРЕТДИНОВ ОЧЕРКЫНДА КУРАЙ ОБРАЗЫ

Сәлимйән Бәзретдинов языусы һәм журналист буларак республика-бызза киң билдәле. Ул Башкортостандың атказанған мөзәниәт хөзмәткәрә, Муса Мортазин исемендәге премия лауреаты. “Танды коштар уята” – авторзың беренсе китабы, шулай ук ул “Учалы”

йыйынтыгы авторзарының береһе. 1996 йылда нәшер ителгән очерктар тулланған “Үмәр артында – үмәр” тигән китабында автор фәһемле хәл вакиғаларҙы һәм замандаштарыбыз араһынан арзаҡлы шөхөстәрҙе, Учалы районының мәшһүр йырсыһы Абдулла Солтанов, мәҙәниәт министры урынбаҫары Гөлдәр Моратова, һынлы сәнғәт уҡытыусыһы Марат Сәләхов, рәссам Рим Юнысов һәм башкаларҙы һүрәтләй.

Башкорт яҙыусыларының үз очерктарында халыҡ ижады өлгөләрен кулланыуы – отошло алымдарҙың береһе. Әйтәйек, Сәлимйән Бәзретдиновтың ниндәй генә очеркын алһаҡ та, нәфис әсәр һымаҡ қабул ителә, сөнки унда мәкәл, әйтем һәм легендалар ярылып ята. Мәсәлән, “Башкорт ҡурайы” очеркын ҡурайға бәйле легенданан башлап ебәрә.

“... Бер ваҡыт, ныҡ арығандан һун, ташты ястыҡ, үләнде түшәк итеп, ағас күлөгәһендә хәл йыйып ятҡанда, егеттең қолағына ниндәйҙер монло бер тауыш ишетелгән. Ул урынынан тора һалып, шул тауыш сыккан яҡка табан киткән. Бара торғас, егет һорғолт кая ташта бер тау түбәһенә ҡурайҙы өзөп алып, әсенә өрөп караһа, баяғы монло тауыш тағы ла көслөрәк ишетелгән. Шунда ул такыя башлы бер ҡыу ҡурай ултырғанын күргән... Шул ҡурай ел өрөүҙән монло бер тауыш сығарып, һызғырып ултыра икән. Егет быға бик ҡыуанған. Ҡурайҙы өрә-өрә үҙе белгән көйҙәрҙе лә уйнарға оҫтарып киткән. Егеттең йөрәген өйкөгән сер, ҡайғы-хәсрәте таралып, күңеленә еңел булып киткән” [Бәзретдинов, 22].

Автор легендаға таянып, ҡурайсы яҙмышы һәм сәнғәт коралы булған ҡурайҙың тарихын һөйләй; йәғни кеше яҙмышында уның әһәмиәтен, хәл иткес ролен фольклор мотивтары ярҙамында асып бирә. Легенда был оҫраҡта уҡыусыларҙың игтибарын нығыраҡ йәлеп итеү сараһы. Ысынлап та, нәселдән нәселгә тапшырыла килгән ҡурай, мираҫ буларак, һүз барған әсәрҙә ике быуын вәкиленең үмөрен фажиғәле хәлдән котҡарып кала. Эш былай була: һаҡмар буйының данлыҡлы ҡурайсыһы Ғәзиз Кәҙерғолов өсөнсө мәртәбә Мәккәгә барғанда ҡараптары дингез хайуандарына оҫрай һәм уларға ҡорбан бирелергә тейеш була. Кәҙерғолов ҡорбан булырға тейеш була, әммә Ҡолбақты исеMLE бер юлдашы: “Һин – ҡурайсы, һин йөшөргә тейеш, һин ҡорбан булаһ, һиннең иҫтәлеккә ҡайтҡансы ҡурай тарт”, – тип үҙен ҡорбан итә.

Ҡурайға бәйле был эпизод ниндәйҙер дәрәжәлә халыҡ әкиәтенен сюжетына барып тоташа. Әйтәйек АТ 654В(АА 6541. Купеческий сын. Аминбек. Б.Н.С., стр. 28-34) тибындағы әкиәттәр шуға миҫал була ала.

“Иблиәмин” әкиәтендә герой, тик үҙенең һөнәрҙәре, һәләте ярҙамында ғына бөтә ҡаршылыҡтарҙы еңеп сығып, иҫән-һау кала.

Әлеге очерктағы ҡурайсы һәләк булһа, уның оҫталығы ла һәләк буласаҡ, шуны яҡшы аңлаған юлдашы. Уның был батырлығы мәңгелек, үлмәйәсәк һәм халыҡ хәтерендә һаҡланасаҡ.

Күрәебезсә, “Башкорт ҡурайы” очеркының үҙенсәлегә шунаң ғибәрәт: автор әсәрен фольклор мотивтарына ҡороп, шуның менән уның идея-эстетик йөкмәткәһен художестволы яҡтыртыуға өлгәшә, композицияға төрлөлөк өҫтәй. Ул артабан да был алымдан тайпылмай, фашистик Германия ғәскәрҙәрен убыр образы менән сағыштыра, ә совет армияһы һалдаттарын батыр образына тиндәй. “Ҡурайҙың

осонан берсә кан тама, берсә бал тама”, – тигән әкият формулаһы ошо аяныслы һуғыштың символы рәүешендә күзаллана. Ошо урындан автор оҫта ғына итеп курайсы Ғәзиздең, ейәненең олатаһы юлынан китеүен, йәғни үзен сәңгәткә бағышлауын һәм хәзер инде танылған курайсы, Башкортостандың атказанған мәҙәниәт хәзмәткәре Мөхәммәт Кәзерғоловка әйләнәүен, уның һуғышта булған бер вакиғаға бәйле эпизодты үзенсәлекле алым менән очеркка индереп ебәрә.

Курайға бәйле вакиғаны тасуирлағанда автор диалогтар алымын да унышлы файзалана.

– Һин шулай курай тартаһыңмы ни? – тип өндәшеүенә башын күтәрәп караһа – комбриг Йосопов. Үзе Татарстандан, Бөгөлмәнән. Мөхәммәт һикереп тора.

– Курай түгел, көнбағыш, иптәш подполковник. Көй бик һәйбәт сығмай.

– Ә нимәлә яқшы сыға?

– Һис юғында – торбала. Самолеттарза бар за бит, улар һауала оса.

– Торбаны табырбыз, Кәзерғолов. Тик һин уйна, боецтарзың рухын күтәр [Бәзретдинов, 26].

Комбриг Абдулла Ибраһимович һүзендә тора: разведка алюмин торба табып килтерә һәм шул вақыттан Кәзерғоловтың курайы фронтвиктарзың юлдашына, айырылмаҫ дуҫына әйләнә.

Был әсәрҙә геройзың курайзы бәрәп төшөрөлгән немец самолетынан ез торбаны эшләүе лә зур художествольлыкка әйә. Бындай күренеш халык ижадына ғына бәйле түгел, тигән һығымтаға килергә була. Бында курай етмәһә ез бит әле, тимәк, совет һалдаты рухылай һынмаҫ, нығлы, сынығқан, бирешмәҫ, ә бәрәп төшөрөлгән дошман самолетынан булығы – Совет һалдаты айырыуса, башкорт һалдатының фашистарзан өстөн булығы, физик һәм рухи еңеүенә символы бит ул! Шунда ла инде авторзың художествольлык оҫталығы һәм маһирлығы. Ошо мөһим идеяны үткәрер өсөн бәләкәй генә деталь – ез курай ярзам итә.

С. Бәзретдинов геройының образын тулырак асыр өсөн әсәрәнә халык йырзарын да индереп ебәрә. Геройзың әске-хис тойғоларынын, кисерештәренән тәрәнлеген күрһәтеп, уның һуғыш вақытында тыуған ерен һағынып йырлаған йырын ала. Ул (йыр - Ф.Ю.) түбәндәге йән өзгөс юлдарзан гибәрәт:

Урал ғына таузың, ай башынан

Күренеп кенә тора күп ерзәр.

Тыуған илкәйенән айырылып,

Һәләк кенә була күп ирзәр.

Япрак кына төшә, ай, ерзәргә,

Көзгә генә каты елдәрзә.

Һағынамын, дуҫтар, һарғаямын,

Моңаымын алыҫ илдәрзә [Бәзретдинов, 26].

Ошо рәүешле, авторзың бер очеркы миҫалында ғына ла фольклор мотивтарының оҫта кулланылығы сәбәпле, очерктың йөзә үзгәреүен, йөкмәткәһә тәрәнәйеүен, базыкланыуын, образлығының артыуын күрергә мөмкин. Фольклор мотивтарына әленән-әле мәрәжәт итеү әсәрҙә халықсан итә, юкһа ул укыусылар араһында үтемлә, укымлы, иҫтә калырлык булмаҫ ине.

Әзәбиәт:

Бәзрәтдинов С. Ғүмер артында – ғүмер. – Өфө, 1996.
Башҡорт әзәбиәтендә жанрҙар проблемалы. // Яуаплы мөх. Ғ.Б.Хәсәйенов. – Өфө:
СССР ҒА БҒАН, 1973.

Яданова К.В., г. Горно-Алтайск

ПРЕДАНИЯ О ШАМАНАХ (КАМАХ)

В 2004–2005 гг. нам удалось записать в селах Кош-Агачского района Республики Алтай предания о шаманах – *камах* (более 20 текстов). Предания о шаманах бытуют во всех селах Кош-Агачского района. Раньше почти в каждой деревне имелись свои *камы*. Настоящего имени *кама* люди не называли – боялись, в народе были известны только их прозвища. В селе Ортолык бытует цикл рассказов о шаманах: Курай эје, Алтын тон (Золотая риза / пальто; *алтын* – букв. золото, золотой; *тон* – верхняя одежда, шуба, пальто).

Шаманка Курай эје (букв. сестра Курай) переселилась в село Ортолык из села Курай Кош-Агачского района (примерно в 1960-х гг.), поэтому жители назвали ее *Курай эје*. Настоящего имени шаманки многие даже не знают. Жители рассказывают предания, рассказы-воспоминания об этом человеке: шаманка посредством своих духов-помощников помогает поймать бандитов (текст № 1)*, обладает чудесными способностями оборотничества: превращившись в молодую девушку, устраивает гонки (текст № 2) и т.д.

Предания о шамане Алтын тон объясняют, как *кам* приобрел свое прозвище. По одной версии, силу шамана испытывает священник в «позолоченной ризе»: бросает *кама* в костёр, *кам* вылетает из костра, не сгорев; священник отпускает шамана. Шаману дают прозвище *Алтын тон* – Золотая риза [А.С. Тебеков, с. Ортолык; личный архив автора]. Сюжет «Испытание шамана сжиганием на костре» относится к ряду распространенных сюжетов, в этом предании рассказчик, видимо, привнес его из другого текста. По словам нашего рассказчика – Тебекова Анчы Сергеевича (1948 г.р.), *кам* Алтын тон является дедом (по матери) его отца, т.е. прадед рассказчика.

По другой версии, *кама* Алтын тона заключают в тюрьму, *кам* чудесным образом выходит из заточения, гуляет на улице, сидит на завалинке тюрьмы. Его приводят к священнику, священник просит отпустить шамана домой, дарит ему расшитую золотом ризу. Шамана называют «Золотая риза» – *Алтын тон* (текст № 3).

Сюжет «Освобождение шамана из тюрьмы чудесным образом» – один из известных сюжетов: шамана сажают в тюрьму, через некоторое время обнаруживают, что *кам* ходит на свободе (сидит на крыше тюрьмы / на дереве).

Рассказывая о каком-нибудь шамане, исполнители, видимо, чтобы показать его силу, часто сообщают: когда шаман камлает, на его плечах вырастают два дерева.

«Потом [дед] рассказывал, что был один *кам*. Когда он камлал, то из двух его плеч выходили два дерева и покачивались». (*Анан бир кам деп [тайдам] куучындап туртан, камдаза, эки ийнинен эки агаш чыккелеле, јайкантирар*) [В.Т. Бадилов, с. Ортолык].

«Был человек [по имени] Бурулдай из рода *јабак*, с Улагана, мужчина с седой лошастью... Сам [был] шаманом. Когда камлал, из двух

его плеч выросли зеленые ели, на кончике языка выростала раздвоенная зеленая трава».

(Бурулдай деп киши болгон жабак сөөктү Улаганнын, бурул атту эр киши... Бойы кам киши. Камдаса, эки ийнинен жашыл чибилер чыккелтурар, тилин башында жашыл өлөң чыккелер айры) [В.Г. Яданов, с. Ортолык, запись 2 июля 2005 г.].

Существуют предания о состязании шаманов: шаманы борются между собой, состязаются в силе, уничтожают, «съедают» друг друга – *јишиер* (*ji-* букв. «есть, пожирать»). В тексте № 4 *камы* устраивают состязание: кто сможет поймать пулю, выстрелив в себя из ружья, тот выигрывает – остается в живых (текст № 4).

Шаманы стреляют друг в друга колотушками своего бубна – *орбу*. Рассказчик, у которого отец был шаманом, сообщил нам: «У *кама*, который имеет бубен, есть колотушка – *орбу*, которым бьют в бубен... Заискрив «шалт», [огонь от колотушки] так и вылетает, как пуля. Этой колотушкой вот так... куда направит [кам]..., даже не прицелившись, направляет и всё. Он [огонь], достигнув [цели], истребляет [насмерть]. *(Түнгүрлү камда орбы деп неме болор, байа түнгүр согор... Ол «шалт» эделе, мынча ла оды жаңгыс ок чылап учерер неме. Ол орбула мныйи... «куда направит», ол шыкабас та каныйда, ол ий ле ийер, всё. Ол барала, жаңгыс ырга соккойор)* [А.С. Тебеков, с. Ортолык].

Застреленный таким образом человек, заболев, умирает через несколько дней.

Тематика преданий о шаманах разнообразна. В селах Кош-Агачского района мы столкнулись с обилием материалов, но, несмотря на это, исполнители не всегда охотно выдают текст, т.к. это связано с некоторыми запретами, сакрализацией.

Приложение Тексты и переводы Предания о шаманах

№ 1. Курай эје помогает поймать бандитов.

О-о, [Курай эје] тын киши. Ол кошту тын киши. Теен андый киши жок то болбой. Оны ол түрмеге де апарып, бошоткон тийт, бошоткон. Онон: «Сен андый кошту кам болсон, биске бу бандиттарды туттур» – деген тийт. Бу ла түрменен келген, түрмеледеле, ийеереле, мында арткан неме бе кандый. Анаң эм бу канча бандиттар... бу ла көндөйдиг ичинде ол бир кысыл кыр туру не? Үстү ойдык-ойдык жер тийт. (Je мен онын үстүне койлоп то жүргем, сагышыма кирбейт. Ойдык-ойдык жерлер бар туран). Анда десе аттарын армакчалала, бандиттар жаткан тийт. Учү деди бе кандый? Анаң байа киши десе эм салдаттарла кошо барала жашынкалан. Салдаттар да жашынкалан. Жашынкалала, жаткан.

Байа киши ийербей а чалуларын, неек сагын, «Ол атты барып, бошот сүркел» – деп. Анаң байа киши андый несин ийеереле, бойы ол салдаттарла кошо жаткан, жашынкалан. Аныйтканда ла жаан удабан, ат деп неме жаңгыс: «тидирт-мыдырт, тидирт-мыдырт», жарыш түшкен. Кийинен ары байа бандиттар жарыш түшкен, адын сүрүшүп. Анаң ла «кап-куп» байаларды [бандиттарды] тудалбай а, тудалан тийт. [Камнын чалулары] армакчыны кескелейен тийт. Көрдөр бө, кандый кошту?! Кошту тын киши болгон.

О-о, [Курай эје**] сильный человек. Это очень сильный человек. Такого человека и нет, наверное. Её и в тюрьму заключив, отпустили, говорят, отпустили. Потом, говорят, сказали: «Если ты такой сильный кам, то [помоги] нам поймать этих бандитов». [Она] только что вернулась из тюрьмы, попала в тюрьму, вернувшись, здесь осталась что ли. Теперь эти несколько бандитов... в этой местности Көндөй*** есть же там красная горка? Говорят, на вершине [этой горы] [есть] места с углублениями. (Ну, я [поднималась] на ее вершину, пася овец, не помню. Места с углублениями [там] были). Там, говорят, жили бандиты, держа лошадей на привязи. Рассказывали, трое [бандитов] что ли? Теперь тот человек [кам Курай эје] спрятался вместе с солдатами. И солдаты спрятались. Притаившись, лежат.

Тот человек [кам], конечно же, отправит своих духов-помощников, сказав: «Идите, ту лошадь, освободив, пригони[те] [сюда]». Потом тот человек, отправив своих тех [духов-помощников], сам лежал с теми солдатами, спрятавшись. После этого много времени не прошло, лошади: «тидирт-мыдырт, тидирт-мыдырт» — прискакали наперегонки. Вслед за ними прибежали те бандиты, гонясь за лошадьми. Затем только: «кап-куп», конечно, поймали тех [бандитов], говорят, схватили. [Духи-помощники кама], говорят, срезали веревки коней. Видите, какой сильный [кам]? Был очень сильный человек [Т.А. Турлунова, с. Ортолык].

№ 2. Шаманка устраивает гонки

Улустар ла айдышар оны [Курай эје] ак атту... бир-бир неме «задумать» эдалса, бойы десе ак атка миналар дийт, но только јаш кыс бол кубулала. Байа эткен кишини кел айдар дийт: «Је јарышак» — деп. Анаг ол кишини көкүдүн, јарышар на. Јарышын апарала, кайа таштан ашырыяр дийт. Та чын, та төгүн?

Люди же рассказывали, что у нее [у Курай эје] [была] белая лошадь... Говорят, если задумает что-нибудь сделать, то сама садится на белую лошадь, но только превратившись в молодую девушку. Тому человеку [которому задумала что-то], говорят, придя, скажет: «Ну, устройм гонки». Потом, воодушевляя того человека, устраив гонки. Устроив гонки, уводит [того человека] и, говорят, сталкивает со скалы. Правда или ложь [не знаю]? [Н.Б. Бабинов, с. Ортолык].

№ 3. Кам Алтын тон

Алтын тон деп кишини мынанг түрмеге баса айдаган да. Анаг айдарда, түрмени канча кат сомокол сомокойло, кийдир ле койсо, киши чыгары бас јүрер дийт. Баса айдаган туру кам деп. Анаг ол кишини торт бүтпей салала, абыска апарган. Абыска апарарда, ол абыс десе бу кишини бошотсын, јандырсын деген. «Бу кишини калас туткларбар, бу кишини јандырар».

Сомокойло јүререрде, кийнинен байа киши ојто түрменен чыккалан, түрмениг завалинкасында отуар. Не басјүрсе, тышкартында басјүрер. Барып, көрсө: киши јок, а зшик сомокуту. Анаг ол кишини јандырган. Анаг ол десе абыс байа алтынла чүмдеген тоны бар не, байа кошту јарандыркыйон, «пазалачонный»? Ол киймин кийдиреле, ол кишини «падарак» эдип јандырган. Онынг учун ол кишини ай адаган [Алтын тон деп]. Ол кишинин ады баса башка киши. Оны адам да коркур, адабас, ол кошту јан, страшний тын улустар.

Человека по имени *Алтын тон* отсюда тоже отправили в тюрьму. Потом, когда выслал, как только [его] посадят в тюрьму, закрыв на несколько замков, говорят, [тот] человек ходит на улице. Ведь [его] тоже выслали, что является шаманом. Потом, не поверив тому человеку, повели к священнику. Когда привели к священнику, тот священник сказал, чтобы освободили того человека, отпустили [домой]. «Этого человека зря не держите, этого человека отпустите [домой]».

Когда, закрыв [двери] на замок, [охранники] ушли, тот человек снова вышел из тюрьмы, сидит на завалинке тюрьмы. Когда [охранники тюрьмы] идут, [тот человек] ходит на улице. Когда, придя, посмотрели: человека [в тюрьме] нет, а двери на замке. Потом того человека отправили домой. Потом этот священник... есть же у него [риза], расшитая золотом, сильно разукрашенная, позолоченная? В подарок надел эту свою одежду на того человека [на *кама*] и отправил [домой]. Поэтому назвали того человека так [*Алтын тон* – Золотая риза]. Имя этого человека совсем другое. [Имя того человека] не называют, и мой отец боится [называть], это очень большие, сильные люди [В. Челтуев, с. Ортолык; рассказчиком использованы русизмы: позолоченный, подарок].

№ 4. Раньше *камы* «съедали» же друг друга...»

(«*Лишер не осогы камдар...*»)

Лишер кам осогы камдар. Эки кам жише-жише келеле, учында тушташкан. Анаг куучындашар, анаг айдар: «Je экүстин бирүсти женир керек, бирүс божоор керек». Анайда маргышар. Эм кырлу мылтыкты октогон экүси. Мылтыкты октойло, бирүси мнайта [көргүс жат] мылтыкты [уулан], оосына кел аткан. Адарда, мынайда үсе жалбак ок колкосына киртир, онысы кысарбан да. Көрөрдө, окты тудалан. «Je эмди сен тут» – деерде, экинчиси мылтыкты оосына кел аткан. Оныг колы жангыс кел чачылбарадарда недерде, [бойын] өлтүрө аткан. Ок жогы ла. Анаг айткан дийт: «Je мен сенен осо барядым» – деп, тонкос эткен дийт... А ол бүрсү каныйтпан да. Алдында камдар жишжееер неме дийт не.

Раньше *камы* «съедали» же друг друга. Два *кама* состязались, состязались, в конце встретились. Потом поговорили, потом решили: «Ну, одному из нас надо победить, один из нас должен умереть». Так состязались. Теперь вдвоём зарядили нарезное ружьё. Зарядив ружьё, один вот так [исполнитель показывает, как было вставлено дуло ружья] выстрелил в рот. При выстреле вся широкая пуля прошла в глотку [того человека], тот даже не покраснел. [Другой *кам*] смотрит: пулю поймал. Когда сказал: «Ну, теперь ты держи», второй выстрелил [приставив дуло] ружья в рот. Его руки задёргались..., застрелил [себя] насмерть. Пули не видно. Говорят, потом сказал: «Ну, я раньше тебя ухожу» – сказав так, говорят, упал. А с тем, с другим, ничего не случилось. Раньше *камы*, говорят, «съедали» друг друга [В.Т. Бадилов, с. Ортолык].

Перечень рассказчиков по нашим записям:

Бабинасов Н.Б., 1958 г.р., с. Ортолык, запись 31 августа 2005 г.

Бадилов В.Т., 1947 г.р., с. Ортолык, запись 14 сентября 2005 г.

Тебеков А.С., 1948 г.р., с. Ортолык, запись 23 сентября 2005 г.

Турлунова Т.А., 1942 г.р., с. Ортолык, запись 12 июля 2004 г.

Челтуев В., 1968 г.р., с. Ортолык, запись 20 сентября 2005 г.

Яданов В.Г., 1960 г.р., с. Ортолык, запись 2 июля 2005 г.

* Здесь и далее см. тексты в приложении к статье. Переводы во всех случаях сделаны автором.

**Курай эје – сестра Курай (Курай – село Кош-Агачского р-на, *эје* – старшая сестра) – прозвище шаманки, жительница села Ортолык, уроженка с. Курай.

***Көндөй – алт. букв. «яма, углубление, впадина». Местность вблизи села Ортолык Кош-Агачского района.

****Јишер – зд. букв. «есть друг друга» (от гл. *ју-* – есть, кушать), состязаться, уничтожать друг друга.

Яхин Ф.З. г. Казань

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ Г. ТУКАЯ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В чем же заключается величие поэзии Г. Тукая? Такой вопрос возникает перед исследователями истории татарского литературного процесса в разное время. И всегда находится ответ. Поэзия Г. Тукая по сути своей была и остается основой современной нравственной жизни общества не только татарского, но и всех тюркских народов. Поэт оказался на стыке двух веков. В своей поэзии он переосмыслил историческое прошлое и сформировал соответствующий эпохе взгляд на жизнь.

Это был период, названный в истории татарского народа «джалидизмом», т.е. веком модернизма. Свои взгляды на жизнь Г. Тукай основывал на отрицании суфизма, полностью игнорировал мистицизм, что отличало его от европейских модернистов. Начиная творческий путь в 1905 году, критикуя суфийскую мораль, в последующем он создавал произведения, основанные на новой нравственности. Его идеи повлияли на определение нравственных ценностей всех мусульманских тюркских народов России. Популярность Г. Тукая росла из года в год. Среди башкир, казахов, народов Средней Азии и Кавказа он начал считаться своим поэтом. В 1966 году казахских писатель Сабит Муканов на торжественном собрании в Москве, проведенном в связи 80-летием Г. Тукая (а потом опубликовал в статье «Слово о Тукае») сказал следующее: «В ту пору, когда жил и творил этот великан поэзии Востока, каждый из народов, населявших Российскую империю, имел собственного Тукая. Можно назвать казаха Абая, киргиза Токтогула, узбека Фурката, таджика Айни и других. Однако в силу ряда обстоятельств никто из этих писателей не получил такой широкой межнациональной популярности, как Тукай. Уже при своей короткой жизни он снискал громкую славу среди всех тюркоязычных народов тогдашней России» [Муканов 1968, 8].

Слова благодарности в адрес поэта Г. Тукая часто произносились и произносятся в течение ста лет. Приводятся доводы, анализируются поэтические особенности, идеи, стихотворное мастерство. Огромное влияние Г. Тукая было не только на развитие литературы мусульман России, его идеи и взгляды повлияли на целые поколения. В этом смысле он сравним только с известными всему миру именами Востока и Запада. В нравственных поисках его можно сравнить с Данте, Петрарка, Рабле и Сервантесом. Поэтому часто Г. Тукай называют представителем Восточного Ренессанса.

В конце XIX века устремления татарского народа к прогрессу породили интерес к просвещению. В современном татарском литературоведении часто путаются понятия «просвещение» и «просветительство», поэтому этот этап татарской литературы, характеризующийся модернизмом, в основном ошибочно называется

просветительским. Подкрепленные надуманными теориями, такие мысли не служат выявлению истины.

В поисках и установках основ нового нравственного видения мира Г. Тукай был непоколебим. Он смог достичь своей цели, его поэзия повлияла на души и мышление целого ряда поколений мусульман России. В этом отношении величие Г. Тукая неоспоримо. Можно перечислить сотни татарских и других великих поэтов и писателей, которые были талантливее его, но их звезда не засияла на небосводе духовной жизни народов так, как звезда Г. Тукая. Этого нельзя не понять и не увидеть.

Татары многие годы не считали себя гражданами России, хотя их представители участвовали в государственном правлении и занимали видные политические и военные посты, были воеводами и генералами, получали высшее образование в русских вузах, демонстрировали великие подвиги в боях за родину. Жили обособленно, быт и жизнь строили на основе законов шариата. В русских видели всего лишь торговых партнеров. Их не волновала общественная, тем более, политическая жизнь России. В начале своего творческого пути Г. Тукай начал затрагивать эту тему. Его публицистические статьи и стихотворения о Государственной думе 1906-1907 годов, стихотворение «Не уйдем!» 1907 года, «Надежды народа в связи с великим юбилеем» 1913 года и многие другие являются примерами декларирования им новой передовой нравственности. Поэт в них показывает дух татарского народа как граждан России, единой Отчизны. Он говорит об ответственности всех представителей страны за политическую и общественную жизнь, размышляет о мире и чувствует его глубоко исторически. Гражданская ответственность и порядочность его лирического героя становится единым мерилом для всех и каждого.

На русской земле проложили мы след,

Мы — чистое зеркало прожитых лет.

С народом России мы песни певали...

Есть общее в нашем быту и морали,

Один за другим проходили года, —

Шутили, трудились мы вместе всегда.

Вовеки нельзя нашу дружбу отнять,

Нанизаны мы на единую нить...

(«Надежды народа в связи с великим юбилеем», 1913)

Будущее народа Г. Тукай видел только в движении к прогрессу. Когда он писал о грядущем, утверждал, что только глубокая образованность может дать народу чувство свободы. Социальной справедливости без просвещенности он не представлял. Его произведения для детей создавались с опорой на такие морально-нравственные идеалы. Для доказательства своей правоты Г. Тукай в публикациях вспоминал изречения Пророка, святых. Он писал, что поэты из прошлого, как А.Яссави (1092–1166), всегда ратовали за просвещение.

Таким образом, Г. Тукай, утверждая новые нравственные ценности, основываясь на критике суфийских взглядов, не отвергая их полностью, а включая позитивное в свой поэтический арсенал, выдвигал мораль, основанную на гражданственности и

просвещенности. Именно эти передовые идеи поэта стали особенно характерными в жизни и в духовных поисках татарского народа в последующем столетии. Г. Тукай был глубоко верующим человеком, писал, что Кораном и любовью ко Всевышнему наполнено его сердце. Без веры он не представлял счастливой жизни вообще.

Идеи и идеалы Г. Тукая глубоко проникли не только в душу татарского народа, они стали путеводной звездой для всех мусульманских народов России. Многие поэты разных народов посвятили оды Г. Тукаю, взяли на вооружение декларируемую им новую прогрессивную нравственность. Можно привести ряд фактов, подтверждающих данное умозаключение. Вспомним слова всемирно известного киргизского писателя Чингиза Айтматова, который написал: «Все тюркоязычные народы испытали поистине неизгладимое, по сей день свято хранимое воздействие и впечатление от творчества Габдуллы Тукая» [Айтматов 1986, 32]. Дагестанский поэт Расул Гамзатов, говоря о Г. Тукае, утверждал: «Он оставил нам большое наследство. Оно принадлежит не только татарскому народу, но и всем народам» [Гамзатов 1986,33].

Литература:

Айтматов Ч. Удивительная зрелость таланта... // Слово о Тукае: Писатели и ученые о татарском народном поэте / Составление и комментарии Зулькарнаева Ф.М. – Казань: Татакнигоиздат, 1986. – С.32-33.

Гамзатов Р. Поэт-огонь... // Там же. – С.33.

Муканов С. Слово о Тукае // Габдулла Тукай. – Казань, 1968. – С.8-12.

Информация об участниках

- Абдыраманова А.Ш., г. Бишкек, Киргизия, к.ф.н., зав. кафедрой регионоведения и мировой литературы Бишкекского гуманитарного университета
- Абидова Э.Х., г. Уфа, аспирант кафедры башкирской литературы до 1917 года БашГУ
- Абуталипова Р.А., г. Стерлитамак, к.пед.н., доцент Стерлитамакской гос. пед. академии имени З. Биишевой
- Аккубеков Р.Ю., г. Уфа, к.ф.н., н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Алеева Г.У., г. Казань, к.ф.н., преподаватель Казанского гос. тех. университета
- Алексеев М.Е., г. Москва, д.ф.н., профессор, зам. директора Института языкознания РАН по научной работе
- Алламоратова Р. М., соискатель отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Альчикова О.М., г. Горно-Алтайск, к.ф.н., н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Аманбаева З.С., г. Уфа, аспирант БГПУ им. М. Акмуллы
- Аминев З.Г., г. Уфа, м.н.с. Института гуманитарных исследований АН РБ.
- Амирлан С.Е., г. Нукус, Узбекистан, ученый секретарь Института языка и литературы им. Н. Давкараева
- Афанасьева Е.Р., г. Чебоксары, к.ф.н., доцент, Чувашского гос. университета им. И.Н.Ульянова
- Багаутдинова М.И. г. Уфа, к.ф.н., доцент Института развития и образования Республики Башкортостан
- Байбулатова Г.И. г. Сибай, аспирант БГУ, корректор РИЦ Сибайского института БашГУ
- Байшукурова Г.Ж. г. Актобе, к.ф.н., доцент. АГУ им.К.Жубанова зав.кафедрой русской филологии
- Балтаева Л.Х., г. Уфа, аспирант БГПУ им. М.Акмуллы
- Батыршина Г.Р., г. Уфа, к.ф.н., м.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Биканачева Р.И., г.Уфа, н.с. Института гуманитарных исследований АН Республики Башкортостан
- Булгаков Р.М., г.Уфа, к.ф.н., с.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Бускунбаева Л. А., г. Уфа, к.ф.н., м.н.с. ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ваһапова Р.Р., Өфө к. аспирант отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Вахитова А.Г., г. Бирск, к.ф.н., старший преподаватель Бирского социально-педагогической академии
- Файсина Ф.Ф., Өфө к., м.н.с. отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Галяутдинов И.Г, г. Уфа, д.ф.н, профессор, ректор УГАИ
- Гарипов А.С., г. Учалы, ассистент Учалинского факультета БашГУ

- Гарипов Т.М., г. Уфа, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой общего языкознания Баш.гос.пед. ун-та им. М. Акмуллы
- Ғәбизуллина В.Й. г. Уфа, м.н.с отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Гәрәева Г.Н., г. Уфа, к.ф.н., доцент Башкирского государственного университета
- Гусейнов Г.-Р.А.-К., г. Махачкала, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Дагестанский гос. университет
- Дыбо А. В., г. Москва, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, член-корр. РАН
- Еримбетова А.Х., г Алматы, к.ф.н., доцент, Казахский экономический университет имени Т.Рыскулова
- Ермакова Г.А., г. Чебоксары, д.ф.н., доцент, зав. кафедрой методики преподавания чувашского яз. и лит., профессор
- Жамсаранова Р.Г., г. Чита к.ф.н., доцент Читинского государственного университета
- Зайнуллин М.В., г.Уфа, академик АН РБ, д.ф.н., профессор Башкирского государственного университет.
- Закиев М.З., г. Казань, академик АН РТ, д.ф.н., профессор, зав. отделом лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства АН РТ
- Зәйнуллина З.Т., Стәрлетамак к., учитель башкирского языка и литературы гимназии №3 им. Джалиля Киекбаева
- Зинурова Р.Р., г. Уфа, аспирант отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ибрагимов Г.Д., г. Уфа, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой восточных языков БашГУ
- Игнатъева Е.А., г. Чебоксары, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Чувашского гос. университета им. И.Н. Ульянова
- Илишева Р.Х., Стәрлетамак к., к.ф.н., доцент, зав. кафедры башкирской литературы СГПА им. Зайнаб Бишиевой
- Исабекова У. К., г. Алматы, к.ф.н., доцент Казахского национального педагогического университета имени Абая
- Исәнғолова Ә.Ф., Өфө к., соискатель отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Исәнғолова С.С., Өфө к., м.н.с отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Искакова Л.Н., г. Уфа, к.ф.н., редактор 2 категории изд. «Башкирская энциклопедия»
- Искандарова С. А., г. Уфа, м.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Истякова Р.А., г. Сибай, к.ф.н., старший преподаватель Сибайского института (филиал) БашГУ

- Исхакова Г.Г., г. Уфа, к.ф.н., м.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ишегулова А.М. г. Уфа, м.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ишкильдина Л.К., г. Уфа, аспирант отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Ишмөхәмәтова А. Ш., г. Уфа, соискатель ИИЯЛ УНЦ РАН
- Кагарманов Г.Г., г. Стерлитамак, к.ф.н, доцент кафедры башкирского языка факультета башкирской филологии СГПА им. Зайнаб Бишевой
- Кагарманова М.Ш., г. Стерлитамак, к.ф.н, доцент кафедры русской литературы СГПА им. Зайнаб Бишевой
- Казагачева З.С., г. Горно-Алтайск, д.ф.н, гл.н.с. НИИ алтаистики им. С.С.Суразакова
- Қалыбаева Қ.С., г. Алматы, к.ф.н, доцент Казахского национального педагогического университета имени Абая
- Капишева Т.Ю., г. Уфа, ассистент кафедры общего языкознания
- Каримова Р.Н., г. Уфа, н.с. отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Киньягулова З.И., г. Сибай, соискатель кафедры этномузыковедения УГАИ им. З. Исмагилова
- Кириллова И.Ю., г. Чебоксары.
- Коканова Ж.А. г. Алматы, старший препод. Казахского национального педагогического университета имени Абая
- Конунув А.А., г. Горно-Алтайск, к.ф.н., с.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Котов В.Г., г. Уфа, к.и.н., ст.н.с. отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Кудабаева А.Х., г. Уфа, аспирант БашГУ
- Кульсарина Г.Г., г. Уфа, к.ф.н., доцент, главный консультант отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества Администрации Президента Республики Башкортостан
- Кунафин Г.С. г. Уфа, д.ф.н, профессор Башкирского государственного университета
- Кыржинаков Е.А., г. Абакан, н.с. Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
- Латыпова Р.М., г. Сибай, к.ф.н., доцент Сибайского института (филиал) БашГУ
- Латыпова Ф.Ш, г. Уфа, член общества башкирских женщин
- Майзина А. Н., г. Горно-Алтайск, к.ф.н., с.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Минибаева З.И., г. Уфа, н.с. отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН
- Михуткина М.Г., г. Чебоксары, ст. делопроизводитель деканата факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова
- Мудрак О.А., г. Москва, ведущий научный сотрудник Центра

- компаративистики Института восточных культур
РГГУ
- Муратова Р.Т., г. Уфа, к.ф.н., м.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Мухтаруллина А.Р., г. Уфа, д. ф. н., доцент, зав. кафедрой рус. и
иностр. языков Уфимской гос. академии
искусств
- Надергулов М.Х., г. Уфа, д.ф.н., зав. отдела литературоведения
ИИЯЛ УНЦ РАН
- Надршина Ф.А., г. Уфа, д.ф.н., гл.н.с. отдела фольклористики
ИИЯЛ УНЦ РАН
- Нафиков Ш.В. г. Уфа, к.ф.н., ст.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Нәбиуллина Г.М., г. Уфа, к.ф.н., доцент кафедры литературы и
истории Башкортостана БГПУ им. М. Акмуллы
- Ниязова Г.Н., г. Тюмень, к.ф.н., ст. препод. Тюменского
государственного университета
- Нургалина Х.Б., г. Сибай, к.ф.н., Сибайский институт (филиал)
БашГУ
- Омакаева Э.У., г. Элиста, к.и.н., доцент, Калмыцкий институт
гуманитарных исследований РАН,
- Орус-оол С.М., г. Кызыл, д.ф.н., зав. сектором фольклора
Тувинский институт гум. исследований при
Правительстве Республики Тыва
- Останина М. А., г. Горно-Алтайск, аспирант Горно-Алтайского
государственного университета
- Пермякова Т.Н., г. Якутск, аспирант факультета якутской
филологии и культуры Якутского гос.
университета им. М.К. Аммосова
- Псянчин Ю. В., г. Уфа. д.ф.н., проф. Уфимского филиала МГГУ
им. М.А.Шолохова
- Раемгужина З.М., г. Уфа, к.ф.н., доцент Башкирского
государственного аграрного университета
- Рахматуллина З.Я. г. Уфа, д.филол. наук, проф., зав. кафедрой
этики, эстетики и культурологии БашГУ
- Родионов В.Г., г. Чебоксары, д.ф.н., профессор Чувашского
государ-ственного университетат И.Н. Ульянова
- Рысаева А.Н., г. Уфа, аспирант Стерлитамакской
Государственной педагогической академии им. З.
Биишевой
- Салкынбай А.Б., Казахстан, Алматы, д.ф.н., профессор,
заф.кафедрой казахского языка КазНУ им. Аль-
Фараби
- Саналова Б.Б. , г. Горно-Алтайск, к.ф.н., н.с.
- Сивцева Н.А., г. Якутск, к.ф.н., н.с. Института гум.
исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
- Сиражитдинов Р.А., г. Учалы, к.ф.н., старший преподаватель
Учалинский факультет Башгосуниверситета

- Сиражитдинова Н.М., г. Учалы, к.ф.н., старший преподаватель
Учалинский факультет Башгосуниверситета
- Сиразитдинов З.А., г. Уфа, к.ф.н., вед.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Соегов М., г. Ашхабад, д.ф.н., профессор, академик АН
Туркменистана.
- Созинова Э. М. г. Уфа, к.ф.н., доцент кафедры иностранных
языков БГМУ
- Сөләймәнова Л.Р., Сибай к., к.ф.н., ст.пр. кафедры башкирской
филологии Сибайского института (филиал)
БашГУ
- Сулейманов А.М., г. Уфа, д.ф.н., профессор Баш.гос. пед.
университета им. М. Акмуллы
- Сулейманов Р.С. , г.Уфа, д.ф.н., ст.н.с. отдела фольклористики
ИИЯЛ УНЦ РАН
- Сулейманова Р. А., г. Уфа, к.ф.н., ст.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Султангареева Р.А., г. Уфа,, д.ф.н., гл.н.с. отдела фольклористики
ИИЯЛ УНЦ РАН
- Суфьянова Н.Ф., г. Уфа, к.ф.н., ст.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Тазранова А. Р. , г. Новосибирск, к.ф.н., с.н.с. Института филологии
СО РАН
- Терехова О.П., г. Чебоксары, к.пед.н., доцент кафедры
материаловедения и экологии Чувашского
государственного университета им.
И.Н.Ульянова
- Трегубов А.Н., г. Уфа, к.ф.н., доцент кафедры филологии Вос-
точной экономико-юридической гуманитарной
академии
- Тыдыкова Н.Н., г. Горно-Алтайск, с.н.с. НИИ алтаистики им.
С.С. Суразакова
- Узянбаева А.Г., г. Сибай, соискатель отдела языкознания ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Уртегешев Н.С., г. Новосибирск к.ф.н., с.н.с. Института филологии
СО РАН
- Усманова М.Ф., г. Уфа, д.ф.н., профессор Башкирского государ-
ственного педагогического университета им. М.
Акмуллы
- Фазылова Ф. С., г. Уфа, н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ
УНЦ РАН
- Фаттахова Р.Ф., г. Казань, к.ф.н., доцент кафедры татарского
языкознания Татарского гос. гуман.-педагог.
университета
- Фәткуллина Р.Х., Стәрлетамак к., ст. препод. кафедры башкирской
литературы СГПА им. Зайнаб Биишевой
- Хабибов Л.Г., г. Уфа, к.ф.н., доцент Башкирского государствен-
ного педагогического университета им. М. Ак-
муллы

- Хадыева Р.Н., г. Уфа, к.ф.н., ст.н.с. отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хакимьянова А.М., г. Уфа, м.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хасанова Г.М., г. Уфа, ст. препод. кафедры рус. и иностр. языков Уфимской гос. академии искусств
- Хәбибуллина З.Ә., г. Уфа, к.ф.н., доцент Баш. гос. пед. университета им. М.Акмоллы
- Хәйруллина А.Й., г. Учалы, ст. преподаватель Учалинского факультет Башгосуниверситета
- Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа, директор ИИЯЛ УНЦ РАН, д.ф.н., профессор.
- Хуббитдинова Н.А., г. Уфа, к.ф.н., ст.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хужәхмәтов А., г. Уфа, аспирант отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хөсәйенова Г.Р., г. Уфа, к.ф.н., зав.кафедры фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Хөсәйенова Л.М., Стәрлетамак к., к.ф.н, доцент кафедры башкирского языка факультета башкирской филологии СГПА им. Зайнаб Бишовой
- Чайчина Е. В., г. Горно-Алтайск, м.н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова
- Чумарина Г.Р., г. Казань, ст. препод. Института экономики, управления и права
- Шагеев Р.Ш., г. Альметьевск, к.ф.н., проректор по учебной работе Альметьевского гос. института муниципальной службы
- Шамина Л. А., г. Новосибирск, д.ф.н., главный научный сотрудник Института филологии СО РАН
- Шоканова Г., г. Актобе, студентка 4-го курса АГУ им.К.Жубанова
- Шулунова Л.В., г. Улан-Удэ, д.ф.н, проф., директор Центра стратегических востоковедных исследований БурГУ
- Экба З.Н., г. Москва, к.ф.н., м.н.с. Института языкознания РАН
- Юлдыбаева Г.В., г.Уфа, к.ф.н., н.с. отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН
- Юнысова Ф.Б., г.Уфа, к.ф.н., м.н.с. отдела литературоведения ИИЯЛ УНЦ РАН
- Яданова К.В., г. Горно-Алтайск, н.с. НИИ алтаистики им. С.С. Сура-закова
- Яхин Ф.З. г. Казань, д.ф.н., профессор Татарского государственного гуманитарно-педагогического института

Для записей

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Республики Башкортостан М. Рахимова ..... <i>Хисамитдинова Ф.Г.</i>	3
Старейший гуманитарный институт Российской академии наук в Урало-Алтайском регионе..... <i>Закирова Р.Г.</i>	4
Ученый, педагог, общественный деятель..... <i>Латыпова Ф.Ш.</i>	9
Йәшәү өлгәһе..... <i>Суфьянова Н.Ф.</i>	13
Ф.Ф. Хисамитдинованың лексикографик хезмәттәре..... <i>Абидова Э.Х.</i>	15
Тема общности судеб башкир и русских в пьесе Ф.Туйкина «Герои отчизны»..... <i>Абдыраманова А.Ш.</i>	18
Средневековые произведения Ж. Баласагына «Куттубилим» («Благодачное знание») и М. Кашгари «Дивану лугат ит-турк» как общее культурное наследие тюркоязычных народов..... <i>Абуталипова Р.А.</i>	19
Функционально-семантическое поле длительности в башкирском языке..... <i>Аксубеков Р.Ю.</i>	22
О сюжете одной башкирской сказки..... <i>Алеева Г.У.</i>	25
Сравнительно—историческая и этимологическая характеристика слова <i>шл</i> ..... <i>Алексеев М.Е.</i> Общее в сравнительно-исторической грамматике тюркских и нахско-дагестанских языков: именительный падеж личных местоимений	27
<i>Алламоратова Р. М.</i> А.Таһировтың “Янгура” тарихи драмаһы һәм “Сура батыр” фольклор әсәре араһында әзәби параллелдәр..... <i>Алсынбаева Р.Г.</i>	30
Модальное значение субъективной возможности в современном башкирском языке..... <i>Альчикова О.М.</i>	32
Семантическая структура прилагательного <i>терен</i> ‘глубокий’ в алтайском языке..... <i>Аманбаева З.С.</i>	34
Тема жизни, смерти и бессмертия в эпосе «Урал батыр»..... <i>Аминев З.Г.</i>	36
Образ хумай в эпосе «Урал батыр».....	39
	40
	43

<i>Амирлан С.Е.</i>	
К вопросу связи фольклора народов средней Азии и Урало-алтайского региона.....	
<i>Афанасьева Е.Р.</i>	
Ценностные аспекты в современной литературе урало-поволжья.....	46
<i>Багаутдинова М.И.</i>	
Историко-генетические пласты этнографической лексики башкирского языка.....	48
<i>Байбулатова Г.И.</i>	
Мөхәмәт Әмин Ғүмәр улы сәйәхәтнамәһенен Һужуһәтүрә.....	41
<i>Байшужурова Г.Ж., Шоканова Г.</i>	
Проблема инвективной лексики в прессе.....	53
<i>Балтаева Л.Х.</i>	
Язык латышей деревни Максим Горький Архангельского района Республики Башкортостан.....	55
<i>Батыршина Г.Р.</i>	
О слове “тыуы” рождение в башкирском языке.....	57
<i>Бикәнәсева Р.И.</i>	
Жәлил Ғиниәт улы Кейекбаев – урал-алтай телдәренен кәрзәшлеген исбатлаган ғалим.....	60
<i>Булгаков Р.М.</i>	
О тюркской генеалогической лексике.....	62
<i>Бускунбаева Л. А.</i>	
Явление субституции в башкирском языке.....	65
<i>Вахитова А.Г.</i>	
Башкирско-монгольские языковые связи.....	66
<i>Ваһанова Р.Р.</i>	
Башкорт йола фольклорында түнәрәк символы.....	70
<i>Галяутдинов И.Г.</i>	
Источники и методы исследования исторической грамматики башкирского языка.....	73
<i>Ғарипов А.С.</i>	
Диалектные данные и их роль в сравнительно-исторических исследованиях.....	74
<i>Ғарипов Т.М.</i>	
Арабские элементы в башкирском языке – 80 лет спустя.....	77
<i>Ғарипов Т.М., Кашишева Т.Ю.</i>	
Региолект бакалинских крышенов Республики Башкортостан.....	79
<i>Ғусейнов Г.-Р.А.-К.</i>	
К этимологии этнонима <i>башкир/башкорт</i> в историческом и ареальном контексте его взаимоотношений с древними тюркскими языками Северного Кавказа и Дагестана.....	82

<i>Гәрәева Г.Н.</i>	
Хәзерге башкорт прозаһында заман геройы концепцияһы.....	87
<i>Ғайсина Ф.Ф.</i>	
Башкорттарҙың юлға бәйлә ырым-ышаныуҙары, тыйыуҙары.....	89
<i>Ғилманов И.И.</i>	
Йола фольклорында тәбиғәт һәм кеше бәйләнеше.....	92
<i>Ғәбизуллина-Батырханова В.Й.</i>	
Йәш сатирик ижадына бер караш.....	95
<i>Дыбо А. В.</i>	
Некоторые проблемы сравнительно-исторической фонетики башкирского языка.....	96
<i>Еримбетова А.Х.</i>	
Түркі тилдеріндегі дауыссыз дыбыс сәйкестіктері.....	100
<i>Ермакова Г.А.</i>	
Г.Н. Айги как выразитель духовных ценностей чувашского этноса.....	102
<i>Жамсаранова Р.Г.</i>	
Диахронный аспект этнонимии Даурии.....	106
<i>Закиев М.З.</i>	
Причины запрета популяризации эпоса об Идеее	109
<i>Зайнуллин М.В.</i>	
О некоторых теоретических проблемах тюркского языкознания.....	111
<i>Зайнуллина З.Т.</i>	
Башкорт вокализмын өйрөнөү тарихына карата.....	115
<i>Зинурова Р.Р.</i>	
Сюжеты в башкирских богатырских сказках о вымоленных детях.....	116
<i>Ибрагимов Г.Д.</i>	
Функционирование числительных и категории числа в современных тюркских языках (на материале башкирского языка)	118
<i>Иенатьева Е.А.</i>	
Категории фольклорного жанра	121
<i>Илишева Р.Х.</i>	
Башкорт эҙебиәтендә героик-эпик традициялар	123
<i>Исабекова У. К.</i>	
Орта ғасыр жазба ескерткіштерін кешенді зерттеудің ғылыми- теориялық негізі	125
<i>Исхакова Л.Н.</i>	
Коркөт исеменің этимологияһы	128
<i>Искандарова С. А.</i>	
Строфические формы аруза в тюркско-башкирской поэзии начала XX века	130
<i>Истякова Р.А.</i>	
Идейно-тематические особенности современной башкирской драмы	132
<i>Исхакова Г.Г.</i>	
Термины, обозначающие заговор в башкирском языке	134

<i>Исәнғолова С.С.</i>	
Башкорт әзәби тәнкитендә ижади портрет	136
<i>Исәнғолова Ә.Ф.</i>	
Йомак лексикаһының тематик төркөмдәре.....	138
<i>Ишегулова А.М.</i>	
Словари как основа формирования языковой личности.....	140
<i>Ишкильдина Л.К.</i>	
Функционирование фонемы [w] в башкирском языке и история ее развития.....	141
<i>Ишмөхәмәтова А. Ш.</i>	
Эпостарзы квантитатив-статистик ысул менән өйрәнеүгә карата.....	144
<i>Кагарманова М.Ш.</i>	
Мотив похищения девушки в композиции трилогии З. Бишевой «К свету!»	145
<i>Кагарманов Г.Г.</i>	
Вопросы функционального анализа современного башкирского историко-этнографического текста.....	148
<i>Казагачева З.С.</i>	
О текстологии эпического наследия алтайцев.....	151
<i>Каксин А.Д., Чертыкова М.Д.</i>	
Об устойчивых сочетаниях на базе соматической лексики в хантыйском языке.....	158
<i>Каримова Р.Н.</i>	
Электронный фонд экспедиционных аудиозаписей.....	162
<i>Киньягулова З.И.</i>	
Музыкальный фольклор как средство развития творческих способностей музыкантов на разных этапах профессионального становления.....	163
<i>Кальбаева Қ.С.</i>	
Қыпшак ноғай тилдері фразеологизмдерінің этногенезистік аспектілері.....	164
<i>Кириллова И.Ю.</i>	
Проблемы историзма в чувашской драматургии.....	169
<i>Коканова Ж.А.</i>	
Төрт түліктің жүніне қатысты тілдік бірліктер.....	171
<i>Конунов А.А.</i>	
Современное состояние сказительского искусства алтайцев.....	174
<i>Котов В.Г.</i>	
Божество Хумай в башкирской мифологии.....	177
<i>Кудабаева А.Х.</i>	
Правописание гласных в башкирском литературном языке в латинице (1927-1940 гг.).....	180
<i>Кульсарина Г.Г.</i>	
Отражение этического концепта “добро” в башкирском фольклоре...	182

<i>Кунафин Г.С.</i> Общественно-культурная жизнь башкир во второй половине XIX века.....	184
<i>Кыржиников Е.А.</i> Названия хвойных деревьев в хакасском языке и их параллели в других языках.....	188
<i>Каримова Р.Н.</i> Башкорт һөйләштәренәң текстологик электрон корпусы.....	189
<i>Латыпова Р.М.</i> В.В. Катаринскийҙың башкортса-урыҫса һүзлегенәң тел үзенсәлектәре.....	191
<i>Майзина А.Н.</i> Метрологические термины в алтайском языке.....	194
<i>Минибаева З.И.</i> Народная медицинская терминология у башкир Курганской области.....	197
<i>Михуткина М.Г.</i> Взаимосвязи литературы и фольклора в жанрах нетрадиционной метро-ритмики.....	200
<i>Мөхәмәтйәнова Ф.Р.</i> Хәҙерге прозала катын-кыз һәм замана.....	203
<i>Мудрак О.А.</i> Отражение тюркских шипящих в сарыг-югурском языке.....	205
<i>Муратова Р.Т.</i> Этнокультурные значения чисел башкирского языка в источниках.....	210
<i>Муфазалова З.Н.</i> Современное состояние традиционного башкирского фольклора Мечетлинского района Башкортостана.....	214
<i>Мухтаруллина А.Р., Ахметова А.М.</i> Прагмалингвистическая направленность современного эзотерического дискурса (на примере башкирских и английских гороскопов).....	216
<i>Надришина Ф.А.</i> Башкирские предания о восстаниях (XVIII в.).....	218
<i>Нафиков Ш.В.</i> Урало-алтайские параллели некоторых лексем из 100 словного списка М. Сводеша.....	223
<i>Ниязова Г.Н.</i> Общая лексика диалектов сибирских татар с другими языками тюркских народов урало-алтайского региона.....	225
<i>Нугаманова Г. И.</i> Из истории изучения башкирских кубаиров в дореволюционный период.....	228
<i>Надергулов М.Х.</i> История в стихах.....	230
<i>Нургалина Х.Б.</i> Индивидуально-авторские преобразования.....	234

<i>Набиуллина Г.М.</i>	
XXI быуат һәм әзәбиәт язмышы.....	236
<i>Омакаева Э.У.</i>	
Проблемы создания академической грамматики калмыцкого языка.....	239
<i>Орус-оол С.М.</i>	
Эпический репертуар Баазаная.....	242
<i>Останина М. А.</i>	
К вопросу о выражении значения ‘часть’ в алтайском языке.....	248
<i>Пермякова Т.Н.</i>	
Национальное мировосприятие героев социально-психологической повести н. Лугинова «роща нуоралджыма».....	251
<i>Псянчин Ю. В.</i>	
К вопросу об изучении исторического синтаксиса башкирского языка.....	254
<i>Раемгужина З.М.</i>	
Отражение системы мировидения в башкирских антропонимах в прошлом и настоящем.....	256
<i>Рахматуллина З.Я.</i>	
Башкирский экологизм и его отражение в фольклоре.....	259
<i>Родионов В.Г.</i>	
К истории изучения чувашского литературного процесса.....	261
<i>Рысаева А.Н.</i>	
Парцелляция как структурно-семантический и коммуникативно-синтаксический феномен в современном башкирском литературном языке.....	265
<i>Салкынбай А.Б.</i>	
Туһнды сөздң сөзжасамдык мағынасы.....	267
<i>Саналова Б.Б.</i>	
Семантическая структура алтайского многозначного глагола <i>тоқпокто</i> ‘колотить’.....	270
<i>Сибгатов Ф.Ш.</i>	
Жанры религиозного характера в урало-поволжье (на примере башкирской литературы).....	273
<i>Сивцева Н.А.</i>	
Категория определенности-неопределенности в якутском языке (на примере частного падежа).....	276
<i>Сиражитдинов Р.А.</i>	
Отражение модели мира в башкирской этнонимии.....	278
<i>Сиражитдинова Н.М.</i>	
Специфика жизненной системы координат в башкирских народных песнях.....	279
<i>Сиражитдинов З.А.</i>	
К вопросу об автоматическом порождении словоизменительных форм глаголов башкирского языка.....	281
<i>Сиражитдинов З.А., Максүтов А.Д., Полянин А.И., Бускунбаева Л.А.</i>	
Информационная лингвистическая система “машинный фонд башкирского языка”.....	286

<i>Сиразитдинов З.А., Полянин А.И., Ибрагимова А.Д.</i>	
О статистике посещения машинного фонда башкирского языка.....	290
<i>Соегов М.</i>	
Связь древних цивилизаций туркменистана с историей структурных изменений древнего туркменского языка.....	293
<i>Созинова Э. М.</i>	
Деонтические нормы в паремиях башкирского, русского и английского языков.....	294
<i>Сулейманов А.М.</i>	
Некоторые сходные и отличительные особенности башкирских и алтайских эпосов.....	297
<i>Сулейманов Р.С.</i>	
О музыкально-фольклорных взаимосвязях народов урало-алтайского региона (башкир, алтайцев и хакасов).....	301
<i>Сөләймәнова Л.Р.</i>	
Башкорт телендәге һүз магияһы менән бәйлә лексик берәмектәргә этнолингвистик анализ.....	303
<i>Сулейманова Р. А.</i>	
Общеалтайский пласт личных имен.....	305
<i>Султангареева Р.А.</i>	
Башкирский хореографический фольклор: новые методы изучения и сохранения.....	308
<i>Тазранова А. Р.</i>	
Многокомпонентная аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом <i>бер</i> = ‘давать, дать’ (на материале алтайского языка)	311
<i>Терехова О.П.</i>	
Фольклор в контексте национальных традиций.....	314
<i>Трегубов А.Н.</i>	
Звукосимволизм и алтайские языки.....	316
<i>Тыдыкова Н.Н.</i>	
О субстантивно-адъективной форме – <i>ар</i> в алтайском языке.....	320
<i>Узянбаева а.г.</i>	
Лексика ювелирного дела в башкирских народных сказках.....	323
<i>Уртегешев Н.С., ишкильдина Л.К.</i>	
Артикуляторные характеристики губных согласных звуков башкирского языка, обозначаемых графемами <i>в, у, ф</i>	326
<i>Усманова М.Г.</i>	
Функционально-семантический потенциал глагола һөйләү “говорить, рассказывать”	330
<i>Фазылова Ф. С.</i>	
Рәмзилә Хисаметдинова лирикаһында һүрәтләү сараһы: сағыштырыузар.....	333

<i>Фаттахова Р.Ф.</i>	
Семантика и функции числительных в составе фразеологических единиц татарского языка.....	335
<i>Фәткуллина Р.Х.</i>	
Боронго төрки (башкорт) шиғырының төзөлөш үзгәрткәре.....	338
<i>Хабиров Л.Г.</i>	
К вопросу происхождения аффикса собирательной множественности -к в татарском языке.....	341
<i>Хадыева Р.Н.</i>	
лингвистический атлас и проблема этнолингвогеографического изучения башкирского языка.....	343
<i>Хакимьянова А.М.</i>	
Концепты “судьба” и “бог” в башкирских народных лирических песнях.....	344
<i>Хасанова Г.М.</i>	
Алломорфизм в текстах башкирских анекдотов.....	347
<i>Хубитдинова Н.А.</i>	
Башкирская печать в годы великой отечественной войны.....	349
<i>Хөсәйенова Г.Р.</i>	
Башкорт хальк поэзияһында бөйөк ватан һуғышы темаһының сағылышы.....	353
<i>Хөсәйенова Л.М.</i>	
Башкорт телендә дифтонгылар мәсьәләһе	355
<i>Хужахматов А.</i> Әсәр сюжетын короуза монтажлау алымының әһәмиәте.....	358
<i>Хәбибуллина З.Ә.</i>	
Башкорт диалогик текстарында формаль булмаған бәйләнештәр.....	362
<i>Хәйруллина А.Й.</i>	
XX быуат башы башкорт хикәйәләре (Ф. Вәлиевтың “Кәмәлә” хикәйәһе миҫалында).....	365
<i>Шамина Л. А.</i>	
Типологические особенности тувинского синтаксиса на сибирском тюркологическом фоне.....	367
<i>Шулунова Л.В.</i>	
Современные этноязыковые процессы в Бурятии: истоки и состояние.....	370
<i>Чайчина Е. В.</i>	
Образование сложных существительных названий растений с атрибутивным отношением компонентов в алтайском языке.....	373
<i>Чумарина Г.Р.</i>	
Актуальные тенденции татарской лексикографии и электронной лексикологии.....	376
<i>Шагеев Р.Ш.</i>	
Отражение урало-алтайских языковых связей в татарской микропонимической картине мира (на материале Закамья Татарстана)	378

<i>Экба З.Н.</i>	
Персидское چان [žan] в лексической системе тюркских языков.....	381
<i>Юлдыбаева Г.В.</i>	
Хәзәрге башкорт халык ижадында им-том.....	384
<i>Юнысова Ф.Б.</i>	
С. Бәзрәтдинов очеркында курай образы.....	388
<i>Яданова К.В.</i>	
Предания о шаманах (<i>камах</i>).....	391
<i>Яхин Ф.З.</i>	
Литературно-историческая роль Г. Тукая и значение его творчества для тюркских народов.....	397

Научное издание

УРАЛ—АЛТАЙ: ЧЕРЕЗ ВЕКА В БУДУЩЕЕ

Материалы IV Всероссийской научной конференции,
посвященной III Всемирному курултайю башкир
(25-27 марта 2010 г.)

I ТОМ

Публикуется в авторской редакции

Корректор: Ф. А. Каримова
Компьютерная обработка: Р.Н. Каримова

Подписано в печать 19.03.10.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 29,32. Усл.печ. л. 25,87
Тираж 250 экз.
Отпечатано на ризографе с готового оригинал макета.